

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ В ИЗГНАНИИ

*Творчество
русской военной
эмиграции*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Российский военный сборник
Выпуск 16

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ В ИЗГНАНИИ

*Творчество русской военной
эмиграции*

МОСКВА
ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКИЙ ПУТЬ
1999

Выпуск подготовлен в Военном университете
При поддержке и участии
Членов Общества Ревнителеев Русской истории (Париж):
Н.Н. Комарова, К.В. Махрова, М.Н. Рутченко,
Н.Н. Рутыча-Рутченко (гл. редактора),
А.Л. Сметанкина, Б.В. Спасского,
Д.А. Столыпина (председателя), Н.М. Янова

Составитель И.В. Домнин

Редактор шестнадцатого выпуска
«Российского военного сборника» полковник А.Е. Савинкин
Ответственный за выпуск полковник И.В. Домнин

© Российский военный сборник, 1999
© Русский путь, 1999
© Домнин И.В. Составление, введение,
«Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья», 1999

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. А. КВАШНИН	11
ВВЕДЕНИЕ. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ	13
ПОМНИ ВОЙНУ!	16
А. КЕРСНОВСКИЙ. О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ	16
Война и христианская мораль. – Учение «непротивленчества» — бесчеловечно. – Понятие «справедливости» и цели войны. – Мир — нормальное состояние человечества, война — явление патологическое. – Идея разоружения и убогость пацифистского мышления.	
А. МАРИЮШКИН. ПОМНИ ВОЙНУ!	30
Версальский договор как исходный рубеж Второй мировой войны. – Разлагающий пацифизм и благоразумный реализм. – Вооруженная сила — показатель уровня духа и культуры народа. – Народ, не желающий вырождаться, должен начертать в своих сердцах бессмертный девиз: «Помни войну!».	
В. ЗАБОЛОТНЫЙ. ЗАКОН БОРЬБЫ	39
Не в мире, а на войне проявляются и формируются нравственные ценности. – Не война вносит раздор среди народов, она — лишь экзамен психофизическому их содержанию.	
А. БАИОВ. ВРЕДНЫЙ ДОГОВОР	43
Воинствующий пацифизм рубежа XIX–XX веков и его разлагающее воздействие на армию. – Версальский мир не закончил войну, а создал условия ее непрерывности. – Абсурдность пакта Келлога.	
П. СИМАНСКИЙ. ФРОНТОМ К ПРОШЛОМУ	49
Войны не устранимы, ибо они — вне воли человека. – XX век: нелогичность войны сильнее логики международной интеграции. – Разоружение силой оружия	
Н. ГОЛОВИН. АМЕРИКАНСКИЙ ПАЦИФИЗМ	55
Благополучие Америки — следствие военных несчастий Европы. – Экономический шовинизм США. – Абстрактный пацифизм и конкретная готовность воевать.	
А. ДЕНИКИН. ЭТИКА ВОЙНЫ	57
Извечное стремление мировой совести к смягчению жестокости войн. – Игнорирование последних этических рамок в войнах XX века — прямая угроза цивилизации.	
НА ЗАКАТЕ ИМПЕРИИ	59
Б. ШТЕЙФОН. РУССКО–ЯПОНСКАЯ ВОЙНА	59
Насущность имперских интересов России в начале XX века. – Война была несвоевременна, ибо к ней не были готовы. Разрыв между политикой и стратегией. – Старший командный состав: отсталость боевого мировоззрения. – Рационализм в военном	

искусстве. – Импульсы творчества в Российской армии накануне Великой мировой войны.

Н. ГОЛОВИН. ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ..... 71

Мобилизационные ресурсы России накануне войны. – Качество войск и вооружения. – «Настоящего понимания современной войны у нас не было». – Вред, принесенный военным министром Сухомлиновым. – Трудности подготовки к войне. – Мираж необоримой военной мощи России. – Мобилизация: достоинства и недостатки. – Характеристика русского патриотизма. – Начальные операции. Осень 1914 года. «Русское командование руководствовало союзническими интересами». – Кампания 1915 года. – Великое отступление, его моральное воздействие на армию и тыл. – Смена Верховного Главнокомандующего. – Настроения солдатских масс. – Брусиловское наступление: выгоды союзников. – Надлом духа в стране.

Е. МАСЛОВСКИЙ. НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ..... 114

Особенности воспитания Кавказской армии. – Следование принципам военного искусства — это залог побед: Евфратская операция, штурм Эрзерума и др. – Значение личности военного вождя. Юденич. – Итоги борьбы Кавказской армии: блестящие победы, их значение и гибель всего достигнутого.

Б. ШТЕЙФОН. ЮДЕНИЧ. К 25-ЛЕТИЮ ШТУРМА ЭРЗЕРУМА..... 127

Словесный портрет генерала Н.Н. Юденича. – Черты характера. Скромность и воздержанность как особенности природы. – Стиль руководства войсками. – Организация работы штаба. – Обстоятельства принятия Юденичем Кавказской армии. – Победа под Сарыкамышем. – Действия Юденича в 1915 — начале 1916 года. Смысл принимавшихся им решений. – Эрзерумская операция как образец решительности и полководческого искусства командующего. – «Юденич велик не только своими победами. Он дорог как отражение русского духа».

П. КРАСНОВ. ВОЕННАЯ СЛУЖБА В МИРНОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ..... 146

Организация не терпит импровизации. Штатные и нештатные элементы роты. – Без переключки нет и порядка. – Приказ по полку, как полковая газета. – Знамя: смелее люди, дерзновеннее дух. – Святость мундира. – Микроб гниения вошел в армию. – Огневая выучка. – Пагубность лени. – Начальство и смотры. – «Наш» командир и «отец» командир. – «Нарушили принципы, распустились... и — погибли».

ВТОРАЯ РУССКАЯ СМУТА..... 167

А. ГЕРУА. СТИХИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ..... 167

Актуальность научной обработки материалов гражданской войны. – Исследования, ведущиеся в СССР. – Условие начала гражданской войны — разложение регулярной армии. – Смута:

«идеализм самой высокой марки и грабеж самого низкого разбора». – Партикулярные командиры. «Гуттаперчевая эластичность совести» ген. Брусилова, Сытина, Голубова и вождей им подобных. – Типы патриотизма и народной войны. – Организация и тактика гражданской войны.

А. ЗАЙЦОВ. ХАРАКТЕР НАШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ..... 192

Природа гражданской войны в русских условиях. – Связь гражданской войны с первой мировой войной. – Удар революции по государственным скрепам. Дробление империи. – Основные социально-политические группировки противоборства. Вопрос о крестьянстве. – Особенности характера и способов ведения гражданской войны в России. – Причина и природа иностранной интервенции. – Периодизация гражданской войны.

Н. ГОЛОВИН. ЗАРОЖДЕНИЕ «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ» 204

Закономерность контрреволюции. – «Военный патриотизм» белого движения. – Корниловцы. – Социально-психологическое обособление офицерства. – Предпосылки разобщенности контрреволюции. – Непредрешенство программы быховских узников.

Н. ПЯТНИЦКИЙ. КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ПОЛК..... 210

Развал старой армии после февраля 1917 года. – Поиск путей создания армии на новых началах. Идея добровольчества. Почин капитана Неженцева. – Рождение корниловцев, их боевое крещение и путь в гражданскую войну.

А. БАИОВ. ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО И РЕГУЛЯРСТВО..... 214

Слишком широкое восприятие идеи добровольчества. – Пренебрежение принципами военного искусства. – Необходимо расстаться с «партизанщиной».

АРМИЯ РЕВОЛЮЦИИ..... 217

А. ЗАЙЦОВ. ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ «РККА» 217

Из истории создания. – Красная армия в 1918–1920 гг. – Фрунзе как выдающийся руководитель. Реформа 1924–1927 гг. – Организация и техническое оборудование армии в начале 30-х годов. – Управление и дислокация. – Классовый и партийный принципы в кадровой политике. – Интернационализация армии. – Командиры и единоначалие. Постепенное вытеснение комиссаров. – Политический аппарат — «паутина, опутавшая армию». – Образовательный и военный уровень командного состава. – Руководящие верхи. Характеристика Ворошилова, Тухачевского, Егорова, Уборевича, Якира, Блюхера и др. – Заключение.

Н. ПЯТНИЦКИЙ. ЭВОЛЮЦИЯ КРАСНОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ 255

Революционная «переоценка ценностей». – Энтузиазм и «революция извне». – «Теория измора». – Разгром военной академии. – «Стратегия сокрушения» и быстротечность войны. – Расчеты Триандафиллова. Возврат к нормальным идеям. – Эпоха колебаний.

Е. МЕССНЕР. ДУШИ В КАНДАЛАХ..... 261

Сталин — властитель, разгромивший собственную армию. – Карьеры делаются на доносах. – «Офицеры, как колодники, волокут духовные цепи, и эти цепи делают их неофицерами».

А. ГРЕКОВ. НАБЛЮДЕНИЯ УЗНИКА ГУЛАГА 264

В какой мере Красная армия родственна своей предшественнице. – «Элемент человека». – Качества русского крестьянина-солдата: царское и советское время. – Офицеры и высшие начальники при старом и новом режимах. – Мнимое и настоящее возвращение к традициям. Психология на службе у Сталина. – Уход от диктатуры и догматического коммунизма. – Российский империализм.

ГРАНИ ВОЕННОГО ДЕЛА..... 277

Ю. ДАНИЛОВ. О ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВА К СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ 277

Думая о мире, готовься к войне. – Что значит для государства «готовиться к войне». Неизбежность изъевов. – Значение опыта минувшего. – Компромиссный характер отношений экономики и военного дела в мирное время. – Превентивная война.

В. ФЛУГ. ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ..... 283

Причины, мешавшие улучшению русского высшего командного состава. Военная энергия. – Негативные черты многих крупных военачальников: пассивность и умственная апатия, беспечность и небрежность, отсутствие солидарности, нервность, боязнь риска и ответственности. Их проявления на войне. – Меры для исправления характера русского народа. – Воспитание высшего командного состава: воспитание офицеров, старших начальников. – Подбор командного состава: офицерство и генералитет.

В. БОРИСОВ. СТРАТЕГИ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ 320

Стратегия есть искусство, в ее действии проявляются свойства художника. – Краткая характеристика стратегии Жоффра, Конрада, Путьника, Людendorфа, Фоша в период 1914–1918 гг.

В. БОРИСОВ. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СУВОРОВА..... 324

Завещание автора для офицеров генштаба будущей России. – Опираясь на «рецепты» Жомини можно «ворох изречений» Суворова преобразовать в теорию великого русского полководца. Неизученность боевых документов Суворова.

А. БАИОВ. О РУССКОЙ ВОЕННОЙ НАУКЕ	328
Трудности становления военной науки в дореволюционной России. – Предмет военной науки. Чистый и прикладной отделы. – Опасность упрощенного взгляда на военную науку. Смещение ее с военной журналистикой. – Проблема военных учебных. Положение с этим вопросом в эмиграции.	
Н. ГОЛОВИН. ЗНАНИЕ И ОПЫТ	334
Новейший военный опыт человечества. «Ошибки теории и исправление их путем опыта — явление нормальное». – Военная наука гораздо прочнее, чем кажется на первый взгляд.	
Е. МЕССНЕР. СОВЕТСКАЯ И ЭМИГРАНТСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ.....	337
Творцы советской военной мысли: штатские теоретики, революционные боевые практики, старорежимные генштабисты, германские советодатели. – Способности «красной военной мысли». – Военная мысль эмиграции: особенности существования, плюсы и минусы. – Труды эмигрантов и советских авторов станут основой творческой мощи будущей русской армии.	
ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ	343
А. ЗАЙЦОВ. НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ	343
Войны неистребимы. – Правители не думают о последствиях войн. – Техника стала ведущей осью в военном деле. – Век решающего значения авиации (50-е годы). – Военно-философский парадокс: всеускоряющееся развитие техники и всевозрастающая роль партизанской (примитивной) формы ведения войны. – Революция в военном деле и мышлении. – Воевать пехотой во второй половине XX века — посылать людей не в бой, а на убой. – Эра технократии.	
Б.ХОЛЬМСТОН-СМЫСЛОВСКИЙ. СУЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ МАЛОЙ ВОЙНЫ.....	355
Предел стратегического наступления. – Фактор партизанского движения. – Сочетание классической стратегии и стратегии малой войны. – Дух армии и нации как решающее условие победы.	
Е. МЕССНЕР. ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ	363
Каждой фазе развития человеческой морали соответствует особый стиль войны. Стиль современной войны — истребление. – Измерения войны. «Расщепление духа». – Хаос мира и войны. – Война, «полувойна», «агрессодипломатия», дипломатия. – Дипломатия и стратегия. – Тотально вооруженный народ. – Оружие боя и убоя. – Слово и психология как военные средства. – Иррегулярство и его формы. «Иррегулярство» побеждается не карательными экспедициями, но овладением душой. – На пепелище права. Две нравственные силы: страх божий и воинская честь.	

РАБОТА НА РОССИИЮ..... 404

КУЛЬТ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ 404

Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы ген. Н.Н. Головина. – Зарубежные Военно-Научные Заочные Курсы ген. Н.Н. Головина. – А. Керсновский. Открытие Русских Военно-Учебных Курсов в Ницце. – Краткий обзор возникновения и деятельности Общества Ревнителеев Военных Знаний в королевстве С.Х.С. – Из жизни Общества Русских Офицеров Генерального Штаба. – Из хроники военно-научной жизни русской эмиграции. – Торжественное празднование в Париже 100-летия Императорской Николаевской Военной Академии. – П. Краснов. Привет Российской Военной Академии. – Деятельность военной секции Русского Научного Института в Белграде. – Работа на Россию. – Е. Новицкий. По поводу нового труда Н.Н. Головина. – Н. Головин. Большевистская военная мысль. – Новый советский военный писатель Семен Буденный. – Л. Бучинская. «Мы не умели ценить своей армии».

ПОЧИН ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ..... 439

От редакции Военного Сборника Общества Ревнителеев Военных Знаний. – Н. Баратов. К читателям «Русского Инвалида». – Н. Колесников. Журнал здоровой военной мысли.

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ..... 448

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВОЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ. *И.ДОМНИН*..... 448

I. Изучение наследия военной эмиграции. – «Неразрезанные страницы». – **Военные умы эмиграции.** – **Чем были движимы?** Преданность военному делу. – Стремление к сохранению преемственности и выработка «учения об организации и применении русской армии будущего». – **Пройденный путь.** Истоки военной мысли эмиграции — в военной культуре старой России. – Становление, расцвет и завершение военной мысли Зарубежья. – **«Посты и гарнизоны».** Военные союзы и общества. – Военно-учебные курсы и научные группы. – Военно-периодические издания.

II. **Белая Идея.** Отсутствие единой формулировки. – «Белая Идея есть самое дело, сама борьба». – **Власть войны.** «Никакие Лиги Мира не заставят народы отказаться от права на войну». – Характер войны. «Безумный масштаб будущих войн». – Война «ужасающих разрушений издадалека». – «Мятеж — имя третьей всемирной». – Социология войны. – Проблема Первой мировой войны. – Жертвенная роль России. – Слабость русской стратегии, «избалованной доблестью войск». – Гражданская война. Богатство мемуаров. Научные работы. – Теория гражданской войны. – Причины поражения Белого Движения. – Вторая мировая война. – **Вооруженная сила.** «Армия — часовой, стоящий на стра-

же своей исторической государственности». – Российская Императорская Армия. – Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. «Наша будущая малая армия». – Красная Армия. – **«Дух преобладает над материей»**. Морально-психологические основы русского воинства. – **Другие темы**. «Военная доктрина», «военное искусство», «офицерский вопрос», «военно-морская проблема», «казачество». – **Творческий дух военной мысли Русского Зарубежья**.

Приложение

Перечень военно-периодических изданий	527
Список печатных источников	532

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ БУДУЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ (По опыту и взглядам русской эмиграции)	
А. Савинкин	557

Россия и впредь будет держаться своей армией. – Необходимость самостоятельной теоретической работы. – **Стремление к совершенному качеству**. – «Первая в мире». – Особое внимание воспитанию. – Духовность. – Учиться на поражениях. – **Консерватизм, творчество, самопознание**. – «Русскость». – Исторические и демократические начала. – «Мы должны вернуть России Императорскую армию». – **Самопочинное деловое служение**. – Старорусская традиция. – «Самоспасение». – Белые армии гражданской войны. – Вожди. – «Героическая борьба и доблестное служение». – **Готовиться к войне, а не к параду**. – Проблема войны и мира в российских условиях. – Тяжесть побед. – Необходимость «творческой войны» и победоносной армии. – **Следование принципам военного искусства**. Суворовское «знать вести войну». – Преобладание духа над материей. – Не забывать про большую войну. – Регулярство и добровольчество. – «Армия вне политики». – **Возвращение к исторической доминанте**. – Народное войско и малая профессиональная армия. – Естественно-историческая система обороны. – Без настоящей армии, как и 300 лет назад, России не выжить, не спастись.

* * *

На лицевой стороне обложки — знак об окончании Высших Военно-Научных Курсов генерала Н.Н. Головина, на форзаце — эмблема Курсов. В оформлении выпуска использованы иллюстрации (заставки) из книг и журналов военной эмиграции.

Большая часть текстов печатается с сокращениями. Стилистика, пунктуация и курсив авторов, как правило, сохраняются.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская вооруженная сила имеет богатое и великое прошлое — блестящие победы, славные подвиги, немеркнущие традиции. Ее ратными трудами держались и ширились Киевская Русь, Московское государство, Российская империя, Советский Союз. И на пороге третьего тысячелетия она по-прежнему стоит на страже России.

Сегодня, на очередном изломе нашей истории, армия, как и вся страна, находится в трудной ситуации. Опираясь на запас прочности, созданный прошлыми поколениями, мы идем по пути военной реформы. Для ее успешного осуществления нужны не просто высокообразованные, но государственно думающие, исторически воспитанные офицеры. Необходима преемственность, позволяющая продолжить лучшие традиции предшественников, использовать в решении современных проблем их богатейший опыт военного строительства, неисчерпаемые духовные ценности и, прежде всего, — русскую военную мысль. Последняя, к сожалению, часто оставалась невостребованной, ее носители порой подвергались гонениям. Такое более недопустимо.

Классические труды мысли русских военных писателей самопочинно из года в год публикует «Российский военный сборник». Очередной его выпуск — особый. Он знакомит нас с творчеством тех, кто вынужденно покинул Родину в ходе и после Гражданской войны, худшего из социальных бедствий. Издателям, и в первую очередь полковнику И.В.Домнину, удалось собрать и показать работы ярких специалистов, в большинстве своем боевых, авторитетных офицеров русского Генерального штаба, разбросанных судьбой от Парижа до Шанхая и Буэнос-Айреса, но душой не покидавших России, рядов ее воинства.

А.Баиов, В.Борисов, А.Геруа, Н.Головин, Ю.Данилов, А.Деникин, В.Доманевский, А.Зайцов, П.Краснов, А.Керсновский, Е.Масловский, Е.Месснер, Б.Штейфон и многие другие, находясь на чужбине, в бедственном, порой и бесправном положении, сохранили преданность военному делу.

Они совершили поистине подвиг, создав уникальный пласт отечественной военной культуры, о котором мы до сих пор почти ничего не знали. Теперь же, благодаря приводимым в книге первоисточникам и «Краткому очерку военной мысли Русского Зарубежья», можно составить об этом довольно ясное представление. Читатель оценит, сколь интересны, глубоки и актуальны размышления авторов о войнах начала и середины XX века, о сущности вооруженной борьбы, об основах армии и принципах ее возрождения, о военном искусстве и науке. Для современного офицера материал чрезвычайно полезен и поучителен.

Издание знаменует идейно-нравственную реабилитацию русских военных изгнанников, способствует усвоению важнейшего урока: недопустимо ввергать Отечество в хаос и братоубийство, когда цвет страны — офицерство или гибнет, или покидает ее пределы. залогом усвоения этой истины будет скорейшее воссоздание духовно единой и крепкой, качественной Российской армии.

*Начальник Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации
генерал армии*

АНАТОЛИЙ КВАШНИН

Введение

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Триста лет назад Петр Великий создал регулярную российскую армию — главную национально-государственную силу, которая более двух веков ревностно выполняла долг перед Родиной, «широким шагом» вела ее к высокому имперскому рангу. Когда же Россия, не выдержав «военного напряжения», вызванного Великой войной, оказалась в омуте февральско-октябрьской революции, Армия погибла на боевом посту, сраженная ударами не с фронта, а с тыла.

Однако душа петровского детища не исчезла. Она продолжала жить в Белом Движении, а после его поражения — на чужбине, в сотнях полковых объединений, в офицерских собраниях, различных корпоративных обществах, этих «гарнизонах» русской военной культуры, основанных изгнанниками по всему свету. Главным итогом их беспримерной духовной работы является колоссальное по объему и уникальное по содержанию военномыслительное наследие, изучение которого позволяет усмотреть три чрезвычайно важных урока.

Первый из них — урок Слова. Вне Родины, в «крестных скитаниях» офицеры осознали необходимость осмысления всего происшедшего с Россией и Армией, своим долгом и святой задачей сочли идейную подготовку будущей российской вооруженной силы. Их оружием, их миссией стало Слово. Памятуя древнюю мудрость: «Scripta manent — написанное остается, они составляли послание для «новой армии старых заветов». Свыше тысячи книг и брошюр, полторы сотни периодических изданий, тысячи неизданных рукописей — таков арсенал военной мысли эмиграции. В нем запечатлены традиции русской военной школы, «суровые суждения» о прежней военной системе, характеристика своей эпохи и взгляд в предстоящую. Подчеркивая первостепенное значение работы ума для искусства военного дела, генерал Александр Геруа говорил: «Сила точных обобщений для эволюции и реформ несомненна. Иначе — анархия, революция, бунт, чего мы и стали свидетелями». Он риторически вопрошал: «В чем суть военной победы, как не в превосходстве мысли вождя над идеями противника?». Армия не сможет прогрессировать, если в ней дремлют разум и жажда познания.

Условием жизнестойкости и полезности слова является его правдивость. Честность в творчестве — изначальная и принципиальная позиция изгнанников. Отсюда — урок Правды. Они знали, что

русская катастрофа была платой за лакировку и ложь. «Если мы хотим в будущем исправить недочеты, которые привели нашу армию к крушению, то мы должны иметь мужество... в них откровенно признаться», — призывал генерал Василий Флуг. Ему вторил полковник Николай Колесников: «Мы хотим знать правду... Это наше право, и мы его не уступим...». Этим правом эмигранты воспользовались сполна. Их труды — самая откровенная часть русской военной мысли. Лишь на чужбине Армия обрела подлинное свободомыслие. В «особых условиях» стало возможным то, что должно быть повседневной нормой.

Еще один урок военных мыслителей Зарубежья — урок Веры, неиссякаемой веры в «будущую национальную Россию», а также верности военному делу. Откровения и признания грехов, непрерывный и напряженный творческий процесс свидетельствовали о неколебимой уверенности изгнанников в том, что накопленный ими духовный капитал пригодится и будет востребован. Поразительно, но на чужбине, где добывание хлеба насущного отнимало казалось бы все силы, определялись «задачи эмиграции в военном строительстве России» (В.Доманевский), выходили работы с характерными названиями «Начальные основы строительства будущей Русской Армии» (А.Баиов), «Наш будущий офицерский корпус» (А.Керсновский), «Идея служения в будущей Русской Армии» (А.Арсеньев), подготавливались военные кадры для грядущей России. Без веры в победу нельзя победить, без преданности офицеров военному делу воинство вырождается.

Именно сегодня, в период реформирования Вооруженных Сил, усвоение этих уроков крайне необходимо.

Обращение к творчеству военной эмиграции — не конъюнктура, не апологетика Белого Движения. Это восполнение пробела в отечественном военном знании, в истории русской военной мысли. Наш долг — услышать голос последнего поколения Российской Императорской Армии, «крик ее болезненно пережитого опыта».

Оригинальные труды военных писателей эмиграции следует прочесть воочию, не уповая на интерпретацию исследователей. Лишь первоисточник без искажения доносит идеи, демонстрирует силу и эстетику мысли, лексики, передает энергетику авторов.

Для публикации в основном отобраны яркие работы (фрагменты) 20–50-х годов группы ведущих военных «перьев» Зарубежья, таких как А.Баиов, А.Геруа, Н.Головин, А.Зайцов, А.Керемовский,

П.Краснов, Е.Месснер, Б.Штейфон и др. и представлены по тематическим разделам, отражающим приоритетные направления военной мысли изгнанников. При этом следует отметить, что сочинения эмигрантов по проблемам истории Русской Армии, военной доктрины, «малой армии», «военно-морской идеи», «ду-

ши армии» печатались в предыдущих выпусках нашего Сборника (3,5,6,9,11,13) и здесь почти не показаны.

В целях более широкого, детального представления о деятельности эмиграции по поддержанию и развитию военного знания имеются два раздела: «Работа на Россию» и «Военная мысль Русского Зарубежья». В первом собраны информационно насыщенные материалы самих изгнанников. Основу второго составляет «Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья», в котором ее феномен предстает целостно, системно; отражаются обстоятельства и центры развития, основное содержание и характер. Приложением к очерку служат сведения о военных писателях, «Перечень военных периодических изданий» (более 120 наименований), «Список печатных источников» (выходные данные свыше 650 книг и статей). Заключает раздел статья «Общие основания будущей Российской вооруженной силы. По опыту и взглядам русской эмиграции», где приводятся размышления не только военных, но и невоенных мыслителей, таких как И.Ильин, С.Франк, И.Солоневич и др., ибо военная мысль не есть удел исключительно людей в погонах.

При работе над книгой использовались фонды отделов литературы Русского Зарубежья Института научной информации по общественным наукам, Российской государственной библиотеки, Научной библиотеки Федеральных архивов, Государственной публичной исторической библиотеки, Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», а также «Пражская коллекция» Государственного архива Российской Федерации.

Неоценимая, квалифицированная помощь оказана составителю Н.Н.Рутычем-Рутченко и Б.В.Спасским.

Проект «Военная мысль Русского Зарубежья», как и ряд других, осуществляется «Российским военным сборником» в плодотворном сотрудничестве с издательством «Русский путь» (директор В.А.Москвин).

Выход в свет данной книги подводит лишь промежуточный итог сознания творческого наследия военной эмиграции. Впереди — огромный фронт дальнейшего предметного изучения этого уникального, ценнейшего пласта военной культуры России.

Игорь Домнин

ПОМНИ ВОЙНУ!

А. Керсновский

О ПРИРОДЕ ВОЙНЫ

Война и христианская мораль

Шестая заповедь гласит: «Не убий». На этой заповеди и на превратном толковании Евангелия основывают свое учение «непротивления злу» толстовцы, пацифисты «во что бы то ни стало» и некоторые секты, например, духоборы, менониты, молокане. Последователи всех этих учений своей разлагающей пропагандой причиняют огромный вред государству, а своим отказом отбывать воинскую повинность создают большой соблазн.

Официальные представители нашей богословской науки сознали всю опасность подобного рода учений, частью являющихся софизмами, частью не заслуживающих даже названия софизмов, но, несмотря на свою духовную малоценность, сильно действующих. В катехизисах, сокращенных и более пространных, в частности, сокращенном «по митрополиту Филарету», на котором воспитывались целые поколения, было поэтому сделано две оговорки при истолковании Шестой заповеди, а именно: «Дозволяется казнить преступника и убивать неприятеля на войне».

Оговорки эти даются, однако, в виде аксиом, без доказательств из Священного Писания, в частности, в катехизисе «по Филарету», наиболее как раз распространенном. А это дает повод «непротивленцам» утверждать, что вставлены они лишь из угождения к «властям предержащим». Сказано: «Не убий» — значит не убивать. Всякого рода «казенные» оговорки бессильны смягчить категоричность этого отрицания.

В подобной официальной трактовке, слишком руководящейся «мирскими» соображениями (безопасность общества, государственная необходимость и тому подобное) и заключается уязвимое место. А между тем, все эти сектантские и иные кривотолки сами собою отпадут, если в борьбе с ними наши богословские авторитеты останутся на чисто духовной почве. Для этого стоит лишь предложить толкователям Шестой заповеди «вне времени и пространства» рассмотреть акт Синайского Законодательства в свете исторических событий Ветхого Завета.

Законодательство это преподано было Иеговою Своему избранному народу, народу еврейскому, отнюдь не всему человечеству. Первые четыре заповеди определяют отношения еврея к Богу своих отцов, последние шесть определяют отношение еврея к еврею. Шестая заповедь запрещает еврею убивать еврея, как Восьмая запрещает еврею красть у еврея, а Девятая запрещает еврею лжесвидетельствовать на еврея. Шестая заповедь и приобретает в этих условиях свой подлинный смысл.

В то время избранный народ шел походом на землю Ханаанскую. Весь он являл собою как бы армию, и Десять Заповедей явились первым в истории дисциплинарным уставом. Сильные этими заповедями, сыны Израиля завоевали Обетованную Землю и утвердились в ней, беспощадно истребив иноплеменников, на которых действие шестой заповеди не распространялось.

Судия Гедеон поразил мадианитян. Самсон вразумлял Филистимлян не словами, а совершенно другим аргументом. Псалмопевец поразил Голиафа, братья Маккавеи восстали на сирийских угнетателей... Если Шестая заповедь распространялась и на иноплеменников, то все эти праведники, преступив ее, тем самым, очевидно, сделались бы грешниками. Но они остались праведниками, и Божья благодать почилла на всех них.

* * *

Христос, уча о любви к ближнему и всепрощении, дал понять Своим ученикам, что много крови будет еще пролито до осуществления Царства Божия.

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч...». (Матф. X, 34). «Когда же услышите

о войнах и смятениях, не ужасайтесь: ибо всему надлежит быть прежде» (Матф. XXIV, 6; Марк XIII, 7; Лука XXI, 9).

В Евангелии мы находим два примера, относящихся к проблеме военной службы. Когда к Иоанну Крестителю пришли воины и спросили, что им надлежит делать, он заповедовал им «никого не обижать, не клеветать и довольствоваться своим жалованьем» (Лука III, 14). Христос отнюдь не призывал воинов «перековывать мечи в орала» и бросить военную службу, как занятие Богу неугодное. А на вопрос фарисеев, следует ли платить подати, ответил: «Кесарево Кесарю» (Матф. XXII, 21; Лука XX, 25). И разве отбытие воинской повинности, самого тяжелого из всех налогов, не является воздаянием Кесарева Кесарю, царского Царю?

Ошибка «непротивленцев злу» состоит в том, что личным поучениям Христа они стремятся придать характер общественный. Христос учил: «Ударившему тебя по щеке подставь другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку» (Матф. V, 39-40; Лука VI, 29). Этим Он определил отношение человека к человеку. Сын Человеческий снес издевательства книжников и озверелой толпы. Ему стоило лишь захотеть, лишь подумать, огонь небесный испепелил бы судий и палачей. Он этого не сделал, явив миру неизреченный подвиг кротости и милосердия.

Но Христос снес багряницу и терновый венец, как относившиеся к Нему лично. Мы же знаем, что узрев торгашей, оскверняющих святыню, Дом Отца Его, Он свил бич из веревок и выгнал их вон.

Изгнание торгующих из храма достаточно ясно указывает всю ересь ссылки «толстовцев» и иных на Христа, якобы проповедующего непротивление злу насилием. Мы не должны противиться злобствованиям ближнего, если эти злобствования относятся лично к нам. Но, если этот ближний посягает на высшие ценности, наш долг воспротивиться ему.

В конце Тайной Вечери Христос дает предупреждение Своим ученикам: «И сказал им: когда Я посылал вас без мешка, и без сумы, и без обуви, имели ли вы в сем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, а также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! Вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно» (Лука XXII, 35-36, 38).

Один из этих двух мечей был уже обнажен Петром. Христос велел ему вложить этот меч в ножны: «все взявшие меч мечом и погибнут» (Матф. XXVI, 52).

«Противоречие», усматриваемое некоторыми софистами из сопоставления этих двух текстов, исчезнет, если мы будем иметь

в виду, что Петр ведь обнажил тогда меч не в защиту Учения, а в защиту Учителя. Христос не пожелал принять этой жертвы. Не Малх напал на Петра, а Петр первый мечом ударил Малха.

Христос отнюдь не сказал, что взявшие меч погибнут от проказы, или от землетрясения, или от огня небесного. *Нет, взявшие меч погибнут именно от меча. Но для того, чтобы они погибли от меча, надо сразить мечом, прибегнуть к справедливой войне.* Текст этот, который «непротивленцы» стремятся использовать в качестве одного из главных аргументов своей теории, при внимательном его рассмотрении обращается, таким образом, против ереси.

Св. Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского на брань с Мамаем. И два с половиной столетия спустя сергиевские иноки по примеру Осляби и Пересвета опоясали рясы мечами, а патриарх Гермоген призвал всю Русскую Землю восстать на угнетателей. Руководясь примером Христа и деяниями Отцов Церкви, мы должны отвергнуть лжеучение «непротивления злу насилием» как богопротивное, антицерковное и, в конечном итоге, бесчеловечное.

Понятие «справедливости» и цели войны

При обожествлении Государства и Нации единственным критерием суждения о степени справедливости данной войны есть степень выгоды ее для Государства и Нации. Если обнаживший меч считает войну единственным способом признания его законных прав, то ничем нельзя заставить его усомниться в справедливости его претензий. Манифест немецких ученых в августе 1914 года является в этом отношении характернейшим человеческим документом.

Применив критерий высшего порядка, критерий духовной ценности, мы можем *разделить все веденные человечеством войны на три категории.*

Первая — войны, веденные в защиту высших духовных ценностей, войны, безусловно, справедливые. Все наши войны с Турцией и с Польшей в защиту угнетаемых единоверцев и единоплеменников, как и Гражданская война 1917–1922 гг. с белой стороны, относятся к этой категории.

Вторая — и наиболее распространенная — войны, веденные во имя интересов Государства и Нации. Общего правила, общего мерил для этой категории не существует. К каждому случаю в отдельности надо применять особую мерку, и в каждом случае оценка может быть лишь чисто субъективной.

Третий вид войны — это война, не отвечающая интересам и потребностям Государства и Нации и не отвечающая в то же время требованиям высшей справедливости. Войны этой категории относятся по большей части к типу бескорыстных авантюр, а

лучше сказать, авантюры бессмысленных. Таково, например, участие России в коалиционных войнах в 1799 и 1805–1807 гг., поход в 1849 году на венгров, экспедиция французов в Мексику при Наполеоне III.

Войн первой и третьей категории, абсолютно несправедливых, сравнительно незначительное меньшинство. Больше всего сожжено порохов и пролито крови на войнах второй категории: войнах, имеющих характер государственный, национальный.

Общего мерил, как мы только что заметили, для этого рода войн не существует. Раньше чем анализировать каждый отдельный случай нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя, таким образом, против течения Истории, мы рано или поздно доберемся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто «взял меч», следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами.

Отрешившись от всякого шовинизма, чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на нее несчастий, проанализируем для примера справедливость русско-польских войн и русско-польских отношений вообще.

На заре истории этих двух славянских народов их отношения были добрососедскими. Первопричина раздора произошла в XIII веке, когда польские короли, пользуясь монгольским разгромом, наложили свою руку на Червонную, а затем (Литва) и на Белую Русь. В польское государство был введен на положении бесправной «райи» русский православный элемент, многострадальные «диссиденты». В многовековом русско-польском споре почин, таким образом, подали поляки. Люблинская уния, авантюра Сигизмунда III, временный захват поляками Москвы — все это дальнейшие стадии поступательного притеснительного движения поляков.

Вслед за тем русская государственность крепнет, польская клонится к упадку. И первый раздел Польши, в сущности, не раздел (польская государственность сохранилась), а просто дезаннексия, явился одним из справедливейших актов мировой истории. Было покончено с грехами четырех столетий, положен предел четырехсотлетним притеснениям.

Справедливость была, таким образом, восстановлена. Однако палку стали перегибать в другую сторону. Агония польской государственности конца XVIII века создавала у соседей Польши непреодолимые стремления поживиться тем, что «плохо лежит», совершенно так же, как паралич русской государственности XIII и XIV веков возбуждал аналогичные чувства у польских королей и

литовских князей. Результатом явился окончательный раздел Польши: экзекуция над целым народом и насильственное введение в организм России враждебного русской государственности польского элемента. Последствия не замедлили сказаться: польские восстания против русских, захвативших Варшаву, были столь же обоснованы и столь же справедливы, как русские восстания против поляков, захвативших Кремль. Линейцы Скржинецкого и косиньеры Сераковского находились совершенно в том же положении, что ратники Пожарского и казаки Хмельницкого.

Затем — упадок русской государственности, возрождение польской, и снова нездоровое стремление взять «что плохо лежит». И в результате — Рижский мир и реаннексия «диссидентов»...

Мы видим, таким образом, что в многовековой русско-польской распри первоначальная, так сказать, органическая несправедливость, совершена поляками, что отнюдь не служит доказательством безупречности всех дальнейших поступков с русской стороны. Варшавская губерния в составе Российской Империи такая же несправедливость, как Волынские воеводства в составе Речи Посполитой. Был момент, два десятилетия (1772–1794) восстановление нарушенной гармонии, но на нем не сумели и не захотели удержаться. Справедливость все время переходит из одного лагеря в другой, с очевидным перевесом в сторону России («первоначальный грех» совершен поляками).

То же самое мы можем проделать при изучении других «конкретных случаев», например, при столкновении русского племени с германским. Почин здесь исходит от свирепых Меченосцев, огнем и мечом истреблявших славянские племена во имя торжества воинствующего германизма и оттягавших, несмотря на Невскую битву и Ледовое побоище, северные новгородские пятины. От Ледового побоища до Брест-Литовска, через Ливонские войны, Полтаву, Гангут, Бзуру и Сан, справедливость все время на русской стороне, за исключением эпизода Семилетней войны.

При изучении франко-германской распри отправной точкой следует считать 1806 год, Иену и Ауэрштедт, за которыми последовал Тильзитский мир — прототип «версальской диктовки». Трехвековая борьба Бурбонов с Габсбургами отнюдь не имела характера национального, тем паче расового. Почин в той распри принадлежит Пруссии, хотя здесь очень большую роль сыграла неумеренность Наполеона и особенно утопия дикарей 1789 года. Эти последние выдвинули «национальный принцип» (сперва как противопоставление тиранам, затем как самодовлеющее целое). И нигде их семя не упало в столь благоприятную почву, как в Германии. Благодаря этим теориям немцы двадцати шести отдельных государств впервые осознали себя принадлежащими к

единому целому, и уже в 1813 году Фихте может держать «Речь к германской нации», чего он не смог бы сделать за пятнадцать лет до того за отсутствием этой германской нации. Создание германской нации произошло в период с 1806 по 1813 год. В первой же трети XIX века была создана ее доктрина (Фихте, Гегелем и др.), совершенствовавшаяся затем целое столетие и приведшая к войнам 1870 и 1914 годов, войнам, где справедливость, бесспорно, была на стороне Франции (подделка Бисмарком «эмской депеши» в 1870 г., ложь о «бомбардировании Нюрнберга» французскими летчиками в 1914). Ограничившись этими примерами, перейдем к рассмотрению целей войны.

* * *

Величайший варвар XIX столетия, Клаузевиц, выдвинул теорию «интегральной войны» на уничтожение. Теория Клаузевица была претворена в жизнь виднейшим из его учеников, Лениным, почему и все это учение мы будем называть «клаузевицко-ленинским». Оно сводится к истреблению, уничтожению противника: не только к разгрому его вооруженной силы, но и полному порабощению и уничтожению его как нации для Клаузевица и его последователей, как класса для Ленина.

Эта человеконенавистническая теория проводилась немцами, правда довольно опасно, в Мировую войну (зверства в занятых областях, режим заложников и террора, удушливые газы, неограниченная подводная война, использование внутреннего врага для разложения неприятельской страны) и в гораздо более широком масштабе большевиками.

Лжеучение Клаузевица, как и вытекающий из него «ленинизм», мы должны целиком отвергнуть. Эти лжеучения не соответствуют ни христианской морали, ни российской исторической традиции, ни русской военной этике, ни простому здравому смыслу.

Войну ведут не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы побеждать. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Все остальное — уже излишества, а излишества пагубны. Диктуя мир побежденному врагу, следует руководствоваться строгой умеренностью, не доводить его до отчаяния излишними требованиями, которые лишь порождают ненависть, а стало быть, рано или поздно, новые войны. Заставить врага уважать себя, а для этого не вдаваться в шовинизм, уважать национальное и просто человеческое достоинство побежденного.

Нет более высокой цели для политики, как «на земли мир, в человецех благоволение». С этим идеалом, к которому должна посылно эта политика стремиться, несовместимы ни закованные

в цепи народы-илоты, по Клаузевицу и его последователям, ни превращение вселенной в кладбище, по Ленину.

Война и мир

Мир является нормальным состоянием человечества. Мирное состояние в наибольшей степени благоприятствует как его духовному развитию, так и материальному благосостоянию. Война для него — явление того же порядка, как болезнь для человеческого организма.

Война — явление, таким образом, патологическое, нарушающее правильный обмен веществ государственного организма. Организм нации, ведущей войну, во многом можно уподобить человеческому организму в болезненном состоянии. Разница лишь в том, что человеческий организм не волен к заболеванию, тогда как государственный организм, наоборот, идет на риск «военного заболевания» сознательно.

Многие войны оказали услугу человечеству. Походы римлян, покоривших весь известный древний мир, приобщили к цивилизации, правовой школе, а впоследствии и к христианству иберские, кельтские племена. «Пилумы» римских легионеров стали сваями европейской государственности (в анархичности и слабой государственности завоеванных германцами славянских племен как раз и сказалось отсутствие римского влияния). В эпоху крестовых походов Запад заимствовал у Востока его науки, и полудикие европейцы многому научились у просвещенных арабов. На рубеже XV и XVI веков итальянские походы Карла VIII и Людовика XII приобщили Францию к Возрождению. А Франция и сообщила Возрождению тот блеск и тот европейский размах, что ему не могла придать разделенная на множество мелких государств его родина Италия.

Вообще же, если войну самое по себе всегда надо считать бедствием, последствия войны иногда бывают благотворны. Война 1914–1918 гг. — бедствие, каких мало в истории человечества. С русской катастрофой 1917 года может сравниться разве лишь Черная Смерть XIV века и, в более слабой степени, нашествие монголов.

Но русская революция — не родное дитя войны, а всего-навсего ее приемыш. Она — дочь Десятилетия и устаревших его теорий. Родное дитя Мировой войны — это фашизм и родные ему идеи, открывшие человечеству новые горизонты, давшие ему новые формы социального устройства, выведшие человеческую мысль и общество из того безвыходного тупика, куда их загнали дикари 1789 года и их последователи, материалисты XIX столетия. Уже ради одного этого положительного ду-

ховного результата можно признать, что десять миллионов людей отдали свою жизнь недаром.

* * *

Со всем этим война является бесспорным и большим злом. И решаться на это зло, на эту болезнь, следует лишь в положениях безвыходных, когда «клин клином» остается единственным средством за истощением всех остальных аргументов. Худой мир, в общем, лучше доброй ссоры. Это правило, от которого возможно делать исключения разве лишь в случае очень худого мира, грозящего в конце концов пагубно отразиться на морали и благополучии страны.

Орган государства, компетентный в данном случае, именуется дипломатией, состоящей из центрального аппарата и внешнего представительства. Существует две школы дипломатии.

Старая или кабинетная. Государственные дела поручаются в этом случае людям, специально для того предназначенным, обученным, воспитанным, можно сказать, *для этого родившимися*. Самое происхождение службы этих людей, из которых каждый до получения «генеральского чина» посла либо посланника побывал в четырех-пяти столицах, следовательно, изучал на деле четыре-пять государств, их правителей, дипломатов, при них аккредитованных, т.е. практически большую часть своих иностранных коллег, гарантирует их компетентность.

За патологической эпохой 1914–1918 гг. последовала эпоха коллективного размягчения мозгов (последствие жестокой контузии мира в ту войну), эпоха, именуемая «демократической». Внешнеполитическим ее последствием явилась замена старой кабинетной школы новой школой, ярмарочной. Делами, вместо профессионалов, стали заправлять любители, вместо сведущих людей — люди несведущие, митинговые ораторы, имевшие звание «народных избранников», но не всегда имевшие свидетельства об окончании начальной школы.

Результаты этой новоявленной «неумытой дипломатии» не замедлили сказаться. Она перенесла в международные отношения «внутреннеполитический дух», атмосферу митингов и кулуарных комбинаций. По сравнению с профессиональными дипломатами, людьми ничем не связанными, политические лидеры демократии связаны по рукам и ногам. Какая-нибудь внутреннеполитическая каверза, к делу ни малейшего отношения не имеющая, какой-нибудь партийный инцидент заставляет их спешно покидать международные конференции, где дебатироваться, с большей или меньшей компетентностью, вопросы первостепенной важности. Перерыв работ, недели неопределенного, напряженного, всех нервирующего положения, пока не удастся успоко-

ить не вовремя расхоронившуюся провинциальную масонскую ложу либо парламентскую фракцию, песчинку, остановившую поезд. В эпоху демократий все международные проблемы рассматривались в первую очередь, и то исключительно с точки зрения внутренней политики, т.е. партийных интересов, и личный успех в парламенте или на избирательной кампании был единственной заботой всех этих «карнавальных Талейранов».

Ярмарочным дипломатам, толпе и вожакам толпы, не по плечу тонкая «ювелирная» работа дипломатов-профессионалов. Их позы, их слова, их действия рассчитаны лишь на сегодняшний день и на интеллект толпы. На глазах толпы, толпы, сатанешей от крови гладиаторов на ристалище, и совершаются в раскаленной атмосфере все дела, обсуждавшиеся раньше компетентными людьми в спокойной и деловой обстановке министерских и посольских кабинетов. Мы упомянем лишь для памяти о бесславно закончившей свой век Лиге наций. Банкротство этого учреждения и идеи, его породившей, настолько очевидно, что избавляет нас от необходимости это доказывать многочисленными фактами.

Старую дипломатию упрекают в «провоцировании» войн. Упрек этот могут сделать лишь люди, сознательно рассорившиеся с историей (самой антидемократической из наук). История последних двухсот лет учит нас, что если на каждую войну, «спровоцированную» дипломатией (спровоцированную, не следует забывать, по приказанию соответствующих правительств), находится три войны, которых «кабинетная» дипломатия не смогла предотвратить, как не смогла бы их предотвратить и ярмарочная дипломатия (никакими нотами нельзя остановить тигра, решившегося на прыжок), то зато на каждый такой случай приходится, по крайней мере, десять войн... не состоявшихся, благодаря своевременному, тактичному, корректному и незримому для посторонних, для свирепой и невежественной толпы, вмешательству профессиональной дипломатии.

О разоружении

В средние века во время чумных эпидемий и в менее давние эпохи «холерных бунтов» чернь избивала лекарей и докторов, видя в истреблении врачей, якобы разводящих заразу, средство избавиться от беды.

«Интеллектуальная чернь» двадцатого века, так называемые пацифисты, а также руководящая и в то же время руководимая этой чернью ярмарочная дипломатия, видят в роспуске армий средство избавиться от войн. По их мнению, наличие вооруженной силы является причиной зла: кровожадные генералы, чающие отличий, «пушечные короли», ждущие барышей, вовле-

кают страну в военную авантюру попустительством «вырождающихся династий» и «секретной», притом еще титулованной, дипломатии.

Таков убогий трафарет «демократическо-пацифистского» мышления. Эта точка зрения оратора, митингующего с бочки перед толпой невежественной черни, сделалась официальной доктриной «передовых демократий» 20-х и 30-х годов XX столетия, эпохи демократического маразма. Бесспорно, с той же точки зрения следует избить врачей и закрыть аптеки, чтоб избежать болезней, распустить пожарные команды, чтоб не иметь пожаров, упразднить семафоры и стрелочников, чтоб избежать железнодорожных крушений.

Самое разоружение проповедуется в двух плоскостях. Замена постоянных армий народным ополчением, «воинственных профессионалов», якобы миролюбивой милицией. Одновременно с этим — отказ от ряда технических средств и преимуществ: боевой авиации или некоторых ее видов, газов, тяжелой артиллерии, чем думают сделать войны «менее кровопролитными».

Миф «миролюбивой милиции», бывший навязчивой идеей еще Жореса, стар и затаскан, как вся идеология 1789 и 1848 годов. Самая антидемократическая из всех наук — история (наука, которую демократия ненавидит, и недаром: это ее смерть) учит нас совсем иному. Стоит лишь вспомнить народные ополчения древности: кимвров, тевтонов, гуннов, монголов. В новые времена миролюбивая народная милиция упивается кровью протестантов либо католиков (смотря по ее вероисповеданию). В новейшие — вооружившиеся граждане Республики «объявили мир миру», насаживая по всей Европе «либертэ, агалитэ» штыками и картечью, раздвинув границы Франции до Рейна и облагодетельствовав народы Голландии, Швейцарии, Италии соответственно Бетавской, Трансальпийской, Цисальпинской, Партенпейской республиками с гильотинами на каждой площади.

Столь же неубедительна, хоть и менее затаскана (ибо относится не к 1789, а к 1919 году) аргументация сторонников ограничения вооружений посредством «изъятия из обращения» ряда боевых средств, уже успевших зарекомендовать себя на полях сражений.

Запрещаются удушливые газы. Но не запрещается химия как наука, и не запрещаются химические лаборатории, физические кабинеты, фабрики искусственных удобрений и красок, наконец, просто аптеки. Запретить их нельзя, а между тем, все эти учреждения в кратчайший срок могут быть приспособлены к выделке удушливых газов. Запрещается военная авиация, но не запрещается гражданская, ибо запретить ее нельзя, а между тем менее чем в 24 часа все почтовые и спортивные самолеты можно пре-

вратить в бомбоносцев и истребителей. Запрещаются танки, но не запрещается автомобильное и тракторное производство. Запрещается тяжелая артиллерия, но не запрещается металлургическая промышленность... Все это разоружение, будь оно добровольным, полудобровольным или принудительным, имеет величайшее сходство с законами о принудительной трезвости, столь печально зарекомендовавшими себя у нас в России и в Соединенных Штатах. Там запрещается «военная» химия, но не запрещается химическая промышленность — здесь запрещается водка, но не запрещается самогон (ибо этого никто не в силах запретить) и не запрещаются деньги, за которые можно приобрести какое угодно, более или менее поддельное, вино. Обе эти идеологии, разоружение и сухой режим, в своей основе имеют полное пренебрежение человеческой природой и человеческой психологией и, будучи поэтому нежизненными, обречены на провал.

* * *

Технические средства, как это ни покажется на первый взгляд странным, сами по себе отнюдь не увеличивают кровопролития. С кровопролитностью Бородинского побоища, веденного кремневыми ружьями, не сравнится ни одной операции Великой войны (под Бородином 100 тысяч человек пало с обеих сторон за каких-нибудь 8 часов, под Верденом 700 тысяч, но за 8 месяцев). Влияние техники на тактические навыки сказалось, прежде всего, в затяжном характере, тягучести операций, большем напряжении нервов и, в общем, меньшей кровопролитности. Для того, чтоб выбить из строя тоже количество людей, что за семь часов при Сен-Прива, требуется семь дней Ляоянской недели работы магазинных ружей и скорострельной артиллерии.

Кровопролитность боя — результат не столько «техники», сколько плохой тактики, самого темпа, «ритма» операций, качества войск и ожесточения сражающихся (Бородино, Цорндорф). Побоища первобытных племен, вооруженных каменными топорами, относительно гораздо кровопролитнее современного огневого боя. В кампанию 1914 года, веденную в условиях сравнительно примитивной техники, французская армия теряла в среднем 60.000 убитыми и умершими от ран в месяц — расплата за плохую тактику. В кампанию же 1918 года, в условиях неслыханного насыщения фронта «смертоносной техникой», потери убитыми не только не увеличивались, как то, казалось, можно было подумать, а наоборот, сократились в три раза, составив в среднем 20.000 человек в месяц.

«Техника», таким образом, имеет тенденцию не увеличивать, а, наоборот, сокращать кровавые потери. Удушливые газы, при всем своем, бесспорно, «подлом» естестве, дают в общем на 100

поражаемых лишь 2 смертных случая, тогда как так называемая «гуманная» остроконечная пуля дает 25% смертельных поражений. Все это с достаточной ясностью указывает на несостоятельность теории «технического разоружения». Урезывая технику путем «разоружения», мы уменьшению кровопролития способствовать не будем.

Несколько, обоснованнее — теоретически, хоть и не намного, система «морального разоружения», бывшая излюбленным коньком женевских снобов конца 20-х и начала 30-х годов двадцатого столетия. Но ведь для достижения морального разоружения народов надо, прежде всего, этим народам запретить источник конфликтов — политическую деятельность. А для того, чтоб запретить политику, надо запретить причину, ее порождающую: непрерывное развитие человеческого общества, в первую очередь, развитие духовное, затем интеллектуальное и, наконец, материальное и физическое. Практически это выразится в запрещении книгопечатания и вообще грамотности, явления совершенно того же порядка, что запрещение удушливых газов и введение принудительной трезвости, обязательном оскоплении всех рождающихся младенцев и тому подобных мероприятиях, по проведении которых «моральное разоружение» будет осуществлено в полном объеме; исчезнут конфликты, но исчезнет и причина, их порождающая, — жизнь.

Есть одна категория людей, навсегда застрахованных от болезней, — это мертвые. Вымершее человечество будет избавлено от своей болезни — войны.

* * *

Итак, если мы хотим предохранить государственный организм от патологического явления, именуемого войною, мы не станем заражать его пацифистскими идеями. Если мы желаем, чтобы наш организм сопротивлялся болезненным возбудителям, нам надо не ослаблять его в надежде, что микробы, растроганные нашей беззащитностью, посовестятся напасть на ослабленный организм, а, наоборот, сколь можно более укреплять его. Укреплением нашего государственного организма соответственным режимом, внешним и внутренним, и профилактикой мы повысим его сопротивляемость как пацифистским утопиям вовне, так и марксистским лжеучениям изнутри, стало быть, уменьшим риск войны, как внешней, так и гражданской.

Нападают лишь на слабых, на сильных — никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, не умеющих показать своевременно своей силы, производящих со стороны впечатление слабых.

В 1888 году произошел знаменитый «инцидент Шнебле», едва было не вызвавший франко-германской войны. В последнюю минуту Бисмарк не решился: французская армия только что была перевооружена магазинной винтовкой Лебеля, тогда как германская имела еще однозарядки. Жившая в 80-х годах еще мечтою о реванше Франция была сильной и казалась сильной (дело Дрейфуса, надолго отравившее ее организм, произошло значительно позже). На востоке же грозила могучая Россия Царя Миротворца... Авантюра была отложена...

Другой пример — 1904 год. Маркиз Ито проявил большую решимость, чем Бисмарк в свое время. Но рискнули бы японцы напасть на нас, если бы Порт-Артурская эскадра была снабжена доками, если бы на Ялу вместо бригады Кашталинского стояло три-четыре корпуса, если бы Маньчжурия была соединена с Россией не одноколейным, притом незаконченным, а четырехколейным непрерывным рельсовым путем? И если бы японцы знали, что русская государственность не усыплена гаагским дурманом, а общественность, вместо посылок приветственных телеграмм Микадо, будет защищать интересы своей страны?

1914 год. Германия провоцирует войну, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 года, армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 года. Одновременно война объявляется и Франции: робость и недомыслие ее правителей, приказ Вивиан отступить на 10 км от границы в доказательство миролюбия показали Германии доказательством слабости всей страны, всей армии. Типичный пример нападения на сильного, потому что он со стороны кажется слабым.

Изучение всех войн, всех конфликтов, как прежних времен, так и современных, убеждает нас в справедливости положения, проводившегося Ермоловым на Кавказе и сто лет спустя сформулированного в Марокко Лиотэем: *«Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения»*. Это положение должно лечь в основу всякой здоровой политики.

Вообще же, следует помнить, что «идеологи» обошлись человечеству дороже завоевателей, и последователями утопий Руссо пролито больше крови, чем ордами Тамерлана.

Керсновский А. Философия войны. – Белград, 1939. – С. 5–19.

ПОМНИ ВОЙНУ!

Мировая война, разразившаяся в 1914 году, повлекла за собой подъем и обогащение одних и ослабление и нищету других государств. Победители, собравшись в стильных залах Версаля, перекроили карту Европы. Но события, которые не вкладываются в рамки дипломатических решений, неумолимо и властно совершают свой путь. *Версаль не только не устранил поводов и причин к спорам, но еще более углубил политические противоречия и расхождения и создал в Европе напряженнейшую атмосферу, которую в будущем суждено разрядить, может быть, только мечу.*

Война не кончена. Война продолжается... Гражданская борьба в России как наследие великой войны против небывалой в мире узурпации, угрожающая всему миру гражданская война в Китае с участием других народностей Запада и Востока, события в Африке, повсеместная вражда политических партий и, наконец, скрытое экономическое и политическое соперничество народов Старого и Нового Света — все это, в сущности, есть только продолжение мировой войны, конец которой скрывается в тумане грядущего, и устранить который не в силах никакие конференции, ибо побежденные народы еще не забыли светлых дней своего величия и, конечно, никогда не расстанутся с мечтой о возрождении.

* * *

Почти после каждой войны на Европейском материке, особенно начиная с 18 века, и в обществе, и в литературе, и даже в правящих кругах неизменно выдвигались два течения, которые резко расходились между собою во взглядах на вопросы войны и мира.

Первое из этих течений усматривало в войне только бессмысленные ужасы разрушения и носило односторонний характер какой-то несерьезной идиллии. Нагромождая и суммируя факты в известном подборе, апостолы этого течения с присущей им страстью доказывали, что война есть величайшее зло, противное человеческой природе, и что спорные вопросы между государствами должны разрешаться не столкновениями армий и народов, а путем гуманитарным: созданием международных конференций, на началах особого обязательного кодекса, который лег бы в основу всякого государственного организма на земле.

Последователи этого направления создавали многообещающие трактаты и проекты, которые сдвигали психику многих миллионов людей.

Семена антимилитаризма бросались всегда щедрой, иногда, может быть, даже искренней горстью, но всходы получались всегда самые неожиданные и уродливые. Из этих посевов вырастали впоследствии разлагающие начала, которые увлекали массы людей, обещая им несбыточный сон золотой.

В мечтах о пацифизме преступно забывались жизненные интересы своей страны; в результате государство, разъедаемое внутренними партийными несогласиями, дряхлело и в нужный момент не могло проявить того упорства, которое от него требовалось обстоятельствами.

Представители другого течения исходили также из тех же опытов войн, но с неумолимой рассудочностью предостерегали человечество от кабинетных заблуждений. Они опыт всякой войны брали за исходную данную для будущего, стремясь таким путем предотвратить вымирание нации, которая неминуемо погибнет, раз станет на путь сонного равнодушия к опыту прошлого. Возбуждая в человечестве необходимость национального самосохранения как следствия силы, эта категория людей рассматривала войну как неизбежное пока явление и доказывала настоятельную необходимость для каждого государства вооруженной силы, чем в сущности и было создано то равновесие, которое предотвратило не один кровавый год.

И заслуга последователей этого трезвого течения именно заключалась в том, что они, перенося опыт прошлого в условия современности и даже в условия будущего, намечали, хотя, может быть, и с недостаточным приближением, те возможности, на которые может рассчитывать человечество, пробуждая, таким образом, в нем творчество и энергию, дабы оно не было застигнуто врасплох накануне тех событий, которые именуются войной.

Они и только они приближали человека к миру, к которому можно именно только приблизиться, а не достичь его абсолютно, ибо мир так же несоизмерим с природой всего живущего на земле, а в особенности с природой человека, как несоизмерима окружность с ее радиусом.

XX век, как известно, начался большими народными столкновениями и потрясениями и в то же время вновь пробудил безрезультатные попытки о достижении вечного мира.

И как благоразумны те народы, которые, посылая своих представителей на мирные конференции, в то же время с особым вниманием относятся к развитию своих национальных вооруженных сил.

Еще в отдаленные времена зачатка человеческой культуры человек кремневого века *только упорной борьбой и силой своих*

мускулов добывал себе место и право на существование среди тяжких условий жестокой природы.

Борьбой и силой, примененной более искусно, чем его враги, он становился собственником пещеры, оспаривая ее у зверя, борьбой и силой он добывал себе подругу жизни и обеспечивал безопасность потомства.

Впоследствии, группируясь и сплачиваясь в массы и оседая на том или ином клочке завоеванной территории, люди стремились инстинктивно образовать живую силу, которая обеспечивала бы безопасность их развития и право на жизнь. С течением веков эти образования у наиболее жизнеупорных и сильных народов приняли форму устойчивой и постоянной организации, которой уделялись повышенное внимание и забота.

Элементарные средства борьбы, постоянно видоизменяясь и совершенствуясь, со временем обращаются в оружие защиты и нападения, причем опытом и инстинктом человек открывает первый принцип войны, *что лучшее средство защиты — это быть всегда готовым*. Стремясь в этом вопросе к превосходству над противником, приемы борьбы соединяются с приемами хитрости. Помимо оружия, человек в борьбе мало-помалу начинает применять разум и волю. Таким образом, был заложен первый камень искусству в борьбе, где доминирующее место занимала неожиданность или внезапность как данная, помимо всего действующая еще и на воображение. Со временем единоборство выливается в массовые столкновения, которые требуют уже планомерности и системы.

Чтобы успешно нападать и защищаться, надо было превосходить противника или числом, или более подавляющими разрушительными средствами, или гибкостью и стройностью отдельных бойцов, сведенных в массы, а это последнее требовало не только одиночной тренировки, но и слаженных упражнений уже ратного строя. Отсюда получилось военное ремесло, а усовершенствования в области борьбы в сочетании с испытанными на опыте приемами в действиях, вылились впоследствии в законченную форму определенных принципов.

Так зарождалось и постепенно совершенствовалось военное искусство, так создавались армии народов и государств...

* * *

Достаточно самого беглого взгляда на историю развития человечества, чтобы установить, что между армией и народом существует строго выраженная, почти математическая зависимость. Действительно, во все времена вооруженная сила являлась показателем не только племенных, но духовных и культурных особенностей народов.

И в зависимости от того, допускалась ли эта вооруженная сила только как неизбежная терпимая необходимость или, наоборот, составляла ли она предмет высшего внимания и забот, — народы или влачили культурную нищету и, наконец, сходили со сцены, уступая место другим, или разворачивали во всю мощь свою жизненность и воздвигали Империи. «Каждый народ достоин своей истории», каждый в самом себе носит залог рабства и беславия или свободы и величия.

До тех пор, пока заботы об армии, о развитии военного искусства не поглощались меркантильными или социальными заботами, сулившими как будто в ближайшем призрачном благополучии, эти народы и государства шли впереди истории и несли миру свою культуру. Но стоило только уклониться в сторону, как незаметно намечался путь заката и упадка.

Могущественная Персия, Вавилон, богатое царство Инков, Карфаген, гордый Рим и золотая Греция — все прошли по этому пути и на своей судьбе засвидетельствовали, что пренебрежение военным искусством никому не проходит даром.

Война — жесточайший акт в природе человека, но средством против нее, к сожалению, может быть только *война, ибо это есть явление неизбежное от начала мира и до конца*. Было бы ошибкой прославлять войну как благодетельное явление в жизни народов, но еще большей ошибкой будет считать ее устарелым пережитком, который в будущем не повторится.

История развития народов и государств, начиная с незапамятных времен, есть, в сущности, сплошная история борьбы. Являя собой как бы разрушительные начала, война, по существу, по непреложному закону для нашей планеты, где жизнь есть только борьба и соревнование достижений, является в то же время и главным актом созидательного творческого начала.

Можно с уверенностью сказать, что пройдут еще целые тысячелетия, прежде чем воцарится абсолютный мир на земле. Осуществление этой теории возможно лишь или воцарением на всем земном шаре одного народа, который мечом и огнем сотрет все другие народности и тем вытравит племенные и национальные особенности других, или торжеством христианской морали, которая объединит все человечество в «едино стадо с Единым Пастырем».

Но пока, невзирая на бесконечный ряд веков своего существования, человек еще не приблизился к реальному разрешению великих задач мира, а пока еще, по данным статистики, на 13 лет войны приходится только один год мира. Последняя мировая война развернула страшную картину, но она в то же время подтвердила, что все, чего достиг человек в области прикладных знаний, большей частью вызвано войной, все добыто только для

войны. Стратегия и тактика кроме политики приобрели теперь страшных союзников в лице механики и химии.

И трудно представить, в какую форму выльются в будущем вооруженные столкновения народов.

Хотя не следует упускать из виду, что всякое действие вызывает противодействие, и что бы ни изобрел пытливый человеческий гений одной страны, другая страна найдет противодействующую. Так было, так есть, так будет. В этом закон равнодействий.

Теории о международном конгрессе для урегулирования спорных вопросов между враждующими сторонами есть или продукт кабинетных измышлений, или просто — наивное заблуждение, если, конечно, за ними не скрывается сознательный умысел.

Каждому по опыту истории известно, во что обошлись людям вообще теории и откровения кабинетных апостолов. Убедительный и свежий пример — Россия, послужившая опытным полем для марксизма. Разрешая в кабинетах академически вопросы о вечном мире, теоретики упускают из вида одно незначительное обстоятельство. Раз имеется налицо объект спора, а он будет всегда, то какие бы решения ни принимались международными конгрессами, абсолютное удовлетворение все же недостижимо. Чье-нибудь право да пострадает, чьи-нибудь интересы да будут нарушены. Заставить подчиниться этому решению может только сила, которая всегда была и останется единственным регулятором международных взаимоотношений. *Сила — это безусловное и естественное правило народов на развитие и существование.*

Знаменательно, что пацифисты, сторонники вечного мира, выступали со своей проповедью как раз в периоды, когда их отечество достигало материального благополучия, после которого являлась только забота удержаться в равновесии.

Выброшенная французскими пацифистами при короле Солнце (когда Франции принадлежала гегемония в Европе) идея о вечном мире, однако, не нашла отклика и понятно почему.

Миротлюбивые тенденции извлекались из архивов забвенья, где они покоятся многие тысячелетия, почти всегда после больших и кровопролитных войн, — доказательство, что в этих случаях инициатива никогда не исходила от побежденных. Можно утверждать без ошибки, что современная Англия, а может быть, и Франция ничего бы не возражали против вечного мира теперь, но можно также без ошибки утверждать, что не так на это смотрит Германия. Притом, если бы вопрос дошел до расчленения колоний или дарования им политической независимости и территориальной неприкосновенности, то Англия первая бы заговорила языком пущек.

Современная политика большинства европейских государств есть только стремление удержаться в достигнутом равновесии какой бы ни было ценой и в то же время это есть *политика накопления волевой энергии и механической силы*.

Здоровые народы никогда не станут на путь мягкотелой проповеди мира, ибо они чувствуют свою силу и знают цену себе, ибо они понимают и учитывают, что еще на долгие века удержатся племенные и религиозные особенности народов, что климатические и земные богатства разбросаны на нашей планете неравномерно, что «только меч может удержать меч в ножнах» и что, наконец, единственная гарантия не быть раздавленным и стертым — это быть самому сильным, чтобы устоять против внешнего давления и внутреннего взрыва.

Опыт России многому научил, и не только Европу. В то время когда во внутренней политике государств еще удержалась партийность, *политика внешняя* становится все более и более *национальной*. И в этом есть великое предзнаменование. В этом безотчетно проявляется жажда жизни, *которая обеспечена тому, кто сильнее* и жизнеупорней, ибо интернационализм есть смерть государственности, вне которой и нет ни народных достижений, ни даже самого народа.

Народы, которым суждено в будущем идти впереди, а не влачить жалкое прозябание, учитывая уроки прошлого и предвидя будущее, всегда будут ставить первой своей заботой заботу об армии, помня, что величие государства измеряется только мощностью армии.

* * *

В 1806 году Наполеон, разбив Пруссию, ставит ей неременным условием ограничение армии. Маленькая Пруссия, выросшая впоследствии в могущественную Германию, понимая, что только армия может снова возродить и поднять ее, напрягает все усилия, чтобы не только удержать, но и увеличивать состав своих вооруженных сил в скрытом виде путем остроумной комбинации. Будущее показало, насколько Пруссия была права.

Другим примером может явиться Япония, которая не щадила никаких средств на армию и где военное министерство встречало всегда полную поддержку у народа, раз вопрос касался армии. Все испрашиваемые министерством кредиты никогда не встречали нападков и истерических воплей, как это было в России, ибо народ знал, чего он хотел.

Народ знал, что только армия выведет страну на путь первоклассных держав и оправдает все издержки.

Великие государства современности, несмотря на пережитые ужасы войны, с особой чуткостью относятся к вопросам армии и ревниво оберегают ее от всего, что может внести разложение.

Современная Германия, прижатая к необходимости сократить свою армию, переживает вторично 1806 год. Еще задолго до великой Европейской войны эта Германия устами одного из популярнейших своих авторитетов, Бернгарди, говорила следующее: «Мы должны отложить в сторону все другие соображения и с крайним напряжением энергии готовиться к неизбежной войне».

«Следует твердо помнить, что не миновать войны за наше положение в мире. Важно не отлагать войну, а начать ее в наиболее *выгодных для нас условиях*». Это говорила Германия XX века, которая знала действительную цену миролюбивой идеологии.

И весь народ, воспитанный в духе высокого патриотизма, разделял эту точку зрения. Не было ни одного возражения, потому что это было жизненно и логически неизбежно.

Отсюда понятно, почему Германия выступила на войну 1914 года во всеоружии, вплоть до программы милитаризации промышленности, и четыре года боролась против держав всего мира. И если она недооценила *выгодных* условий, то она сделает все, чтобы в будущем эти условия действительно были бы выгодными.

И она дождется. Поставленная минувшей войной на колени, она еще не сошла с исторической арены. Остался еще народ, который не так-то легко вычеркнуть из истории.

Подтверждение этому мы находим в речи Штреземана, произнесенной им на конгрессе немцев в августе 1925 года:

«Могущество Германии, — говорит Штреземан, — будет восстановлено. Мы, немцы, поставили себе девизом: «Во что бы то ни стало!» Германия будущего вновь обретет и колонии и море!» И это несомненно будет, ибо Германия этого упорно хочет. А кто умеет упорно хотеть, тот достигает.

Поднимается и Россия со своего операционного стола, на который ее уложили соединенные усилия друзей и врагов, *ибо славянская народность далеко еще не сказала своего последнего слова*, а господствующее положение среди славянства все же принадлежит России, силы которой еще ждут своего времени.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что будущее только за большими государствами, что современная мозаичная карта мира, а особенно Европы, потерпит длинный ряд видоизменений и что современные образования, возникшие после войны 1914–1918 годов, есть не более как очередной и притом недолговечный эпизод истории.

Повторяю, будущее принадлежит только сильным государствам, причем можно утверждать, что государства будущего, эволюционируя, будут складываться только этнографически, по племенам. Что же касается таких искусственных признаков, как самоопределение мелких народностей, то эти признаки, как всякое модное увлечение, не только не долговечны, но и не мудры.

Заслуживает, между прочим, внимания то обстоятельство, что вильсоновская затея о самоопределении коснулась только России, другие государства, как например Англия, владеющая многими народами, нашли, однако, эту теорию для себя неприемлемой...

Политическая карта будущего будет иметь не много красок, именно по числу племен, а может быть даже и рас. Но чтобы мир дошел до этого естественного образования, земля переживет еще не одну войну и еще увидит не одно великое потрясение народов. Пробуждающийся Китай, где ненависть к белым возведена в культ, есть, к сожалению, далеко не фантазия, а неотвратимая и притом жуткая действительность будущего, которая может застать близорукую и раздробленную Европу в полной неожиданности.

В то время когда европейская дипломатия занимается пережевыванием вопросов о разоружении, на Востоке ведется отчаянная пропаганда вооруженного похода против Западной культуры вообще и белых народов в частности.

* * *

В общем, если народ и государство хотят жить, они обязаны иметь мощную армию, которая должна составлять предмет всех забот и вожделений, как бы это дорого ни стоило и чего бы ни стоило. Только армия сохранит жизненность нации, приблизит человека к миру и предупредит от катастроф.

Армия для государства — это то же, что здоровье для человека.

Отнимите у государства армию, и оно повергнется в беспросветные сумерки и будни, погрузится сначала в сонную инертность, а затем в неизбежное вырождение...

Но значит на земле никогда не кончится соперничество между народами — иметь свою армию более сильной, более могучей. Значит никогда не кончатся соревнования государств в создании более усовершенствованных машин и способов разрушения и уничтожения? Значит, никогда не кончится это напряжение: и экономическое, и моральное? Да, никогда, или, во всяком случае, очень не скоро, когда и в природе человека, и во взаимоотношениях людей, путем эволюции произойдет потрясающий сдвиг,

которому будут предшествовать бесконечные войны за право жизни.

В вопросе ослабления народного экономического напряжения — на развитие и содержание своей армии — нельзя смешивать два разных понятия, а именно: *ограничение* вооружения народов и *полное разоружение* всех. В то время когда полное разоружение, безусловно, утопично, ограничение желательно, а, может быть, со временем и достижимо.

Но пока этого не случилось, народ, который хочет жить и развиваться свободно, а не вырождаться в рабстве, *народ, который хочет сделать детей своих сильными и счастливыми, народ, который хочет, наконец, мира и дорожит заветами своей страны, должен железом и огнем начертать в своих сердцах бессмертный девиз: «Помни войну!»*

Мариюшкин А. Помни войну! Вопросы современной и будущей войны. – Новый Сад, 1927. – С. 9–21.

ЗАКОН БОРЬБЫ

Лет 40 тому назад идея вечного мира захватила европейские народы, и мы, русские, привыкшие идти в хвосте их, конечно, не думали иначе, чем они: все наши газеты, журналы, брошюры, книги наполнены были чаянием будущего рая на земле. Наш благодушный Император Николай II согласился стать во главе Гаагской конференции, ведающей мирным разрешением международных отношений. Один лишь правитель, наш ближайший сосед, Император Вильгельм II, не верил в осуществление вечного мира. Он говорил: «Мир ничем лучше не может быть обеспечен, как готовой к бою армией, и, обращаясь к своим офицерам, сказал: “Кто хочет на свете чего-нибудь достигнуть, он должен этого добиться не пером, а мечом».

В это время я работал над вторым вопросом моей философской системы, а именно: над вопросом, «что такое война?» Книга вышла в 1900 году, и я в ней, на основании фактов, собранных мною, говорил, что современные народы вскоре ринутся друг на друга, как греки в Пелопоннесскую войну.

Мой труд, при общей агитации вечного мира, как противоречие ей, встретил в печати гробовое молчание, хотя и был распродан. Вскоре случилась русско-японская война, а затем то, что я предсказывал — общая европейская битва народов. Сам я попал, к великому своему удовольствию, в восточные стрелки в Маньчжурию, т.е. в передовые части войны, и предо мною развернулись все невзгоды, все ее бедствия, на которые так часто любят ссылаться в своих доводах наши филантропы. Но странно! Все, что открылось предо мной, как участником кровопролитнейших битв, не только не поколебало во мне прежнего взгляда на войну, но еще более укрепило его. На полях Маньчжурии, под грохот орудий, жужжание пуль, дикие возгласы, страшные стоны, среди массы обезображенных трупов, мне, раненому среди раненных, удалось пережить, передумать все то, что высказывал я раньше и в живом слове, и в печати о войне... Волосы дыбом становятся, мороз ходит по телу, сердце сжимается от боли при виде поля сражения!.. Да, это правда, но в то же время ум — холодный, осторожный, беспристрастный счетчик, неизменно твердит одно и то же: не бойся, не страшись кровавой панорамы, не возмущайся внешним ее выражением, пойми самую сущность ее содержания. *Не в мире, а на войне, в бою люди, без различия званий, чинов и положений, без градаций ума и капитала, жертвуют животной стороной своей организации в пользу ду-*

ха, в пользу мысли, в пользу одухотворяющей их идеи. Не в мире, а на войне, в бою сознают они всю слабость своей организации, всю эфемерность своих усилий, все ничтожество своего самомнения пред высшей руководящей ими силой. Не в мире, а на войне, в бою «начало премудрости — страх Божий», тот страх, который явился корнем религии, философии, морали — началом высших проявлений нашего духа.

В мире человек напрягает свои силы за себя, за родных, за близких ближних и тем проявляет острое чувство эгоизма; на войне, в бою он вольно или невольно, сознательно или бессознательно приобщается к высшему выражению альтруизма: все жертвуют собою, массой жертвуют за других, за общий интерес, за будущность грядущих поколений. В мире люди, прикрываясь словами «свобода, равенство и братство», на самом деле под влиянием эгоистических побуждений создают рабство: социальное, экономическое, умственное и, тщательно отделив себя друг от друга толстыми перегородками капитала, родовитости, знатности, втихомолку, без шума, часто незаметно сваливают друг друга в яму; на войне, в бою они явно видят все ничтожество социальных клеток, открыто, на виду у всех олицетворяют закон мировой борьбы, добровольно, в одинаково опасных условиях, за общий интерес рискуют жизнью и тем самым выражают высший смысл слов: «свобода, равенство и братство»!

Общая участь — общая радость или общая смерть — что может нагляднее выражать общее равенство? Где рельефнее всего выступает сознание долга, «категорический императив Канта», как не в бою, когда человек под стимулом этого принципа несет на алтарь родины самое дорогое для себя — жизнь? Укажите нам из сферы мира хоть что-нибудь подобное тому, что видим мы здесь, на войне: еще недавно недоступный, гордый богач-сановник теперь бок о бок стоит наряду с бедняком, с рядовым, стоит в грязи, под градом снарядов, в одной и той же опасности и окровавленный, изуродованный его труп наряду с трупом солдата красноречивее всего говорит, что такое война! Укажите нам из мирной обстановки явление подобное тому, которому мы здесь свидетели: грязное тело солдата во всей своей наготе омывается, покоится на руках еще недавно кичливой, спесивой аристократки! Рухнули социальные и экономические перегородки, сломлены дутые понятия о приличии, уничтожено все условное, наносное, выработанное мирным, сытым человеком, безмятежным, покойным временем. Человек предстал пред человеком как на страшном суде: во всей своей слабости, бедности, простоте, наготе. *Стоит только задуматься над психологией бедствий вообще и войны в особенности, и мы поймем то влияние, какое она оказала на уравнение прав человека.*

Мир плодит трусость, слабость, дряблость, неспособность стоять перед опасностью; война вырабатывает смелость, решимость, мужество, рыцарей без страха и упрека, людей, смело взирающих в глаза смерти. Кто был в бою, кто был в огне, кто чувствовал близость смерти над собою, кто, видя, как она захватывает других, сам бросался в ее объятия за них, — тот вышел из горнила терпения, сомнения, колебаний, тот испытал себя в самоотречении.

Серое, бедное, ничтожное племя, дегенератизм, отсутствие талантов, не говоря уже о гениальности, есть прямое следствие долгого миролюбия, отсутствия массовой опасности, массовых подвигов. Великие люди, великие идеи, как искры, как свет, являются результатом напряжения борьбы противоположностей, а война, захватывающая все виды человеческой деятельности, есть высшая степень ее выражения.

Не война вносит раздор, ненависть, ожесточение среди народов; она лишь апогей того антагонизма их, какой возбуждается потребностями мирного их сосуществования; она экзамен психофизическому их содержанию. Кто сильнее, богаче этим содержанием, кто энергичнее, настойчивее его проявляет, тот и торжествует, пред тем очищается место для его роста, для его развития.

Для сильных нужно место, ибо мир управляется силой; сила красоты, сила любви, сила моральная, сила интеллектуальная, сила физическая, сила космическая — везде царствует сила. Слабость, как отжившая, умирающая сила, может быть лишь терпима до поры до времени, пользоваться состраданием силы, но не противоречить ей.

Олицетворяя закон мировой борьбы (от столкновения космических тел до борьбы клеток в организме) война вырабатывает природы мощные, сильные, оригинальные. Древность, богатая войнами, богата и гениальностями. Их не ищите там, где торжествует миролюбие: маленькое, серенькое, ординарное — вот царство спокойствия. Раскройте лучшую вашу книгу — мать природу, она вас этому научит. Вы восхищаетесь панорамой, какая открылась перед вами: дикие скалы, глубокие ущелья, горные потоки, снежные вершины. Но чему все это обязано? Что создало восхищающую вас картину? Борьба, катастрофа, испытанная самой нашей носительницей — планетой. Однообразная, без рывинок, без холмиков равнина доказывает лишь то, что она не испытала ни малейшего колебания почвы: все пользовалось, как и пользуется, миром, покоем, но зато не на чем и глазу остановиться.

Стремление космополитов имеет целью выработать и среди человеческого рода такую же ординарность, какую представляет

из себя без рытвинок, без холмиков равнина; но как невысказано на земном шаре уничтожить обособленность, национальность! Это выше нашей силы представления! Мы не можем представить себе «обще-минерал», «обще-металл», «обще-растение», «обще-животное»! Мы не можем представить и образ «обще-человека»! А раз существует разнообразие, индивидуальность, субъективизм, явление антагонизмов в той или другой степени есть естественное средство их наличности. Война ужасает нас своими жертвами, невинными, колоссальными. И наш талантливый художник представил миру весь ужас войн, всю их кровавую панораму. И никто не станет отрицать правдивости, реальности ее! Род людской стонет, мучится, гибнет под властью Марса. Да, это верно. Но правы ли мы будем в суждениях об участии человечества, если будем смотреть только на эти картины? Почему художник с той же экспрессией своей кисти, с какой он представил нам поле деятельности Марса, не изобразил нам страдания, мучения, гибель людей на поле действия Меркурия? Отчего он не представил нам жертв фабрик, заводов, шахт, копей, железных дорог и прочих орудий мирной деятельности современного культурного человечества? Жаль, что художник перенес на полотно только те кровавые явления жизни, которые совершаются открыто, на виду у всех, в одном месте, в определенное время, под визг снарядов, под грохот орудий; и прошел мимо тех кровавых же явлений, которые совершаются неизменно, втихомолку, в разных местах, одновременно под гул и стук современных машин. Жаль потому, что простой математический подсчет показывает нам, что железная дорога, не говоря уже о прочих орудиях промышленной деятельности нашего времени, дает нам раненых, калек и убитых больше, чем самые продолжительные кровопролитные войны <...>

Заболотный В. Роль войны в истории развития культуры. Издание второе. – Белград, 1941. – С. 3–6.

ВРЕДНЫЙ ДОГОВОР

<...> **В**оенное искусство есть искусство вести войну; служители военного искусства, определенным образом организованные для ведения войны, представляют собой армию.

Таким образом, **для успешного ведения войны нужно самую войну признать делом необходимым, благородным, чистым, высоким, а армию, как средство для ее ведения, организацией тоже необходимой, заслуживающей уважения, благодарности, признания ее заслуг.**

Между тем в конце XIX века началась кампания против войны. Первоначально велась она очень робко и стремилась лишь к тому, чтобы сократить число предлогов к войне, главным образом устранив ничтожные из них, уничтожив войну из-за пустяков. Такую борьбу против войны возможно признать допустимой и даже желательной, ибо *суровое и святое дело войны, дело жертвы своей жизнью за други своя сплошь и рядом профанировалось и становилось кощунством вследствие ничтожности предлогов, вызывавших вооруженное столкновение народов.*

Однако и такая, вполне законная с точки зрения разума и чувства борьба против войны, даже при незначительном злоупотреблении ею привела к умалению значительности войны, к взгляду на нее, как на нечто ненужное, заслуживающее порицания, какими причинами она ни была бы вызвана, как на вредное и даже позорное явление, как на действие, которого нужно во что бы то ни стало избегать, каким бы ущербом материальным и моральным за это ни пришлось бы заплатить.

Такой взгляд на войну поощрялся так называемым общественным мнением и при сильном участии антиправительственных и антипатриотических организаций распространялся во всех слоях населения, не исключая и армии. Распространению такого взгляда на войну собственно в армии способствовали даже некоторые высшие руководящие военачальники. А отсюда, как мы это видели в войне с Японией 1904–1905 гг., — проводы командирами своих частей в бой со слезами вместо стремления поднять у них дух горячим словом поощрения, напоминания о долге перед Родиной и призыва к героизму, доблести и к мужеству; отсюда же впервые в истории Русской армии появившиеся массовые сдачи в плен даже без достаточных к тому оснований. В результате же — одни сплошные неудачи и окончательный позорный проигрыш всей Японской войны, далеко еще до истощения всех материальных средств для ведения ее. И это даже не-

смотря на то, что причины, вызвавшие эту войну, были достаточны и значительны, а конечные цели, преследуемые ею, были важны в интересах России.

Результаты, как материальные, так и моральные для обеих воюющих сторон войны 1904–1905 гг. как бы несколько приостановили, так сказать, официальную, т.е. официальными учреждениями и лицами, работу по ограничению войн с точки зрения причин их возникновения или даже полного уничтожения их как средства решать международные споры. Но с тем большими энергией и старанием за это взялись так называемые общественные силы, не исключая и членов законодательных палат разных государств, выступающих, впрочем, в этом случае не от имени тех учреждений, членами в которых они состояли, а от себя лично или отдельных групп своих коллег.

При этом исходными точками для такой борьбы брались или гуманность и необходимость во имя ее отказаться в наш просвещенный век от такого варварского средства решения спорных вопросов, как война, или антinationальные учения, утверждающие, что национализм и патриотизм и все связанное с ними суть анахронизмы, предрассудки, с которыми давно уже пора расстаться и что рознь между людьми даже разных племен, наций, государств может быть только классовая, так как различие интересов у людей можно подметить и должно допускать лишь между классами без различия народов и государств.

Такая проповедь, не имея решающей силы, все же, однако, не осталась без последствий и, воспринимаемая по разнообразным причинам разными слоями народов, в общем мало-помалу подготавливала благоприятную почву для пацифизма и сильно затрагивала духовно тех, кто являлся носителями идеи вооруженной борьбы, кто готовился и готовил других к войне, кто были служителями военного искусства.

Тем не менее на такую проповедь против войны людей безответственных большинство смотрело пока как на дело несерьезное, тем более, что правительства всеми мерами и средствами увеличивали вооружение и готовились к войне, а ответственные лица если и выступали по этому поводу, то неизменно говорили: «Мы войны не желаем, но мы совершенно готовы к ней, и если нас вызовут на войну, то будем воевать до конца».

И армия сознавала и чувствовала, что она нужна, что дело, которому она служит, дело благородное, ибо дает ей возможность в необходимую минуту защитить интересы своего народа и государства, что эта защита в свое время потребует от нее жертвенного подвига, на который она и пойдет для общего блага, что эту жертвенность ценят и чрезвычайно признательны за нее.

Это все наполняло чинов армии чувством собственного достоинства, давало им силы служить своему нелегкому делу, а когда настанут времена, то с сознанием исполнения долга безбоязненно идти в бой и с чувством святости своего подвига положить живот свой за други своя.

И вот в 1914 г., когда из-за кровных своих интересов народы восстали одни на других и их правительства признали, что возникшие между ними споры, затрагивающие их жизненные интересы, не могут быть решены никакими переговорами, конгрессами, трибуналами, международными третейскими судами, началась всеобщая война. Но в угоду общему мнению войну эту декларировали не как борьбу за национальные интересы, а как войну против войны.

Тем не менее ее объявление повсюду вызвало сильный энтузиазм, везде забыли проповедь против войны.

Напротив, война в глазах подавляющего большинства стала святым делом, а армия предметом особых забот, ухаживаний и признательности. Общим кличем всех сделалось: «все для войны, все для победы». И мы были свидетелями, как все это действовало на армию, носительницу и исполнительницу в области военного искусства, которая с легким сердцем переносила все материальные и моральные испытания, приносимые войной в новых крайне тяжелых условиях.

Но вот продолжавшаяся четыре года война, охватившая почти весь мир, окончилась. Велики были жертвы, принесенные борющимися народами на алтарь войны, не все вынесли тяжесть этих жертв, — не вынесли те, среди которых вновь возобновилась пропаганда против войны, пропаганда, которая к тому же в желании скорее и сильнее воздействовать велась демагогическими приемами.

Война была прекращена так называемым Версальским миром, одним из самых неудачных когда-либо заключенных в истории человечества. Не продолжительная, тяжелая, жестокая война, потребовавшая громадного духовного и материального напряжения народов, произвела тот хаос Европы, который мы переживаем вот уже одиннадцатый год, а именно Версальский мир виновник его.

Этот Версальский мир, в сущности говоря, не закончил войну — она продолжается еще повсюду и теперь — а изменил лишь средства и способы борьбы, создав благоприятные условия для ее непрерывности.

Народы зашли в тупик и, не зная, как из него выбраться, с одной стороны, стали лихорадочно вооружаться и готовиться к новой войне, которую они, благодаря условиям, созданным Вер-

сальским миром, ожидают в ближайшем будущем, а с другой стороны, повели борьбу против войны.

Однако, на этот раз борьба ведется иными способами, чем прежде, и это потому, что прежние способы не дали решительных результатов. Теперь не стремятся ограничить число причин для войны во имя гуманности и в силу просвещенности, теперь уже во имя избежания войны не противопоставляют национальные интересы классовым, тем стремясь восстановить народы против международных войн — теперь просто решили воздействовать на моральное чувство и объявили войну грехом, делом позорным, преступлением, вне закона.

Что же из того вышло?

Так называемый «пакт Келлога», объявивший войну вне закона, т.е. отъявленным грехом и ужасным преступлением, конечно, не уничтожил ни в малейшей степени возможности возникновения войны. Это прекрасно сознают и сами создатели пакта и все те, кто подписал его. Еще лучше это понимают народные массы, мнение которых до известной степени выражается прессой, не мудрствуя лукаво, а главное — искренно и честно смотрящей на дело...

Факты, последовавшие за подписанием этого пакта, тоже свидетельствуют о реальной ничтожности его. Как уже было выяснено, пакт Келлога не может заставить государства даже приостановить свои вооружения. *Напротив того, как оказывается, подписание пакта, объявившего войну грехом и преступлением, послужило к торопливой постройке новых крейсеров, усилению средств химической борьбы, увеличению могущества и количества артиллерии и т.п.*

Некоторые утешают себя и других тем, что хотя, конечно, пакт Келлога войн не прекратит, к разоружению не приведет, но он имеет моральное значение. Вульгарно выражаясь, из такого морального значения шубы себе не сошьешь, тем более, что создатели этого международного акта сами постарались отнять у него всякое моральное значение. Заявления ответственных лиц в разных государствах по поводу подписания пакта Келлога, как бы в успокоение народов, свидетельствуют что, несмотря на этот пакт, национальные интересы государств и впредь будут защищаться всеми мерами, что пакт ничтожен, ибо с этой точки зрения он ничего не изменит. Это не может, конечно, создать ему морального значения. Да и какое моральное значение может иметь международный акт, к которому наравне с представителями других государств прикладывают руку представители заведомых мошенников и разбойников, лишенных какого бы то ни было морального чувства, — советского правительства?

Итак, возможность войн и теперь ни для одного государства не исключена. Но для ведения войны нужна сильная, хорошо обученная и отлично воспитанная армия, нужно, чтобы в стране процветало военное искусство и военное ремесло.

Для достижения этого необходимо, чтобы служению военному искусству посвящали себя люди высокого умственного и нравственного развития, способные всецело и сознательно отдать себя военному делу, быть ему преданными, любить его, считать его жертвенным, а потому благородным и необходимым.

Необходимо кроме того, чтобы эти люди свое горение по отношению военного дела умели и желали бы передать массе, по необходимости составляющей всю армию. Ну а можно ли настроить себя на высокий лад, проникнуться сознанием высокого призвания для служения делу, которое правительством своей страны, лучшими, по общему мнению, не всегда, впрочем, справедливому, людьми своего народа признается грехом, преступлением, находящимся вне закона, а потому делом мерзким и недостойным?

Но если даже такие люди с высокоразвитым национальным сознанием и глубоким патриотическим чувством в каждом народе найдутся — несомненно найдутся и в достаточном числе, — то в состоянии ли они будут надлежащим образом воспитать армейскую массу? Ведь на каждый призыв к обучению, к исполнению требований службы эта масса ответит: «зачем учите нас служить преступлению; тому, что само правительство наше считает вне закона». Ведь на каждое стремление взрастить в своих подчиненных надлежащий воинский дух и боевое настроение каждый начальник может встретить внутреннее сопротивление тех, которые, искренно или нет, не захотят сопричисляться к греху. *А какой простор для разлагателей армии изнутри, для всякого рода агитаторов, провокаторов и т.д.!*

Русская армия не устояла против них и в иных, противоположных условиях. Нет уверенности, что она в состоянии будет устоять и при укоренении мнения о разумности, верности и справедливости идей, вложенных в пакт Келлога. Да и одна ли русская армия? Вот разве только парламенты откажутся ратифицировать пакт Келлога, но на это надеяться вряд ли возможно.

Итак, пакт Келлога с военной точки зрения акт чрезвычайно вредный и опасный. Он выгоден только так называемому правительству СССР. Это «правительство» одним из самых могучих средств в вооруженной борьбе со своими противниками считает разлагательскую пропаганду в рядах их армий. Пакт Келлога не только облегчает эту пропаганду, но в высшей степени способствует ей и облегчает ее.

С другой стороны, пакт Келлога, который подписал и СССР, никоим образом не может стеснить последний. Ведь согласно п. I война признается преступлением лишь тогда, когда предполагается по национальным мотивам. А ведь СССР есть единственное государство, которое в своих действиях не руководится национальными моментами, — значит даже идейно, отвлеченно, пакт Келлога и после его подписания не налагает на советскую Россию никаких решительно уз.

Хорошо, что пакт Келлога не может быть подписан от имени русских эмигрантов! Да не будет на нем также подписи грядущей национальной России!

Баиов А. Вредный договор /Новое Время. – 1928. – №№ 2233, 2234.

ФРОНТОМ К ПРОШЛОМУ

<...> **В**ойны никогда не исчезнут. Тишина кладбища, о которой мечтают многие, никогда не установится на земном шаре. Причин указанному явлению много, и в числе их одна — наиболее серьезная — это та, что война не входит в понятие о так называемых волевых явлениях, т.е. лежащих в воле человека. Человечество может молить: «да идет мимо меня чаша сия», но должно сейчас же, уже при самой мольбе понимать, что это «мимохождение» не от него, человечества, зависит, что в сознании своего бессилия оно должно добавлять почти то же, что уже однажды, в томительных муках в ожидании креста, определенно говорил в Гефсиманском саду один великий Страдалец: «но не яко же Азь хочу, но яко Ты».

Вся история мира показывает, что войны не прекращаются. Люди оттягивают вооруженную борьбу, кладут между наиболее крупными войнами полувековия и даже столетия, временами пытаются смягчить ужасы своих кровавых распрей, останавливаются на мерах предупреждения, хлопочут о разоружении, проповедают значение мирных конференций и конгрессов, создают влиятельные общества сторонников мира, подписывают пакты Келлога и все же в конце концов, после всех усилий, благородных стремлений, колоссальной работы и умирительной проповеди скрещивают свои мечи и устраивают такой ад, после которого не могут оправиться целые десятилетия. До сих пор войны окончательно не прекращаются, главным образом, и прежде всего, потому, что прекратиться не могут.

Те, кто думают иначе, выдвигают вперед океан крови, только что пролитой в последней мировой войне... «Неужели и он, этот океан, — спрашивают они, — не закончит в окончательной форме стремлений людей к вооруженной борьбе, неужели не образумит их, не смягчит их души, не заставит заменить войну другими способами, могущими разрешить споры, недоумения, экономическую и политическую вражду, жажду наживы за счет более слабых и менее устойчивых? Казалось бы теперь, после всего пережитого и после всего переживаемого, перед лицом непомерных затруднений по излечению всех нанесенных войною ран, по восстановлению всего, ею потрясенного и разрушенного, по собиранию всего, ею развеянного, и очищению всего, ею оскверненного, — самая простая логика подчеркивает, что человечество должно раз навсегда проститься с войной как одним из составных элементов мировой жизни и людской деятельности».

Логика... Да, это великая вещь. Но разве те, кто о ней напоминают и в ее торжество верят, не замечали, что человечество во многих вопросах всегда шло чрезвычайно оригинальным путем, — двойным, нелогичным, напоминавшим нам, военным людям, с чисто внешней стороны, своеобразную сцену на берегах Березины в 1812 году, когда Чичагов, чтобы поймать Наполеона, спустился за ним с севера на юг, а Наполеон, чтобы поймать, т.е. в данном случае обмануть Чичагова, поднимался с юга на север. Ведь подобно тому, как окончательное прекращение войн лежит не в человеческой воле, точно так же вне этой воли лежит, по-видимому, и задача всем деяниям человечества логической красоты и строгой последовательности.

Француз Пастер давно отметил эту поразительную нелогичность. При открытии института, посвященного его великому имени, он сказал, между прочим, следующее:

«Идет, по-видимому, борьба между двумя противоположными законами: законом крови и смерти, который, производя все новые средства разрушения, побуждает народы постоянно готовиться к действиям на поле брани, — и законом мира, труда спасения, который направляется к освобождению человека от осаждающих его страданий. Один толкает к кровавым заповедям, а другой ведет к оказанию человечеству помощи; этот последний ценит жизнь одного человека выше всех побед, между тем, как тот бросает сотни тысяч жизней в жертву единичного честолюбия».

Но можно идти и дальше...

Мир все больше и больше сплетается в одно целое по своим экономическим интересам. Жена рабочего в Эссене покупает кофе, идущий из Гамбурга. Гамбургский оптовик заказывает кофе в Бразилии; бразильский плантатор покупает сельскохозяйственные машины в Чикаго. Чикагский сталелитейщик нуждается в японском шелке, японец — в китайской коже, Китай — в мясных консервах из Аргентины, аргентинский колонист — в автомобилях из Франции; французский рабочий и автомобильный мастер — в рыбных продуктах из Норвегии; норвежский рыбак — в итальянских фруктах, итальянский садовод — в алюминиевых изделиях из Швейцарии и т.д.

И вот при таком положении дел тот же человеческий мир пером различных договоров и трактатов рубит десятками лет установившиеся экономические цельности, создает целый ряд новых мелких государств с их таможенными границами, оставляет одних с углем, но без железа, других с железом, но без угля, возвращает крупную часть мира к печальному состоянию старого германского союза, когда вся Германия делилась на сотни Липпе и Детмольдов и немец должен был перевозить свои товары и самого себя через десятки таможенных и политических границ.

Наряду с провозглашенным принципом самоопределения народов новые политические границы установлены так, что 80 миллионов людей оказались под господством иной, чем они, национальности. Наряду со стремлением к международному объединению в прямой противовес ему все человечество идет и по пути не только здорового национализма, но и большого шовинизма. Наряду с возвращенной во всем свободой устанавливаются такие стеснения и ограничения, которые казались безумными даже в средние века.

Думается, что в вопросе о той или иной неизбежности войн логику нужно отложить в сторону и считаться лишь с наличными жизненными фактами. А последние говорят, что войны будут неизбежны и что XX век и его преемники едва ли будут в этом отношении разниться от своих предшественников.

Впечатление, произведенное мировой войною на многих, начинающих уже считать, что при такой кровавой бойне войны в будущем станут положительно немислимыми, не является новым <...>

В 1898 году И.С. Блюх в своем известном труде «Будущая война» высказывал ту мысль, что при колоссальном развитии современной военной техники, когда огонь противника в несколько минут будет сметать целые полки, военные операции станут немислимыми. Он говорил об этом только по опыту франко-прусской, русско-турецкой и англо-бурской войн, т.е. по данным таких столкновений, которые по сравнению с всемирной войной казались простой передышкой в бою или почти обычными маневрами мирных дней. Между прочим, он указывал на Америку как на ту страну, которая умеет достигать всех стоящих перед нею задач, не обнажая давно заржавленного меча. Он выпустил свою работу в мае, а в июле того же года, как бы опровергая его выводы, та же Америка из-за плантаций на Кубе объявила войну древней Иберии.

Ужас, вносимый войною, кажущаяся при блистательном развитии военной техники невозможность войны, наличие иных, уже мирных способов разрешения международных тяжб, все это, как показали события мировой истории, еще никогда не приостанавливало кровавых столкновений, если только плод распри созревал окончательно. Но ведь войны в будущем можно прекратить путем всеобщего разоружения?

Я желал бы видеть военных людей в те минуты, когда они будут заседать на конференциях, посвященных этому разоружению, но военных людей, понимающих свое дело, не тех, кто, поддельваясь под модные течения и вопли толпы, фарисейским языком говорил бы о прелестях разоружения или кто надел военный мундир по простому недоразумению, а иногда и по родитель-

ской прихоти. Я заглянул бы тогда в их головы и, если бы это удалось, прочел бы в них следующее:

«Разоружайтесь, уничтожайте все, что вы наметили к уничтожению как заманчиво влекущее вас к новой кровавой борьбе и дающее вам в руки полную возможность этой борьбы. Но так как войны неизбежны и так как все же наступит минута, когда вам, людям мира, вновь будут нужны и ружья, и пулеметы, и мы, военные люди, то знайте, что своим решением разоружиться вы ставите только новые, особенно сложные задачи военному миру, только затрудняете ему удачное разрешение специально военных вопросов в минуту, когда война все же вспыхнет».

Если нельзя будет по запрету мирных конференций содержать постоянные армии, если в облегчение народных масс нельзя будет пополнять их по обычным законам всеобщей воинской повинности, то мы, военные люди, должны будем иметь и создавать наемные или добровольческие армии: если при этих условиях вооруженные силы естественно станут не многомиллионными, какими они были в 1914 году, и станут неспособными протянуться по окопной линии от Балтийского моря до Черного, то мы должны будем отказаться от позиционной войны и вновь вернуться к маневренной войне лучших времен военного искусства; если вам нельзя будет иметь в мирные дни тяжелые орудия и пулеметы, то нам придется или создавать их в дни самой борьбы, как это уже пришлось делать всем в эпоху всемирной войны, или же переделать наши фабричные станки, наши плуги и наши повозки так, чтобы с открытием военных действий станок явился бы частью тяжелого орудия, плуг затрещал бы пулеметом, а повозка выехала бы вперед, как блиндированный автомобиль. Та же техника, которая, по общему мнению, создала особые ужасы, а отсюда и невозможность новых войн, придет на помощь военному миру, когда последний будет скован ограничительными соглашениями, и как раз даст военным людям полную возможность вести и новую борьбу.

Не сумеют разрешить этой задачи лишь те народы, которые искренно поверят в силу «клочков бумаги», которые не найдут у своих передовых людей творческой мысли приспособления и которые окажутся по общей народной массе резко отставшими в культурном отношении. *Договоры, ограничившие боевую готовность Германии, оказали ей великую услугу, побудив ее ранее других европейских народов вступить на хитроумный путь скрытого обхода установленных запрещений. Немудрено, если в минуту скрещения мечей она окажется несравненно более готова, чем другие, в том числе и ее враги.*

Проповедуемое разоружение преследует будто бы две цели: во-первых, уничтожить заманчивость легкого вступления в борьбу, — легкого потому, что оружие лежит под рукою, в полной готовности и исправности, и, во-вторых, облегчить народные массы

от ощущаемой ими тяготы вооруженного мира. Но если первая цель несомненно не будет достигнута потому, что войны, как мы видим, все же останутся неустраняемыми, то едва ли будет достигнута и вторая цель.

Если армии в том виде, в каком они существовали до сих пор, будут почти сведены на нет, то взамен их придется или создать войска милиционные, или завести наемников. Для подготовки милиции придется, между прочим, ввести военное обучение в школах и устроить целый ряд поверочных и учебных сборов. Опыт Швейцарии, имевшей не регулярную армию, а милицию, показал, что страна была доведена до необходимости вести обучение последней почти по той же программе и в тех же размерах, как шло обучение постоянных войск. После мировой войны целый ряд европейских государств энергично ведет у себя подготовку «вооруженного народа». Станкевич справедливо говорит, что «милиция станет не избавлением от казармы, но, наоборот, казармой, распространенной на все дома, жилища и людей». Все это не снимет бремени, а наложит новые бремена.

Что касается наемных армий, то они дороже призванных по воинской повинности. Чтобы создать их более многочисленными, необходимы колоссальные расходы. Недаром когда-то совершенно правильно говорилось: «деньги есть — швейцарцы (наемники в былые времена для всей Европы) есть; денег нет — швейцарцев нет». Новые расходы в свою очередь вызовут новый нажим податного пресса. И будет «новая лезть горше первой».

И вот, когда мы читаем многочисленные статьи о смысле, порядке и последствиях разоружения, мы невольно обращаем свои мысли к сравнительно недавнему *русскому прошлому*. Тогда цель, которую должно было преследовать разоружение, предполагалось, по крайней мере у нас, русских, достичь иным, весьма своеобразным путем. По словам бывшего начальника главного штаба ген. Н. П. Михневича, полное осуществление «большой» военной программы, утвержденной свыше 6 марта и 22 октября 1913 г., давало в руки России такую мощь, которая свободно позволяла русскому Государю обратиться последнюю в дело служения миру. *Ведь источник событий, которые неизбежно привели европейские государства к небывалому по размерам столкновению 1914 года, лежал в обнаруженном Дальневосточной войной бессилии Российской Империи.* Германия и Австро-Венгрия в тесном союзе друг с другом немедленно начали энергичное осуществление своих политических и торговых целей — первая на Ближнем Востоке, вторая — на Балканском полуострове. Столкновение их с русско-французским блоком стало неизбежным. Россия успела выполнить все, ею намеченное по «большой» программе. Мало того. Она смогла бы тогда не связывать себя союзами, которые обращали ее в какое-то подсобное оружие для чужих устремлений. Если бы

на материке Европы и смогла бы возникнуть какая-либо вооруженная борьба, нейтралитет мощной России положил бы этой борьбе известные пределы. Посредничество России могло бы последнюю предотвратить. Самая возможность вмешательства такой силы удержала бы спорящие стороны от решения спора оружием, ибо война могла не дать тех результатов, на которые воюющие державы хотели рассчитывать. В 1859 г. Наполеон III и Австрия вели борьбу всего 70 дней, так как первый тяготился нейтралитетом Пруссии, а вторая ожидала вмешательства не только Пруссии, но и России. Борьба 1870-71 гг. ограничилась пределами Франции только потому, что Россия сдержала Австрию.

Не нуждавшаяся в дальнейших завоеваниях, не хлопотавшая о рынках, занятая громадным и быстрым развитием собственных сил и богатств Россия действительно была бы стражем для всего мира. «Превентивная» война 1914 г. не позволила ей выступить в этой роли и привела как раз к обратному — к созданию на месте прежней России очага бесконечных смут и общеевропейской тревоги.

Вопрос о разоружении, который предполагалось разрешить совсем в иной форме, чем о том думают ныне, отодвинулся в своей развязке на неопределенный и, по-видимому, долгий срок. Ни о каком разоружении, — ни по пути, разъясненному ген. Михневичем, ни по пути, намеченному современными политическими деятелями, — не может быть и речи, пока в златоглавой Москве сидят наследники Парижской Коммуны и члены европейского Интернационала.

Уйдут они, и явится несомненная возможность сделать вооруженные столкновения явлением редким...

Симанский П. Фронтом к прошлому /Русский Инвалид. – 1929. – 22 мая.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАЦИФИЗМ

<...> **П**очти каждый американец в принципе пацифист. Он смотрит почти с презрением на Европу, которая никак не может освободиться от таких «варварских предрассудков», как решать наиболее острые международные вопросы войной. Он только не замечает одного, — что все это теперешнее благосостояние принесено ему войной, той самой, против которой он восстает. И от этого благополучия, которое является следствием несчастья Европы, он отказаться не хочет.

Европеец, который слушает поучения американца о «незаконности» войны, невольно думает про себя: если война есть средство незаконное — то и благоприобретенные этим «незаконным» средством материальные блага подлежат возвращению. Его мысль невольно переносится на вопрос о так называемых междоусюзных долгах, выражаясь более ясно, — об общей задолженности Америке. Но рядовой американец не хочет и слышать об аннулировании этих долгов. А между тем, это единственный и наиболее верный путь к прочному миру, ибо это значительно уменьшило бы требования победителей к побежденным. Интересно отметить, что отказ Америки от возмещения военного долга может оказаться ей выгодным и в экономическом отношении.

Дело в том, что исключительный прилив золота в Америку являлся следствием того нарушения экономической жизни, которое было вызвано войной. Это, следовательно, представляет собой процесс болезненный.

По мере того, как мировая война все более и более отходит в прошлое, мировая экономическая жизнь оздоравливается. В условиях мира созданное войной положение не может существовать. Уровень запаса золота в условиях мирного европейского труда должен повышаться за счет отлива золота из Америки. Противиться этому процессу — равносильно тому, что пытаться остановить течение большой реки. Чем большая плотина будет построена — тем большая катастрофа разразится в случае ее прорыва.

Происходящие в этом году в Америке крахи не являются случайными. Они представляют собой обвал тех плотин, которыми Америка пытается удержать отлив из нее золота. Требуя уплаты причитающегося ей долга — Америка уподобляется инженеру, который не только перегородил плотиной реку, но в то же время предпринимает работы для того, чтобы увеличить прилив воды в образовавшиеся запруды.

И чем более будет требовательна Америка в отношении междоусюзных долгов, чем более будет отгораживаться она от Европы таможенным тарифом, тем большие крахи ожидают ее в будущем.

Социальная жизнь, так же, как и все явления мира, управляется законами. *Война есть социальная болезнь. Стремиться отстаивать свое благополучие, базируясь на нарушенном войной экономическом равновесии, очень близоруко. В моральном отношении это несравненно больший шовинизм, чем шовинизм воюющей армии. В последней люди рискуют жизнью и не получают никаких материальных благ.*

Но где же пацифизм?

Один из моих приятелей — отставной генерал, принимавший участие в рядах армии С.А.С.Ш. в мировой войне, заявил мне, что он ярый пацифист; он восхищается пактом Келлога и возмущается шовинистическим духом Европы.

— Отдадите ли вы Филиппины японцам, — спросил я его.

— Ни в коем случае, — с горячим возмущением ответил он.

— Но, когда японцы говорят, что им нужно место под солнцем, они правы, — продолжал я.

— Может быть, — вновь столь же горячо возразил он. — Но нам нужны рынки в Китае, уступка же Филиппин нанесет материальный ущерб и подорвет наш моральный престиж на востоке.

— Тогда у вас будет война.

— Да, но в этой войне Америка будет защищать свои законные права.

— Какая же разница между вами и Европой, — спросил я в заключение.

Он ничего не ответил.

Головин Н.Н. Американские впечатления /Русский Инвалид. — 1930. — № 10.

ЭТИКА ВОЙНЫ

С тех пор, как споры народов разрешаются войною, — а дата эта теряется в зачаточной истории человеческих обществ... С тех пор, как война является почти перманентным явлением в жизни мира, — ибо время, от исхода евреев из Египта и до сего дня, в течение 3.579 лет, было лишь заревом войны... — с тех пор всегда и везде, сообразно эпохам, нравам и племенным особенностям, мировая совесть пыталась утверждать известные обычаи, — морально обязывающие правила войны, смягчающие ее жестокую сущность. По этому пути шли гуманистические течения, в особенности движение, поднятое в начале XVII века за установление «права войны и мира» Гуго Гроцием, родоначальником международного права.

Но эти теоретические нормы, по выражению Вольтера, «давая понятие о справедливости, служили только утешением для народов в тех бедствиях, которые созданы политикой и силой». Действительно, XVII и XVIII века являют собой пример исключительного господства жадного эгоизма правителей и правительств, падения политических нравов и жестоких приемов войны. «Сила и корысть создают трактаты, сила и корысть нарушают их»...

Не много перемен внесли и последующие два века. В 1864 году состоялась Женевская конвенция, — кстати сказать, в год начала Великой войны исполнится ее полувековой юбилей, — внесшая известные ограничения в отношении воюющих сторон и начала гуманности в приемы войны. Акт лицемерия правительств, ибо правила ее плохо соблюдались во время войн последовавшего столетия и были попорчены совершенно в мировой войне. Договоры о нейтралитете Бельгии и Люксембурга — «вы объявляете нам войну из-за клочка бумаги»... Причудливо изрезанная по живому телу ее народностей карта Малой Азии — в качестве компенсаций победителям... Подводная война, топящая мировые корабли с женщинами и детьми... Бороздящие тело осколки разрывных пуль... Отравление тела — удушливыми газами и души — ядовитую пропагандою...

Страны-буферы против вторжения вооруженной силы и вредных идей — то выручаемые, то предаваемые на поток... Торговля «хоть с каннибалами»... Готтентотская мораль держав по отношению к плененной России...

То ли еще готовится в тайниках кабинетов, мастерских и лабораторий ко дню грядущего международного столкновения — для истребления человечества!..

* * *

В свете этой жестокой действительности так неожиданно было натолкнуться, случайно, на позабытые строки русского военного мыслителя — М.И. Драгомирова, написанные им в 1902 году...

Во время австро-прусской войны 1866 года Драгомиров состоял военным агентом при прусской главной квартире. Передавший на сторону пруссаков венгерский генерал Клапка составил для Бисмарка обстоятельные и весьма резкие аттестации австрийских командующих генералов. Аттестации были напечатаны и опубликованы немцами; один экземпляр был предоставлен Драгомирову. И вот, вспоминая этот эпизод, М.И. сетовал на «бесцеремонность Бисмарка в выборе средств для достижения цели»... «На публичных чтениях в Академии я цитировал эти аттестации, и одобрения за сие не получил. Тем менее, конечно, мог я предавать их тогда бумажной гласности»... Бисмарк, по словам М.И., не остановился бы даже перед тем, чтобы взбунтовать подданных против их законного государя, если бы это понадобилось по ходу войны»...

Так рисовался Михаилу Ивановичу предел «бесцеремонности».

Какой анахронизм для наших дней! Не превзойдены ли всякие пределы новейшими Бисмарками, безразлично — в военном мундире, в рубашке гитлеровца и в пиджаке социал-демократа. Да и не одними немцами, конечно... В этом деле с ними соперничают — не без успеха — многие другие. Под тихий рокот речей о пан-европейском союзе куются страшные орудия истребления. Право — ничто перед силой. Встает уже прямо вопрос: «Все ли дозволено в интересах нации?»

Политика обходит этот вопрос многоговорящим молчанием.

Совесьть говорит — «нет!» А жизнь отвечает — «да!»

И если мировая совесьть не заговорит громче и решительнее, то мир увидит закат своей культуры.

Деникин А. Этика войны /Русский Иинвалид. - 1931. - №17.

Б. Штейфон

РУССКО–ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

Война 1904–05 гг. оказала значительное и сложное влияние на дальнейшие судьбы Российского государства.

В политическом отношении она умалила международный престиж нашей Родины и вызвала революцию 1905 г. В свою очередь, эта последняя была использована левыми партиями и либеральной русской интеллигенцией как фактор, питавший дальнейшие революционные настроения. В экономическом отношении война эта резко изменила хозяйственный ход страны и оказала мощное воздействие на экономическое развитие государства.

В военном — маньчжурская эпопея, по существу колониально-го типа, является прообразом будущей Великой войны. Еще за 10 лет до начала мирового столкновения, на дальневосточных полях сражения уже проявились (конечно, в соответствующем масштабе!) характерные черты современной тактики и стратегии.

Русско-японской войне были присвоены, почти официально, названия — «роковой» и «несчастной». Теперь, когда последующие этапы российской истории уже нами пройдены, мы имеем все основания утверждать, что *Маньчжурская война была дей-*

ствительно роковой. И ее рок сказался, главным образом, в том, что она велась в период заката русского государства. В тот период национальные импульсы крайне ослабели, а инстинкт здоровой государственности переживал полосу тяжелого кризиса.

Тогда, 25 лет назад, Русско-японская война расценивалась как война авантюристическая и ненужная. Теперь, когда о прошлом можно рассуждать с историческим беспристрастием, надо признать, что *начиная Дальневосточную борьбу, Императорская Россия выполняла свою очередную великодержавную задачу. Невозможно отрицать законность стремления каждого здорового народа следовать путями своих насущных, имперских интересов.* Выход к Великому океану, как и прочное закрепление этого выхода, являлись одной из основных проблем российской политики. Иной русская национальная политика быть не могла, как не может она измениться и в дальнейшем. Даже большевики, которые настойчиво и систематически стремятся прервать все исторические связи с прошлой Россией, не в силах изменить это тяготение к морям, и их борьба за Кит.-Вост. ж. д. доказывает это.

Таким образом, основные цели, вдохновлявшие Японскую войну, цели, выполнявшие древнерусское задание, — выход к морям, — были жизненны и государственно мудрые.

Иной вопрос, насколько эта война являлась своевременной и в какой степени соответствовало ей внутреннее и международное положение тогдашней России. На эти вопросы должно ответить отрицательно: *война была несвоевременная, ибо к ней не были готовы.*

Прежде всего к ней *не был подготовлен дух нации*, каковое обстоятельство и предопределило, почти полностью, несчастный исход войны. *Нация начала войну без воодушевления, вела ее равнодушно и закончила не вовремя.* Теперь ясно, что, начиная 25 лет назад войну, Россия была уже больна, серьезно больна...

Совокупностью условий, анализ которых не входит в задачи настоящего очерка, народ упорно и планомерно развращался в течение многих десятилетий, предшествовавших войне. Религия и национальные идеалы подвергались жестокому натиску рационализма. В лице своей интеллигенции страна переживала длинный период пагубной переоценки решительно всех духовных ценностей. В итоге *народ выступил на войну с выцветшею душою и с приниженным государственным инстинктом, а потому равнодушный к судьбам своей Родины.* «Мы — калужские», — эта трагическая формула, которая так ярко проявилась в 1917 году и которая привела к развалу государства, впервые определилась уже в Маньчжурскую войну. Будет несправедливо приписывать эту формулу народной темноте и объяснять ее происхождение

политическим невежеством масс. Теперь ясно, что ее породила и привила народу наша радикальствовавшая и либеральствовавшая интеллигенция, формировавшая свои духовные идеалы в исповедании социализма и интернационала.

Военные неудачи не вызывали траура нации. Наоборот, широкие общественные круги открыто радовались неудачам, создав в те годы позорную, пораженческую формулу — «чем хуже, тем лучше». Только больная нация могла жить подобными идеалами в период грозных испытаний!..

Не малую роль в нашей неподготовленности к Маньчжурской войне сыграл тот *разрыв между политикой и стратегией*, какой проявился в разбираемый период русской жизни. Два этих серьезнейших государственных начала действовали вполне самостоятельно. Ряд воспоминаний наших дипломатов и руководителей армии, воспоминаний наших вышедших уже в эмиграции, свидетельствуют, как наше министерство иностранных дел было мало знакомо с руководящими идеями военного ведомства и наоборот, как последнее не всегда считалось с направлением и заданиями нашей внешней политики.

Если работа и творческие замыслы обоих ведомств были бы координированы, а деятельность военной агентуры более систематизирована, то, несомненно, война была бы подготовлена более основательно, а потому и ее исход был бы иным.

Русско-японская война явилась лишь очередным этапом нашей дальневосточной политики, и ей предшествовали постройка Великого Сибирского пути, оккупация нами Квантуна и Маньчжурии. Государственное предвидение должно было подсказать, что в своем стремлении к Великому океану мы неминуемо столкнемся с какой-то силой, которая будет противодействовать этому продвижению. Политика должна была угадать эту силу, а стратегия — подготовить средства ее сокрушения. К сожалению, как было уже сказано, равновесия между политикой и стратегией не было и *наши военные мероприятия на Дальнем Востоке отнюдь не соответствовали обширным замыслам политики*.

В 1904 г. были повторены ошибки турецкой войны, ошибки, основанные на недооценке сил и средств противника. Как и в период первых Плевн, наши первоначальные силы в Маньчжурии были недостаточны и мы начали боевые действия, имея лишь около 130 тысяч войск, из коих 30 тысяч находились в оторванном от главного театра Владивостокском районе и около 30 тысяч в Порт-Артуре. Удаленный от всех жизненных, питающих центров страны Маньчжурский театр был связан с этими центрами единственной железной дорогой, провозоспособность которой в начале войны определялась в 5 пар поездов в сутки, из коих собственно воинских было только три. Лишь в середине лета 1904 г.

удалось поднять пропускную способность дороги до 12 пар, а к августу 1905 г., т.е. к концу войны — до 20 пар.

Столь тяжелые условия подвоза и эвакуации естественно побуждали Главкомандующих обращать особое внимание на охрану своей единственной связи со страной. А это обстоятельство вызывало, в свою очередь, чрезмерный расход силы на охрану магистрали и ослабило Действующую армию, в период Мукденского сражения, почти на 50 тысяч человек. Одной из внутренних трагедий Маньчжурской войны, трагедии не осознанной 25 лет назад и почти не отмеченной ее позднейшими историками, являлось то, что *эта война, не только хронологически, но и идейно оказалась на рубеже двух различных эпох. С мировоззрением XIX века мы начали и вели борьбу, сущность и формы которой уже явно вырисовывали контуры будущей Великой войны. В Маньчжурии, впервые, воевали не армии, а вооруженные народы.*

Только при уяснении этого нового фактора станет понятным, почему столь отдаленная и без особой натяжки могущая быть названной колониальная война, так потрясала весь организм государства и так серьезно поколебала все его психологические, экономические и социальные устои.

Для дальнейших судеб русской армии, как, впрочем, и для всей России, Японская война имела столь же обширные и глубокие последствия, какие имел 50 лет назад перед тем Севастополь. Исторические параллели, привлекающие зачастую своим внешним сходством, в данном случае уместны и по внутренним, т.е. более серьезным причинам. *Как перед Севастополем, так и перед Маньчжурской войною наша армия переживала длительный период вредного самообольщения, вдохновлялась пагубной формулой — «шапками закидаем». В итоге, ни в вопросах обучения, ни в вопросах снабжения, ни в вопросах военно-философских основ мы не были надлежаще подготовлены к ведению большой войны.* В армии крепко укоренились псевдосуворовские навыки с их уже отжившими исповеданиями — пуля дура, штык молодец!..

И если отдельные мыслители, как М.И. Драгомиров, придавали этой формуле духовное значение и в их представлении «штык» являлся лишь активным началом, порождающим стремление вперед, маневр, то массы воспринимали подобное учение непосредственно.

Старший командный состав русской армии, воспитанный по заветам турецкой войны 1877–78 г.г., крепко усвоил и крепко использовал уже ставшие уроки той войны.

Большие курские маневры, устроенные в 1902 г., т.е. за два года до начала Японской войны, и давшие в широком масштабе

сущность подлинной боевой подготовки армии, являли приметы серьезной военно-технической отсталости. Тогда, под Курском, поля маневров «жили» и несомненно радовали сердца участников турецкой войны: густые цепи во весь рост наступающей пехоты, массовые резервы, открыто двигающиеся с музыкой и знаменами, снующие повсюду ординарцы, эффектные выезды артиллерии на пригорки и прочие красочные, батальные навыки времен Плевны.

С выучкой курских маневров держала русская армия свой боевой экзамен. В итоге — Тюренчен, Вафангоу, Дашичао и дальнейший печальный перечень. В итоге новое доказательство истины, что на войне одной храбрости или лихости недостаточно, что необходимы знание, выучка.

По сравнению с обучением мирного времени, первые же Маньчжурские столкновения показали, что поля современных сражений пустынно, что не ложиться в цепи — преступление, а располагать артиллерию на открытых пригорках — это обрекать ее на быструю и бесславленную гибель. Короче говоря, первые же бои выявили несостоятельность тактически, а как следствие этого, и организационных основ мирного времени.

Ценою крупных потерь войска сравнительно скоро усвоили новые требования войны, дух однако был уже подорван первыми столкновениями.

Старший командный состав, боевое мировоззрение которого было серьезно спутано новыми требованиями войны, тщетно старался усвоить чуждые ему дух и формы. Меньшинство приспособлялось, большинство переживало трагедию непонимания, и только отдельные, более одаренные натуры постигли новую сущность новой войны.

Драма генерала Куропаткина, конечно, не только в отсутствии у него равновесия между умом и волею. Психологически Куропаткин был на 3/4 в прошлом. В его военном творчестве доминировали воспоминания турецкой войны и среднеазиатских методов. И эти воспоминания делали его нечувствительным к восприятиям *нового лика войны*. Что это так, что это мое утверждение верно, доказывается всею боевою деятельностью, в период Великой войны, этого, несомненно, почтенного генерала.

Среди всех родов войск, раньше других, наиболее полно и сознательно усвоила новые требования войны наша прекрасная артиллерия. На ее помощи и на ее выручке мы, в сущности, и держались весь первый период войны. На этом обстоятельстве необходимо остановиться, ибо оно не случайно.

К началу XX века развивавшаяся мировая техника ввела в обиход военного дела такие факторы, как скорострельную артиллерию, пулеметы, усовершенствованные средства связи. Други-

ми словами, техника дала мощные средства преодолевать расстояния. Для усвоения, конечно не механического, а идейного всех этих новшеств требовалась соответствующая психологическая подготовка, требовался соответствующий военный кругозор. Чтобы побеждать, одной храбрости или лихости было недостаточно. *Война потребовала не только специальных знаний, но и повышенного общекультурного уровня всей армии.* Офицерский состав артиллерии, по сравнению с другими войсками, являлся наиболее однородным. Естественно, что столь благоприятная среда скорее других осмыслила и переварила новые требования войны. Пример того, какое значение в современном военном деле имеют повышенная военная подготовка и повышенный уровень общей интеллигентности.

Выдающую роль в деле перевооружения и подготовки нашей артиллерии сыграла и личность ее главного руководителя и вдохновителя Великого Князя Сергея Михайловича. В то время когда остальная армия подготавливалась умами зачастую схоластическими, лишенными дара предвидения, Великий князь являл пример выдающегося военного практика.

Маньчжурская армия была уже армией вооруженного народа. Народ же, призванный под знамена, не приобрел этим фактом добродетелей воина, принес с собою и психологию «миролюбивых мечан».

Наше военное ведомство приняло печальное решение пополнить действующие части и формировать новые запасными старших возрастов. При том богатстве пополнений, коими располагала Россия, трудно было придумать более неудачную меру. Участникам войны, конечно, памятли толпы пожилых бородатых мужиков, одетых в военную форму, уныло бредущих по маньчжурским дорогам. *В их руках оружие казалось таким лишним и ненужным.* Они воевали скверно не только потому, что не хотели, но и потому, что не умели, ибо надежно забыли ту нехитрую выучку, которой когда-то подвергались.

В XX веке уже невозможно было воевать без знаний, при этом знаний разнообразных и современных. *Война требовала воинов-специалистов, идеалу коих отнюдь не соответствовали контингенты, призванные на основании всеобщей воинской повинности.*

Признаки того духовного банкротства, какое проявила мировая военная система комплектования армий в течение Великой войны, впервые и в крупном масштабе определились уже в Маньчжурии. Русскую армию времен Маньчжурской войны, как 10 лет спустя и все армии мировой борьбы, наиболее точно характери-

зуют слова Геродота: «В армиях персов было слишком много людей и мало солдат»...

Если теперь, несмотря на жестокие уроки, человечество продолжает исповедовать устаревшие истины и продолжает верить в мудрость принципа всеобщей воинской повинности, то 25 лет назад опыт войны 1904–05 г.г. был просто не понят. Первопричину военных неудач видели не в органических недочетах военной системы, а в длинном перечне второстепенных явлений, из коих многие были крайне существенными, но во всяком случае не решающими. *Особенностью упадочной стратегии XX века является то обстоятельство, что эта стратегия стремится победить противную сторону не искусством, а измором. И тенденция измора явно проявлялась уже в Русско-японскую войну, явившись вторым основным фактором, вызванным к жизни современными социальными исповеданиями.*

Если в 1914 г. все государства начали войну не учитывая всей важности организованной экономической подготовки страны, если в 1914 году понятие армейского тыла не отождествлялось со всею территорией и со всеми богатствами государства, то за 10 лет перед тем Россия уже испытывала, на собственном опыте, как ненасытна, как разорительна современная, затяжная война. Все те нормы, какими в своих расчетах, на основании предшествовавших не только своих, но и европейских войн, пользовалась военная администрация и военная статистика, оказались не соответствующими действительности. Действительность во много раз опередила самые смелые расчеты. Поэтому, Русско-японская война, хотя в ней участвовало не более 1/3 наших вооруженных сил, внесла чрезвычайное расстройство во все области военного снабжения. *Почти все запасы, рассчитанные на всю многомиллионную русскую армию, на случай ее мобилизации, были поглощены войной.* Государство не предвидело столь широкого израсходования всех средств страны, а потому система измора, не достигнув результата, благодаря преждевременному заключению мира, тяжело отразилась на экономическом положении нашей Родины. Произошло это потому, что «вооруженный народ» стихийно стремился уравновесить недочеты духа воздействиями материального порядка.

25 лет назад было и несвоевременно и непонятно искать объяснения нашим маньчжурским неудачам в кризисе общечеловеческой морали и в отживающей сущности мировой военной системы. В те годы не только умами, но и чувствами русского общества владели Толстой, Ницше и Маркс, а в армии культивировался опыт Русско-турецкой войны...

Близорукий и невежественный русский радикализм, а он почитался тогда выразителем общественного мнения, причину всех неудач видел лишь в существовавшей государственной системе. И те, кто в 1917 году, получив всю полноту власти и богатейшие материальные средства Империи, ухитрились в течение полугода обратить в небытие величайшее государство, те особенно старательно складывали свои и общенародные ошибки к подножию Трона. *Партийное ослепление и подпольное изуверство, конечно, не могли понять, что Великую Империю создала Императорская власть, которую они так злобно, так несправедливо осуждали.*

Только армия и флот, восчувствовав всю горечь национальной и военной обиды, молчаливо признали свою долю вины, ибо поняли, что в несчастиях Родины повинна вся нация.

Вооруженная борьба в Маньчжурии явилась первой большой войной после войн 1870-71 и 1877-78 г.г. Поэтому естественно, что действия обеих сторон привлекали напряженное внимание мировой военной мысли, так как являлись *поверкой всех военно-идейных и военно-практических достижений*, накопившихся к тому времени. Особые условия дальневосточного театра придавали боевым действиям характер колониальной войны и тем как бы принижали абсолютную ценность ее выводов. Несмотря, однако, на это превосходящее обстоятельство, опыт был все же обширный, разнообразный и чрезвычайно поучительный. Хронологически война возникла на рубеже двух столетий. Идеино, как уже указывалось, она занимала такое же промежуточное место между двумя так не похожими друг на друга военными мировоззрениями XIX и XX веков.

В огне маньчжурской борьбы перегорели многие пережитки прошлых заблуждений и зародились новые. Вместе с тем в этой борьбе выявились и упрочились идейные и формальные пути будущей европейской войны.

Боевые действия 1904-05 г.г. прежде всего и больше всего подтвердили вечную истину, что на войне дух главенствует над материей. Если в начале войны численность, выучка и снабжение русской армии уступали японской, то к середине лета перечисленные боевые элементы обеих сторон подравнялись, а в период Ляоянской операции численный перевес был уже на нашей стороне. В этих боях против 109 батальонов, 33 эскадронов и 484 орудий японцев действовали 183 батальона, 90 сотен и 592 орудия русских.

Несмотря, однако, сперва на равенство, а с августа 1904 года и на хронически увеличивающееся превосходство наших материальных сил, победа все же не далась нам. Не далась потому, что незримо для себя нация уже была больна, а тот духовный раз-

рыв, какой оказался между «миролюбивыми мещанами» и армией, не мог не оказать воздействия на психику войска. *Являясь прообразом будущей большой войны и выявив доминирующее значение таких новых факторов, как экономическая подготовка страны и стратегическая роль железных дорог, огонь, техника, современность знаний и т.д., японская война произвела резкий сдвиг в русском военном мировоззрении. Не обладая личным, только что воспринятым опытом, наша армия несомненно бережно донесла бы и до начала мировой войны свои недавние заблуждения.* Теперь, когда после Великой войны прошло уже 10 лет, мы с полной обоснованностью можем утверждать, что ныне ни одно государство, принимавшее участие в войне, не использовало так полно, мудро и всесторонне своего опыта, как сделала это русская армия после 1905 года. Настоящее утверждение, конечно, не касается Германии, которая в силу особых условий тщательно скрывает свою подготовку и потому судить о ней трудно.

Подобный факт показывает, какими мощными потенциальными силами обладала наша армия. При этом эти силы ей приходилось расходовать на два фронта: на внутреннее творчество и на преодоление равнодушия, а зачастую и враждебности окружающих ее настроений.

Кроме указанного, надо считаться и с тем давлением, какое оказывало на армейское строительство господствовавшее тогда (как впрочем и теперь!) направление европейской военной мысли. После франко-прусской войны 1870–71 г.г. в военной науке появилось сильное увлечение массами. Рационалистические идеалы, все более и более усваиваемые народами, не могли не оказать разлагающего влияния и на военное искусство, нарушив в нем ту гармонию духа и материи, которая одна определяет подлинное искусство.

Настоящий, живой человек, с его сложными эмоциями, стал подменяться отвлеченными представлениями, и солдат — понятие вполне определенное, — уступил место надуманному «воину — гражданину». В итоге, духовная сторона войны забывалась, а на первое место выдвигались (как выдвигаются Западом и теперь!) факторы материального порядка. *Правда, о духе, о нравственной стороне военного дела упоминалось постоянно, но это упоминание являлось, обычно, не более как ритуалом.* Разум и только он один был провозглашен началом, вдохновляющим и направляющим военное искусство.

При том почтении, какое вызывал в русском обществе всякий заграничный товар, вне зависимости от его качества, надо было серьезно считаться с подобным рационалистическим направлением европейской военной науки; считаться и потому, что среди

нашего генерального штаба находилось немало сторонников подобных течений, искренно считавших, что русское военное море может питаться только притоками Сены и Шпрее...

К чести русской армии и русской военной науки следует, однако, признать, что они сумели в значительной степени освободиться от гипноза нездоровых увлечений. Только что пережив войну и, таким образом, лишний раз проверив на опыте силу и значение духа, наша военная мысль и военная практика стали искать вдохновения не в модных, сильных увлечениях Запада, а в заветах Петра Великого и Суворова. Эти заветы были той живой водой, глотнув которую, русская армия обрела могучие импульсы для своего дальнейшего творчества.

Высокие устремления русской военной науки, а в частности нашей академии Генерального штаба того периода (белые сборники академии — «Известия» — читались всей армией), выдвигавших, в противовес западным рационалистическим исканиям — духовные начала, дали поразительные результаты. Столь отсталая в военном смысле армия, каковою были русские перед Японскою войною, армия, пережившая длинный ряд хронических неудач, переродилась в течение 9 лет и начала мировую войну не только равноценной армиям союзников, но во многом их превосходящей.

Это последнее утверждение показалось нашим отечественным самооплевывателям, конечно, преувеличенным. Между тем, оно подсказано не моим армейским патриотизмом, не естественной и понятной любовью к Императорской армии, а беспристрастным анализом. В то время, как по свидетельству Жоффра, для боеспособности французской армии уже через месяц после начала войны (период Марны) потребовались «драконовские меры», а в дальнейшем маршал Петэн расстреливал в полном составе роты (44 и 136 пех. дивизии) с офицерами и унтер-офицерами, наши войска и после 1,5 года войны смогли совершить без «мер» и почти без выстрела свой «великий» отход в 1915 году. Мало того, что совершить этот отход, но после него — явить миру Брусиловский прорыв, давший около полумиллиона пленных и соответствующее количество иных трофеев. Разве это не свидетельствует о величии духа родной нам армии?

Громадная творческая работа, чуждая шумихе, совершавшаяся в армии в период 1906-13 г.г., не встречала должного внимания и сочувствия большинства русского общества и большинства Государственной Думы. Армию представляли или по Куприновскому «Поединку», или по тенденциозным книгам определенной группы военных писателей типа Е. Мартынова, Дружинина или

«младо-турка»¹ А.Свечина, в работах которого не всегда можно было уловить, где кончается младо-турок и начинается башибузук...

Столь любезная русскому прогрессивному обществу формула «чем хуже, тем лучше» требовала всегда и во всем «принципиального» осуждения. Вне норм демократического катехизиса ничто не считалось достойным внимания, а тем более одобрения.

Немногие, даже теперь, знают, что «России после войны 1904-05 г.г. пришлось приступить к созданию своей военной мощи заново».² Причем, имея столь грандиозное задание, военное ведомство должно было считаться с требованием законодательных учреждений и «не увеличивать ни на одного человека ежегодный контингент новобранцев и ни на один рубль ежегодные расходы на армию».

Новые кредиты разрешались лишь на единовременные нужды, да и то с постоянными урезками. Между тем только на восстановление неприкосновенных запасов, поглощенных Японской войной, требовалось, по свидетельству ген. Ю. Данилова, «несколько сот миллионов рублей».

В таких неблагоприятных условиях русские вооруженные силы (армия и флот; причем нашему многострадальному флоту пришлось работать еще в более тяжелых условиях, чем армии), травимые своей интеллигенцией и неизменно критикуемые, возрождались со сказочной быстротой.

В армии не было области, которая не подвергалась бы реформам на основании опыта войны. Это были годы яркого горения армейской души, годы, воистину, великих реформ. Реформ столь же идейно возвышенных, как военные реформы Императора Александра II, но по творческому масштабу и по результатам значительно их превосходящие.

В течение 9 лет наше военное ведомство выполнило грандиозную работу, и если армия все же оказалась не готовой к мировой войне, то это произошло потому, что, во-первых, к войне не была готова нация, а во-вторых, теперь не секрет, что к *такой войне не было подготовлено ни одно государство.* И если другие европейские армии более удачно преодолели свои материальные нужды, то объяснение этому надо искать за пределами армейских возможностей. К тому же не надо забывать, что, требуя от России величайших жертв, союзные усилия были направлены, главным образом, на поддержку французского фронта. Туда направлялись бесчисленные транспорты все новых и новых

¹ Этим именем наш генеральный штаб называл своих молодых сочленов-новаторов.

² Генерал Ю. Данилов «Россия в мировой войне».

войск, туда шло снабжение всего мира, туда щедро лилось мировое золото. Там, как в фокусе, были сконцентрированы волевые и умовые усилия ряда держав во главе с богатейшими Англией и Америкой. С такими средствами, с такими возможностями, с такой безотказной индустрией не трудно было иметь и нужную технику, и требуемое обстоятельствами снабжение. Должно лишь удивляться, что такой мощный «капитал» дал такие малые «проценты».

Штейфон Б. Русско-японская война / Военный Сборник.
–1930. – Кн. 11. – С. 216–227.

Н. Головин

ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Военная мощь России

Численность русской вооруженной силы в мирное время к 1914 г. достигала 1.300.000. С объявлением общей мобилизации призывалось еще 3.500.000 людей, которые представляли собой весь запас военнообученных людей до 38-летнего возраста включительно. Из них около 2.200.000 предназначалось для доведения воинских частей: остальные 1.300.000 шли на формирование запасных войск и учреждений глубокого тыла.

Кроме призыва чинов запаса армии, наш мобилизационный план предвидел еще призыв ополчения. Последнее разделялось на два разряда. В первый разряд зачислялись все чины запаса армии после 38-летнего возраста до 43-летнего включительно. Это составляло около 800.000 получивших воинское обучение людей, но уже преклонного возраста. Кроме того, в первый разряд ополчения зачислялись молодые люди, которые за излишеством не попадали при очередном призыве в войска. Они получали совершенно недостаточное обучение во время нескольких краткосрочных учебных сборов. Во второй разряд ополчения попадали лица, освобожденные от поступления при призыве в войска согласно широко предоставленным нашим законом льготам. Ратники второго разряда никакого воинского обучения не получали.

Точный учет чинам ополчения велся лишь для лиц, прошедших через армию и для четырех младших возрастов первого разряда. Поэтому общую численность ополчения можно определить лишь приблизительно цифрой от 7.000.000 до 10 миллионов.

Мобилизационный план не обнимал всего ополчения в той же подробности, как запас армии. Предполагалось возможным ограничиться лишь ополчением 1-го разряда. Из этого ополчения формировались ополченские дружины, предназначенные для несения тыловой службы и, главным образом, для гарнизонной службы внутри Империи на замену ушедшей полевой армии. Это составляло около 1.000.000 людей.

Ополченческие дружины были вооружены старыми не скорострельными ружьями 1878 г., так называемыми Берданками. *Ни какой боевой силы собой они не представляли.* Те из них, которые были притянуты на театр военных действий применялись лишь как *рабочая сила или этапные части.* В этом отношении наше ополчение резко отличалось от ландштурма Германии и Австро-Венгрии. У наших противников части ландштурма смогли принять участие в боевых действиях с первых дней войны. В Германии из ландштурма по преимуществу и составила та завеса, которая закрыла ее границу (Grenzschutz). В нашем дальнейшем изложении при расчетах боевой силы мы совершенно не будем принимать во внимание ополченческие части. Из ополчения 1-го разряда должны были также формироваться запасные батальоны второй очереди, на что предназначалось еще 1.000.000 ратников.

Таким образом, наш мобилизационный план охватывал всего около 7.000.000, причем *телеграммой и Высочайшим указом об общей мобилизации поднимался только запас армии, т.е. 3.500.000, а 2.000.000 ратников ополчения 1-го разряда призывались впоследствии особым Высочайшим манифестом*³

По окончании общей мобилизации в 1914 г. русская вооруженная сила состояла:

А. Полевые войска (перволинейные):

70 пех. дивизий и 18 стрелковых бригад⁴,
24 кавалерийских⁵ и казачьих дивизий и 8 отдельных конных бригад;

Б. Войска второй линии:

35 пехотных второочередных дивизий.
Несколько казачьих дивизий и большое число отдельных казачьих полков и сотен второй и третьей очереди. Из этих отдельных полков и сотен составлялась корпусная и дивизионная конница⁶.

³ Соответствующий манифест был издан 7 августа.

⁴ Стрелковая бригада по своей боевой силе равнялась 1/2 пех. дивизии.

⁵ В каждой кавалерийской дивизии четвертый полк был казачий.

⁶ Всего в течение войны семи 10-ю казачьими войсками (областями) было выставлено 162 конных полка, 171 отдельных казачьих сотен и 24 пеших батальонов.

В мирное время содержались только войска первой линии, которые были сведены в 37 корпусов. Большинство корпусов состояло из 2-х пехотных дивизий. Кавалерийские (казачьи) дивизии и отдельные конные бригады были распределены в мирное время между корпусами, но с началом мобилизации образовывали армейские конницы.

В мирное время существовали и еще высшие войсковые соединения: это были военные округа. Командующему войсками округа на правах командующего армией подчинялись все войска и военные учреждения, находящиеся в пределах территории его округа.

Наши перволинейные войска в отношении боевых качеств и тактической подготовки были на должной высоте. Неудачи Японской войны не поколебали традиций старых частей, знамена которых участвовали во многих победах прежних времен. Ценою крови на полях Маньчжурии против первоклассного неприятеля был куплен боевой опыт новой тактики. В 1914 г. в рядах наших войск находилось большое число командиров, офицеров и унтер-офицеров, прошедших лучшую военную школу — школу войны...<...>

Неудовлетворительное решение вопроса с нашими второлинейными войсками являлись следствием общей причины. Эта причина заключалась в том, *что наши военные верхи не были подготовлены к ведению войны в современном большом европейском масштабе.* Подобная подготовка требовала, прежде всего, умения смотреть на организацию вооруженной силы с очень широкой государственной точки зрения; вместе с этим требовалась серьезная научная подготовка решения вопросов. Органом, на который возлагается подобная разработка и в то же время синтез решений по всем частным вопросам, является учреждение, соответствующее по немецкой терминологии «Большому Генеральному Штабу». У нас имелось Главное Управление Генерального Штаба, но, вследствие многих причин, оно далеко не соответствовало той высокой и ответственной миссии, которая на него возлагалась. Одной из этих многочисленных причин являлось отсутствие в руководящих кругах государства ясного представления всей необходимости добиться возможно скорее правильной работы этого *важнейшего созидательного центра военной мощи.* Для иллюстрации отсутствия подобного понимания приводим следующий факт. *Всякая смена Начальников Генерального Штаба неминуемо разрушающе отражается на всех работах по подготовке к войне;* посему в Германии с 1871 г. до 1914 г., т.е. за 53 года, во главе Генерального Штаба стояло лишь 4 лица (граф Мольтке, граф Вальдерзе, граф Шлиффен и граф Мольтке младший); у нас же после 1905 г., т.е. за 9 лет, сменилось шесть (Палицын,

лось шесть (Палицын, Сухомлинов, Мышлаевский, Гернгросс, Жилинский, Янушкевич). Вследствие этого, говорить серьезно о возможности объединения всех многочисленных мероприятий по подготовке вооруженной мощи страны не приходится. В зависимости от способности, степени подготовки и даже вкусов того или другого лица, у нас обращалось внимание на тот или другой вопрос; этот вопрос так или иначе разрешался, но того научного обоснованного синтеза, который имелся налицо во Франции или Германии, у нас не было.

Японская война обратила внимание на значение в современных полевых боях тяжелой артиллерии; это требование не было оставлено без ответа. Согласно большой программы, принятой нами в конце 1913 г. в ответ на немецкую большую программу 1913 г., русская армия значительно усилилась артиллерией. Каждая наша пехотная дивизия получала 8 батарей полевых (6-ти орудийного состава) плюс 2 гаубичные. Вместе с этим к существующему в каждом корпусе мортирному дивизиону (4,8") прибавлялись: дивизион дальнобойных пушек (4,2") и дивизион гаубиц (6"). В виду сопряженных затрат, наша большая программа рассчитана была на 5 лет, и усиление артиллерией должно было начаться в 1915 г. Почему мы так опоздали с разрешением этого первостепенного вопроса? После Японской войны прошло уже 8 лет и Германия успела использовать наш же опыт. Ссылка на недостаток средств в данном случае неуместна, так как в распоряжении Сухомлинова оставались ежегодно огромные суммы неизрасходованных кредитов (сотни миллионов рублей). Наконец, признавалось же возможным тратить деньги на восстановление старых форм обмундирования! Причина заключалась в том, что *настоящего понимания современной войны и быстроты эволюционирования ее форм у нас не было...<...>* Появление генерала Сухомлинова на посту военного министра не являлось случайностью. В каждом социальном организме складывается своего рода социальный подбор. Известный английский афоризм: «надлежащий человек на надлежащем месте» есть лишь результат такого подбора в здоровом социальном организме. В больном же организме социальный подбор выражается в том, что подбираются наиболее удобные и подходящие к общему течению люди. При подобном положении вещей появление «надлежащих людей» является, в свою очередь, случайностью. Под впечатлением поражений Японской войны у нас начали было выдвигаться в области военного управления также «надлежащие» люди. На должность военного министра назначается генерал Редигер, а на должность начальника генерального штаба генерал Палицын. Оба эти лица представляли собой генералов по своим познаниям вполне соответствующих тем требованиям, которые выдвигала

современная война. Но уже в 1908 г. эти генералы были убраны со своих постов, так как не отвечали общему духу наших руководящих кругов. Эти генералы имели гражданское мужество указывать на отсталость нашей военной подготовки и на необходимость долгой, упорной работы, поставленной на научном основании; этим они разрушали легенду о нашей врожденной непобедимости. Здесь-то и восходит на небосклон петербургской бюрократии новое светило — генерал Сухомлинов. Кончивший в 70-х годах прошлого столетия нашу академию Генерального Штаба и украшенный Георгиевским крестом за Турецкую войну 1877–78 гг., он позволял предполагать, что сочетает в себе высшее образование и боевой опыт. Но при быстром ходе развития военного дела, полученное высшее военное образование без постоянной напряженной работы по изучению эволюции военного дела теряет свою ценность. Сухомлинов же пребывал в полном убеждении, что полученные им десятки лет тому назад знания остались незыблемыми истинами. Автору лично пришлось слышать, как в собрании профессоров нашей Военной Академии, упрекая их в тенденции к «новшествам», военный министр Сухомлинов говорил, что он не может слышать равнодушно, когда произносят слова «современная война». «Какая была война, такой она и осталась — добавил он: — Все это вредные новшества; вот, например, я за 25 лет не прочел ни одной военной книжки». Вот почему автор считает себя вправе утверждать, что генерал Сухомлинов был хуже, чем невежественный человек. С этим свойством он сочетал поразительное легкомыслие. Эти два недостатка позволяли ему поразительно спокойно относиться к сложным вопросам организации военной мощи. Это легкое отношение для непонимающих всю сложность современного военного дела людей производило ложное впечатление, что Сухомлинов быстро разбирается в деле и очень решителен. Между тем, он просто уподоблялся человеку, который, гуляя около пропасти, не видит ее.

Вред, который принес русской армии Сухомлинов, неисчислим. Везде, где он прикасался, убивались те обильные, но еще слабые ростки обновлявшейся после Японской войны военной мысли. Его тлетворное влияние на толщу самой армии к счастью было парализовано сравнительно кратким сроком его разрушительной работы. В гуще самой армии, заплатившей дорогой ценой крови, новые тактические идеи были прочно привиты, и заставить эту армию расстаться с вошедшими в ее плоть и кровь навыками было не так легко даже для всесильного военного министра. Строевой состав армии продолжал свою работу, встретив помощь со стороны главнокомандующего войсками Петербургского военного округа Великого Князя Николая Николаевича. Ве-

ликий Князь призывает к себе в округ большинство из выдвинувшихся в Русско-японскую войну военачальников. Генералы Лечицкий, Леш, Иванов, Бринкен и многие другие помогают Великому Князю превратить Красносельский лагерный сбор в своего рода практическую военную академию. Великий Князь не стесняется пойти на избранном им пути наперекор существовавшему в гвардии предрассудкам: он назначает командирами гвардейских полков и дивизий офицеров и генералов, никогда раньше в гвардии не служивших; это была своего рода революция. Когда на дном из лагерных сборов появляется, отбывая ценз бригадного командования, генерал Алексеев, то Великий Князь сразу же оценивает его научную подготовку и обращает особое внимание на его разборы маневров. Аналогичную роль, хотя и в значительно меньшем масштабе, в деле обучения офицеров сыграл генерал-инспектор артиллерии Великий Князь Сергей Михайлович.

Заслуга перед Россией Великого Князя Николая Николаевича в довоенный период велика: он задержал процесс разложения, который исходил от Сухомлинова, и если наши перволинейные войска оказались на столь высокой ступени, о которой мы говорили выше, то этим Россия во многом обязана Главнокомандующему Петербургским военным округом. Сухомлинов был бессилён против него, а остальные военные округа стремились держаться на уровне Петербургского...<...>

Об единстве доктрины у нас много спорили. Большинство боялось этого слова, уподобляясь замоскворечной купчихе, впадавшей в трепет от слов «жупел» и «металл». Сухомлинов и его фавориты⁷ истолковывали это «единство» в смысле запрещения инако мыслить. А между тем русский высший командный состав, более чем кто-либо другой, нуждался в «доктрине».

Дело в том, что условия, в которых русские армии должны были очутиться в случае вооруженного столкновения с Центральными Державами, были особенно трудными; вот только главные из этих условий:

1. Русская Армия сильно запаздывала в сроках своей действительной боевой готовности по сравнению со своими соседями.

2. Русская Армия значительно уступала германской в 1914 г. в могуществе пушечного огня (число батарей в войсковых соединениях).

3. Различие в оборудовании железнодорожными путями территории по обеим сторонам русско-германской границы.

Эти условия требовали со стороны Главного Управления Генерального Штаба выработки определенных стратегических и

⁷ В числе которых видную роль играл Бонч-Бруевич, впоследствии первый из русских генералов, сделавшийся большевиком.

тактических методов борьбы. Поздняя готовность требовала осторожности пользования методами «встречных боев» в начале войны. Бедность артиллерией заставляла обратить особое внимание на правильный расчет соотношения огневой силы сторон.

Громадное различие в оборудовании путями территории России и соседей заставляло с особой осторожностью относиться к вторжениям в Германию; наши армии в первый период после перехода границы в стратегическом отношении уподоблялись войсковой части, переправившейся через реку и имеющей за собой ограниченное число мостов, в то время, как противник обладает свободой передвижения по всем направлениям. Вследствие этого затягивание противника для маневра на нашу территорию получало первостепенное стратегическое значение.

Доктрина представляет собой чисто практическое разрешение методологических вопросов в определенных условиях не только ближайшей войны, но и данного периода ее. Она есть «приложение» к реальностям создающейся обстановки общих принципов военного искусства. Вот почему, если военная наука не может различаться между собой в зависимости от того, преподается ли она в Петрограде, Париже или Берлине, то доктрины французская, германская и русская непременно должны между собой различаться. Здесь не может быть копий. Перед войной 1914 г. доктрины у нас разработано не было. Были попытки копировать немцев или французов. Но ввиду того, что доктрина всецело обуславливается свойствами своей вооруженной силы и местными условиями, это положение еще более придавало стратегии нашего высшего командного состава и Генерального Штаба характер беспочвенности и схоластичности.

Указывая на эти мрачные страницы довоенной подготовки, мы делаем это вовсе не с целью критики. Без констатирования факта, что наша перволинейная армия, великолепно подготовленная до дивизий, а местами и до корпусов, в своих высших соединениях не удовлетворяла современным требованиям, читатель не поймет хода войны или же несправедливо возложит вину за неудачи на сами войска. Повторяем, тактика у нас была на должной высоте; хромала стратегия, и за нее-то и пришлось платить реками лишней крови.

А между тем в современную эпоху влияние стратегии чрезвычайно расширилось. Ее раздвинувшиеся рамки включили в себя не только политику, но и экономику. И вот, если подойти с этой очень широкой точки зрения к оценке военной мощи России, можно увидеть, что русский колосс был гораздо слабее, чем это было принято думать.

Прежде всего у этого колосса была Ахиллесова пята. Блокада России во время обще-европейской войны была легко осуществ-

вима. При войне с Германией возможность пользоваться для подвоза Балтийским морем исключалась. На Белом море Архангельский порт открыт для навигации всего несколько месяцев в году и связан с Центральной Россией очень слабосильным железнодорожным путем. Со стороны Тихого океана всякому грузу приходилось пройти от Владивостока до фронта около 9.000 верст, причем для этого могла служить одна железная дорога. Оставалось только Черное море, связанное с центром России 14-ю железнодорожными путями и тремя водными. Из этих данных видно, что при войне с Центральными Державами потеря свободного Черноморского транзита являлась по существу установлением блокады России, что достигалось выступлением Турции, запиравшей нам проливы. После выступления Турции Россия уподоблялась заколоченному дому, в который можно было проникнуть только через дымовую трубу⁸.

К сожалению, ни наши союзники, ни мы не отдавали себе полного отчета о всем размере стратегической опасности этого факта. Непонимание со стороны союзников угрожающей России опасности в случае закрытия проливов доказывается тем совершенно недостаточным вниманием, которое они уделяли военным действиям на Балканском театре, имевшем важнейшую стратегическую цель — деблокировать Россию. Недостаток же внимания к угрожающей нам блокаде со стороны наших высших военных руководителей можно видеть из того, как спокойно они относились к вопросу создания мобилизационных запасов вооружения, огнестрельных припасов и прочих предметов технического оборудования армии. При малой мощности российской промышленности по сравнению с ее западными соседями *блокада являлась для России несравненно более чувствительной, чем, например, для Германии*. Поэтому стратегия предъявляла требование, чтобы норма для мобилизационных запасов была установлена для России значительно выше, чем в прочих европейских государствах. На деле же мы уже знаем, что эти запасы не только не были больше, но были в несколько раз меньше, и это не мешало военному министру Сухомлинову утверждать в первые дни войны, что наша мобилизация была великолепно подготовлена.

Сравнительно слабое промышленное развитие России являлось само по себе другим слабым местом военной мощи России. Вообще, когда говорят о богатствах России, то имеют в виду лишь абсолютные цифры. Но если рассматривать эти общие цифры сравнительно с количеством населения, выводы получа-

⁸ В каком тяжелом положении оказалась Россия после объявления войны Турцией, показывают следующие цифры: с осени 1914 года наш вывоз падает сразу на 98%, а ввоз на 95%; таким образом, Россия оказалась "блокированной" в большей степени, чем Германия.

ются другие. Несмотря на большой экономический подъем, имевший место в России перед войной, а также на то, что с учреждением Государственной Думы военное министерство получило деятельного помощника в вопросах получения кредитов на армию, все-таки полное и надлежащее развитие военной мощи России сильно тормозилось отсутствием средств. Министерство финансов совершенно справедливо укоряло военное министерство Сухомлинова, что оно составляло к концу года громадные кредиты неизрасходованными. Но из криминальной несостоятельности министерства Сухомлинова еще не значит, что русская военная мощь могла быть доведена даже приблизительно до того уровня, на котором она находилась в Германии, Франции и Австро-Венгрии. Мы можем в этом убедиться из следующих данных, относящихся к периоду до нашей войны с Японией. Если разделить цифру общего бюджета военного ведомства на штатное число военных служащих в мирное время, и приравнять это взаимоотношение для Германии к 100, мы получим для:

Германии	100
Австро-Венгрии	95
Италии	82
Франции	78
России	60

Подобное соотношение осталось в общих чертах верным и для эпохи, непосредственно предшествующей Великой войне.

«Дешевизна» содержания русской армии имела своим первым следствием слабость профессиональных кадров, как раз то, в чем при общем недостатке культурности русских народных масс русская армия особенно нуждалась. Постоянный некомплект в офицерском составе и ничтожное число кадра сверхсрочных унтер-офицеров приводило к тому, что потери в первых же боях в этих кадрах являлись чрезвычайно чувствительными и неизменно должны были вызвать заметное ухудшение боевых качеств войсковых частей. Во-вторых, как мы уже упоминали, это отражалось на качестве второлинейных формирований, а также тех, которые приходилось создавать во время войны. Таким образом, *эта дешевизна содержания русской армии сама по себе устанавливала известный предел в возможности использования того обильного людского материала, который имела в своем распоряжении Россия.* 170 миллионов населения России создавали свое действие на наших врагов, но, к сожалению, в еще большей мере на наших союзников, которые предъявляли под влиянием его непосильные требования к России. На самом же деле, если даже не принимать во внимание, насколько русские дивизии были

хуже оборудованы, как кадрами, так и артиллерией и всякого рода мобилизационными запасами, то и при всем том в 1914 г. Россия была в состоянии выставить лишь *1 пехотную дивизию на 1.500.000 населения*, в то время, как Германия и Франция выставляли *1 пехотную дивизию на 500.000 населения*.

Таким образом, несмотря на свои 170.000.000 населения, Россия приравнивалась по своей военной мощи к 60.000.000 своих союзников или врагов.

Эту сравнительную слабость России необходимо иметь в виду при изучении войны 1914–1918 гг., дабы понять, почему усилия, потребованные от России, оказались для нее непосильными.

(1)

Мобилизация

В одной из предыдущих глав мы привели выдержку из монографии члена Государственной Думы Б.А. Энгельгардта, в которой он оспаривает, «что патриотический подъем, который проявило население столицы при объявлении войны», является «действительным показателем отношения народных масс в войне». Наоборот, личные наблюдения приводили его к заключению, «что с самого начала войны русский мужик шел под знамена очень неохотно».

Председатель Государственной Думы, М.В. Родзянко, отмечает в своих воспоминаниях совсем иные впечатления.

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, — пишет М.В. Родзянко, — я был поражен переменою настроения жителей столицы. Кто эти люди? — которые толпами ходят по улице с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского Посольства».

«Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько дней тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады».

«На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ: — Вчера было семейное дело; мы горячо ратовали о своих правах; для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, приходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю, как к нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами».

«Аграрные и всякие волнения в деревне сразу стихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96% всех призванных, явились без отказа и воевали впоследствии на славу».

«В самой Государственной Думе в заседании 26 июля (8 августа н. ст.) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной Думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в своем сознании и решили всемерно поддерживать Правительство». «Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым».

Трудно, конечно, претендовать на полную объективность в оценке столь сложных явлений, как народное настроение. Субъективизм участника событий непременно накладывает свою печать. Но цитированная выше выдержка из воспоминаний М.В. Родзянко ценна тем, что содержит один совершенно объективный показатель: *96% подлежащих призыву явились к воинским начальникам*. Между тем, трудные условия, в которых находился точный учет чинов запаса, заставлял предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой может быть до 10%. Следовательно, уклонения от мобилизации почти не было.

Нам кажется, что М.В. Родзянко ближе к истине, нежели Б.А. Энгельгард. Последний, составляя свою монографию, не мог осилить пессимизма, навеянного пережитой революцией, а также не смог отслоить явлений производного характера от явлений основных. Для правильной оценки такого сложного явления, как народное настроение, нужно учесть то, что русские народные массы были на много низшей степени социального развития, нежели таковые же западноевропейских народов. Быстрое вырождение революции в большевизм служит ярким этому доказательством. Задерживающие начала, воспитываемые в ряде поколений просвещением и жизнью среди правового порядка, не могли развиваться в наших народных массах.

«Русский народ, — пишет генерал Данилов, — оказался психологически к войне не подготовлен. Главная масса его — крестьянство едва ли отдавала себе отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны. Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все то, что от него требовала власть; он терпеливо, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания». «Народные настроения нашей молодой некультурной нации, вследствие недостаточного воспитания, и не могли быть стойкими. *Они легко должны были подвергаться*

колебаниям, походя на быстро сменяющиеся настроения ребенка, который часто улыбается, не успев еще смахнуть слез со своего лица. Не могло быть в народных массах, при существующих условиях, и сознания государственного единства, крайне трудно прививаемого при наличии разноплеменности, бесконечных пространств, редкого населения и плохих сообщений. Даже коренное русское население было лишено сознания единства. «Мы Вятские, Тульские, Пермские, до нас немец не дойдет» — такими словами часто и, надо сказать, довольно правильно характеризовали у нас несознательное отношение крестьянства к вопросу об общей опасности Государству».

«Не было здорового понимания долга и в кругах интеллигенции. Это лучше всего доказывается обилием лиц, искавших случая или возможности уклониться от призыва вовсе или в крайности, — избежать тягости службы на фронте, пристроившись в тылу. Наш мобилизационный отдел был завален просьбами и ходатайствами об освобождениях или в крайности — временных отсрочках призыва. И что еще хуже, эти случаи не вызывали необходимых репрессий со стороны власти и даже не клеймились должным образом нравственно; в обществе, напротив, относились к этому явлению с почти преступной снисходительностью. Тыловым нередко протезировали, их пригревали и старались закрепить их незаконное положение более прочным и устойчивым образом».

Об этих темных сторонах мобилизации свидетельствует⁹ также и бывший начальник мобилизационного отдела генерал С.К. Добророльский. Он пишет, что во время мобилизации имели место частичные беспорядки среди запасных Томской, Пермской, Орловской и Могилевской губерний. Особенно подчеркивает С.К. Добророльский то обилие «всевозможных просьб, ходатайств, письменных и личных, которые поступали к военному министру через мобилизационный отдел об освобождении или, в крайности, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толщи народа, а от лиц нашего культурного общества и из среды буржуазии. И какие только кнопки ни нажимались для удовлетворения ходатайств. Конечно, на первом месте шла протекция в виде рекомендательно-просительных писем от лиц самого высокого положения в мире бюрократии и по происхождению. Борьба с этим злом велась, но, необходимо признать, преимущественно безуспешно. Протекция — одна из коренных язв уклада нашей русской жизни, бороться с которой

⁹ Военный Сборник (Белград). - 1921. - Кн. 1. С. 114-115.

* В первоисточнике генерал-лейтенант С.К. Добророльский ошибочно именуется С.А. Добророльским. - Сост.

можно только дружными усилиями самого общества... И в горячие дни мобилизации было не до этого».

Только что указанное явление в среде интеллигентных кругов России мы уже отметили в предыдущих главах.

Но мы привели свидетельства об этом явлении, записанные Ю.Н. Даниловым и С.К. Добrorольским для того, чтобы сопоставить их с их же пессимистической оценкой настроения русских народных масс.

Беспорядки среди запасных, происшедшие в четырех губерниях, не дают права для обобщений, касающихся всей России. Тот же факт, что эти беспорядки, по заявлению самого же Добrorольского, заключались в том, что «партии запасных громили закрытые винные лавки и склады казенного вина и грабили оттуда запасы вина», свидетельствует не о нежелании идти на войну, а лишь о малой культурности наших народных масс. Насколько же *уклонение от призыва в войска в начале войны отсутствовало в наших народных массах в противоположность нашим привилегированным слоям*, красноречиво доказывается цифрой, приведенной Председателем Государственной Думы: «К мобилизации явились 96% призывных».

Один из наших современных крупных литераторов А.И. Куприн рассказывает следующее. Он был в качестве отставного офицера назначен с объявлением мобилизации в состав приемной комиссии одного из уездов Петроградской губернии. И он утверждает, что было много случаев, когда призванные комиссией запасные нижние чины отказывались от медицинского освидетельствования, заявляя, что они вполне здоровы и годны для службы в войсках и что они не желают напрасно отнимать время у приемной комиссии.

Характеристика русского патриотизма

Все, кто был свидетелем войны России с Японией, не может не быть пораженным огромным различием в народных настроениях в 1904 году и в 1914 году.

Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, явилось сознание, что Германия сама напала на нас. Мирнолюбивый тон Русского Правительства по отношению к немцам был широко известен и поэтому нигде не могло зародиться сомнений подобных тем, какие имели место в Японской войне. *Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения.*

Другим стимулом борьбы, оказавшимся понятным нашему простолюдину, явилось то, что эта борьба началась из необходимости *защищать право на существование единокровного и еди-*

новерного сербского народа. Это чувство отнюдь не представляло собой того «панславизма», о котором любил упоминать Кайзер Вильгельм, толкая австрийцев на окончательное поглощение сербов. Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучили к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ. Теперь вместо турок немцы грозили уничтожением сербов — и те же немцы напали на нас. Связь обоих этих актов совершенно ясна здравому смыслу нашего народа.

Под впечатлением кошмарных событий 1917 года, многие из русской интеллигенции, подобно Ю.Н. Данилову и С.К. Добролюбовскому, склонны отрицать наличие патриотизма в нашем народе. Фраза, приведенная в выдержке из книги Ю.Н. Данилова, прозвучавшая на митингах 1917 года, когда не желавшие драться солдаты говорили: «мы Вятские, Тульские, Пермские; до нас немец не дойдет», очень часто теперь цитируется. Но при этом забывается, что она была произнесена только через три года кровавых усилий победить, после того, как революция опрокинула установленный государственный порядок и после того, как началось общее государственное разложение.

Может ли читателю, внимательно прочитавшему нашу главу о потерях, прийти сомнение в наличии патриотизма и готовности к жертвенному долгу среди нашей солдатской массы? Кровь миллионов и миллионов убитых и раненых, принесенная на алтарь Отечества, вопиет против такого обвинения. А 260.000 русских пленных, пытавшихся убежать из германского плена? Автор и до составления этой книги исповедовал ту же веру в патриотизм русских народных масс,¹⁰ тем не менее он должен сознаться в том, что эта цифра русских пленных, старавшихся убежать из вражеского плена, превзошла все его ожидания.

Та же глава о потерях цифрами показывает, насколько доблестен был русский офицер. А ведь последний и являлся представителем русских интеллигентских слоев. Но если в среде интеллигенции наряду с героями и горячим патриотизмом были лица

¹⁰ Читатель может убедиться в этом, прочтя стр. 33-36 книги ген. Головина «Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте: начало войны и первая операция в Восточной Пруссии». Издано в 1926 г.

не способные к жертвенному долгу, то совершенно так же и в народной толще были такие; конечно, очень существенен вопрос количественного соотношения тех и других. Установить этого отношения нельзя. Но подробное изучение войны, сделанное нами в предшествующих главах, позволяет утверждать, что это соотношение не могло отличаться от такового же у наших союзников.

Различие было в другом. У наших западных друзей, благодаря большей социальной зрелости народных масс, самый патриотизм был несравненно более осознан в массах. В этом отношении прав Ю.Н. Данилов, сравнивая настроения нашего народа с настроением ребенка.

Политическое мировоззрение русской многомиллионной солдатской массы в первые годы всецело покрывалось формулой «За Веру, Царя и Отечество». Пусть многие доказывают теперь, что монархические чувства русского простолюдина были преувеличены. Не будем спорить об этом; легкость, с которой пала Монархия в мартовские дни 1917 года, как будто бы подтверждает это. Но, вместе с тем, дальнейшее течение революции не привело к демократическому строю; последний смог устоять всего лишь 8 месяцев и пал столь же быстро, как Царский режим, уступив место жесточайшей во всей истории деспотии. Это показывает, что в массах русского народа живут другие политические представления, чем это думали наши интеллигентные круги, подходившие к политическим настроениям народных масс с западноевропейским масштабом.

Формула «За Веру, Царя и Отечество» была для русских народных масс 1914 года своего рода политическим обрядом. А для того чтобы понять, какую громадную роль в психологии этих масс мог играть «обряд», нужно только вспомнить первенствующее значение, которое занимает «обряд» в области религиозных чувств тех же масс.

Это подтверждалось каждодневным наблюдением, и это ярко проглядывало в истории наших религиозных движений. Последние затрагивали наши массы только тогда, когда затрагивался «обряд». Это громадное значение «обряда» для русских народных масс несомненно явилось следствием нашего родства с Востоком. Это — мистицизм, выявляющийся в малокультурной среде, ибо нужно понять, что при мистическом складе души в обряде видят нечто большее, чем внешнюю форму; за обрядом предполагается нечто более глубокое, человеческим разумом непостижимое; в «обряд» верят. Только тогда, когда эта вера в данный обряд будет разбита, он теряет сразу свою силу и лопается, как мыльный пузырь; душа малокультурного, но склонного к мисти-

цизму народа переживает тогда кризис и ищет новый «обряд», в который он сможет опять поверить.

В почитании «обряда» и выразилась главным образом религиозность русского крестьянина. В почитании своего рода политического обряда и выражалось его политическое мирозерцание. Оттого и произошел такой резкий перелом в 1917 г. и в этом, по нашему, и была сущность революции — существовавший «политический обряд» русских народных масс был окончательно разбит.

Мы настаиваем на том, что внутреннее строение, т.е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение патриотизма любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был — если можно так выразиться — лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды «патриотизмов», которые можно было наблюдать во Франции, в Великобритании и в Америке.

В примитивных формах патриотизма отсутствует социальная его осознанность; ближайшее следствие — отсутствие внутриобщественного контроля. И этот недостаток можно было наблюдать у нас не только в малокультурных слоях народа, но и в более просвещенных кругах. Приведенная выше выдержка из воспоминаний С.К. Добророльского кончается словами о том, что «борьба с желанием «уклониться» в среде наших высших, т.е. более образованных кругов» велась безуспешно, ибо бороться с этим злом можно только дружными усилиями самого общества, а этого у нас и не было. Об этой отрицательной стороне русского общества мы уже говорили выше и приводили для сравнения Великобританию, где молодым людям, не записавшимся в добровольцы, барышни преподносили пушинку...

Таким образом, наш вывод о примитивности форм русского патриотизма относится не только к низшим слоям народа, а должен быть распространен и на высшие его слои.

А между тем в 1914 году Россия втягивалась в грандиознейшую борьбу, акты которой должны были протекать в крайне сложных условиях современности. Такое испытание было для русского народа, с его примитивным патриотизмом несравненно более трудным, чем для более сознательных Западноевропейских народов <...>

Начальные операции

Подъем национального чувства в наших народных массах в начале войны сопровождался энтузиазмом по отношению к союзникам, в особенности к Франции, без всякого колебания ставшей

согласно договору рядом с нами. Поэтому, когда с первых же дней войны из Франции начали прибывать тревожные вести, они немедленно же вызвали всеобщий порыв желания выручить нашу верную союзницу из тяжелого положения.

Из напечатанных мемуаров французского посла в Петрограде г. Палеолога можно убедиться, как настойчивы были просьбы Франции о помощи и с каким горячим сочувствием принимались эти просьбы Россией.

Уже 23 июля (5 августа), т.е. на следующий день после объявления войны Германией Франции, ее посол г. Палеолог сделал Императору Николаю II-му следующее заявление: «Французская армия вынуждена будет выдержать могущественный натиск 25-ти германских корпусов. Я умоляю Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной».¹¹

8 (21) августа г-н Палеолог записывает: «На Бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил приказание воздействовать на Императорское Правительство, дабы ускорить насколько возможно наступление русских армий».

Политические руководители Франции, испуганные призраком надвигающейся катастрофы, начали со всей доступной им силой давить на Государя и русские руководящие круги. Вопрос при этом ставился не только о содействии, но о спасении Франции. В результате политика не только препятствует Русскому Верховному Главнокомандованию исправить ошибки плана войны, но толкает на углубление их; и Русские армии, не дожидаясь окончания своего сосредоточения и своей готовности, бросаются в наступление.

В своих воспоминаниях французский посол свидетельствует, что военные руководители Русской Армии вполне сознавали опасность подобной торопливости в начале военных действий. В заметке от 13 (26) августа г. Палеолог пишет, что имел беседу с русским министром иностранных дел С.Д. Сазоновым. В ответ на слова Палеолога: «Подумайте, какой тяжелый час наступил для Франции», русский министр иностранных дел ответил, что начальник штаба Верховного Главнокомандующего и Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта отдают себе отчет, что поспешное наступление в Восточную Пруссию осуждено на неизбежную неудачу, «так как наши войска еще слишком разбросаны и перевозка их встречает много препятствий».

¹¹ Мемуары Палеолога, стр. 55. Слова: «Je supplie» отмечены самим автором воспоминаний курсивом.

«Но, — добавил С.Д. Сазонов, — так как мы не имеем права дать погибнуть нашему союзнику, то, несмотря на неоспоримый риск предпринятой операции, наш долг немедленно же наступать, что Великий Князь и приказал».

Русское Верховное Главнокомандование работает под давлением постоянно гнетущей мысли о необходимости спасти гибнущую Францию. Торопя вступление армий генерала Ренненкампа и генерала Самсонова в Восточную Пруссию, Ставка сочла нужным упомянуть в основном приказе о том, что это делается для оказания помощи Франции.¹²

Наша первая операция в Восточной Пруссии, начавшаяся победоносным сражением армии генерала Ренненкампа у Гумбинена, кончается катастрофой в армии ген. Самсонова, в которой центральные два корпуса окружены немцами, и поражением армии генерала Ренненкампа в сражении у Мазурских озер.

Но тем не менее Франция спасена. «Два корпуса, — пишет один из ближайших сотрудников маршала Жоффра генерал Дюпон,¹³ — сняты с французского фронта; корпус, дублировавший гвардию, — Гвардейский Резервный (G.R.) отнимают от армии фон Бюлова и XI арм. корпус — от армии фон Гаузена. Одна кавалерийская дивизия — 8-я (саксонская) их сопровождает... Это мероприятие, может быть, является нашим спасением. Предположите Гвардейский резервный корпус на своем месте 7-го сентября между Бюловым и Клуком, а XI арм. корпус с Саксонской кавалерийской дивизией — в армии фон Гаузена 9-го сентября у Фер-Шампенуза. Какие последствия! От этой ошибки начальника Германского генерального штаба в 1914 г. генерала фон Мольтке, другой Мольтке, его дядя, должен был перевернуться в гробу».

На русском фронте стратегические последствия неудач армии ген. Ренненкампа и ген. Жилинского сведены к нулю разгромом четырех австро-венгерских армий в Галиции. Сотни тысяч пленных взяты доблестными армиями Юго-Западного фронта; вся Галиция очищена противником, торопливо уводящим остатки своих разбитых армий к Кракову и за Карпаты. Хотя эта победа одерживается почти одновременно с нашим поражением в Восточной Пруссии, тем не менее она не может загладить тягостное моральное впечатление от этого последнего. *Рождается недо-*

¹² «Принимая во внимание, что война Германией была объявлена сначала нам и что Франция, как союзница наша, считала своим долгом немедленно же поддержать нас и выступить против Германии, естественно, необходимо и нам, в силу тех же союзнических обязательств, поддержать французов, в виду готовящегося против них главного удара немцев». Из директивы Ставки, посланной за № 345 от 28 июля (10 августа) 1914 г. Главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта.

¹³ «Германское высшее командование в 1914 году». Предисловие к этой книге написано самим маршалом Жоффром.

рие к своим силам против немцев. Особенно тяжело отзывается это в тылу, где оппозиционные к правительству элементы легко поддаются мрачному пессимизму. А.И. Гучков в своих показаниях, данных в 1917 году после революции Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства утверждает, что уже в августе месяце 1914 года «он пришел к твердому убеждению, что война проиграна», причем причиной подобного пессимистического взгляда явились его «первые впечатления уже на самом театре военных действий, поражение у Сольдау»,¹⁴ которое ему пришлось «одним крылом захватить...» Вот в какую панику впали некоторые из наиболее энергичных общественных деятелей; какова же должна была быть «отдача» в обывательской среде!

Осень 1914 года

Удачное оттеснение немцев от реки Вислы в октябре 1914 года внесло в Армию уверенность в своих силах и против немцев. Радужные надежды нашего командования вылились в следующих словах репортажа от 25 октября (7 ноября) 1914 года: «Расширяя в течение 13 дней наш успех по всему 500-верстному фронту, мы сломали повсюду сопротивление врага, который находится в полном отступлении... Одержанная победа позволяет нашим войскам перейти к новым задачам, с приступлением к которым начинается новый период кампании».

Но имевшая место в ноябре Лодзинская операция, хотя и окончившаяся для нас удачно, все-таки влила большую ложку дегтя в бочку с медом. В этой операции около двух германских корпусов попали в мешок и оказались в положении, аналогичном с двумя корпусами Самсонова в последних числах августа. Каково было положение окруженных нами германских войск, свидетельствуют следующие строки из воспоминаний ген. Людендорфа.¹⁵ «В Познани, вдали от поля сражения, мы узнали из русских радиотелеграмм, с какими надеждами они оценивали положение; как они готовились к решительному удару; как они радовались мысли о пленении нескольких немецких корпусов. Были уже отданы приказания о сосредоточении подвижных составов для отвоза немецких пленных. Я не могу передать то, что я перечувствовал. Что угрожало? Вопрос шел не только о пленении стольких храбрых солдат и торжестве неприятеля; вопрос шел о проигрыше кампании. После такого поражения оставалось только отвести 9-ю армию назад. А каков был конец 1914 года?»

¹⁴ Где дрался левофланговый корпус армии генерала Самсонова. (Примечание Н.Н. Головина).

¹⁵ Ludendorff. "Meine Kriegserinnerungen", s.s. 83, 84.

Причинами тому, что немцам удалось, хотя и с огромными потерями, выскользнуть из мешка, в который они попали, явились грубые ошибки, сделанные в руководстве армиями Главнокомандующим Северо-Западным фронтом генералом Рузским и его штабом. Но в толще войск, а также обывательскому мнению в тылу это не было видно, тем более что генерал Рузский пользовался большой популярностью в думских и общественных кругах. Поэтому *мысль о том, что бороться с немцами Русской армии не под силу, начинает пускать все большие и большие ростки. Немцы с большим искусством ведут в этом направлении свою пропаганду.* Раздувая размеры своих успехов в Восточной Пруссии, они подрывают доверие союзников к Русской армии; в последней они этим подрывают веру войск в свою силу, а в самой России они обостряют оружие всех оппозиционно-настроенных против правительства общественных элементов. Это как раз совпадает с первыми признаками грядущей катастрофы в снабжении. В этом отношении характерна запись ген. Куропаткина в его дневнике, помеченная 27 декабря (ст. ст.) 1914 года:

«Приехал А.И. Гучков с передовых позиций. Очень мрачно настроен. Виделся с ним сегодня. Много рассказывал. С продовольствием не справляются в Армии. Люди голодают. Сапог у многих нет. Ноги завернуты полотнищами. А между тем масса вагонов с сапогами стоят, затиснутые забитыми станциями. Вожди далеко за телефонами. Связи с войсками не имеют. Убыль в пехоте, в офицерах, огромная. Есть полки, где несколько офицеров. Особенно тревожное состояние артиллерийских запасов. Читал мне приказ командира корпуса не расходовать более 3-5 снарядов в день на орудие. Пехоте, осыпаемой снарядами противника, наша артиллерия не помогает. Укомплектования не своевременны. Одна стрелковая бригада не получала укомплектования три месяца. Во время боев, когда германцы прорвались из мешка,¹⁶ на правый фланг прислали укомплектование 14.000 человек без ружей. Эта колонна подошла чуть не в боевую линию и очень стеснила войска. Один из корпусов не получал укомплектований 1 1/2 месяца...».

Несомненно, что в этой записи много истинного, но несомненно также и сильное сгущение мрачных красок — вроде, например, факта о присылке укомплектования без ружей, будто бы имевшем какое-то решительное значение для прорыва немцев из мешка. Для нас важно не это, а то, что запись ярко свидетельствует о тех оценках и настроениях, которые приносились из армии в страну. Приведенная запись тем более характерна, что сделана она рукой одного из бывших министров и Главнокомандующего в Япон-

¹⁶ Конец Лодзинской операции. (Примечание Н.Н.Головина).

скую войну, следовательно лицом, умеющим разбираться в событиях войны. Так к концу 1914 года из армии в страну ползли мрачные слухи, передававшие во все углы вести о неустроении и предсказания близкой катастрофы.

Лодзинская операция ставит точку над стремлением нашего Верховного Главного Командования вторгнуться внутрь Германии и путем действия по кратчайшей операционной линии облегчить положение наших союзников на французском театре. Но вместе с этим эта операция дала большие положительные результаты в общем стратегическом положении: для ее проведения немцы должны были перекинуть на свой восточный фронт еще 7 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию. Это, несомненно, сильно облегчило положение наших союзников в сражениях на Изере и Ипре.

Таким образом, действия русских армий в конце 1914 г. руководились той же резко и со страшным напряжением проводимой идеей выручать наших союзников. Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич со свойственным ему рыцарством решает стратегические задачи, выпадающие на Русский фронт не с узкой точки зрения национальной выгоды, а с широкой общесоюзнической точки зрения. Но эта жертвенная роль обходится России очень дорого. Русская Армия теряет убитыми и ранеными около 1.000.000 людей и, что делает особо чувствительными эти потери — это то, что они почти всецело выпадают на долю кадрового состава армии. Вместе с этим напряженный темп боевых действий вызывает усиленный расход огнестрельных запасов, о недостаточности которых мы уже много говорили выше.

В отношении потерянных нами и занятых нами территорий, кампания 1914 года на Русском театре дает несравненно более благоприятную картину, нежели та, которую мы видим у наших союзников на французском театре. Хотя мы и потеряли небольшую часть Польши на левом берегу Вислы, но мы и не собирались удерживать ее по плану войны, зато мы овладели Галицией и в Восточной Пруссии вновь подошли с востока к Мазурским озерам. В итоге начертание нашего фронта улучшилось по сравнению с исходным положением в 1914 году, так как глубина «Польского мешка» уменьшилась.

Однако, как мы видели выше, понесенные нами в кампании 1914 года потери, а также неустройство в тылу, с упрямством поддерживаемое невежественным и легкомысленным Сухомлиновым, тяжело отражались на настроении страны. Вследствие этого настроения каждая из неудач на фронте воспринималась особенно болезненно и общий стратегический результат кампании совершенно заслонялся. А между тем он был положи-

тельный и большой. Германия, строившая весь свой успех войны на быстром поражении поочередно Франции и России, оказалась не в силах разбить ни ту, ни другую; германский генеральный штаб был сбит с той позиции, на которой он базировал свою мысль в течение долгих годов и, как следствие этого, утратил твердую идею плана, начав колебаться между Западом и Востоком. Это сделалось типичной особенностью последующего периода войны, когда вместо одного главного Германского фронта против французов, таковых, отчасти захватным порядком самовластия Гинденбурга и интриг Людендорфа, получилось два — французский и русский. *И этот важнейший в стратегическом отношении результат является следствием действий на Русском фронте.*

К сожалению, союзники не отплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную им Россией. Нужды последней не учитывались с такой же полнотой. Первое проявление такого отношения можно увидеть в том, как в Средиземном море Союзные флоты пропускают два сильных германских бронированных крейсера «Гебен» и «Бреслау» в Мраморное море. Этот пропуск имеет своим прямым следствием вступление Турции в ряды врагов России, что и состоялось в начале ноября 1914 г. Объявление войны Турцией отвлекало часть русской вооруженной силы на Кавказский фронт, но это было еще ничтожное последствие по сравнению с другим: выступление Турции закрывало доступ в Черное море, а это, как уже указывали выше, было равносильно блокаде; *здесь была Ахиллесова пята русского колосса.* Эта блокада являлась для России особенно чувствительной к началу кампании 1915 года, так как Русская Армия израсходовала в своем жертвенном порыве большую часть своих огнестрельных припасов.

Кампания 1915 года

В течение первых четырех месяцев 1915 года Гинденбург и Людендорф, получившие на усиление своего фронта новые четыре корпуса сверх корпусов, прибывших уже к ним перед Лодзинской операцией, задумывают нанести России сокрушительный удар, который должен окончательно вывести ее из строя. Для этого они намечают широкий охват-клещи, в котором они хотят сжать центральные русские армии, находившиеся в Польше и Западной Галиции. Осуществление этих клещей должно начаться разгромом русской X армии, находившейся в Восточной Пруссии у Мазурских озер и решительным наступлением австро-венгров из Карпат на фронт Львов — Тернополь. Обоим этим ударам по русским флангам предшествовал энергичный штурм русских по-

зиций на левом берегу Вислы в районе, преграждавшем прямые пути на Варшаву.

Эта фронтальная атака немцев приводит к кровопролитнейшим боям, причем особенно много крови было пролито в окрестностях Боржимова. Однако, немецкий штурм был остановлен и не помешал Русскому Верховному Главнокомандованию приступить к осуществлению задуманных им тоже наступательных операций: решительному наступлению через Карпаты на фронте Горлице — Вышков для проникновения на равнину Венгрии и вспомогательному наступлению из Польши в Восточную Пруссию (на фронт Ортельсбург — Сольдау). Это привело к очень напряженным сражениям в Восточной Пруссии (2-е сражение у Мазурских озер и у Прасныша) и на Карпатах. Планы наших врагов потерпели полное крушение. В этом должен был признаться и сам Людендорф.

Сдача крепости Перемышля с 135-тысячным гарнизоном и блестящая наша победа на Кавказском театре у Сарыкамыша давали нам полную моральную компенсацию за тактические неудачи в Восточной Пруссии (поражение X нашей армии во 2-м сражении у Мазурских озер, окончившееся окружением XX-го корпуса в Августовских лесах). *Но все эти напряженнейшие бои заставили нас израсходовать последние запасы огнестрельных припасов и мы подошли вплотную к катастрофе, которая становилась неминуемой.*

Неудача замысла Гинденбурга и Людендорфа сокрушить русскую вооруженную силу одним ударом не заставляет Германское верховное главное командование отказаться от этой мысли. Оно окончательно решает перенести центр тяжести своих усилий в летнюю кампанию 1915 г. с французского на русский театр и для этого опять перебрасывает с первого на второй значительные силы. Не подлежит никакому сомнению, что Германской Ставке хорошо была известна надвигающаяся в Русской Армии катастрофа в боевом снабжении. Кроме того, безрезультатные действия наших союзников для оказания нам помощи в первый период кампании 1915 года наводили немцев на мысль, что Французское и Британское главнокомандования окажутся более эгоистичными, нежели Русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва для того, чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала Русская Армия в кампанию 1914 года; что помощь союзников ограничится формулой «постолько посколько», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию.

Насколько чувствительно было это перемещение свидетельствуют цифры, заимствованные нами из книги бывшего началь-

ника французского генерального штаба генерала Бюа,¹⁷ которого нельзя упрекнуть в пристрастии к русским. Согласно данным генерала Бюа, в начале войны против Франции немцами направлено 79% их сил, а против России 21%; в августе 1915 года против соединенных сил французов и англичан остается всего 61% немецких пехотных дивизий, а против России сосредоточено 40%.

Некоторую помощь нам оказало присоединение Италии к лагерю наших союзников (24-го мая). Но так как выступление Италии оттягивало на себя лишь австро-венгерские войска, а Австро-Венгрия к этому выступлению подготовилась, оно оказалось помощью малодействительной.

В таких тяжелых условиях и протекает для России летний период кампании 1915 года (май-октябрь). Этот период начинается прорывом Макензена у Горлице. Каково было взаимоотношение артиллерийских сил во время этого прорыва свидетельствует следующий пример. Против фронта одного из наших корпусов (X-го) III-й русской армии, на которую обрушился удар Макензена, наши противники сосредоточили более 200 тяжелых орудий, не считая легкой артиллерии. У нас же во всей III-ей армии в составе 7-ми корпусов на фронте 200 верст было всего 4 тяжелых орудия: две 42-х линейные пушки, две 6-ти дюймовые гаубицы, причем одна из двух 42-х линейных пушек в начале боев лопнула от крайней изношенности тела орудия.¹⁸ Немцы хорошо используют свое подавляющее превосходство в артиллерийских силах. Вот как в общих чертах может быть обрисована картина наступления Макензена, наносившего главный удар. Как громадный зверь, немецкая армия подползала своими передовыми частями к нашим окопам, но лишь настолько, чтобы приковать к себе наше внимание, и в то же время готовую немедленно же после очищения окопов занять их. Затем этот зверь-гигант подтягивал свой хвост — тяжелую артиллерию. Последняя становилась в районы, малодоступные для нашей легкой артиллерии, часто даже вне досяжимости ее выстрелов, и с немецкою методичностью начинала барабанить по нашим окопам. Она молотила по ним до тех пор, пока они не были сравнены с землей и защитники их перебиты. После этого зверь осторожно вытягивал свои лапы — пехотные части — и занимал окопы; в это время тяжелая артиллерия держала под жестоким огнем расположение наших батарей и наш тыл, а выдвинувшаяся немецкая легкая артиллерия и пулеметы охраняли выдвигающуюся пехоту от наших контратак. В последнем случае «потери атакующего» выпадали на нашу долю

¹⁷ "L'armee allemande pendant la guerre 1914-1915".

¹⁸ Свидетельство начальника штаба 3-й армии ген. С.Добборольского, "Военный Сборник" № 1, стр. 99, изд. Белград.

— немцы же отсиживались в воронках изрытой снарядами местности и расстреливали нас в упор. Закрепившись на захваченной у нас позиции, «зверь» опять подтягивал свой хвост и германская тяжелая артиллерия с прежней методичностью начинала молотить по нашей новой позиции.

Немцы могли беспрепятственно повторять этот способ действий. У нас было не только мало артиллерии, для того чтобы им противодействовать, но и та, которая была, молчала из-за отсутствия снарядов. Достаточно напомнить, что *граду снарядов германского барабанного огня мы могли противопоставить в среднем только 5-10 выстрелов на легкую пушку в день.*

При таких условиях наша оборона фактически являлась невозможной и «Макензеневский кулак» проползает по Галиции до Перемышля, а затем поворачивает на фронт Люблин — Холм. Одновременно с этим начинается решительное наступление немцев из Восточной Пруссии. На этот раз действительно образуются клещи, которые грозят охватить наши центральные армии, находящиеся в так называемом «Польском мешке».

Великое отступление

Выход из создавшегося положения был только один: отвод всех армий вглубь страны, для того, чтобы спасти их от окончательного разгрома и для того, чтобы было чем после восстановления снабжения продолжать войну. Но Русская Ставка три месяца не может на это решиться. Только в первых числах августа начался грандиозный отход армий Северо-Западного фронта, проведенный с большим умением генералом Алексеевым. Много трагических переживаний выпадает на долю Высшего Русского Командования за время этого отступления; сдаются крепости Новогеоргиевск и Ковно, очищаются крепости Ивангород, Гродно и Брест-Литовск, в тылу царит паника. Несколько раз германские клещи готовы окончательно захватить отходящие русские армии, но в последнем итоге к октябрю месяцу русские армии выходят из грозящего окружения и останавливаются на новой линии, протягивающейся от Риги на Двинск, озеро Нарочь и далее на юг на Каменец-Подольск.

Мы указали выше, что если можно упрекать нашу Ставку, так только в том, что она слишком поздно решила на отвод наших армий вглубь страны. *Это запоздание стоило много лишних жертв <...>*

В многомиллионной солдатской массе росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и проникали даже в среду более интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам, явилось то обстоятельство, что про-

исшедшая катастрофа в боевом снабжении как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли сильное распространение еще в конце 1914 года.

Моральное воздействие этого отступления на армию

Одним из очень характерных показателей — с какой нервно-стью реагировали на эти слухи об измене даже высшие круги, служит дело Мясоедова.¹⁹

Генерал Нокс, внимательно наблюдавший за состоянием Русской Армии, записывает в августе месяце в своих воспоминаниях:

«Дух Русской Армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других армий. Нельзя не поражаться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец «все может». Это — естественное, но нездоровое явление. Среди солдатской же массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры и наказания, по-видимому, малодействительны».

«Число заболевших громадно. Отыскиваются всякие предлоги, чтобы уйти в тыл. Среди солдат распространяется убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют».²⁰

Далее генерал Нокс упоминает об одном из писем, которые в большом числе посылались из рядов войск прямо Главнокомандующему с критикой ближайшего начальства. Весьма вероятно, что многие из этих писем были написаны из патриотических чувств и некоторые из них были справедливы; но самый факт их появления является ярким признаком падения доверия к начальникам и падения дисциплины.

Пессимистическое настроение фронта передавалось в тыл при посредстве тысячи нитей, связывающих современную многомиллионную армию с народом. Письма к родным, жалобы раненых, рассказы возмущенных представителей общественности являлись теми каплями, составлявшими целые потоки мрачных настроений, которые в конце сливались в океан общего недовольства и растерянности. Генерал Сериньи в своей очень инте-

¹⁹ См. стр. 20 «Дневника Великого Князя Андрея Владимировича». Свидетельство Вел. Кн. Андрея Владимировича в данном случае ценно, ибо этот Великий Князь, окончивший в свое время курс Военно-Юридической Академии, особенно интересовался военно-юридическими вопросами; он имел, несомненно, возможность близко ознакомиться с «делом Мясоедова».

²⁰ «With the Russian Army», pp. 349-350.

ресной книге, составленной на основании наблюдений на французском театре военных действий, пишет:²¹

«Кризис недоверия начинается всегда среди тех, которые не сражаются. Мармон, в своем «Духе военных учреждений», рассказывает, что бегство всегда начиналось среди солдат последних рядов фаланги. Этот случай повторялся на полях сражения во время мировой войны: обычно писаря и чиновники всякого рода первыми бросали свои посты. Да и было бы удивительно, если бы было иначе, потому что менее приученные к боевым переживаниям, менее дисциплинированные, а главное менее поглощенные битвой, эти люди слабели духом гораздо раньше своих товарищей, непосредственно ощущавших реальности боя».

«Кризис недоверия необычайно увеличивался по мере удаления от поля битвы. Какой-то оптический обман увеличивает все явления, удачи, как и неудачи. Тыл составляет себе мнение не на основании действительного положения, а на основании рассказов раненых и беженцев, извращающих факты в зависимости от своего душевного состояния. Преувеличение является правилом. Поэтому можно утверждать, что, как правило, положение никогда не бывает таким хорошим или таким плохим, каким оно кажется на первый взгляд людям, находящимся в тылу».

«Из всего вышесказанного ясно, что душевное состояние высшего начальника может быть подорвано событиями гораздо раньше, чем дух его войск» <...>

Такого рода психологическое явление имеет место и у нас в летнюю кампанию 1915 года. Для того чтобы показать, насколько увеличивалась подавленность настроения по мере удаления от боевых линий в тыл, мы сошлемся на четыре документа, относящихся к одному и тому же периоду времени: 1) на письмо одного из командиров пехотных полков; 2) на письмо одного из командиров армейских корпусов; 3) на письмо начальника штаба Верховного Главнокомандующего; 4) на доклады военного министра генерала Поливанова в секретных заседаниях Совета Министров.

Упомянутые только что письма адресованы генералу Поливанову, который и ссылается на них в своих воспоминаниях. (Мемуары ген. А.А. Поливанова, стр. 185-186). Следовательно, читая доклады самого ген. Поливанова в Совете Министров, мы можем проследить, каково было различие в настроении на различных ступенях военно-иерархической лестницы.

Командир Л.-Гв. Гренадерского полка генерал Рыльский описывает в частном письме к ген. Поливанову участие полка в бою 6-11 июня (19-24 июня) 1915 г. у с. Крупе, в котором полк понес

²¹ General Serigny. "Reflexions sur l'art de la Guerre". Стр. 42-46.

потери в 36 офицеров и около 2500 нижних чинов. Это письмо он заканчивает так:

«Армия, насколько мы можем судить, ожидает какого-то события, которое должно повернуть войну в нашу пользу. Один слух, самый якобы достоверный, сменяется другим. По последней версии, к нам перевозится японская армия и тогда война решится одним ударом. Многие уже видели японцев в тылу. Массовая галлюцинация».

Письмо генерала Рыльского верно схватывает настроение армии. Хотя вера в свои силы и подорвана, но надежда на окончательную победу в рядах бойцов еще есть. Отходя назад, войска дерутся, льют реки крови, но, по существу говоря, нигде не «бегут».

Командир XXIX корпуса генерал Зуев пишет генералу Поливанову о крайне неудовлетворительной постановке вопроса укомплектования армии, о громадной убыли в офицерском составе армии, о колоссальном превосходстве противника в вооружении...

«Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей всякие окопы и сооружения, заваливая часто их защитников с землею. *Они тратят металл, мы — человеческую жизнь.* Они идут вперед, окрыленные успехом и потому дерзают; мы, ценою тяжких потерь и пролитой крови, лишь отбиваемся и отходим. Это крайне неблагоприятно действует на состояние духа у всех».

Письмо далеко не безнадежное. Действительность обрисована мрачными красками, но надежда выйти из этого тяжелого положения не потеряна.

Так и переживал «фронт» катастрофу 1915 года. Личные впечатления автора совершенно совпадают с изложенным в только что упомянутых двух письмах.

Моральное воздействие этого отступления в тылу

А вот письмо из тыла. Пишет начальник штаба Верховного Главнокомандующего тому же генералу Поливанову.

«Получаются сведения, что в деревнях, при участии левых партий, уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будет 2-3 недельное обучение, с винтовкой на 3-4 человека, да еще такое внушение, то ничего сделать с войсками невозможно. Уже были одобрены Его Величеством две меры: 1) лишение семейств лиц, добровольно сдавшихся, пайка и 2) по окончании войны высылка этих пленных в Сибирь для ее колонизаций. Было бы крайне желательно внушить населению, что эти две меры

будут проведены неукоснительно и что наделы перейдут к безземельным, честно исполнявшим свой долг. Вопрос кармана (земли) довлеет над всеми. Авторитетнее Думы в смысле осуждения добровольной сдачи и подтверждения необходимости возмездия нет никакого. Не желая обращаться по этому вопросу к Родзянко в обход Правительства, Великий Князь поручил мне просить Вас, не найдете ли возможным использовать Ваш авторитет в сфере членов Думы, чтобы добиться соответствующего решения, хотя бы мимоходом в речи Родзянко, или лидера центра, что, очевидно, те нижние чины, которые добровольно сдаются, забывая долг перед Родиной, ни в коем случае не могут рассчитывать на одинаковое к ним отношение и что меры воздействия, в виде лишения пайка и переселения их всех, после мира, в пустынные места Сибири вполне справедливы. Глубоко убежден, что это произведет огромный эффект. Правительство же (Министерство внутренних дел) могло бы через губернаторов, перед набором и призывом, также внушить эту мысль. Тогда на фронт приходил бы не заранее готовый сдаться элемент, а люди долга...»

«Прошу извинения за назойливость, но как тонущий, хватающийся за соломинку ищу спасения тяжелому положению в ряде мер...»

Так писать мог только человек, окончательно изверившийся в своей армии и совершенно потерявший голову.

А теперь посмотрим, как преобразуются в представлении самого генерала Поливанова полученные им сведения.

Это уже форменная паника.

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету Министров, что отечество в опасности»,²² — так в заседании Совета Министров 16 (29) июля 1915 года приступил военный министр генерал Поливанов к своему очередному докладу о положении на фронте. «В голосе его чувствовалось что-то повышено резко, — записывает помощник Управляющего Делами Совета Министров А.Н. Яхонтов. — Присущая ему некоторая театральность речи и обычно заметное стремление влиять на слушателя образностью выражений стушевываются на этот раз потрясающим значением произнесенных слов. Воцарилось томительное молчание. Наступившая тишина казалась невыносимой, бесконечной... Когда прошли первые минуты, когда охватившее всех нервное напряжение немного ослабело, Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин обратился к А.А. Поливанову с просьбой объяснить, на чем он строит столь мрачное заключение».

²² «Тяжелые дни», А.Н. Яхонтов, «Архив русской революции». Т. XVIII.

«Военный министр в общих чертах нарисовал картину фронта. Наше отступление развивается с возрастающей быстротой, во многих случаях принимающей характер чуть ли не панического бегства...²³ Во всяком случае для каждого, мало-мальски знакомого с военным делом, человека ясно, что приближаются моменты, решающие для всей войны. Пользуясь огромным преобладанием артиллерии, немцы заставляют нас отступать одним артиллерийским огнем. В то время как они стреляют из орудий чуть ли не по одиночкам, наши батареи вынуждены молчать даже во время серьезных столкновений. Благодаря этому, обладая возможностью не пускать в дело пехотные массы, неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами. Естественно, что с каждым днем наш отпор слабеет, а вражеский натиск усиливается. Где ждать остановки отступления — Богу ведомо. Сейчас в движении неприятеля все более обнаруживается три главнейших направления: на Петербург, на Москву и на Киев... В слагающейся обстановке нельзя предвидеть, чем и как удастся нам противодействовать развитию этого движения.²⁴ Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и в вождей подорвана. Заметны все более грозные признаки надвигающейся деморализации. Учащаются случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен. Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными, с приказом подбирать винтовки убитых товарищей».

В заседании 30 июля (12 августа) ген. Поливанов рисует столь же мрачную картину... Пессимизм генерала Поливанова отвечает общему настроению Совета Министров, и мы считаем, что А.Н. Яхонтов правильнее озаглавил бы свою запись не словами «Тяжелые дни», а словами «Дни паники». Эта паника вызвана была стратегически правильным решением Верховного Главнокомандующего об отводе армии вглубь страны...

Но Совет Министров не в состоянии это понять. Он весь под впечатлением тех ближайших тяжелых последствий, которые вызываю́т нашим отступлением. Одним из этих тяжелых последствий явилось бегство. И вот министры под непосредственным впечатлением масс беженцев, уходящих вместе с нашими войсками вглубь страны, обрушиваются на Ставку.

А вот текстуальное заявление, сделанное на этих же заседаниях одним из наиболее влиятельных министров А.В. Кривошеиным:

²³ Это не соответствовало действительности. (Примечание Н.Н. Головина).

²⁴ Сильно преувеличенное заключение. (Примечание Н.Н. Головина).

“Из всех тяжких последствий войны — это явление²⁵ самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. И что ужаснее всего — оно не вызвано действительною необходимостью или народным порывом, а придумано мудрыми стратегами для устрашения неприятеля. Хороший способ борьбы! По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. Голодные и оборванные повсюду вселяют панику, угащаются последние остатки подъема первых месяцев войны. Идут они сплошной стеной, топчут хлеб, портят луга, леса. За ними остается чуть не пустыня, будто саранча прошла, либо Тамерлановы полчища. Железные дороги забиты, передвижение даже воинских грузов, подвоз продовольствия скоро станут невозможными, не знаю, что творится в оставляемых неприятелю местностях, но знаю, что не только ближний, но и глубокий тыл нашей армии опустошен, разорен, лишен последних запасов. Я думаю, что немцы не без удовольствия наблюдают повторение 1812 года. Если даже они лишаются некоторых местных запасов, то вместе с тем они освобождаются от заботы о населении и получают полную свободу действия в безлюдных районах. Впрочем, эти подробности не в моей компетенции. Очевидно, они были своевременно взвешены Ставкой и были тогда признаны несущественными. Но в моей компетенции, как Члена Совета Министров, заявить, что устраиваемое Ставкой великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели”.

Изучение протоколов секретных заседаний Совета Министров крайне интересно не только в отношении того падения духа и растерянности, которые были вызваны в тылу отступлением наших армий. Это изучение вскрывает также и то *недовольство Ставкой, которое все растет*. Несомненно, что Ставкой было сделано раньше много ошибок. Делалось также много ошибок и в период отступления 1915 г. Мы согласны с мыслью, что *наша Ставка как высший орган Генерального Штаба была по сравнению с такими же органами Французской, Британской, Германской и Австро-Венгерской армий хуже подготовлена*. Но размах самих событий был столь велик, что *ошибки были вполне естественны и не в пылу самого исполнения труднейшей стратегической операции допустима была такая беспощадная критика в центральном органе Правительства*. Странно видеть то, что члены Правительства говорят о “размахе событий” и не хотят видеть, что ведение войны в таких условиях требует и “размаха жертв”.

Собеседования министров чрезвычайно показательны в социально-психологическом отношении. Члены Совета Министров,

²⁵ Беженство (примечание Н.Н. Головина).

нападая на Ставку, не отдавали себе отчет, как мы увидим далее, что они собственными руками готовят смену Верховного Главнокомандующего. Председатель Совета Министров это чувствует и предупреждает своих коллег по Совету: «Я не возражаю против такой постановки — говорит И.Л. Горемыкин по поводу решения Совета Министров просить Государя о созыве заседания под Высочайшим председательством для того, чтобы «открыть царю правду» — но считаю долгом еще раз повторить перед Советом Министров мой настойчивый совет с чрезвычайной осторожностью говорить перед Государем о делах и вопросах, касающихся Ставки и Великого Князя. Раздражение против него принимает в Царском селе характер, грозный последствиями. Боюсь, как бы наши выступления не явились поводом к тяжелым осложнениям»...

Изучаемые нами протоколы вскрывают, что *сами министры несомненно подготовляли кризис Верховного Главнокомандования. Но делали это они бессознательно, ибо они, так же, как и вся Россия, глубоко почитали самого Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича <...>*

Увольнение Великого Князя Николая Николаевича и вступление в верховное главнокомандование государя императора

Смена Верховного Главнокомандующего произошла 23-го августа. Верховным главнокомандующим стал Государь с Начальником Штаба генералом Алексеевым. По существу говоря, последний и становился теперь Верховным Главнокомандующим. Это понимала вся Армия и это, в известной степени, примирило с происшедшей переменой, т.к. высшие лица Штаба Великого Князя Николая Николаевича были крайне непопулярны.

Какое впечатление произвела эта смена на самую Армию?

«Этот значительный по существу акт, — пишет генерал Деникин в своем труде «Очерки Русской Смуты»,²⁶ — не произвел большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие Государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех интересовал более вопрос: — Кто будет Начальником Штаба?».

«Назначение генерала Алексева успокоило офицерство. Что касается солдатской массы, то она не вникала в технику управления; для нее Царь и раньше был верховным вождем армии и ее смущало несколько одно лишь обстоятельство: издавна в народе укоренилось убеждение, что Царь несчастлив».

²⁶ Том I, стр. 34.

Эти строки, написанные одним из наиболее видных вождей белого движения, грешат тем же непониманием народных масс, которое привело затем самого автора цитированных выше строк к крушению. То, что при смене Верховного Главнокомандования снаружи царило полное спокойствие, — это верно. Более того, мы сами были свидетелями с каким энтузиазмом встречали войска Государя впервые после того, как он стал Верховным Главнокомандующим. Но это нисколько не противоречило тому, что удаление Великого Князя Николая Николаевича сопровождалось глубоким сожалением именно солдатской массы. В представлении этой массы Великий Князь Николай носил благородный облик поборника правды, решительного искоренителя лжи — грозного для всех и в то же время справедливого для всех.

«Прошло три-четыре месяца, — записывает один большевистский писатель,²⁷ — и Николай Николаевич стал просто популярен. В армии о нем говорили не иначе как с восторгом, а часто с благоговеньем».

Вокруг имени Великого Князя стали создаваться легенды. Народные массы стремились воплотить в нем черты любимого вождя. Вот свидетельство иностранного наблюдателя Русской Армии. Оно принадлежит перу неоднократно нами цитированного британского генерала А. Нокса; приводимые строки написаны им для Британской энциклопедии.

«Великий Князь Николай Николаевич был, прежде всего, патриотом с сильно развитым чувством долга. Хотя, благодаря принадлежности к Царской Семье, ему было гарантировано высокое положение в Армии, он, тем не менее, посвятил себя научному изучению своей профессии. Его служебная деятельность показывает, что он обладал всеми качествами военного вождя. Обладая импонирующей внешностью, он обладал неограниченной энергией, сильною волей и способностью быстро решаться. Всякая интрига была абсолютно чужда его благородному характеру. Он обладал исключительным даром внушать веру в себя и любовь. Его справедливость одинаково притягивала и сердца генералов, и сердца солдат. Многочисленные рассказы про него, распространявшиеся среди русских солдат крестьян, рисовали его легендарным героем, защитником святой России против германизма и развращенности Двора. Солдаты верили, что он очень строгий в вопросах воинской дисциплины, одинаково требователен в этом отношении к генералам, а также и к самому себе».

Популярность Алексеева была иная. В армии она распространялась, главным образом, на офицерские круги. Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов

²⁷ “250 дней в Царской Ставке”. Мих. Лемке, стр. 82.

руководителя. Армейский рядовой офицер видел в нем своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам. Солдатская масса его мало знала; в нем не было тех внешних черт, которые требуются малокультурным массам для облика их героев. То же самое происходило и в стране: все мало-мальски образованные слои знали Алексеева, уважали и верили ему; народные же массы его совсем не знали.

Вот почему и в Армии, и в общественных кругах, как свидетельствуют о том многочисленные мемуары, наилучшим разрешением вопроса считалось — оставление Верховным Главнокомандующим Великого Князя Николая Николаевича и назначение к нему нового Начальника Штаба в лице Алексеева.

Устраняя от должности верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, Государь отказывается от содействия чрезвычайно важной моральной силы. Он думал, что эта моральная сила, заключавшаяся в народной популярности Великого Князя, может быть вполне заменена монархической традицией. Эта мысль была в свое время отлично сформулирована в английской газете «Daily Chronicle», так объяснявшей английской публике состоявшуюся в Русском Верховном Главнокомандовании перемену: «Царская власть обладает какими-то мистическими и отеческими свойствами, неотразимо действующими на душу русского народа. Решение Царя вновь свидетельствует о тесных узах, существующих между народом и царем-батюшкой. Принимая на себя верховное командование, Царь ясно доказал, что не может быть сомнения в решимости России довести войну до конца».

Ошибка в подобной точке зрения заключалась прежде всего в том, что для успешного доведения войны до победного конца *необходима не замена сил, а сложение всех имеющихся в распоряжении сил.* Испытания, предъявленные России, были слишком велики для того, чтобы позволять себе отказ от какой бы то ни было из имеющихся в распоряжении сил. *Несомненно, что здесь мы видим одно из наиболее ярких проявлений того примитивного отношения к современной сложной социальной жизни, которое мы обнаруживали во всех областях государственной жизни России.*

Настроения солдатских масс

Когда окончилось намеченное Верховным Главнокомандованием отступление, по мере того как войска устраивались на новых линиях обороны и спокойная рука генерала Алексеева приводила все в порядок, настроение армии стало улучшаться.

Особое свойство русского солдата быстро оправляться от тяжелых поражений замечено было еще немцами и включено было ими в характеристику Русской Армии.

Вот в каких словах в 1913 году отмечено это свойство Германским большим генеральным штабом:

«Русский солдат очень вынослив в физическом отношении и мало требователен. Вместе с этим русская военная часть обладает исключительной способностью быстро оправляться после неудачных боев и быть опять способной к обороне».²⁸

Интересно сравнить эту оценку русского солдата, написанную до войны внимательно изучившим Русскую Армию немецким генеральным штабом, с заметкой, записанной тоже внимательным иностранным наблюдателем Русской Армии в 1915 году генералом Ноксом. В октябре 1915 года он заносит в свои воспомина-

ния:²⁹

«Хотя после долгих напряжений русский солдат выглядит печально (невзрачно), тем не менее он обладает исключительной способностью к быстрому восстановлению своей боеспособности».

Мы вполне отдаем себе отчет, как трудно оценивать настроение солдатских масс, в особенности русских масс того времени. Единственным показателем этого настроения могли являться только отчеты военной цензуры о письмах, посылаемых из армии. К глубокому сожалению мы лишены возможности использовать этот богатый архивный материал, остатки которого хранятся в России и ждут своего исследования. По ним можно было дать общую картину изменения настроения армии. <...>

Кампания 1916 года

Кампания 1916 года начинается опять требованием со стороны союзников помощи от России. Германские атаки на Верден ускоряют начало наступательных операций на наших Северном и Западном фронтах. *Несмотря на то, что время года делало невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, Русское Верховное Главнокомандование решило все-таки произвести таковую в широком размере для отвлечения на себя немецких сил с французского театра.* Атаки начались на Западном фронте в районе озера Нарочь 15 марта и на Северном фронте в районе Якобштадта и Двинска 21 марта. Прорывы не удалась. Захват 2-3 тысяч пленных и отеснение противника на некоторых участках на 2-3 версты, конечно, не отвечали тем громадным потерям, которые несли русские армии. 30-

²⁸ "Der deutsche Generalstab", von Kuhl, s. 68 (курсив Куля).

²⁹ "With the Russian Army in 1914-1917", p. 350.

го марта приказано было приостановить наступление. Правда, помощь французам была осуществлена, т.к. с 22-го по 30 марта германские атаки у Вердена прекратились, но неудача наступления не могла не оказать влияния на моральную сторону русского командования.³⁰

В этом мы можем убедиться из одного характерного разговора с ген. Алексеевым, записанного М. Лемке в его книге «250 дней в Царской Ставке».³¹ Этот разговор происходит 29 марта, т.е. непосредственно под впечатлением вышеупомянутых наступлений на наших Северном и Западном фронтах.

М. Лемке, состоявший офицером военно-цензурного отделения Ставки, беседовал со своим начальником, генерал-квартирмейстером ставки, генералом Пустовойтенко, когда в комнату вошел М.В. Алексеев. В завязавшемся разговоре М.В. Алексеев сказал:

— Да, настоящее невесело...

— Лучше ли будущее, Ваше Высокопревосходительство? — спросил М. Лемке.

— Ну, это как знать... — ответил М.В. Алексеев. — О, если бы мы могли его предупредить без серьезных ошибок. Это было бы величайшим счастьем для человека дела и величайшим несчастьем для человека чувства...

— Верующие люди не должны смущаться таким заглядыванием, потому что всегда будут верить в исправление всего Высшею Волею, — вставил Пустовойтенко.

— Это совершенно верно, — ответил Алексеев. — И вы знаете только ведь, и живешь мыслью об этой Высшей Воле, как вы сказали. А вы, вероятно, не из верующих? — спросил он Лемке.

— Просто атеист, — посмеялся Пустовойтенко...

— Нет, а я вот счастлив, что верю, и глубоко верю в Бога и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную Судьбу. Вот вижу, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но вы думаете меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него рукой Божьей Помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

— Вы верите так же в это богатейшее нутро? — спросил Лемке.

— Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли и моем положении... Я, человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я

³⁰ Зайончковский, «Мировая война», стр. 253-254.

³¹ Стр. 648-650.

знаю, что низы ропщут, но знаю и то, что они так испакощены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Савич,³² как вы, как все мы...

— А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, особенно с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

— Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо только спасать себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Кому можно верить? Италии, Франции, Англии... Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вы терпеть все до конца, вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом...

— Армия наша — наша фотография. Да это так и должно быть. С такой Армией в ее целом можно только погибать. И вся задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем ее, поймем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором и тряпками...

— Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь же принять меры к спасению самого дорогого, к меньшему краху, хоть нашей наносной культуры? — спросил Лемке.

— Вы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю, хотя бы о моменте демобилизации армии. Ведь это будет такой поток дикой отваги разнуздавшегося солдата, который никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все сообразить и что ничего страшного не произойдет; все так-де будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет... А между тем, к окончанию войны у нас не будет ни железных дорог, ни парходов, ничего — все износили и изгадили своими собственными руками».

Может быть, при передаче этого разговора М. Лемке сгустил краски. Но мы думаем, что все-таки он верно рисует пессимистическое настроение в верхах нашего Главного Командования, явившееся результатом неудач нашего наступления против немцев.

Это влияние ярко сказалось и на совещании Главнокомандующих, собранном в Ставке 14 апреля. Если внимательно про-

³² Ген. Пустовойтенко (прим. Н.Н. Головина).

штудировать протокол этого Совещания, станет совершенно очевидным, что Главнокомандующий Северного фронта генерал Куропаткин и Главнокомандующий Западного фронта генерал Эверт «потеряли сердце»; они не верят в успех, хотя и не смеют это сказать прямо. Один только Главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Брусилов бодро смотрит на предполагаемое в мае общее наступление.

Тем не менее генерал Алексеев настаивает на том, что главный удар должен быть произведен на нашем Западном фронте. Но пониженное настроение духа Главнокомандующего Западного фронта ген. Эверта сказывается на том, что время начала общего наступления откладывается.³³

Тем временем на Итальянском театре произошла катастрофа. От России снова требуется экстренная помощь.

<...> План наступления, намеченный ген. Алексеевым на лето 1916 года, был нарушен требованием ускоренной помощи итальянцам. Это нарушение расчетов ген. Алексеева несомненно должно было отразиться на всем стратегическом ходе событий в Галиции и помешать генералу Алексееву использовать в полной мере достигнутые в Галиции тактические результаты.

22-го мая (4 июня) четыре русские армии (8-я, 11-я, 7-я и 9-я) Юго-Западного фронта начали свои атаки, которые и привели к величайшей Галицийской битве 1916 года, продолжавшейся около 4 месяцев. Тактические результаты этой битвы были громадными. Взято было в плен 8924 офицеров, 408000 нижних чинов, захвачено 581 орудий, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25000 кв. километров. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 гг.

С общесоюзной точки зрения стратегические результаты нашего наступления в Галиции были также большими. Во-первых, итальянская армия была спасена, т.к. австро-венгры должны были прекратить свое наступление в Италии и перебросить против России до 15 дивизий. Во-вторых, положение французской армии было сильно облегчено, т.к. немцы вынуждены были перебросить с французского театра на наш — 18 дивизий,³⁴ и четыре дивизии, сформированных внутри страны. В-третьих, положение союзников на Салоникском фронте тоже значительно облегчено, т.к. с этого фронта было увезено против России 3 1/2 германских дивизий и 2 лучших турецких. В-четвертых, новое решительное пора-

³³ Клембовский. «Стратегический очерк войны 1914-1917 г.г.» Часть 5-я, стр. 29.

³⁴ Снимая 18 дивизий с французского фронта, немцы немедленно же формируют там новые 18 дивизий; но эти производятся за счет уничтожения формирования егерских батальонов во всех дивизиях; таким образом общая сила немцев во Франции все-таки уменьшилась на число отправленных против России дивизий.

жение австро-венгерских армий, вынуждало Германию усилить постоянную поддержку близкого к окончательному крушению союзника. В-пятых, успех Русской Армии обусловил выступление Румынии против Центральных Держав.

Надлом духа в стране

Но все перечисленные стратегические выгоды выпадают не на сторону России, а на долю союзников. Даже выступление Румынии было для России менее выгодным, чем пребывание ее в нейтралитете, ибо это выступление заставило нас уступить Румынии часть нашего заграничного ввоза, который и без того был катастрофически ограниченным.

Боевые успехи, достигнутые на Юго-Западном фронте, вызвали подъем настроения в тех частях Русской Армии, которые дрались на Юго-Западном фронте. В противоположность этому влиянию неудача попыток прорыва германских позиций на наших Западном и Северном фронтах отразилась отрицательно на духе дравшихся там войск. На Западном фронте после ряда колебаний Главнокомандующего этим фронтом генерала Эверта была произведена атака в середине июня на Барановичском направлении, повторенная затем после перегруппировки в первых числах июля. При обоих этих наступлениях мы не имели того превосходства в артиллерийском огне, которое требуется современными условиями огневого боя. Неся громадные потери, наши войска продвинулись лишь на незначительное расстояние, после чего атаки и были прекращены. Но даже в таких неблагоприятных условиях наши наступления поставили немцев в очень трудное положение. Сам Людендорф признает, что положение немцев было близким к критическому.

Неудачи попыток прорыва немецких позиций на Северном и Западном фронтах чувствительнее отражались в нашем тылу и на общественном настроении, нежели победы в Галиции и на Кавказе (Эрзерум). *В растущем пессимизме все ошибки нашего командного состава рассматривались в увеличительное стекло. При этом совершенно упускалось из виду, что атаки наших союзников не приводили к большим результатам, чем наши атаки против немцев, несмотря на то, что в распоряжении союзных генералов было такое обилие технических средств, о котором у нас даже мечтать не смели.*

Характерным документом, пропитанным этим преувеличенно критическим отношением к нашему командному составу, является записка Председателя Государственной Думы М.В. Родзянко,

составленная в конце 1916 года.³⁵ В ней много несправедливого, фактически неверного, и тем не менее она исторически чрезвычайно интересна как показатель тех настроений, которые господствовали в наших кругах и которые несомненно влияли и на настроения Армии. Охарактеризовать эти настроения можно так: вера в окончательный успех и доверие к командному составу совершенно подорваны. Вот те выводы, к которым приходит в своей записке М.В. Родзянко:

«Подводя итоги вышесказанному, — пишет он, — приходится придти к нижеследующим основным положениям, которыми армия объясняет себе неудачи 1916 года.

1) Русское Высшее Командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо, если их имеет, то их не выполняет (Ковельская операция).

2) Высшее Командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте, частью за неимением достаточных сведений, частью за полной хозяйственной беспомощностью военных властей (Румынская операция).

3) Высшее Командование не имеет единообразных методов обороны и нападения и не умеет готовить наступление.

4) В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимают лица, не соответствующие занимаемому посту.

5) Высшее командование не считается с потерями живой силы и не проявляет достаточной заботливости о солдатах.

Эти основные причины, повлекшие за собой остановку наступления генерал-адъютанта Брусилова, повлекли за собой наш разгром в Румынии. Те же причины, которые потушили величайший в истории этой войны прорыв войск в начале 1916 г., ликвидировали и наши Румынские операции. Устранение этих общих причин неудач необходимо для победы, ибо армия отчетливо сознает, что если эти причины не будут устранены, то победы мы, несмотря ни на какие жертвы, не добьемся. Сознание это проникло глубоко в ряды армии и не только в ряды офицеров, но и в ряды простых солдат, и это обстоятельство при обсуждении вопроса о дальнейшем продолжении войны нужно всегда иметь в виду. Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно, армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируется и принимается как лишнее

³⁵ Эта записка еще нигде не напечатана; одна из ее копий хранится в Hoover War Library; эта записка представляет собой тот доклад, посланный в Ставку, о котором М.В. Родзянко упоминает в своих воспоминаниях (“Архив Русской Революции”, т. XVII, стр. 135).

доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе. В силу этого в армии появляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится».

Читая теперь эти строки, трудно даже представить себе, что они написаны после величайшей из побед, равной которой не было одержано за 1914, 1915 и 1916 годы ни одним из союзников. Так смотрело на создавшееся положение вещей подавляющее большинство сознательной части Армии и страны.

Что же происходило в темных солдатских и народных массах?

И в Армии, и в стране ощущались потери, понесенные в 1916 году, которые достигали 2.060.000 убитых и раненых и 344.000 пленных.³⁶ Эти потери были тем более чувствительными, чем слабее было сознание в необходимости их для России; последнее же являлось непосредственным следствием того, что в народных массах доверие к Правительству и вера в союзников были окончательно подорваны.

Осознание приносимых жертв является одним из основных условий для увеличения жертвенной способности народных масс, — это социально-психический закон, общий для всех народов. Вот вывод, сделанный одним французским военным писателем, генералом Сериньи, на основании его наблюдений за происшедшим во Франции:³⁷

«Объясните народу, что требования национальной охраны вынуждают применить всю совокупность коммерческого флота для перевозки американских войск и что вследствие этого размеры продовольствия должны быть сокращены до минимума — он поймет это и примет это как неизбежность; но если вы отдадите резкий приказ сжать свои животы — он возмутится. В течение трех лет Германия испытывала с изумительной выдержкой гораздо худшие лишения; это потому, что путем речей, газетных

³⁶ В одну только летнюю кампанию 1916 года потери достигли 1200000 убитых и раненых и 212000 пленных.

³⁷ General Serigny, "Reflexions sur l'art de la guerre".

статей, лекций ее народу дали уразуметь всю необходимость требуемых жертв...».

В этом отношении существовавшее в России положение вещей было крайне неблагоприятным. *Ни Правительство, ни сами народные массы не были подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая даже, что всякие лишние рассуждения только подрывают авторитет власти; вторые — вследствие своей малой культурности не были способны подняться выше интересов «своей колокольни» и осознать интересы широкого государственного значения.* Положение же ухудшалось еще тем, что все представители русской интеллигенции были отброшены к концу 1916 года Правительством в лагерь оппозиции. И в результате вместо того, чтобы слышать из уст представителей своих более образованных классов слова бодрости и разъяснения, народные массы слышали только критику, осуждение и предсказания неминуемой катастрофы.

Мы считаем, что для оценки настроения наших общественных кругов чрезвычайно характерны выдержки из письма А.И. Гучкова, написанного 15 (28) августа 1916 года генералу М.В. Алексееву.³⁸

«Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь, как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью. Ведь нельзя же ожидать исправных путей сообщения в заведывании г. Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попечении кн. Шаховского, — процветания нашего сельского хозяйства и правильной постановки производственного дела в руках гр. Бобринского. А если Вы думаете, что вся власть возглавляется г. Штюмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических сношений в настоящем и исходе мирных переговоров в будущем, — а следовательно, и вся наша будущность, — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения».

«Мы в тылу бессильны, или почти бессильны, бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и, при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни

³⁸ «Монархия перед Крушением 1914-1917 г.», стр. 282.

предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигается потоп, — и жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм мерами, которыми ограждают себя от проливного дождя: надевают калоши и открывают зонтик».

«Можете ли Вы что-нибудь сделать? Не знаю. Но будьте уверены, что наша отвратительная политика (включая и нашу отвратительную дипломатию) грозит пересечь линии Вашей хорошей стратегии в настоящем и окончательно исказить ее плоды в будущем. История, и в частности наша отечественная, знает тому немало грозных примеров».

Выражение всеобщего недовольства, окончательное падение авторитета власти, предчувствие, даже уверенность в надвигающейся страшной катастрофе можно прочесть решительно во всех мемуарах, относящихся к этому времени. Во всех слоях общества и народа ползли слухи один мрачнее другого. Почти открыто говорилось о необходимости династического переворота.

Страна была окончательно деморализована. Из такого тыла не мог уже вливаться в армию дух бодрости; такой тыл мог только вносить в армию дух разложения.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. II. – Париж, 1939. – С. 119–168.

НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ

Приступая к моей работе, я хотел, чтобы перед читателем прошел, хотя бы в совершенно сжатом виде, весь цикл событий, происшедших на Кавказском фронте в течение последней Русско-турецкой войны 1914–1917 гг.*

В ней перечислены все операции Кавказской действующей армии, которые широко задумывались и решительно проводились, давая неизменно блестящую победу русскому оружию.

Работа моя была бы неполная, если бы я не пытался сказать несколько слов о причинах этого неизменного успеха Кавказской армии на протяжении всей войны, суммируя все сказанное по этому поводу в общем ходе изложения событий на Кавказе.

Конечно, как всегда в сложных событиях, эти причины должны быть многообразны и все вместе важны.

В ряду же их отмечу только значение: 1) воспитания и подготовки армии, 2) непренебрежения основными принципами военного искусства, 3) правильных постановки и ведения боя и 4) личности вождя.

1. Не буду касаться всем известных высоких качеств всей нашей бывшей русской армии, полного жертвенности и сознания долга офицера и отличной храбрости и выносливости кадрового солдата и казака; только имея их, Русская армия на протяжении столетий могла творить чудеса.

Хочу лишь остановиться на некоторых особенностях воспитания и подготовки Кавказской армии, *которые были следствием постоянного пребывания ее на окраине государства.*

На протяжении долгих лет не прерывавшейся борьбы по завоеванию Кавказа и войн с Персией и Турцией, создавались знаменитые традиции кавказских частей — традиции куначества, узами братства связывавшие все части Кавказской армии *в одну тесную военную семью*, в которой каждый член ее был преисполнен готовности в случае нужды прийти на помощь. В ней не было обособленных групп артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев; никто из них не чуждался другой группы. В них, в этих традициях, вырабатывалось чувство жертвенности во имя оказания помощи соседу; в них выковывался постепенно один из принципов военного искусства — принцип взаимной поддержки. Эти узы братства свято чтились на протяжении всех долгих лет суще-

* Заключительная глава указанного труда генерала Е.В. Масловского. - Сост..

ствования Кавказской армии и передавались во всех частях из поколения в поколение всем новым членам полковых семей.

Обостренное чувство принципа взаимной выручки во что бы то ни стало вело к развитию во всех начальниках от мала до велика умения разбираться в обстановке и, не спрашивая указаний сверху, когда время не терпело, принимать самостоятельное решение, не боясь ответственности за него; вырабатывалась привычка к проявлению нужной инициативы в духе общего решения, — другими словами, *широко развивалась самостоятельность частных начальников.*

Благодаря тому, что на юге район расположения Кавказской армии примыкал к Персии, — стране с малой современной культурой, с плохо организованной государственностью, с группами населения, слабо признававшими власть и, как следствие, с властью, не могущей брать на себя ответственности за действия групп населения, — для Кавказской армии создавались условия, при которых частям ее непрерывно приходилось вести борьбу для обуздания беспокойных воинственных приграничных племен, не только для ограждения мирного населения нашей приграничной полосы от набегов этих племен, но для обеспечения русско-подданных в пределах самой Персии.

Ежегодно, на летний период, когда с наступлением теплого времени оживлялась деятельность приграничных с Россией воинственных кочевых племен, особенно шахсевен, и усиливались их набеги со специальной целью грабежа мирного населения приграничных частей Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний, — на эту границу, в помощь малочисленной пограничной страже, направлялись роты, батальоны и команды разведчиков от частей Кавказской армии.

В самой же Персии указанные выше условия заставляли держать постоянно несколько отрядов с частями всех родов войск.

Все они, и выдвигавшиеся ежегодно к границе, и постоянно пребывавшие в пределах Персии, вели непрерывную малую войну: в ней проходили они практическую школу боевой деятельности, приобретали недостающий в мирное время опыт.

Один из крупнейших наших военных писателей, генерал М.И. Драгомиров, говорил, что если бы во время маневров мирного времени, на которых в подобии действий, какие должны происходить в военное время, обучались войска, можно было бы ввести хоть один боевой патрон, то ход учений во время маневров стал бы ближе к действиям во время войны и тогда результат опыта маневров мирного времени стал бы более ценным. Но все части Кавказской армии, чередуясь, непрерывно, из года в год, получали такой опыт, уже не с обозначенным, а действительным про-

тивником, в их постоянных столкновениях на границе и в пределах Персии.

Прибывшие с началом Русско-турецкой войны на усиление Кавказской армии войска из Туркестана и Сибири, где все еще было полно воспоминаниями о длительной борьбе за умиротворение большого края, получили такое же воспитание и подготовку, которые накладывали отпечаток на окраинные войска. В них было много внутренней спайки, и все они быстро слились с кавказскими частями, образовав *единый организм Кавказской действующей армии*.

2. Все операции Кавказской армии покоились на основных принципах военного искусства.

Так, можно проследить применение *одного из важнейших принципов военного искусства, требующего для полного результата боевых операций выбора для нанесения главного удара действительно важнейшего пункта*. В Евфратской операции, при производстве контрманевра, направление главного удара намечено в наиболее чувствительный для турок пункт — во фланг и тыл преследующей 4-й Кавказский корпус мощной «правофланговой группе» Абдул-Керима паши. Благодаря этому, несмотря на небольшие сравнительно с группой Абдул-Керима паши силы, предназначенные для этого удара, и на естественные при ходе операции неблагоприятные случайности, турки не выдержали удара и в беспорядке чрезвычайно поспешно отступили.

В Азапкейском сражении в конце 1915 г., когда 3-я турецкая армия имела совершенно обеспеченные фланги: правый — прикрывавшийся почти недоступным диким хребтом Палантекен, со средней высотой до 10 тысяч футов над уровнем моря, а левый — обеспечивавшийся бездорожной, недоступной для маневрирования крупных сил местностью южных склонов Понтийского Тавра, — намечается прорыв центра 3-й турецкой армии, и пунктом для нанесения этого удара избирается стык между 2 Туркестанским и 1 Кавказскими корпусами, где по местным условиям противник меньше всего ожидал возможности действия крупными силами, почему и не имел там значительного сосредоточения. Результатом удачно выбранного направления для удара было производство прорыва сравнительно небольшими силами, что привело к крупной победе над противником.

При штурме укреплений Эрзерума, с его знаменитой позицией Деве-Бойну, направление главного удара было намечено в обход этой сильнейшей позиции с севера, с одновременным сильным ударом против тактического ключа всей позиции Деве-Бойну. Удачный выбор направления удара дал блестящую победу.

Так же постоянно применение *принципа сосредоточения сил к месту удара*. В Евфратской операции летом 1915 г., когда турки, смяв 4 Кавказский корпус, начали его преследовать, командующий Кавказской армией генерал Юденич те 20 батальонов и 24 сотни, которые только и мог иметь свободными для противодействия энергичному наступлению сильного противника, не разбрасывает по всему широкому фронту корпуса для непосредственного его подкрепления, полагая, что все, что им будет дано в подкрепление, или будет увлечено общим потоком отступающих или, в лучшем случае, только приостановит преследование, не дав полного решения, а сосредоточивает их к одному пункту для нанесения удара в одном направлении.

Для участия в штурме Эрзерума сосредоточивается со всего 600-верстного фронта на 70-80 верстный участок поля сражения 75% всей пехоты и артиллерии Кавказской действующей армии, а при самом штурме, против левого фланга 3-й турецкой армии, где наносился главный удар, было сосредоточено 71% всех сил, принявших участие в штурме, и за ними в армейском резерве — 12%, а всего — 83% всех сил; на остальном же 40-50 верстном фронте действует лишь 17% всех сил.

Один из важнейших принципов военного искусства, чисто духовного порядка, — *принцип внезапности, поражающий воображение противника своею неожиданностью*, всегда сопровождает наши операции.

В Евфратской операции, при производстве контрманевра, удар наносится небольшой колонной генерала Баратова, но скрытно и быстро сосредоточенной и внезапно брошенной во фланг и тыл «правофланговой группе» турок. Весь план контрманевра был основан не на числе, которого у нас не было, а на поражении воображения противника внезапностью появления ударной колонны, что и привело русские войска к победному окончанию операции, начатой так успешно турками.

В Азапкейском сражении, начатом перед Новым годом, подготовка Кавказской армии совершенно ускользает из-под наблюдения противника. Внезапный переход в наступление и прорыв в месте, в котором турки меньше всего этого ожидали, ошеломляет их и они в беспорядке отступают. По этой причине — действовать на воображение противника внезапностью удара — Кавказской армией часто применялись ночные атаки.

Всякая благоприятная случайность использовалась Кавказской армией. Так, в Евфратской операции используется благоприятная для нас случайность подставления нам фланга зарвавшейся в преследовании группы Абдул-Керима паши для внезапно нанесения короткого, но сильного удара по подставленному флангу и его тылам.

Решение штурма Эрзерума было основано на благоприятном для нас результате Азапкейского сражения, в котором турецкая армия была разгромлена выше меры. А в самом штурме используется другая случайность — оплошность турок, в беспорядочном бегстве не занявших господствующего над позицией Деве-Бойну массива Каргабазара, что чрезвычайно содействовало успеху штурма.

Как в Евфратском и Азапкейском сражениях, так и в результате успешного штурма Эрзерума и, наконец, в Эрзинджанской операции всегда победа над противником довершается длительным преследованием: в Евфратском сражении — на протяжении нескольких дней до Мушской долины и Ванского озера; в Азапкейском — до фортов позиции Деве-Бойну, за которыми укрылась разбитая армия; по овладении Эрзерумом наши части преследовали остатки турецкой армии на протяжении трех переходов и, наконец, в Эрзинджанской операции сражение завершается преследованием турок на протяжении 100-150 верст.

А после эпической месячной борьбы под Сарыкамышем на рубеже 1914-15 гг. наши войска, вконец истощенные, понесшие громадные потери, преследуют разбитую турецкую армию на протяжении четырех-пяти дней и в результате такого использования победы через пять дней после окончания нами преследования, 10-го января 1915 г., когда наконец турецкое командование могло привести в известность наличие своих сил, то по официальным турецким данным в составе 3-й турецкой армии оказалось всего 12.400 человек из полутора ста тысяч, начавших операцию.

В настоящее время под гипнозом чудовищной техники внимание всех обращено на материальные факторы боевой деятельности и слишком мало уделяют его значению сил духовных.

Наполеон дал особенно конкретную формулу значения духовного элемента в бою, говоря, что 3/4 успеха зависит от сил моральных и лишь 1/4 — от сил материальных. Действительно, значение духовной стороны в бою всегда было и будет первенствующим, несмотря ни на какое увеличение техники, так как основным элементом боя был, есть и будет человек со всеми свойствами его характера. Во всех операциях Кавказской армии используется эта сторона боевой деятельности. Вот почему на фронте Кавказской армии почти всегда сражение начиналось поражением воображения противника неожиданностью удара, а длительным напряжением до предела сил бойцов в чрезвычайно упорных и непрерывных атаках создавалось нарастание впечатления, которое потрясало противника и он сдавал.

Так было в сражении под Сарыкамышем, когда в длительных и упорных боях нравственное напряжение участников сражения

было использовано до предела. В Азапкейском сражении, при штурме Эрзерума и в тяжелых двухмесячных боях Харпутской операции в условиях суровой зимы, при 20-ти градусных морозах, в труднодоступной местности, покрытой глубоким снегом, — моральное напряжение бойцов было доведено до предела, что давало победу.

3. Для получения решительных результатов от операции *надо, чтобы принятое решение было целесообразно, просто при выполнении, принято своевременно и проводилось без колебаний со всею решимостью до конца.*

Все перечисленные данные сопровождали операции Кавказской армии. Так, все операции имели перед собой важную и вполне отвечающую обстановке цель: в Евфратской операции — разбить группу Абдул-Керима паши, смявшую 4-й Кавказский корпус и угрожавшую выходом в тыл на сообщения Кавказской армии; в Азапкейском сражении — разгром живой силы противника до подхода сильных подкреплений к ней; при штурме Эрзерума — овладение не просто первоклассной крепостью, а оплотом турок в Анатолии; в сложной Эрзинджано-Харпутской операции — разгром турок по частям до окончания развертывания обеих армий.

План всегда отличался простотой и гибкостью: определялась идея операции и в соответствии с ней ставились частные цели, которые по мере развития операции и видоизменения обстановки дополнялись новыми заданиями.

Решение всегда принималось своевременно: контрманевр в Евфратской операции, начало Азапкейского сражения, начало штурма Эрзерума и начало Эрзинджанской операции.

Наконец, каждая операция, при ее выполнении, проводилась со всей решимостью, бои доводились до крайнего напряжения, продолжительное преследование довершало победу; каждая операция была проникнута решимостью победить во что бы то ни стало.

4. Но для последнего необходимо было, чтобы принимающий решение был проникнут волей к победе, так как в этой решимости победить во что бы то ни стало — секрет побед; надо было, чтобы он мог использовать высокие качества войск; *надо было иметь во главе армии вождя, умеющего дерзать и державшего.*

Как велико значение личности командующего армией показывает известное изречение Наполеона: «на войне люди ничего не значат, лишь один человек значит все».

Вот почему история армий в то же время есть история их начальников.

Блестящие победы Кавказской армии потому и могли быть, что во главе ее стал командующий, обладавший необходимыми данными, чтобы вести ее к ним. *Генерал Юденич был полон активности, обладал высоким гражданским мужеством, широтой военного взгляда, способностью к правильной оценке обстановки и упорством в достижении цели. При проведении раз принятого решения не было колебаний у него. Он весь был проникнут волей к победе.*

Генерал Квинитадзе говорит, что главной силой генерала Юденича было “его моральное влияние, его моральное давление, его моральное преимущество над всеми, с кем он только не встречался и вниз и вверх. У многих есть талант, знания, опыт, храбрость, находчивость, но редко кто мог иметь такую моральную силу над окружающими, как генерал Юденич”.

Так отмечает значение личности командующего Кавказской армией генерала Юденича один из участников войны на Кавказском фронте, который как в мирное время, так и в течение войны имел случай близко соприкоснуться с генералом Юденичем. Нужно ли более прибавлять к значению личности командующего Кавказской армией и влиянию ее на ход всей блестящей эпопеи борьбы Кавказской армии с Турцией.

Прежде чем перейти к заключительным словам моей работы, считаю полезным вновь коснуться турецкой армии, отметить значение ее как противника; и хочу сказать об этом вот почему. В течение всей войны Кавказская армия многократно наносила турецкой армии тяжкие удары, которые к концу войны привели ее в полное расстройство. Можно подумать, что эти неизменные победы были следствием слабости и малой боевой ценности турецкой армии. Было бы чрезвычайным заблуждением делать такой вывод. Перед Кавказской армией был серьезный противник. Ведь это был тот противник, с которым отличные русские войска вели ряд упорных войн на протяжении столетий и не всегда с полным успехом, несмотря на всеми признанные отличные качества русского офицера, солдата и казака.

Ведь это был тот противник, который в течение этой же последней войны успешно боролся с англичанами в Месопотамии, пленив там часть их сил и не имея при этом численного превосходства. Это был тот противник, который прибыл на Кавказ с высокоподнятым настроением победителей англичан и французов в упорной борьбе на Галлиполийском полуострове, где его противником было введено в бой 549 тысяч человек, колоссальные технические средства и мощная судовая артиллерия и где противник, после продолжительной упорной борьбы, потерял убитыми, ранеными и пленными 146.500 человек, не считая 120.000 эва-

куированных по болезни, принужден был очистить Галлиполийский полуостров и прекратить борьбу на нем.

Но чтобы не получить упрека в односторонности, здесь привожу мнения о турецкой армии наших союзников, англичан и французов, которые в столкновениях с турками в Месопотамии, на Галлиполийском полуострове и в Сирии смогли хорошо изучить их противника.

Майор Ларше, опираясь на мнение своих соотечественников и англичан, непосредственно принимавших участие в борьбе с турками, высказывается следующим образом о турецкой армии в своем труде: «*La guerre turgue dans la guerre mondiale*».

Он говорит:¹ «Оттоманская армия была многочисленная и грозная и лишь недостаток материальной части и кадров ограничивал ее ценность и подготовку». И далее на стр. 72 он продолжает: «Вопреки всем недостаткам (обучения и снабжения) храбрость, способность к сопротивлению и дисциплина турок давали им превосходство над всеми расами Азии и Африки и делали их способными бороться против европейских войск. Постепенное прибытие к ним материальной части и немецких специалистов придавало им грозную ценность».

Английский генерал Таусенд, в течение долгого времени боровшийся с турками в Месопотамии, так отзываясь о турецкой армии: «Это наиболее упорные из всех солдат Европы и Азии, дисциплинированные, прочно спаянные в одну массу, более упорные и более твердые, чем немцы».

Майор Ларше в своем обширном труде, упомянутом выше, пользуясь по преимуществу турецкими источниками, делает одностороннее замечание о том, что турецкая армия, вследствие чрезмерного напряжения при создании большой по численности вооруженной силы, имела чрезмерно большой процент малообученного контингента, который, войдя в войска первой линии, ослабил их ценность как первоочередных частей в сравнении с войсками Кавказской армии. Но Кавказская армия также на 3/4 своего состава состояла исключительно из второочередных частей, созданных лишь после начала войны, имея перед собою армию с первоочередными частями, а вскоре в течение войны, вследствие общего совершенного недостатка ружей в русской армии, начала получать пополнения плохо обученные.

Таким образом, перед Кавказской армией была армия высоких боевых качеств.

Заканчивая свою работу, хочу подвести итоги всему происшедшему на Кавказском фронте в течение двух с половиною лет

¹ Стр. 69.

войны, указать на степень достижений этой армии в соответствии с задачей, которая была ей поставлена в начале войны и *отметить характерную особенность в способе выполнения этой задачи.*

20-го октября ст. ст. 1914 г. началась война с Турцией; почти два с половиною года велась упорная и непрерывная борьба на Кавказском фронте, пока разразившаяся в России весной 1917 г. революция не положила конец этой войне и не свела на нет все героические усилия, которые были затрачены Кавказской действующей армией и ее вождем.

Русское верховное командование, занятое полностью тяжелой борьбой против Германии и Австрии и, во имя принципа сосредоточения сил на важнейшем театре, направляя все внимание и все силы Империи на западный фронт для лучшей организации этой борьбы, — сознательно ослабляет Кавказскую армию на 2/3 сил, бывших на Кавказе еще в мирное время. Два корпуса из трех перед самым началом войны с Турцией кавказское командование, во исполнение мобилизационного предположения, отправляет на западный фронт. И почти вслед за таким ослаблением ее начинается война с Турцией. *Правда, в соответствии с ничтожными силами, оставленными на Кавказе, и задача, поставленная Кавказской армии, дана была совершенно скромная и в полной мере пассивная.* Ей было указано, по возможности, обеспечивать нашу приграничную полосу, но в случае превосходства сил противника и невозможности удержаться в районе границы, разрешалось, постепенно отходя, оставить все Закавказье и лишь на главном Кавказском хребте, пользуясь его труднодоступностью, стремиться задержать дальнейшее продвижение противника и удержат в своих руках Баку.

Но вместо выполнения столь скромной задачи пассивной обороны приграничной полосы, Кавказская действующая армия решительно выдвигается вперед, переносит борьбу на территорию противника, в течение двух с половиною лет наносит ряд жестоких ударов турецкой армии, заставляет турецкое командование развернуть на Кавказском фронте против себя вторую армию, которая вскоре по прибытии также приводится в совершенное расстройство, проникает на 300-350 верст вглубь территории противника, — занимает обширную страну с большими долинами: Пассинской, Эрзерумской, Мушской и Эрзинджанской, которые были житницей всего театра, захватывает ряд важнейших центров и узлов путей и, наконец, овладевает Эрзерумом, этим оплотом турок во всей Анатолии, стратегическим, политическим, экономическим и административным центром, из которого исходили нити военного и гражданского управления огромным краем, а вслед за тем — Трапезондом, который являлся проме-

жуточной базой для 3-й турецкой армии на лучшем и кратчайшем коммуникационном пути в Константинополь, и Эрзинджаном, вторым по значению в крае пунктом, где, после Эрзерума, было сосредоточено все управление и армией и краем.

Наступил 1917 г. И на границе его, перед началом русской революции, против турецкой армии стояла мощная Кавказская армия, собственными усилиями увеличив свои силы в 2 1/2 раза, закаленная в тяжких переживаниях длительной борьбы, приобретшая в ряде блестящих побед уверенность в своих силах и веру в своего вождя, преисполненная высокого морального настроения и готовая каждую минуту к дальнейшей борьбе, а перед ней — поверженный противник, с приведенными в полное расстройство двумя армиями, — противник, потрясенный непрерывными поражениями до такой степени, что не имел уже ни сил, ни средств восстановить эти армии для продолжения борьбы, противник, престиж которого был настолько ослаблен, что курды и армяне решаются поднимать восстания, противник настолько разбитый и материально, и морально, что когда с наступлением русской революции наша армия не хотела воевать, а потом и оставила фронт, он не имел в себе силы долгое время двинуться вперед, имея перед собой почти пустое пространство, слабо занятое малообеспособными незначительными новообразованиями армянскими и грузинскими.

Такой результат побед был достигнут решением кавказского командования активно выполнить поставленную армии пассивно-оборонительную задачу защиты Кавказа. Кавказское командование полагало, что *мы были численно слишком слабы, чтобы позволить себе роскошь обороны,* и лучше самому наносить удары, чем подставлять себя под удары противника. Борьба была перенесена на территорию противника, и верность этого решения ясно обнаружилась в итоге войны.

При этом необходимо отметить определенной нитью проходящую через всю войну мысль, которою было проникнуто кавказское командование: никогда ничего не просить, ни на что не жаловаться, *а надеяться лишь на свои силы, возможности и искусство,* памятуя, что невелика заслуга решить оборону государства при существовании громадных сил и средств, а крупна она при выполнении большой задачи малыми силами и средствами.

Каковы же эти итоги борьбы, которую вела Кавказская армия в течение около двух с половиною лет.

Последствия блестящих побед Кавказской армии были значительны; они были порядка и материального, и морального и имели значение не только для России, но и для наших союзников.

1) Благодаря быстрому вторжению нашей армии в пределы Турции и стремлению с первых дней войны выиграть насколько

возможно большее пространство, а затем активному способу ведения войны, вся борьба была перенесена на территорию противника, чем, с одной стороны, лучше обеспечивалась наша граница, а с другой — течение нормальной жизни мирного населения нашей приграничной полосы почти не нарушалось. Оно имело значение и экономическое, ограждая жителей от естественного разорения, и психологическое, — поддерживая спокойствие среди жителей *и внося в сознание их уверенность в силе страны.*

2) Рядом побед, которыми живая сила противника — его армия была приведена в полное расстройство, — задача, поставленная армии — обеспечение Кавказа — *была выполнена в полной мере.*

3) В пределах Турции нами захвачена громадная территория от побережья Черного моря до границ Персии в 100.000 квадратных верст, при ширине около 400 верст и глубине около 250 верст.

4) Благодаря тяжким ударам, нанесенным Кавказской армией, главное турецкое командование должно было непрерывно напрягать все новые усилия для восстановления или усиления своих сил на Кавказском фронте. Из 54 дивизий, которые имелись в Турции к началу 1917 г., 29 дивизий было притянато Кавказской действующей армией на театре военных действий, т.е. 54% всех сил Турецкой Империи. При этом шестнадцать дивизий, вследствие их уничтожения в боях с Кавказской армией, вновь были воссозданы и из них пять — два раза.

Таким образом Турция, имевшая пять фронтов борьбы, из коих Европейский во Фракии был для нее по близости к столице особенно важным, принуждена была успешными действиями Кавказской армии перебросить на Кавказский фронт больше половины всех своих сил и около 1/3 всех пополнений.

О степени напряжения, требовавшегося от Турции победным наступлением русской армии, и значении последнего для Турции майор М. Ларше в своей книге: «La guerre nurgue dans la guerre mondiale» (стр. 412), говорит так: «Оттоманская империя пожертвовала почти половину всех своих сил (тридцать дивизий, некоторые из которых были несколько раз воссозданы), совсем не нанеся ущерба могуществу русских. Но трудности местности защищали Анатолию против нашествия лучше, чем их армии, а революция русская спасла окончательно Турцию от объятий русских в течении этой войны».

5) *Рушились полностью все надежды турок осуществить их панисламистские и пантуранские стремления, а вместе с этим у англичан исчезли всякие опасения за чувствительное для них направление на Индию <...>*

6) Победы Кавказской армии на фронте, казалось бы второстепенном, благодаря крупным достижениям ее, широко помогли общесоюзному делу: они, приковав более половины всех сил Турецкой Империи, оттянули в значительной мере внимание турецкого командования от других фронтов борьбы и заставили направлять на Кавказ все новые и новые силы, в ущерб усилий, производимых на других фронтах.

Разгром 3-й турецкой армии на рубеже 1915-16 гг. и последовавшее затем овладение крепостью Эрзерум заставили турецкое командование изменить все свои оперативные предположения; оно решает произвести полную перегруппировку своих сил во Фракии и на побережье Средиземного моря — этих, казалось бы, наиболее важных для турок районов, оставив в них минимум сил, и все освобождающиеся таким образом войска перебрасывает на Кавказский фронт. *Нет сомнений, что необходимость такой крупной переброски турецких сил из Европейского театра в значительной степени облегчила союзникам их победное наступление на Салоникском фронте для воссоздания Сербии.*

На Кавказский фронт пошли и части, первоначально предназначавшиеся главным турецким командованием на усиление войск в Месопотамии; этим чрезвычайно облегчилась там задача английских войск, которые только с того времени, когда Кавказская армия притянула на себя все свободные турецкие силы, могли начать успешное продвижение к Багдаду.

7) Крупные победы Кавказской армии, дав устойчивость положению наших войск на этой окраине государства, позволили верховному командованию не расходовать внимания и усилий на этот, хотя и второстепенный, но чрезвычайно важный по возможным последствиям при неудаче театр военных действий.

Вот те колоссальные достижения, которые оказались в конечном результате героического пути Кавказской действующей армии в дни весны 1917 года и которые неизмеримо превосходили ту скромную задачу, которая была поставлена Кавказской армии в начале войны.

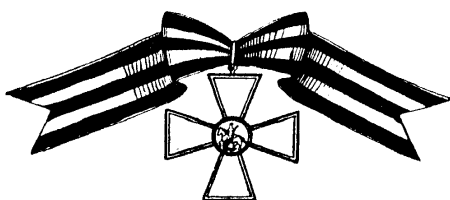
Перед Кавказской армией в наступавшей новой кампании открывались новые цели, новые крупные возможности для окончательного потрясения Оттоманской Империи, и не ее вина, что она этого не довершила.

Наступила революция, и яд ее развалил могучую русскую армию; что не могли сделать никакие усилия противника, то быстро совершили кошмарные условия, созданные революцией в России.

Крушение Великой России повлекло за собой гибель всего достигнутого. Все человеческие усилия, безграничные жертвы,

тысячи и тысячи жизней, отдававшиеся на служение Родине, оказались напрасными.

Масловский Е. Мировая война на Кавказском фронте.
1914-1917 гг. – Париж: Возрождение, 1933. – С 412–425.

Б. Штейфон

**ЮДЕНИЧ
К 25-ЛЕТИЮ ШТУРМА ЭРЗЕРУМА**

3-16 февраля сего года^{*} исполнилось 25 лет со дня штурма Эрзерума. Штурм этот является одной из блестящих страниц русской славы. Это военное предприятие имеет ныне для нас особое, углубленное значение: *накануне крушения Русской державы судьбе было угодно показать, какие огромные моральные силы таятся в природе русского народа. Тем самым, «Эрзерум» является теперь символом огромного национального содержания.*

На мою долю выпало редкое для офицера генерального штаба счастье — иметь в молодые годы такого учителя ратного дела, как генерала Николая Николаевича Юденича. Находясь в составе его небольшого полевого штаба, одним из его ближайших помощников, я имел возможность близко наблюдать, как сказочно развивался его изумительный талант. Имел возможность проникнуть в ту таинственную область деятельности ума и воли, которая сопутствует подлинному творчеству.

Ко времени начала Мировой войны ген. Юденич занимал уже должность начальника штаба Кавказского военного округа. Иными словами, занимал весьма высокую иерархическую должность по службе генерального штаба. Однако, его имя не было известным широким русским кругам. Да и в военном мире оно было знакомо преимущественно на Кавказе. И потом, когда в течение войны Юденичем были одержаны победы, вошедшие в военную историю как образцы классического искусства, Россия как-то мало уделяла внимания своему кавказскому герою. Между тем в *истории всей Великой войны ген. Юденич был единственным полководцем, который не знал поражений.*

^{*} 1941 г. - Сост.

Какая же причина столь, казалось непонятному явлению? Ответ заключается в личности Юденича, в особенностях его характера. Моя память хранит обильную и разнообразную галерею представителей былого служилого российского класса. Но *я не встречал человека более скромного, чем Юденич*. Его прямой, совершенно честной и на редкость цельной натуре были чужды и pompa и представительство, а тем более поза или реклама. Даже после Эрзерума, осененный славой и награжденный Георгиевской звездой, он не мог пересилить себя и поехать в Ставку, чтобы представиться Государю Императору и поблагодарить за высокую боевую награду; хотя не мог не догадываться, что в случае поездки в Ставку там его ожидали генерал-адъютантские вонзеля. Я имею основание думать, что это обстоятельство больше всего и смущало его скромность... Убежденный монархист, он преданно служил своему Императору, не ища наград или поощрений. После отречения Государя его совесть не примирилась с Временным Правительством и он покинул Кавказ.

Среднего роста, плотного телосложения, с большими «запорожскими» усами Юденич был не словоохотливым. В своих привычках чрезвычайно скромный и воздержанный. Не курил, не пил. Столовался вместе с чинами своего полевого штаба и, несмотря на свою сосредоточенность, любил за столом шутки и смех. Не могу не вспомнить мелкого случая, очень характерного для Юденича. За Евфратскую операцию 1915 г. он был награжден орденом Св. Георгия 3 ст. По кавказским традициям, командир I Кавказского корпуса ген. Калитин, как старший георгиевский кавалер, прибыл с депутацией в штаб армии, дабы поздравить командующего армией и поднести ему крест. Юденич был явно тронут. Кратко поблагодарил. Сел. Помолчал. Затем подошел ко мне и сказал вполголоса: «Передайте, пожалуйста, заведующему столом, что у нас будут завтракать ген. Калитин с депутацией. Пусть заведующий подаст к столу что-нибудь лишнее. Ну, там сельтерской воды, что ли...»

Так сельтерской водой мы и поздравили нового георгиевского кавалера! Много штабов мне пришлось узнать на своем веку, но никогда не наблюдал я такой *организации штабной работы*, как у Юденича. Все административные, хозяйственные и иные подразделения штаба Кавказской армии находились в Тифлисе. При Юдениче, который всегда был при войсках, состоял лишь небольшой полевой штаб в составе 5-6 офицеров генерального штаба, переводчиков и топографа. С таким немногочисленным персоналом он и управлял тысячеверстным фронтом. Чинов своего полевого штаба Юденич избирал лично, руководствуясь только служебной пригодностью.

Своего кабинета он не имел. У него был лишь свой стол в оперативном отделении. Тут же занимались и жили начальник оперативного отделения полковник Е.В. Масловский и начальник разведывательного отделения подполковник Д.П. Драценко, талантливые офицеры генерального штаба и люди высокого благородства.

В оперативной комнате стоял большой стол с картой, на которой отмечены все детали расположения наших и турецких войск. Святая святых! Идея каждой операции зарождалась в разговорах Юденича с начальниками отделений. Затем она обсуждалась уже в подробности над картой в присутствии двух других офицеров ген. штаба. Каждый из нас пользовался правом совершенно откровенно высказать свое мнение и мог вступать в спор с Юденичем, отстаивая свою точку зрения. Благодаря такой системе, все мы бывали ознакомлены в деталях с планами намеченной операции. Когда она начиналась, командующий армией поручал каждому офицеру генер. штаба тот или иной корпус или группу. Это означало, что мы должны были быть в непрерывной связи со «своим» корпусом: знать в любую минуту, что у него делается на фронте, сообщать ему все изменения у противника и ориентировать о ходе боя у соседей. Кого Юденич брал к себе в полевой штаб, тому доверял уже безоговорочно, а потому предоставлял самую широкую инициативу. Нередко, в часы тяжелых боевых кризисов, надо было тут же у телефона принимать решения самому и отдавать приказания именем командующего армией. Нетрудно понять, какая это была для всех нас идеальная школа, упражнявшая и развивавшая волю, решительность и кругозор Юденича. Он часто кричал войска. Говорил мало, но видел — угадывал все. С солдатом он говорил просто, без ложного пафоса и только о повседневных нуждах — что сегодня ел? Есть ли теплые портянки? Получал ли горячую пищу? Вопросы повседневные, но как раз такие, какие доходили до солдатского сердца. Поэтому, в его руках, измученные боями войска творили чудеса, возвышаясь в своих подвигах до высоты подлинного самоотречения.

Моя первая встреча с Юденичем произошла в весьма трагической обстановке и навсегда запала в мою душу. II Туркестанский корпус, в котором я тогда служил, вел бои впереди Сарыкамыша. Командующий корпусом заболел и находился где-то в тылу. Начальник штаба был в длительной служебной командировке. Фактически корпусом управляли в это время два капитана генер. штаба — я и еще другой, ныне находящийся в Сов. России.

Штаб корпуса, если нас можно назвать таким именем, расположился в маленькой горной деревушке, занесенной снегом. В

грязной, темной и холодной сакле-яме была разложена карта, тускло освещаемая свечей. Тут же примостили и телефон.

Атакуя нас по всему фронту корпуса превосходными силами, турки одновременно обходили правый фланг туркестанцев двумя сильными корпусами. Мы — штаб уже знали, что наш тыл отрезан, но войскам об этом не сообщали в целях сохранения духа. Из штаба группы было поручено распоряжение начать отходить и пробиваться, как умеем. Это означало неизбежную гибель корпуса, ибо туркестанцам пришлось бы отходить без дорог, по горам, а следовательно, бросить артиллерию, обозы и т.п. Я донес в штаб группы, что отход невозможен.

11 декабря 1914 г. по телефону передали, что к нам приедет начальник штаба ген. Юденич и вступит в командование корпусом. Стало совсем темно, когда прибыл Юденич в сопровождении своих доблестных помощников — полковника Масловского и подполковника Драценко. Засыпанные снегом, сильно промерзшие они спустились в саклю — штаб. Непослушными от мороза руками Юденич сейчас же придвинул к огню карту, сел и, не развязав даже башлык, коротко приказал: «Доложите обстановку». Его фигура, голос, лицо, все свидетельствовало об огромной внутренней силе. Бодрые, светящиеся боевым азартом лица Масловского и Драценко дополняли картину. Одобрив наше решение не отходить, Юденич немедленно отдал директивы продолжать сопротивление на фронте и организовать в тылу оборону Сарыкамыша.

Я умышленно задержался на отдельных деталях, рисующих облик Юденича, ибо часто даже незначительные штрихи, выхваченные из жизни, дают более живое и правдивое представление, чем просторные описания. В дальнейшем я перейду уже к систематическому, хотя и краткому описанию кавказских событий, без знакомства с которыми невозможно составить полное представление как о силе и качестве военного дарования Юденича, так и о значении Эрзерума.

По планам нашего генерального штаба, Кавказ, в случае возникновения войны на западном фронте, расценивался как второстепенный театр. Поэтому допускалась даже возможность *оставления всего Закавказья и отхода на линию главного кавказского хребта*. В соответствии с такими ошибочными планами сейчас же по объявлении мобилизации в 1914 г. большая часть кавказских войск была переброшена на западный фронт. На Кавказе осталось только 50 тыс. охранявших государственную границу.

Во главе Кавказа находился престарелый граф Воронцов-Дашков, человек большого государственного ума и независимого характера. Однако его преклонный возраст и болезненное со-

стояние лишили его возможности непосредственно руководить и краем, и войной. Поэтому, в помощь графу по военной части был назначен ген. Мышлаевский, в прошлом известный военный профессор. К сожалению, он не оправдал возлагаемых на него надежд. Вопреки невыгодному для нас соотношению сил, ибо турки были значительно сильнее нас, ген. Мышлаевский неосторожно выдвинул свои главные силы, находившиеся в районе Сарыкамыша. Молодой, энергичный и честолюбивый Энвер паша, игравший столь видную роль в тогдашней Турции, не замедлил использовать такую неосторожность. К тому же турки традиционно были противником очень храбрым и предприимчивым. Располагая более чем двойным превосходством в силах, Энвер смелыми атаками связал нас на фронте, а двумя корпусами, как было уже указано, обошел правый фланг Кавказской армии и вышел в беззащитный тыл.

Управлять боевыми действиями из Тифлиса, как пытался делать ген. Мышлаевский, было невозможно. В конце концов он, по настоянию ген. Юденича, выехал на фронт. Ко времени его прибытия туда, положение становилось катастрофическим, особенно для Туркестанского (правофлангового) корпуса. Турки успели проникнуть глубоко в тыл, и их пехотные части появились у Ардагана. Тифлис спешно эвакуировался. В столь сложной обстановке ген. Мышлаевский не нашел в себе воли к сопротивлению. Он отдал приказ об общем отходе, предложил Юденичу вступить в командование и тем самым принять на себя всю тяжесть, казалось, безнадежно проигранного сражения. Сам, окольными путями, спешно вернулся в Тифлис.

С большим гражданским мужеством принялся Юденич спасать положение, и тут с изумительной силой проявился его талант. Боевой кризис разрешался крайне болезненно и медленно. Днем и ночью турки, пользуясь своим численным превосходством, вели на фронте ожесточенные атаки. В тылу их натиск не ослабевал и у Сарыкамыша шли кровавые бои. Трудно представить обстановку, имевшую меньше шансов на успех. Однако несокрушимая воля и выдающееся дарование Юденича шаг за шагом, *в течение месяца*, отвоевывали победу. В результате турки были окончательно разбиты, а обошедшие нас войска — пленены. По данным турецкого генерального штаба, турецкая армия потеряла около 100 тысяч и после Сарыкамышской операции насчитывала всего 12400 чел. Сарыкамыш показал всю ошибочность взглядов на Кавказ как на второстепенный театр. Не будь Юденича, разбитая кавказская армия неминуемо откатилась бы своими остатками к главному хребту. Тем самым, под непосредственные удары противника подставлялся бы уже важнейший центр государства — Бакинский район и пути на Туркестан.

За свой подвиг Юденич был награжден орденом Св. Георгия 4 ст., чином генерал-от-инфантерии и назначен Командующим Кавказской армией. Эти три высоких отличия, конечно, не имели бы решающего влияния на дальнейшие судьбы Кавказа, если бы не дополнялись четвертым и главнейшим. Получив армию, Юденич одновременно получил и полную свободу действий. Ту «полную мочь», без которой невозможен расцвет полководческого таланта.

Получив указанные высокие награды, Юденич был принужден заплатить и нелегкую «дань». Оценивая победу под Саракамышом, как решительную, Ставка потребовала выделить из состава Кавказской армии 39 батальонов на Западный фронт. Малочисленные наши силы еще более ослабились. Обстоятельство, заставившее Юденича принять энергичные меры для формирования новых частей. В этом вопросе *проявилась новая сторона его дарования — блестящие организационные и административные способности*. Весна и начало лета прошли на Кавказе во внешне не видной, но чрезвычайно важной работе по усилению боевого состава. Одновременно были предприняты ряд действий для восстановления положения на южном фланге, которое было ослаблено в связи с Сарыкамышской операцией.

Разбитая турецкая армия постепенно оправлялась, ибо военный потенциал Турции был еще велик. Пополнив свои силы на Кавказе, турецкое командование вновь решает испытать военное счастье. К июлю 1915 г. в Мушской долине, т.е. на юге, сосредотачивается турками до 90 батальонов с артиллерией и многочисленной конницей. Эта сильная маневренная группа обрушивается на наш левофланговый 4-й корпус и, смяв его, углубляется в наш тыл. Совершенно очевидно, что предприимчивый противник стремится пересечь наши главные коммуникации и развивает огромную энергию в направлении на Карс и Александрополь. Спустя полгода повторяется план Сарыкамышской операции с другого фланга.

Несомненно, что каждый военачальник в положении командующего Кавказской армией сейчас же поддержал бы свой опрокинутый фланг и принял бы все меры, чтобы остановить натиск противника. Но Юденич поступил не так: он остается глухим к отчаянным донесениям командира 4 корпуса, считая, что посланные туда резервы будут увлечены потоком отступающих и уже потрепанных войск или в лучшем случае только временно задержат наступление. Больше того: Юденич верит, что чем глубже зарвутся турки, тем больше шансов их разбить. Поэтому, *предоставляя события на юге их естественному течению*, он быстро и скрытно собирает свой ударный кулак в 20 батальонов и 24 сотни. Это все, что можно было собрать в тогдашних условиях.

С этим кулаком наготове он *выжидает* «созревание операции» и, когда почувствовал, что момент подошел, бросает его во фланг и тыл турок. *Маневр изумительный по смыслу, выдержке и исполнению.* Турки снова были разбиты на голову, а Юденич получает за эту мастерскую операцию орден Св. Георгия 3 ст. Операцию, которая живо напоминает Маренго 1800 г., когда Бонапарт неожиданным и смелым контрударом поражает австрийцев, уже считавших себя победителями.

Осенью 1915 г. над Кавказом снова собираются грозные тучи. В штабе армии были получены сведения о намерении союзников прекратить свою неудачную Галлиполийскую операцию, которая им обошлась уже в 270 тыс. потерь. Одновременно имелись данные считать, что освободившаяся галлиполийская армия турок будет переброшена к весне 1916 г. на Кавказ. Последнее обстоятельство неизбежно создало бы весьма опасное для нас соотношение сил. Поэтому Юденич решает вновь разбить находящихся перед ним уже оправившихся турок, дабы галлиполийские войска, по их прибытию на Кавказ, обратились бы не на усиление, а лишь на пополнение.

В течение 2 месяцев Юденич готовится к новой операции, и эта подготовка может быть причислена к образцовым как по скрытности, так и по ее организации. В соответствии с обстановкой, *Юденич избирает наиболее трудный вариант — прорыв центра неприятельской укрепленной позиции.* Принятыми мерами внимание турок было настолько усыплено, что незадолго до начала боев командующий турецкой армией Кемаль паша и его начальник штаба выехали в Константинополь, уверенные, что до весны русские не предпримут никаких действий.

В разгар суровой зимы 28 декабря 1915 г. началось Азапкейское сражение. С первого дня бои приняли чрезвычайно ожесточенный характер. На восьмой день весьма упорное сопротивление противника было сломлено, и турецкие войска начали отход. Их попытки задержаться на тыловых позициях успеха не имели. Разбитая и неутомимо преследуемая на протяжении до 100 верст армия противника докатывается до Эрзерума и укрывается за его форты. А русские войска в своем боевом разбеге упираются в Эрзерум...

Оплот турок в Анатолии, крепость эта, расположенная на высотах до 11 тыс. фут. с тремя линиями сильнейших фортов, высеченных в граните, считалась всеми военными авторитетами неприступной. Ни ген. Юденич, ни его штаб никогда и не мечтали о взятии Эрзерума, ибо такое предприятие, казалось, совершенно не соответствовало малым силам и средствам Кавказской армии. Однако, на войне обстановка повелевает. Поэтому, оказавшись под Эрзерумом, Юденич постиг своей могучей интуицией, что

крепость надо брать теперь же. В то же время характеру Юденича был чужд военный авантюризм и он понимает, насколько трудная задача штурмовать такую крепость, как Эрзерум. Если разбитая турецкая армия переживала явный кризис слабости, то и положение победителей оказалось очень тяжелым. В неудержимом преследовании наши войска оторвались более чем на 100 верст от своего организованного тыла. Русская армия оказалась среди бездорожного, дикого хаоса гор, засыпанных глубоким снегом. Решительно все — огнеприпасы, продовольствие, дрова и проч. можно было подавать только на вьюках. Эвакуация раненых и больных производилась в условиях чрезвычайной трудности. К тому же, турки традиционно славились своим искусством обороны. И все же, несмотря на все лишения, несмотря на большую усталость наших войск, *дух армии был на предельной высоте, на той высоте, когда дух безгранично повелевает материей!*

Юденич склоняется к мысли продолжить усилия и атаковать Эрзерум. Но его намерения встречают серьезные препятствия. Вспомним, что это было время, когда все союзные армии переживали недостатки снабжения. В недавних упорных боях наши войска израсходовали свои запасы огнеприпасов. Это обстоятельство заставило Юденича обратиться к главнокомандующему и наместнику Кавказа Великому Князю Николаю Николаевичу с ходатайством отпустить, в спешном порядке, патроны и снаряды из неприкосновенных (довольно ограниченных) запасов, хранившихся в Карсе и в Тифлисе.

Великий Князь не только отклонил это ходатайство, но категорически приказал немедленно прекратить дальнейшие действия, избрать в тылу оборонительные позиции на линии Кепприкея, т.е. в 2-3 переходах от Эрзерума и отвести туда войска, где зимовать и устраиваться.

Подобное распоряжение в корне изменяло план Юденича. Надо признать, что Августейший Главнокомандующий имел для этого основания. Русская армия только что закончила на Западном фронте свой «великий отход». Галлиполийская операция англо-французов потерпела полную неудачу. Всюду — и в России, и у союзников царило приниженное настроение. Снарядный голод был далеко не изжит. Лишь недавние успехи Кавказской армии оживляли общий фон мрачности. В таких условиях, Великий Князь считал абсолютно невозможным рисковать в случае штурма Эрзерума.

Во исполнение Августейшего повеления, Юденич командирует для выбора тыловой позиции и распределения на ней войск генер. штаба полковника Е.В. Масловского и генерального штаба подполковника Б.А. Штейфона. Они получают совершенно точные

инструкции. Впрочем, взгляды и настроение Великого Князя им, и без того, хорошо известны.

Проезжая местами недавних боев, оба офицера видят картины тяжелого поражения турок. Навстречу им попадаются вереницы пленных — изможденных, плохо одетых. Они задерживаются около одной из таких партий численностью около 300 чел. и убеждаются, что эту партию, взятую на одном и том же участке, составляют аскеры 15 различных частей. Факт, свидетельствовавший, как переменялась турецкая армия и насколько велико ее поражение. В их сердцах крепнет убеждение в том, что далекий Тифлис совершенно ошибочно расценивает обстановку на фронте. Поэтому оба штаб-офицера решают вместо Кебрика ехать к Эрзеруму, чтобы лично убедиться возможен ли штурм? Они выходят за линию нашего сторожевого охранения и производят разведку как самой крепости, так и подступов к ней. Тут же на месте полковник Масловский и подполковник Штейфон намечают, в общих чертах, план возможного штурма. Их внимание привлекает Каргабазарский массив, никем не занятый и являющийся лучшим подступом к сильнейшему форту Чобан-деде — ключу крепости. Руководствуясь своим воинским долгом, штаб-офицеры не только не исполняют повеление Великого Князя об отводе войск, но передают ближайшему начальнику дивизии приказание именем Командующего армией немедленно продвинуться вперед и занять Каргабазар. Полные верой в успех штурма они возвращаются в штаб армии, не заезжая даже на Кебрикей.

Выслушав в подробностях их доклад, Юденич сейчас же передает по прямому проводу в Тифлис результаты разведки своих штаб-офицеров, заявляет о своем согласии с их мнением и вновь ходатайствует о разрешении брать Эрзерум. Великий Князь снова отказывает. Юденич второй раз повторяет свою просьбу. *Только после этого Августейший Главнокомандующий соглашается на штурм, предупреждая, что в случае неудачи вся ответственность будет возложена на него — Юденича.* Зная суровый характер Великого Князя, стоявшей тут же у аппарата полковник Масловский и подполковник Штейфон понимают, что в случае неудачи они в первую очередь и жестоко пострадают...

Началась подготовка к штурму. В это время в штаб армии прибыл генерал-от-инфантерии Палицин, бывший начальник Генерального штаба, а во время войны состоявший при Великом Князе. Человек больших знаний, Ф.Ф. Палицин был хорошо начитан об укреплениях Эрзерума. В разговорах с Юденичем и с чинами штаба он высказывал убеждение, что считает “безумием” решаться брать Эрзерум. Убедившись в невозможности переубедить Юденича и его ближайших помощников, генерал Палицин в тот день уехал назад. Его появление и разговоры показали, как

настойчиво сопротивлялся Тифлис задуманной операции и какую величайшую ответственность добровольно возлагает на себя Юденич.

После отъезда генерала Палицина из штаба подготовка продолжалась с полной энергией. Для усиления нашей полевой артиллерии из Карса были доставлены, с огромными трудностями, тяжелые орудия. Они составили осадную артиллерийскую группу в 34 орудия. Скрытно установленная, она ничем себя не проявляла до последнего момента. Надо объяснить, что за 3 дня до штурма к нам перебежал капитан Эрзерумской крепостной артиллерии. Он деловито подготовил свой побег: собрал все последние данные о расположении турецких войск и артиллерии. Доставленный в штаб армии (я его и допрашивал), капитан цинично, но твердо заявил о своих условиях: выдать все секреты, если ему заплатят за это 20 тыс. рублей и гарантируют удобное пребывание в плену. Игра стоила свечей, условия были приняты и мы добыли весьма ценные сведения.

К 29 января 1916 г. подготовка к штурму закончилась. Дабы иметь представление о глазомере и решительности Юденича, достаточно указать, что для действий под Эрзерумом им было сосредоточено до 75% всех кавказских сил. Таким образом, остальной 1000-верстный фронт оставался почти обнаженным. Причем, против левого фланга крепости, куда и намечался главный удар, было собрано 83% из числа войск, назначенных для операций. *Только огромный военный талант мог отважиться на такое решение!*

29 января утром Юденич приказывает подполковнику Штейфону отправиться на участок тяжелой артиллерии, которая должна была начать подготовку штурма: «Возьмите с собой этого мерзавца (т.е. турка-перебежчика), пусть он поможет своими указаниями. Оставайтесь при артиллерии до конца подготовки. Если она окажется удачной, сегодня ночью начнем штурм».

Стрельба нашей тяжелой артиллерии была меткой и производила моральный эффект. На белом снежном покрове фортов вздымались огромные столбы взрывов, а образовавшиеся воронки зияли своей чернотой. Турки стали немедленно осыпать рядами крупных калибров наш осадный парк, но их огонь оказался недействительным, ибо им не удалось нащупать наши орудия, весьма удачно примененные к местности.

34 орудия, действовавших в течение нескольких часов, не могли, конечно, потрясти такую крепость, как Эрзерум. Я это хорошо понимал. Как понимал, что наш расчет основывается на внезапности и дерзании. Длительная артиллерийская подготовка, не принесла существенных результатов, лишь возбудила бы внимание турок. Как потом оказалось, противник не придал серьезно-

го значения нашей стрельбе и не догадался, что она была началом атаки. Вернувшись в штаб, я с чистой совестью доложил командующему армией, что артиллерийскую подготовку считаю успешной. Выслушав меня и мои доводы, Юденич сейчас же продиктовал шифрованную телеграмму на имя Великого Князя: «Командированный мною сегодня генерального штаба подполковник Штейфон для наблюдения за артиллерийской подготовкой сейчас вернулся и доложил мне, что считает подготовку успешной. Поэтому начинаю штурм».

В 8 ч. веч. 29 января 1916 г., прорезая темноту ночи, высоко взвились, одна за другой, две ракеты. Начался легендарный пятнадцатидневный штурм. Днем и ночью, в 20-градусный мороз, засыпаемые вьюгой и сметаемые турецким огнем, карабкались войска по обледеневшим кручам. Словами, потрясающими своей простотой, так, например, описывает Кубинский полк свое наступление: «Полк поднимался по узкой тропе. Затем тропа исчезла. Приходилось карабкаться уже по скалистым горам. Поднявшаяся вьюга лишила всякой возможности ориентироваться. Люди выбивались из сил, пробивая кирками лед и камень для прохода вьюков. К 2 ч. ночи полк вышел на небольшое плато. Вьюга усилилась и стало нетерпимо...»

6 рот Бакинского полка, под начальством полковника Пирумова, овладели, после жестокого сопротивления, фортом Далангез. В виду важности этого форта, ген. Юденич приказал удерживать его во чтобы то ни стало. Турки сосредоточили по Далангезу огонь более сотни орудий, стремясь его вернуть. Попытки с нашей стороны усилить Бакинцев резервом и подать им патроны успеха не имели. Весь район форта и подступы к нему засыпались турецкими снарядами. К вечеру Бакинцы отбили 6 контратак. Патронов больше не имелось, и турки снова наваливаются. Доблестный Пирумов обходит свои сильно поредевшие роты и говорит: «Чего смущаетесь? Разве мы не русские? Нет патронов, — есть штыки и ручные гранаты»... Подпустив турок вплотную, все кто мог, во главе с Пирумовым, бросились в штыки. Противник отхлынул. Начало смеркаться, когда турки повели *восьмую* атаку. Положение Бакинцев стало совсем безнадежным, но в эту критическую минуту, пользуясь темнотой, удалось провести из резерва ослика с патронами. Их моментально разобрали. В цепь залегли и раненые, — все кто мог держать винтовку. И *восьмая* — последняя атака была отбита. Из 1400 защитников форта Далангез осталось около 300 чел., и то большей частью раненых...

Елисаветпольский полк атаковал сильнейший форт крепости Чобан-деде. Приблизившись к нему на рассвете, полк оказался на совершенно открытом скате. Ураганным огнем турки смели елисаветпольцев. Отойдя немного назад, они зацепились за от-

дельные скалы, готовясь возобновить атаку. Узнав об их положении, Юденич сейчас же приказал усилить полк резервом. Через час меня вызывает к телефону начальник штаба I корпуса и сообщает: «Елисаветпольцы обижены, что к ним посылается поддержка. Они убедительно просят остановить движение резерва и предоставить им одним честь взятия Чобан-деде».

Нельзя не вспомнить и о подвиге полкового священника Дербентского полка о. Смирнова. Узнав, что большинство офицеров выбито, о. Смирнов вышел впереди цепей, высоко поднял крест и увлек полк в новую атаку. В этой атаке о. Смирнов был тяжело ранен, и ему пришлось ампутировать ногу. За свой подвиг он был награжден офицерским крестом ордена Св. Георгия...

Вот какой дух царил среди войск, штурмовавших Эрзерум. Голодные, истомленные, замерзающие, они стихийно приближались к заветной цели. С каждым новым днем боя наш успех вырисовывался все больше и больше. Около полудня 2 февраля наш лучший летчик поручик Мейер, вернувшись с воздушной разведки, доложил в штаб армии, что обнаружил необычайное движение на улицах Эрзерума и что турецкие обозы выходят из крепости и двигаются на запад. Юденич понял, что наступает кризис и сейчас же отдал приказ об общем переходе в наступление. С величайшим порывом войска бросились вперед.

Утром 3 февраля знамя Императорской армии уже развивалось на Эрзерумской цитадели. Первым вошел в Эрзерум старший адъютант штаба I Кавказского корпуса есаул Медведев с казачьей сотней.

В этот день я был дежурным по штабу офицером генерального штаба. Меня вызвал к телефону командир I Кавказского корпуса ген. Калитин и спокойно передал: «Войска входят в Эрзерум». Ходом всей операции нервы были настолько возбуждены, что и я без аффектации, деловито доложил Юденичу: «Ваше Высокопревосходительство, Эрзерум взят!» Через 10 м. мы уже тронулись к Эрзеруму.

Въехали в крепость через Карские (восточные) ворота. Сердце всколыхнулось, когда увидели русский флаг над этими воротами. Город горел, и в различных частях его поднимались густые облака дыма. Перед догоравшим зданием штаба турецкой армии большая куча бумажного пепла — это турки уничтожали свой архив, слышались взрывы и трескотня патронов — горели артиллерийские склады.

Юденич немедленно отдал распоряжение о преследовании остатков турецкой армии и об охране города. Лично все осмотрел и только к вечеру, когда окончательно убедился, что победа действительно полная, вернулся в штаб, откуда и отправил первое донесение Августейшему Главнокомандующему о занятии Эрзе-

рума. Добавил в донесении, что только что вернулся из занятой крепости.

Вся наличная конница была брошена в преследование, а за нею широким фронтом двигались пехотные части. После ряда арьергардных боев были заняты Испир, Ашкала, Еникей. На этой линии, в расстоянии 50 в. от Эрзерума, и были остановлены совершенно истомленные части Кавказской армии.

Наши общие потери — убитыми, ранеными, пропавшими без вести — были до 15 тысяч. *Цифра поразительная, принимая во внимание значение, размеры и результаты операции.*

Через три дня после взятия Эрзерума была получена Высочайшая телеграмма на имя Командующего Кавказской армией: «В воздаяние высокого мужества и искусного руководства, проявленных Вами при взятии крепости Эрзерум, награждаю Вас орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия II класса. Николай».

А еще через два дня прибыл в штаб армии фельдъегерь с небольшим пакетом. Это был сафьяновый футляр, в котором находились золотая Георгиевская звезда и большой георгиевский крест на шею. По своей скромности, Юденич долго не решался их надеть. Правительство Англии и Франции поспешили прислать герою Эрзерума свои высокие военные отличия, подчеркивая тем значение победного штурма для общего дела.

Через неделю прибыл в Эрзерум Великий Князь Николай Николаевич. Он подошел к выстроенным войскам, снял обеими руками папаху и поклонился до земли. Затем обнял и расцеловал Юденича. Не обошел молчанием достигнутую победу и ген. Палицин. Он прислал на имя офицеров полевого штаба телеграмму, в которой поздравлял «с блестящей работой маленький, но единый и дружный штаб...» Великобританский военный агент, по распоряжению своего командования, поднес нам боевые ордена... Все офицеры генерального штаба, бывшие в полевом штабе Юденича, во главе с генерал-квартирмейстером ген. Томилиным, были Высочайше награждены георгиевскими отличиями...

Сверхдобрестным войскам, участвовавшим в штурме, даны были награды, превышающие все существовавшие тогда нормы и правила. *Впрочем, самой ценной и большой наградой, которой справедливо хвалилась Кавказская армия, была ее слава!*

Юденич широко использовал свою Эрзерумскую победу. Преследование разбитой турецкой армии не ограничилось только преследованием, как было уже указано, до линии Испир-Ашкала-Еникей. Не давая туркам устроиться, он немедленно развивает действия на своих крайних флангах.

На юге, сейчас же после Эрзерума, ведется Битлисская операция, закончившаяся к 17 февраля занятием Мушской долины и Битлиса.

На севере готовится и осуществляется Трапезондская операция, с целью лишить турок их главной коммуникации: Константинополь — Трапезонд — Эрзинджан.³⁹

В виду важности Приморского театра, Юденич сперва переезжает в Батум, а затем, к началу решительных действий переходит со штабом на посылное судно «Великий Князь Александр Михайлович», откуда и руководит взятием Трапезонда. Нельзя не отметить драматического эпизода 26 марта, когда происходила высадка кубанских пластунов у Сюрмене, в 25 верстах от Трапезонда. К этому дню Черноморская эскадра, которая должна была прикрывать с моря ведущуюся операцию, получила особое задание и ушла на свои базы, предупредив в то же время штаб армии о появлении у турецких берегов неприятельских подводных лодок. Уход эскадры в корне менял наши оперативные расчеты. Однако Юденич не захотел задерживать высадку пластунов. Он вышел в море на «Вел. Кн. Александр Михайлович», имевшем слабую артиллерию и в течение суток прикрывал собою беззащитный десант. Это был подвиг высокой личной храбрости и волнующий пример кавказской взаимной выручки. Чтобы понять, какому риску подвергался Командующий армией со своим штабом, надо пояснить, что через день после завершения высадки туда на всех парах прибыл «Бреслау» в сопровождении подводных лодок, но, к счастью, опоздал. Все же он жестоко обстрелял наш приморский фланг...

5 апреля Трапезонд был взят, и Юденич вступил в город с передовыми частями. Эта операция нанесла тяжелый удар туркам, заставив их заново и уже через Самсун организовать свой подвоз.

В результате успешных послеэрзерумских действий стратегическое положение Кавказской армии становится уже устойчивым. Ее южный фланг прикрывается Ванским озером и упирается в Армянский Тавр. Северный фланг примыкает к морю.

Наступила весна, и к этому времени в штаб армии стали сосредотачиваться сведения о походе на Кавказ галлиполийской армии. В начале мая разъезд 3-го Черноморского кав. полка захватил в плен неприятельского майора. Он оказался начальником оперативного отделения штаба 2-ой (галлиполийской) армии. Это был чрезвычайно ценный приз, ибо у майора были весьма важные бумаги. Благодаря такой случайности мы получили полные и точные данные как о составе 2-ой армии, районах ее со-

³⁹ После падения Эрзерума база турецкой армии была перенесена в Эрзинджан.

средоточения, так и об оперативных изменениях турецкого командования.

К тому же времени стала оправляться вновь укомплектованная и снабженная 3-я армия, разбитая у Эрзерума.

В течение лета и осени на фронте более 300 верст происходят бои, достигающие огромного напряжения. После своих блестящих побед над союзниками, располагавшими всеми достижениями техники, галлиполийские войска были полны верой в свой успех и на Кавказе. Они дерутся с величайшей храбростью, проявляя при этом большую тактическую подготовку. Тут, впервые, регулярная турецкая кавалерия атакует русскую пехоту и атакует с огромным порывом. Но не зная того, она попадает на чудесный Бакинский полк, о который разбивается.

Действуя своим излюбленным способом — по внутренним операционным линиям, Юденич обрушивается сперва на 3-ю армию, как слабейшую, разбивает ее и овладевает Эрзинджаном, новой, после Эрзерума, турецкой базой. После этого обращается к югу и в чрезвычайно упорных боях наносит 2-ой (галлиполийской) армии полное поражение. Эта большая и сложная по масштабу и времени Эрзинджано-Харпутская операция, начавшаяся в июне 1916 г., закончилась только к концу сентября. Турки потеряли до 70%. *Огромный талант вождя и его умение вызвать у своих войск нечеловеческую выносливость одержали и на этот раз полную победу...*

Успехи Кавказской армии были настолько велики, а военное потрясение Турции настолько сильное, что *в душе Юденича зародился грандиозный план овладения Царьградом* и проливами наступлением через Малую Азию. План, выполнить который могло только мощное дарование героя Кавказа.

* * *

Прославляя ныне жертвенное служение Кавказской армии своей Родине и преклоняясь перед ее героизмом, мы должны особо выделить личность Юденича. *Ибо на войне творит и направляет единая воля.*

При научном анализе дарования полководца качество его военных способностей определяется совершенно определенными факторами. *Степень военного таланта измеряется размерами творческого ума и применением в действиях основных принципов.* Причем то и другое должно быть пронизано *полководческой интуицией*, т.е. тем чувством угадывания боевой обстановки, которая и отличает искусство от ремесла. Потому Канны Ганнибала, Швейцарский поход Суворова и многие кампании Наполеона всегда будут немеркнущими образцами деятельности военных гениев.

Великая война на всех своих европейских фронтах показала снижение решительно всех военных принципов. Миллионы людей зарылись в землю, отказались от подвижности и тем самым угасили свой дух. Тяжелые, неповоротливые массы, снабженные всеми средствами самозащиты, быстро потеряли важнейшую добродетель — порыв, а тем самым отказались и от вернейшего средства победы — маневра. *Среди подобной сумеречности Кавказская армия с поразительным блеском воскресила позабытые заветы Суворова и дала величественный пример неугасимости русского духа.*

Давно и хорошо известно, что нет более старательных хулителей русской славы и русского национального гения, как те или иные «авторитеты» из своей же русской среды. Поэтому, не раз приходилось слышать, что Кавказские победы объясняются, мол, особыми свойствами противника. Причем, эти провидцы не в состоянии объяснить, почему турки так знатно побили союзников на Галлиполи и англичан в Месопотамии? И неужели Пирумову и героическим защитникам Делангеца было легче под огнем 11-дюймовых турецких снарядов, чем если это была бы тяжелая артиллерия немцев? Нет, турки были первоклассным противником — отважным и предприимчивым.

В течение всей войны официально считаясь второстепенным театром, Кавказ в действительности являлся объектом весьма важных и сложных политических комбинаций. *А на долю Кавказского командования неизменно выпадала огромная задача: с малыми силами средствами сдерживать натиск мусульманского мира, ибо успех последнего создал бы неисчислимые осложнения мирового масштаба.*

Судьбе было угодно возложить на ген. Юденича решение такой задачи. Та же судьба позаботилась о том, чтобы дать ему ту «полную мочь», без которой немыслимо полное проявление полководческих способностей. Отдаленность Верховной Ставки, болезненное состояние престарелого гр. Воронцова-Дашкова и отрешение, в начале войны, ген. Мышлаевского, предопределили оперативную независимость Юденича. Такая самостоятельность вполне соответствовала его резко выраженной индивидуальности. По свойствам своего мужественного и решительного характера, он никогда не искал указаний сверху, а всю ответственность всегда брал на себя.

Говоря о качествах, необходимых полководцу, Наполеон так их определяет: «Первое качество полководца — обладать холодным рассудком, способным к восприятию правильных впечатлений, не способным никогда разгорячаться или помрачаться, подвергаться опьянению от хороших или дурных вестей». И в характере Юденича мы находим это «первое качество», выраженное

притом в сильнейшей степени. *Его глубокий военный ум работал с поразительной четкостью и при всяких обстоятельствах.* Это редкое качество сочеталось в то же время со скрытой страстностью натуры. В итоге создавалась удивительная гармония замысла и исполнения. Причем, и это необходимо особенно подчеркнуть, в любом плане Юденича мы не встречаем никаких сложных, хитроумных комбинаций. Основная идея каждой его операции всегда отличалась той благородной простотой, которая свойственна только *подлинному художнику войны.*

Если к этим основным свойствам духовного облика Юденича добавить еще и его волшебный дар читать, как в раскрытой книге, самые сокровенные намерения противника, то *личность Юденича как полководца по праву может быть приближена к таким мастерам войны и боя, как Суворов и Наполеон.*

Разбирая кавказские операции, мы наблюдаем с какой необычайной динамической стремительностью развивалось дарование Юденича. Особенность, свойственная только настоящим талантам. Так, Сарыкамьшская операция является хотя и блестящей, но все же импровизацией, окончательно закрепившей военное мировоззрение Юденича. Вынужденный исправить, казалось, безнадежно проигранное сражение, он вырывает победу применением главнейшего принципа всех великих полководцев — *превосходством духа над материей.* В те незабываемые дни его воля излучала нечеловеческую энергию, возбуждавшую войска на подвиги изумительные. Его несокрушимая воля, особенно напрягающаяся в дни тяжелых кризисов, приводила в действие два других главнейших фактора военного искусства — *принцип сосредоточения сил и маневр.*

Действия по внутренним операционным линиям считаются заданиями весьма трудными и сложными, ибо в полной мере требуют применения Суворовской формулы «глазомер, быстрота и натиск». Уже тогда в трагические дни Сарыкамьша нельзя было не восхищаться тем мастерством, с каким маневрировал Юденич. В итоге, будучи всегда численно неизмеримо слабее турок, он оказывался сильным как раз там, где решалась участь сражения. В результате с 53 батальонами окруженный 105 батальонами турок, он не только разбивает противника наголову, но и пленяет обошедшие нас корпуса...

Евфратская операция летом 1915 г. является уже достижением зрелого, уверенного в себе таланта, проникнутого глубокой верой в мудрость вековых принципов военного дела. Ибо не трудно представить, каким прочным должно было быть мировоззрение полководца, чтобы спокойно наблюдать, как неприятель, проникая в тыл, режет его важнейшие коммуникации. А затем

бросить во фланг 90 батальонам свой скромный кулачок в 20 батальонов и верить — знать, что это даст победу!

В Евфратской, как затем и в Азапкейской операции Юденич обнаруживает всю силу своего дарования, чтобы затем под Эрзерумом явить *величайший взлет русского военного искусства*. Военная история знает мало примеров, когда моральный элемент был так могуче использован, как под Эрзерумом, когда принцип сосредоточения сил был выполнен так предельно, когда внезапность была осуществлена так полно. Другими словами, когда были представлены столь мощно все элементы военного творчества.

И это в то время, когда на всех других фронтах Мировой войны господствовали рутин и полное забвение военных истин. Если мы припомним, что под Эрзерумом Юденич сосредотачивает 3/4 всех своих сил, оставляя остальной тысячеверстный фронт почти обнаженным, если учтем, что для главного удара по крепости он назначает 83% своих сил и средств, то с полной научной объективностью можем утверждать, что *штурм Эрзерума был классическим примером военного искусства*. Образцом, приблизившим Юденича к уровню *таких гениев, как Ганнибал, Юлий Цезарь, Суворов и Наполеон*.

При разборе его операции наше внимание невольно привлекает тот как бы риск, какой все время был присущ действиям Кавказской армии. Однако это не более, как внешнее представление. В действительности каждый смелый маневр Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, — психологической обстановки. *«Риск» Юденича, эта смелость творческой фантазии, — та смелость, какая присуща только полководцам Божьей милостью!*

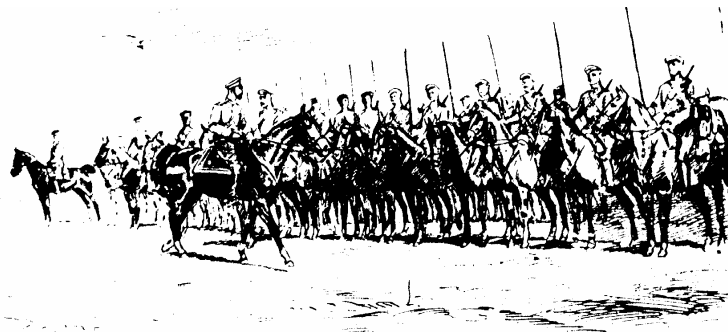
Юденич велик не только своими победами. Он дорог нам как величественное отражение русского духа, как полководец, возродивший во всем блеске Суворовские заветы, а значит и наше национальное военное искусство. Вся его кавказская деятельность проникнута верой в моральный потенциал русского народа.

Накануне крушения Российской Империи, на далеком Кавказе вновь ожили Суворовские чудо-богатыри и своей доблестью водрузили Императорское знамя на Эрзерумской твердыне.

Исторические события можно рассматривать с различным к ним подходом. Для заглохших душ — Эрзерум, Юденич, кавказские войска, былые подвиги, все это только страницы отошедшей истории. Для нас же, *чувствующих свою неразрывную связь с российским прошлым*, Эрзерумское деяние имеет свой жизненный и даже вечный смысл. Тот смысл, что только великий народ мог отважиться на такое предприятие, как штурм Эрзерума. А великий народ ожидает и величественное будущее...

Если мы теперь мысленно войдем в храм русской славы, если мысленно мы припомним деятельность всех наших полководцев после Суворова, то не только можем, но и обязаны признать, что никто другой по мощности своего таланта не приближался так близко к Суворову, как приблизился Юденич. С верою в Бога и с преданностью своему Императору, всегда скромный, всегда благородный Юденич преданно служил величю Российской Державы.

Штейфон Б.А. Юденич. (Русский Народный Вестник. Изучение России. вып. XII). – Белград, 1941.

П. Краснов

ВОЕННАЯ СЛУЖБА В МИРНОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Равнение по передним, а не по задним

<...> **С**уворов нам заповедовал: «Помилуй Бог!.. Мы Русские!.. Восстановим по-прежнему веру в Бога Милостивого, очистим беззаконие!.. Равнение по передним! Во языцех оружие Русскому вековечная слава!..»

Полтора ста лет тому назад сказаны эти слова, а как свежи!.. Именно мы — Русские... и здесь — за границей, и там — в России, все, в ком бьется Русское сердце, — мы должны восстановить веру православную, вымести ленинское безбожие, очистить беззаконие, а не плестись в хвосте краскомов, и заставить их идти за собой *и учиться пониманию России.*

Что же?.. В России только «советские человеки?» Неправда!.. В России остались Русские люди. Одни притаились в подполье, другие непрестанно борются не за «завоевания революции», но за Россию. Когда они одержат победу, краскомам придется или уйти, или перевоспитать себя, докончить свое образование и стать настоящими Русскими офицерами...

Россия, ведущая свое основание от февраля 1917 г. — не Россия, а Русская армия, базирующаяся на опыте гражданской войны, — никуда не годная армия...

Строить Россию придется на старом фундаменте. Киев, Новгород, Москва, Санкт-Петербург — вот краеугольные камни этого фундамента, и на иных ничего путного не построишь. Русскую армию придется строить на принципах военной науки...

Стратегия же нас учит: — надо поставить себе цель, сказать себе — чего я хочу, потом задать вопрос — чем может помешать мне в этом противник, и идти к намеченной цели, опрокидывая

все мешающее — тогда и только тогда будет победа. Восстановление России — это, прежде всего, борьба и в ней надо поставить себе вопрос: чего я хочу, — Россию или «мировую революцию»? И, идя к этой России, мы должны, не стесняясь, ломить всех тех, кто может в этом нам помешать, но никогда не прислушиваться к тому, что нам навязывают краскомы, которые, по отзывам своих же товарищей, «ничерта не знают».

Организация не терпит импровизации

Если мы возьмем двести молодых людей призывного возраста и поставим их в две шеренги: если даже эти молодые люди будут уметь ходить в ногу, вздваивать ряды и немного знать строй; если мы вооружим этих людей винтовками и пулеметами, — и, допустим, они умеют стрелять, — все-таки это не будет — *рота*.

Но если этим двумстам человекам, хотя бы и ничего не умеющим, мы дадим ротного командира, рассчитаем их на взводы, отделения и звенья и поставим к ним опытных и знающих фельдфебеля, взводных, отделенных, ефрейторов, каптенармуса, артельщика, кашевара, сапожника, портного, обозного и т.д. — это уже будет — рота, не обученная, но способная к обучению.

Я умышленно промолчал о младших офицерах. Как ни нужны младшие офицеры для обучения роты — они не составляют необходимой принадлежности роты, и рота без младших офицеров все-таки будет — рота. Очень часто младших офицеров не было в роте, они были в наряде, в командировках, их часто переводили из одной роты в другую — роты от этого не переставали быть ротами. Младшие офицеры были учителями более, чем воспитателями роты, *они не вошли в кадр, т.е. в обрамление роты*, в то, без чего рота не будет ротой.

Так велико и значительно в армии положение унтер-офицерского состава.

В Российской Имперской армии, с конца прошлого века и до первых лет нынешнего, в отношении укомплектования частей унтер-офицерами были некоторые колебания. Одни стояли за то, что готовить унтер-офицеров должна сама часть в полковых учебных командах, другие за то, что унтер-офицеры должны обучаться в особых унтер-офицерских батальонах и оттуда посылаться в полки. Для этой цели был создан Рижский унтер-офицерский батальон, а на Дону одно время существовал Учебный полк. Однако, части эти при введении более короткого срока службы не оправдывали себя. Унтер-офицеры выходили из них изумительные — строевики, гимнасты, какие-то волшебные стрелки, фехтовальщики, превосходные учителя, строевые «трынчики», но, попадая в полки, они оказывались в них чужими,

а когда они свыкались с ротой и рота привыкала к ним — приходило время увольнения их в запас. Вследствие этого полки не особенно охотно посылали своих людей в Рижский батальон и относились к выпущенным из него унтер-офицерам как к чужим.

К началу нынешнего века унтер-офицерский батальон был упразднен, и в полках окончательно установились полковые учебные команды. И, надо отдать справедливость, в большинстве полков команды эти были превосходны. Лучшие офицеры, лучшие люди, затронутое самолюбие делали то, что по строю, стрельбе, по знанию уставов, в кавалерии по езде, по поведению — команды эти действительно были образцовыми для всего полка. Укомплектованные такими унтер-офицерами роты были настоящими ротами и командовать ими было просто.

Должности артельщика, его помощника и кашевара были выборными, и должности эти настолько считались важными, что, например, в 1-м Военном Павловском училище (как, вероятно, и во всех других училищах), при наличии заведующего хозяйством и эконома, каждая рота выбирала своего артельщика и юнкер-артельщик на полгода освобождался от строевых занятий и мог манкировать лекциями.

Все хозяйство роты лежало на фельдфебеле и каптенармусе, но в помощь им в хозяйственной роте, а таковыми были в предвоенное время все роты Российской Императорской армии, — являлись еще незаметные люди, невзрачного вида, большею частью из жидков — ротные сапожник, портной, шорник...

Спит рота крепким сном, сидит за столом с лампой дежурный, дневальные бродят, как сонные мухи, а где-нибудь в углу, за маленькой лампочкой-коптилкой приютился Мойша Канторович и негромко постукивает по колодке, набивая подметки или тачая переда... Произвели Ивана Макаровича во взводные, и уже летит его мундир и шинель куда-то в угол, где сидит такое же неслышное и невидное существо, окруженное рваными шароварами, рубахами, кусками сукна, подкладочного холста, галунами и нашивочной тесьмой...

— Ицка, нашивай нашивки!...

На смотрах этих людей старательно прятали, дабы гнусным и грубым своим видом не портили бравого и молодецкого вида роты.

Нестроевщина?.. Нет, — золотые для роты люди... На маневрах, на походе, на войне очень даже нужные люди. Без них — босая, оборванная рота.

Такова организация роты — *штатная и нештатная* — роты заботливого, дальновидного начальника, ротного командира и опытного фельдфебеля. Ни босых, ни хромых, ни оборванных в такой роте не бывало. Плетется сзади такой роты артельная под-

вода, везет все, что надо, а бойкий артельщик со дна морского достанет, расстарается, чем накормить солдат. Там, в повозке, у него по мешочкам — и соль, и перец, и лавровый лист, и тмин, и лук, и чего, чего только нет. Все его заботы, все его думы о роте, как накормить; у него постоянные разговоры и совещания с кашеваром.... Порции, вес, крупы, длинные ведомости и хитроумные раскладки. Вот что такое — рота и из каких элементов она состоит.

Началась война, а потом пришла революция, а с нею и гражданская война. Повеяло новым ветром... Дурным ветром, во всяком случае — легкомысленным. «Равноправие»... «Все должны быть в строю»... «Что за привилегии такие?»... «Мы в атаку идем, мы жизнью рискуем, а он сапоги тачает»... «Вся эта нестроевщина — вздор!»... «Поменьше тыловой сволочи!»... «Вы мне жидов в обозе не хороните»... «Какие такие артельщики? Винтовку в руки и пошел в бой, негодяй! Каждый штык на счету...»

Вот такие окрики пошли сверху, а снизу молодые ротные командиры, вся заслуга которых была только их храбрость («помилюте, — это же все!») и рады стараться. Погнали всех в бой и Ицек и Мойшей, и портных и сапожников, и кашеваров и артельщиков, и писарей и каптенармусов. Штыки попали на фронт плохие, а глядишь, некормленная рота пошла кормиться по обывателью, искать сапоги у жителей — попросту — грабить... Унтер-офицеров не берегли, а, когда пришли пополнения, — поставили двести молодцев в две шеренги и погнали в бой...

Пошло двести молодцев, но роты не пошло. Не было и победы.

Организация не терпит импровизации, и все те люди, с которыми с таким легким сердцем, во имя принципа, расстались, такие с узко боевой точки зрения — ненужные — сапожники какие-то, артельщики, кашевары... оказались незаменимыми...

Переключка

Девять часов вечера... На полковом дворе, у караула, горнист, или барабанщик бьет зарю. В ротах тишина. Идет переключка, чтение приказа, молитва; в частях покрепче — и гимн. День кончен.

— Разойдись по койкам...

Люди свободны.

Революционное Временное Правительство, разрушая армию, прежде всего все это отменило. Ненужное беспокойство солдатам. Молитва — насилие над свободой совести.

Отменить оказалось легко, ибо война к этой отмене подготовила. На войне постепенно перестали делать ежедневную

переключку. Сегодня — люди устали на походе, разбрелись по избам — не собирать же их — «мучить солдатиков»? Может и без переключки... Ну, и молитвы не нужно. Каждый сам помолится... Устали... Завтра — бой помешал... Послезавтра собрали, стали переключать:

— Где Недошивин?

— Еще четвертого дня здесь был... А, вот, третьего дня чагой-та не видали его.

Дезертир... Сегодня один, завтра другой... Незаметно и безнаказанно... В общем — соблазнительно.

Нет, видно переключка-то нужна ежедневная и, чем более устали или потрясены боем солдаты, тем строже и внимательнее должна быть сама переключка... И молитва нужна... Ты сам веруешь или не веруешь — это дело твоей совести, а молитву пой. Может быть, она когда-нибудь и всколыхнет твою до дна заплевываемую душу. И если все это противник слышит — поверь — у него все это дух отнимает...

Ну-ка, господа ротные, батарейные, эскадронные и сотенные командиры Великой и гражданской войн, признавайтесь, делали вы это ежедневно? *Ежедневно?*

Если нет — на себя и пеняйте, что сидите по Франциям, Болгариям, Югославиям (слава Богу, что сидеть-то еще позволяют) и что родного дома лишились.

Ибо в войске прежде всего — вера в Бога, любовь к Родине и порядок!

А порядка без переключки не бывает.

Приказ по части

Полк управляется приказом по полку. Вот он лежит передо мною, чистенько отбитый на машинке и напечатанный в полковой литографии: — «Приказ Н-скому пех. полку. №., такого-то числа, такого-то года. Дежурный по полку... Дежурный по части строевой... По части хозяйственной»...

Вчера, как сегодня, и завтра, как сегодня — каждый день, с неизбежностью времени. И в Светло-Христово Воскресение и в Новый Год. *Как полковая газета.* И то, что надо делать завтра — и разбор сегодняшнего ученья, и похвала, и выговоры, и аресты. В приказе сосчитана каждая казенная копейка, заприходовано все полученное и выведено в расход все потраченное. В приказе наше вступление в полк: — «Высочайшим приказом 10-го августа сего года произведен в подпоручики из такого-то училища юнкер такой-то с назначением во вверенный мне полк. Подпоручика такого-то внести в списки и полагать в отпуску с такого-то чис-

ла»... В приказе ваш брак с любимой девушкой, рождение ваших детей... В приказе будет и ваша отставка и ваша смерть...

Вы возвращаетесь ночью домой, а ревностный денщик уже прочел до вас приказ и говорит вам: — «Ваше благородие, вам завтра на стрельбу с 6 час... Шт.-кап. Прокофьев женятся. В приказе разрешение им объявлено»...

Приказ... Все привыкли к нему, и как-то нельзя без приказа.

Но вот наступила война... И в одних полках сразу, в других постепенно, обыкновенно, после первых боев, после первых убитых, наступает какая-то апатия, отвращение к тому, что делалось раньше. Приказа не надо... Где там его печатать? Машинки нет, нет и литографного станка. И писарь-приказист где-то на парной повозке в обозе 2-го разряда лошадьми правит.

— Г-н полковник, сегодня приказ будем отдавать?

— Сегодня?.. Да что там такое?.. Кажется, ничего не случилось?

— Недошивин бежал.

— А?.. Да.. Нет... Уже Бог с ним... Когда-нибудь потом.

Если бы этот самый Недошивин сбежал в мирное время, какие сейчас же послышались громы и молнии! Напыряли бы всем - и отделенному, и взводному, и ротному и послали бы в полицию. Со дна морского достали бы этого «мерзавца, порочащего честь полка, Недошивина» и предали бы его суду.

А на войне — Бог с ним!.. *Что удивляться, что дезертиры исчислялись в армии, даже в первые годы войны, десятками тысяч!..*

Хотя на листике полевой книжки, карандашом, ротным писарям продиктованным, — но надо каждый день, ибо так заучены в мирное время, ибо так привыкли. Представьте себе, какое это было бы впечатление, если бы в разбитые окопы, с порушенными козырьками, где лежат убитые, где стонут еще не вынесенные раненые, прокрался бы посыльный из штаба полка и подал измученному, потрясенному боем ротному командиру листок тонкой бумаги, на котором синей переводной бумагой оттиснут «приказ Н-скому полку на позиции у вершины 89» и там написано: — «Наш полк в течение дня отбил шесть атак противника. 4-ая рота доблестно сражалась, два раза выходила из окопов и штыковой атакою опрокидывала волны противника. От лица службы благодарю командира роты, кап. Н.Н., и представляю его к ордену св. Георгия 4-ой ст. Г-дам ротным командирам использовать наступившее затишье и сделать то-то и то-то. Всех отличившихся в сегодняшнем славном бою представить к наградам»... Каким бальзамом легло бы такое признание заслуг на потрясенную боем душу...

Шекспир говорит: — «признать заслуги — значит наградить»...

Признать заслуги?.. *Сколько доблестных офицеров было убито, так и не дождавшись этого признания совершенного подвига...*

Среди трудов и утомления похода, в хаосе боя, среди ужасов смерти найти полчаса и продиктовать адъютанту сегодняшний приказ... Так ли это трудно?

Пускай «ужасно» трудно, но нужно! Этим постоянным вторжением в жизнь полка приказа, т.е. властной руки ком. полка — мы могли бы избежать перемешивания частей и все время держали бы полк в порядке, подтянутости и сборе. Кто-то сверху напоминает, кто-то снизу исполняет.

Мне скажут: — «невозможно», — я отвечу: — «должно»!

Знамя

При каждом полку есть знамя, в кавалерии — штандарт. Я не буду повторять о том, что «знамя есть священная хоругвь» и какие наказания — до смертной казни включительно полагается тем, кто в бою потеряет знамя. На знамени святые эмблемы; на скобе, на древке, в пяти строках вся история полка. *Со знамени глядят на нас Лик Нерукотворный или другая какая икона, а цвета знамени и орел двуглавый — сама наша Родина — Россия... А в ней — все!..*

Знамя для сохранности от дождей и пыли заботливо окутано замшевой простынкой и покрыто кожаным чехлом. Но в дни праздников и смотров и, конечно, в дни сражений — чехол со знамени снимается и оно распускается. Носить знамя доверяется лучшему унтер-офицеру полка, а при знамени всегда положено быть офицеру, — отсюда и наименование первых чинов офицерских — подпрапорщик, прапорщик, хорунжий.

Знамя выносится к полку «с церемонией», по особому ритуалу. Полк берет «на караул» («шашки вон! пики в руку! господа офицеры!»), музыканты играют поход, барабанщики бьют. В Туркестанском воен. окр., со времен Скобелевских, было в обычае встречать и провожать знамя громовым «ура».

В Русско-японскую войну 1904–1905 гг. мне приходилось видеть знамена в обозе, и не при обозе, но, именно, в обозе — закутанное в солому, оно, как вещь, возилось на парной повозке. Хорошего от этого получилось мало.

В эту войну, кажется, такого не было. Но много ли частей могут похвалиться тем, что они всегда и при всех тяжелых обстоятельствах встречали знамя, как подобает — «с церемонией»? В каких полках с первым раздавшимся выстрелом находившийся под знаменем офицер снимал чехол и распускал знамя?

А, между тем, какое это было трогательное и душу поднимающее зрелище — вынос знамени к полку на чужой земле, на походе.

Глухая осень... Зимой пахнет. Мороз. Мелкий снег срывается с низкого, серого неба. Полк построился в ожидании знамени в плотной резервной колонне. Впереди — поход. Может быть — бой... Торжественно звучит команда:

— Под знамя!.. Шай на кра-ул!..

Заиграли трубы, забили барабаны. Из низенькой халупы показался адъютант, за ним родное знамя...

Вот оно стоит где-то далеко, при резервной роте. Чехол снят с него, и ветер играет тяжелым полотнищем. Далекие, излетные пули просвистывают иногда подле. Мимо идут легко раненые, ковыляют, опираясь на ружье. Редко кто не перекрестится, увидев свое знамя.

Вот пошло оно, колышась в самых задних цепях. Впереди гремит, заливаётся лютое, штурмовое «ура». И кто оглянется — увидит его вдаль — величественное, грозное, напоминающее о долге, — смелее идет и уже не оглядывается больше. Знамя с нами...

Нельзя без знамени. Оно нужно и при танках, и при газах, и при всей нынешней технике. Пожалуй, еще и нужнее, чем прежде. Смелее и спокойнее становятся люди... Дерзновеннее дух.

— А как, г-н п-к, со знаменем?.. Полк уже пошел.

— Да, выносите, что ли... Так... Безо всякого параду...

И выносили... как покойника.

Так и вынесли его совсем из рядов армии. Тогда и армия умерла.

Сколько знамен Российских полков стоит сейчас в Белградском храме, у могилы вождя и ждет!.. Знают — сгинут, сгорят красные знамена мятежа и позора России и вернутся они — хранители и свидетели многовековой славы и доблести Русской. Вернутся и будут приняты с прежним почетом, чтобы никогда уже больше не видеть пережитого позора.

Форменная одежда (мундир)

В дни моей молодости, если у офицера из-за воротника мундира на один миллиметр высунулся белый воротник крахмальной рубашки — «на гауптвахту, на трое суток»!..

Форма одежды и ее единообразие должны были точно соблюдаться.

С Японской войны это зашаталось.

Устав гарнизонной службы требовал единообразия одежды не только всей части, находящейся на смотре, или на ученье, но и

присутствующих при этом воинских чинов, не различая чинов и положений.

Церковный парад по случаю полкового праздника. Октябрь месяц... Ясный солнечный день, но морозно, и с Невы дует ледяной ветер. Полк выстроен в мундирах. К строю подъезжают старшие начальники и гости — старые генералы. Вылезают из экипажей, на ходу скидывают теплые шинели, сдают их вестовым и идут к строю, пожимаясь от мороза.

Ласковый голос:

— Ваше высокопр-ство, вы остались бы в шинельке...

— Нельзя, батюшка, как же можно?..

Полк в мундирах.

Так и было.

Потом... Весенний, ясный день. На ученье, на Марсово поле идет учебная часть. Юнкера в мундирах, господа офицеры в шинелях. Я спросил у начальника части, почему это?..

— Помилуйте... Офицеры уже пожилые люди — простудиться могут.

В былое время, при принце Ольденбургском — им показали бы простуду!..

С этого началось. В Русско-японскую войну насмотрелся я такой пестроты одежды, что не знал — войска, или «нарочно»?.. Маскарад какой-то.

В Великую войну сначала подтянулись, как будто, и вышли все честь честью, хорошо и по форме одетые...

Провел я полтора года на войне и получил отпуск на две недели. Поехал в Петроград. Был я в одном «салоне» и увидел там гвардейскую молодежь в каких-то английских, что ли, мундирах, с длинными юбками, едва не до колен, с громадными карманами на груди и по бокам с отложными воротниками и вшитыми погонями и, конечно, со значками — училища, корпуса, полка и еще какими-то... — Я и спросил:

— Это что же?.. Форма вам новая пожалована?..

— Помилуйте, ваше прев-ство, это френчи... Это английская форма... Удобно... красиво!.. Здесь портсигар... здесь завтрак можно положить... Настоящая — английская...

— А вы разве теперь в английских войсках служите?..

— А-а?!

На меня посмотрели как-то боком... Не стоит с «армейскими» связываться... Замолчали...

Зимой — шубы-бекешы, с обезьяньими или шеншилла воротниками до конца плеч — и погон не видно, длинные мягкие. Нансеновские шапки с ушами — кто во что горазд стали рядиться

наши г-да офицеры. Вместо формы стала — мода... Так пошло сверху, а снизу все это, точно в кривом зеркале, отразилось. <...>

И вот маленькое примечание — те части, которые строго по форме и чисто одевались, — и дрались всегда хорошо, и дезертиров не знали, и с белыми флагами к неприятелю не хаживали, а вот те, кто напускал на себя нарочито «боевой» вид, носил грязные, шарпанные, со вшами папахи, ходил с погонями, на которых лиловым химическим карандашом неуклюже и криво был изображен № полка, носили «винцевары», неделями не мылись (где там, — в окопах то!), не брились и не стриглись — те не всяма доблестно себя показывали и утечку во время боев имели колоссальную. И убитых как будто бы было мало, — а в ротах после боя — кот наплакал.

Сейчас, в Париже, идет советский фильм «Окраина». Там вы можете видеть экземпляр такого окопного «дяди». Узнал он (это в фильме показывают), что Государь Император отрекся от Престола и что в России революция, улыбается блаженно и, сидя в окопе, говорит:

— А на кой хрен нам Царь этот сдался?.. — улыбается блаженно и хитро, — теперь землю делить... Земли бы! Земли!!.

Вот эти «окопные дяди», пещерные люди и похоронили Царя и Россию и стали — «рабами последнего раба»...

Когда-то, и, может быть, не в так уже далеком времени, — *придется наново строить Русскую армию. И тогда придется подумать об этом серьезно.*

Партизаны!.. Боевой вид!.. Но форма одежды и дисциплина — прежде всего. Партизанить по своим тылам не велика заслуга. А боевой вид со вшами и совсем скверно...

Маленькая, но не очень любимая в кавалерии штука

От общего — к частному. У нас было положено, что казаки ездили на уздечках, а регулярная кавалерия — кирасиры, драгуны, уланы и гусары — на мундштуках. Споры о достоинствах мундштука и уздечки начались бесконечно давно. Уже в восьмидесятых годах прошлого столетия военная литература пестрела статьями — «мундштук или уздечка», «мундштук, уздечка или пелям» и т.д. Производились всевозможные опыты и, наконец, окончательно постановлено: регулярной кавалерии, в силу породы лошадей, низкого седла и пр. быть при мундштуках. Самое оголовье кавалерийское было так устроено, что не допускало езды на трензельке.

Но... Выступили в поход, и тут, и там, и в частях превосходнейших пошли разговорчики... «А, знаете, не снять ли мундштуки?.. И лошади и солдату легче и удобнее... Чистить не надо, по-

ить, сена задать. В случае тревоги понуздая и вся недолга»... Сняли...

Кто позволил?.. Никто... Сами... И никто им не «напырял», как следует... Когда потом удивлялись, как это так вышло, что армия молниеносно как-то развалилась и перестала быть, как это приказ № 1 какого-то Соколова мог все изменить — *удивляться не надо было. Армия давно разваливалась нашими, господа, руками.* Незаметно, но систематично. Сегодня мундштуки долой, завтра «винцерады» и соломенные шляпы, там не надо знамени, там отменить переключку, там нарушим организацию. *Микроб гниения вошел и никем не остановленный стал множиться и почковаться, разрушая мощный организм и подготавливая его к гибели. Спайка распалась — распалась с нею и армия.*

Патроны

Весною 1915-го года в Русской Армии обнаружился недостаток патронов и снарядов. Летом того же года недостаток этот был настолько грозен, что наши армии начали, без достаточного давления со стороны противника, отступать.

Какие громы тогда посыпались со стороны «общественного мнения» на виновников такой нераспорядительности. Никто не хотел в те тревожные дни понять, что такой затяжной войны мало кто предвидел, что недостаток патронов и снарядов сказывался и у противника, в Австро-Германской армии, был он и у союзников, но только, вследствие более широко развитой промышленности, у них это не было так заметно и не приводило к столь тяжелым последствиям, как это было у нас и что, следовательно, в этом виноваты не только военные власти, всего не предвидевшие и не предусмотревшие, но общий уклад русской жизни. Но тогда, да и теперь это продолжается, винули только верхи. Верхи не заготовили, верхи не доставили... «Нечего было и соваться в такую войну, если не с чем было воевать», — так шумело, жужжало, волновалось и критиковало «общественное мнение».

Но мы-то, строевые начальники, знали и видели и другое.

В мирное время мы учили солдата, — даже плакаты такие развешивали по казарменным помещениям с золотыми буквами написанными прописями — Суворовских изречений.

«Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию. Стреляй редко, да метко». И как в мирное время берегли пулю! Стрельба, особенно в пехоте — была — *священнодействие*. Счетом патроны выдаются и счетом принимаются «стрелянные» гильзы. Лишь самый незначительный процент потери таких гильз допускался. Каждую пулю особым деревянным колышком забивали на мишени, каждую пулю крестиком или ноликом отмечали в

особой ведомости. Выдавали значки за отличную стрельбу, давали призовые часы, а офицерам вензелевые изображения на приклады винтовок и на шашки. И стреляла Русская пехота артистически!

Но вот вышли на войну. И не знаю, кто тогда сказал, откуда это взяли:

— Все это вздор... Цельная стрельба!.. Мировщина... Стрелять надо по площадям...

На черта же мы тогда учили: — «подведи мушку под мишень... возьми ровную мушку, не сваливай винтовку, затаи дыхание, не дергай за спуск. Принимай во внимание ветер... Не видишь мишени (на боевой стрельбе) — не стреляй вовсе».

На войне (слава Богу, что не все) — запалили в белый свет, как в копеечку. Стали забывать ставить прицелы, а целиться считали и вовсе — не нужным.

В августе 1914-го года, где-то подле Замостья, исполняя задачу, шел я с полком, направляясь к новому месту и вдруг услышал в стороне, верстах в двух от себя неистовую ружейную стрельбу. Я, согласно с уставом, пошел «на выстрелы». Вижу: — сотни три спешенных казаков не нашей дивизии, 2-й очереди, залегли за каменной огородой и палят без перерыва. Я подъехал к ним верхом. Странное было у меня впечатление — ни одна пуля противника не посвистела надо мною, нигде не рыли пули землю с характерным коротким зыканьем.

— Что у вас тут такое? — спросил я залегшего с казаками войскового старшину.

— Тут, г-н п-к, противник, австрийцы, мы его было атаковали на конях... страсть он народа положил... Так мы уже спешились, огнем его выбиваем.

— Да где же он?

— А вон, на кладбище, за оградой схоронился.

И точно, на поле перед кладбищем лежало несколько убитых казаков и лошадей.

— Вы видите по ком стреляете?

— Где же увидеть?.. Он, ить, чаю, хоронится за оградой. Мы стреляем по площади.

Я приказал остановить стрельбу. Оглядел быстро винтовки у казаков. У кого был поднят прицел, у кого приподнят на колодке, у кого стоял «постоянный». Мертвая тишина была кругом. Послали разведку. На кладбище не было никого.

Напасешься на таких вояк патронов?!

Кто из бывших на войне не знает, что вызывало появление в небе аэроплана. Сначала легкое недоумение... «Свой?.. Нет, какое свой!.. Свой еще погодит... Валяй!.. Дуй в мою душу»!.. Кругом все стреляло. Стреляли обозные, стреляли санитары и вдохно-

вившийся классный фельдшер сажал пулю за пулей из своего тяжелого нагана. Потом этот ураганный огонь передавался в резервы и, наконец, заливал позиции. А аэроплан летит себе, чуть взял повыше, и точно смеется над стрелками.

— Орлов, ваше благородие, на Кавказе сбивал, нюжли же в такую штуковину не попасть?!

Сколько же надо на это патронов?

Когда пехота, бывало, вела бой, то отдельных выстрелов не было слышно, но точно какой-то страшный котел кипел и клоко-тал на позиции. Обойдите в это время стрелков — вот сидит за бруствером «симпатьяга», окопный дядя, которому «на кой хрен Царь нужен», он весь комком сжался за прикрытием, выставил винтовку дулом кверху и сажит пуля за пулей... А прицелы? Лучше и не смотреть... Ведь стреляют «по площадям», «открыли баражный огонь»...

Какие же надо иметь для этого запасы патронов?..

И никто такого огня не боялся. И ведь об этом давно написано и в «Наставлении для обучения стрельбе», и во всех наших учебниках тактики: и у Драгомирова, и у Дуропа, и у Бонч-Бруевича. Всюду сказано, что неметкий огонь только ободряет неприятеля. Это было, впрочем, не только у нас, но и у противника <...>

Так кто же в конце концов виноват, что патронов так скоро стало не хватать — только ли высшее начальство, которое не предусмотрело, не знало, не распорядилось, или какая-то и немалая доля вины лежит и на самих войсках, забывших, что и в современной войне надо беречь патрон и что в бою нужен не огонь по площадям, не «баражный» огонь, но огонь меткий?..

Винтовки

Не хватало винтовок... Приходившие пополнения оставались в тылу безоружными и получали ружья, постепенно, от убитых и раненых.

В мирное время уронит кто-нибудь винтовку... Самый звук ее падения, какой-то дребезжащий, приводит в нервное состояние все начальство. Громы и молнии... Карцер... Наряд «вне очереди», а под горячую руку не в меру ретивый унтер-офицер и по уху: — «у!... раззява! Свинячая морда! Баба ухват не уронит, а ты с-с-свол-лач!»

На войне... Вот наша позиция, только что оставленная войсками, — все равно — пошли вперед, или отступаем — сколько в ней торчит винтовок, воткнутых в землю штыками. Это раненые составили. Это винтовки убитых...

В тылу всякого народа немало шатается, но кто распорядится собирать винтовки, когда ротный командир, фельдфебель и каптенармус убиты и никем не заменены.

В мирное время потеря винтовки — суд... От ротного роту могут отобрать... На войне?..

Как же было не хватать винтовкам?!

Казакам полагались винтовки без штыка. В атаке, в спешенном бою, требовалось закинуть винтовку за плечи, выхватить шашку из ножен и рубить пешком. Но, испытав все неудобства такого способа пешей атаки, потянулись мои казаки к штыкам.

Я возбудил ходатайство (очень скоро и охотно удовлетворенное) о выдаче на полк штыков. Но еще ранее получения казаками «законных» штыков у многих появились штыки «незаконные».

— Откуда вы их берете? Крадете, что ли?

— Н-ник-как нет!.. Зачем?.. Нашли.

И точно: поискать по позиции, где был бой, находились и штыки. Потом оказалось, что и покупали казаки штыки у пехоты.

— За тридцать копеек, ваше высокоблагородие, всегда можно купить у подходящего пари.

Да, если «на кой хрен Царь ему сдался», то штыка-то ему и подавно не надо!

Вот и возвращаюсь я к началу моей статьи — *вся эта сложная ротная иерархия фельдфебелей, каптенармусов, унтер-офицеров и ефрейторов на войне так же точно нужна, как и в мирное время. И хотя в роте и сорока штыков не наберется, она должна быть правильно рассчитана и организована. И без организации этой армия обращается в толпу, на которую ни патронов, ни оружия никак не напасешься.*

Вши

Когда в 1915 г. перешли к позиционной войне, стали появляться на солдатах вши, а с ними появились и заболевания тифом. В кавалерии на лошадях началась чесотка.

Я не знал ни того, ни другого.

Полки вверенной мне дивизии я держал в окопах четыре дня, на пятый день была смена; полки, занимавшие окопы, уходили в резерв, опять-таки на четыре дня. Первый день была баня, стирка белья и приведение в порядок оружия, снаряжения и обмундирования, на второй и третий дни были небольшие, часа на два, конные учения или упражнения в рубке, уколах пиками и пр., даже и состязания на призы устраивали, на четвертый день был осмотр оружия, отдых, а ночью смена.

Ворчали на этот порядок все — от командиров полков до последнего казака, — но я был неумолим.

Зимой 1915 г. получил я на свой участок несколько рот пехоты. Славные такие прапорщики пришли с ротами, желторотые, пухлые, румяные. Установил я им смену понедельно: у них лошадей не было, потому я не считал нужным более частой смены.

Недели через две являются ко мне.

— Солдатики просят, чтобы оставили на позиции вовсе без смены.

— Это почему?

— Да так. Участок спокойный. А, между прочим, станешь на позиции, обзаведешься кое-чем, по землянкам, ну, там, лампы купишь, столы поделаешь, нары, а сменишься — другим отдавать.

С этими доводами я не согласился. Вшей у солдат не было, но недовольство было большое.

— Очень уже суетно все это... Каждую неделю ходи ему, убирайся... Ученья делай. Каки-таки ученья на войне?.. Тоска одна!..

На войне, особенно окопной, является у людей апатия и, как результат ее — лень. Долг начальника эту лень побороть, иначе — вши, тиф, самоубийства у людей, чесотка и инфлюенца у лошадей.

В книге ген. Масловского — «Война на Кавказском фронте» — прочитал я о том, сколько людей насмерть померзло во время зимних вьюг и снежных заносов на страшных горных перевалах, и задумался. Конечно, таких страшных вьюг, какие бывают в горах Малой Азии, мы, на европейском театре военных действий, не испытали, но помню, как в феврале 1915 г. трое суток ревели страшная пурга при 11 градусах мороза, как совершенно занесло на позиции ушки, заровняло окопы, как винтовки не стреляли, потому что смазка замерзла и затворы не скользили, а замерзших у нас, слава Богу, не было.

Сотенные командиры исполняли «Устав Гарнизонной Службы», в котором говорится, что при морозе более пяти градусов смена часовых производится каждый час, а в особо трудных обстоятельствах и чаще. Удаленные заставы были сняты вовсе, ибо в такую вьюгу и противнику нельзя было наступать, как следует оставлено было только наблюдение. Опять-таки знаю, ибо сам был в этих местах в мирное время и знаю, что такое горы Закавказья, что там все это сложнее и труднее, что дорог нет, есть только горные тропы, которые снегом занесло, но, повторяю, трудно — не невозможно.

Точное соблюдение уставов «Внутренней» и «Гарнизонной службы» спасает людей и от болезней и самой смерти. Еще Великая Екатерина сказала: — «всеу законы писать, когда их не исполнять»...

Но на войне-то как раз так и выходило, что уставы (т.е. — законы) оказывались ненужными. Еще «Полевой устав» кое-как признавали, но уставы «внутренней службы» и «гарнизонный» были, как-то, позабыты.

И знал я даже старших начальников, которые в беседе с младшими иногда высказывали совершенно странный взгляд, что на войне все как-то особенно, и уставы и порядки мирного времени совершенно неприменимы...

Начальство и смотры

В мирное время в полки частенько наезжало всяческое начальство. Уже непременно каждый год нач. дивизии делал в полках инспекторский смотр и опрос претензий. И с каким ритуалом! Иногда высшее начальство приезжало экспромтом, внезапно, вдруг оказывалось где-то с заднего крыльца на кухне, пробовало пищу, а то вызовет роту и заставит проделать ротное ученье. В сущности, вся годовая жизнь полка протекала в смотрах: смотр новобранцев, смотры разведчиков и охотников, экзамен полковой учебной команды, смотр стрельбы — целое священнодействие, особенно, если приезжал кто-нибудь из инспекции, смотры ротных учений, полковые смотры и т.д. и т.д. Начальство всюду «совало свой нос» и «грело» неисправных. Говорят, что Император Николай I обмолвился крылатым словом о том, что всю Россию держат в порядке столоначальники и ротные командиры. Так надо добавить к этому, что ротных командиров держало в порядке, учило и «натаскивало» всяческое начальство. Сколько самых забавных историй и анекдотов написал известный писатель-юморист Егор Егоров (псевдоним) про такие смотры, сколько анекдотов ходило в Гвардии про смотры принца П.А. Ольденбургского или ген. Данилова, сколько рассказывали в Киевском округе про смотры ген. Драгомирова! Начальственное око непрерывно блюло за полками, подтягивало, разносило и хвалило. Смотрами составляли аттестации, а аттестациями создавались репутации и — карьера.

И к этому так привыкли.

Но, когда пошла война, — начальство во многих местах осталось где-то далеко позади. Ворчливый голос старого генерала слышался только в трубку телефона, да жестокие слова разноса или приказаний холодно и бесстрастно выстукивались перед чиновниками почтово-телеграфного ведомства на ленте полевого Юза или Морзе. В окопы старшее начальство жаловало редко. Надеюсь на полковых командиров, а те на ротных...

В ноябре 1915 г. сменял я некую пехотную, с крупным номером, дивизию. Позиция была лесная и болотная, глушь и топь

Полесья; длина участка была немалая — около 30 верст. Сверху от нас требовали еженедельного представления отчетных карт позиции, на которых должно было быть изображено, что сделано в смысле инженерной подготовки позиции за неделю. Особыми линиями и красками обозначились окопы, доведенные до нормальной профили в рост, особыми — коленная профили и особыми — только трассированные. Из штаба корпуса получил я такую карту, составленную моим предшественником. На ней позиция была изображена в полной готовности. В двух трех местах, вероятно из приличия, были показаны окопы коленной профили. Порадовались мы в штабе, что получаем такие позиции. Теперь отдохнем на готовеньком!

Смена, как полагается, происходила ночью. Пришли проводники от рот, разобрали назначенные на позицию сотни и по им ведомым лесным тропинкам повели казаков в окопы.

На другой день сели мы с нач. штаба, пол. ген. шт. Денисовым, на коней, взяли вестовых, карту и поехали на позицию. На позицию вела только одна дорога, подходившая почти к самому правому ее флангу. От нее вправо и влево дорог не было, были только тропы, натоптанные солдатами.

Мы слезли с лошадей, передали их вестовым, приказали вести их за ними по тропам, а сами пошли по окопам.

Идем, не нарадуемся. Окопы — загляденье! Внутренняя крутость оплетена плетнем, на бермах доски, амбразуры выделаны деревом. Впереди — проволока, девять рядов кольев; позади — землянки, «лисьи норы», ходы сообщения — все отделано, что называется «на ять». Так прошли мы с версту. Дальше — жалкие окопы, проволока в три ряда жиденьких кольев... Еще дальше одиночные окопы и никакой проволоки, вместо землянок — шалаши из веток. Словом — ничего. Смотрим на карту — там показана готовая позиция. Уже не сбились ли мы с дороги? Да нет... Вот и сотни наши стоят в пространстве, жмутся по одиночным окопам.

— Как же вы принимали такую позицию? — спрашиваю сотенного командира.

— А видите, ваше превосходительство, тут дело выходит деликатное. На позиции на автомобиле не проедешь, надо пешечком, а то начальство из автомобиля не вылезало. Рассказывали нам ротные командиры. Приедет по дороге, пройдет шагов сто по окопам, спросит «у вас все так разделано», ну ему и ответят — «так точно, все готово, сами видите». Он дальше никогда и не ходил. Ну, сами знаете, *если сверху не смотрят, снизу не исполняют*. Ротные или прапорщики, или из запаса. Солдатня спать здорова. Участок тихий, лесной. Ну, на авось и жили.

Пришлось нам с Денисовым перерисовать всю карту. Там, где была готовая позиция — и трассировки не оказалось. Было пустое место. Представил я эту карту, не объясняя, по понятным причинам, почему она такая, и получил нагоняй за то, что за истекшую неделю не только не подвинул инженерные работы вперед, но еще запустил и привел к разрушению сделанное раньше. Выпросил я себе батальон ополченцев и принялся за работы. Провозился с работами почти всю зиму, а по весне сдал позицию снова, но уже другой пехоте.

Почему же так вышло?.. А ротные?.. А полковые?.. Но и те и другие в мирное время заучены были быть под постоянным надзором начальственного ока и, когда его не оказалось, то отдались той апатии и лени, какие так незаметно на войне овладевают всеми сверху донизу.

Не слышал я, чтобы на войне ежегодно опрашивали претензии... Если и бывали когда смотры, то чисто парадного свойства... Высшее начальство было далеко. Это вызывалось, отчасти, условиями современной войны, Телефонная и телеграфная связь — все это было сложно и громоздко, штабы требовали для своей работы некоторого комфорта, поэтому искали «господских домов», большие села, железнодорожные станции. Как-то незаметно, к концу 1914 г. удаление даже корпусных штабов стало доходить до десятков верст. Не везде и не всегда дороги были удобопроездны. *Автомобили избаловали начальников.* Штабы «закисали» в обстановке повседневной работы, сводок, донесений снизу, разговоров по телефону, докладов наверх, переговоров по проводу, черчения схем, ответов на запросы. Телефон и телеграф играли все большую роль и постепенно заменяли глаз и личный спрос. Да и на самом верху не очень любили, когда на вызов к проводу вдруг получался ответ: — «нач. дивизии, или ком. корпуса нет в штабе, он уехал на позицию»... Многие участки были таковы, что на них можно было проехать только ночью, на другие надо было идти несколько верст пешком... Ну и явилось соблазнительное предложение: вот я уйду, а там что-нибудь случится, нет уже лучше как-нибудь в другой раз... И месяцами оставались части без начальственного посещения.

Так постепенно армия выпадала из рук своего высшего командования. Начальники становились далекими и неизвестными. Два года я командовал дивизией и кроме своего ком. корпуса — ген. Гилленшмидта, приезжавшего очень часто и жившего почти на самой позиции, старших не видал. Когда перед Луцким прорывом попали мы в армию ген. Каледина, тот приезжал к нам два раза и даже делал смотры полкам. И как это всех освежило и подтянуло!..

Армия постепенно все более и более предоставлялась ротным и полковым командирам, а те уже были не те, которые готовили полки в мирное время. *Армия как бы рассыпалась.*

Вот почему так легко пришел к ней приказ № 1-й, уничтоживший армию. *Почва была отменно подготовлена к восприятию вредных семян.*

«Наш» командир и «отец-командир»

На войне выкристаллизовалось два основных типа начальников: — «наш» командир и «отец-командир».

«Наш» командир это — в Японскую войну: — Гернгросс, Горбатовский, гр. Келлер, Кондратенко, Лечицкий, Леш, Мищенко, Рашевский, Ренненкампф, Самсонов и многие, многие другие. В Великую войну: Гилленшмидт, Гобято, Головин, Деникин, Каледин, гр. Келлер, Корнилов, Лохвицкий, Марков, А.А. Павлов, Скалон и многие, многие другие.

«Наш» командир — это тот, кто в страшную минуту боя — «с нами». Пулям он не кланяется, перед снарядами не сгибается. Придет на позицию, если на ней в это время начнется обстрел, — он не убежит по ходу сообщения незаметно, не исчезнет в блиндаже, но ходит по окопам, посмеивается, шутит с солдатами. Станет на бруствер, в бинокль неприятеля рассматривает. Все на нем ловко пригнуто, коленка под шинелью не дрожит, голос не меняется. Поведет в атаку — сам приедет на главный наблюдательный пункт, смотрит в трубу, отдает приказания артиллерии. Понеслась с громовым «ура» атака, сбила, смяла, растоптала врага, — глядишь — он уже тут, в передних рядах, благодарит, распоряжается преследованием.

«Наш» командир часто ранен (Каледин, Скалон и др.), убит (Кондратенко, гр. Келлер в японскую войну и др.) — его память свято чтится. Любовь к нему солдат крепкая — и то, что с «нашим» командиром солдату бывает нелегко — это ему охотно прощается, за то с ним всегда победа, а победа это и есть столь желанный конец войны.

Совсем другое дело — «отец-командир».

Разговор ночью. Вдоль шоссе невидимым, густым стадом лежит отдыхающая на привале пехота. Людей не видно. Лишь часто вспыхивают огоньки папирос-крученок и «козых ножек» да густо пахнет пехотным солдатом.

— Не-ет, наш... Ничего — жить можно...

Что и говорить — отец!.. Отца родного не надо. Он, ка-ак солдата жалеет... Ну и себя бережет... Не без того... Все норовит подальше... Не лезет, куда не спрашивают. Он над убитым-то плачет, как над сыном. Ему солдата вон как жаль, как сына родного. Он прямо сказал: — «Мне эти кресты-награды — чисто напле-

вать... Мне вы, голубчики, живы бы были...» Отец родной — не командир!

И умеет этот «отец» командир увильнуть от боя, а не удастся — он при первых же потерях плачет в телефон, требует подмоги, а «солдатики» его тихо бредут с позиции с унылыми, плачущими лицами.

— Держаться прямо невозможно — ну, чистый ад!.. Так и засыпает, так и крошит. Живых, почитай, никого в полку и не осталось.

А дня через два, в глухом тылу, отведенный на «отдых» полк, глядишь, почти весь собрался. «Отец» командир с довольным видом ходит по кухням, пробует пищу, шутит:

— Нам, братцы, орлами не летать... Орлы пусть воюют, нам себя оберегать... Для России, для дома!

Любили таких солдаты? В большинстве — нет. Презирали немного. Но ценили: бережет солдата. Отец родной!..

Механизм армии

Та тема, на которую я пишу, бесконечна и разнообразна. О ней всего не переговоришь, всего не напишешь. Но говорить на эти темы надо всегда, даже и теперь, когда, кажется, и не видишь, когда же по-настоящему — то строиться будет Русская, не красная, армия, не классовая, не партийная, но Государственная — Русская. Надо говорить, потому что многим читателям придется принять участие в этом строительстве, в образовании и воспитании армии, и надо знать все слабые и сильные места старого, погибшего, знать и то, что, может быть, и способствовало самой гибели.

Военная наука очень тонкая и сложная и в то же время точная наука, подобная математике. И военная служба — служба, требующая большой точности, выполнения всех ее мелочей, ибо мелочи эти только кажущиеся мелочами, но все в военном деле должно быть точно и верно приложено. *И все то, что требовалось в мирное время, должно быть сугубо потребовано в военное время. В этом смысл офицерства, в этом сила военной организации, в этом значение уставов и обучения.*

Армия — корпус — дивизия — полк — батальон — рота — взвод — отделение — звено — ряд — отдельный солдат, — все это сложный и нежный механизм. Представим как бы громадные часы, которые показывают не только время дня, но и дни недели и числа месяца, и годы, и фазы луны и часы восхода и заката солнца, и движение небесных светил и т.д., и т.д. В них множество колесиков и — испортится какое-нибудь одно — и уже не выскакивает луна в соответствующей дырочке, заржавела какая-нибудь пружинка — перестали отзванивать четверти часа... Так, постепенно, если не следить и не чинить испорченного, — оста-

новятся и самые часы и обратятся в никому не нужную кучу медных колес и ржавых пружин.

То же и армия. Начнете убирать или портить отдельные ее части — так незаметно и, кажется, так разумно. Сегодня отнимем у офицеров денщиков (Рабство! Крепостное право!), завтра скажем — долой барабанщиков, горнистов, трубачей и музыкантов (Плац-парады!), потом уберем каптенармусов, портных, сапожников (Все интендантству, долой нестроевую сволочь!), там снимем мундиры (Одевайся, как удобнее!) — глядишь... Боже мой! Да куда же девалась славная Императорская Российская армия? Какая-то дикая солдатня. Калущ и Тарнополь. Еврейские погромы, избиение начальников... И неужели это потому, что для удобства сняли мундштуки, что надели английские френчи, что сделали солдата самым свободным в мире? Да... Потому и поэтому и по многому другому... Просто говоря, *потому, что нарушили то, что указано военной наукой. Нарушили принципы, стали творить «отсебятину», распустились, дали овладеть духом — апатии, а телом — лени.*

И — погибли!..

Краснов П. Служба в мирное и военное время / Русский Инвалид. — 1934. №№ 65, 66, 68, 69, 71, 72.

А. Геруа

СТИХИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В одной из своих последних «Военных заметок»* ген. Штейфон затронул вопрос о важности изучения опыта гражданской войны, причем привел мнение одного из зарубежных военных писателей о вреде такой работы, якобы портящей чистоту принципов военного искусства и их применения. Невольно при этом припоминается ходячее мнение членов австрийского гоф-кригсрата, жаловавшегося на то, что Суворов побеждает не по правилам.

Ныне положение такое же. Придется подумать, как побеждать не по правилам, вернее говоря, не по шаблонам. И об этом уже размышляют не только в Москве, как известно, достаточно беспардонной во всех отношениях, в том числе и в военном, но и в Берлине. В последнем размышляют уже достаточно давно, но в свое время на предупреждающие голоса не было обращено надлежащего внимания.

Действительно, известный глубокий и дальнозоркий знаток движения вооруженных масс — фон-дер-Гольц начал свою проповедь в этом направлении уже около полувека тому назад своим известным трудом «Das Volk im Waffен», который удачно дублировался другою книгою «Gambettasarmee», в свое время доставившей автору, как вредному новатору, много личных и служебных неприятностей. Автор перешел на службу в Турецкую армию и здесь лучше, чем где, либо, уяснил себе, что наполеоновские

* Рубрика, которую Б.А.Штейфон вел в газете «Новое Время» (Белград). - Сост.

принципы и их приложение Мольтке не всякому народу и не всякой нации по плечу. Для него стала очевидна «прикладная относительность!» чистых принципов. В связи с этой эволюцией мысли фон-дер-Гольц написал курс стратегии «Krieg und Heerführung» (Берлин, 1901), которому он отказал даже в заглавии «Стратегия».

Современник Гольца — профессор Дельбрюк, штатский специалист военной истории, работал в то время в том же направлении мысли, имел такие же неприятности от Генерального штаба и проповедовал упорно две разновидности войны: на разгром для немногих избранных и на измор для большинства.

Ныне Москва идет на поводу у этих теорий, причем всех заставляет предполагать, что и Берлин, наконец, сдался своим победителям мысли, Гольцу и Дельбрюку, ныне уже покойным.

В этот вид войны на измор социальная и гражданская война входят как неизбежные и роковые составные части, так как затяжная война неминуемо должна вызвать и социальный кризис, облегченный ныне присутствием везде многочисленной и хорошо организованной коммунистической партии. Я уж не говорю о России, где тирания не может быть вытолкана в шею иначе, как только новой гражданской войной. В Берлине и в Москве ныне усердно, хотя и достаточно скрыто, готовятся к пониманию нового военного явления, а также и к его удачному использованию.

В связи с этим, вот как выражается профессор А.А. Свечин, которому нельзя отказать в оригинальности: — «Наполеон в освещении исторической диалектики может помочь нам разобраться в толковании современности; но Наполеон... — это мертвец, который хватает живых людей; попытки ограничить рамки стратегии тем, что верно не только для нашей эпохи, но и для Наполеоновской, обуславливают кладбищенскую пустоту стратегической теории». («Стратегия в трудах военных классиков», т. II, стр. 213).

Стихия гражданской войны, надвигающаяся не только на нас, русских (это уже действительность), но и на пребывающие в усылении Париж и Лондон, вынуждает во всяком случае пересмотреть «приложение» наполеоновских принципов. Надо исполнить то, что сам их автор забыл сделать в период потухания своей боевой славы (1810–15 гг.). И его самого эти принципы в конце концов подкатили.

Перепевы старых истин, не считающихся с действительностью, бьющие в глаза, — плохая подготовка к грядущим бурным событиям. *Необходима научная обработка гражданской войны, всякого рода партизанщины и социальных взрывов, «так как ни весть ни дня, ни часа, егда же них грядет во полунощи».*

Советчина готовит большие сюрпризы по части изучения гражданской войны и ее использования для целей будущего мирового столкновения масс. Хотя ее литература по этой части, в особенности что касается чисто военных трудов, оставляет желать многого, можно думать, что это — намеренный трюк Соввласти. Действительно, и качественно, и количественно эти писания очень ничтожны. Мы знаем это по труду Н. Какурина, который вздумал расквадрачивать гражданскую войну в России 1918–20 гг. по линейному образцу фронтов Великой войны, по работе б. ген. Надежного, описывающего борьбу против Юденича, но с полным забвением хотя какого бы то ни было синтеза, по отдельным статьям и очеркам, где авторы больше хотят похвастать своими действиями, чем углубиться в сущность дела, наконец, по коллективной работе в нескольких томах под редакцией Бубнова (лейб-чекист Красной армии), Каменева (б. главком) и Эйдемана (начальник военной академии), напоминающей хрестоматию или юбилейный сборник, удобный для раздачи в школах и в солдатских читальнях.

Но за эту явную литературу, очевидно, *имеется и более глубокое изучение гражданской войны*, так как об этом говорят официальные руководства, появившиеся в печати и предписанные к руководству в войсках: брошюра «Вооруженное восстание как искусство» и, в особенности, не существующий нигде больше — «Устав гражданской войны».

Этим не ограничивается, однако, работа большевиков. Сознавая, что изучение смуты масс не многого стоит без трудов по социологии и психологии этих сдвигов, как и без исторических очерков философского характера, большевики увлекли на стезю работы в этих областях целый ряд авторов, усилия которых нужно признать гораздо более удачными, чем потуги военных писателей. Из числа таких «штатских» попыток проникнуть в секрет вооруженных взрывов в массах нужно отметить труды недавно умершего Павловича-Вельтмана, знатока желтого материка, которому Кремль уделяет так много внимания именно в интересах подъема чингизхановских полчищ.

Из этого краткого перечня ясно, как много пристального изучения Советы организуют в области стихии гражданской войны, о которой они мечтают.

За рубежом, где готовятся запрудить большевистский натиск, не обращается почти никакого внимания на необходимость соответствующей теоретической подготовки. Я не знаю ничего по этой части, кроме главы одной объемистой книги, посвященной современности, и «Кризиса Добровольчества» ген. Штейфона. Правда, имеются еще труды ген. Деникина, «Русский Архив», «Русская Летопись», «Белое Дело», *но все это либо труды,*

имеющие узко историческое значение, либо даже просто сборники документов и чисто личные свидетельства без всякой попытки обобщений, а тем более систематизации научного характера, приложенной к гражданской войне.

В то время как неразговорчивость Советов в этой области знаменует их желание подготовить неожиданность, о чем свидетельствуют их официальные руководства, в Зарубежье — это признак простой халатности, способствующей осуществлению плана большевиков, рассчитанного на внезапность.

Благо бы сил, подходящих для работы, не было. Так нет же, сил сколько угодно, гораздо больше, чем в СССР, и они много лучше, чем там, и все же в этой интересной и важной области нет ничего кроме единичных партизанских попыток, базирующихся на скудном кармане смельчаков...

Сколько частных, практических выводов можно было бы сделать, если бы существовала соответствующая коллективная организация, занимающаяся этим важным делом. Ведь от знания зависит уменьше, а от уменьша — наша конечная победа над красными, ясно показывающими, что без кровавой борьбы они не уйдут. Как же, спрашивается, нам к ней не готовиться?

С уверенностью можно сказать, что литература по гражданской войне у большевиков не клеится не только из желания секрета, но и потому, что у них опыта было много, но мозгов и перьев очень мало. *У нас же, слава Богу, всего этого в избытке, но все это пребывает втуне, часто поневоле.*

С уверенностью можно сказать, что, выражаясь грубо, опыт гражданской войны из нас выпирает. Надо поднять занавес той сцены, где все мы играли ту или иную роль, на фронте, в тылу, за границей, все работали в интересах конденсирования усилий во имя единой цели. *История не знает более значительного по размерам размаха гражданской войны.* Неужели же она не дожидается своего осмысленного тщательного анализа и синтеза, притом коллективно организованного, так как этот труд не по плечу единицам, а главное им не по карману?

Повторяю, нам до зарезу нужен «Семинарий гражданской войны». Дело идет о завтрашнем дне России.

* * *

Возникновение гражданской войны с расчетом на ее успех может начаться в условиях настоящего времени только с попутным разложением регулярной армии. Иначе, как революция 1905 г. в России, восстание будет неизбежно подавлено огромною вооруженною массою нынешних полчищ, находящихся в руках правительств. Вот почему все усилия политических партий, сторонниц прямого действия, на первом месте их программ ста-

вят разложение существующих армий, а если возможно, и полное их упразднение посредством введения милиции. То, что не удавалось им в течение долгого мирного времени перед последнею войною, то помогло сделать всеевропейское побоище, *первою жертвою которого сделались профессиональные кадры армий, отличавшие их от воинства полумилиционного типа.*

Теперь легче, чем перед войной, пропаганде внедриться в толщу войск. Описывая такую работу в рядах русских войск на Крайнем Русском севере во время их борьбы с большевиками, один из участников этих операций говорит: «Разложение наших частей велось по строго разработанной системе скрыто образуемых в них коммунистических ячеек, находившихся в непрерывной связи с большевиками»⁴⁰.

В печати уже были указания на попытки ввести коммунистические ячейки в Британской армии. Итальянская армия также имела дело с попытками подобного же рода. Выходит, что все великие армии испытывали такие покушения на их моральную целостность. Положим, все эти опыты врагов «милитаризма», которых было бы справедливее назвать *сторонниками обращения оружия извне внутрь страны*, против несимпатичных им классов потерпели пока неудачу. Но нельзя забывать, что первые опыты бывают всегда неудачны и эти начальные промахи служат лучшей школою для последующих успехов, для которых сама современная организация дает прекрасную почву. Политические партии, которые работают над этим, доказали свою последовательность и умение пользоваться слабыми местами своих противников, а к числу последних, едва ли не на первом месте, принадлежит аппарат нынешней армии. Эти партии некоторое время тому назад пришли к выводу, что нечего тратить слова там, где нужна физическая сила в качестве аргумента для доказательства жизненности своих идей. В области слов, и это они признают, «буржуи» с их старою культурою всегда сильнее «пролетариев». Вот почему последние уклоняются от парламентского турнира, который им предлагают первые, и предпочитают, внедрившись в армию, прибегнуть к своему самому сильному аргументу, кулаку. Им не нужно господства в силу своего права, всем предварительно доказанного, они предпочитают господствовать на основе физической силы. Сила есть право; этот немецкий лозунг и их лозунг. Вот где нужно искать признаки интимного сродства русских большевиков с немецкими империалистами, и вот чем объясняется их взаимное кокетство.

⁴⁰ С. Добровольский. Борьба за возрождение России в Северной области. - Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1921, стр. 45.

Выше указывалось естественное после затяжной войны возрастание хищнических элементов и теорий в толще населения. Ясно, что для восприятия таких же хищнических лозунгов еще никогда не было такого благоприятного периода истории. С ним могут соревноваться, быть может, только такие мрачные эпохи, как время Тридцатилетней войны, Русской Великой Смуты начала XVII века и подобные же им бури народные. Мы знаем по русскому современному опыту, опыту Второй Русской Великой Смуты (название, безусловно, более приличествующее, чем слово «революция», всему тому, что творится сейчас в России), в какой степени это повальное хищничество захватило не только «красную», но и «белую» сторону. *Хищничество готовит гражданскую войну (и это расчет ленинцев), но и гражданская война всегда приводит к хищничеству* (и это падение колчаковцев, деникинцев и др.). Даже такая гражданская борьба, как Вандейская, овеянная некоторым флером романтизма, по свидетельствам последнего времени, была не лишена того же хищничества.⁴¹ *В гражданской войне в прихотливом сплетении работают всегда параллельно и идеализм самой высокой марки, и грабеж самого низкого разбора.* Хвала вождям, если они сумели увлечь массу в сторону идеала и победить хищнические страсти. Тут нужен чисто религиозный порыв, здесь поле благородной деятельности «святых воинов Кромвеля», но тут же и «повесить негодяя» Тилли.

Религия устремляет дух, карающая жестокая десница уничтожает плевелы «своего» лагеря и таким образом очищает его: молниеносное водворение дисциплины в среде, где революционным путем опрокинут уголовный кодекс.

Беда, если вожди, как это случилось в советской России, пойдут в поводу у преступного элемента толпы. *Еще больше беды, если вожди, как это наблюдается в России, сами преступный и продажный элемент.* Тогда у них, вместо религии, ничего не остается для владения массами, как демагогия. Вешать и уничтожать начинают не «своих» негодяев, которые, вместо этого, приходят к власти, а «слабых», «слабого толкни». В результате догматическое насилие, бунт, а не революция, анархия и общий развал, а в конце концов неизбежная, неминуемая, как стихия, гибель вождей и их идей, от руки тех самых толп, которые были развращены их же усилиями.

Неудача войны или просто ее непомерная затяжка неизбежно вызывают в наше время саморазложение регулярной армии, а последнее, в свою очередь, — образование бандитизма. Оба эти явления идут рука об руку. И это естественно, если припомнить картину психологии масс, нарастающей под влиянием тре-

⁴¹ “Souvenirs de la Com-sse de la Bouere. La Guerre de Vendee” (1793-1796).

возможных и тлетворных явлений внешней войны. Народная толща неотвратимо этически портится, ее дурные элементы поднимают голову, пагубные страсти получают все возможности развития и все, что имеется в стране преступного, получает возможность своего расцвета.

Существующие теории о том, что война вздымает дух народный, что она вызывает взлет творчества во всех областях и что таким образом она является одним из лучших и быстрееших способов прогресса, отнюдь не исключает сказанного об отрицательных сторонах войны. Действительно, под влиянием опасности энергия человечества проявляется всегда с особою интенсивностью, а энергия — это все в процессе прогресса. Эдисон говорит, что гений — это 1% хотения и 99% потения. И хотение, и потение обнаруживаются как никогда под влиянием угрозы самому существованию нации. Однако, когда превзойдены пределы «терпения» народного, начинается реакция, тем более страшная и тем более быстрая, чем сильнее было *напряжение страны во время войны*.

На почве этой губительной психологии разрушается дух регулярной армии и крушится тем скорее, чем более она путем превращений во время войны из регулярной постепенно обратилась в милицию. Начинается усиленное дезертирство, невозвращение отпускных и командированных в тыл, укрывательство в тылу под всеми предлогами, которым зачастую потакают сами тыловые власти, по невежеству ли, по слабости, сердобольности или разного рода протекции. Одновременно приступает к усилению своей работы пропаганда пораженческих партий, усвоивших себе лозунг — «чем хуже, тем лучше»; их объект, в первую очередь, — все тыловые учреждения армии и отдельные люди, находящиеся в тылу. Когда, наконец, регулярная армия, уступая этому психологическому натиску с тыла, качнется, тогда та же пропаганда старается из людей, отвыкших от правильного труда, приученных к продолжительному дармоедству в окопах, где даже опасность под влиянием новейшей техники уменьшена до незначительных размеров, составлять ячейки для образования впоследствии вооруженной силы, послушной в руках демагогов. Эти ячейки — предтечи Красной армии, истинного дитяти современной милиционной системы с ее несметными по численности и ничтожными по качеству полчищами. Так «товарищ-дезертир» становится баловнем судьбы и основателем нового, чисто современного вида воинства, готового ко всякого рода революционным или иным переворотам. По такой именно схеме готовится гражданская война современности. Примеры подобного превращения внешней войны во внутреннюю и армии регулярной в Красную прошли на наших глазах в России, Венгрии и Германии. Разная

степень успешности этих превращений *не уменьшает равной степени поучительности таких примеров.*

Следовательно, современные полчища прекрасно готовят население к гражданской распре, а крайним партиям куют наиболее для них подходящее оружие. Ленинское «повернуть оружие против государства», как это и показывают многочисленные опыты нашего времени, вполне возможно, и за Лениным лишь остается честь первого разоблачителя этой возможности при особенностях армий наших дней, милиционных и пропитанных партийными ячейками. <...>

Вообще говоря, современные полчища, обнаружив много трещин в своих чисто военных качествах, представляют собою прекрасный материал в руках демагогов. Не рискуя властью в чрезмерное преувеличение, можно сказать, что они *лучше подготовлены для внутренней политической борьбы, чем для надежной обороны государства.* Нынешние полчища на всех парах стремятся в лапы демагогов, желающих, при посредстве вооруженной борьбы классов, достичь намеченного переворота.

Кроме того, *они недурное орудие также и для достижения всякого рода партикуляристских политических стремлений.* Свидетельства тому, хотя бы — Фиумское начинание Д'Аннунцио, борьба Кемаля-паши, предприятие Венизелоса в период Великой войны, авантюра генерала Желиговского в Вильне, курляндские формирования фон-дер-Гольца, вооруженная деятельность Петлюры, выступление морской бригады Эрхарта в Берлине во время реставрационной попытки, вооруженная работа ирландских син-фейнеров, быстрое сформирование таких армий, как грузинская, азербайджанская, эстонская, латвийская, деятельность одновременно и противокочаковская, и противобольшевистская атамана Семенова, Зеленые армии и прочие.

Приведенного десятка примеров достаточно, чтобы с фактами в руках доказать ту простую истину, что в существующей массовой вооруженной силе живет столько же политических идеалов, сколько их находится в толще народной. Партийная и политическая борьба, поэтому, без особого труда может быть перенесена в ряды воинства.

Наряду с другими в них, разумеется, найдут свой приют и *идеалы патриотические и государственные, но только наряду с прочими.* Хорошо, если существующее государство не окружено еще несчастьями настолько, чтобы не обнаружить своей моральной слабости перед массами, всегда поклоняющимися только силе, но беда, если такое нравственное равновесие покачнулась, - партикуляристские стремления придут первыми, чтобы разрушить единство дисциплины в армии. Таковы неопровержимые законы милиционности: она всегда партийна.

Здесь будет уместно поднять голос против того возражения, которое автор уже чувствует в качестве ответа на его примеры из практики последнего времени. Это возражение несомненно будет очень просто: к чему эти примеры, раз они ни что иное, как частные случаи и исключения?

Снова и снова приходится напомнить, что случаи, имевшие место в русской армии во время первой революции 1905 г., рассматривались тоже как частные случаи, и у всех перед глазами, что получилось от такого отношения к предупреждениям, прозвучавшим как первая угроза. Когда частных случаев так много, когда все они похожи друг на друга, как родные братья, когда они берутся из практики разных народов, они перестают быть исключениями, и пора постараться перейти от частной к общей им всемирной причине. Это милиционность.

Для благоразумных угрозы спасительны, лишь для самоуверенных они губительны.

На почве партикуляристических течений, свойственных современной пестрой в психологическом отношении вооруженной массе, *получается среда очень благодарная для развития авантюризма и для работы авантюристов.*

Тут богатое поле деятельности для неудовлетворенных честлюбий профессиональных военных; здесь убежище для начала «новой жизни» тех из них, у которых прошлое нуждается в забвении; в этой среде, как ни в какой другой, могут найти свою карьеру неудачники всех профессий, недоучки, вырожденцы, садисты всякого рода насилия; здесь открывается путь к власти и быстрому обогащению для всех тех, которые при нормальных условиях жизни осуждены были бы на забвение и жалкое прозябание. Лозунгом всей этой толпы служит слово «держай», и в нем — их сила и значение. Значение не только ради их личных интересов того социального переворота, которому они служат. Отсюда становятся понятны и объяснимы их головокружительные карьеры, казалось бы до нелепости неожиданные.

Выше было доказано, что в периоды после тяжелых внешних войн образуется среда весьма благоприятная для рождения всякого рода хищников и хищнических appetитов, насильников и насильнических инстинктов. Однако, было бы несправедливо все валить на войну. Иной раз внимательному наблюдателю становится ясно, что еще до грозных раскатов боя среди того или другого народа начинает культивироваться насилие как идеальный стимул. Не то ли мы видели в Германии в виде произведений Ницше и в России в творениях Максима Горького с его дерзновенным босячеством?

Выходит, что самая идея бродит в народе уже давно, что война ли, революция ли только выявляют ее и что в этих случаях, как

в прочих социальных явлениях, нет сюрпризов для тех, кто внимательно наблюдает и «частные случаи» не считает «исключениями», а, наоборот, признаками общих явлений, гнездящимися в современной среде. Это последнее правило особенно важно в тех обстоятельствах, когда, как это наблюдается с полчищами, частные случаи становятся навязчивыми.

Демагоги работают на гражданскую войну, но и гражданская война рождает демагогов и авантюристов. Пестрота корпуса офицеров регулярной армии в конце внешней войны облегчает этот процесс. *Среди офицеров военного времени, военных по боевой своей подготовке и глубоко штатских по прочим отделам своего мировоззрения, часто тесно связанных с политической партией в течение всей своей жизни до вступления в ряды войск, партикуляристские формирования могут найти богатейший материал для пополнения командного состава.* Самым неподходящим для этого элементом будет слой профессиональных офицеров мирного времени. Жорес глубоко прав и обнаруживает удивительное для невоенного проникновение, доказывая целым рядом красноречивых примеров органическую аполитичность военных по ремеслу.

Зато среди офицеров военного времени и даже среди солдат с большим боевым опытом партикуляристские формирования находят необходимый командный состав, разнообразие которого, конечно, неминуемо.

Что касается начальников из солдат, то на этом вопросе ввиду важности его не мешает остановиться. Людендорф в своих воспоминаниях с горечью и с удивлением останавливается на обнаружившемся во время революционного развала германских войск в осенние дни 1918 г. разлада между офицерским и унтер-офицерским составом. Он не находит этому объяснения и потому удивляется. Мало того, Людендорф старается объяснить подобное явление искусственной и искусной пропагандой. Ее, конечно, было бы недостаточно, если бы для нее не было подходящей благодатной почвы. На примере возмущения германского флота почва эта уже выяснена с надлежащей определенностью, а именно — неудовлетворенные честолюбия и разрушенные надежды и ожидания унтер-офицеров, получивших огромный боевой опыт и, несмотря на это, обходимых «зеленою» молодежью, которая только на основании полученных аттестатов и существующих социальных перегородок без всякого труда получила офицерские эполеты. На этой почве зародилась та роковая ревность, которая морально разлучила офицеров и унтер-офицеров и которая последних толкнула в сторону революции. Они в дисциплину внесли революцию, но зато и в революцию внесли дисциплину.

Во французской армии, где перегородка между офицерами и унтер-офицерами была менее значительна и где для последних даже в мирное время не была закрыта дорога к офицерским чинам, этого внутреннего разрыва в командном составе не случилось, и это была одна из причин слитности французской армии во время войны.

В то время как профессиональный корпус германских унтер-офицеров в течение всей войны послужил главнейшей спайкой солдатских, столько раз сменившихся кадров, у французов не было соответствующего института, проведенного с такою последовательностью. Но зато у французов не было и той непереходимой между офицерами и унтер-офицерами перегородки, которая в Германии из унтер-офицеров, опоры армии, сделала опору революции и военного бунта. Людендорф этого не понял потому, что он, как и многие современные военные, не уясняет демократической сущности нынешней переменной вооруженной силы. Этот демократизм ее должен проводиться до конца, или система должна дать трещины, что случилось в Германии под влиянием тяжких испытаний конца 1918 г.

Когда волею судеб полчища обратятся в революционное воинство, когда раскаты гражданской войны раздадутся по пространству того или иного государства, унтер-офицерский корпус, столь важный в нынешних рядах, окажется на стороне восстания, если только военный организатор еще с мирного времени не сумел быть справедливым относительно него. Этот вопрос кардинальный, от разрешения которого зависит вся устойчивость не только огромных полчищ современности, но тех новых образований, появление которых в более или менее ближайшем будущем предвидит настоящий труд.

Без слов ясно, что и прочие профессиональные солдаты во всех отношениях подходят под те требования жизни, которые отмечены только что.

Велико разнообразие вождей партикуляристских вооруженных выступлений. Чтобы убедиться в этом, стоит только бегло восстановить в памяти список таких случайных вождей. Д'Аннунцио — известный поэт, Махно — двойной убийца: брато- и женоубийца, уголовный каторжник, Брусилов — главнокомандующий и генерал-адъютант Императора Николая II, Буденный и Думенко — вахмистры, Галлер — австрийский полковник, Антонов — политический ссыльный и революционер, Петлюра — сельский учитель, Кемаль-паша — турецкий генерал, Сорокин — из фельдшеров сделавшийся главоверхом, Желиговский — польский генерал, основавший самостоятельную Вильну, Бела-Кун — австрийский дезертир, Булак-Балахович — русский штабс-ротмистр, Крыленко — обозный прапорщик, Семенов — царский казачий офицер,

полумонгол, полурусский, Троцкий — политический эмигрант и революционер, Григорьев, гроза Одессы — царский офицер, Керенский — адвокат, Бермонт — военный капельмейстер, Раковский — революционер и штатский, Сытин — царский генерал с замаранным личным прошлым, Подтелков — глава донских большевиков и бывший гвардейский урядник... Из этого случайного перечисления ясно, что подобные вожди пополняются не всегда из рядов армии, вернее говоря, важнейшие или популярнейшие из них — Троцкий, Бела-Кун, Петлюра, Крыленко, Махно, Д'Аннунцио, Венизелос, Раковский или штатские, или военные только по призыву и по имени, а не по карьере. Уже по одному этому легко составить себе понятие о степени податливости современных полчищ всякого рода пропаганде и партикуляризму. Человек, который имеет своим лозунгом «дерзай», при известных внешних условиях всегда может рассчитывать увлечь за собою часть нынешней, так называемой регулярной силы.

Оставляя в стороне тех из перечисленных выше вождей, которые работали над увлечением массы за своими партикуляристскими лозунгами в силу своих убеждений, обратимся к тем из них, которые перекрашивались в соответственные модные цвета, не останавливаясь даже перед разложением государственной вооруженной силы.

Типичными представителями таких главарей являются Брусилов, Голубов и Сытин. Учитель верховой езды до чина генерал-майор включительно, сам великолепный наездник, Брусилов заслужил этим благосклонность Великого Князя Николая Николаевича, постоянного покровителя конного спорта в армии. Никогда ничем предварительно не командуя, Брусилов получил вторую гвардейскую дивизию. Через короткий срок он уже командовал корпусом, причем перед отъездом к новому месту служения во время прощального обеда в присутствии Великого Князя Николая Николаевича на глазах многих присутствующих поцеловал руку у своего августейшего покровителя в знак признательности за незаслуженные милости. Война была также благосклонна к Брусилову, человеку «случая»: знаменитый его прорыв 1916 г., обязанный своим успехом серьезному, талантливому и скромному его начальнику артиллерии *генералу М.В. Ханжину*, прославил не этого выдающегося артиллерийского генерала, а Брусилова, который не сумел даже эксплуатировать без личного труда доставшуюся ему победу и не справился с задачей массового кавалерийского преследования, невзирая на свою кавалерийскую специальность. Однако, *искусная реклама свила вокруг Брусилова победный ореол*. С началом революции Брусилов, не ожидая соответствующего приказа по армии, поспешил снять со своих погон генерал-адъютантские вензеля и душой привязался к Ке-

ренскому, который любил его почти так же, как и Великий Князь Николай Николаевич. Результат — назначение Верховным Главнокомандующим. К этому времени относится мнение, старательно распространяемое женою Брусилова, на которой он женился всего пять лет перед тем, что «Алексей Алексеевич уже свыше двадцати лет социал-демократ».

С большевистским переворотом любовь Брусилова перенеслась соответственно на Троцкого, который, думается, один из всех покровителей этого генерала-куртизана по профессии, не заблуждается насчет его сущности, но пользуется им как фирмой без внутреннего содержания. Отсюда удаление Брусилова от ответственных командных постов Красной армии. Гуттаперчевая эластичность вести подобный вождя весьма удобное качество для тех периодов болезненных переживаний, которым, под влиянием политических перемен, подвержены нынешние полчища. *Это качество — поле для измены и для лакейства.*⁴²

Но кто был Голубов и что совершил он?

«Донской казак, бывший питомец Донского корпуса и Михайловского артиллерийского училища, он молодым офицером Донской артиллерии рано бросил службу и возвратился на таковую лишь в дни войны».

«Авантюрист в чистом виде, храбрый, даже отчаянный, пьяный, разнузданный, совершенно беспринципный, душевно неопрятный, — он прикоснулся к яду социальных учений в период своего дополнительного образования в зрелом возрасте в училище шкиперов. Дальше мы видим Голубова студентом Томского университета, но во главе студентов “нереволюционного крыла».⁴³ Это был тот самый Голубов, который избил в те дни редактора местной томской газеты за неодобрительное отношение к делам, где был замешан и Голубов.

Мятежная его душа не знала покоя. Обыкновенный разум его не смог разобраться в плохом и хорошем, не смог все это совмес-

⁴² Схожий тип представляет собою “правая рука” Троцкого генерал Балтийский, но только по сравнению с Брусиловым он, конечно, всегда плывал более мелко. Слишком искательный и угодливый перед бывшим военным министром ген. Сухоминовым, он был за это с началом революции отставлен от активной службы. С пришествием большевиков он, не долго думая, предложил свою помощь Троцкому, с которым сделался неразлучен. На его активе с той поры числится “Брестский договор”, положивший начало расчленению России, и этою ценою - начало личной карьеры Балтийского, и расстрел 54000 офицеров старой армии, бывших товарищей по оружию этого генерала.

Тем более странно читать на страницах “Exceisior” (10 июня 1922 г. №4191) отзыв о Балтийском, как о “русском Мольтке и мозге Троцкого. Его цель, якобы пренебрегая предрассудками русской военной среды, сберечь неприкосновенность границы России (это после Бреста) и армии (это после уничтожения ее офицерского кадра).

⁴³ Генерал Денисов. Записки. Гражданская война на юге России. № 32.

тить, и Голубов давно уже начал жить не разумом, а мятежным сердцем.

Дослужившись, в конечном результате, до штаб-офицерского чина, он с первых же дней «Великой бескровной Российской революции» определил себя в Атаманы войска Донского и с этой мыслью уже не расставался.

Гнусное поведение Голубова в 1917 году вынудило даже атамана Каледина арестовать его в ноябре месяце, дабы положить предел его пагубной деятельности, но⁴⁴ вскоре все же ему была возвращена свобода.

«Между тем Голубов понимал, что путь к трону в годину лихолетья прокладывает только вооруженная сила и потому приступил к набору верной себе дивизии из 2, 10, 27, 44 донских казачьих полков».⁴⁵

Подбор частей был сделан очень искусно, в частности относительно 10 полка и полков его территориального звена, 27 и 44. Комплектованные казаками из рабочего Донецкого района эти части, окруженные чуждым им населением, в то же время в силу этого отличались особой «казачьей» сплоченностью. Знакомые с детства с вожделениями шахтеров и рудокопов, они не нуждались в дополнительной своей революционной обработке.

«Все это учел Голубов, — и не ошибся».⁴⁶ Во главе своих казаков он ворвался на заседание Донского Круга, лично сорвал погоны с Донского Атамана ген. Назарова, арестовал его и председателя Круга, дерзким окриком разогнал последний и овладел властью в качестве «революционного атамана».

«Голубов торжествовал, и его счастью вторило «ура» пьяной черни, которая уже хозяйничала в городе. Обыски, расстрелы, доносы, предательства, пьянство, аресты, разгул, разбой, грабежи, пожары и прочие прелести большевистского рая были наградой «осиному гнезду», как давно называли Новочеркасск Керенский, Ленин и послушные агенты».⁴⁷

Наконец, *третий, но менее поучительный тип офицера*, ищущего карьеры среди смут и бедствий гражданской распри. Это Сытин (Павел), жизнь которого можно отметить следующими типичными чертами. С внешностью и с содержанием гоголевского героя-шулера, знаменитого Ноздрева, в молодости исключенный из Генерального штаба за нечистую карточную игру, переведенный за это «в наказание» в артиллерию (точно этот род оружия мог терпеть шулеров?), во время Великой войны добрался до должности начальника дивизии, причем при назначении на тако-

⁴⁴ Idem, стр. 32.

⁴⁵ Там же, стр. 34.

⁴⁶ Там же, стр. 36.

⁴⁷ Idem, стр. 36.

вую разыгрался следующий эпизод. Командир корпуса, в состав которого входила дивизия, в последнюю минуту перед этим назначением, сделанным по настояниям тогда командовавшего IX армией генерала Черемисова, случайно осведомился об упоминутном «пятне» на репутации Сытина и просил Черемисова отменить назначение, последний решительно отказал в просьбе, хотя и сказал при этом, что и ему кое-что как будто бы известно по поводу «пятна».

В дальнейшем, как и следовало ожидать, это сальное пятно расплылось. Тотчас же по прибытии к дивизии, одной из лучших во всей Русской армии, обязанной этим прежнему начальнику генералу Ваденшерна, Сытин вместе со своей, всюду сопровождавшей его любовницей занялся демагогическим развращением своей части. Фактически командования не было никакого.

Когда случился большевистский переворот в Петрограде, Сытин, хотя это нисколько не требовалось от корректного строевого начальника, послал телеграмму с выражением строгого порицания большевикам и своей преданности правительству Керенскому. Но через несколько дней, когда, сверх общего ожидания, обнаружилось полное банкротство последнего и вырисовалось возможное окончательное торжество большевиков, Сытин отправил телеграмму с выражением своей преданности Советам. При этом из солдатских комитетов он не вылезал, ведя в них соответствующую пропаганду, или вернее, стараясь подыграть сквернейшим солдатским элементам, в то время начинавшим подымать голову. После уничтожения Ставки и водворения на развалинах ее пресловутого нового Главковерха, обозного прапорщика Крыленко, он отправил к нему своего доверенного тайного посла, одного своего офицера, Зарембу, который привез от Крыленко предписание «устранить корпусного командира и начальника штаба корпуса». Это и было верхом желаний честолюбца Сытина, мечтавшего о poste корпусного командира. Но тут произошел неожиданный эпизод. Солдатский комитет, за которым он так ухаживал, назначил на эту должность солдата, приставив к последнему Сытина в качестве начальника штаба корпуса. Таким образом, честолюбие было больно уязвлено назначением на низшую должность.

Вскоре, однако, взбунтовав два корпуса, Сытин сделался как бы начальником штаба маленькой армии и объявил поход на Яссы, где в то время размещалась Королевская главная квартира и штаб русского командования. Этот поход потерпел полное фиаско, благодаря принятым энергичным мерам, и Сытин на нескольких десятках автомобилей со своими приверженцами, членами большевистских комитетов, и денежными кассами, уехал к австрийцам, а затем через их расположение к большевикам.

Вскоре он появился в Кремле на представлении Троцкому во главе группы таких же, как он, перебежчиков. Здесь им всем пришлось выслушать известный комплимент Троцкого: «Не могу обеспечить Вам личной безопасности, но могу гарантировать верную смерть в случае измены».

Отметивши словом «измена» свой меткий диагноз, Троцкий, однако, послал Сытина в Киев в составе делегации для заключения перемирия с украинским правительством гетмана. Здесь Сытин был не в духе и, встречаясь со своими бывшими сослуживцами, в интимных разговорах уверял, что большевистскому делу скоро капут, причем *пробовал вновь конвертироваться*.

Однако большевики удержались у власти, удержался и Сытин. Это он командовал против Деникина, когда последний двигался победоносно к Орлу, и не его вина, если белые катились безудержно вперед. Со свойственным Сытину чисто ноздревским хвастовством он, не унывая, повторял: «Держись Деникин, Антон, посмотрим кто кого».

Как бы то ни было, новая измена была не за горами. Теперь Сытин — за границей, в Германии, где во всяком случае может продолжать свои ноздревские подвиги в ожидании крушения большевистской власти, близость которого показывает самый факт присутствия Сытина среди эмиграции.

Мы дали три типа офицеров, перекрашивающихся под влиянием событий гражданской войны в поисках своей личной карьеры, которая, по их мнению, должна не погибнуть одна среди общего крушения: Брусилов-куртизан, Голубов-адъютант-демагог и Сытин-Ноздрев по психике и по профессии изменник в семье, в карточной игре, на службе, в политической деятельности, изменник Временному Правительству, изменник большевикам, изменник в прошлом, изменник в будущем.

Сытин как тип гражданской войны особенно поучителен своей распространённостью; его главный стимул — дерзай ради личной выгоды.

<...> Ослабление националистических импульсов и усиление классовых и интернациональных, большевистская борьба против национальности и поэтому против патриотизма, вкрапление в самые ряды милиционных полчищ современной политической борьбы, экономические затруднения в мировом масштабе, влекущие такое положение, когда образовались народы-богатеи и народы-бедняки, когда имущественная глухая борьба классов довоенного времени превратилась в глухую такую же борьбу народов и когда как прежде классы населения, так теперь народы не могут выйти из затруднений по причине полного сплетения взаимных интересов и отсутствия иной раз желания, иной раз

умения идти на обоюдные уступки, — все это до крайности обо-стрило опасность переживаемого момента.

«Опасность вокруг нас, — воскликнул А. Бран в своей известной речи на Вашингтонской конференции, — над нашими головами. Мы ее чувствуем блуждающей везде».⁴⁸

Голосу военных специалистов долг совести диктует необходимость предупредить мир, что она бродит и в рядах армии и готовит последнюю к гражданской войне. Такая война неизбежна, раз народы не найдут выхода из социально-экономического тупика, обрисованного выше. На почве непримиренных международных социально-экономических интересов может и должна возникнуть жестокая борьба классов. До войны сдерживающим началом в ней было государство, после войны оно может потерять свой авторитет, если не сумеет наладить международной кооперации. И тогда полное раздолье коммунизму, на что и надеются Ленин и К.

До последней войны интересы народов уже были достаточно тесно сплетены, особенно в области экономики. Но эта взаимная зависимость во всей своей широте сказалась только во время кампании, без чего оказалась невозможной победа, и, главным образом, после войны, когда становится все более и более ясным, что без международной кооперации невозможен мир, особенно внутренних.

Под влиянием подобных переживаний патриотизм, как главная спайка государства, нередко начинает тускнеть в представлении некоторых политических партий и вместе с ними у некоторых оппортунистически настроенных современных военных, наличие которых в нынешних полчищах, часто еще в скрытом виде, можно считать уже доказанным.

Патриотизм, как и всякая политическая сила, нуждается в организации. Эта организация в исторический период уже много раз эволюционировала. Патриотизм прежнего царского типа, подразумевавшего полное невмешательство народной массы в управление своими историческими судьбами, в наши дни сменился патриотически осмысленным порывом всей народной толщи. Последняя, прежде чем дать соответствующее действенное настроение, должна знать, что и почему именно творится от ее имени и за ее счет и страх. Разница патриотических настроений Франции и Германии во время последней войны в том и заключалось, что у немцев они были характера цезаристского, тогда как у французов строго демократического. База первых поэтому оказалась слишком узкой, чтобы быть устойчивой. Отсюда жалобы Людендорфа на то, что германские чиновники, с канцлером во

⁴⁸ Le Matin, 23. XI. 1921, № 13762.

главе, делали слишком мало, чтобы поддержать народный порыв (точно это было во власти и в возможностях чиновников?) и отсюда же, опиравшийся на широкую базу французской демократии, диктаторский образ действий Клемансо.

В настоящий момент коммунисты воспитывают в массах новый вид патриотизма классового, основанного на полном презрении государства. База этого учения — воспитанные войною анархические представления о морали и взлелеянные ею же экономические бедствия. Этот вид воспитания народа тем легче, что весь аппарат демократии — в распоряжении новых бойцов за новые идеи. Другой вопрос, с каким вниманием этот аппарат пойдет за новаторами, и вообще пойдет ли за ними. Это вопрос причин внешних, независимых от него. Но факт остается фактом.

Типы народной войны строго отвечают типам народного движения, охарактеризованным выше. *Цезаристский период* можно назвать временем мало благоприятным для возгорания народной войны: здесь она будет или ничтожна по своему развитию (1812 г.) или ее просто будет невозможно организовать. *Демократический период* характеризуется возможностью больших народных восстаний, если только силы страны не истощены уже призывами (Гамбетта) и, наоборот, если истощение уже последовало (Германия в 1918 г.). В последнем случае восстание народное возможно только против своего государства, восстание гнева народного против своей власти и своей демократии, восстание анархического типа, предтеча того нового периода, о пришествии которого через всеобщее разрушение и анархию мечтают коммунисты.

Придет он или не придет, — решение этого рокового вопроса зависит от того, какую форму примет и какое содержание усвоит вооруженная сила страны.

В цезаристский период народная война не знала ничего, кроме партизан, в демократический — она знавала целые импровизированные армии (Гамбетта), в анархический — ее формы выльются в банды, как это бывало в России, пока из этих банд и шаек не сформировалась постепенно Красная армия.

Следует отметить особенность нынешних полчищ. Насколько регулярная армия в наше время способна терять свою организационную солидность и даже, под влиянием политических и социальных обстоятельств, рискует нередко своей целостью, настолько же и народная война способна отрегуливаться.

Самая регулярная армия будет питать Красную теми элементами, которые часто оставляют желать многого с этической точки зрения и не оставляют нередко желать ничего лучшего с точки зрения технической. Сама интеллигенция страны, поставленная в невозможные материальные условия существования, будет по-

полнять кадры Красной армии, которая таким способом мало-помалу из сборища банд дезертиров, живущих грабежом и насилием и работающим только ради грабежа, обращается в регулярную силу.

В конце концов Красная армия может просто поглотить регулярную, существовавшую до возникновения гражданской, что и случилось на наших глазах в России. В Венгрии этот процесс был еще поучительнее и оригинальнее. Здесь регулярная армия превратилась в один прекрасный день в красную, а затем вновь переродилась в регулярную прежнего типа. И все это на протяжении времени менее года. Не прошло после этого еще двух лет, как та же Венгерская армия, узнавшая случайных авантюристических красных главарей, уже участвует в реставрационной монархической попытке.

Такова подвижность современной военной системы и такова ее чуткость к разным политическим веяниям и крайностям. Нынешняя армия богатое и благодарное поле для демагогии.

Если Красное воинство обнаружило способность принимать регулярные формы, то в то же время, подобно всякой регулярной армии современности, оно обнаруживает не меньшую склонность к своей индустриализации. Конечно, вследствие неизбежного для анархии разрушения промышленности страны это условие будет соблюсти гораздо труднее, чем усвоить внешние формы регулярного устройства войск, но это все же не исключается, в особенности в странах с богато оборудованной промышленностью. Как показывает опыт России, невзирая на все невообразимые затруднения для фабрик и заводов, они все же смогли в крайне необходимой мере, в течение довольно долгого времени справиться с нарядами, даваемыми им для целей обороны.

Эта склонность нынешней народной войны принимать, по возможности, регулярные формы во всех отношениях иногда носит даже комический характер. Так при отходе к Новороссийску генерала Деникина после понесенного им последнего поражения, когда многочисленные его дезертиры образовали в Кавказских горах так называемую Зеленую армию, вооружившуюся во имя «нейтралитета» и «мира», было установлено старательное копирование этими дезертирами всех новых порядков регулярной силы: у них были штабы, оперативные отделения, управления снабжениями, словом, вся техника регулярного войска.

Причину и объяснения этого явления нужно искать в популяризации военного искусства в массах населения при посредстве всеобщей воинской повинности и последней большой войны. Такая *вульгаризация военных знаний* очень увеличивает вероятность для возникновения гражданской войны: главари крайних партий, ищущих прямого действия, имеют возможность, благодаря

популяризированной военной технике, рассчитывать на успех своей политической тактики.

Приведенных факторов, думается, достаточно для вывода о том, что сама регулярная армия, построенная на началах всеобщей воинской повинности, является лучшей школой для воспитания элементов, нужных гражданской войне. Она дает ей ту технику и те знания, которые необходимы главарям восстания, начатого во имя того или иного политического идеала.

Переходя к организации и тактике гражданской войны, должно на первом месте отметить *«районность» ее и прикрепление к местности*. Первые ее фазисы, наиболее ответственные моменты организации, построены на сочувствии местного населения и на богатстве местных средств. *Выбор района казачьих областей для начала формирования Добровольческой армии показывает правильный взгляд генерала М.В. Алексева на этот предмет*. Казаки были тот прочный элемент, который менее других в России был подвержен большевизму, и в то же время области Донская, Терская и, особенно, Кубанская изобиловали запасами всякого рода. Не вина инициатора формирования, если впоследствии вследствие ненужных резкостей были испорчены отношения с казаками, и поэтому Добровольческая армия морально лишилась своего богатого плацдарма.

Точно так же такой же удобный плацдарм и по тем же причинам представляет собою Украина, и именно вследствие этого на ней гражданская война, вот уже свыше четырех лет, не прекращается ни на один день. К сожалению и здесь не было достаточно широкой и грамотной организации, чтобы обеспечить ей полный успех.

Именно в силу «районности» гражданской войны, в начальный, организационный ее период, и важны захваты пунктов и путей, особенно железнодорожных, и, среди других узлов, конечно, столиц, как нервных центров страны, *откуда распространяется по всему пространству государства власть*.

В этом отношении принципы ведения операций гражданской войны противоположны принципам ведения войны внешней. Последняя требует разбития живой силы врага, а затем уже овладения столицей и местностью. В борьбе внутренней рассчитывать разбить регулярную армию в первый период восстания не приходится. Поэтому лучше овладевать пунктами, затрудняющими или даже совершенно парализующими сообщения и управление у противника.

В этом отношении действия русских и венгерских большевиков заслуживают внимания. Они начались с захвата столиц. Тогда как в Германии и в Италии при подобных же вспышках руководители мятежа пренебрегли этим условием или были лишены всякой воз-

возможности их осуществить, и восстания были потушены в короткий срок.

Как и во многом в жизни, занятие столиц во время гражданской войны дает и свои выгоды, но может послужить и к невыгоде. Последнее неминуемо в тех случаях, когда молодое воинство, уже подготовленное условиями гражданской борьбы к известному моральному упадку, не найдет в себе духовных данных противостоять ему. В таком случае столица делается для него «Капуйей». Возможность веселой жизни, быстрого обогащения, соприкосновение с слоями населения, не чуждыми крайних политических тенденций в лице ли интеллигенции, в лице ли рабочих, — все это может разрушить дисциплину в войсках. Подобный печальный исход тем более возможен, что во время гражданской войны в деле участвуют нередко импровизированные воинские части, сформированные во время борьбы: они, не успев окрепнуть, под влиянием огромных столиц, могут преждевременно разложиться.

Вообще «районность» гражданской войны перед вождями ее ставит одновременно, казалось бы, два противоречивых основных требования, от удачного решения которых в равной степени зависит успешный исход борьбы. Последний безусловно кроется в том, сумеют ли вожди отдать себе отчет в этих двух исключаящих друг друга условиях и смогут ли они найти среднюю примиряющую линию. *Эти требования:* 1) необходимость удержания обширных территорий и важных пунктов и 2) необходимость сосредоточения главных сил для нанесения решительного удара.

Несоблюдение первого из условий вызовет то нежелательное явление, что местное население рано или поздно отшатнется от той стороны, которая не сумеет обеспечить его безопасности. Отшатнется, вследствие ли разочарования, вследствие ли боязни другой стороны, но непременно отшатнется. Население во время гражданской войны любит, как женщина, опираться на сильную руку. Но и армия, поддерживающая народное движение, также может бороться, только опираясь на полное сочувствие населения и его явную помощь. Если армия заставит население расплачиваться за свое сочувствие ценою слишком больших страданий, то «любовь» между населением и армией, как в несчастном браке по взаимной склонности, быстро пройдет и может даже постепенно превратиться в ненависть. Это то, что случилось с Деникиным в конце 1919 г.; между тем, летом того же года, волею судеб, он находился во главе могучего народного порыва, родившего ему, как по мановению волшебного жезла, сильную армию в 200.000 человек. Но он так часто выручал и затем вновь предавал мирное население занятых местностей, что оно окончательно изверилось в нем.

Для решения обеих основных задач, отмеченных выше, Деникин растянул свою армию по всему фронту от Волги и Царицына через Орел до польской границы у Проскурова на общем протяжении около 2.000 километров и пытался частями все той же армии обеспечить и огромную область своей тыловой территории, равную соединенной площади Франции и Германии. Задача, конечно, не решаемая теми силами, которые имелись у Деникина. Ясно, что при упрямой попытке решить ее все же таким именно образом получилось положение, когда в момент наиболее критической борьбы, осенью 1919 г., на главном направлении у Орла оказалось всего 6.000 человек из 200.000. Деникин был в это время везде равно слаб.

Чтобы избежать подобного положения, исход один: по возможности не тратить армию, хотя бы импровизированную, что свойственно гражданской войне, на обеспечение «районов» и *создать для этой цели новый вид вооруженной силы, имеющей свое специальное назначение и прибегающей к своей особой тактике.*

Обыкновенно в населении можно отделить два резко отличных элемента: один, способный на активную борьбу и годный для пополнения армии, и другой, пригодный только на пассивное сопротивление для защиты своих очагов. Нужно уметь их использовать в пределах их способностей. *Великое заблуждение Деникина* было в том, что он не делал разницы между этими категориями населения и, настаивая на «отбывании всеобщей воинской повинности» согласно законоположениям, существовавшим в России не только до войны, но и до революции, испытывал и выражал великую досаду на население, когда оно, случалось, не отвечало его призывам в тех размерах, как это было желательным канцеляриям штаба, ничего не забывшего и ничему не научившегося.

Было напрасной иллюзией надеяться, что все имевшиеся в занятых территориях офицеры и все люди призывных возрастов откликнутся с одинаковой готовностью идти ли в армию для дальних предприятий или же для ведения местной, районной войны. Было много не только среди офицеров и мирных жителей, но и между военным по наследственным преданиям населением казачьих областей таких, которые готовы были бы на местную борьбу, но не двинулись бы в дальний поход. Быть может это с первого взгляда покажется малопочтенным, но *такова природа гражданской войны, и военному организатору ее необходимо с нею считаться. Против природы переть вообще не рекомендуется: это неразумная борьба со стихиями, не обещающая ничего, кроме конечной неудачи.*

А между тем помощь и содействие пассивных слоев населения совсем не такой пустяк, чтобы им пренебречь. Кто эти пассивные люди? Это большею частью главы семейств, у которых не хватает духу бросить на произвол неумолимого случая гражданской бойни свои семьи; это люди, не решающиеся покинуть на волю судьбы все свое состояние, скопленное нередко трудами всей своей жизни; это те, которые еще не решаются уверовать в окончательный успех движения и которые, поэтому, осторожничают; это местные люди, ставящие местный интерес превыше всего; это люди, не знавшие в течение всей своей жизни бранной борьбы и неожиданно поставленные лицом к лицу с нею, — естественно их замешательство; это также и временно утомленные борьбою и ее переживаниями; наконец, это и те, которые, пользуясь смутю и ненормальностями жизни в период гражданской войны, блюдут свой узко-эгоистический интерес, шкурники и спекулянты. Из этого краткого и, конечно, далеко не полного перечня ясно, что в среде пассивного населения можно и должно найти круги, пригодные для «местной», «районной» борьбы и работы рука об руку с регулярной силой во имя тех же конечных целей. Эти здоровые тыловые элементы с готовностью возьмутся и за оружие для защиты своих очагов и семей, и за дело обуздания темных дельцов тыла. Из этих, то здоровых элементов и должен быть создан особый вид вооруженной силы, которого не знает нормальная война и который свойственен только гражданской. Это партизаны, банды, партии, местные отряды обороны и охраны. <...>

Психологически воинство гражданской войны отличается полнейшим сходством с «массою», с обычною пестротю ее внутреннего состава, с ее малою или случайною внутреннею спайкою, с ее партийностью, с ее партикуляризмом, с ее авантюризмом, с ненадежностью ее дисциплины. Раз такое психологическое сходство установлено, уже будет безразлично, какие цифры определяют численность такого воинства. Не они для нас интересны, но лишь психология. Сверх того нужно установить, что гражданская борьба неминуемо ведет и к физическому возрастанию «массы», так как причина этого кроется в механизации современной войны. Естественно, что при всей наклонности даже и импровизированного войска гражданской войны механизироваться при первой к тому возможности, последняя представляется для него и редко, и в формах далеко не полных. В таких случаях, когда такому войску придется иметь дело с регулярными армиями, ему придется чем-нибудь возмещать недостаток своей механизации. Чем же можно заменить его, как не массою и не гекатомбами, право на которые командная власть такого воинства получает в силу существующего народного порыва и экстази-

ческих настроений повинующейся ей массы? Поэтому здесь, как нигде, может сойти безнаказанно для командования тактика «солдатского горба». Богатая практика Красной армии тому громкое свидетельство.

Центробежные течения, свойственные подобной «массе», как всегда служат слабым ее местом, ее ахиллесовой пятой. Как быстро такое воинство может собраться, так точно не менее быстро оно может и развалиться. Во время своего существования такая вооруженная сила в силу естественных законов своей внутренней организации нарастает или тает в зависимости от развития успехов, от неудач, от времени года, от погоды, от наличия или от гибели того или иного вождя, от силы или упадка его личного влияния, от внешних политических факторов и пр.

Такая неустойчивость организации, которую лучше всего сравнить с летучими песками, то образующими дюны и барханы, то взмывающимися в воздух в виде пыльных смерчей, то лежащимися мягким ковром, составляет основное качество импровизированной вооруженной силы гражданской войны, ее «массы».

Из всех изученных нами типов военных операций *только гражданская война требует подвижности и организации неумолимо и неотвратимо*. Мало того, горе тому вождю, который собирается вести гражданскую вооруженную борьбу, не отдавая себе ясного отчета в этом. Он сделает крупную ошибку психологического расчета, от которого будут уже губительно зависеть и все прочие расчеты, политические, стратегические, тактические и, что главное, организационные. В этом заключается главнейший промах практики Деникина. В этом будет заключаться и грех большинства регулярных вождей, которые не способны к свободному творчеству в этой организационной области.

Вот почему, между прочим, здесь революционные вожди, часто даже невоенного происхождения, как Троцкий, имеют несомненное превосходство над регулярными, казалось бы, опытными и часто талантливыми полководцами. Они привыкли изучать психологию народного недовольства и научились его организовывать и им пользоваться. Для них не секрет пружины, двигающие «массы», в то время как регулярные вожди привыкли полагаться на умовой расчет в организации, революционные главари понимают, что и тут еще не все и что все дело в порывах и в чувстве, во впечатлении и в страсти, в престиже и в обаянии, в настроениях, а не в сухой логике. Если бы они этого не понимали, они не были бы революционными вождями. Самый факт прихождения их к этой миссии — доказательство понимания ими этой причудливой психологии масс и умения пользоваться ею как силою. Только при подобном понимании вождей массы гражданской войны делаются силою, в противном случае они превращаются в слабость.

Но как бы то ни было, единственный вид войны, где “масса” физически и психологически, абсолютно и безраздельно, притом с самых отрицательных своих сторон, господствует и повелевает, — это борьба гражданская. Здесь все зависит от умения вождей пеструю массу организовать целым рядом импровизированных политических и военных мер в аппарат, достаточно дисциплинированный для достижения победы.

Современная военная система, основанная на поголовном военном обучении, лучшее средство для достижения этого. Следовательно, *нынешняя армия наилучшим образом готовит массы народные к гражданской войне.*

Геруа А. Полчища. – София, 1923. – С. 293–317, 332–334.

ХАРАКТЕР НАШЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Прошло 13 лет со времени окончания нашей гражданской войны. Отсутствие материалов, неизбежное для эпохи разрухи и разложения, в которой она протекала, и недоступность для нас и тех разрозненных и случайных первоисточников, которые все же частично сохранились в архивах Советской России, конечно, не позволяют сейчас дать исчерпывающего исторически-точного ее описания. Но отсутствие этих первоисточников, обязательных для изучения истории внешних войн, не является безусловным препятствием для изучения нашей гражданской войны. Конечно, мы не располагаем архивами. *Но так ли много могут дать русские архивы для изучения нашей гражданской войны?* И так ли нужно сейчас исчерпывающее описание всех ее эпизодов и создание многотомного тяжеловесного исторического труда, значение которого может быть оценено лишь бесстрастными историками будущего. Не важнее ли подвести итоги ее опыта в тот период, когда этот опыт еще не устарел и когда *изучение нашей гражданской войны имеет еще практическое значение?*

Задачей настоящего труда, поэтому, и является не исчерпывающее описание всех ее перипетий, а лишь стремление уловить своеобразие ее характера и *понять природу гражданской войны в русских условиях в нашу эпоху*. Конечно, опыт ее условлен. Она происходила на значительно более пониженном этапе техники, чем хотя бы последняя война 1914–1918 гг. и велась в обстановке разрушавшейся материальной базы страны.

И тем не менее именно самим своим своеобразием она резко поставила проблему многогранности военного искусства и условности и относительности ценности боевого опыта войны. Во многие фетиши мировой войны она внесла свои очень ценные коррективы. Правда, что вместе с тем, она внесла еще больше нездорового в умы и военные доктрины ее участников. Разобраться во всем этом, *отмести все уродливое и уловить все ценное* и является насущной задачей современного историка нашей гражданской войны.

Попытки ее изучения, как нами, так и красными, *грешат преобладанием мемуарной литературы*. Отдельные труды красных, стремящихся обнять ее в целом, сбиваются на стремление все объяснить противопоставлением побеждающего пролетариата «отмирающему капитализму». Конечно, подобное толкование очень поверхностно, если не наивно. Но в то же время и типичное для нашей стороны стремление все объяснить лишь, главным образом, подавляющей численностью красных и тем, что населе-

ние еще не «переболело» большевизмом, конечно, тоже не вскрывает всех истинных причин нашего поражения и конечной победы красной стороны.

Нашу гражданскую войну нельзя рассматривать как некое обособленное столкновение двух мировоззрений, двух систем на территории России в 1918–1920 гг. Начатая в разгаре Мировой войны и завершавшаяся в период ее ликвидации, она тесно с ней переплеталась и связывалась. Многое в ней становится понятным лишь при разборе ее с точки зрения всего комплекса мировых событий той эпохи. Колебания военного счастья обеих коалиций в последний год Мировой войны и следствия перенапряжения, вызванного войной у всех ее участников, оказали решающую роль на ход нашей гражданской. Многое и нами, и красными во время ее ведения просто не учитывалось. Тем более важно сейчас в этом разобраться.

Слишком велика была наша ставка для того, чтобы не стремиться найти и понять причины нашего конечного поражения и извлечь из этой войны опыт для будущего.

* * *

Война, в которой обе стороны поставили на карту самый вопрос своего физического существования, после трехлетней, исключительной по ожесточенности, борьбы закончилась победой красных. Белые были последовательно разбиты на всех фронтах. Но не везде победили и красные. Финляндия, Эстония, Латвия и Польша отстояли свою независимость, родившуюся на развалинах русского фронта Мировой войны. Отстояла, захваченную в разгар русской революции Бессарабию и Румыния. Единые красные имели далеко не единственных политических противников.

Русская революция разрушила не только социальные устои, на которых держалось Государство Российское, но и те скрепы между окраинами и центральным ядром, которые лежали в основе устройства Российской Империи. Первое явление резче бросилось в глаза участникам гражданской войны. Выход России из мировой войны, диктатура пролетариата, грабеж «награбленного», сметавшая весь, веками установившийся социальный распорядок волна восставших низов и исторически окутанный мистическим ореолом «черный передел» земли крестьянством, слишком били по воображению и слишком задевали участников гражданской войны. Второе явление — распад Империи, из-за центробежных устремлений окраин, переставших ощущать притяжение разрушенного большевизмом центра, вначале осознавалось гораздо слабее, и его смысл и значение обеими сторонами сначала явно недооценивались. Красными — самоопределение народов мыслилось все же рамками нарождавшейся, по их представлениям

той эпохи, мировой революции. Белые были склонны пренебрежительно называть его «самостийничеством» и стремились к возрождению Российского Государства в пределах и формах до октябрьского переворота. Широкая автономия Польши и Финляндии была по существу максимумом допускаясь ими уступок центробежным устремлениям. Окраины стремились закрепить независимость или обособленность своего существования. Цели эти были прямо противоположны, и лишь борьба с общим для обоих противобольшевистских течений (и белого, и окраинных) врагом — большевиками временно сглаживала это коренное противоречие в целях борьбы.

Между тем центробежные стремления окраин были объяснимы. Финляндия, коренные польские земли западнее Немана и Буга, вся правобережная (то есть расположенная на западном берегу Днепра) Украина (кроме города Киева), Бессарабия и Закавказье были вовлечены в состав Российской Империи лишь примерно за сто лет до начала нашей гражданской войны. Полное замирение Кавказа относится лишь ко второй половине XIX века и только прибалтийские провинции (Ингермандландия, Эстония и Латвия) вошли в состав Империи за два столетия до начала гражданской войны.

Паралич центра в 1917 году сразу нарушил то тяготение, которое уравнивало центробежные стремления окраин. Уже февральская революция, свергнувшая создавшую из Московской Руси Российскую Империю династию, нанесла непоправимый удар престижу и собирательной способности центра. Историческая роль нашей династии в цементировании разноплеменного государства Российского и в связи центра с окраинами, безусловно, была недооценена русской контрреволюцией. Авторитету и престижу центральной власти падением династии был нанесен жестокий удар. Замена понятия Государства Российского, исторически выливавшегося в Российскую Империю, идеей Национальной России в корне нарушала те взаимоотношения между центром и окраинами, на которых держалось здание Империи. Удельный вес центра упал, а удельный вес окраин повысился. Печальный опыт растратившего за восемь месяцев своего существования в 1917 году престиж центра Временного Правительства ставил под большой вопрос собирательную способность заменившей идею общероссийской династии идеи Национальной России. Вопрос был, пожалуй, не столько в том, насколько идея монархии была возможна и уместна в эпоху гражданской войны, сколько в том, что падение династии в корне меняло иерархию отношений центра к окраинам. Взамен исторически сложившихся взаимоотношений, основанных на подчиненности интересов окраин интересам объединявшего и представлявшего общеимпер-

скую идею центра, рождалась идея договорных отношений между ними. Идея Национальной России в разноплеменной империи, наследуя традиции Российской Монархии, не обладала ни ее авторитетом, ни ее возможностями. Окраины поняли это сразу, и в этом основная причина того разнобоя в стане противников красных, который так типичен для эпохи нашей гражданской войны. Навыки и приемы Императорской России были не по плечу ее наследникам. Падение династии рождало новую эру не подчиненных, а договорных отношений между представителями общероссийского центра и центробежными силами российских окраин.

Принявшее участие в нашей гражданской войне население октябрьским переворотом было разделено на два стана. С одной стороны — правящие и имущие классы и офицерство, за счет уничтожения и разорения которых другая часть населения получила столь желанные для них мир и землю. Именно мир, какой угодно ценой, хотя бы, по образному выражению самих же большевиков, даже «похабный» и черный передел земли крестьянством, а не классовая война или «перманентная революция» Троцкого, были лозунгами, нашедшими отклик в широких слоях населения России, поддерживавших большевиков.

Но кроме этих двух основных группировок выделились еще два слоя — «наследников революции», выигравших от нее и заинтересованных в ее углублении и продолжении. Рабочему классу октябрьская революция дала власть, и его партия — коммунистическая — стала единой правящей партией в стране. С другой стороны, февральская революция ввела в правящий слой полубразованные классы, не имевшие доступа к верхам социальной (кстати, очень демократической, ибо образование давало возможность занятия самых высших постов в Империи независимо от происхождения) иерархии Российской Империи. Получив от революции доступ к верхам власти, они цепко за нее держались. «Полуинтеллигенты» или так называемая «революционная демократия» в 1917 году заставили признать их «годность» править Россией. Изгнанная из центра большевистским переворотом заменившим ее пролетариатом, она осела на неосвоенных еще большевиками к началу гражданской войны окраинах и крепко держалась за вырванные ею еще в начале революции, до большевизма, привилегии.

Наряду с этими основными группировками, среднее положение между окраинами и населением центра страны занимало казачество. Исторические условия создали из этих военных поселений на окраинах, постепенно отдалявшихся от центра Империи, совершенно самобытные, жившие в начальной мере обособленной жизнью от остальной страны казачьи территории. Экономические привилегии, сопровождавшиеся, правда, несравнимо

более тяжелыми, по сравнению с остальным населением страны, условиями несения воинской повинности, и особый корпоративный казачий дух и уклад жизни неизбежно должны были привести казачество к столкновению с нивелирующими стремлениями большевиков. Весь вопрос был лишь в том, что казачество вначале верило в возможность обособленного существования наряду с большевиками и считало, что нейтралитетом в борьбе оно сможет сохранить свои вольности. Так же, как и у окраин, связь казачества с общероссийским центром была сильно подорвана падением династии и, несмотря на общность происхождения и религии, казачество после русской революции, что бы там ни говорилось, по существу дела, не стремясь к отделению от России, все же чрезвычайно ревниво относилось к своей обособленности и с общероссийской властью стремилось войти не в подчиненные, а в равноправные, основанные лишь на договорах, отношения.

Громадная ценность казачества для вооруженной борьбы с большевизмом заключалась в том, что казачьи земли являлись исходными территориями для оформления вооруженной борьбы и давали готовые кадры живших на этих территориях бойцов. И действительно, вся история нашей гражданской войны указывает на ту громадную роль, которую сыграло в ней наше казачество, быстро, после первых колебаний, понявшее, что без вооруженной борьбы ему своих вольностей и своей самобытности от большевиков не отстоять.

Однако без вовлечения в борьбу широких крестьянских масс (составлявших около 4/5 населения России) овладеть всем массивом Российской территории не могли ни пострадавшие от революции, ни наследники октябрьского переворота. И имущие классы, и офицерство, и казачество, в противоестественном по существу дела союзе с «революционной демократией», родившемся на почве лишь отрицательного отношения и тех и других к большевизму, с одной стороны, и рабочий класс с коммунистами — с другой, были слишком малочисленны сами по себе для возможности прочного освоения собственными силами Российской территории. И белые, и красные одинаково нуждались в вовлечении в вооруженную борьбу основного слоя населения России — крестьянства.

Вопрос привлечения на свою сторону крестьянства был центральным вопросом предстоявшей вооруженной борьбы. Крестьянство, добившись мира, приступило к «черному переделу» земли. К вооруженной борьбе оно не стремилось и, по существу, его отношение к ней было нейтральным, но все его симпатии, к началу гражданской войны, были целиком на стороне большевиков, позволивших ему бросить фронт и привлекавших

его миражом захвата и дележа земли. Оголение русского фронта однако еще не означало конца мировой войны, а «черный передел» готовил крестьянству большие сюрпризы в виде «продразверстки» 1918 года.

Но крестьянство в начале гражданской войны твердо верило и в прочность мира, и в существование своей заветной мечты — захвата земли. Воевать оно поэтому совершенно не собиралось, и в начале нашей гражданской войны будущее поведение этой стомиллионной инертной массы в процессе вооруженной борьбы оставалось загадкой. Ясно было лишь то, что *из этой борьбы может выйти победителем только тот, кто привлечет его на свою сторону.*

Мировая война и революция 1917 года подорвали экономическую базу страны. Оккупация немцами 18 губерний (14 целиком и 4-х частично) и особенно разруха 1917 года резко понизили производительные силы страны. По сравнению с 1914 годом, к началу гражданской войны сбор хлебов упал на 12%, а валовая продукция промышленности на 23%. Итак, уже революция 1917 года свела на нет достижения русской промышленности, широко развернувшейся под влиянием требований мировой войны. В дальнейшем, в ходе гражданской войны, снижение экономической базы пошло уже прямо катастрофическим темпом. <...>

Ясно, что в условиях подобной разрухи *наша гражданская война протекала совершенно на ином этапе развития техники, чем непосредственно ей предшествовавшая и еще длившаяся в ее начале мировая война.* Иной технический этап относит ее скорее к эпохе второй половины XIX-го века, чем к первой четверти XX-го. И это не могло не сказаться на приемах ее ведения и на возможностях, которыми располагали для решения своих задач обе боровшиеся стороны...

Примитивность технических средств, которыми располагали обе стороны, наложила резкий отпечаток на характер ее ведения, вызвав к жизни казалось бы давно уже отжившие свой век и примитивные формы. Необъятные же пространства России еще более разрежали и те скудные технические средства, которыми располагали боровшиеся стороны. Ведь если русский фронт мировой войны (1500 километров) вдвое примерно превосходил французский, то фронты нашей гражданской войны достигали временами впятеро большего протяжения, доходя до 8000 километров...

Скудность технических средств и российские просторы, на которых разыгралась война, привели к той ничтожной насыщенности и плотности ее фронтов, которые возродили давно всеми забытый размах операций и те тактические приемы, которые артиллерией, авиацией и танками давно уже были сданы в архив.

Несмотря на весь ее внешний примитивизм, наша гражданская война тем не менее представляет большой и чисто военный интерес, подчеркивая разнообразие форм военного искусства и приоткрывая завесу над многим из того, что было от нас скрыто позиционным характером мировой войны.

Наша гражданская война перелилась непосредственно из внешней и притом коалиционной войны, потребовавшей от России наибольшего напряжения за всю ее историю со времен Наполеона. Она от нее неотделима. Ни наши противники, ни наши союзники не могли не считаться с наличием России, особенно в первый ее год, когда судьбы мира еще решались вооруженной борьбой на полях Франции и Греции (Салоники). Неотделима она от нее и потому, что 39 месяцев вооруженной борьбы России с коалицией центральных держав выработали известную военную доктрину, создали известные представления о характере современной вооруженной борьбы и, главное, приучили к известным масштабам, созданным внешней войной. Все это было целиком перенесено в совершенно иные условия нашей гражданской войны, и лишь ее непосредственный опыт заставил многое переменить и много совершенно отбросить. Но пока гражданская война, в самом процессе борьбы, выработала новые приемы и формы, влияние опыта и представлений мировой войны оказывало самое существенное влияние на ее ведение.

Октябрьский переворот практически означал окончание трехлетней вооруженной борьбы с коалицией центральных держав на русских фронтах. Но от этого мировая война лишь вступила в новую фазу. Октябрьский переворот только еще больше перемещал ее центр тяжести на французский фронт.

Удельный вес России в мировой войне вернее всего определяется не столько ее влиянием в среде коалиции, сильно подрывавшемся нашей технической отраслью и финансовой зависимостью, сколько тем количеством сил наших противников, которые мы оттягивали на себя во время войны.

<...> К октябрьскому перевороту, несмотря на полное разложение нашей армии за восемь месяцев правления Россией Временного Правительства, все же число дивизий наших противников на русском фронте увеличилось, по сравнению с последними дореволюционными месяцами 1917 г., на 7 единиц. Иначе говоря, к началу нашей гражданской войны по своему удельному весу русский фронт лишь на 1/6 уступал главному фронту мировой войны. Ясно, что то или иное течение событий в России не могло не задевать самым чувствительным образом и наших противников. Поэтому, как только после октябрьского переворота германские дивизии русского фронта потекли сплошной волной на французский фронт, наши союзники не могли не стремиться как-

то этот поток задержать. В этом конечно и лежит основная и, пожалуй, единственная причина их интервенции в 1918 году...

11-го ноября 1918 года мировая война кончилась победой союзников. Значение России и для наших бывших врагов, и для наших друзей сразу упало почти до нуля. Попытки вооруженной борьбы с коммунизмом как с мировым злом довольно скоро были заменены нехитрой идеей «санитарного кордона» из лимитрофов и контролем над областями России, которые союзники не хотели отдавать во власть большевиков (Грузия, Азербайджан, Дальний Восток). В смысле же поддержки вооруженной борьбы белых с красными все ограничилось посылкой избытков запасов вооружения и снаряжения, оставшихся от мировой войны. Тем не менее союзная интервенция и в 1919 году оказывала решающее влияние на ход нашей гражданской войны. Борьба с коммунизмом, часто в ту эпоху трактовавшимся в Европе как послевоенная болезнь побежденных, в связи с вспышкой большевизма в центральной Европе в 1919 году, как-то в представлении победителей еще сливалась с эпохой вооруженной борьбы в мировую войну.

Созданная союзниками в противовес Германии Польша определенно намечалась ими в качестве орудия борьбы с большевизмом, и ее выступление весной 1920 года не может не рассматриваться как *продолжение интервенции союзников*. Ведь не случайно же, конечно, совпадение даты признания Францией генерала Врангеля (10-го августа 1920 года) и начала сражения красных и поляков под стенами Варшавы (12 августа 1920 года).

Победа поляков во второй половине сентября 1920 года, с точки зрения союзников, устранила непосредственную угрозу коммунизма Европе, и заключенное большевиками с поляками 12 октября 1920 года в Риге перемирие и можно считать концом интервенции и *заключительным актом влияния на нашу гражданскую войну мировой. Эвакуация Крыма (14-16 ноября 1920 года) через месяц после Рижского перемирия по существу дела является концом и нашей гражданской войны*. Попытки закрепиться в Приморье в 1921–22 гг. носили слишком местный и провинциальный характер для того, чтобы их можно было включать в ход нашей вооруженной борьбы с красными, носившей совершенно иной размах и ставившей себе совершенно иные и другого масштаба цели. В общероссийском масштабе эвакуация Крыма несомненно была эпилогом нашей вооруженной борьбы с коммунизмом.

Прямое или косвенное влияние мировой войны красною нитью проходит через всю нашу гражданскую войну, и только учитывая ее влияние можно ее ввести в правильную историческую перспективу. Вмешательство в нее и наших противников, и наших

союзников имело место тогда, когда это диктовалось интересами мировой войны и ее ликвидации. *Вне этого, интервенция, с их точки зрения, не оправдывала неизбежно связанных с нею жертв.* Неизбежность борьбы капиталистического мира с коммунизмом, ясно сознаваемая этим последним, ведь и до сих пор не признана Европой и Америкой. Только становясь на эту точку зрения можно беспристрастно судить их поступки. Романтика в политике, в XX столетии, несомненно является анахронизмом и строить на ней расчеты не приходилось и не приходится.

Именно исходя из этой неотделимости нашей гражданской войны от войны мировой и изложение событий нашей вооруженной борьбы с красными приходится вести не по отдельным ее фронтам и не отделяя борющихся в ней с красными белых от окраинных государств, а в общем масштабе борьбы, в которой порой самым причудливым образом переплетались действия и отдельных фронтов, и лимитрофных государств, и наших союзников, и наших противников по мировой войне. Лишь не теряя из виду общей картины борьбы, можно верно оценить и усилия, и степень влияния каждого из фронтов, и при этом неизбежно приходится пересмотреть некоторые из установок, получивших общее признание именно в силу искусственного их выделения из общих рамок борьбы в целом.

Тактические формы борьбы представляют гораздо меньший интерес, чем оперативные, в силу громадного снижения общего технического уровня, на котором происходила наша гражданская война. Однако разнообразие условий борьбы на отдельных фронтах дает все же довольно много поучительного и в этом отношении. Поэтому и опыт отдельных тактических эпизодов, и характер вооруженных столкновений в разные периоды и на разных фронтах нашей гражданской войны, конечно, требует изучения. Весь вопрос только в том, чтобы эти тактические формы и характеристики борьбы на отдельных фронтах не заслоняли общей оперативной и стратегической картины всей войны в целом. Иначе опыт борьбы на отдельных фронтах неизбежно ведет к опасным обобщениям и искажает многогранный характер нашей гражданской войны, создавая искусственную схему не существующих в действительности каких-то особых приемов ведения гражданской войны в отличие от приемов ведения военных действий вообще. Искусственное создание особой теории гражданской войны, в противовес общей теории военного искусства, при внимательном изучении нашей гражданской войны не выдерживает критики. Теория военного искусства одинакова для всякой войны. Весь вопрос лишь в ее применении и в учете общих условий вооруженной борьбы. А эти условия различны для каждой войны. Поэтому и *гражданские войны разных эпох так же отли-*

чаются друг от друга, как и войны внешние на разных этапах истории.

Опыт нашей гражданской войны, конечно, представляет несомненную и большую ценность для русских условий нашей эпохи, но от этого до создания, на основании ее опыта, общей теории всякой гражданской войны, конечно, очень далеко, и подобные попытки заранее обречены на неуспех.

Общая политическая и стратегическая обстановка, в которой началась, развивалась и закончилась наша гражданская война, совпадает с эпохой конца мировой войны и периодом ее ликвидации. Поэтому в настоящих очерках и принято деление ее на периоды, исходя из общей обстановки, в которой она протекала.

По существу дела поэтому *наша гражданская война естественно делится на три основных периода*. Первый — эпоха мировой войны, то есть от октябрьского переворота (7 ноября 1917 года) до ее окончания (11-го ноября 1918 года). Второй — от перемирия на французском фронте до окончания борьбы с большевиками в общероссийском масштабе, то есть до Новороссийской эвакуации вооруженных сил юга России, гибели адмирала Колчака, расформирования Северо-Западной армии ген. Юденича и эвакуации Архангельска и Мурманска. В общем, концом этого периода можно считать март 1920 года. Третий период характеризуется борьбой с большевиками Польши и Крымской армии ген. Врангеля (апрель-ноябрь 1920 года).

В частности, *первый период* можно подразделить на следующие этапы:

1. Борьба до австро-германской оккупации и ухода Добровольческой армии в 1-й поход, обнимающая сопротивление Дона, Кубани и Украины, захват Румынией Бессарабии, зарождение Добровольческой армии на Дону и в Екатеринодаре до конца сопротивления Дона и Кубани. Началом его приходится считать октябрьский переворот (7-го ноября 1917 года), а концом — вторую половину февраля 1918 года.

2. Австро-германская оккупация Прибалтики, западной Белоруссии, Украины, Крыма и Финляндии и 1-й Кубанский поход Добровольческой Армии, то есть эпоха с конца февраля по начало мая 1918 года.

3. Оформление русской контрреволюции, выразившееся в создании противобольшевистских фронтов на севере (Архангельск-Мурманск), по Волге, восстаниях Дона и Терека, июльских восстаниях правых и левых эсеров в Подмосковном районе и завоевании Добровольческой Армией Кубани, то есть лето 1918 года (от начала мая до 1-го сентября).

4. Осень 1918 года, или период стабилизации создавшихся летом антисоветских фронтов, сопровождавшийся частичными ус-

пехами Добровольческой Армии в восточной Кубани и частичными неудачами Приволжского фронта и закреплением позиций Дона и северной армии на Беломорском побережье (1 сентября — 11 ноября 1918 года).

Второй период можно подразделить на следующие этапы:

1. Непосредственные следствия окончания мировой войны — падение и ослабление группировок, опиравшихся на оккупационные армии центральных держав, создание новых государств на западной границе и военная интервенция союзников на юге России и в Закавказье. Одновременно с этим отход восточных армий к предгорьям Урала, выдвижение идеи общеимперской диктатуры адмирала Колчака и освобождение Добровольческой Армией всего Северного Кавказа (11-го ноября 1918 года — конец февраля 1919 года).

2. Переходный период — приспособления к новой обстановке, вызванной окончанием мировой войны. Перенос центра тяжести борьбы на юге с Кавказа на Дон, вооруженная интервенция и эвакуация союзниками юга России, создание западного противосоветского фронта и наступление армий адмирала Колчака от Урала до Волги (Март-апрель 1919 года).

3. Период оформления контрреволюции в общеимперском масштабе и ликвидации мировой войны — признание белыми фронтами правительства России адмирала Колчака, выдвижение Добровольческой Армии на Украину и нижнюю Волгу, наступление западного польско-латвийско-эстонского фронта, создание Северо-Западной армии генерала Юденича и отход армий восточного фронта от Волги за Урал. Оформление конца мировой войны подписанием Версальского договора (май-август 1919 года).

4. Общее наступление белых фронтов — Добровольческой Армии на Москву (захват Орла), Северо-Западной армии на Петербург (захват Пулкова) и армий восточного фронта из Сибири к Уралу. Эвакуация союзниками Беломорского побережья и война белых с украинцами (сентябрь — первая половина октября 1919 года).

5. Ликвидация белых фронтов — отход Добровольческой Армии от Орла на Ростов (и крестьянские восстания на Украине), восточных армий в Сибирь и расформирование армии генерала Юденича (вторая половина октября — декабрь 1919 года).

Агония белых фронтов — расстрел адмирала Колчака, ликвидация северного фронта, Новороссийская эвакуация (январь — март 1920 года).

Третий период можно подразделить на:

1. Польское наступление на Украине и оформление крымской армии генерала Врангеля апрель — май 1920 года).

2. Поход большевиков на Варшаву и выход армии ген. Врангеля на нижний Днепр, к границам Дона и на Кубань (июнь-август 1920 года).

3. Польско-советское перемирие и ликвидация крымского фронта (сентябрь-ноябрь 1920 года).

Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. – Париж, 1934. – С. 5–23.

ЗАРОЖДЕНИЕ «БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ»

16 (3) сентября, т.е. через день после ареста ген. Корнилова, в органе соц.-демократов меньшевиков «Рабочая газета» можно было прочесть следующие мысли: по мере развития революции «один слой буржуазии за другим отходил от революции...» и «начинал с ней борьбу». «...Этот отход буржуазии не совершился бы так быстро и не имел бы таких опасных... последствий, если бы революционная демократия проявила больше революционного творчества в деле организации обороны страны, установления в тылу и в армии революционного порядка, разрешения продовольственного кризиса, борьбы с хозяйственной разрухой. Разочарование в революции и возбуждение против рабочих и солдат не охватили бы таких широких кругов населения, если безответственная агитация не толкала бы рабочие и солдатские массы на путь опасных авантюр».

Во главе этой газеты стоял тот самый Мартов (Цедербаум), который, как мы говорили в главе IV-й, на заседании Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов 31 (18) августа, поддержал большевиков, предложив резолюцию, в которой выражался задним числом протест против введения смертной казни на фронте, «как меры устрашения солдатских масс в целях порабощения их командному составу». Прошло всего шестнадцать дней, и разыгравшееся Корниловское выступление открыло ему глаза на то, что сама революционная демократия своим поведением вызвала контрреволюцию.

Напомним, что более дальновидный В.Д. Набоков предупреждал еще на Московском государственном совещании от имени либеральной интеллигенции о той контрреволюции, «которая под влиянием происходящих кругом ужасов, начинает зреть в наших сердцах и умах...»

Психологическое значение неудачи Корниловского выступления и заключается в том, что те гонения, которые испытали все, кто примкнул к этому движению или только сочувствовал ему, могут быть уподоблены тем ударам молота, которые придают раскаленному железу определенные формы.

Неудача генерала Корнилова вызывает в пока расплывчатых контрреволюционных настроениях оформление одного из его течений. В дальнейшем в этом течении будут происходить изменения, но изменения эти, по существу своему, во многом преодолены. Так из желудя, ничем не похожего на развесистый старый дуб, вырастает в конце концов только дуб. Впоследствии это контр-

революционное течение получит наименование «Белого движения»...

Патриотизм, окрашивающий гребни первых волн революции, исчезает с них и все более и более конденсируется в контрреволюционном движении. В этом заключается основное различие между Русской и большой Французской революциями, различие, предопределившее разные пути их развития.

Сделавшийся душою «Белого движения», патриотизм имеет специфический отпечаток «психологии войны». Если можно так выразиться, это «военный патриотизм» с геройством и самопожертвованием, доведенными до наибольшей высоты на одном полюсе, и верою в решающее значение «силы» — на другом. Этим предreshалась главенствующая роль в белом движении офицерства. Настроения последнего начнут играть доминирующую роль в среде патриотически настроенной интеллигенции. До Корниловского выступления имело место обратное: патриотически настроенная интеллигенция определяла поведение офицерства.

Только что указанное составит существенную специфическую особенность русского «Белого Движения».

Неудача Корниловского выступления налагает несмываемую печать на офицерство. Как всякое поражение, оно вызвало в офицерстве некоторую депрессию. Но дух его не был побежден. Затаив временно внутри себя свои идеи, оно стало еще непримиримее.

Эти психологические последствия можно было ярче всего наблюдать на чинах Корниловского полка, той отборной войсковой части, которая была сформирована ген. Корниловым еще во время его командования VIII-й армией. В знак безусловной верности своему вождю, этот полк принял наименование «Корниловского». При перемещении генерала Корнилова сначала на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом, а затем на должность Верховного Главнокомандующего, этот полк всюду сопровождал его, составляя как бы его личную гвардию. Хотя в этом полку были солдаты добровольцы, но по мере нарастания розни в Русской армии между офицерами и солдатами, этот полк принимал все более и более дух «офицерской части». Поражение генерала Корнилова особенно сильно должно было отразиться на духе этого полка. Командир его, капитан Неженцев, приказал спороть «корниловскую» эмблему, которую носили чины этого полка в виде нарукавного знака. В своем письме к генералу Корнилову капитан Неженцев так объяснил свой поступок: «Я приказал снять эмблему, так как был бессилен в борьбе с темной солдатской массой... Но сняв дорожную нам эмблему... мы ею прикрыли наш ум, наше сердце и волю»...

Капитан Неженцев впоследствии доблестно сражался против большевиков и запечатлел своею смертью верность своих слов. Слова его верны и по отношению ко всему офицерству. *Потеря из своей среды новую серию «ослабевших», оно еще крепче стало исповедовать свою идею служения Родине.*

По совершенно верному замечанию ген. Деникина, после Корниловского выступления «в словаре революции появился новый термин, «корниловцы». Он применялся и в армии, и в народе, произносился с гордостью или с возмущением», он выражал собою «резкий протест против существовавшего режима и против всего того комплекса явлений, который получил наименование «Керенщины».

Гонения, которым подвергалось офицерство после неудачи Корниловского выступления, прочно сковали между собою наиболее действенные элементы. Таким образом, оно увеличивало в этой среде «силу внутреннего притяжения». Было также последствие противоположного характера: «сила отталкивания» офицерской среды от неоднородных элементов значительно выросла. *Русское офицерство военного времени, не носившее классового характера, приобретает теперь обособленность социальной группировки. Только в отличие от того, что утверждают большевики, это обособление вовсе не обуславливалось какими-либо сословными или имущественными признаками, а исключительно данными социально-психического порядка.*

Прежде всего, это обособление офицерства отразилось в отношении к солдату. До Корниловского выступления офицерство всеми силами стремилось не допустить углубления образовавшейся в армии трещины между ним и нижними чинами. Теперь оно признало этот разрыв как совершившийся факт. Произошло окончательное «расщепление» между этими двумя должностными частями армии. Это привело и к более глубоким социальным последствиям, а именно: к «изолированию» «Белого движения» от контрреволюционных процессов, происходящих в толще народных масс.

Поведение Керенского в дни Корниловского выступления довело озлобление, накапливавшееся в офицерстве против революционной демократии, до высшей степени и прочно закрепило его. Коллективная психология, как и психология субъективная, знает моменты, когда полученное впечатление закрепится на всю жизнь. В результате психология «Белого движения» будет проникнута предубеждением против каждого из представителей революционной демократии. Социалисты, в представлении рядового офицера, т.е. того героя-бойца, на которого будет поставлена вся ставка национальной контрреволюции, являются предателями Родины.

В этом озлоблении и недоверии к революционной демократии скажется в значительной мере то разочарование, которое испытал офицерский состав в самой революции. Он с полной верой пошел за Временным правительством в уверенности, что революция национальна и имеет главной целью расчислить пути к победе над немцами. Обманувшись в своих ожиданиях, рядовое офицерство во время Корниловских дней могло убедиться в слабости и несостоятельности нашей либеральной интеллигенции. *Дав своим возглавлением победу революции в мартовские дни, либералы оказались игрушкой революционной стихии, разнудать которую они помогли. Вследствие этого русское офицерство вышло из Корниловских дней также и с недоверием к либеральной части нашей интеллигенции.*

«И в результате, — констатирует тот же Деникин, в офицерстве, под влиянием августовских событий, произошел психологический сдвиг... сдвиг пока еще не в области политического мирозерцания, а лишь в поисках тех общественных группировок, которые удовлетворяли бы элементарным вопросам их оскорбленного достоинства и возмущенного чувства патриотизма. В Корниловские дни офицерство видело, что либеральная демократия, в частности кадеты, за немногими исключениями, находится или «в нетях», или в стане врагов. Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впоследствии немаловажную роль в создании политических настроений в стане антибольшевистской армии. Офицерство больно почувствовало тогда, что его бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула социалистическая демократия и боязливо отвернулась от него либеральная ...

Вот те настроения, которые закрепляются в офицерстве неудачей Корниловского выступления и которые оно принесет с собой в «Белое движение». Это возымеет величайшие социологические последствия. В нарастающей контрреволюции намечаются трещины. *Вместо одного общего народного движения предопределяется разделение его на отдельные течения, несогласованные между собою и даже иногда друг другу враждебные.*

Насколько решающее значение имела для оформления «Белого движения» неудача Корниловского выступления свидетельствует следующий факт. Излагая в главе IV-й «выступление» генерала Корнилова, мы обратили внимание читателя, что в борьбе Керенского и Корнилова отсутствовали прямые политические и социальные лозунги, которые могли бы разъединить враждующие стороны.

* Очерки Русской Смуты. Т. II. - С. 83.

«Никогда, — свидетельствует генерал Деникин, — ни до выступления, ни во время его, ни официально, ни в порядке информации, Корнилов не ставил определенной политической программы. Он ее не имел. Тот документ, который известен под этим названием... является плодом позднейшего коллективного творчества Быховских узников». Это служит подтверждением сделанного нами выше вывода о роли «неудачи» Корниловского выступления: она явилась тем «молотом», который обрисовал определенные политические формы «Белого движения».

Вот эта программа, составленная небольшою комиссией Быховских узников при участии генерала Деникина и утвержденная генералом Корниловым:

«1) Установление правительственной власти, совершенно независимой от всяких безответственных организаций, впредь до Учредительного собрания.

2) Установление на местах органов власти и суда, независимых от самочинных организаций.

3) Война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего достоинство и жизненные интересы России.

4) Создание боеспособной армии и организованного тыла, без политики, без вмешательства комитетов и комиссаров и с твердой дисциплиной.

5) Обеспечение жизнедеятельности страны и армии путем упорядочения транспорта и восстановления продуктивности работы фабрик и заводов; упорядочение продовольственного дела привлечением к нему кооперативов и торгового аппарата, регулируемых правительством.

6) Разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывается до Учредительного собрания».

Для исследователя, стремящегося втиснуть весь ход истории в узкие рамки материализма, только что приведенная программа должна представлять собой лишь клочок бумаги, на котором Быховские узники упражнялись в политике, коротая скучные дни своего заточения.

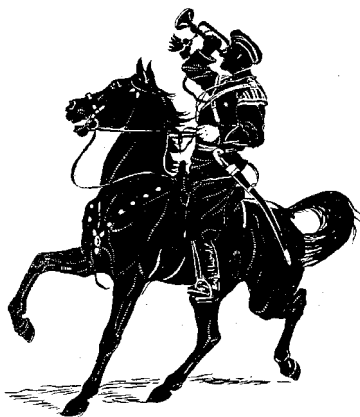
История же сулила иначе.

Истрадавшееся и изверившееся в политических лидерах русское офицерство пойдет в своей массе только за военными вождями. Среди же последних ближе всего к их сердцу будут те, которые проявили наибольшую непримиримость к Временному правительству. «Побежденный» Керенским генерал Корнилов приобретает теперь в глазах офицерства такой ореол, который выдвигает его как неоспоримого главу контрреволюции. Заключение же в Быхове становилось своего рода моральным стажем

для выдвижения на верхи «Белого движения». Быховской программе суждено было лечь в основу «Белого движения».

Перечитывая эту программу, нельзя не убедиться в том, что она носит исключительно «военный» характер. Все изложенные в ней требования преследуют только одну цель: довести войну до победного конца. Для этого и требуется сильная власть. Но и только для этого, так как эта же сильная власть не смеет разрешить ни одного основного государственного или социального вопроса. Все это откладывается до Учредительного собрания. Таким образом, в политическом и социальном отношении Быховская программа носит печать полного «непредрешенства». С точки зрения этого «непредрешенства» наименование контрреволюционного течения, принявшего Быховскую программу, «Белым движением», совершенно правильно. Подобно белому цвету, представляющему собой синтез всех цветов спектра, «Белое движение» ожидало, что победа над врагами Великой России сама по себе приведет к примирению всех борющихся партий, классов и других социальных группировок. Эта мечта оказалась силой и в тоже время слабостью «Белого движения».

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. I. Кн. 2. – Таллинн, 1937. – С. 130–136.

Н. Пятницкий

КОРНИЛОВСКИЙ УДАРНЫЙ ПОЛК

Развал старой армии

Февральский бунт 1917 г., будучи порождением «бесов» революции, предсказанных удивительным русским писателем Ф.М. Достоевским почти за 40 лет до дней ужасного русского падения, привел нашу страну в состояние полного и невиданного еще развала.

Некультурность, глупость, маниакальный либерализм и политическая близорукость нашей «передовой» интеллигенции отлично выражены словами первого русского революционного премьер-министра князя Львова, глубокомысленно вещавшего тогда, что после февраля 1917 года «мы сможем почитать себя счастливейшими людьми, т.к. поколение наше попало в наисчастливейший период русской истории...» Львовы, отворившие двери русской истории «бесам» революции, в действительности положили начало самому несчастному периоду нашей истории. *Революция в первую голову ударила по армии.* Власть офицеров была сведена на нет комитетами, боеспособность некогда доблестных полков с исчезновением дисциплины падала с каждым днем. Распропагандированная, сбита с толку и обалдевшая солдатская масса отказывалась воевать. На этом мрачном фоне родились апатия, безволие и состояние полной безысходности у многих, даже в среде высших русских генералов. Это состояние очень отчетливо выявлено в словах командующего армией генерала Рагозы: «...Видимо, русскому народу Бог судил погибнуть. И потому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ждать ее решения...»

Такая безнадежная психология привела некоторых к беззастенчивой игре с революцией, к подыгрыванию «духу времени». Наиболее показательными являются слова командующего армией генерал-адъютанта и генерала-откавалерии Брусилова: «Я — вождь революционной армии, назначенный на мой пост революционным народом и Временным Правительством, по соглашению с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, развалилась. Новой революционной армии присяжный поверенный Керенский создать не мог. *Пришлось искать новых путей для создания новой русской армии на новых началах.*»

Рождение добровольчества

Новая идея родилась в среде самой армии. Среди слякоти безволия, нового революционного карьеризма и апатии нашлись

новые люди с волей, с инициативой и действенностью. Это были неизвестные до того, скромные офицеры, на чьей крови и на чьих костях росло, крепло и ширилось Государство Российское в течение всей удивительной русской истории. Помощник начальника разведывательного отделения Штаба 8-ой армии, *Генерального штаба капитан Митрофан Осипович Неженцев* подал по команде докладную записку о необходимости перейти к формированию новых ударных частей, *организованных на принципе добровольчества. Так родилась идея добровольчества*, которой суждено было потом сыграть столь крупную роль в истории гражданской войны и которая, мы верим, еще сыграет свою роль в будущей борьбе за освобождение нашего Отечества от Коминтерна. Командовавший тогда 8-ой армией генерал Лавр Георгиевич Корнилов признал жизненность идеи добровольчества и приказом своим от 19 мая 1917 года решил начать добровольческие формирования ударных отрядов.

Рождение корниловцев

1-й ударный отряд полковника Неженцева сформирован в середине июня. Отряд состоял из 3000 бойцов составе двух батальонов при трех пулеметных ротах, команде пеших разведчиков — чехов из пленных — добровольцев и конной Донской казачьей сотни штаба 8-й армии, добровольно примкнувшей к отряду. Одним из командиров батальона был доброволец 126 пехотного Рыльского полка, штабс-капитан Николай Владимирович Скоблин, будущий доблестный начальник Корниловской дивизии в гражданскую войну. Будучи еще прапорщиком, Н.В.Скоблин удостоился редкой в этом чине награды — орденом Св. Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием.

Отряду было присвоено наименование «Корниловского». Черно-красные погоны и суровая эмблема на левом плече на рукаве — голубой щит с белым черепом над скрещенными мечами, под которыми выделялась красная граната, — составили форму отличия Корниловцев, которую они с честью пронесли сквозь всю славную боевую страду своей исключительной по доблести истории. Цвета корниловской эмблемы: бело-сине-красный, были избраны, как цвета национальной России.

С 1 августа 1917 года 1-й Корниловский ударный отряд приказом Верховного Главнокомандующего, которым стал генерал Корнилов, был развернут в четырехбатальонный *Корниловский ударный полк*. Это дата старшинства Корниловского полка. Поэтому Корниловцы вправе считать себя самым молодым из полков Российской армии мировой войны и, вместе с тем, самым старым полком Добровольческой армии.

Боевое крещение полка

В середине июня Корниловцы вошли в состав XII армии и, сменив замурцев, получили участок Ямницы — Повеличе с укрепленным тет-де-поном. Здесь корниловцы приняли участие в общем наступлении 8-й армии, где должны были сыграть роль «толкачей» штурма неприятельской укрепленной полосы в XII корпусе, который они должны были «заразить» своим порывом. Ударники должны были наступать на 10 минут раньше других частей, Корниловцам была дана самая трудная задача.

Свое боевое крещение Корниловцы провели с честью, украсив новыми лаврами доблестную русскую армию. За полтора часа своего наступательного порыва они прорвали укрепленную бетоном и целыми полями проволочных заграждений полосу окопов противника, углубившись в расположение врага на 7 верст и выйдя к изгибу железной дороги Калуц — Станислав. Конец боя ознаменовался штыковой контратакой германцев на атаковавших Корниловцев. Первые потери Корниловцев: 300 человек, из них 100 заколотых штыками. Первые трофеи: 26 офицеров, 830 солдат пленных, 4 тяжелых и 2 легких орудия.

Боевой путь

С тех пор Корниловцы выдержали 570 боев в составе полка, не считая отдельных боев батальонов и рот. Бесстрастные цифры говорят о цене крови, которую Корниловцы отдали за родину. Корниловцы потеряли 48 тысяч человек, из них убитыми — 13500.

Вот распределение этих потерь:

Славный корниловский боевой путь идет через: 1 Ледяной поход, 2 Кубанский поход, Екатеринодар, Ставрополь, Каменноугольный бассейн, Курск, Орел и Мценск. Тяжкий, но жертвенный путь отхода на Дон, Кубань, Новороссийск. Эвакуация в Крым. Снова дни славы на поле боев в Северной Таврии, в Никополь-Александровском районе.

Потом — отход на Сиваш, севастопольская эвакуация. Тяжелые, незабываемые минуты расставания с Родиной.

Эвакуация из Севастополя положила конец первому периоду боевой истории Корниловцев. Потом следуют: Галлиполи... Болгария... Сербия... *Эмигрантское рассеяние... Тяжкие дни трудовой жизни... Горький хлеб изгнания...*

	Убиты	Ранены	Итого
Начальников дивизий	—	2	2
Командиров полков	4	15	19
Командиров батальонов	64	125	189
Командиров рот	472	1100	1572
Младших офицеров	4781	11500	16281
Ударников	8327	21500	29827
Военных чиновников	15	48	63
Докторов	3	12	15
Сестер милосердия	8	26	34
Всего	13674	34328	48002

Но славный путь жертвенного патриотизма, светлая блистательная боевая история и боевая нерушимая спайка сколотили полковую семью Корниловцев так, что полк не растворился в беженских “нетях” и продолжает жить своею особенною чудесною жизнью в ожидании лучших времен, когда снова развернет перед своим стальным строем свое овеянное славою знамя в новых боях за Россию.

Такой полк, как Корниловский, не может растаять в истории.

Пятницкий Н. Корниловский ударный полк / Сигнал. – 1937. – № 15.

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО И РЕГУЛЯРСТВО

Идея добровольчества — идея жертвенного служения Родине. Она явилась тем светлым и могучим двигателем патриотической русской души, который на четырех фронтах создал Белые Армии, горевшие одним желанием, одним стремлением бороться до последнего за освобождение и восстановление Национальной России. Однако, несмотря на это необычайное горение души добровольцев, несмотря на величайший жертвенный героизм белых воинов, несмотря на все подвиги Белых Армий, ни одна из них не достигла военного успеха в той мере, который привел бы к желательному конечному результату. Причин этому и, притом, причин, одинаковых для всех Белых Армий, было много: одни были общего характера, другие — специального; часть этих причин лежала вне добровольческой идеи, другая часть была непосредственно связана с нею.

Светлая идея добровольчества на всех фронтах — на одних больше, на других меньше — была воспринята и применена чрезвычайно широко, более широко, чем по своему внутреннему содержанию она давала на это право. Идея добровольчества не только порождала жертвенную готовность во что бы то ни стало и при каких бы то ни было условиях бороться с врагами родного народа и освободить от захватчиков Родину, но она обосновывала и воинскую дисциплину, и все организационные вопросы, и способы формирования войсковых частей, и характер боевых действий, и военную этику, и вообще все то, что должно делать Армию и каждый воинский организм в отдельности жизнеспособными и боеспособными при всякой обстановке.

Таким образом в *Белых Армиях был создан неписанный, но, в виду своего происхождения, для всех обязательный и для всех любезный, особый кодекс решения всех вопросов военного дела, не исключая и боевых, кодекс, в котором по многим причинам, преимущественно, пожалуй, психологического характера, почти сплошь отрицались основные положения военного искусства и весь многовековой боевой опыт Российской Императорской Армии.* Можно сказать, что этот кодекс, основываясь на идее добровольчества, был всецело проникнут той особой самостоятельностью, которая иногда граничила, а иногда переливалась в безудержный произвол и безмерное самоуспокоение, приближающееся к анархизму, не признающему никаких и ничьих авторитетов — ни старшинства, ни опытности, ни знания и искусства, ни талантливости, и которая весьма часто порождала не

только в способе боевых действий, но и во всех остальных проявлениях жизни и деятельности как Армии в целом, так и отдельных ее чинов, что можно назвать «партизанщиной» в широком значении этого слова, не исключая и духовного: «иду в Армию добровольно, если хочу; служить буду только в той части, в которой желаю; подчиняюсь и выполняю закон — постолько-поскольку; снабжаюсь, как хочу; веду бой, как нахожу нужным, не выполняя в точности боевых приказов, не согласуя свои действия с другими и преследуя свою цель, не связанную с общей»...

Даже вопросы общей и специально-военной этики, вопросы внутренней самодисциплины, столь необходимые в военном организме, тоже по этому кодексу решались в духе «партизанщины»: что прежде в этой области считалось нежелательным и даже недопустимым, то теперь нередко представлялось возможным и едва ли даже не похвальным. И все это только потому, что ведется гражданская война, что ведется она на основах добровольчества. Особенно тяжело сказывалась такого рода «партизанщина» на вопросах организационных и боевых, ибо она неминуемо приводила в этих областях к пренебрежению выводами военной науки и военного искусства, выводами, которые прежде всего вылились в особые принципы (законы), постоянные и неизменные, различно лишь применяемые в зависимости от той или иной обстановки.

Вследствие такого пренебрежения принципами военного искусства, между прочим, являлось возможным то ненормальное положение, при котором руководителями крупных и сложных боевых операций сплошь и рядом являлись люди, совершенно к этому неподготовленные; оно же приводило к тому, что на некоторых белых фронтах во главе нескольких армий стояли неопытные полковники, а в роли начальников штабов корпусов находились поручики из недоучившихся студентов, прошедших только школу прапорщиков. Неудивительно, что при таких условиях для выполнения операции от войск требовался неимоверный героизм, чрезвычайные подвиги и масса жертв, а в результате мы имели частные успехи, правда, иногда крупные, и грандиозный крах в конечном результате. *На войне отсутствие знания и искусства всегда оплачивается реками лишней жертвенной крови и конечной неудачей.*

Военное искусство слишком сложно и трудно, оно труднее всякого другого, и чтобы быть мастером в его области и добиться в нем полного конечного успеха, недостаточно одного «нутра», смелости и решимости, а нужны тщательная и долгая специальная подготовка, знания, уважение к принципам, продолжительные опыт и практика, направляемые теми же принципами.

Следование принципам военного искусства необходимо при всякого рода вооруженной борьбе, и гражданская война не является в этом случае исключением. И если при отсутствии всякого рода средств она приобретает характер партизанских действий, где, впрочем, без принципов тоже не обойтись, то при увеличении этих средств она должна возможно скорее расстаться с «партизанщиной» в широком понимании этого слова. Партизанские действия, впрочем, здесь, как и во всякой войне, могут являться лишь вспомогательными операциями, иногда очень полезными. Только при этом условии возможно достигнуть конечной цели всякой войны — решительной победы.

Грандиозный опыт Северо-Американской войны 1861–1865 гг. и борьбы Белых Армий на всех фронтах с большевиками в 1918–1920 гг. служит тому наглядным и убедительным примером.
<...>

Баиов А. «Добровольчество» и «Регулярство» /Новое Время.
–1928. – № 2173.

А. Зайцов

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ «РККА»

Образование Красной Армии

Созданная большевиками так называемая «Рабоче-крестьянская Красная Армия» закончила 16-й год своего существования. Мнения о ней чрезвычайно разноречивы, что объясняется как изоляцией СССР от остального цивилизованного мира, так и своеобразием ее задач и организации. Получить правильное представление о Красной Армии можно, однако, не столько путем ознакомления лишь с ее внешними организационными формами, сколько путем изучения постепенного хода ее развития и тех принципов, которые стремились и стремятся вложить в основы ее организации ее творцы.

Распад старой русской армии в 1917 г., завершившийся Брестским миром, прервал 200-летнюю традицию развития вооруженных сил Российской Империи. Передавший Россию в руки большевиков октябрьский переворот 1917 г., однако, вызвал вооруженное выступление российской контрреволюции. Импровизированных большевиками рабочих отрядов «Красной Гвардии», с выборным командным составом, насчитывавших ко времени октябрьского переворота (25-го октября по ст. ст. или 7-го ноября по новому) до 60.000 бойцов, оказалось явно недостаточно. Из организованных частей 6,5 миллионов старой русской армии в 1917 г.

к большевикам примкнуло не более 30-50 тысяч человек (главным образом латышей и матросов).

Поэтому с начала декабря 1917 г. в С.-Петербурге уже начинает разрабатываться проект создания новой армии и к середине этого месяца образуется при народном комиссариате по военноморским делам «Всероссийская Коллегия по организации и формированию Красной Армии». Окончательное оформление идеи создания Красной Армии, однако, было закреплено декретом Совета Народных Комиссаров только 15-го января 1918 г. и поэтому официальной датой основания Красной Армии принято считать 23-го февраля 1918 г. — день распубликования этого декрета.

Первоначально Красная Армия комплектовалась только добровольцами (на 3-х месячный срок) и имела выборный командный состав, т.е. офицеры избирались солдатами. Декрет о создании Красной Армии при этом полностью стоял еще на почве уверенности в близости общемировой революции, причем, как он гласил: «С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явилась оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянных армий всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкою для грядущей революции в Европе».

В 1918 г., однако, действительность быстро развеяла мечты о «социальной революции в Европе», и центр тяжести пришлось перенести на защиту самой, еще очень непрочной в то время советской власти.

Отбросив фразеологию, большевикам пришлось приняться за дело. Формирование Красной Армии пошло при этом одновременно по двум совершенно различным путям. Основой ее организации явились стихийные формирования на окраинах, ставших фронтами гражданской войны. Параллельно с этими центрами, однако, пытался взять в свои руки организацию этих формируемых путем создания центральных органов, проведения мобилизации и призывов и упорядочением снабжения. Весь 1918 г. протек под знаком *столкновения этих двух течений в строительстве Красной Армии. Регулярство, проводимое из центра, боролось со стихийным началом на местах.*

Каково же было это стихийное начало, лучше всего показывают сами же советские источники. Официальная советская история пишет,⁴⁹ что, например, «на позициях западнее Челябинска было 13 отдельных отрядов, общая численность которых не пре-

⁴⁹ «Гражданская война 1918-1921 г.г.», т. III., стр. 74.

вышла 1105 шт., 22 саб. и 9 пулеметов». Там же говорится,⁵⁰ что в состав 5-й советской армии в августе 1918 г. входило 47 единиц, непосредственно управлявшихся штабом армии, несмотря на наличие 40 штабов. При этом общая численность армии составляла 8425 штыков, 540 сабель и 43 орудия».

Что эти отряды, отрядики и попросту банды собою представляли, лучше всего можно судить по изданным большевиками воспоминаниями одного из комиссаров — некоего Пугачевского. Назначенный советским представителем при кр. отрядах, наступавших в феврале 1918 г. на Дон, Пугачевский дает, например, такую характеристику одного их командиров этих отрядов — Петрова:⁵¹ «Петров — что-то вроде эсера, говорят будто бы подполковник, страшно любит рисоваться, он контужен или ранен, а посему его постоянно водят под руки два черкеса в черных черкесах, он же сам одет в белую, золотом шитую. Отряда у него оказалось: два 76 мм. орудия, два Гочкиса, оркестр, штаб и до 800 человек, распущенных до невозможности... В вагоне масса баб. Кто они такие — разобрать весьма трудно, часть из них в мужском обмундировании». После захвата красными столицы Дона — Новочеркаска, возвращаясь в Москву, Петров «дал телеграмму, чтобы его везде (по пути) встречали с хлебом-солью и оркестром».⁵²

Приведенные выше отзывы ясно показывают, что собой представляли эти стихийные формирования на местах Красной Армии в начале гражданской войны.

Красная армия в период гражданской войны 1918-20 гг.

Постепенно, однако, гражданская война заставила большевиков перейти от добровольчества к комплектованию армии путем принудительных призывов. 18-го марта 1918 г. во главе Красной Армии стал Троцкий, а в апреле был создан и военно-административный аппарат комплектования армии. Однако, было бы ошибочно считать, что одно создание подобного аппарата уже допускало переход от стихийных формирований начала 1918 г. на путь организованного строительства армии. Военно-административный аппарат был лишь формой, в которую могли вливаться массовые формирования. Вопрос же заключается в том, когда советская власть сможет приступить к этим массовым формированиям, ибо это целиком зависело от настроений крестьянства; весной 1918 г., именно по этой причине, переход на

⁵⁰ Там же, стр. 81.

⁵¹ «Гражданская война», т. I, статья «Воспоминания С.М. Пугачевского», стр. 401.

⁵² Там же, стр. 407-408.

регулярную армию для большевиков был совершенно невозможен.

Обещанный и заключенный большевиками мир отвечал инстинктивным желанием широких слоев русского крестьянства. Воевать в подавляющей своей массе русское крестьянство весной 1918 г. совершенно не хотело. К тому же ему в то время открывались, целиком завладевшие его интересами, задачи по захвату и дележу государственных и частновладельческих земель. Поэтому декрет, провозглашавший принцип перехода к принудительным наборам, мог быть издан большевиками только в конце мая 1918 г. Проведение его в революционных условиях 1918 г. было, однако, далеко непросто. Поэтому вначале пришлось ограничиться проведением его только в областях, непосредственно угрожаемых контрреволюционными фронтами, и пополнением армии по набору только рабочими в крупных промышленных центрах страны.

Окончательно от добровольчества к принудительным призывам Красная Армия перешла к концу 1918 г. Лишь с 1919 г. она приобрела тот облик армии, пополняемой по общей воинской повинности, который она сохраняет и по сейчас. Благодаря этому численность ее с 300 тысяч в мае 1918 г. непрерывно возрастает и к концу гражданской войны (октябрь 1920 г.) доходит до 5,5 миллионов.

Наряду с организацией военного управления и комплектования армии, перед советской властью, однако, стал и не менее существенный вопрос о командном составе для этой новой армии. Выборное начало, которое было введено большевиками для развала старой русской армии, не годилось для армии организованной. Поэтому уже в конце апреля 1918 г. выборность командного состава была практически отменена и заменена выдвижением наиболее способных командиров в зависимости от их аттестации. Но этим вопрос о командном составе далеко еще не решался. Отсутствовали самые кадры командного состава. Привлечь в новую армию старых офицеров большевики сперва боялись, а новых офицеров, конечно, они сами в 1918 г. создать не могли. К тому же и само старое офицерство крайне отрицательно относилось к этой новой коммунистической армии. Привлечение старых офицеров все же было единственным возможным решением. Поэтому большевики пустились сперва на хитрость, а потом и на принуждение.

Первый путь был ими использован путем создания так называемой «завесы», т.е. сформированием пограничного кордона вдоль всего фронта австро-германской оккупации. Завеса эта, неся как бы пограничную службу против австро-германцев, дала возможность большевикам привлечь в состав Красной Армии

значительное количество старого офицерства, которое в то время, не желая выступать на стороне большевиков в гражданской войне, охотно, однако, шло на службу в «завесу» как бы для «обороны от немцев». Благодаря этому «завеса» явилась центром красных формирований как для внешних фронтов, так и для гражданской войны и дала Красной Армии *ценные элементы офицерского состава старой русской армии*, а также и огромное военное имущество, оставшееся без всякого призора после стихийной демобилизации старой армии. Создавая для Красной Армии резерв офицеров, для которых «завеса» послужила переходной ступенью для их будущего участия на красной стороне в гражданской войне, и сохранив громадные запасы военного снабжения, за счет которых в значительной степени она и вела гражданскую войну, эта «завеса», таким образом, явилась одним из существенных элементов новой советской армии.

С июня 1918 г. большевики перешли и к принуждению и с этого времени стали привлекать старых офицеров в Красную Армию и насильственно. Для того же, чтобы примирить необходимость привлечения в новую армию старых офицеров с недоверием к ним, с 1918 г. в армии был введен политический контроль над командным составом в лице военных комиссаров при каждом командире. Приказ Троцкого в 1918 г. окончательно узаконил это двоевластие в командовании, поставив во главе каждой войсковой части дуумвират: «командир-комиссар», а для высших командных инстанций, начиная от армий, политический контроль был выражен еще резче созданием при командующих и главнокомандующих армиями особых «Революционных военных Советов».

Создание политического контроля над командным составом, являясь несомненным организационным абсурдом, политически, однако, позволило советской власти широко использовать для своей новой армии специалистов в лице офицеров старой русской армии. Все же, несмотря на жестокий нажим советской власти, широкое привлечение старого офицерства в ряды Красной Армии оказалось далеко не столь простым, как это вначале представлялось большевикам, упоенным своей первой победой.

Так, за весь 1918 г. большевикам удалось привлечь в состав Красной Армии лишь 22 тысячи офицеров старой русской армии, т.е. только около 10% общего их количества к этому времени. 9/10 старого офицерства в 1918 г. было не в Красной Армии. Даже, несмотря на все усилившийся нажим большевиков, к концу гражданской войны (осенью 1920 г.) общее число привлеченных большевиками в Красную Армию старых офицеров достигало лишь, примерно 48,5 тысяч, т.е. все же лишь всего 1/4 всего офицерского состава старой русской армии. При этом *из числа на-*

более квалифицированной части армии — ее офицеров Генерального штаба в состав Красной Армии было завербовано большевиками только 1/5 (319 из общего числа 1500).

Совершенно очевидно, что раз в старой русской армии в 1917 г. на 6,5 миллиона солдат числилось свыше 220 тысяч офицеров, наличие 48 тысяч на 5 1/2 миллиона солдат Красной Армии к концу гражданской войны являлось, конечно, совершенно недостаточным. Для пополнения командного состава, помимо офицеров, большевикам пришлось поэтому использовать и унтер-офицеров старой армии и спешно начать готовить самим и новых офицеров. Всего за гражданскую войну обе эти категории дали: 214 тысяч старых унтер-офицеров и 40 тысяч офицеров новой, советской формации. При этом прямо можно сказать, что, несмотря на явную непригодность подавляющей массы унтер-офицеров старой армии к занятию ими даже низших офицерских должностей, все же их подготовка стояла выше подготовки нового офицерства советской формации за время гражданской войны.

5,5-миллионный состав Красной Армии при этом совершенно не отражал ее боевого состава. К концу гражданской войны из состава 5,5 миллиона армии — бойцов на фронте было лишь немногим более полумиллиона (581 тысяча), т.е. на каждого бойца на фронте приходилось 10 едоков в тылу...

Эта почти неорганизованная, обрамленная принудительно привлеченными в армию, к тому же недостаточными и численно, командными кадрами многомиллионная масса к концу гражданской войны несомненно ни в какой степени не отвечала представлению о регулярной армии. Содержание ее становилось явно непосильным бременем для страны, и эта вооруженная толпа требовала коренной ее реорганизации.

Реформа Фрунзе

Поэтому, сейчас же по окончании гражданской войны в 1921 г., срочно была проведена демобилизация армии, сократившая к 1922 г. численность армии с 5,5 до 1,6 миллионов.

Коренная реорганизация Красной Армии, однако, была проведена лишь сменившим Троцкого Фрунзе и была завершена в трехлетие 1924–1927 гг. сперва Фрунзе, а затем его преемником Ворошиловым. *Лишь с этой эпохи организация Красной Армии приняла те формы, которые являются типичными для нее и по сей час.*

Сменивший Троцкого в 1924 г. Фрунзе являлся очень любопытной фигурой. Не будучи ни военным по профессии, ни русским по происхождению (его отец был молдаванином и служил фельдшером в Туркестане), Фрунзе до захвата власти большевиками даже не был на военной службе. Окончив гимназию в Турке-

стане, он поступил в Политехнический институт в С.-Петербурге, где с первого же года студенчества, 19 лет, он вступил в организацию с.-д. партии и сразу же примкнул к ее большевистскому течению. В первую революцию 1905 г. он принял самое деятельное участие в организации забастовки текстильщиков в Иваново-Вознесенском районе (близ Москвы). В качестве представителя Иваново-Вознесенского комитета он принимал участие в 4 съезде с.-д. партии в Стокгольме. В 1907 г. Фрунзе был арестован за свою нелегальную деятельность и присужден к 4 годам каторжных работ. Вслед за тем ему было предъявлено другое обвинение в вооруженном сопротивлении полиции. После двукратного суда по этому делу, закончившемуся смертным приговором, последний был ему заменен 6-ю годами каторжных работ. Проведя на каторге около 8 лет, в 1915 г. он «вышел на поселение» в Сибири, когда вновь был арестован за создание организации ссыльных. Фрунзе бежит и скрывается в Забайкалье; здесь его застает революция, освободившая всех политических ссыльных. Ему в это время было 32 года, из коих 10 он провел на каторге и в ссылке. С началом революции Фрунзе впервые сталкивается с военной средой в Минске, где он принимает деятельное участие в фронтовом совете солдатских депутатов Западного фронта. Во время выступления генерала Корнилова — он выборный начальник штаба «революционных войск» Минского района. С таким более чем сомнительным военным багажом его застает гражданская война. После Ярославского восстания, летом 1918 г., он назначается в Ярославль и оттуда, в декабре — командующим 4-й армией, действовавшей на Урале против адмирала Колчака. Там, в апреле 1919 года, он во главе своей армии наносит решающее поражение белым армиям адмирала Колчака и затем всю гражданскую войну проводит на Туркестанском фронте. Советская военная история превозносит сейчас стратегию Фрунзе и считает высоким ее образцом его апрельскую операцию на Урале. На деле это обстояло несколько иначе. При нем начальником штаба состоял в то время генерал Новицкий, бывший профессор Военной Академии и, несомненно, что все стратегическое руководство лежало именно на этом последнем. Дальнейшие действия Фрунзе в 1919 и 1920 г. на второстепенном Туркестанском фронте также мало способствовали продвижению его в первые ряды советских вождей гражданской войны. Однако, громадным его преимуществом по сравнению с ними в глазах большевиков был его революционный стаж, и, поэтому, осенью 1920 г. Фрунзе назначается командующим Южным фронтом против Белой армии генерала барона Врангеля, которому он и наносил решительное поражение в октябре и ноябре 1920 г. По окончании гражданской войны Фрунзе был сперва назначен командующим войсками Ук-

раины, а с весны 1924 г. — заместителем Троцкого, которого он вскоре сменил на посту народного комиссара по военно-морским делам, состоя одновременно с этим с 10 съезда коммунистической партии, т.е. весны 1921 г., и членом высшего органа правления партии — ее ЦК (т.е. центрального комитета).

По отзывам всех соприкасавшихся с ним лиц, Фрунзе обладал большим здравым смыслом и способностью уловить существо дела в военных вопросах, несмотря на полное отсутствие военно-теоретической подготовки. По-видимому, он прислушивался к советам всегда окружавших его военных специалистов из бывших специалистов Генерального штаба старой русской армии. Пробыв примерно около 2 лет во главе Красной Армии, Фрунзе скоропостижно умер в ноябре 1925 г., после неудачной операции язву желудка. Смерть Фрунзе в свое время породила много слухов и даже определенных обвинений. Истина, конечно, остается до сих пор тайной; во всяком случае, *ни до, ни после него Красная Армия не имела столь выдающегося руководителя.*

Главными данными, содействовавшими его успеху, были, наряду с его природными качествами и образованием, желание считаться с мнением специалистов с одной стороны и его большой удельный партийный вес — с другой. Во всяком случае, он сумел найти какую-то равнодействующую между стремлениями партии и интересами военного дела. Поэтому его реформы в сущности и положили основание современной Красной Армии. Все, что было сделано после него, как раз лишено этого равновесия, и на этом мы подробно остановимся ниже.

Целью своих реформ Фрунзе поставил, с одной стороны, сокращение численности Красной Армии с одновременным сохранением возможности обучения в рядах армии возможно большего числа военнообязанных, а с другой стороны — преобразование ее на общих основаниях, принятых во всех регулярных армиях по опыту Мировой войны 1914–1918 гг.

Первый вопрос, естественно, заключал в себе основное противоречие. Сокращая численность армии, увеличивать число проходящих военное обучение можно, конечно, только за счет качества этого обучения, т.е. путем сокращения его срока. Погоня за обеими этими взаимно-противоположными целями и привела к организации армии на основах так называемой «смешанной кадрово-территориальной» системы, служащей и по сию пору основой устройства Красной Армии. Нужно только оговорить, что самый термин «кадровой-территориальной» системы мало отвечает вкладываемому в него понятию. Действительно, под термином «кадровой» разумеется постоянная армия, а вовсе не кадры, развертывающиеся только во время войны. Под термином же «территориальной» подразумевается милиционная ее часть,

названная так потому, что комплектование ее ведется, в отличие от постоянной армии, по территориальной системе, т.е. части ее пополняются за счет населения в районах их расположения.

Общая численность Красной Армии была Фрунзе в мирное время сведена до 562 тысяч человек. В это число включены и морской и воздушный флоты, объединенные в СССР под главенством одного лица — народного комиссара по военно-морским делам. Цифра эта сохранилась и поныне.

Вся армия была разделена на две части: кадровую и территориальную. В первой — 2/5 всей пехоты и артиллерии и 4/5 конницы и все технические части (авиация, бронетанковые, инженерные, войска связи и т.д.). В ней срок службы установлен для основных родов войск в 2 года, и части ее организованы совершенно так же, как и в других современных регулярных армиях.

Во второй — 3/5 всей пехоты и артиллерии и 1/5 конницы. При этом обучение в этих последних, милиционных, частях ведется лишь в течение 8-11 месяцев (в зависимости от рода войск), сроченных притом еще на 5 лет. То есть попадающие по призыву в территориальные (милиционные) части проходят в них службу не сразу, а путем ряда призывов на 1-3 месяца в году в течение пяти лет. Сами же территориальные части состоят лишь из небольшого офицерского и унтер-офицерского кадра.

Эта сложная система организации Красной Армии была избрана по следующим соображениям. Население СССР дает ежегодно контингент призывных в 800-900 тысяч физически вполне годных для военной службы молодых людей. Для того, чтобы при 2-х летнем сроке службе их обучить, пришлось бы содержать армию в 1,6-1,8 млн. человек или же сократить срок службы до одного года и содержать армию в 800-900 тысяч. И то и другое для Красной Армии невозможно. Первое по причинам бюджетным, второе из-за невозможности по соображениям низкого культурного уровня населения СССР и неважного качества командных кадров Красной Армии. Поэтому-то и было решено ограничить численность кадровой, т.е. постоянной армии 562 тысячами и пропускать через нее (всего 28 дивизий) ежегодно лишь примерно 280 тысяч человек. Остальных же 500-600 тысяч человек обучать по более сокращенной программе. На практике оказалось, что созданное в Красной Армии число территориальных, т.е. милиционных дивизий (всего 43) способно ежегодно принимать только около 250 тысяч человек. То есть и при этой системе все же ежегодно остается некоторый излишек годных к военной службе призывных численностью до 300-400 тысяч человек, обучение которых ведется (или точнее — должно было бы вестись) по еще более сокращенной программе, так называемым «вневоинским порядком».

Конечно, сами же большевики отлично сознают недостатки обучения большей части своего ежегодного контингента при этой системе и поэтому всячески стремятся эти недостатки восполнить другими путями. Основными поправками, внесенными в эту систему, являются поэтому «допризывная подготовка» и деятельность «Осо-виахима». <...>

Второй реформой Фрунзе была реорганизация Красной Армии на основании опыта Мировой войны. Выход России из Мировой войны за год до ее окончания искусственно прервал использование ею ее опыта как бы на пол дороге. Тактика и организация русской армии в 1917 г. из-за революции остановились на уровне 1916 г. Последовавшая затем гражданская война с ее особыми условиями еще больше отдала Красную Армию от остальных армий Европы. К тому же победа красных в гражданской войне, в глазах выдвинутого ею командного состава, оправдала применявшиеся в ней приемы и многие из них, не видавшие настоящей войны или участвовавшие в ней на самых низших постах, поверили, что именно в них-то и лежит истина. Упоение победой заставляло их считать, что именно ими найдено последнее слово. *Опыт же гражданской войны совершенно исказил истинное представление о современной армии.* В самом деле, война эта велась, главным образом, конницей, почти без артиллерии, авиации и химии. Пехота красных была сведена в 9-ти полковые громоздкие дивизии. Из броневых машин применялись только бронепоезда и т.д.

Изжить все эти заблуждения и перейти на современные рельсы было совсем нелегко. И тем не менее, Фрунзе удалось, более или менее, вывести Красную Армию из этого сумбура.

Принятая Фрунзе и, затем, после него лишь совершенствовавшаяся *организация Красной Армии* поэтому *является компромиссом между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий.*

Современная организация и техническое оборудование Красной Армии

Пехота Красной Армии организована по германскому образцу. По числу пулеметов (90) пех. полк Красной Армии однако уступает французской, японской и польской пехоте (соответственно 156, 132 и 117). Вообще снабжение пулеметами, до самого последнего времени, являлось самым слабым местом красной пехоты. Из-за недостатка легких пулеметов их приходилось, даже во взводах, заменять тяжелыми. Теперь Красная Армия считает, что пулеметный вопрос для ее пехоты решен удовлетворительно. Сравнение числа пулеметов в пех. полках других армий и в пол-

ках красной пехоты показывает, однако, что этот вопрос далеко еще нельзя считать решенным.

Артиллерия сведена не в 4-х орудийные, как это принято сейчас повсеместно, а в 3-х орудийные батареи. Всего в пех. дивизии Красной Армии 10 таких батарей (6 легких пушечных и 4 легких гаубичных). Сравнение с французской, японской и польской дивизиями опять-таки не в пользу Красной Армии (соответственно 15, 12 и 12), еще усиливающееся тем, что в красной батарее не 4, а 3 орудия. Некоторой поправкой является лишь проведенная несколько лет тому назад задача 76 мм. легких пушек в качестве полковой артиллерии пехотным полкам (по 2 батареи на полк). Учитывая и ее, по общему числу орудий в дивизии (48) красные дивизии уступают только французским и японским (соответственно 60 и 64).

Гораздо слабее зато вооружение Красной Армии тяжелой артиллерией, к тому же окончательно организованной лишь 2 года тому назад в полки корп. артиллерии и Арт. Резерв Главного Командования (сокращению — «АРГК»). В общем это дает не более 2-х тяжелых батарей на дивизию, что, по сравнению с другими современными армиями, конечно, является совершенно недостаточным. Наконец, очень слабо развита и зенитная артиллерия, которой приходится не более батареи на дивизию.

Конница. Характерной особенностью Красной Армии является организация ее конницы, во многом напоминающая и по сейчас еще эпоху гражданской войны. По своей огневой силе она значительно уступает коннице других армий (всего по 32 пулемета на полк). Второй ее особенностью являются полковые пулеметные эскадроны на «тачанках», т.е. на особых повозках четверочной упряжки, оставшиеся в наследство от гражданской войны. Также слабо снабжение советской конницы и артиллерией, уступая в этом отношении всем крупным современным армиям.

Технические войска. Наиболее слабым местом Красной Армии по-прежнему является снабжение ее средствами связи. На XII съезде ком. партии народный комиссар по военно-морским делам Ворошилов это вновь подчеркнул словами: «В 1930 г. мы были очень плохо обеспечены средствами современной связи. Радиосредств почти не было. Сейчас мы имеем неплохие средства связи — проволочную, радио и другие, но не считаем еще себя полностью обеспеченными.»⁵³

Броневые войска до самого последнего времени состояли, главным образом, из оставшихся в наследство от гражданской войны бронепоездов (до 40). За последние годы, однако, усиленное внимание стало обращать на формирование и автомобильных бронечастей. При этом, наряду с бронеавтомобильными

⁵³ «Красная звезда», 4-го февраля 1934 г., № 30.

дивизионами, придаваемыми кав. корпусам, пех. дивизиям и танковым частями, производятся испытания и с мотомеханизированными соединениями.

Каково точное число танков и бронемашин в Красной Армии сказать, конечно, трудно, т.к. данные эти держатся в секрете. Все же число это не может быть очень высоко. Косвенное указание дает на это и доклад Ворошилова на том же XII съезде партии, в котором он заявил: «В 1930 г. мы имели очень небольшое количество танков. Эти танки были частью сделаны уже нами, частью сохранились от наших трофейных «заработков». Сейчас мы имеем вполне современные танки в достаточном числе».⁵⁴ Выражение «в достаточном числе» очень растяжимо и в случае полного благополучия в этом вопросе, учитывая общий хвастливый тон доклада Ворошилова, конечно, им был бы применен другой, более определенный, термин. Что число советских бронемашин не так уже велико, можно заключить и из того, что советская автопромышленность, созданная в первую пятилетку, по-настоящему начала работать только с 1932 г. За полтора-два года вновь созданная промышленность, конечно, многого дать еще не могла.

Наконец, совершенно особняком стоит вопрос о советском *воздушном флоте*. До Мировой войны, кроме нескольких отдельных авиационных отрядов, воздушного флота в России не существовало. Вся потребность в авиации покрывалась ввозом из-за границы. Революция и гражданская война, прекратив заграничный ввоз, свели на нет и тот скудный авиационный парк, который остался в России после Мировой войны.

Потому вначале Красная Армия создавала свой воздушный флот целиком при помощи заграничных заказов (главным образом в Англии и Италии). Однако этот путь не давал возможности создания мало-мальски значительного воздушного флота. Поэтому, постепенно в СССР для военных нужд стало создаваться собственное самолетостроение, а затем, всего несколько лет тому назад, начались опыты и по постройке собственных авиационных моторов. Поскольку первая отрасль авиационной промышленности стала довольно быстро налаживаться, постольку вторая создается медленно и встречает большие затруднения.

В настоящее время самолетостроение в СССР стало на довольно прочные основы и обеспечивает потребность советского воздушного флота. В СССР сейчас не только копируются иностранные модели (как, например, самолет-разведчик Р-1 — копия английского самолета Де-Хевилленд-9), но строятся и свои оригинальные (исключительно металлические) модели. Лучшими из них являются самолеты дальней разведки «АНТ-3», самолеты

⁵⁴ Там же.

дальней разведки и ночной истребитель «АНТ-9» и пятимоторный самолет-бомбардировщик «АНТ-14», мощностью в 2400 HP. Советская авиапромышленность изготавливает и необходимые для аэронавигации приборы (компасы, барографы, анемометры, тахометры, указатели скоростей и т.д.).

Таким образом, в отношении самолетостроения советской власти удалось добиться крупных успехов. Между тем общеизвестно и не требует доказательств положение, что центр тяжести авиационной промышленности как раз-то и лежит на выделке моторов для самолетов. Качество мотора определяет, в основе, и качество самолета.

По численности аппаратов воздушного флота Красная Армия стоит сейчас на одном из первых мест в Европе, достигая до 2000 самолетов. Организация красной военной авиации учитывает современные требования и группирует их в крупные авиационные соединения. Основной единицей является отряд (8-12 самолетов, сведенных в 2-3 звена по 4 аппарата). Три отряда составляют эскадрилью, а несколько эскадрилий — бригаду. Всего таких бригад до 20-ти. Это количество дает возможность придачи в военное время по отряду каждой дивизии и корпусу и оставляет еще довольно значительный резерв авиации, способный к самостоятельной работе в воздухе.

Численность самолетов, однако, не является еще исчерпывающим данным для суждения об общей мощи авиации. Действительно, важно знать не только общее число самолетов, но и распределение их по категориям. И в этом отношении дело обстоит далеко не так благополучно. До самого последнего времени советская авиация почти наполовину состояла из самолетов-разведчиков и лишь одна восьмая падала на долю бомбардировочной авиации. Т.е. в красной авиации за счет истребителей и бомбовозов главную массу составляли аппараты разведки. Это же соотношение показывает, что красной авиации не хватило как раз наиболее сложных аппаратов и главная масса вынуждена была состоять из наиболее простых машин. Между тем, основу современной воздушной силы как раз то и составляют именно аппараты-истребители и особенно самолеты-бомбовозы. За последние два года красной авиации удалось добиться в этом отношении некоторых успехов, но все еще далеко не достаточных.

...Во главе всего военного воздушного флота Красной Армии стоит сейчас уже третий год (с лета 1931 г.) — Алкснис. Ему сейчас 37-й год. По происхождению он латыш. По профессии — сельский учитель. Во время Мировой войны окончил пехотное военное училище в Одессе и был т.обр. офицером старой армии военного времени. Всю свою карьеру он сделал в Красной Армии, в которой окончил Военную Академию и до своего назначения

нач. возд. сил был несколько лет в должности заместителя нач. возд. сил. Таким образом, это командир чисто советской формации, ознакомившийся с авиацией лишь в последние годы. Между прочим, характерно, что, перейдя на службу в воздушный флот, он сдал экзамен на пилота и таким образом, хотя и не имел боевого авиационного опыта, все же сам летчик.

Каков же может быть общий вывод о советской военной авиации? Большое число самолетов и слабое развитие авиационной базы дают на это определенный ответ. На длительное усиление красная авиация неспособна. Все, что она может дать, это хотя и большой силы, но короткую вспышку, т.е. сильный, но кратковременный удар. В современном ее состоянии, а это состояние не может измениться в ближайшие год-два, красная авиация представляет собою сильную ударную массу для короткого броска. И именно в этом направлении и ведется ее подготовка.

Организация управления красной армии и ее дислокация

Во главе всех вооруженных сил СССР стоит Революционный Военный Совет, возглавляемый его председателем — народным комиссаром по военно-морским делам.

В состав Революционного Военного Совета входит около 10 высших командиров Красной Армии и наиболее ответственные руководители ее политических органов.⁵⁵

Непосредственно Р.В.С. подчинены:

Штаб («Генеральный штаб») сухопутной армии (ведущий ее боевой подготовкой); Главное Управление армии — ведающее административным устройством сухопутной армии и военно-учебными заведениями; Политическое Управление — руководящее всей партийно-политической работой в армии; Управление вооружением — объединяющее работу управлений: артиллерийского, военно-технического и по механизации и моторизации армии; Управление воздушными силами; Управление военно-морскими силами; Военно-хозяйственное управление — ведающее интендантским снабжением; Военно-строительное управление — ведающее постройкой и устройством казарм; Военно-финансовое управление — ведающее военным бюджетом; Военно-санитарное управление; Военно-ветеринарное управление.

Таким образом, *в отличие от общепринятой в большинстве остальных государств* организаций, все вооруженные силы СССР (и сухопутные армии, и морской и воздушный флоты) объединены в лице РВС и его председателя. *Второй, еще более характерной особенностью* вооруженных сил Советского Союза

⁵⁵ По появившимся в печати во время набора этой статьи сведениям, Революционный Военный Совет в настоящий момент упразднен.

является наличие особого политического управления, направляющего всю политическую подготовку армии в интересах коммунистической партии и имеющего свои органы во всех подразделениях вооруженных сил. Роль этого управления лучше всего характеризуется тем, что в новом Уставе коммунистической партии (1934 г.) прямо сказано (§ 52): «Общее руководство партийной работой в Красной Армии, в красном флоте и авиации осуществляется политическим управлением Красной Армии, работающем на правах военного отдела центрального комитета всесоюзной коммунистической партии».⁵⁶

В отличие от других современных армий, придерживающихся по большей части корпусной системы управления, вся территория СССР, аналогично старому военно-административному делению России, разделена на 8 военных округов и 2 пограничных военных округа, именующихся «отдельными армиями». Эти округа: Ленинградский, Белорусский (центр — Смоленск), Украинский (центр — Харьков), Московский, Северо-Кавказский (центр — Ростов-на-Дону), Приволжский (центр — Самара), Сибирский (центр — Новосибирск) и Среднеазиатский (центр — Ташкент). Отдельные армии расположены: одна в Закавказье (центр — Тифлис), другая — на Дальнем Востоке.

Всего в Красной Армии сейчас 71,5 пехотных и 16,5 кавалерийских дивизий. Пехотные (или, как они называются в Красной Армии — стрелковые) дивизии сведены по 2-4 в стр. корпуса, а кавалерийские — наполовину в конные корпуса (всего 4, по две дивизии в каждом) и наполовину в виде отд. дивизий и отд. кав. бригад.

При сравнении Красной Армии с другими современными армиями поражает громадное число дивизий и обилие конницы наряду с отмеченной уже выше слабостью ее технического оборудования. По числу своих пех. дивизий Красная Армия почти не уступает довоенной России (71,5 вместо 79 дивизий в 1914 г.) и лишь по числу кавалерии уступает на одну треть (16,5 вместо 27). При этом, если учесть, что современная территория СССР на 15% уступает территории Императорской России, можно считать, что, относительно, по числу своих дивизий Красная Армия не только не уступает, но даже, пожалуй, превосходит довоенную армию России.

Из общего числа 71,5 пех. и 16,5 кав. дивизии (точнее 12 кав. и 9 отд. кав. бр.) — кадровую, т.е. постоянную армию составляют 28 пех. и 12,5 кав. див., весь воздушный флот и все категории технических войск. Территориальную или милиционную армию составляют 43 пех. и 4 кав. дивизии. Таким образом две трети всей пехоты и

⁵⁶ «Красная Звезда», 11-го февраля 1934 г., № 37.

артиллерии Красной Армии состоит из милиционных формирований.

Вся кадровая, т.е. постоянная армия почти целиком (90 %) расположена в пограничных военных округах. Территориальная, т.е. милиционная армия расположена примерно поровну в округах пограничных и округах внутренних.

За вычетом 18 пех. дивизий, расположенных на азиатских окраинах СССР (Закавказье, Туркестан, Сибирь и Дальний Восток), вся остальная масса в 53,5 пех. дивизии, или 3/4 всей Красной Армии, расположена в пределах Европейской России, т.е. между западной границей СССР, Уралом и Кавказским хребтом. В пределах же Европейской России размещено и 4/5 (все 12 див. и 2 отд. кав. бриг.) всей конницы Красной Армии.

Эта дислокация, несмотря на некоторое (в общем масштабе все же незначительное), проведенное за последний год, усиление Дальневосточной Армии, определенно указывает на то, что основной фронт Красной Армии обращен не на восток, а, безусловно, в сторону западной границы СССР.

В пределах самой Европейской России дислокация армии по своей плотности резко делится основной железнодорожной магистралью: Ленинград-Москва-Харьков-Севастополь на два района: западный пограничный и восточный. В западном пограничном районе расположено более половины всей Красной Армии (37 пех. и 8 кав. див.).

Начертание железнодорожной сети, подходящей изнутри страны к западной границе СССР (17 ж.-дор. линий, всего 29 колеи) дает возможность переброски сил от основной железнодорожной магистрали (Ленинград-Севастополь) к границе по 14-ти сквозным маршрутам. Иначе говоря, *группировка вооруженных сил СССР в мирное время построена на принципе быстрого сосредоточения в первые же дни войны на его западной границе половины частей Красной Армии.* При этом наличие в этом пограничном районе трех рокадных железнодорожных линий позволяет создание центра тяжести группировки сил на любом участке западной границы СССР.

Все же, при детальном изучении группировки Красной Армии в пределах этого пограничного района, сразу бросаются в глаза три основных сгустка сил в непосредственной близости от западной границы СССР. Первый — на севере, между Ленинградом и Псковом (5 пех. и 1,5 кав. див.). Второй — в Белоруссии (6 пех. и 2 кав. див.). Третий — на правобережной Украине, к югу от Полесья, т.е. западнее и юго-западнее Киева (10 пех. и 4 кав. див.)...

Таков внешний облик Красной Армии. По своей величине и организации в общем она сейчас не особенно отличается от других больших современных армий. И с этой точки зрения представле-

ние, составившееся у многих по ее облику во время гражданской войны, конечно, сейчас устарело и не отвечает действительности.

Что же это за армия и можно ли оценивать ее лишь по числу ее дивизий, сравнивая ее с другими современными армиями? Ответить на это можно лишь отрицательно. Ключ к пониманию Красной Армии лежит не столько в изучении ее внешней структуры, сколько в изучении ее внутреннего облика и, в первую голову, в оценке ее кадров, с одной стороны, и с другой — в оценке той общей военно-технической базы, на которую она сможет опереться во время войны.

Классовый и партийный принципы в организации красной армии

В отличие от всех современных регулярных армий, Красная Армия является армией не всенародной, надпартийной и национальной, а армией классовой, партийной и интернациональной.

Правящая Россией коммунистическая партия по своему Уставу (1934 г.) является лишь секцией коммунистического интернационала. Действительно, новый Устав партии ведь и начинается словами: «Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), являющаяся секцией коммунистического интернационала, есть передовой организованный отряд пролетариата СССР». Поэтому-то на XVII съезде партии (1934 г.), в докладе от имени Коминтерна, его представитель Мануильский и заявил, что «под Ленинским руководством Сталина, за 10 лет без Ленина, СССР сегодня не только вооруженная часть мирового пролетариата, но и вооруженная новейшей техникой... Ленин привел трудящихся к Октябрю (т.е. к большевистской революции в России в окт. 1917 г.), Сталин, путем Ленина, ведет их к освобождению мира». ⁵⁷ партии вытекает и назначение ее оружия — Красной Армии. Поэтому и Пол. Уст. Кр. Армии гласит, что «СССР есть пролетарское государство, первое и единственное в мире отечество трудящихся» и «Кр. Армия, защищая СССР, самым фактом своего существования содействует борьбе угнетенных трудящихся масс всего мира за их освобождение». ⁵⁸

Официальное советское руководство по политической обработке Красной Армии ⁵⁹ еще более уточняет этот интернациональный ее характер в словах: «Как Советский Союз есть социалистическое отечество для международного пролетариата, так и в

⁵⁷ «Красная Звезда», 11-го февраля 1934 г., № 37.

⁵⁸ Пол. Уст. 1929 г.

⁵⁹ Дегтярев, «Политработа в Красной Армии в военное время». Изд. ГИЗ (т.е. Государственное издательство), 1930 г.

Красную Армию открыт доступ для рабочих и трудящихся всех стран. Красная Армия есть подлинно армия международного пролетариата».

Из этих цитат, заимствованных из официальных советских изданий, совершенно ясно, что Красная Армия не является русской армией, а армией интернациональной, призванной защищать интересы всего международного пролетариата, т.е. орудием интернациональной коммунистической партии.

Задание коммунистической партии определяет деятельность Красной Армии. Стоящий во главе армии Ворошилов неоднократно это подтверждал. В 1927 г., на совещании воен. делегатов IV всесоюзного съезда советов, он прямо заявил: «Речь идет о практическом осуществлении руководства Красной Армией со стороны нашей партии. Мы с вами — члены партии (коммунистической), и все ее директивы для нас обязательны. Что партия прикажет, то и будем делать».⁶⁰ В 1934 г., на XVII съезде ком. партии, он это вновь подтвердил словами: «И я могу вам сказать, что мы — военные работники и наш руководитель — центральный комитет (коммунистической партии⁶¹)». Таким образом Красная Армия — вооруженный отряд интернациональной коммунистической партии.

Естественно поэтому, что коммунистическая партия стремится это свое орудие сделать наиболее пригодным по своему составу для выполнения партийных заданий. Отсюда и вытекает желание ком. партии сделать Красную Армию армией классово-партийной. Принцип классово-партийной армии проводится в ней уже давно. Еще Фрунзе впервые определенно поставил этот вопрос. На своем выступлении перед III съездом Советов в мае 1925 г. он определенно заявил: «Мы являемся государством рабочих и крестьян... Мы можем вести только классовую войну с врагами трудящихся масс... В применении к нашей внутренней политике это означает, что мы будем строить нашу армию на классово-социальной основе»⁶²...

В связи с этим, по мысли Фрунзе, Красная Армия должна была состоять из рабочих и крестьян. Лица, в силу своего антикоммунистического прошлого, либо по политическим причинам лишены избирательных прав или так называемые «лишенцы», взамен отбывания воинской повинности вносят особый военный налог или призываются в тыловое ополчение.

Исходя из этого положения, в 1925 г. классовый состав Красной Армии в общем отвечал соотношению рабочих и крестьян в

⁶⁰ Ворошилов, «Оборона СССР». - Стр. 79.

⁶¹ «Красная Звезда», 4-го февраля 1934 г., № 30.

⁶² «Красная Звезда», 22-го мая 1925 г., № 115.

пределах СССР. Действительно, процентное соотношение было таково: 84,7% крестьян; 11% рабочих; 4,3% прочих.⁶³

Это соотношение выражало, по мнению Фрунзе, что «Красная Армия является плотью от плоти и кровью от крови рабочего класса и крестьянства. Таким образом, военное дело, — заявил он, — находится полностью и целиком в руках трудящихся, и это является наилучшим свидетельством того, что Красная Армия — твердый оплот революции».⁶⁴

За последние 8 лет в эту точку зрения, однако, были внесены весьма значительные поправки. Основным своим классом, интересы которого она только и призвана обслуживать, коммунистическая партия стала считать уже не рабочих и крестьян, а только рабочих, и вся ее политика за последние годы была направлена именно на искусственное перенасыщение армии рабочими за счет крестьян.

Таким образом, проведение классового принципа привело к тому, что состав Красной Армии совершенно не отвечает соотношению классов в составе населения СССР. В Красной Армии сейчас (1934 г.) число рабочих втрое больше, а число крестьян вдвое меньше, чем в общем составе населения СССР.

Все это относится, однако, лишь к постоянному составу Красной Армии, т.е. к тем частям, которые содержатся круглый год в мирное время, и обнимает кадровую (т.е. постоянную) армию и кадры территориальных (милиционных) частей... Проведенный коммунистами классовый подбор таким образом обеспечивает им полную благонадежность армии в мирное время, т.е. для применения внутри страны, и это ясно указывает на те цели, которые ставит себе ком. партия в отношении своей армии...

Наряду с проведением классового принципа ее пополнения, ком. партия естественно стремится сделать ее и армией партийной. Начав при реформах Фрунзе в 1924 г. с 9% коммунистов в армии, постепенно этот процент повышался и «партийная прослойка» армии (т.е. общее число армейских коммунистов и комсомольцев)⁶⁵ достигла в 1930 г. 1/3 всего состава армии, а к 1-му января 1934 г. и 1/2 ее состава.⁶⁶ Эта партийная половина Красной Армии почти поровну состоит из коммунистов и комсомольцев.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Коммунистический союз молодежи», через который обязательно проходит для вступления в ком. партию молодежь (лица, моложе 20 лет).

⁶⁶ По докладу Ворошилова на XVII съезде ком. партии, к 1 января 1934 г. числилось 34,3 проц., а к 1 января 1934 г. - 49,5 проц. партийных в составе армии («Красная Звезда», 4-го августа 1932 г., № 30).

Внешне, как будто, ком. партии удалось создать классовую и партийную армию, половина которой состоит из коммунистов и рабочих. Все это, однако, верно лишь для мирного времени. Большим вопросом является и то, насколько верно эти цифры отражают внутреннее лицо Красной Армии. Если еще можно, хотя с известной натяжкой, считать, что при «диктатуре пролетариата» рабочие являются наиболее надежной опорой советского режима, то процент коммунистов в армии сам по себе далеко не так убедителен. Зачисление в ряды партии, в условиях советского режима, сулит такие осязательные преимущества и выгоды, что, конечно идут в партию не только те, кто действительно хочет стать идейным коммунистом, но и те, кто ждет от зачисления в партию гораздо более существенных благ. Поэтому рост армейской партийной организации совсем еще не отражает роста популярности коммунизма, а следовательно, всей приспособленности к этому режиму лиц, связанных службой в рядах армии...

Слишком бурный рост числа членов компартии потребовал принятия ею самых суровых мер для общей проверки всех ее членов, или даже так называемой «чистки» в 1933 г.

Итак, в виде общего вывода по проведению классового и партийного отбора в Красную Армию можно сказать, что ком. партия всячески стремится ее пополнять рабочими и членами партии. Сейчас ей удалось сделать армию наполовину рабочей и партийной. Таким образом, в мирное время она обеспечила себе в лице подобного состава армии надежное орудие для проведения своей внутренней политики. В случае внешней войны картина, однако, меняется и мобилизованная Красная Армия уже не будет наполовину рабочей и партийной. И число крестьян, и число беспартийных сильно возрастет и ценность ее с точки зрения преданности коммунистической власти может сильно измениться.

Интернационализация Красной Армии

Стремление придать Красной Армии интернациональный характер или, точнее, взамен национальной армии создать армию национальностей, населяющих СССР, выражается в ряде *национальных формирований*.

Начало этим формированиям было положено Фрунзе. Цель, которая при этом преследуется коммунистами, однако, двоякая. С одной стороны — чисто политическая, т.е. стремление осуществить принципы национальной сов. политики. С другой стороны — военные: желание использовать для отбывания воинской повинности те народности, населяющие территорию России, которые до революции были совершенно освобождены от населения военной службы (горцы Кавказа и инородцы Туркестана и Сибири).

Первая цель, по словам Фрунзе, является «одним из важнейших пунктов нашего военного строительства... так как в военном деле, так же как и во всем нашем советском строительстве, мы обязаны осуществлять принципы нашей национальной политики. Мы строим нашу армию так, чтобы каждая национальность нашего союза не чувствовала бы себя обиженной или обойденной».⁶⁷ Иначе говоря, по словам Фрунзе, национальные формирования должны подчеркнуть интернациональный характер СССР, заменившего на Российской территории Россию. Мысль эта впоследствии была коммунистами развита еще шире, и в 1932 г. официальная сов. воен. газета «Красная Звезда» уже провозгласила, что «национальные части являются нераздельной частью интернациональной Красной Армии пролетарской диктатуры».⁶⁸

С точки зрения чисто военной, привлечение к отбыванию воинской повинности малокультурных племен Кавказа, Туркестана и Сибири имеет лишь очень относительное значение. Национальные формирования из-за отсутствия подготовленного для них командного состава, военной литературы на национальных языках и т.д. даются лишь с большими затруднениями, которые еще возрастут во много раз в военное время при желании их укомплектовать национальными же пополнениями. Эти формирования являются актом чисто политическим и с точки зрения чисто военной несомненно ослабляют мощь Красной Армии.

Командный состав и единоначалие

Проведение принципов классовой, партийной и интернациональной армии встречает, однако, на практике значительные затруднения в вопросе пополнения ее полноценным командным (офицерским) составом. Действительно, при желании иметь армейские кадры и, значит, тем более командный состав из рабочих и коммунистов, а в национальных частях — из представителей этих народностей, приходится поневоле мириться с понижением требований, предъявляемых к командному составу в смысле его общеобразовательной и специальной военной подготовки. Оставшееся большевикам от Мировой войны наследство в лице 50 тыс. принудительно мобилизованных в Красную Армию за время гражданской войны (1918–1920 гг.) офицеров старой Русской армии, было ими использовано, но опираться на этот технически подготовленный, но мало, с точки зрения сов. власти, надежный командный состав, они, по окончании этой войны, не захотели. Сейчас же по окончании этой войны, как только минула вызван-

⁶⁷ Доклад Фрунзе 3-му съезду Советов в мае 1925 г. («Красная Звезда» № 115, 22 мая 1925 г.).

⁶⁸ «Красная Звезда», 29 июня 1932 г., № 149.

ная ею острая в них нужда, началась массовая демобилизация офицеров старой армии. Взамен же этого на командные должности стали выдвигаться выделившиеся за время гражданской войны «красные» командиры, частью из унтер-офицеров старой армии, частью же из лиц, совершенно не получивших никакой военной подготовки и, наконец, вновь произведенный из советских школ молодых командный состав.

Введенный для контроля над бывшими офицерами старой армии институт военных комиссаров привел к установлению в армии зафиксированного двоевластия. На командира ложилось боевое и хозяйственное руководство своей частью, но под контролем военного комиссара. В руках же последних, кроме того, было сосредоточено политическое руководство и общий надзор и наблюдение за командиром. Военная несостоятельность этой меры была настолько очевидна, что сознавали ее, конечно, и сами большевики. Однако порвать с ней они решились лишь после замены старых офицеров командирами советской формации. В 1925 г. поэтому был решен постепенный переход от двоевластия к единоначалию. Первоначально реформа эта проводилась очень осторожно. Единоначалие сперва было установлено в виде двух степеней. Первой ступенью было наделение беспартийных или командиров-коммунистов всей полнотой лишь строевой и хозяйственно-административной власти, все же оставляя за комиссаром функцию партийного и политического руководства и право обжалования распоряжений командира (не приостанавливавшего, однако, их исполнения). Второй ступенью было наделение некоторых лишь командиров-коммунистов всеми функциями и командирской и комиссарской власти и перевод состоявших при них комиссаров на должность их «помощников по политической части». Постепенно, по мере повышения процента политически благонадежных командиров, второй тип единоначалия стал основным и командир-единоначальник неуклонно вытесняет во главе войсковых соединений и штабов спаренных до этого командира и комиссара.

Политический аппарат Красной Армии

Наряду с нормальной военной иерархией в лице командного состава, особенностью Красной Армии является и наличие в ней чисто партийного политического аппарата, пронизывающего ее сверху донизу.

Политический аппарат этот делится на две ветви. Первая — это официальные органы по назначению. Вторая — это чисто партийные органы выборного характера. Официальные политические органы возглавляются политическим управлением, во

главе которого стоит его начальник, он же помощник народного комиссара по военно-морским делам. В состав политического управления входит и особое отделение ОГПУ (объединенное государственное политическое управление или политическая полиция СССР), но оно работает самостоятельно, подчиняясь по своей специальной линии коллегии ОГПУ. Политическое управление армии имеет громадное значение, так как именно через него (оно является, как было уже указано выше, военным отделом центрального комитета коммунистической партии) осуществляется руководство армией в желательном для коммунистической партии, являющейся истинным правительством в СССР, направлении.

Органами политического управления армии являются окружные политические управления в каждом военном округе и далее при всех войсковых соединениях, кончая ротами, эскадронами и батареями (в последних политическая работа возложена на политических руководителей — «политруков»). При каждом командире Красной Армии, если он командир-единоначальник, т.е. при нем не состоит военного комиссара, имеется помощника командира по политической части. При всех политических органах армии имеются и особые, подчиненные центральному Особому Отделу при политическом управлении армии — Отделы ОГПУ.

Все эти политические органы пополняются исключительно коммунистами и замещаются по назначению. При этом для замещения высших должностей в армейском политическом аппарате требуется серьезный партийный стаж. Таким образом, политический аппарат армии, являющийся глазами и ушами коммунистической партии, проникает во все подразделения Красной Армии, до самых мельчайших ее ячеек.

Органы политического управления армией ведают всеми вопросами политического-морального состояния армии, контролируют всю военную печать и участвуют в разработке всех вопросов быта и боевой службы Красной Армии. Благодаря этому, *управление Красной Армией ведется одновременно по двум линиям*: чисто военной — через командование, и политической — через ее политический аппарат. Практически при этом аппарат совершенно независим от чисто военного. Действительно, он ему подчиняется только в том случае, когда командир по своему положению в партии является единоначальником и тогда политический орган придается ему в лице возглавляющего его помощника командира по политической части.

Иначе говоря, подчинение политического органа командиру возможно только тогда, когда сам командир имеет достаточный, с точки зрения коммунистической партии, удельный партийный вес. Иначе, каково не было бы положение командира в чисто военной

иерархии, это ни оказывает никакого влияния на подчинение ему политического органа. И как бы ни был высок занимаемый командиром пост, если он не имеет достаточного удельного веса по партийной линии, состоящий при нем армейский политический орган от него независим. Мало того, в силу руководящей роли коммунистической партии во всем управлении СССР, этот орган, являясь ее отражением, имеет больше влияния, чем тот командир, при котором он состоит.

При этом политический аппарат армии обладает и реальной, совершенно независимой от Красной Армии вооруженной силой в лице частей, подчиненных непосредственно ОГПУ. Эти части, обладающие военной организацией и хорошо снабженные техникой, распадаются на корпуса пограничной стражи, несущие службу по охране границ, и на части внутренней охраны или «ЧОН» (части особого назначения), предназначенные для внутренней полицейской службы в стране. Развитие, которое получили эти части и в смысле их численности, и в смысле их технического оборудования, лучше всего показывает то, что бюджет этих «специальных» частей в 1932 г., например, составил 118 млн. руб. или 1/10 общего бюджета вооруженных сил СССР, включая Красную Армию и морской и воздушный флоты (всего 1,278 мил. руб.)

Наконец, наряду с этим руководящим политическим аппаратом, в помощь ему и всецело под его руководством работает в армии и так называемый низовой партийный аппарат в лице партийных организаций, имеющих налицо во всех ротах, батареях и эскадронах, в которых числится не менее трех коммунистов.

Наряду с политическим аппаратом стоит и военно-юридический, являющийся также чисто партийной организацией. Наличие этого коммунистического военно-прокурорского надзора в армии создает еще одну партийную инстанцию, перед которой обязаны отчетом командиры Красной Армии. При малейшем предлоге каждый красноармеец может написать донос на нелюбимого или неугодного командира непосредственно органам военно-прокурорского надзора. Прокурор может требовать от командиров частей для контроля приказы по части. Следя за «революционной законностью», прокуроры создали органы доноса и сыска в армии. Боязнь сыска и доноса приводит на практике к тому, что проекты важнейших приказов отсылаются командующими частями на предварительный просмотр и утверждение прокурору. В военное время на прокуратуру ложится еще и «оценка боевой операции на основе имеющихся в прокуратуре данных». И это призваны делать военные прокуроры, на 3/4 не имеющие никакого военного образования, но зато испытанные коммунисты.

Вся эта политическая паутина, цепко опутавшая всю Красную Армию сверху донизу, крепко держит ее в руках коммуни-

стической партии. Благодаря этому, Красная Армия в мирное время послушно использует веления правящей СССР партии, безотказно действуя против внутренних врагов партии. Только мобилизация армии может изменить это положение и освободить ее из пут закинутой на нее коммунистической сети.

Общеобразовательный и военный уровень командного состава Красной Армии

Проведение единоначалия и замена им бывшего до того в армии двоевластия было куплено, однако, очень дорогой ценой. Для обеспечения политической благонадежности лишённого комиссарской опеки командного состава потребовалась коренная замена технически подготовленного офицерского состава Красной Армии едва ли в военном отношении грамотным или даже иногда полуграмотным командным составом из «красных командиров». Стремление подобрать на замену надежных офицерских кадров благонадежный командный состав, не могло, однако, не привести к резкому понижению образовательного уровня новых командиров.

Партия стремится заполнить командные посты в армии лицами, надежными по своему «социальному происхождению», т.е. рабочими и беднейшими крестьянами, и это проводится ею неуклонно и с большой настойчивостью. В своем докладе XVII съезду коммунистической партии в феврале 1934 г. Ворошилов сообщил, что процент рабочих среди командиров Красной Армии с 1 января 1931 г. на 1 июля 1933 г., т.е. за 2 1/2 года, возрос с 31,2 процента до 42,2 процента.⁶⁹ Следовательно, сейчас офицерский состав Красной Армии почти наполовину состоит из рабочих т.е. он однороден по своему составу с общей красноармейской массой, в которой также 45% падает на рабочих.

Вторым признаком политической благонадежности командного состава является его принадлежность к партии. В том же своем докладе Ворошилов заявил, что процент коммунистов среди командного состава за те же 2 1/2 года, т.е. с 1 января 1931 г. по 1 июля 1933 г., возрос с 56,6% до 71,8%.⁷⁰ Иными словами, сейчас почти 3/4 офицерского состава Красной Армии — коммунисты.

Еще более резко это подчеркнуто в военно-учебных заведениях, подготовляющих командный состав Красной Армии, где в составе юнкеров («курсантов») в 1934 г. было 75% коммунистов и

⁶⁹ «Красная Звезда», 4-го февраля 1934 г. № 30.

⁷⁰ Там же (Точно: 1 июля 1933 г. - 67,8% членов и кандидатов партии и 4% комсомольцев взамен соответственно 52,5% и 4,1% на 1 января 1931 г.).

19% комсомольцев, т.е. общее число 94% состоящих в тех или иных организациях коммунистической партии.⁷¹

Что же дал этот политический подбор командного состава Красной Армии? В 1930 г. из числа примерно 46 т. офицерского состава Красной Армии от офицеров старой Русской армии оставалось лишь около 10% (4500). Остальные 41,5 т. составляли командиры новой советской формации, а из них 25 т. окончили советские военные школы, 16 1/2 или более трети всего офицерского состава Красной Армии не получило никакого военного образования. Конечно, десятилетний, в среднем, для этих командиров, поступивших в армию во время гражданской войны, стаж совершенно достаточен для выработки хорошего унтер-офицера и даже, с грехом пополам, сносного младшего офицера, но он, конечно, совершенно недостаточен, и в условиях современного развития военной техники никак не может заменить общей и специальной подготовки, необходимой офицеру, предназначенному для занятия ответственной должности, не говоря уже о высшем командном составе.

Общеобразовательный же уровень офицеров советской формации таков, что, например, в выпуске из военных школ 1931 г., благодаря «старому классовому подбору», только 5% перед поступлением в школы получило среднее образование, а 40% до поступления было «малограмотно», т.е. лишь с трудом могло читать и писать. Зато в этом выпуске было более 2/3 коммунистов. Партийная окраска была достигнута за счет пополнения военных школ малограмотной молодежью. В 1929 г. из числа поступивших в высшее учебное заведение армии — Военную Академию, 2/3 получило лишь низшее образование (т.е. меньше четырех классов средних учебных заведений), зато прием дал 90% коммунистов и 60% рабочих по происхождению.

Может быть, однако, цифры устарели и за последние три года они изменились. Ведь заявил же Ворошилов, что «за период между XVI и XVII партийными съездами была проделана огромная работа по коренной реконструкции Красной Армии и что, за этот период, армия совершенно переродилась, став в отношении качества и количества вооружения, организованной структуры и боевой подготовки своих кадров как бы принципиально новой армией».⁷²

Хвастливое заявление вождя Красной Армии в отношении подготовки ее командного состава, однако, опровергается им же приводимыми в этом докладе цифровыми данными. В самом де-

⁷¹ Там же.

⁷² Доклад Ворошилова на XVII съезде партии в феврале 1934 г. «Красная Звезда», № 30, 4-го февраля 1934 г.

ле, желая похвастаться повышением военно-образовательного уровня командного состава Красной Армии, он привел такие цифры, относящиеся к 1934 году: среди «старшего» командного состава, т.е. среди штаб-офицеров, оказывается 10% не получило военного образования даже в советских военных школах. Среди «среднего» командного состава, т.е. обер-офицеров, этот процент повышается до 20,⁷³ значит, 1/10 всех штаб-офицеров и 1/5 всех обер-офицеров Красной Армии по прежнему занимают свои должности, не имея никакой военно-научной подготовки. Вряд ли существует другая армия в мире, в которой подобное явление было бы возможным в XX столетии...

Немудрено поэтому что расхваливая командный состав Красной Армии, Ворошилов, для оценки степени его подготовки, привел цифры успехов командного состава в индивидуальной стрельбе из винтовок и пулеметов. *Как будто личным искусством стрельбы сейчас оценивается боевая подготовка командного состава...*

Стремление иметь политически благонадежных командиров приводит к замещению командных должностей лицами, по своему происхождению и подготовке как раз-то наименее подготовленных к их занятию. Командиры же, получившие общую и специально военную подготовку, с точки зрения коммунистической партии — ненадежны. И из этого тупика выхода нет, и в этом основной порок Красной Армии. Конфликт между потребностями армии и требованиями правящей СССР коммунистической партии неразрешим. При желании иметь «пролетарский» командный состав нужно считаться с его безграмотностью. При желании иметь подготовленных, в современном смысле этого слова, командиров нужно бросить «пролетарские нормы»...

В отличие от всех остальных армий мира, у командного состава Красной Армии не существует военных чинов. Но, отметив чины, большевики ввели так называемые «категории», т.е. названия, как бы выражающие занимаемую должность. Всех категорий 13. Первые две соответствуют унтер-офицерам («младший» командный состав), следующие 4-ре — обер-офицерам («средний» командный состав), затем три категории соответствуют штаб-офицерам («старший» командный состав), наконец, последние четыре — генеральским должностям («высший» командный состав). При этом «категории» эти представляют нечто «личное», полученное командиром, и сохраняются за ним даже при перемещении на новую должность. То есть «категории» являются как бы неким личным, даже не связанным с занимаемой должностью, преимуществом. По существу дела это,

⁷³ Там же.

должностью, преимуществом. По существу дела это, конечно, те же чины.

Характерной особенностью Красной Армии являются чрезвычайно низкие предельные возрастные сроки командного состава. Для обер-офицеров они установлены в 40 лет, для командиров же категорий, соответствующих штаб-офицерам и генералам, они соответственно составляют 45 и 50 лет.

Разнородный состав командиров Красной Армии не может, конечно, не приводить к выдвижению на высшие должности преимущественно «по избранию» (т.е. по аттестациям). Основной во всех армиях мира принцип выдвижения по старшинству в Красной Армии не признается. Единственной поправкой к принципу выдвижения «по избранию» является лишь установление выслуги «мини-мальных» сроков в предыдущих должностях. В среднем, однако, эти сроки составляют лишь 2-3 года в каждой должности.

Таким образом, современный командный состав Красной Армии крайне неоднороден по военной подготовке, по своему происхождению очень близок ко всей красноармейской массе, молоде офицерского состава других армий и наполовину состоит из коммунистов.

Все эти его особенности, кроме, пожалуй, его молодости, сильно понижают его качество и по сравнению с другими современными армиями командный состав Красной Армии стоит неизмеримо ниже.

Принимаемые большевиками меры для повышения уровня командного состава

Несомненно, что коренное противоречие между заданиями коммунистической партии и потребностями армии отлично понято и самими большевиками. Но конфликт между ними настолько глубок, что меры борьбы с ним выражаются лишь в паллиативах.

Во-первых, в 1929 г. была произведена коренная реформа готовящих командный состав военных училищ («нормальных школ»). Всего в Красной Армии имеется несколько десятков военных училищ (пехотных, артиллерийских, кавалерийских, инженерных, связи и авиационных). Все эти школы дают около 4 т. командиров. До 1929 г. курс обучения в них продолжался 3 года в пехотных и кавалерийских и 4 года в артиллерийских, инженерных и специальных. С 1929 г. сроки обучения в них удлинены на полгода и одновременно с этим увеличено вдвое число часов, отведенных на общеобразовательную подготовку. Таким образом увеличение времени обучения поглощается необходимостью пополнения юнкером («курсан-том») своего общего образования и чисто военная подготовка от этого не улучшается. Происходит

же это благодаря погоне за «пролетарскими» пополнениями, т.к. эти школы по-прежнему комплектуются на 80% лицами с низшим общим образованием. *Несомненно, что в этом лежит основной порок подготовки командного состава Красной Армии...*

Второй мерой является обязательное для выдвижения на штаб-офицерские должности (командира батальона или артиллерийского дивизиона) окончание годичных курсов усовершенствования, а перед назначением на должность командира полка — подобной же продолжительности курсов усовершенствования старшего «начальствующего состава». Подобные курсы усовершенствования, в том или ином виде, установлены сейчас и в других армиях и с высококвалифицированным командным составом. Но то время, которое в этих армиях затрачивается на подобных курсах на приобретение новых знаний, в Красной Армии неизбежно уходит, в большей своей части, лишь на пополнение пробелов недостаточной основной подготовки.

Наконец, третьей мерой является всемерное поощрение выдвижения командиров, получивших высшее военное образование в Военной Академии. Для окончивших Военную Академию устанавливаются сокращенные («минимальные») сроки выслуги для выдвижения на высшие должности, и они освобождаются от прохождения обязательных для остальных командиров курсов усовершенствования. Однако, является большим вопросом, насколько эти новые «академики», как их называют в СССР, где отменено название «офицер генерального штаба», отвечают своему назначению. Искусственный отбор «благонадежного» элемента с той же последовательностью, как при поступлении в военные училища, проводится и при приеме в Академию. Благодаря этому основная масса поступающих обладает низшим общим образованием, и при поступлении в Академию даже имели место случаи неприема по «малограмотности»...

Между тем Военным Академиям, как единственному источнику возможного пополнения армии подготовленным командным составом, большевики, с самого начала существования Красной Армии, всегда придавали очень большое значение. Помимо основного своего назначения — подготовки штабных офицеров и будущего высшего командного состава, на Академию возложена задача и спешного переобучения не получившего, по большей части, никакой военной подготовки и нынешнего командного состава. Наряду с нормальным академическим курсом, Академией за последние два года открыты вечерние академические курсы и курсы при них заочного обучения. Наконец, осенью 1932 г. был произведен первый выпуск «особой» группы слушателей из высшего начальствующего состава (генералов), заменившей существовавшие до этого краткосрочные курсы усовершенствования

высшего (т.е. генеральского) начальствующего состава, так называемые «КУВНАС».

Это то и дало повод Ворошилову в своем докладе XVII съезду партии прихвастнуть тем, что сейчас «среди высшего командного состава 78,9% окончило академию и курсы усовершенствования»⁷⁴ Интересно было бы знать, однако, не этот общий процент, а процент действительно окончивших Академию, ибо, как увидим ниже, Академия и курсы усовершенствования совершенно различные по своему научному удельному весу величины. Что процент окончивших Академию красных генералов невелик, косвенно указывает то, что сейчас (т.е. в 1934 г.) даже не все начальники штабов Красной Армии, т.е. офицеры генерального штаба, по общепринятой в других армиях терминологии, получили академическое образование⁷⁵ <...>

Окончив курсы и получив дипломы, красные генералы, очевидно, перестали сомневаться и считали себя подготовленными, что и дало возможность Ворошилову похвастаться перед съездом коммунистической партии «высокой» военной подготовкой высшего командного состава Красной Армии. В этом скоропальном успехе безграмотных красных генералов позволительно, однако, сильно усомниться.

Наконец, с весны 1932 г., впервые, после долгого перерыва, во главе Военной Академии был поставлен бывший офицер генерального штаба старой армии — Шапошников. Действительно, до него, в течение 10 лет, во главе Академии стояли лица, не окончившие не только старой, но даже новой советской академии (сперва Тухачевский, а затем, в течение 7 лет — Эйдеман).

Карьера Шапошникова очень типична для ознакомления с порядком прохождения службы высшим командным составом Красной Армии. Вступив 36 лет (в 1918 г.), будучи полковником генерального штаба старой армии, в ряды Красной Армии, Шапошников провел гражданскую войну в штабе красного главнокомандующего (тоже бывшего полковника генерального штаба) С.С. Каменева. После гражданской войны он сразу выдвигается на должность 1-го помощника начальника Генерального штаба. Затем, в 1925 г., он получил в командование Ленинградский (Петербургский) военный округ, а через два года — Московский. В 1929 г. он становится начальником Генерального штаба Красной Армии. Достигнув зенита, карьера Шапошникова, по причинам, ничего общего не имеющим с военным делом, начинает тускнеть. В 1931 г. он получил в командование самый захолустный военный

⁷⁴ «Красная Звезда», 4-го февраля 1934 г., № 30.

⁷⁵ Там же. - Буквально слова в этом докладе Ворошилова: «Начальники штабов в подавляющем большинстве имеют академическое образование».

округ — Приволжский, а в 1932 г. становится начальником Военной Академии, т.е., поднявшись на самые высшие посты в Красной Армии, он с 1931 г. неизменно спускается со ступени на ступень по иерархической лестнице. Остановится ли на этом его понижение, покажет ближайшее будущее.

Совсем плохо обстоит дело в красной Военной Академии с ее профессурой. До самого последнего времени она целиком держалась на офицерах генерального штаба старой русской армии. Наиболее яркими ее представителями были Свечин и Верховский. Однако, начиная с 1929 г., ответственные руководители Красной Армии (например, в своей речи на 10-летнем юбилее Академии, бывший в то время начальник политического управления армии Бубнов) определенно стали требовать «пролетарской, марксистской, ленинской военной науки». Вслед за этим началось гонение на старых профессоров во главе со Свечиным. В 1931 г. Свечин был публично осужден на особом собрании и отставлен от Академии. Судьбу его разделил и Верховский. Отчет этого собрания был опубликован в виде брошюры под заглавием «Против реакционных течений на военно-научном фронте». Обвинители прозвали Свечина «реакционером», «классовым врагом» и даже «выполнителем социальных заказов буржуазии» за то, что он в своих трудах и статьях усомнился в действительности 5-летнего плана индустриализации СССР. «Свечин, — пишет в этой брошюре один из его обвинителей, — пытается доказать, что выполнение нами 5-летнего плана якобы не дает еще материальной базы для насыщения техникой Красной Армии». Усомниться же в достижениях 5-летнего плана в советской обстановке равносильно «оскорблению Величества». Поэтому Свечин был объявлен врагом, с публичным разносом и клеймом для примера тем, кто посмел бы в военной науке мыслить самостоятельно, а не в рамках 5-летнего плана. Вторым, и не меньшим его грехом признается поэтому его «свободомыслие». Особенно ему ставится в вину в этой брошюре, главным обвинителем в которой выступает не кто иной, как сам помощник народного комиссара по военно-морским делам Тухачевский, — его совершенно резонное положение, что «ни один метод изучения военного искусства, взятый сам по себе, не позволяет его охватить в целом. Необходимо поэтому пользоваться достижениями всех методов, чтобы возможно шире их использовать».

«Подумать только, — пишет в этой брошюре один из его оппонентов, — необходимо выработать специальное военное мирозерцание. А где марксизм, являющийся единым и единственным научным мировоззрением? Свечин не может понять, что речь может идти лишь о конкретизации марксистского метода в военном деле и специально в военной истории».

Итак, по мнению противников Свечина, военная наука вне «марксистско-ленинского метода» не годится для пролетарской Красной Армии.

Командный состав Красной Армии резко отличается от офицерского состава других современных армий. Очень низкий в среднем уровень специальной и, особенно, общеобразовательной подготовки его, разнородность и зависимость его от органов правящей СССР коммунистической партии налагают на него совершенно определенный отпечаток. *Желание во что бы то ни стало иметь «свой» политически-благонадежный командный состав покупается ценой резкого понижения его общей и чисто военной подготовки*; попытки это исправить путем его натаскивания на военных курсах и в повторительных школах устранить этого не могут. Полная зависимость командного состава от органов ком. партии подрывает и его престиж и, что особенно плохо, *развивает в нем инстинкт приспособляемости и стремления угодить всесильному политическому начальству. Да и как проявить самостоятельность или свободно мыслить и творить в стране, где даже наука введена в жестокое русло «марксистско-ленинского метода» и где инакомыслие равносильно политической неблагонадежности и беспощадно и немедленно карается властью? Пример профессора Свечина достаточно убедителен.* Та чехарда, которая так типична на верхах советской военной иерархии, задевает самых высших начальников армии. Достаточно для этого припомнить, например, карьеру нынешнего начальника Военной Академии Шапошникова. *Ожидать в этих условиях проявления командным составом самостоятельности, гражданского мужества и независимости, конечно, не приходится.* Война же покажет, насколько начальники, этими свойствами не обладающие или в которых, во всяком случае, эти качества в мирное время систематически выветриваются, смогут справиться со своими задачами в военное время.

Руководящие верхи Красной Армии

Кто же стоит сейчас во главе Красной Армии? Особенности Красной Армии, являющейся не национальной армией, а лишь орудием правящей СССР коммунистической партии, заставляют при ответе на этот вопрос принять несколько другой подход, чем это обычно делается при оценке лиц, занимающих в армиях руководящие посты. В самом деле, степень влияния того или иного высшего командира (генерала) Красной Армии определяется не

только занимаемым им в армии постом, а, главным образом, его удельным весом по партийной линии.

Как известно, наряду с официальной советской иерархией, состоящей из народных комиссаров, исполнительного комитета и т.д., в СССР существует и стоящая над ней, и действительно правящая страной иерархия коммунистической партии. Доказательств это сейчас уже не требует. Достаточно только вспомнить, что, например, фактический диктатор СССР — Сталин занимает высший пост в иерархии коммунистической, в советской же просто не занимает никакой должности. От этого степень его влияния, конечно, нисколько не меньше, чем если бы он, как в свое время Ленин, занимал бы одновременно высший пост по линии советской иерархии — председателя совета народных комиссаров. То же самое, совершенно, имеет место и в армии. Поэтому для ответа на вопрос — кто же в действительности сейчас правит красной Армией, нужно знать, кто из высших ее командиров занимает высшие посты и в аппарате управления коммунистической партии...

Зная структуру высших органов управления коммунистической партии, остается только посмотреть — кто же из высших командиров Красной Армии занимает и какие именно в них посты.

В состав политбюро из военных входит только народный комиссар по военно-морским делам Ворошилов. В состав оргбюро — его помощник по политической части (начальник политического управления Красной Армии) Гамарник. Наконец, третьим военным членом центрального комитета партии является командующий войсками Украинского военного округа Якир.

В числе кандидатов в члены центрального комитета партии насчитывается сейчас, т.е. после перевыборов 1934 г. пять командиров Красной Армии: командующий Дальневосточной Армией Блюхер, помощник Ворошилова по части снабжения и вооружения армии Тухачевский, начальник штаба (Генерального штаба) Егоров, инспектор конницы Буденный и командующий войсками Белорусского военного округа Уборевич.

Поэтому можно сказать, что правящей верхушкой Красной Армии являются (если исключить невоенного Гамарника): Ворошилов и затем, в порядке их удельного веса, его сотрудники: Якир, Блюхер, Тухачевский, Егоров, Буденный и Уборевич. Другими словами, это: народный комиссар по военно-морским делам, его помощник, начальник Генерального штаба, инспектор конницы и три командующих войсками важнейших пограничных округов.

В общем, конечно, занимаемые ими военные посты и так ставили их во главе армии, но все же основываться на одном этом признаке в Красной Армии нельзя. Так, например, другой помощник Ворошилова, бывший Главнокомандующий во время гражд-

данской и польско-советской войны, Каменев и командующий войсками столичными — Московского военного округа — Корк, несмотря на занимаемые ими посты в иерархии коммунистической партии, никакой должности не занимают и тем самым являются только исполнителями, не принимающими участия в действительном руководстве жизнью армейских органов управления.

Ворошилову сейчас 53 года... Не получив ни общеобразовательной, ни даже самой примитивной военной подготовки, Ворошилов олицетворяет собой тип командира, рожденный революцией. Насколько он подготовлен к занятию поста главы армии, конечно, двух мнений быть не может. Ответ может быть только отрицательным. Но его политическое прошлое, а главное, близость к Сталину и желание последнего иметь во главе вооруженной силы «своего человека», обеспечивают ему практическую «несменяемость» на занимаемом им посту.

Ворошилов — главнокомандующий Красной Армией в случае войны. Военная его подготовка для этой роли уже очерчена выше, и ее можно признать равной нулю. Заняв пост народного комиссара по военно-морским делам, Ворошилов быстро усвоил внешнюю военную выправку. Он ходит всегда в форме и даже по-советски щеголевато одетым. На парадах носит кубанскую шапку, к которой почему-то всегда питали слабость все деятели русской гражданской войны на обеих сторонах. Научился править автомобилем, лихо выезжает на парады на вороном коне и славится своей стрельбой из винтовки и револьвера. Таким образом, внешняя военная выправка им усвоена полностью и с этой точки зрения его нельзя спутать со штатскими коммунистами.

Вопрос только в том, достаточно ли для будущего главнокомандующего в наше время обладать военной выправкой, быть видимым коммунистом, но с багажом общеобразовательной подготовки в размерах 2-х классов земской школы и военной, приобретенной только на службе. Правда, что многие из маршалов Наполеона не много по своей подготовке превосходили Ворошилова, но зато ими руководил Наполеон и свои жезлы они получили на полях сражений, а не по партийной линии, как Ворошилов...

<...> Тухачевский, по своему происхождению, ничего общего с «пролетарским» не имеет. Сейчас Тухачевскому 41 год. Вся его военная карьера, таким образом, в отличие от большинства советских военных вождей, протекла, что называется, без сучка и задоринки, регулярно чередуясь между занятием высших командных и высших административных постов в армии. С 1922 г. он состоит, кроме того, бессменным членом высшего военного совета, так называемого Революционного Военного Совета СССР.

Будучи человеком культурным и вполне грамотным с военной точки зрения, *Тухачевский бесспорно является самым крупным советским военным специалистом из числа лиц, занимающих высшие посты в Красной Армии.* Во всяком случае, своим служебным положением он обязан не своей коммунистической карьере, а это последнее является следствием его военных заслуг.

Совершенно к другому типу принадлежит нынешний начальник Генерального штаба Красной Армии — *Егоров.* Хотя он и был офицером старой русской армии, но принадлежал к совершенно другой ее категории.

В отличие от Тухачевского — Егоров свою военную карьеру сделал благодаря политике и особенно благодаря близости к Сталину. Военные его дарования, особенно по опыту пол.-сов. войны, более чем спорны. Можно даже прямо сказать, что именно его действия были главной причиной проигрыша этой кампании Красной Армией... Сейчас Егорову 50 лет, и он, уже три года состоя начальником Генерального штаба, является таким образом кандидатом на пост начальника штаба при Ворошилове на случай войны. Конечно, по сравнению с Ворошиловым он более подготовлен для его занятия, но все-таки его общеобразовательный и военный стаж более чем скромны для подобного поста, и вряд ли сочетание этих двух красных генералов сможет толково руководить армией в военное время.

Третьим бывшим офицером старой армии, занимающим сейчас один из высших постов в армии и партии, является *Уборевич, или точнее Уборевич-Губаревич.* Ему сейчас только 40 лет, и он является одним из самых молодых красных вождей и, по-видимому, именно к нему относится анекдот, что на вопрос одного иностранца, — сколько ему лет — с его стороны последовал ответ: «Столько, сколько нужно для командования армией».

Уборевич... относится к категории чисто военных вождей Красной Армии, т.е. к категории, к которой принадлежит и Тухачевский.

Из самородков гражданской войны к категории вождей, возглавляющих сейчас Красную Армию, относятся три красочных фигуры: Якир, Блюхер и Буденный. Наиболее интересны фигуры Якира и Блюхера.

Якир, как и Уборевич, один из самых молодых красных генералов. Ему сейчас лишь около 40 лет. В отличие от прохождения службы большинством красных генералов, Якир, как видно из его биографии, после гражданской войны, почти бессменно, занимал все тот же пост командующего войсками Украинского военного округа. То обстоятельство, что ему вверен этот наиболее сильный по числу дивизий из всех военных округов СССР и зачисление его в члены Центрального Комитета коммунистической пар-

тии показывает, что он является одним из наиболее влиятельных вождей Красной Армии. Несомненно, что коммунистическая партия считает Якира, подобно Ворошилову, «своим» и в этом — объяснение занятого им в Красной Армии положения.

Вторым самородком гражданской войны, о котором, в связи с событиями на Дальнем Востоке, сейчас особенно часто приходится читать и слышать, является *Блюхер*. Уже во время гражданской войны вокруг его имени была создана легенда, пользуясь сходством его фамилии с именем известного прусского фельдмаршала. Это и давало повод утверждать, что Блюхер — офицер германского генерального штаба на службе СССР. Между прочим, эта легенда несомненно сыграла свою роль при интервенции держав Согласия на стороне белых во время русской гражданской войны...

Насколько обоснованна его репутация знатока Дальнего Востока и его пригодность к командованию армией, призванной в случае войны действовать против такого первоклассного противника, как Япония, является однако вопросом. Ни его общеобразовательная, ни чисто военная подготовка (или точнее полное отсутствие обеих) не позволяют считать его для этого подготовленным. Весь его боевой стаж — на ролях начальника дивизии в гражданскую войну (он даже не участвовал в польско-советской войне) и рядового в войну Мировую, заставляет поэтому относиться к его пригодности занимаемому им посту очень скептически. Партийное его положение однако, по-видимому, очень прочно, и в этом — главная причина сохранения его в течение пяти лет на посту командующего Дальневосточной армией. Блюхеру сейчас 44 года.

Наконец, последней в ряде самородков гражданской войны нужно назвать получившую широкую известность фигуру красного кавалериста Буденного. Вахмистр Приморского драгунского полка в мирное время, Буденный выделился командуя последовательно кавалерийской дивизией, корпусом и армией в гражданскую войну на юге России. По условиям этой войны роль конницы была решающей и в этом причина той популярности, которой было окружено его имя в среде красных в этот период. В настоящее время роль его несравненно менее значительна, чем роль перечисленных выше красных генералов. Практически вся его деятельность сводится к вопросам коневодства, по которым он только и выступает на всех партийных и советских съездах.

Человек ограниченных умственных способностей, живущий за счет приобретенного им во время гражданской войны ореола советского Мюрата, играет в военной среде примерно ту же декоративную роль, как и в советском правительстве «всесоюзный староста» Калинин.

Если подсчитать средний возраст этих, стоящих во главе Красной Армии, лиц, то он составит цифру, близкую к 45 годам, т.е. значительно меньшую, чем средний возраст руководящего командного состава других крупных армий. В отношении своей подготовки он, однако, еще более от них разнится. Наряду с одиночными офицерами старой армии, оставшимися в наследство Красной Армии, на верхах Красной Армии сейчас прочно осел новый слой «героев гражданской войны», т.е. командиров, выдвинутых революцией, с опытом лишь гражданской войны, у которых партийный стаж обычно равняется, по его длительности, стажу чисто военному. И общеобразовательная, и военная подготовка, несмотря на все принимаемые для этого экстренные меры, в виде ускоренного проталкивания их через Красную Академию, в общем очень невысока. Несомненным его преимуществом является лишь длительное занятие им руководящих постов в армии. Насколько однако практика может восполнить недочеты общего военного кругозора и подготовки, *может показать, конечно только война.* <...>

Заключение

Каков же может быть общий вывод о Красной Армии?

Созданное коммунистической партией орудие ее интернациональной политики — Красная Армия организована применительно к этому ее основному назначению. На первое место выдвигается соответствие армии этому партийному заданию. Отсюда неуклонно проводимая пролетаризация и коммунизация армии, особенно ее командных кадров и выдвижение на руководящие посты в армии лиц, угодных правящей партии в связи с широким развитием пронизывающего всю армию сверху донизу политического аппарата. Этими мерами коммунистическая партия твердо держит в своих руках вооруженные силы СССР — в лице Красной Армии. Этим же полностью обеспечивается ее политическая благонадежность в мирное время.

Куплено все это, однако, очень дорогой ценой. Политическая благонадежность армии достигнута за счет резкого понижения, по сравнению с другими современными армиями, ее боеспособности, т.е. ее чисто военной ценности. *Основным ее пороком является неподготовленность и некультурность ее командного состава, к тому же связанного по рукам и по ногам тенетами политического аппарата.*

Наряду с этим, итоги коммунистического хозяйничанья, несмотря на все рекламированные достижения пятилетнего плана, привели к недостаточному ее техническому оборудованию и ее, можно прямо сказать, технической немощи...

Надежная опора правящей СССР партии против ее внутренних врагов в мирное время — Красная Армия вряд ли способна к внешней вооруженной борьбе с современной регулярной армией. Во всяком случае ей совершенно не по плечу война с современной регулярной армией первоклассной державы.

Вся военная политика СССР поэтому направлена к раздуванию своих успехов и хвастовству своими якобы достижениями, прикрывающими на самом деле полную неподготовленность к сколько-нибудь упорной длительной войне.

Надежды правящей СССР партии направлены совсем в другую сторону. Все ее расчеты строятся на возможности нанесения быстрого удара и, как следствие этого, внутреннего разложения противника. Именно в этом-то направлении и ведется ею упорная работа, явная — в армии и тайная среди ее вероятных противников.

Зайцов А. Красная армия /Русский Инвалид.
—1934. — №№ 68–79,81,84.

ЭВОЛЮЦИЯ КРАСНОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ (1917–1937)

Революционная «переоценка ценностей»

Октябрьская революция в России выразилась не только в политическом захвате власти, но и в полной «переоценке ценностей». Все требовалось построить заново, по-новому. Все старое обречено было на слом.

Особенно это относилось к военному делу. Военная наука была сразу же взята под подозрение. Потому 18 лет тому назад Красная Армия, оставив без сожаления и трепета изведенные берега военной науки, пустилась в опасное плавание в поисках новых «пролетарских» путей, новой истинной «красной военной доктрины». С тех пор красная военная мысль сделала много извилин.

Революционный энтузиазм и «революция извне»

На заре Красной Армии, когда была она бедна техникой в самых примитивных ее формах, коммунистическая партия сделала установку на «революционный энтузиазм» голой и полувооруженной армии. Старые специалисты старой армии Свечин, Лигнау, Морозов дали теоретическое обоснование тому «массовому революционному энтузиазму», против которого вся техника прогнившей буржуазии якобы — ничто.

Потом М. Тухачевский, по мере усиления красных сил, создал идею «революции извне», т.е. поддержки восстаний европейского пролетариата силами Красной Армии.

Какурин дал свое имя для обоснования «классовой войны» с «живящими» и «мертвящими» районами действий. «Живящим» районом он называл районы возможного восстания населения противника и содействия «угнетенному пролетариату» частями Красной Армии. Разумеется, «живящими» районами почитались фабрично-заводские центры и области аграрных беспорядков. Теория живо и красиво прочерчивала операционные линии будущих действий Красной Армии в ее заграничных походах по «живящим районам». Увы! Недостаток «живящих районов» заставил забыть эту теорию.

Увлечение гражданской войной

Успехи на внутренних фронтах и надежды на революции в Европе привели Красную Армию на путь увлечений гражданской

войной. Опыт Мировой войны предавали забвению. Появились новые авторитеты — герои гражданской войны.

Красному полковнику Готовскому пришлось в своих академических лекциях подкреплять научные положения Леера, Клаузевица, Молтке указаниями быв. вахмистра Буденного, унтер-офицера Криворучко и матроса Дыбенко — «авторитетов-самородков» гражданской войны.

Теория «измора»

Однако жизнь брала свое... Ее придушенные, робкие ростки тянулись вверх и выходили наружу. Красная армия стала обрабатывать техникой. Но для ее использования опыт гражданской войны не давал ничего. Стали присматриваться в опыту Мировой войны. От руководителей армии и командиров потребовалось развитие, понадобилось знание. «Самородков» послали «доучиваться» в военные школы. Но им нужно было просто учиться. «Доучивать» неучей было невозможно.

Однако, техника Красной Армии тогда была слишком бедна, чтобы «сокрушить» возможных противников, неизмеримо более сильных технически. Свечин попытался в своей «Стратегии» дать идею «измора». Надежды на «мировую революцию» таяли. «Революционный энтузиазм» погасили будни Революции. Исчезла вера в «помощь иностранного пролетариата». «Массы» оказались под сомнением. Верховский стал проповедовать «малую» армию машин. «Массовая армия» была отвергнута. Сгоряча проповедь Энгельса о «милиционных народных армиях» была названа «детскими сказками». Цитадель социализма — СССР еще не слышала подобного поношения своего «святого». Верховского объявили вредителем. За ним в ту же категорию попали Свечин и Какурин. Им запретили писать и изгнали из Академии. И лишь в 1937 году появились в печати после длинного «поста» их имена.

Разгром военной академии

Жертвами «грехов молодости» оказались почти все «военно-научные теоретики» из старого Генерального штаба: Новицкий, Бонч-Бруевич, Соллогуб, Смысловский, Лигнау и Морозов. Даже бесцветные осторожные С. Каменев и Шапошников должны были воздержаться от выступления в печати.

Новые силы, взращенные революцией, заняли места опальных. Академия наполнилась «неизвестными солдатами» гражданской войны.

На этом бесцветном фоне И. Сталин казался «известным теоретиком социализма», «великим и гениальным вождем» СССР. Его некоторые мысли сделались «заповедями Моисея». Одной из фраз его банальной речи «Большевики должны

фраз его банальной речи «Большевики должны овладеть техникой» пришлось сделаться руководящей формулой. Начались пятiletки с их «нагнать и перегнать Америку», пришлось повернуться «лицом к Западу». Стали изучать современную технику и опыт Мировой Войны. И хотя страна голодала, а население считало коробку спичек и свечу «люксом», Красная Армия получила современное техническое оснащение.

Стратегия «сокрушения» и быстротечность войны

Успехи в области технического оснащения армии авиацией и бронетанковыми соединениями наполнили литературу Красной Армии утверждениями о необходимости для СССР вести будущую войну на быстрое «сокрушение» противника. Наступила эпоха уверенности в быстротечности кампании. Удар молниеносного сокрушения составил альфу и омегу красной стратегии. Чрезвычайно характерно, что при этом никто не подумал об определении хотя бы приблизительных сроков такой молниеносной кампании.

Всякое увлечение какой-либо идеей в СССР принимает форму чудовищной гипертрофии и гротеска. Появились мечты о возможности для СССР, с его зачаточной и нездоровой экономикой, победить более старые страны с развитой и прочной экономической базой. Стоит только дружным ударом страшной, сокрушительной силы танков и броневиков прорвать «кордон» неприятельских армий, захлестнуть и опрокинуть оборону, погнать неприятеля безостановочным бегом авиации, «разминая копытами» конных масс бегущие толпы, на плечах которых захватывать центры промышленной жизни, вызвать кризис и революцию в городах и селах, где еще никто до того «не грабил награбленного!» Этот период был подлинным бредом о «кавалерийском шоке по Европе».

Расчеты В. Триандафиллова и возврат к «нормальным» идеям

Бывший начальник Оперативного управления Красной Армии В. Триандафиллов, трагически погибший в 1931 году в авиационной катастрофе, выпустил свою книгу «Новое в оперативном искусстве». Он впервые в СССР и вполне обоснованно определил максимальные темпы сокрушения западных соседей. Эти темпы он определил рядом «последовательных операций» в 1 1/2 года. Такая «быстротечность», увы, более напоминала затяжную кампанию, чем «молниеносный удар».

Значение расчетов В.Триандафиллова огромно: это не только холодный душ на разгоряченные головы революционных мечтателей, — это новый «социальный заказ» народному хозяйству СССР, — это «перелом строительства материальной базы Крас-

ной Армии». С тех пор Красная Армия стала готовиться к нормальной войне, подобно армиям других нормальных народов.

Долгими и извилистыми путями Красная Армия пришла, наконец, к тому, что просто и быстро давала всем военная наука. От диких организационных форм девятиполковых дивизий с выборным началом своего командного состава, через уродливые условия коллективного управления Революционного Военного Совета и института дуализма в командовании (командир – комиссар), Красная Армия пришла к нормальным общепринятым формам войсковой современной организации с единоначалием, постоянством командного состава и даже наделением его чинами и званиями, от лейтенанта до маршала включительно.

Еще сохранилась прежняя революционная стыдливость, не позволившая ввести чин генерала (столь одиозный для революционной совести), еще остались уродливые формы пролетарского творчества, в виде трехорудийных батарей, но все это мелочи, последняя точка над *i*, которую нужно поставить для окончательного возвращения к старым военно-научным истинам.

Однако при этом перегнули палку в другую сторону. Прошлое пренебрежение техникой сменилось увлечением машиной, принявшим вид какого-то поклонения, доходящего до подлинной «машинолатрии».

Эпоха колебаний

В этом обожевлении машины иногда выплывают еще надежды на новые перспективы революционных горизонтов. Еще проглядывают временами следы увлечений гражданской войной. Еще не устоялась убежденность в необходимости методов Мировой войны в военной подготовке. Военная мысль Красной Армии еще бродит, ее доктрина еще колеблется, но общая характерная линия уже видна. *Красная Армия после 20 лет блужданий вернулась к старым испытанным берегам военной науки, регулярной армии и подготовки к большой войне.* Но прочно ли и надолго ли пришвартовалась Красная Армия к старым, надежным берегам?

Не успели вкорениться в Красную Армию новые для нее влияния «регулярства», «единоначалия» и старые военно-научные, общепризнанные повсюду истины, не успели еще привыкнуть красные командиры к этому новому «вольту» советской власти, как эта власть предприняла новый «вольт».

Вся верхушка красного командования, проводившая в СССР эти «военно-научные новшества», попала под подозрение Сталина — была признана политически неблагонадежной и попала под расстрел.

Снова был введен и усилен институт военных комиссаров и военных советов при командирах. Снова вошел в жизнь, уничтоженный было, «дуализм» в армии. *Но этот откат к старому оказался гораздо опаснее прежнего.*

Все мало-мальски культурное было отправлено в «штаб Генерала Духонина», как это было в 1917 году, а на верхи военного управления выплыли прежние герои гражданской войны и партизанской вольницы: матрос Дыбенко, столяр Федько, рабочий Белов были назначены на самые ответственные должности командующих тремя западными пограничными военными округами, а на «опасный» пост командира столичного Московского округа был вознесен бывший вахмистр, «Маршал» Семен Буденный.

Известен факт заседания в Кремле высших представителей Красной Армии совместно с некоторыми представителями армий иностранных. Обсуждался важный стратегический вопрос плана войны. Когда дошла очередь С. Буденного высказать его мнение по этому вопросу, этот «Маршал» будто бы заявил: «Мое дело рубать! Больше ничего не знаю!»

Вот этими-то «рубаками» Сталин и заместил главнейшие должности Красной Армии. В этом, собственно, нет ничего исключительного для Сталина — он окружает себя сейчас повсюду, и не только в Армии, безвольными и бесцветными бездарностями. Эта его новая система. Разумеется, эта система ничего хорошего ему принести не может.

Все армии мира стараются вверить управление в руки самых выдающихся, самых культурных, самых волевых своих командиров. Сталин действует наоборот и тем разрушает Красную Армию еще задолго до войны. С точки зрения коммунистической Сталин является самым опасным «вредителем».

Мы нарисовали извилистую кривую метания красной военной мысли, прочерченную двадцатилетним игом коммунистической власти над русским народом. Общая культурность вождей, порожденных революцией, проникнутых классово-психологией и выдвинутых мутью гражданской борьбы еще долго может водить красный корабль по кривой путаными и извилистыми путями.

Это блуждание может кончиться в СССР лишь в день падения коммунистического ига, поставившего вновь, как двадцать лет тому назад, ставку на самый отсталый, темный и некультурный слой нации. При этих условиях как бы ни насыщал Сталин свою армию современной техникой, как бы ни увеличивал ее силы, Красная Армия всегда будет колоссом на глиняных ногах.

Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины. Сигнал. — 1937. — № 19.

ДУШИ В КАНДАЛАХ

Военная история полна имен людей, прославившихся победами над вражескими армиями. Иные вошли в Историю, потому что дали врагу разгромить свою армию. Сталин войдет в Историю как человек, *разгромивший собственную армию*. Подвиг, единственный в своем роде.

Разгром этот — военное поражение страны в дни мира — вызвал крик изумления и гадливости во всем мире, но иностранцы обратили внимание только на один эпизод этого *беспримерного сражения властителя с собственным войском*. Правда, этот эпизод чрезвычайно эффектен: расстреляны маршал и высшие генералы. Высокая чиновность истребленных создала сенсацию; романтичность же личности Тухачевского, этого «почти победителя» у Варшавы, этого «почти Наполеона», усугубила ее.

Сенсацией скрыта от глаз границы гораздо более глубокая трагедия Красной Армии, гораздо более жестокий ее разгром — истребление тысяч командиров, заподозренных в сочувствии сов.-генеральским заговорам. Увольнение, ссылки, расстрелы разрешили командный состав, как не разрезает кровопролитнейшее сражение. Красная Армия стала сейчас действительно красной от залившей ее собственной крови. Ее силы подорваны, ее дух надломлен.

При помощи Ежова, взяв армию в ежовые рукавицы, Сталин добился того, что войско ему послушно, *но оно перестало быть войском* — стало партийной вооруженной силой. Любить Родину можно, но не слишком (расстреляют или сошлют), не любить партию нельзя (расстреляют или сошлют); слушаться командира надо — но осмотрительно, а слушаться политрука надо безусловно; в командира надо верить, если ему начальство верит; а если начальство относится к нему подозрительно, то не доверять командиру благоразумно, а может быть и полезно: на своевременном доносе можно сделать карьеру.

Сделавшие карьеру на доносах не спокойны за свою жизнь — во время осенних маневров немало шпионо-выдвиженцев погибло от пуль красноармейцев. Не спекулировавшие на доносах чувствуют себя не крепкими на своих местах — не проявили, мол, преданности — и поэтому опасаются быть требовательными: небезопасно раздражать подчиненных, среди которых немало кандидатов в выдвиженцы.

Всю эту мерзость внес, в и без того-то нездоровую жизнь армии, Сталин. Он не только убил людей, *он убил святейшее в*

каждой армии: веру в себя и веру в своих, властность и послушность, духовную единность и целостность.

Вот результат кровавого для армии 1937 года.

* * *

В эмиграцию проникло известие о том, что в Туле на квартире военного инженера Астахова покончили с собою сам Астахов, генерального штаба майор Войткевич, капитан Одинцов и капитан Пономарев. Причина: *невыносимое положение красного офицерства, оплетенного сыском, доносами, травлей, угрозами кар за преступление, ни в каком законе не предусмотренное, но, тем не менее, самое карательное из всех — неугождение ком-самодурам.*

Впечатление от этого самоубийства поговору было таково, что тела мучеников ежовского режима в Красной Армии были погребены без присутствия даже ближайших родных. Впечатление тем более сильно, что протест уходом из жизни был выявлен не старыми, бывшими царскими офицерами, затравленными подозрительностью власти, а офицерами советской формации, благонадежность которых не должна была бы внушать опасений.

Самоубийство одного офицера, по причинам выше изложенным вышло бы из рамок происшествия, и стало бы многозначительным выявлением общественного зла. Но групповое самоубийство показывает, что это зло приняло чудовищные размеры. *Красное офицерство, не бунтовавшее, понесло кару, большую чем в свое время понесли бунтовавшие стрельцы: каждый двадцатый командир расстрелян, каждый десятый сослан в ссылку, каждый третий уволен от службы, 40 тысяч командиров и старшин попали в одну из этих трех рубрик: одни приговорены к мягкому наказанию — расстрелу, другие к милостивому: медленной смерти в лагере; а третьи — к высшей мере наказания — изгнанию в категорию бесправных, отверженных, обреченных на муки голода и отчужденности: никто не смеет им помочь, проявить к ним участие.*

Уцелевшие в рядах командирства делятся на две группы: кандидаты на карьеру и кандидаты на расстрел. Карьера — за донос, расстрел — в результате доноса. *Доносительство в армии вещь чудовищная, разрушающая моральную основу армии,* но доносительство, введенное Сталиным-Ежовым, превосходит все степени чудовищности. Против доносительства существует обычно надежная броня в виде законности: выполняй честно закон и никакой донос тебе не страшен. Но в стране Сталина карают не столько за нарушение законов, сколько за несоответствие настроениям держателя власти. Дозволенное вчера, становится преступлением сегодня, но эта перемена воззрений не опублико-

ываается — горе тем, кто не догадался о перемене. Но и догадавшиеся — не обеспечены от опалы: их могут обвинить в том, что они не дозволенное сегодня приветствовали вчера, когда оно было дозволено.

И в этом «генеральном лабиринте», который заменил никогда не существовавшую «генеральную линию», можно было бы найти спасение: ни в чем себя не проявлять и тем самым не рисковать быть через несколько лет обвиненным в контрреволюции за то, что раньше одобрялось как проявление верности революции. Но и тот обезличивающий, принижающий способ не может быть применен, потому что коммунистические тираны требуют непрестанного выявления преданности и созвучности.

Акробаты в Кремле с легкостью обезьян перебрасываются с одной трапеции на другую. Маленьким, далеко от них стоящим людям не угнаться за ними в этой акробатике. Проявишь созвучность Тухачевскому, когда он в милости, попадешь в «штаб Тухачевского», когда его прикончат в вагоне на запасном пути заброшенной станции. Проявишь созвучность Буденному, когда его выволокли в командующие войсками, попадешь в концлагерь, когда маршала-вахмистра сволокли с высокого поста на Лубянку.

Перевернешься — бьют, недовернешься — бьют. В таких условиях живет офицерство Красной Армии. *Может ли в этих условиях развиться воля, пробуждаться способность к инициативе, крепнуть вера, возвышаться душа верностью служения государству? Души взяты в кандалы. Офицеры, как колодники, волокут духовные цепи, и эти цепи делают их неофицерами: офицерское призвание требует развития всех чистейших ценностей души — без этого нет офицерства.*

Месснер Е. Кровавый год / Русский Инвалид. – 1938. – № 111.

Он же. Души в кандалах / Русский Инвалид. – 1938. – № 116.

НАБЛЮДЕНИЯ УЗНИКА ГУЛАГА

В первую мировую войну 1914–17 гг. русская царская армия, которой когда-то боялась Европа, спела свою лебединую песню. Затем из революционного хаоса создались в том же народе и на территории того же государства новые военные силы, так называемая Красная Армия, с совершенно иным построением, определяющим ее основные свойства.

В какой мере красная армия родственна своей предшественнице? Можно ли ее считать равноценной последовательницей царской армии или же самостоятельным явлением со своими собственными характерными свойствами? В виду безусловно агрессивной основной политики русского коммунизма ответ на эти вопросы не лишен некоторого интереса и значения.

Русский солдат царского времени был признан выдающимся на всем свете и среди его полководцев многие вошли в историю военного искусства как мастера по своей специальности, стоит только перечислить такие имена, как Суворов, Кутузов, Скобелев и другие. Кроме современных для каждой эпохи и различных причин, которые руководили воинами, в военном деле так же и традиция, «*pristina gloria*» данной армии, имеет немалое значение, так как *она возлагает на последователей долг чести не отстать позади своих предшественников*. Несмотря на все технические достижения, «человек» продолжает играть первенствующую роль во всякой войне; от его качеств и, прежде всего, от его психических качеств всегда зависит окончательный успех военной кампании.

В организме военных сил элемент «человек» составляет три родственных слоя: масса, личный состав, непосредственно ведущий эту массу, и высшее руководство армии. Так во время войны каждый из этих слоев имеет свою собственную сферу деятельности, он должен, прежде всего, обладать соответственными этой сфере качествами, но в то же время все три слоя вместе должны составлять одно монолитное, гармоничное целое, чтобы иметь шансы на успех. Конечно, кроме этого надо еще учитывать технические вопросы организации и основные методы ведения войны.

Непосредственный исполнитель боевых действий — солдат рекрутировался в царское время в преобладающем числе из крестьянского сословия, так тогдашняя Россия состояла более чем на 90% из крестьян; это также исходит из всех книг со статистическими данными об этом времени. В армию брались славян-

ские племена (включая поляков), евреи, мелкие неславянские племена европейской России и кавказцы христианской веры. Финны, северные кочевники из Архангельской области, все кавказские магометане, сибирские и среднеазиатские племена были освобождены от воинской повинности.

Русский крестьянин принес свои положительные качества также и в ряды армии: выносливость и умение в работе, почти спартанскую невзыскательность, лояльность в отношении всех, стоящих выше него и, прежде всего, нравственность религиозного человека и патриотизм коренного, срастившегося на жизнь и смерть с русской землей сына святой Руси, страны, которую он с наивной, но твердой верой считал самым могущественным и великим государством в мире.

Сперва революция не изменила эти качества солдата. Неудача всех интервенций иностранных войск служит этому доказательством. Но революция перенесла интересы солдата, которые прежде всего были интересами крестьянина, в совсем другую, ближе всего касающегося его сферу — вопрос распределения земли. Увлекательная пропаганда Ленина открыла ему перспективы на осуществление его самых смелых мечтаний. Со всей силой солдат бросился на всех своих врагов в этой области, а эти враги были именно законные представители жизненного строя дореволюционной России. Солдат должен был пережить полный переворот всех своих установившихся поколениями понятий и взглядов, так как все прежнее выступало теперь против него как его главный враг. *Таким образом русский солдат стал революционером.* Известный роман Шолохова «Тихий Дон» дает блестяще изложенное описание этого психологического процесса среди самых консервативных и богатых крестьян — донских казаков. Как и все прежнее, солдат так же не хотел больше признавать все правила и принципы старой армии. Организм царской армии, со всеми своими традициями, жизненными и трудовыми правилами треснул.

Гражданская война кончилась: Ленин и товарищи стали правителями государства, *и все, что напоминало о прежнем, о его традициях, нравах и идеалах, высмеивалось, уничтожалось и часто подавлялось силой.* Новому государству было нужно научить народ не только забыть старую Россию, но и ее возненавидеть, а в то же время этому государству были необходимы верные ему военные силы. Красные формирования со времени гражданской войны были только временные, импровизированные по надобности данного положения войска; теперь правительство начало формировать настоящую, регулярную армию — современную Красную Армию. С большим рвением принялись организовывать эту армию на новых, революционных основах якобы

несравненно лучше, чем была прежняя. Солдат, этот непосредственный представитель «рабочего и крестьянского класса», был, так сказать, поставлен на пьедестале на передний план, причем законы природы в организации всякой военной силы не были приняты во внимание. Фундаментальный для всякой настоящей армии принцип военной дисциплины решили заменить политическими соображениями и коммунистической идеологией. В то же время новая власть еще не особенно доверяла коммунистическому кредо в народе и ввела поэтому совершенно вновь импровизированную, ни в каких войсках до сих пор небывалую должность политических комиссаров в армии; эти комиссары были гражданскими представителями партии и имели широкие полномочия для императивного влияния на деятельность и жизнь армии во всех отношениях, независимо от того, война ли или мир. При этих условиях *армия неизбежно превратилась скорее в политическую, чем в военную организацию.*

Много лет эта армия жила спокойно, занимаясь усовершенствованием своего революционного строя до тех пор, пока не началась вторая мировая война. Тогда она выступила на мировую арену и должна была показать, какую превосходную военную силу она собой представляет; вместо этого *она начала сдаваться врагу в миллионных количествах, хотя он уже стоял на русской территории.*

Но Сталин не терял голову. Соответственно своим методам он сейчас же оставил позади линий вступивших в бой надежные отряды чекистов, вооруженных автоматами. Этот метод помог только до известной степени и не возбудил наступательного духа у солдат. *Тогда психология была поставлена на повестку дня и началось ловкое, пропагандистское мнимое возвращение к старым увлекательным мотивам, которые так часто вели царскую армию к победам без помощи коммунистической политики.* В сопровождении громких фраз и жестов вышел целый ряд распоряжений, которые с точки зрения правозащитных коммунистов были чисто реакционны: открытие церквей, введение прежних знаков различия и чинов в войсках, склонение слова «родина» по всем падежам русской грамматики, воодушевленные воспоминания о героической славе русского солдата, *выпуская тот факт, что это был солдат царской армии.* Эта политика совершила чудеса. Конечно, к сожалению, нельзя умолчать о том, что противник способствовал этому своим безрассудным, жестоким обращением с советскими военнопленными. Так или иначе *красноармеец пришел в настоящее боевое настроение* и во вторую половину войны сражался как истинный солдат. Красная Армия вышла из своей первой войны героем и победителем. После успеха этого, так сказать, *патриотического маневра* самому Ста-

лину и руководящим коммунистам стало ясно громадное значение героической традиции для всякой армии, хотя они, конечно, никогда и нигде открыто об этом не упоминали. Наоборот, пропаганда громко кричала о революционном настроении и героических подвигах красноармейцев, как знаменосцев революции. Весьма поучительно сравнить похвалы, которые советская пресса расточала Красной Армии до и после занятия Берлина; из этого видно, как *вызванное необходимостью громкое пропагандирование добродетелей прежней армии сейчас же, когда в этом не было больше надобности, превратилось в обычную, прославляющую самую себя коммунистическую пропаганду*. В действительности же директивы и принципы прежней русской армии не только не были оставлены после войны, но продолжали вводиться дальше шаг за шагом, а с ними втихомолку также и старая, строгая дисциплина. (Даже в пределах поля наблюдения, доступного арестанту в лагере, я мог заметить как на этапах, так и в лагерной жизни наличие настоящей военной дисциплины. Вместо прежней, исключительно политической учебы чисто военное обучение было теперь систематично и целеустремленно даже в конвойных отрядах. Мы слышали регулярно проводимую учебную стрельбу; иногда арестантов не выводили на работу, так как конвой был на полевых маневрах. На снимках парадов и разных эпизодов из жизни армии видна настоящая военная выправка воинских частей различных формирований.)

Значение традиции в военном деле было теперь совершенно ясно для коммунистов. *Старинный русский патриотизм, традиционная самоотверженность предшественников, чувство обязанности показать себя равным им, сделали из нового, красного солдата действительно настоящего солдата в лучшем смысле слова. Психологическая и умственная связь между Царской и Красной Армией была установлена в солдатской массе.*

Тот факт, что военные качества, которыми всегда обладал русский солдат, остались прежними, несмотря на столь изменившиеся времена и обстоятельства, также доказан необычной храбростью и стойкостью солдат Власовских формирований. Эти солдаты принадлежали к той же массе, из которой состоит Красная Армия; все они представители того же народа, но именно коммунистическая эра создала новый тип послереволюционного русского, для которого все «предрассудки» прежнего времени совершенно чужды. Поколения, выросшие под коммунистической властью, даже физически отличаются от прежних русских крестьян: они слабее, меньше ростом и более нервны. Это бросается в глаза каждому, кто знал старую, русскую армию и прежнюю деревню. (Когда весной 1945 г. красные войска вошли в Вену, я совсем не узнал солдат: ни по их внешнему виду, ни по их поведе-

нию в отношении к населению Австрии, на которое советское командование совсем не смотрело как на врага. Это были совершенно другие люди, чем те, которых я уже в прошлом столетии так хорошо и так близко знал; их понятия, их интересы и мотивы были совершенно новы и абсолютно чужды области мысли и нравов старого русского человека. Мои позднейшие наблюдения в лагерях только подтвердили это впечатление, как в общении с надзирательным персоналом, так и с арестантским контингентом.)

В своей главной массе Красная Армия теперь больше вообще не принадлежит к крестьянскому сословию. Экономическая программа коммунистического государства превратила крестьян в фабричных рабочих, их психология автоматически стала иной, чем патриархального сельского хозяина прежнего времени. Они больше не воспитываются родителями, а механически дрессируются государственными чиновниками как пионеры, которые потом автоматически переходят на коммунистическую учебу и образование в комсомоле. Современный солдат умственно стоит много выше, чем прежний, большей частью, неграмотный. Большинство красноармейцев атеисты и на их моральные принципы сильно влияет доктринерское, бездушное воспитание. Поэтому можно утверждать, что красноармеец душевно и физически совершенно другой человек, чем его предшественник царского времени. В некоторых отношениях он стоит выше, а в некоторых ниже, но что касается его общей характеристики как солдата, на него вполне можно смотреть как на *хранителя и продолжателя положительных боевых качеств старой русской армии.*

В отношении второго элемента «человек» в организме военных сил — офицерского корпуса — вопрос о связи между старым и новым выглядит совсем иначе, чем в солдатской массе.

Состав прежнего офицерского корпуса был неоднородный, в нем было две сравнительно небольших группы: аристократия и дворяне, ближе всего стоявшие к императорскому двору, и офицеры с академическим образованием, имевшие влияние как специалисты, многие из которых занимали командные посты. Главная масса офицерского корпуса состояла из представителей всех слоев, окончивших военные училища и имевших среднее образование; это были прежде всего сыновья офицеров, учившихся в кадетских корпусах, но также и гражданские семьи посылали своих сыновей в военные училища, иногда по материальным причинам, так как образование в них было бесплатным. Часть офицеров имела только четырехклассное среднее образование, и для военной подготовки были предусмотрены так называемые военные училища второго класса. Офицеры не имели права активно входить в соприкосновение с политикой. Независимо от их проис-

хождения все члены офицерского корпуса составляли совершенно отдельную от солдатской массы высшую касту. Внутри корпуса принцип рыцарской чести был первой заповедью, причем *понятие «честь» охватывало всю сферу служебной и частной жизни.* Слава данной воинской части и всей русской армии вообще была традиционной, и в первую мировую войну русский офицерский корпус в преобладающей массе показал себя действительно на высоте своих служебных и личных обязанностей.

Революция вывела солдатскую массу на первое место в армии. Введенные уже Временным Правительством и позднее покровительствуемые коммунистами солдатские комитеты получили довольно широкие права вмешиваться в жизнь своих частей; как представители имеющей теперь преимущество массы они автоматически, шаг за шагом, стали далее расширять эти права до безграничности. Скоро они поставили себя выше командного состава и начали его контролировать с точки зрения своих собственных солдатских интересов и новых понятий и лозунгов, привитых им революционной пропагандой; они даже смещали командование, которое казалось им недостаточно революционным. Глубокий разрыв между двумя главными частями в составе армии ясно обнаружился, и большевистская пропаганда ревностно увеличивала его и далее.

Хотя солдат вышел победителем из этой борьбы и новая государственная власть и была всецело на его стороне, вопрос формирования офицерского корпуса, с соответствующими этой власти убеждениями и, вместе с тем, с хорошей специальной подготовкой было нелегко разрешить. Для гражданской войны чисто революционное воодушевление личного состава было достаточно даже и без настоящей военной подготовки, но для регулярной армии был нужен совсем другой состав. Кратковременные курсы не были решением этой задачи, так как лишь достаточная подготовка уже требовала более долгого времени. Во время гражданской войны Троцкий принимал всех перебежчиков из старой армии, но их количество было невелико и кроме того они не пользовались доверием коммунистов. Поэтому прошел немалый срок, пока Красная Армия в отношении своего офицерского состава стала настоящей организованной армией.

В этот промежуток времени Советский Союз был беззащитен перед всякой настоящей армией. Неудачная кампания против Польши в 1920 г. это ясно подтвердила. Кратковременные успехи кавалерии Буденного объясняются только первыми, неожиданными маневрами войск подвижного рода, которых Польша еще не имела в соответственном количестве. После более серьезного сопротивления у Львова и Замостья советские войска потерпели решительное поражение; при этом польская армия была только

что недавно сформирована и, со строго военной точки зрения, еще довольно слаба. Победители в гражданской войне, которые из солдатской массы повысились в командные чины и стали главным командным составом советской армии, превратили эту армию в еще более слабую, чем польская. Надо было энергично действовать, чтобы иметь в распоряжении настоящих офицеров. Советский Союз совершенно замкнулся от всего остального мира, не беспокоил активно ни одного из своих соседей и начал лихорадочно вооружаться во всех отношениях. Были основаны военные училища и академии; командный состав, начиная с высших и самых высших постов, был послан туда для дополнительного обучения, а затем начали обучать новые контингенты. Обучение это производилось, главным образом, перебежчиками из прежней царской армии. Организация офицерского корпуса была поставлена на совсем другие основы, чем в первое время после революции. Специальные знания были поставлены почти наравне с политической ученостью, но именно только почти, и политика по-прежнему имела первенствующее значение. В отношении всех членов офицерского корпуса принадлежность к партии считалась важнее, чем все остальное. Конечно, также и весь офицерский корпус был под внимательным надзором политических комиссаров, который был еще строже, чем в отношении солдат.

Вторая мировая война дала сейчас же Кремлю почувствовать, что такой порядок был большой ошибкой. После тяжелых поражений первого периода войны пришлось также и среди офицеров поставить военное дело перед политическим. Это было проведено, причем главной мерой была отмена права политических комиссаров вмешиваться в чисто технически-военные и оперативные вопросы. Воодушевить офицеров воевать за коммунистические лозунги и только за них, видимо, не удалось, так как Сталину пришлось опять ввести прежние чины и знаки различия старой царской армии; этим он установил связь между своими красными офицерами и их предшественниками царского времени, которых систематическая пропаганда до сих пор унижала и высмеивала. И тут слава старой царской армии послужила спасительным средством: поведение и работа красных офицеров во вторую половину войны общепризнана положительно. Конечно, при этом не только прежние погоны сыграли решающую роль, а *возрожденная этим жестом вековая традиция русской армии*, повлиявшая на офицеров в той же мере, как на солдат. *Слава предшественников вдохновила совершенно чуждых им новых людей и вновь доказала значение психологических факторов в военном деле.*

Этот принцип также и теперь совершенно ясен коммунистической власти, хотя внешне она предпринимает разные меры, что-

бы заменить прежнее, которое в данный момент не так остро необходимо, новыми мотивами для воодушевления. После войны вся масса офицерского корпуса была сейчас же основательно просеяна по принципу коммунистической правоверности. Тех, которых оставили, послали в специальные училища для пополнения их знаний, но во всех этих училищах политическая учеба опять была на первом месте, так как именно лозунги коммунизма должны были воодушевлять бойцов и вести их к победе над всеми, кто иного образа мышления. В этой пропагандистской работе также не стесняются представить успехи в последнюю войну как подтверждение вдохновляющего действия коммунизма, причем о фактическом процессе создания этого воодушевления не упоминается ни слова. Насколько можно наблюдать, стремятся достигнуть хотя бы внешне воодушевление коммунизмом среди всего офицерского состава. *Насколько это также и внутренне, можно бесспорно установить только в критические моменты, будь то война или какое-либо другое катастрофическое потрясение государства, так как только тогда обнаружится вся правда.* Находящийся под постоянным, бдительным контролем советский гражданин, все равно чиновник ли он, штатский или военный, ни в коем случае не может показать себя иным внешне без риска попасть в лагерь или быть вообще ликвидированным. (Во всяком случае, все советские офицеры, допрашивавшие меня в каждом лагере и во всех 15 рабочих колоннах, через которые я прошел, произвели на меня впечатление убежденных коммунистов. Но надо сказать, что это были почти без исключения так называемые оперативно-уполномоченные, надзиратели за военным персоналом, состоящие на службе в комитете государственной безопасности; конечно, возможно, что они подлинные коммунисты. Так же и случайные разговоры с представителями советского офицерского корпуса всегда производили на меня то же впечатление их коммунистического credo, но как уже сказано, такая тактика внешне во всяком случае совершенно необходима).

Однако коммунистические верхи прекрасно знают, как действительно дело обстоит в массе и *обеими руками держатся за старую традицию.* Докоммунистическая военная история введена в академиях и военных училищах как обязательный и важный предмет; под разными предлогами прежние герои русской военной истории поставлены на первый план. Имена Суворова, Кутузова и других упоминаются с уважением, кадетские корпуса переименованы в суворовские, война 1812 года выдвигается как образец истинного русского патриотизма и Бородинское поле битвы поставлено под охрану памятников старины. Таким образом психологическое воздействие на офицерский состав ведется в двух

совершенно различных и один от другого независимых направлениях — *так во всяком случае вернее.*

Между современным офицерским составом и солдатами больше нет пропасти, как прежде. В повседневной жизни и в своих интересах офицеры отличаются от солдат большей частью только знаками различия чина. В некотором отношении это упрощение имеет преимущество, но часто оно не соответствует правильным принципам военной дисциплины. <...>

В отношении специальной подготовки офицеры большей частью на высоте, так как правительство обращает очень большое внимание на этот сектор. В нашу эпоху техники они, конечно, много более сведущи в этой области, чем офицеры прежней армии, которые до революции имели дело со значительно более простыми боевыми средствами и боевой техникой. В умственном отношении современный офицер на уровне прежнего общего образования четырех классов средней школы. С 1955 года в лагерях ввели политическую учебу арестантов, которая состояла из лекций и дискуссий из области так называемой «политграмоты», т.е. знание основ политики. Проведение этой учебы было поручено офицерам, принадлежавшим к надзирательному составу. (В 1955–56 г. я присутствовал на этой учебе в различных лагерях и мог составить себе ясное понятие об общем образовании и умственном развитии среднего советского офицера). Так же и в отношении своего воспитания он, как правило, стоит на том же уровне, как и солдат: в манере выражаться и себя держать он абсолютно примитивен и неотесан, как и вся советская народная масса вообще. Но именно поэтому офицеры знают и понимают народ, к которому они стоят так близко, им известна его жизнь, его нужды, его действительные желания и мечты. Офицеры больше не составляют отдельной, замкнутой касты, и политика для них более не табу, что далеко не безразлично для судьбы народа.

Для солдата теперь дорога открыта к офицерскому чину, если у него имеются соответственные специальные способности и надлежащая подготовка. Старого, корпоративного принципа чести больше не существует, во всяком случае в его прежнем смысле. Корпоративная ответственность всего офицерского корпуса за чувство долга чести и за соответственное ему поведение каждого его члена теперь заменена идеологической верностью коммунистическим жизненным принципам каждого отдельного лица и каждый предоставлен самому себе. Пока здесь можно очень часто наблюдать совершенно отрицательные явления, особенно в отношении частной жизни. (Уже в первом лагере, куда меня привезли в 1949 г., я был свидетелем сцены, когда начальник лагеря, пожилой офицер, ругал свою жену самыми непечатными словами в присутствии всего идущего на работу развода: она работала

там же в санитарной части, и по его мнению, признала слишком много арестантов больными и временно неработоспособными. В другом лагере никто другой, как официальный цензор нравов, оперативно-уполномоченный, несколько раз приходил ночью в лагерную кухню с запасом водки и в сопровождении женщин из соседней деревни и заставлял готовить себе ужин из продуктов несколько лучшего качества, которые предназначались для лазарета. Другой оперативно-уполномоченный заставлял шить себе одежду даром тех арестантов, которые были по профессии портными. За все время моей ссылки я мог наблюдать еще много подобных случаев, не имеющих ничего общего с понятием о рыцарском защитнике родины.)

В отношении общей характеристики военных качеств офицерского состава Красной Армии пока можно только сказать, что его роль в случае войны была бы слишком ответственна и многосторонна, чтобы вывести в данный момент, без объективных фактов, какие-либо окончательные заключения. Красный офицер еще не выдержал своего экзамена зрелости на поле битвы; его первые шаги в этом направлении еще нельзя рассматривать как характерные, так как здесь, как уже сказано выше, действовали совсем особые, присущие только тому моменту факторы. В настоящее время он в переносном смысле слова еще в «*statu nascenti*»: у него еще не было решительного случая доказать на деле свою готовность жертвовать собой ради коммунистических заповедей, которые теперь должны его вдохновлять, причем эти заповеди истолковываются самими руководящими коммунистическими верхами довольно различно и проповедаются смотря по надобности данного положения. Сталинское изложение коммунистического учения в течение 30 лет признавалось большинством в коммунистическом мире как неоспоримое евангелие. Но уже это изложение было во многих важных пунктах не на сто процентов одинаково с прежним изложением Ленина. Учение Сталина не оправдано его последователями и подвергается строгой критике, но и сами критики далеко не согласны между собой, как это можно ежедневно видеть. При таких условиях как могла бы столь не твердо формулированная в своих заповедях вера увлечь до самопожертвования массу неодинаково ориентированного простого народа?

Третий слой элемента «человек» в организме военных сил — это высшее и верховное командование, которое следует анализировать отдельно, так как своими приказами оно решает по своему усмотрению судьбу всей армии или ее крупных частей.

Высшее командование царской армии рекрутировалось главным образом из офицеров, служивших ранее в привилегированных полках, и до некоторого процента — из офицеров с академи-

ческим образованием. Верховным главнокомандующим в первую мировую войну был сначала великий князь Николай Николаевич, а затем император Николай II.

Советский Союз вступил в последнюю войну почти исключительно с новыми людьми на высших командных постах; фактического верховного главнокомандующего вообще не было, так как Сталина нельзя считать оперативным главнокомандующим армии. Он не был военным и с этой точки зрения мало что мог предпринять против врага с такой военной подготовкой и такими знаниями, каким была германская армия; зато как организатор, пропагандист и беспощадный жертвователъ человеческих жизней он несомненно сильно содействовал успеху войны, *но эта его деятельность относится к совсем другой области, чем стратегия.* Фактического верховного главнокомандующего заменял верховный военный совет, а также и инициатива командиров отдельными армиями, среди которых некоторые, как, например, Жуков, Конев, Рокоссовский и другие, создали себе известное имя. Но не одни эти факторы, а также и совершенно независимые от них обстоятельства принесли своим взаимодействием окончательный успех для русской армии. В первую очередь это была несколько легкомысленная оценка сил противника со стороны германского командования и уже упомянутый раньше злополучный метод в обращении с военнопленными. При вступлении в Россию германское командование было так твердо уверено в молниеносной победе над противником, что оно вообще не снабдило армию зимним обмундированием. Из-за этого упущения потом тысячи и тысячи пострадавших от мороза людей должны были быть отправлены в тыл, а в отношении оставшихся на фронте очень суровая и долгая русская зима нарушила весь первоначальный план кампании. Русские выиграли время, и дело приняло первый благоприятный оборот в направлении их позднейших успехов. Затем пришла поддержка оружием и продуктами из Америки; в конце концов создалось решающее все положение обстоятельство — уже описанная выше перемена настроения русских войск.

Во всяком случае, теперь у Красной Армии большое счастье иметь командиров с военным опытом и образованием по последнему слову военной науки. Конечно, нельзя предугадать, проявились ли бы в случае войны факторы, не имеющие ничего общего с военным делом, как, например, интриги и соревнования, которые могут иметь решающее значение. Во всяком случае, здесь была бы уместна и даже необходима какая-нибудь уже существующая, авторитетная фигура со всемогуществом и беспощадностью Сталина, чтоб продвинуть все исключительно в направлении принципиальных, коммунистических стремлений. Коммунизм

— это не цемент, скрепляющий строение советского государства и защищающий его от всех непогод. Теперь, по прошествии более 40 лет, кремлевские верхи *не могут утверждать, положив руку на сердце, что подчиненная им страна — действительно страна с коммунистическими убеждениями.* В первые годы революционного угара Россия может быть была более всего коммунистической, так как тогда народная масса отождествляла коммунизм с достижениями революции. Но как только настоящие коммунистические черты нового порядка яснее обнаружались, уже Ленин был вынужден ввести чрезвычайку, чтобы удержать государство и руководить им далее как коммунистической страной. Во время Сталина и после него государственная власть держалась не на основании свободного признания коммунистической веры народной массой, а только примитивным и грубым насилием над народом, который был более или менее отрезан от внешнего мира. При всякой силе извне государственное строение поэтому несколько расшатывается. Для того чтобы держать твердо в руках все и всех и вести по предписанному пути, здесь необходима сила, уже общепризнанная как таковая, благодаря горькому опыту внутри государства. Такой силой была при начале последней войны сталинская диктатура, которая уже много лет раньше повелевала всем народом — она спасла коммунизм в России. Теперь больше нет такой общепризнанной и внушающей страх фигуры; кроме того, с каждым годом народная масса все более удаляется от официального коммунизма, так как он ничего не дал народу из того, что он ему обещал. При таких условиях среди военных могут возникнуть личные стремления — наполеонизм везде и всегда находит сторонников. Во всяком случае, когда государственное строение слабеет и слегка шатается, хотя бы в течение коротких моментов, это признак, что оно идет навстречу распаду. Настроение народной массы в Советском Союзе реальный факт и создает благоприятную обстановку для постепенного введения государственного строя, соответствующего желаниям народа. <...>

Со времени брака великого князя Иоанна III-го с византийской царевной Софией Палеолог в XV столетии, при котором он принял титул царя, подданные московских государей считали свою столицу законной преемницей древнего Рима, традиция мирового господства которого перешла через Византию, как второй Рим, на третий и последний Рим — Москву. Эта вера была веками аксиомой как для властителей, так и для народных масс и не допускала никаких сомнений в своей истине. Религиозно-моральный мессианизм православной России для спасения «гнилого Запада», проповедуемый Достоевским, и большевистское стремление к «жизнеобновляющей всемирной революции» под императив-

ным руководством Москвы — это лишь различно сформулированные вариации того же самого импульса, настоящее название которого есть империализм.

С течением времени и благодаря переменам в образе жизни народа, наряду с этим общим *между Царской и Красной Армиями*, конечно, создались всякие различия, но *это общее со всей силой категорического императива продолжает иметь решающее значение для психологии русского народа, его государства, какую бы форму оно ни приняло в будущем и для его армии.*

Греков А. Воспоминания. (Машинопись, 1957-1959.) С. 76–91. Библиотека–Фонд «Русское Зарубежье» Ф. 1.

Ю. Данилов

О ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВА К СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Организация европейского мира мало продвинулась вперед. Лига Наций в этом вопросе уклонилась от прямого пути и настаивает на предварительном сокращении и ограничении вооружений, каковые вовсе не являются причиной войны, но лишь ее средством. В то же время, при современных международных взаимоотношениях, вооружения служат наиболее верным средством защиты, *как бы страховою премией, уплачиваемую государством в интересах своей внешней безопасности.* Поэтому только с увеличением степени этой безопасности станет действительно возможным сокращение вооружений, которые в этом случае явятся излишними.

Пока же неуверенность в собственной безопасности и невозможность разрешения наиболее существенных вопросов мирным путем требуют со стороны современных государств самых интенсивных забот по усовершенствованию их военной системы и по обеспечению принадлежащих им вооруженных сил наиболее современными техническими средствами.

Думая о мире и работая над его укреплением, приходится помнить о возможности войны, которая, по своим ужасам, должна представляться еще более грозной, чем только что минувшая.

В этом раздвоении — трагизм жизни современных государств.

* * *

Мы все глубоко верим в грядущее возрождение России, и спор между нами может вестись лишь в рамках определения времени и условий этого возрождения. Но как бы ни сложилась обстановка, новая *Россия должна явиться фактором мира в Европе; мира, — который, прежде всего, будет необходим ей самой на многие годы. Этим основным положением должна быть проникнута вся будущая внешняя политика нашей Родины, миролюбие которой несомненно привлечет к ней общие симпатии, но это миролюбие должно быть не от слабости, а от силы.* Та же Россия не должна упускать из вида и того, что пока человечество не научится разрешать свои споры иным, чем теперь, способом, ни одно уважающее себя государство не может обойтись без вооружений, служащих для нации средством защищать свое достоинство и безопасность. И потому одним из первых актов будущей национальной власти в России должно быть *воссоздание русской военной мощи.*

Работа по воскресению национальной армии и флота и по созданию наивыгоднейших условий для выявления названными вооруженными силами страны в нужный момент своей мощи и составляет то, что следует понимать, нам, русским, под выражением подготовки государства к современной войне.

* * *

Современная война, для своего успеха, требует крайнего напряжения решительно всех моральных и материальных сил нации. Лозунгом для государства, ведущего войну, должно служить выражение: «все для войны». В настоящее время войну ведет не только вооруженная сила, но и вся нация, в ее целом. Поэтому и подготовка к такой войне является задачей чрезвычайно сложной, долженствующей охватывать все стороны жизни нации и таким образом далеко выходить за пределы деятельности военного и морского министерств.

В основе такой подготовки, конечно, должно лежать стремление наиболее полно использовать опыт прежних войн, и особенно последней мировой войны, оставившей нам богатый и разносторонний материал для разнообразных выводов.

Ни в каком случае не следует однако удивляться, если новая война вновь застанет мир недостаточно готовым к ней. *Человеческий ум наиболее полно изощряется в изобретении новых и усовершенствовании существующих средств и приемов борьбы в течение самой войны,* и только в ее опыте появившиеся средства могут обнаружить всю полноту своего значения. Всякая новая война поэтому неизбежно выдвинет много нового как в

области военной техники, так и военного искусства; такого, что не было и не могло быть предвидено заранее. Учитывая эту природу всякой новой войны, один из французских писателей (Режиналь Кант) очень остроумно, хотя и неверно заметил, что после войны 70-го года французы потратили более 40 лет на изучение того, что именно надо было сделать, чтобы выйти победителем из этой, давно миновавшей войны.

Значение минувшего опыта несомненно огромно и изучение его, собственно, и создало теорию военного искусства. Но независимо от того необходимо отметить, что опыт ближайших войн намечает также «пути» или «области», в направлении которых возможно ожидать дальнейшего развитие или усовершенствование военного дела. В особенности эти указания важны в период небывалого развития техники. Серьезно поставленное в мирное время изучение свойств новых средств борьбы и наблюдение за развитием их несомненно приблизит не пренебрегающих опытом прошлого к тому, чему в ближайшую войну суждено будет приобрести значение решающих факторов. И в этом смысле минувшая война дает небывалые указания.

Примером разного отношения к опыту минувшей войны могут служить Франция и Германия. Тогда как первая не учла из опыта хода Японской войны значения выяснившейся силы огня в бою и по-прежнему видела залог боевого успеха только в стремительности и порыве войск, Германия поступила наоборот и немедленно после войны приступила к снабжению своей армии пулеметами и тяжелой артиллерией. Хотя образцы и размеры установленного ею снабжения оказались далеко несовершенными и недостаточными для условий новой войны, но направление было взято верное и германская армия оказалась в отношении огневых средств более готовой к надвинувшейся войне, чем ее бывлая противница — Франция.

Нельзя сказать, чтобы в России не оценено было в достаточной мере значение новых огневых средств: пулеметов и тяжелой артиллерии. Доказательством тому служит реорганизационный план нашей армии 1910 года, в котором было положено начало снабжения войск этими видами технического имущества. К сожалению, наша Родина только начинала разворачивать свою военную мощь накануне войны, встречала сильное затруднение в денежных средствах, почему размеры снабжения ее армии материальным имуществом приходилось соотносить с бюджетными отпусками, а не с действительной потребностью войск в этом имуществе...

Необходимо заметить, что *абсолютной готовности к войне едва ли когда-либо удавалось или удастся достигнуть какому-либо государству*. Но особенно это справедливо в теперешнее

сложное время. Вообще говоря, такому заданию будут препятствовать финансовые соображения государства, всегда доминирующие в мирное время. Еще сравнительно недавно считалось, что необходимость в крупных перевооружениях наступает обыкновенно через 10–15 лет. Теперь эти сроки совсем изменились. Военная техника идет вперед столь быстрыми шагами, что едва ли не каждый день дает что-либо новое и часто — весьма существенное. Широко отзываться на все изобретения, как бы может быть следовало с военной точки зрения, — не хватит средств ни у какого государства. Но независимо от того, следует еще иметь в виду, что и во время самой войны человеческая пытливость не перестает работать над изобретением новых и усовершенствованием прежних средств и приемов борьбы. Можно даже сказать наверное, что работа эта приобретает особо интимный характер и в любой момент способна нарушить достигнутую в мирное время готовность. Поэтому, с практической точки зрения, достаточно стремиться ко вступлению в войну с армией, готовность которой, лишь относительно превосходит готовность вашего противника. Но, разумеется, наряду с этим, является необходимость иметь уже в мирное время тщательное и непрерывное наблюдение за развитием военной техники вообще, а также за военной жизнью иностранных государств, имея в виду, что, при вооруженном столкновении, неожиданное появление на поле сражения нового средства, усовершенствованного орудия или особого приема борьбы часто может быть решающим. Необходимо также стремиться к возможному развитию отечественной промышленности, которое в данном случае позволило бы, в кратчайший срок и вне зависимости от связи с нейтральными государствами или союзниками, начать массовое изготовление вновь появившегося боевого средства.

Только те государства, которые всею своею культурною и промышленною жизнью явятся подготовленными к быстрому восприятию и практическому воплощению вновь нарождающихся идей, могут считать себя наиболее гарантированными от неожиданностей, которыми может подарить их всякая новая война.

Было бы, равным образом, известного рода легкомыслием в мирное время, при организационных работах по подготовке государства к войне, стремиться заранее учесть со всей полнотой ход развития и степень влияния на действия войск тех средств и приемов борьбы, которые к данному времени едва лишь обозначились на горизонте человеческих знаний. Дух новаторства — «во что бы то ни стало» мог бы увлечь в этом случае руководителей дела обороны на путь опасных фантазий и дорогостоящих авантур. Вполне достаточно, если в основу современного уст-

ройства обороны государства будут положены новейшие выводы только *более или менее бесспорного значения*.

Но даже относительно скромно поставленная задача доведения военной готовности государства до уровня современных, хотя бы только бесспорно признаваемых требований, встретит на своем пути ряд очень больших трудностей экономического и, в частности, финансового порядка. Таковые настойчиво будут требовать соблюдения крайней бережливости и в людях, отвлекаемых для службы в войсках от производительной работы, и в денежных средствах, необходимых для содержания армии мирного времени, подготовки будущего театра действий и поддержания материальной части армии на высоте современных требований.

В годы мира соображения экономии будут всегда иметь перевес над соображениями военного порядка, и, таким образом, мирная подготовка государства к современной войне неизбежно будет носить на себе только компромиссный характер. Равным образом, при соприкосновении границами с несколькими государствами, подготовка возможных театров военных действий, а равно и пограничных войск будет находиться также на различных ступенях готовности, смотря по степени угрозы, которую представляет каждое пограничное государство.

Не трудно при этом видеть, что максимальной степени военной готовности легче достигнуть тому государству, политика которого будет иметь определенно-активное задание. Руководителям жизни такого государства, являющимся инициаторами нападения, не представит трудности заблаговременно указать отечественной стратегии предстоящую ее разрешению задачу не только в смысле противника, но и примерного времени столкновения с таковым. При подобных же условиях, проведение необходимых мер готовности и испрошения кредитов будет облегчено в чрезвычайной степени, по сравнению с государством, в политические задания которого входит только оборона приобретенных границ и международного положения.

В таком именно положении государства, имевшего активное задание пробиться на восток, находилась перед минувшей войной Германия. Она имела перед собою определенные активные цели оттеснить Россию от Балкан и потому могла предвидеть, с какими державами ей придется неизбежно столкнуться при осуществлении своих заданий. Пользуясь мирными настроениями своих соседей, она же получила возможность, как было уже отмечено, вызвать столкновение *в наиболее благоприятный для себя момент*. Задачи Прусского военного министерства и его Большого Генерального Штаба по достижению более значительной относительной готовности этими условиями значительно облегчались, по сравнению с Россией.

Единственным средством противодействия в подобных случаях может служить «предупредительная» или «превентивная» война, могущая нарушить расчеты стороны, готовящейся к вооруженному нападению, и обернуть складывающуюся обстановку в обратном направлении. Но для осуществления такого образа действий нужны особые условия: прежде же всего твердое сознание неизбежности надвигающегося вооруженного столкновения и решимость пойти ему навстречу. Примером предупредительной войны может служить внезапное нападение на нас Японии в декабре 1904 года.

Данилов Ю. Беседы о войне и мире / Часовой . – 1930 – № 38. – С. 7–8; № 39. – С. 3–5.

ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ СОСТАВ*

Основные причины, мешавшие усовершенствованию русского высшего командного состава

И так, факты Мировой войны, из коих мною была приведена лишь незначительная часть, неопровержимо доказывают, что наш В.К.С.^{***} снова оказался неподготовленным к той задаче, которая предъявлялась ему в эту войну Армией и отечеством, как он не был подготовлен и в предыдущие большие войны, которые вела Россия с половины прошлого века. Даже победоносная Турецкая война 1877–78 гг. не составляла исключения в этом отношении.

Не помогли усовершенствованию нашего В.К.С. — ни омоложение, ни более строгая система аттестации, ни усиление его волевой практики, ни прочие меры, которые были приняты с этой целью после Японской войны, — так же, как не поправили его радикально после Крымской войны просвещенные реформы Милютина.

Этот упорный в течение многих десятилетий неуспех всех мероприятий военного ведомства, направленных к подъему на должную высоту старшего строевого генералитета русской Армии, коренится, по-моему, в зыбкости того фундамента, на котором эти меры строились. *Зыбкость же является результатом издавна господствовавших у нас ложных взглядов на самое существо войны, а следовательно, и тех требований, которые она предъявляет к лицам, избравшим ее своей профессией.* Вопрос этот настолько важен, что я считаю необходимым рассмотреть его с возможной обстоятельностью.

Есть два ходячих представления о сущности войны, рассматриваемой с субъективной точки зрения. По одному из них — она приравнивается к прикладной науке, почему погрешности в ее ведении приписываются несовершенному усвоению ее положений и приемов, подобно тому как, например, астроному, решающему задачу на вычисление влияния одной планеты на пертурбации другой, было бы поставлено в вину — в случае несовпадения вычислений с наблюдениями — недостаточное знакомство с

* Фрагменты одноименного труда В.Е. Флуга, представленного им на III-й конкурс военно-научных работ, проведенный "Районным Правлением Общества Русских офицеров Генерального Штаба в Югославии" в 1926 г. - Сост.

** Высший командный состав. Сокращение автора. - Сост.

математикой, или с механикой, или с законами движения планет и т.п.

С другой точки зрения, ведение войны рассматривается как приложение не теоретических знаний, а практического умения, более или менее совершенное владение которыми приписывается частью прирожденным способностям, частью опыту, приобретенному на войне и в упражнениях мирного времени. Понятие «опыта» включает и прежние войны (военную историю), знакомство с которыми может быть обобщено в некую «теорию военного искусства». Но данная точка зрения, в противоположность предыдущей, безусловно отвергает, чтобы такая теория могла служить руководством в каждом отдельном случае, и допускает значение ее только как средства для расширения умственного кругозора исполнителя и для облегчения ему возможности обобщать результаты своей и чужой практики и, таким образом, вырабатывать свое собственное умение в ведении войны, приблизительно приравнивается творчеству в изящных искусствах, например, в музыке, которое, будь то творчество композитора или виртуоза, — требует, прежде всего, природного таланта, затем достаточной практики и, наконец, в качестве не безусловно обязательного, но полезного свойства, — знания истории и теории своего искусства. Однако, подобно тому как нельзя изучить по книгам музыку, живопись и прочее, так данная точка зрения на войну безусловно отвергает, чтобы военное искусство могло быть усвоено книжным путем.

Из двух приведенных взглядов на войну второй несомненно ближе к действительности, чем первый, который не заслуживал бы даже и упоминания, если бы ненормальные условия жизни не выдвигали от времени до времени его претензий на право существования, и именно у нас в России чаще, чем где бы то ни было. Подобно тому, как человек, возмнивший себя живописцем, но почему-либо лишенный красок, кистей, полотна и прочих принадлежностей своего искусства, вдруг вообразил бы, что он способен осуществить свое призвание посредством чтения руководств по живописи и изучением теорий перспективы и теней, точно так же и военный деятель, в течение многих лет лишенный практики войны или хотя бы мирных маневров, впадает иногда в иллюзию, что он свое военное искусство может изучить по учебникам стратегии и тактики.

<...> Если возьмем военного деятеля в той сфере действий, которая составляет его призвание, т.е. на войне, то увидим, что его работа в этой сфере ведется тоже в условиях трудного и строгого экзамена, на котором ему приходится решать свои задачи в неясной обстановке и на основании сомнительных расчетов,

причем провал на этом испытании наказывается не плохими отметками, не менее обеспеченными шансами на карьеру и не денежным проигрышем, а такими результатами, как собственная смерть или искалечение, гибель сотен и тысяч сограждан, унижение Родины, бесславие, ответственность перед современниками и перед Историей, не говоря о менее чувствительных ударах по личному самолюбию, по надеждам на повышение и т.п.

Таким образом и получается та огромная разница в решении военных задач на планах «с целью упражнения» и в суровых условиях действительности. Немудрено, что при одном и том же задании решения в этих двух случаях могут получиться диаметрально противоположные. Очевидно, что чем выше должность исполнителя, тем большее число и тем более важных факторов, вроде вышеперечисленных, соединятся для совместного влияния на его психику, и что создаваемая ими общая атмосфера опасности может вызвать душевное состояние, при котором нельзя всегда рассчитывать на успешное приложение знаний или умения как бы они ни были совершенны.

Как отлично в мирное время обученный стрельбе солдат выпустит в бою все свои пули на «ветер», если он не способен совладать с чувством животного страха, — другими словами, если он не обладает храбростью, так и превосходно владеющий военным делом генерал «спасует» на театре войны или на поле сражения, когда он доступен чувству «страха» перед теми опасностями, которые неразлучны с войной, т.е., иначе говоря, — когда он не обладает мужеством и производными этого душевного качества: самоуверенностью, спокойствием, самообладанием, непреклонной волей, решительностью и тому подобными свойствами.

Как можно не понимать этого огромного влияния волнующей обстановки войны, когда любому офицеру известно, что и мирные маневры, на которых страх внушается не оружием неприятеля, а единственно карающей десницей начальства, сплошь и рядом дают примеры растерянности строевых начальников, — под влиянием этого чувства нередко забывающих не только стратегию и тактику, но даже и устав.

Итак, для войны необходимо знание и, еще больше, — умение, но ни то, ни другое не помогут, если у исполнителя нет достаточного запаса перечисленных качеств, относящихся к области не ума, а того, что на обыкновенном языке принято называть «характером» или «волей». В том виде, в каком эти качества приходится применять на войне, они все родственны «мужеству» и для простоты их можно бы было обобщить под этим названием, что я и буду изредка делать, но обыкновенно, во избежание смешения

с понятием личной храбрости, я предпочитаю давать им общее название *силы духа или военной энергии*.

В своем простейшем виде, например, у солдата, эти качества выражаются в форме храбрости, которая является низшей ступенью лестницы, выраженной Суворовым в афоризме: *au soldat, bravour a l'officier, valeur au general* — храбрость солдату, бодрость офицеру, мужество генералу. «Valeur» — или военная энергия, как мы ее назвали, составляет высшую ступень той же лестницы, — так сказать, «храбрость» на все виды опасности, а не только на угрозу физическому благополучию.

Таким образом, военная энергия представляет совокупность следующих душевных сил, которые могут входить в ее состав в различной степени и пропорции: мужество, непреклонная воля к победе, самоуверенность, решительность, смелость, находчивость, предприимчивость, дух почина, настойчивость, упорство, самообладание (спокойствие), способность увлекать других и прочее. Военная энергия обыкновенную энергию (настойчивость, силу воли) охватывает как одно из своих частных свойств. Просто «энергичный» человек может под влиянием опасности оплошать настолько, что не в состоянии будет приложить свою энергию, если он не обладает в то же время и мужеством. Я знал многих генералов, в мирное время обнаруживших недожизненную энергию и совершенно потерявших ее в обстановке войны. Только начальник, обладающий силою духа вообще, а следовательно, и мужеством как первым из составляющих ее качеств, свою энергию сохранит во всякой обстановке.

Итак, для возможности противодействия вредным влияниям, свойственным обстановке вооруженной борьбы, *в войне должен иметься налицо несравненно больший запас силы духа, чем у работников на всех иных поприщах государственной, общественной и приватной деятельности.* Переиначивая евангельское изречение о вере и делах, можно сказать, что «на войне ум без духа мертв есть».

Несмотря на самоочевидность этой истины, умы схоластического направления упорно стремятся выдвинуть на первое место исключительно умственную сторону военных явлений, игнорируя ту их сущность, которая коренится в области воли. Такие умы склонны впадать в экстаз от усматриваемой ими в делах великих полководцев «гениальности» стратегических и тактических замыслов, не замечая того, что гениальность заключается вовсе не в самих замыслах, обыкновенно крайне простых и не выходящих за пределы способностей обыкновенного здравого смысла, а в той огромной силе духа, которая была приложена для проведения замыслов в жизнь. <...>

Итак, к воину должно предъявляться требование о наличии в нем крупного запаса сил, которые мы объединили под названием военной энергии, и *тем большего* и тем более дифференцированного, *чем выше его положение на иерархической лестнице*.

Наличие в данном субъекте военной энергии в большем или меньшем количестве является результатом его духовного склада, унаследованного при рождении и обработанного воспитанием, но кроме того запас ее может быть увеличен и работой над самим собой под влиянием моральных и иных факторов, каковы, например, патриотизм, религиозное чувство, честолюбие и др.

Установив наличие военной энергии или силы духа в качестве важнейшего требования к вождю, без которого нельзя ожидать, чтобы он мог с успехом принять свои остальные свойства, внесем теперь в определение понятия ведения войны ту поправку, без которой... оно является неполным. По внесении такого дополнения оно может быть сформулировано следующим образом: *ведение войны — искусство, которое от других искусств отличается тем, что выполняется в обстановке неизвестности и опасности над самостоятельно реагирующим объектом, а потому от исполнителя, кроме природных дарований и специальной подготовки, требует особых качеств характера, обеспечивающих возможность применения подготовки и творчества*.

Эта истина, если она, может быть, формально у нас и не отвергалась, не составляла однако предмета глубокого убеждения, а потому и не оказывала влияния на практические мероприятия, направленные к улучшению В.К.С. На военного начальника на войне смотрели, главным образом, не как на деятеля, которому необходимо сделать огромное напряжение воли, чтобы совладать с теми чрезвычайными препятствиями морального характера, которые обстановка войны ставит на каждом шагу его работе, а как на лицо, которому приходится приложить особые интеллектуальные силы для решения предъявляемых ему войной, будто бы головоломных, материальных задач. Этот ложный взгляд и явился со времени Крымской войны первопричиной неуспеха всех начинаний военного ведомства, направленных к подъему на должную высоту В.К.С. нашей Армии.

Имея в виду наметить основные пути для разрешения этого вопроса в грядущем, я признаю необходимым, прежде всего основываясь на фактах войны, как я их понимаю, и на некоторых общих соображениях о свойствах русского национального характера, дать возможно полную характеристику нашего В.К.С.

Установив ее, мы приблизимся и к вопросу о мерах, которые могли бы быть приняты с целью возможного устранения отрица-

тельных черт этой характеристики при будущем устройстве национальной Российской Армии.

Характеристика русского высшего командного состава

Командному составу нашей старой Армии, как производной русского народа, прежде всего должны были быть свойственны те черты, которые присущи вообще русскому национальному характеру. Из этих черт нас, *в виду цели нашего исследования*, интересуют, главным образом, *черты отрицательного свойства*.

В моем труде я подвергаю особенности русского национально-го характера довольно подробному разбору, опираясь на данные литературы (в том числе на мнения таких авторитетов, как Пушкин, Ключевский, М.И. Драгомиров и др.), а также на свой много-летний опыт, но здесь я ограничусь только их перечислением.

1. Пассивность и умственная апатия, — наше пресловутое «ничаво».
2. Неспособность к продолжительному напряжению воли, — физическая и умственная лень.
3. Беспечность и небрежность, — русское «авось».
4. Отсутствие солидарности и взаимное недоверие.
5. Отсутствие гражданской дисциплины.
6. Нервность, которая на войне выражалась в частных паниках, «отскоках», крайней чувствительности флангов и т.д.

Кроме перечисленных недостатков, свойственных массе русского народа, наш интеллигентный класс обладает, в частности, еще некоторыми специальными чертами характера отрицательного свойства. Перечислю важнейшие из них.

1. Слабое развитие чувства долга.
2. Способность быстро падать духом.
3. Боязнь риска и ответственности как результат недостатка мужества. Эти дефекты характера влекли за собой отсутствие решительности, самоуверенности и предприимчивости. Дух почина, а тем более дерзания чужд современному русскому интеллигенту.
4. Болтливость.
5. Сильно развитая способность к анализу, к критике. Это предпочтение аналитической формы мышления — синтетической умаляет способность образованного русского человека к созидательной работе и к «смотрению на дело в целом».

При таком «органическом» характере перечисленных недостатков не удивительно, как говорит один из наших зарубежных военных писателей, что в русском К.С. их «нельзя было ничем искоренить»... «ни обучением, ни опытом войны, ни маневрами, ни военной игрой». Правда, что в большом числе субъектов, при-

надлежащих к одному виду, имеются всегда и значительные отклонения от среднего типа этого вида, так что, говоря теоретически, должно бы представиться возможным *на старшие командные должности избирать лиц, которые именно являются отклонениями от среднего типа в лучшую сторону*. Но на практике такой подбор нелегок и та система его, которая действовала у нас, цели «отбора лучших» не достигла. Не было также принято и надлежащих мер, чтобы путем воспитания смягчить в командном составе отрицательные черты русского национального характера, не говоря уже о мерах по перевоспитанию всего народа.

К такому перевоспитанию государственной власти следовало приступить немедленно после первого же тревожного симптома Крымской войны, предупреждавшего о понижении национального типа. Меры подобного рода и были приняты, но в неверном направлении, — не в духе усиления энергии русского народа, — что доказала новая, постигшая нас 50 лет спустя, крупная военная неудача на Дальнем Востоке. Это новое предостережение, которое должно было быть принято как явный признак начинающегося национального вырождения, на этот раз вызвало со стороны государственной власти, если не считать аграрной реформы Столыпина, — меры только паллиативного характера, которые не могли предупредить новой, небывалой катастрофы, завершившейся поражением России III Интернационалу.

Не упущено ли теперь уже время для возрождения русского народа? Я лично этого не думаю, о чем еще буду иметь случай говорить впоследствии. Во всяком случае, *новое государственное строительство после свержения коммунистической власти должно будет поставить себе целью этого возрождения в качестве главной и неотложной задачи*. Не входя в более подробное рассмотрение этого вопроса, ограничусь здесь только его постановкой как основанием для моего исследования. Возвращаясь к установленным мною недостаткам русского национального характера, рассмотрим теперь, в какой специфической форме выражались эти недостатки у нашего офицерского и командного состава и каким ближайшим последствиям они приводили.

На войне пассивность К.С. выражалась во множестве самых разнообразных форм, которые сводились, более или менее, не только к отсутствию предприимчивости, но и к медленности или отсутствию реакции на «обращения неприятельские». Нашим начальникам был, в большинстве, чужд дух «рипоста», который темпераментного фехтовальщика побуждает немедленно использовать неудачный выпад противника, чтобы подставить ему шпагу, пока тот еще не вернулся в положение *en garde*. Так, например, отбив атаку, русские войска обыкновенно медлили с переходом в контратаку, что приводило к упущению благоприятных

минут. Этот недостаток в Великую войну удалось отчасти устранить только к третьему году, благодаря продолжительной практике позиционной войны и настойчивым усилиям старшего командования.

В мирное время пассивность, при значительной доле участия лени, неблагоприятно влияла на любознательность и стремление к самоусовершенствованию. Только наличием отрицательных качеств можно объяснить факт, что многие начальники (в том числе и из офицеров ген. штаба) достигали высоких командных должностей, *не прочтя, со времени окончания последнего учебного заведения, ни одной книги по специальности.* Те, которые следили за военной литературой, часто делали это «постольку поскольку», для того чтобы не прослыть невеждами в мнении своего начальства (если последнее придавало значение этому виду подготовки), для практических целей службы (например, для руководства тактическими занятиями) и по другим подобным соображениям. Доклады по военным вопросам посещались тогда, когда начальство этого требовало (например, в полках или когда было основание предполагать, что это может оказать влияние на аттестацию).

Начальники из офицеров генерального штаба (особенно в старших чинах), которые, казалось бы, должны бы были обладать большими, сравнительно со строевыми, привычкой к кабинетному труду и любознательностью, не составляли заметного исключения в общей массе. *Для многих из них окончание академии было последним умственным усилием, к которому они вообще были способны,* другие были слишком высокого мнения о полученном «высшем» образовании, чтобы стараться еще усовершенствовать его. Бытовые условия не оставляли досуга для кабинетных занятий на дому и часто лишали головы необходимой свежести для таких занятий.

Все это, в связи с не особенно высоким уровнем образования, вынесенным из кадетских корпусов и военных училищ, приводило к тому, что наш строевой командный состав по своему общему и военному образованию вообще уступал начальствующему персоналу главных иностранных армий. Но, по моим личным наблюдениям, которые относились к офицерам французской, германской и японской армий, эта разница в разнообразии строевых офицеров нашей и иностранных армий была не так велика, как это обыкновенно принято думать, — может быть потому, что русский человек свой недостаток знаний нередко восполняет природной сметкой, которой обыкновенно не хватает, например, немцу и японцу. Не особенно значительной, вопреки ходячему мнению, показалась мне также эта разница в образовании между русским и немецким командным составом, но зато немецкие

генералы заметно отличались от наших искренней уверенностью в превосходстве и непогрешимости своих знаний, — своим научным апломбом.

Те немногие из наших старших начальников, которые к науке относились добросовестно, прилежно изучая военное дело по книгам, нередко *впадали в противоположную крайность, в своего рода схоластический образ мыслей, подобный тому, который генерал Краусс приписывает австро-венгерскому генералитету*: «Мы были перегружены тактической подготовкой, утратив вследствие этого простоту мышления»... «От избытка тактических идей многие потеряли способность понимать самые простые истины».⁷⁶

Это — образ мышления, чересчур увлекающийся «маршами, контрмаршами и прочими военными хитростями», которые Суворов советовал оставить «бедным академикам». В позиционный период Мировой войны начальники этого типа, прослышав о новом открытии на Французском фронте — «заградительном огне», требовали от подчиненных им корпусных командиров организации такого огня при боевых фронтах корпусов в 40–50 верст и при артиллерии, насчитывавшей каких-нибудь 15–20 легких и мортирных батарей на корпус...

В противоположность г. В. Драгомирову, который полагает, что «вместе с охотой к постоянному совершенствованию пропадает и воля»,⁷⁷ я уверен, что наоборот, при отсутствии воли не может быть охоты к совершенствованию, так как самый процесс усовершенствования требует значительных усилий воли. Лень есть недостаток не ума, а характера. Поэтому, чтобы поднять образование нашего В.К.С., необходимо развить в нем волю. Без этого условия не помогут ни насаждение новых учебных заведений, ни расширение их программ, к чему у нас всегда была преувеличенная склонность.

Тому же свойству, лени, можно приписать, что наши начальствующие лица часто имели тенденцию свое внимание посвящать преимущественно мелочам службы, упуская главное. Привыкнув к этим мелочам на высоких должностях, начальник, при дальнейшем повышении по службе, оказался неспособным применить к новым требованиям, которые предъявляла к нему служба на более высоких постах. Ведь, к примеру сказать, гораздо легче оценку служебной пригодности подчиненного произвести посредством привычной поверки в вверенной ему части веса солдатских «порций», или чистоты портянок, или исправности несения внутренней службы, чем по его способности управлять

⁷⁶ По Балку «Entwicklung der Taktik» 1920 г. стр. 322.

⁷⁷ Военный Сборник № 4, стр. 99.

частью в поле или руководить тактическими занятиями офицеров. Эта мелочность, которая, коренясь первоначально в лени, а потом развивавшаяся самостоятельно в силу национального склада ума, чуждого синтетическому мышлению, являлась одной из характерных черт наших старших начальников, особенно вышедших из строя.

Помимо этой причины, *мелочности способствовала и самая постановка службы*, которая обязывала начальников, даже на высоких постах, постоянно входить во все мелочи войскового быта, которые могли бы быть свободно предоставлены попечению начальников младших степеней. Французский писатель, подполковник Эмиль Майер, очень сочувственно отзывается о мере, которая, по его словам, была предписана для германской Армии императором Вильгельмом II и которую генералам воспрещалось производство «детальных смотров» (что, вероятно, соответствует нашим поверкам на инспекторских смотрах). По мнению Майера, эта мера, которую он рекомендует и для французской Армии, должна способствовать тому, чтобы мышление старших начальников не отклонялось в ненадлежащую сторону.

Физическая лень, свойственная нашему национальному характеру, у К.С. выражалась в его быстрой утомляемости, что влекло за собой слишком снисходительное отношение к утомляемости своих подчиненных. Например, наши войска, при надлежащем «нажиме», могли совершать огромные переходы, как доказывается немалым числом случаев из Мировой войны. Но начальники редко оказывались способными произвести такой нажим, и в результате этого, как говорит А.М. Зайончковский, «наши дивизии и корпуса медленно ходили на театре военных действий, не умели совершать в больших массах марши — маневры и в то время, когда германские корпуса легко в такой обстановке проходили по 30 км. много дней подряд, наши с трудом делали по 20». Самая слабость наших уставных требований к маршевой способности войск, сравнительно с требованиями в иностранных армиях, зависела, вероятно, от той же снисходительности.

В зимний период занятий спокойная работа в канцеляриях и казармах пользовалась у наших начальников безусловным предпочтением перед руководством занятиями войск в поле, почему зимние тактические ученья, маневры, походные движения и т.п. отбывались как докучливый номер и не могли возместить недостатков летней подготовки. Высказывавшиеся в литературе пожелания о перенесении центра тяжести обучения войск в поле (что, разумеется, было сопряжено с крупными переменами в войсковой организации и во всем быте войск) встречали со стороны большинства старших строевых начальников решительный от-

пор, т.к. при осуществлении такой реформы пришлось бы проститься с любимой зимней «спяч-кой» и приспособливаться к совершенно новому порядку, оценке преимуществ которого мешали, кроме того, умственная апатия и рутина, облекавшаяся на этот случай в маску «преданности традициям».

После удачных боев, несмотря на признаваемую в теории важность «эксплуатации победы», наши строевые начальники охотно давали войскам «отдых» под предлогом необходимости приведения частей в порядок, пополнения боевых припасов и т.п.

Недостаток энергии у нашего командования выражался в отсутствии настойчивости в требованиях к подчиненным, почему старшие начальники легко подчинялись исходящим от масс пассивным противодействиям, а при малейшей неудаче отказывались от *преследования намеченных целей*.

Недостаток у нашего К.С. инициативы, решительности и готовности к принятию на себя ответственности можно бы было иллюстрировать бесчисленными конкретными примерами из военных действий на Русском фронте... Нерешительность и боязнь ответственности охотно прибегают к средству «военных советов». Большое пристрастие к таким советам и вообще к беседам академического характера питали оба наши главнокомандующие в Японскую войну — Куропаткин и Линевич, забывая, что *начальники, которые слишком часто обращаются за советами к своим подчиненным, быстро утрачивают в их глазах свой авторитет*.

Оказывается, что и в 1914 году к частому созыву военных советов из всех начальников отдельных частей корпуса и выше прибегал генерал Ключев в Восточной Пруссии во время несчастной операции генерала Самсонова. К этому же периоду относится случай, о котором упоминает И. Цихович в выпуске 3-м (1920 г.) издаваемого в Москве Военно-исторического сборника. Когда 12 августа выяснилось накопление крупных сил немцев против нашего I армейского корпуса и, следовательно, — серьезная угроза левому флангу 2-й армии, «первое решение генерала Самсонова утром 13 августа сводилось к оттяжке XIII и X корпусов, но затем он собирает совещание, на котором»... принимает решение усилить I корпус подкреплениями, продолжать удар центральной группой»,⁷⁸ т.е. продолжать втягиваться в расставленную 2-й армии западню.

Преследование одновременно нескольких целей является также одним из видов нерешительности. Наш В.К.С. не чужд был и этого порока. Стоит только вспомнить раздробление усилий армий Юго-Западного фронта летом 1916 г. в стремлении

⁷⁸ Стр. 167.

одновременно к двум объектам — Ковелю и Львову, из коих ни один достигнут не был.

Когда нерешительность становится привычкой, она принимает характер непротивления. Никогда это пагубное качество нашего В.К.С. не проявлялось так рельефно, как в период революции 1917 г. Бездействие петроградских военных властей дало незначительным беспорядкам среди столичной черни развиться в огромный военный мятеж, а отсутствие малейшей энергии в действиях командированного для подавления мятежа генерал-адъютанта Иванова этот местный бунт обратило во всероссийскую «революцию». Сравните это наше «непротивление» с энергичным образом действий республиканских властей и военного командования во Франции при подавлении серьезных мятежей, вспыхнувших в 1917 году, на фронте, после неудачного весеннего наступления Нивелля, — и невероятная слабость нашего командования предстанет перед нами во всей своей неприглядности.

Одним из обычных признаков отсутствия у командования решительности и самоуверенности является тенденция к преувеличению сил противника. В Японскую войну этот порок принимал, порою, уродливые формы: силы японцев исчислялись в цифрах вдвое, втрое, впятеро превышавших их действительную величину; принимались на веру самые фантастические донесения тайных агентов — безграмотных и продажных китайцев. Заведовавшие разведкой офицеры удалялись от должностей в штабе армии, если они не «потрафляли» командованию в исчислении сил японцев в желательном для него смысле; то же самое, хотя и в смягченной форме, мы встречаем и в последнюю войну. Преувеличение сил революции было одной из причин капитуляции перед ней в 1917 году.

К той же категории должны быть причислены такие явления, как приписывание противнику превосходства в вооружении, которого у него вовсе нет (например, упорная вера с самого начала войны, что у немцев число пулеметов на батальон вдвое или втрое больше, чем у нас, хотя их было ровно столько же, а в лагерных частях даже совсем не было), затем вера в какой-то изумительно организованный шпионаж, который позволяет неприятелю свои операции разыгрывать как «по нотам». Насколько немцы разыгрывали по нотам свои операции, мы видели в С.-Кантенском и Гумбиненском сражениях. А во время «Танненбергской» операции, несмотря на огромную помощь, которую принесли немцам наши откровенные искрограммы, они сплошь и рядом действовали вслепую.

От впавшего в такое состояние начальника, который считает своего противника всеведующим и вездесущим, нельзя ожидать решительных действий. Он может составить великолепный и

даже очень смелый план действий, по которому намечается нанесение неприятелю громового удара; но первая маленькая неустойка на фронте, первая тревожная просьба о поддержке из одного из боевых участков тотчас же заставляют его начать расходование своей ударной массы на «затычки». Такое расходование маневренных резервов было для нашего командования обычным в Мировую войну.

Свойственное нерешительным и неустойчивым в себе людям, при наличии опасности, отсутствие спокойствия духа приводит к растерянности, а в лучшем случае — к суетливости, которая в лице, облеченном начальническими правами, усиливается еще во много раз, когда оно, не доверяя своим подчиненным, подвергает их действия непрестанному и мелочному контролю. При этих условиях становится понятным, что на войне наши старшие начальники, перед ожидаемыми решительными событиями, нередко лишали себя сна и пищи, оказываясь к моменту решения с несвежей головой и с измотанной нервной системой. Например, во время Восточно-прусской операции 2-й армии командир XIII корпуса генерал Ключев не спал подряд десять ночей. В Маньчжурии в 1905 г. один из командующих армиями проводил ночи напролет за собственноручным составлением и писанием оперативных распоряжений по армии, несмотря на то, что в штабе у него было более чем достаточное число работоспособных, знающих и опытных офицеров генерального штаба в чинах от капитана до генерал-лейтенанта. Другие ночи тот же командующий армией проводил за разбором и изучением поступавшего непосредственно к нему, помимо разведывательного отделения штаба, разведочного материала, как-то донесений кавалерийских разъездов и пехотных охотничьих команд, записок китайских шпионов и т.п.

Нечто подобное в отношении недостатка в характере спокойствия рассказывали мне об одном из наших лучших морских начальников, адмирале фон-Эссен, в бытности его командующим морскими силами Балтийского моря во время Мировой войны. Незначительная операция какого-нибудь корабля второстепенного боевого значения или нескольких миноносцев была для него достаточным поводом, чтобы не ложиться по ночам спать. Такие ночи, несмотря на все уговоры приближенных, он проводил в тревожном ожидании на верхней палубе своего адмиральского корабля. Хотя адмирал умер от случайной причины, воспаления легких, схваченного в 1916 г. во время одного из таких ночных бдений, но не подлежит сомнению, что смерть не прервала бы так преждевременно дни этого, еще не старого и необходимого для России человека, если бы силы его организма не были подорваны таким непрестанным внутренним горением.

Следует ли удивляться беспокойному состоянию духа наших вождей на войне, когда почти такую же картину можно было постоянно наблюдать на маневрах мирного времени. <...>

Недостаток у представителей нашего К.С. силы воли, а частью и отсутствие гражданской дисциплины («индивидуализм», по характеристике данной нам одним из иностранных авторов) приводили на практике еще к одному, довольно характерному для старой русской Армии явлению, которое можно бы условно назвать *распущенностью нравов*. Выражалось это в том, что старший в присутствии младшего мало «стеснялся». Раз отсутствует строгое око более высокого начальства или вообще страх репрессии, исчезает и стимул, заставлявший себя сдерживать: дается воля лени, небрежности и дурным инстинктам. Недаром еще М.И. Драгомировым было замечено... «многим воинская дисциплина рисуется до сих пор так, как будто она столь же полно обязывает одних, сколько развязывает других». Чем как не подобным менталитетом нашего офицерства можно объяснить факт, приводивший в изумление иностранцев, что во время Великой войны в начальнических кругах нашей Армии ни в малейшей степени не стеснялись, нередко в присутствии младших чинов, открыто нарушать Высочайшее повеление о запрещении вина и карт.

Генерал П. Ольховский приводит такой факт, что в одном лагере офицеры саперной бригады додумались до снятия с себя погон, чтобы иметь поменьше хлопот с отдаaniem и принятием чести.⁷⁹ Что касается вообще этого обряда, то общеизвестен факт, что большинство наших офицеров и генералов чести не принимали, а только «отмахивались», пользуясь, как усматривает тот же автор, своим «правом сильного», не стесняться в присутствии младшего требованиями устава.

*Нашему офицерскому и командному составу было далеко до понимания истины, высказанной одним из наиболее «духовно-мыслящих» французских военных писателей, что «равенство перед долгом службы является одним из важнейших устоев Армии».*⁸⁰

Свойственное русским людям *взаимное недоверие* в войсковой практике приводило к органическому пороку нашей Армии — мелочному вмешательству начальников в законную сферу ведения их подчиненных, к лишению их самостоятельности, к их обезличиванию. *Пагубность этого порока заключалась в том, что в подчиненных убивались интерес к делу и дух почина*, а начальник втягивался в мелочи, его ведению не подлежащие, с неизбежными упущениями в области своих прямых обязанностей.

⁷⁹ Военный Сборник № 7, стр. 22 и 30.

⁸⁰ Gavet, стр. 40.

Генерал Палицын, в своих воспоминаниях о войне, приводит факт, что в бытность его при штабе 10 армии, в начале лета 1915 г., ему пришлось серьезно просить этот штаб: по крайней мере три дня «не посылать никаких указаний и не вмешиваться в работу» подчиненного командующему армией ген. Горбатовского (одного из лучших корпусных командиров), который был «подавлен попечительным к нему отношением штаба армии».⁸¹

Опека над подчиненными на войне часто выражалась в пространных тактических поучениях, которыми начальники пытались снабжать войска, невзирая на обстановку, часто совершенно не благоприятствующую изучению этих руководств. В Маньчжурии такие поучения, выходявшие из-под пера генерала Куропаткина и других лиц В.К.С., составляли обширную литературу, которую многие из подчиненных если и читали, то обыкновенно только для того, чтобы в случае надобности сложить с себя ответственность за неудачу: поступали, мол, точно на основании инструкции № такой-то. Те, которые к поручениям относились более добросовестно, старались, по нашей привычке, найти в них рецепты для действий, чем сковывалась их инициатива и самостоятельность...

Вероятно, подобное же значение имели обычно разные наставления войскам, издававшиеся у нас во время Мировой войны, из коих некоторые, по утверждению г. В. Драгомирова, приходилось «прятать от войск» во избежание бед, которые могли бы явиться результатом их применения на деле. А.А. Незнамов отмечает, что в январе 1915 г. в самый разгар боев между нами и немцами на левом берегу Вислы, старшими чинами штаба Северо-Западного фронта велись с командующим 2-й армией и начальником штаба 1-й армии бесконечные разговоры по аппарату, которые представляют «целую литературу по вопросу о том, как вообще надо действовать при контратаках». Состоялся уже прорыв немцев, а в это время высший штаб, разумеется, по указанию главнокомандующего, поучает, что «нужно контратаку вести без промедления».

Насколько система постоянного и назойливого поучения вошла в наши нравы, можно, между прочим, судить потому, что такой писатель, как профессор Головин, к голосу которого несомненно прислушиваются, находит возможным рекомендовать для будущей Российской Армии, по примеру якобы Суворова, чтобы начальники на войне не только управляли, но в каждом данном случае учили своих подчиненных, как надо действовать.⁸²

⁸¹ Палицын, Военный Сборник № 3, стр. 172.

⁸² Тактика в задачах, стр. 85, 86.

Надо думать, что давая такой совет, автор его находится еще под сильным впечатлением уроков позиционной войны, в обстановке которой иногда может быть оправданно издание руководящих тактических указаний для определенного случая. Но если я ошибаюсь в своем предположении и высказанные Н.Н. Головиным мысли о необходимости подвергать подчиненных непрестанной опеке являются плодом непоколебимого убеждения, то невольно впадаешь в мучительные сомнения относительно возможности возрождения прежней победоносной Русской Армии, при условии, что воспитанием ее будут руководить последователи идей профессора Головина...

В числе наших национальных недостатков мною было еще установлено *чрезмерное развитие у русского интеллигента духа анализа*. При наличии такого направления ума, исходившие от начальства оперативные и тактические распоряжения в подчиненных инстанциях обыкновенно принимались с большой дозой критики, чему способствовало также отсутствие единства военной мысли. Но, возможно, что и самое отсутствие такого единства являлось результатом природного предрасположения к критике, приводившего к отсутствию дисциплины мысли в нашей военной среде. Это могло быть одной из причин, почему у нас не установилась единая военная доктрина.

Отсутствию чувства солидарности можно, отчасти, приписать довольно распространенный недостаток нашего В.К.С. — *грубое обращение с подчиненными*. У нас были генералы, пользовавшиеся громкой известностью... не одержанными ими победами над врагами Родины, а своею легендарною грубостью, граничившей с хамством. Хотя этот недостаток и коренился в более глубоких бытовых и культурных условиях русского народа, все-таки можно думать, что если бы военное начальство было глубже проникнуто сознанием своей солидарности с прочими чинами Армии, независимо от их рангов, оно относилось бы более бережно к личному достоинству своих подчиненных. Тогда и в подчиненных не убивалось бы, как часто случалось, сознание своего единства с начальником и не создавалось бы отношение к нему, как к какой-то враждебной силе. Отсутствие солидарности в нашей Армии выражалось еще в той тугости, с которою в ней прививалось установленное законом взаимное приветствие воинских чинов.

Как уже было сказано, я воздерживаюсь вообще от разбора положительных качеств русского национального характера, ввиду ненужности такого разбора для целей моего исследования, однако не могу не коснуться здесь одной из таких положительных черт потому, что в применении к военным вождям она теряет отчасти свое положительное значение, обращаясь в недостаток.

Черта эта — *мягкосердечие-сердобольность*. Ее можно было бы только приветствовать в представителях К.С., если бы она проявлялась в заботливости и в попечении о своих подчиненных, но она становится крупным недостатком, когда этой заботливости приносится в жертву достижение цели боя или операции, или когда вид понесенных войсками в бою потерь подавляет волю начальника к энергичному продолжению трудной боевой задачи, или когда сердобольность мешает ему предъявить крайние требования к выносливости войск для совершения форсированного марша, для каких-нибудь экстренных ночных работ или при особенно неблагоприятных условиях погоды. В этих и им подобных случаях начальник, подавляя свои личные чувства, должен быть способен проявить даже некоторую долю жестокости.

Таков был Наполеон, когда под Иеной, в 1806 г., он приказывает своим войскам, для которых, по его мнению, не должно было быть ничего невозможного, поднять полевую артиллерию на руках на неприступные кручи Ландграфенберга; таков был фельдмаршал Гурко, когда он, не боясь заморозить свои плохо одетые войска, приказал им, в зимнюю стужу, перейти Балканы.

Не думаю, чтобы у нас в последнюю войну было много таких «жестоких» начальников, но таких, которые проливали слезы над боевыми потерями своих частей и при виде их теряли энергию для продолжения своей задачи, мне приходилось видеть.

Этой же сердобольности следует, вероятно, приписать отчасти тот факт, что наши вожди почти никогда не умели заставить утомленные боем войска преследовать отступавшего неприятеля, и она же была причиной, почему на службе терпелись, сплошь и рядом, негодные для нее элементы.

Установившийся в России около ста лет тому назад государственный и общественный строй, сковывавший личную инициативу, взявший в опеку не только деятельность, но и образ мыслей граждан, словом, установившийся во всех сферах жизни бюрократический порядок, в связи с падением значения дворянства как передового сословия, оказались, вероятно, главными факторами, которые *лишили русский образованный класс сильных и самостоятельных характеров*, подведя его под общий уровень безволия, нерешительности и пассивности. Ярким представителем такого направления в военном ведомстве был всемогущий Аракчеев, систематически вытравлявший волю из строевых начальников.

«Без протекции», говорил про эту эпоху А.Н. Куропаткин, «пробирались вперед» только офицеры, «наиболее послушные

воле начальства, в каких бы диких формах эта воля ни проявлялась».⁸³

Служба обратилась в рутину, в мертвечину. Нигде влияние бюрократизма не оказалось столь пагубным, как именно в Армии, что и не замедлило сказаться в понесенных ею в Крымскую войну неудачах. Гражданское мужество, которое еще в допетровскую эпоху нередко проявляли царские воеводы, которым в такой высокой степени обладал сам великий Петр, писавший с Прута в Москву, чтобы, буде он окажется в плену, никаких его приказов не исполняли; это качество, которым в советах Петра блистал князь Яков Долгорукий, которое мы видим у Суворова, Кутузова, Ермолова и многих других из их современников, в последующие эпохи исчезает у нас из обращения. *Начинает утверждаться доктрина «слушаюсь»*. Не рискуя ошибиться, можно сказать, что едва ли лицо, обладавшее гражданским мужеством, могло сделать карьеру при управлении таких министров, как Ванновский, Куропаткин и Сухомлинов.

Отсутствие у нашего В.К.С. гражданского мужества во время войны выражалось, между прочим, в том, что начальники боялись сознаться в своих неудачах или в слабости достигнутых успехов, что приводило к крайне вредному пороку — искажению истины в донесениях, который Ю.Н.Данилов называет «старой язвой» нашей Армии. Случалось, что этот недостаток принимал отвратительную форму, когда начальник пытался вину в понесенной неудаче свалить на подчиненного или на соседей. К счастью, это было редким явлением и подвержен этому был К.С. не одной только нашей Армии...

В мирное время отсутствие гражданского мужества привело к таким постыдным явлениям, как фальсификация результатов смотровых стрельб и другие тому подобные обманы начальства, из которых лишь немногие были официально зарегистрированы, большинство же ускользало от такой регистрации.

Со Скобелевым и Гурко закатились последние звезды нашей бойлой военной славы. Правда, что после Ахал-Текинской экспедиции 1880-1881 г.г. наступил продолжительный мирный период, в течение которого военные таланты не имели случая показать себя в блеске боевых успехов,⁸⁴ но и по мирной деятельности нашего В.К.С. за четверть века, предшествовавшие Японской войне, можно было с большой вероятностью заключить о низком уровне его способности к вождению войск на войне. Лишь немно-

⁸³ Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. - Итоги войны. - Берлин, 1909 г., стр. 29.

⁸⁴ Из этого периода нельзя не отметить, с чувством глубокого удовлетворения, акта гражданского мужества, проявленного в 1885 г. под Кушкой генералом А.В. Комаровым.

гие из наших высших начальников показали себя выдающимися учителями и воспитателями вверенных им войск, а также сильными своими личным обаянием, способными увлечь массы. <...>

Не знаю, это ли место моего труда имеет в виду один из моих оппонентов, говоря, что автор «иногда сгущает отрицательные случаи неудачных замещений командных должностей в русской Армии»... «чем как бы чернит» ее прошлое. Смее уверить моего уважаемого критика, что я чужд малейшей тенденции чернить прошлое нашей славной Императорской Армии; напротив, я с детских лет благоговею перед именами ее незабвенных победоносных вождей, преклоняюсь перед ее геройскими подвигами, записанными на скрижалях Истории на протяжении почти двух веков и всю силу своего чувства скорблю о тех невзгодах, которые постигли ее в Маньчжурии и в Восточной Пруссии. Но именно резкий контраст между той эпохой, когда в нашем Отечестве раздавался непрерывный гром победы, и современным мне мрачным периодом нашей истории, окончившимся небывалым позором 1917 и 1918 годов, властно побуждает меня, не заботясь о своей «патриотической» репутации, повинувшись единственно голосу совести, постараться обнаружить те язвы, которые, по моему мнению, привели нас к крушению, с тем чтобы наметить пути исцеления, в возможность которого я непоколебимо верю...

*Если мы хотим в будущем исправить недочеты, которые привели нашу Армию к крушению, то мы прежде всего должны иметь мужество, хотя бы с сокрушенным сердцем, в них откровенно сознаться.**

* После данного абзаца редакция «Вестника Общества Русских Ветеранов Великой войны» напечатала следующий отклик одного из своих сотрудников:

«Прочтя эту главу труда ген. В.Е.Флуга, его блестящую характеристику русского В.К.С., я испытал тяжелое чувство; безжалостно, хоть и совершенно объективно вскрыты недостатки наших вождей в мировую войну, и самое тяжелое, что эти отрицательные качества выведены из национальных недостатков, присущих русскому народу. Но, «да не смущается сердце наше», наша Россия и ее Армия на протяжении истории проходили через годы упадка и поражений; но в последующие периоды и нация, и ее военный гений блестяще проявились, несмотря на отрицательные черты национального характера, постоянно существующие. В прошлом были у России и Армии Суворов, Кутузов, Багратион, Скобелев, Гурко и многие другие. Да и в мировую войну, наряду со многими, к нашему горю, отрицательными примерами, были ведь у нас и наш Верховный Главнокомандующий, Юденич, Алексеев, Духонин, Деникин, немало и других доблестных вождей; были и блестящие победы; Галицийская операция 1914 года, Брусиловский прорыв, поразительный разгром турок под Сарыкамышем... Нам нужно, конечно, безжалостно и правдиво вскрывать наши болезни и недостатки, приведшие нас к небывалому разгрому, но, вместе с тем, показывать без ложного «ура-патриотизма» и положительные качества наших вождей. Потом, мне кажется, не надо забывать, что в 1917 году Русская Армия и ее В.К.С. не смогли сказать своего последнего слова. Я не думаю, чтобы из бывших офицеров, участников войны, нашлось бы много таких, которые не разделяли бы убеждения, что весной 1917 года, не слу-

Приступая теперь к изложению в общих чертах реформ, которым я полагаю будет необходимым подвергнуть наш командный состав, чтобы вернуть русской Армии ее прежнюю победоносность, обязуюсь предварительно доложить, что я отнюдь не делаю никаких иллюзий относительно возможности проведения этих реформ «одним ударом», немедленно по восстановлении в России нормального государственного порядка. На свои реформы я смотрю как на идеал, к достижению которого необходимо стремиться, но который раньше, чем он будет осуществлен в главных чертах, неминуемо пройдет через ряд всяких урезок, приспособлений и компромиссов. Чтобы знать, каковы будут эти уступки реальным условиям жизни, необходимо быть точно осведомленным о состоянии той почвы, на которой реформа будет проводиться, т.е. о состоянии, во всех отношениях, России к моменту ее освобождения, о том материале Красной Армии, который может быть утилизирован для образования Национальной Армии, о размере средств, которыми можно будет располагать и т.д. Все эти величины неизвестные, а если бы они и были известные, то и в этом случае задача по исследованию вопроса о практическом применении проектированных мною реформ была бы настолько сложна и обширна, что не могла бы уместиться в рамках моего конкурсного труда.

Меры общего значения для исправления национального характера русского народа

Устранимы ли вообще недостатки нашего национального характера, которые были перечислены в предыдущем отделе.

Конечно, для изменения характера целого народа нужны продолжительные сроки, измеряемые многими десятилетиями. Однако, я глубоко убежден, что *при наличии твердой и отечески относящейся к народу власти*, каковой я представляю себе государственную власть в России по свержении большевиков, и при условии дружного сотрудничества с нею одушевленной патриотическими чувствами образованной части населения, возможно не только остановить, но и подвергнуть вспять тот процесс национального упадка, в конце концов приведший наш народ к моральному одичанию.

чись революции, нас ждала полная и решительная победа, и это несмотря на все наши недостатки. Много вероятно, что тогда и ген. В.Е.Флугу пришлось бы несколько изменить свою блестящую характеристику.

На горе России, победа была нам не суждена. Но, несмотря на горечь поражения, вся история нашей Родины дает нам полные основания для веры в свой народ, в будущую Русскую Армию и ее вождей. **М.П.**" — Сост.

На первый взгляд кажется, что будто этот вопрос, насколько он касается всей народной массы, не имеет близкого отношения к предмету моего исследования, т.к. из низших классов населения в В.К.С. могут проникать лишь немногие единицы, которые не могут заметно понизить его среднее качество. Но это не совсем так, и на это есть много причин, главная из которых та, что из низших слоев населения комплектуется главная масса Армии — ее солдатский состав. Качества этой массы неизбежно отражаются на качествах К.С. Ее скрытое пассивное противодействие активным импульсам, исходящим от вождей, противодействие, которое всегда дает себя чувствовать, является причиной сильных трений в работе К.С., в конце концов парализующим образом влияющих на его собственную энергию.

Таким образом, военное ведомство не только косвенно, но и непосредственно заинтересованно в тех мерах, которые могли бы быть приняты будущим национальным русским правительством для развития в массе народа психических качеств, которые я объединил в термине «военная энергия», но исходить эти меры будут не столько от военного управления, сколько от общегосударственной власти, почему я и не вхожу в более подробное их рассмотрение. Повторяю только, что принадлежать эти мероприятия будут к разряду коренных реформ, результаты которых сказываются лишь по прошествии нескольких десятилетий.

Если так обстоит дело с перевоспитанием всей народной массы, то, собственно, в отношении образованных классов общества, которые обыкновенно будут главным источником комплектования К.С., задача представляется, по-видимому, в более легкой форме, т.к. для воспитания их в желательном духе имеется могучее средство в виде средней и высшей школы — при надлежащей ее постановке, — о чем я упоминаю лишь мимоходом.

Меры для привития населению государства вообще и его образованному слою в особенности духа патриотизма, предпринимчивости, энергии и пр., — при всей их важности, не обеспечивают однако сами по себе удовлетворительного качества В.К.С. Армии. Они только подготавливают почву, к которой могут быть приложены некоторые специальные, направленные к этой цели, меры, а именно — *воспитание офицерского и командного составов и система подбора лиц на высшие командные должности.* <...>

На эти два больших отдела распадаются те реформы, которые я в своей работе предлагаю к проведению в Российской национальной Армии, по освобождению нашего Отечества от коммунистической власти.

Я коснусь их только в самых общих чертах, т.к. главное, по моему, — это установить правильный диагноз болезни, что я старался сделать в первых отделах моего сообщения, а способы

лечения могут видоизменяться в довольно широких пределах. Будучи лично убежден в целесообразности основ предлагаемых мною мероприятий, я охотно допускаю, что люди более обширных знаний и опыта, чем те знания и тот опыт, на которые я могу претендовать, внесут в мой проект реформ поправки, от которых он может только выиграть.

Воспитание высшего командного состава

Меры, составляющие сущность воспитания, могут охватывать различного рода влияния, оказываемые, например, посредством окружающей обстановки, установления определенного образа жизни, с помощью школы, посредством убеждения, личного примера, разного рода внушений, путем боевого опыта и т.д.

Не все эти средства одинаково пригодны по отношению ко всем, объектам воспитания, а равно по отношению к разным элементам идеала, поставленного в качестве цели воспитания. Например, правильно поставленная школа может считаться хорошим средством для воспитания молодых людей, еще не достигших возмужалости; для последующих возрастов она теряет значительную долю своего полезного значения, сохраняя его лишь отчасти в отношении привития знаний и развития ума. Подобным же образом всякий боевой опыт представляет хорошее средство для закалки характера, но он не всегда способствует развитию правильных идей общего характера относительно ведения войны. Например, опыт колониальных войн, военных экспедиций малого масштаба и т.п. может даже извратить понятие о войне в крупном европейском масштабе.

Установив положение, что нормальный К.С. может развиваться только на почве удовлетворяющего своему назначению строевого офицерского состава, мы естественно приходим к необходимости разбора тех воспитательных средств, которые могли бы быть применены для создания такого офицерского корпуса, а также для постоянного поддержания его на высоте предъявляемых к нему требований. Таким образом эти воспитательные средства естественно распадаются на два больших отдела: 1) имеющие объектом молодежь, готовящуюся к офицерской карьере; 2) имеющие целью поддержание и развитие необходимых военных качеств в лицах, уже достигших офицерского звания.

Воспитание молодежи, готовящейся к званию строевого офицера

Я считаю необходимым, главным образом, — по причинам, о которых я скажу позднее в отделе о подборе, — учреждение для

воспитания будущих строевых офицеров специальных закрытых учебных заведений, через которые могли бы быть пропущены, — если не все, то возможно большая часть молодых людей, избравших военную строевую карьеру.

Специальность этих учебных заведений, которым я, по традиции, полагал бы сохранить наименование «кадетских корпусов», должна выражаться не в их учебных программах, а в особых методах воспитания, методах, имеющих задачей во что бы то ни стало искоренить в молодежи природные качества апатии, пассивности, нерешительности, медлительности, небрежности, — развить вместо них предприимчивость, смелость, находчивость, инициативу, — вообще активность во всех видах, — а также самоуверенность, настойчивость и привычку к пунктуальности.

Само собой разумеется, что в такие кадетские корпуса будут приниматься только вполне здоровые, не имеющие никаких телесных недостатков и обещающие нормальное физическое развитие в будущем отроки и юноши. Никакие соображения благотворительности и т.п. не должны играть роли в вопросе приема в кадетские корпуса; хилые и болезненные субъекты, чьи бы сыновья они ни были, должны без всякой жалости устраняться как при приеме, так и во время прохождения курса, если бы по недосмотру они оказались принятыми. Это является первым условием для успешного воспитания кадет в том духе, как выше намечено.

Положительными средствами этого воспитания должны служить:

1) Спорт во всех видах, которому должно быть отведено вполне подходящее этому средству место, — не как веселому препровождению времени «между делом», а как совершенно самостоятельному воспитательному средству, развивающему смелость, находчивость, изворотливость, чувство солидарности и т.п. Я не буду входить здесь в подробное перечисление видов спорта, годных для целей военного воспитания, их и теперь достаточно, но представится еще гораздо больше, когда кадетские корпуса из душной атмосферы городов будут перенесены на деревенский простор, на берега морей или больших рек, в дремучие леса или дикие горы, что я считаю совершенно необходимым условием для выполнения ими той роли, которая им предназначается.

2) Борьба с природой является естественной школой для закалки характера, а атмосфера опасности, которой не должна быть чужда также и практика спорта, развивает активные силы души. Переиначивая известный афоризм Зейдлица,⁸⁵ можно, — чтобы охарактеризовать тот дух, который должен царить в будущих кадетских корпусах — сказать: «Если мы из-за нескольких

⁸⁵ «Если мы будем подымать такой шум из-за нескольких свернутых шей, у нас никогда не будут хорошей кавалерии.»

несчастных случаев во время спортивных упражнений откажемся от этого могучего воспитательного средства, у нас никогда не будет мужественного и предприимчивого командного состава».

Кстати сказать, в нашем старом военном ведомстве существовала тенденция, явно игравшая на руку развитию инстинкта самосохранения, а именно, стремление к крайне педантичному применению тех и без того строгих правил, которые были установлены в войсках во избежание несчастных случаев: при производстве приготовительных к стрельбе упражнений, на занятиях гимнастикой, на стрельбищах, на учениях с боевыми патронами и т.п. Не подлежит сомнению, что в этом отношении у нас безусловно пересаливали, забывая, что чем заботливее устраняется опасность в военном деле в мирное время, тем сильнее она поражает на войне, представляясь чем-то необычным и неестественным.

Я полагал бы крайне полезным ввести в войска предложенный еще покойным М.И. Драгомировым прием «обстреливания» молодого солдата перед постановкой его в общий строй роты. Я признавал бы также необходимым как можно чаще практиковать в войсках пулеметную и артиллерийскую стрельбу поверх голов или через интервалы. Что же касается кадетских корпусов, то я настаиваю на том, чтобы при всех представляющихся случаях, а также на специально организованных с этой целью учениях кадеты выводились в поле для участия одновременно с войсками или отдельно от них, в лежании или стоянии под траекториями пуль и артиллерийских снарядов. Точно так же я безусловно рекомендовал бы для практики в кадетских корпусах драгомировское «обстреливание», хотя бы как обязательное испытание крепости нервов при зачислении кадет в стрелковую роту при выпуске из корпуса.

Вообще в основание воспитания в кадетских корпусах должны быть положены мысли суворовской «Науки побеждать», которые М.И. Драгомиров формулирует сокращенно следующим образом: «Избегайте, как величайшей опасности, всех тех упражнений, которые отвечают инстинкту самосохранения и, следовательно, могут дать ему пищу; и наоборот, давайте возможно большее развитие упражнениям, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности на все неожиданности».

Пропускаю изложенное в моей работе по поводу учебных программ кадетских корпусов, нравственного и религиозного воспитания в них и пр., резюмируя лишь, что главная роль в деле внушения кадетам преданности долгу службы будет принадлежать не чтению, устным поучениям и не урокам устава, а *личному примеру начальствующего, воспитательского и преподаватель-*

ского персонала и строгому соблюдению установленного в корпусе порядка внутренней службы, по возможности близкого к принятому в войсках.

«Праздность — мать всех пороков». Борьба с этим коренным злом нашей русской жизни да составит заветную цель для тех, кто будет призван к пробуждению в подрастающем поколении могучих сил, пока еще дремлющих в глубине русского народного характера. Найти для военного ведомства таких людей будет, несомненно, самой трудной из ряда задач, которые предстоит решить на пути к организации учебных заведений проектированного мною типа. От этих людей будет требоваться подвиг. Само собой разумеется, что в кадетских корпусах никаких летних каникул не будет, напротив, на теплое время года будет падать самая напряженная работа воспитателей и кадет.

Одним из существенных требований, которое я полагал бы необходимым провести в новых военно-учебных заведениях, это возможная изоляция их воспитанников от влияния семьи, по крайней мере до наступления такого времени, когда в офицерских семьях утвердится прочная «служилая» традиция, — о чем я буду говорить в отделе о подборе. Провести такую изоляцию будет, конечно, нелегко, но это лишь одна из многих трудностей, которые будут неизбежны в деле создания новых кадетских корпусов.

Все подобные препятствия строителями будущей русской Армии должны быть преодолены во имя высокой идеи создания нового поколения людей, способных вести ее к победе, задачи, которая отживающему поколению оказалась не под силу.

Второй этап в воспитании молодежи, готовящейся к офицерской карьере, составляют учебные заведения типа «военных училищ». Их можно представить себе в виде отдельных учебных заведений, каково было большинство наших прежних военных училищ, или в виде связанных с кадетскими корпусами в одно целое «специальных классов», как было в пажеском корпусе и в кадетских корпусах дореформенной эпохи. Хотя в теории последняя система и представляет некоторые преимущества, но при проектированном мною условии расположения кадетских корпусов вне городов, придется, вероятно, примириться с существованием отдельных военных училищ. Не вдаваясь в подробности их устройства, скажу только, что они должны иметь целью дать своим питомцам основные специальные знания и возможно полную практическую подготовку к службе строевого офицера, но опять-таки в курсах их предпочтение должно даваться методам, развивающим синтетическую сторону ума, а потому применяющим прикладной способ преподавания. Приобретенные в кадетских корпусах навыки к трудовой и подвижной жизни должны тща-

тельно поддерживаться в военных училищах; после практических занятий по специальности данного училища первое место отводится спорту.

Необходимо также установить правилом, чтобы по окончании кадетских корпусов (или «общих классов» этих корпусов) и до поступления в военное училище (перехода в «специальные классы») молодые люди поступали на один год в войска, причем к приему в училища и в специальные классы допускались только те из кадет, которые последние полгода своей службы в войсках состояли в звании унтер-офицера и к поступлению в училище удостоены строевым начальством. Эта мера придавала бы практическую основу многим теоретическим отделам курса военных училищ и обеспечила бы более сознательное отношение к ним со стороны учащихся.

Воспитание офицерского состава

Покончив на этом с вопросом о военно-учебных заведениях, как органах для воспитания будущих вождей, перейдем теперь к вопросу о воспитании уже готовых офицеров, состоящих на действительной строевой службе.

Каковы должны быть меры для воспитания этого обширного класса в желаемом направлении, т.е. таком, чтобы при удовлетворении всем требованиям, предъявляемым к офицеру по его настоящему служебному положению, в нем, в то же время, развивались качества, необходимые для будущего вождя?

Прежде всего заметим, что противоречия в этих требованиях быть не может, т.к. качества, которые должны быть присущи вождям Армии, в сумме своей охватывают, как мы видим в предыдущем Отделе, и те свойства, которыми должен обладать офицерский состав. С другой стороны, совершенно недопустимо, готовя офицера к ближайшим обязанностям, пренебрегать возможностью достижения им и высших степеней и не только развивать потребных для этого душевных сил, но, как то делалось в нашей старой Армии, подавлять эти силы.

В результате действовавшей у нас системы наши армейские офицеры, ко времени достижения ими первого штаб-офицерского чина, оказывались добросовестными, дисциплинированными, исполнительными, удовлетворительно знающими свои непосредственные обязанности «служаками», но в то же время — боящимися ответственности, пассивными, лишенными инициативы, самостоятельности и самоуверенности начальниками, часто с пониженным сознанием своего офицерского и личного достоинства и вообще близкими к тому состоянию, которое называется «забитостью».

Из офицеров того типа, к которому принадлежала главная масса нашего армейского офицерства, вожди, вообще, не вырабатываются, что и заставляло обращаться к особым источникам комплектования В.К.С., каковыми являлись у нас гвардия и Генеральный штаб. О ненормальности такого порядка я еще буду иметь случай говорить в отделе о подборе, здесь же я замечу, что организация новой Армии должна, во что бы то ни стало, поставить себе задачей вывести главную массу офицерства из того недопустимого положения, в котором оно в большинстве находилось в старой Армии.

Должны быть приняты серьезные меры, которыми раз навсегда была бы уничтожена прежняя беспросветность карьеры и быта армейского пехотного офицера. Решительная реформа в этом направлении воспитает офицерский корпус в духе подъема в нем корпоративного самосознания и развития в его представителях необходимых для будущего вождя качеств воли. Если германская Армия обладала хорошим К.С., то зависело это вовсе не от каких-то особых мер, принимавшихся для его подготовки как такового, а от тех общих мер к подъему значения всего офицерского корпуса, в результате которых он приобрел свои качества преданности долгу, сплоченности, самоуверенности, активности и чувства собственного достоинства.

Достижение того, чтобы и в нашей будущей Армии был офицерский состав такого типа, потребует принятия целого ряда мер, которые по своей обширности и радикальности могли бы составить предмет особого исследования, почему я здесь намечу только следующие *главные основания будущей реформы нашего офицерского корпуса.*

1) Постановка офицера с первых шагов его службы в положение самостоятельного и ответственного начальника-командира строевого взвода; никаких «младших офицеров» в будущей организации быть не должно, за исключением разве только сверхштатных, но и таким офицерам должна предоставляться самостоятельность в ведении порученных им отделов обучения и в исполнении других служебных поручений.

2) Отмена дисциплинарных взысканий, сопряженных с ущербом для достоинства и авторитета, каковы арест на гауптвахте или домашний с приставлением часового.

3) Восстановление офицерских корпораций на началах, которые были установлены при Петре Великом, с предоставлением им широких прав по подбору членов в свою среду.⁸⁶

⁸⁶ Единственное сведение, которое имеется у меня об офицерских корпорациях Петровской эпохи, заимствовано из статьи г. В. Драгомирова, Военный Сборник № 5, стр. 191.

4) Вменение старшим начальникам в строжайшую обязанность уважительного обращения с офицерами; недопущение «разносов» офицеров в присутствии их подчиненных и нижних чинов.

5) Повышение общественного и служебного положения офицеров и установление мер, гарантирующих их от произвола начальников.

Таков должен быть общий характер воспитания офицеров в пределах частей и всей офицерской корпорации. Что касается строевого воспитания, т.е. практической подготовки офицера, на которой я подробнее остановлюсь ниже, в связи с подготовкой К.С., то в помощь работе начальников по ведению этой подготовки могут быть учреждены и особые учебные заведения типа наших бывших «Офицерских школ», имеющие целью создать благоприятные условия для интенсивной теоретической подготовки офицеров, которым предстоит назначение на ответственные строевые должности командиров рот, эскадронов, батарей, батальонов и т.д.

Представительницей подготовки иного рода являлась наша Военная Академия, о которой будет также речь в следующем разделе.

Воспитание командного состава

Вопрос о воспитании К.С. распадается на следующие частные вопросы:

1) Как должна быть поставлена строевая подготовка, для того чтобы она обеспечивала наличие на каждой ступени командования достаточного числа лиц, подготовленных к выдвигению на следующую ступень. 2) На каких началах должны быть учреждены высшие и иные учебные заведения для подготовки К.С.. 3) Какие меры административного характера могли бы быть установлены, чтобы повысить в Армии общий уровень военной энергии.

Отложив пока первые два вопроса, которые по своей важности потребуют более детального обсуждения, постараюсь сначала вкратце ответить на третий вопрос, не претендуя исчерпать его во всю глубину и во всех направлениях.

Признавая за уголовным законом воспитательное значение, я полагал бы необходимым усилить уголовную репрессию, как в военное, так и в мирное время, за такие деяния военных начальников, в которых ими была проявлена слабость воли («бездействие власти») по поддержанию в вверенных им войсковых единицах строевого или внутреннего порядка, даже при трудных условиях обстановки, например, в случаях возникшей в части паники от оружия неприятеля или в результате несчастных случаев и т.п.

К прочим административным мерам по воспитанию К.С. может быть отнесено строгое применение в Армии и в государстве принципа поддержания авторитета строевых начальников.⁸⁷ Вопреки тем изумительным отзывам, которые пришлось встречать в нашей зарубежной печати, этот вопрос вовсе не пользовался в Царской России тем вниманием, которого он по существу заслуживает. Так например, «разносы» старшим, начальниками младших, не стесняясь присутствием лиц, состоящих в подчинении «распекаемых», представляли довольно обыденное явление. Еще меньше многие начальники стеснялись своих подчиненных из лиц К.С. «разделять под орех» в приказах, выставляя их на позорище всей меньшей братии до писарей включительно. Против несправедливых нападок и злостных инсинуаций в печати (представлявших нередкое явление), и при условии крайнего несовершенства и односторонности законов о клевете и диффамации, наши старшие военные начальники были почти беззащитны.

Одной из мер для поднятия авторитета В.К.С. могло бы быть прекращение «перепроизводства» генералов в Армии. Очевидно, что чем их больше, тем меньше престижа в глазах общества и воинских чинов имеет генеральское звание. Я полагал бы желательным, чтобы этим званием облакались только начальники, принадлежащие к В.К.С., т.е. начиная с начальника дивизии. В Генеральном штабе в чине генерала должны бы быть положены должности не ниже начальника штаба армии или военного округа. Число административных генеральских должностей необходимо сократить до минимума. Таким путем было бы упразднено большое число генералов, вовсе не пользовавшихся тем авторитетом, который должен быть свойственен высокому военному вождю.

Подбор высшего командного состава

Задачи подбора в деле комплектования В.К.С. сводятся к тому, чтобы из общей массы офицерского и младшего командного состава сначала намечать, а затем выбирать тех лиц, у которых можно предполагать высокое развитие качеств, признаваемых необходимыми для занятия высшей командной должности, продвигая таких лиц вперед на эти посты и устраняя тех, которые необходимыми данными для высшего командования не обладают.

В нашей старой Армии такой подбор практиковался в виде производства в чины «по избранию» и «за отличие», назначения на должности по «кандидатским спискам», увольнения от службы

⁸⁷ Начальник без авторитета будет обычно лишен и «военной энергии».

в административном и аттестационном порядке, а также по предельному возрасту (возрастному цензу) и пр. Вообще целям подбора должна была служить вся аттестационная система. Подобное же значение имели конкурсные вступительные и выпускные экзамены в военно-учебных заведениях.

Итак, подбор у нас практиковался в различных видах, но *несомненный факт, что высших командных должностей достигали лица, вообще мало удовлетворявшие этому назначению, дает основание предполагать, что действовавшая система подбора обладала значительными дефектами.*

В моем исследовании эти дефекты подвергнуты подробному разбору, в который я в своем докладе, к сожалению, вдаваться не могу, почему перехожу прямо к тому порядку подбора, который я считал бы необходимым установить.

Подбор офицерского состава

В своих рассуждениях я буду исходить от следующих двух постулатов: 1) качества, требуемые от лица В.К.С., принадлежат к числу редко встречающихся у русского племени, почему лиц, ими обладающих, следует тщательно искать в общей массе людей, составляющих Армию или могущих быть привлеченными к службе в ней; 2) воспитание и подбор, стремясь к одной цели — созданию удовлетворительного командного состава, должны быть согласованы и связаны между собой самым тесным образом.

Если качества, требуемые от вождя, принадлежат к числу редких, то, как сказано, искать их необходимо в возможно большей массе индивидуумов. Для практического решения этого вопроса, поставим его в такой плоскости: нет ли в составе всей русской нации особых сословных или племенных групп, которые по своим качествам более приблизились бы к идеалу вождя, чем вся остальная масса. Если такие группы существуют, то не могли ли бы они быть использованы, как преимущественные источники комплектования офицерского (а следовательно и командного) состава, так сказать, для цели его грубого, «валового» подбора, что могло бы значительно облегчить последующий, тонкий подбор? Если таких групп нет, не могут ли они быть *специально созданы*?

Идеальным решением этого вопроса было бы существование в народе особой касты «воинов», по примеру, скажем, прежних японских «самураев». Не столь идеальным, но все же удовлетворительным решением было бы наличие особого «служилого» сословия, вроде того, которое существовало у нас в Московский период нашей истории и, в неизменном виде, при Петре Великом и его ближайших преемниках.

Нельзя отрицать огромного значения наследственности в передаче из поколения в поколение качеств, отличающих воина и вождя. Но, кроме закона наследственности, которому подчинено все живущее, обособленные группы населения заключают в себе еще другой сильный фактор развития — сословные традиции.

«Непобедимость» нашей Армии в веке Екатерины II и Александра I была в значительной степени результатом высокого национального самосознания тогдашнего правящего класса, самосознания, передававшегося по традиции от отца к сыну и которое его представители умели сообщать и остальной массе народа. «Слава Богу, я Русский и вы Русские!» — *в устах Суворова и его современников эта фраза не была трескучей фанфаронадой, а выражением искреннего убеждения.*

Этот гордый и патриотический дух нашего старого дворянства был вытравлен Аракчеевым и современными ему реформами, лишившими офицерство его корпоративной сплоченности и открывшими доступ в его среду «разночинцу». Офицерский корпус постепенно терял свои «служилые» дворянские традиции, которые сохранялись в нем до того времени, несмотря на значительный процент в армейских полках офицеров, выслужившихся из солдат. *Последний удар старому порядку нанес в царствование Императора Александра II — Милютин, который, под влиянием своих просветленных идей, упразднил уцелевшие еще хранилища старых служилых традиций — кадетские корпуса.*

Правда, что в наш век едва ли возможен совершенно замкнутый сословно корпус офицеров даже в мирное время, а в военное - подавно. Однако, впитывая в себя посторонние элементы, он должен растворять их в себе, а не растворяться в них сам. Например, в старой германской Армии всегда был значительный процент офицеров — не дворян, а между тем про весь ее офицерский корпус можно сказать, что он сохранил свои дворянские, унаследованные со времени Фридриха Великого, традиции; сохранил он их и на всем протяжении Мировой войны, несмотря на огромные потери в офицерских кадрах.

Не то было у нас. Офицерский состав большинства наших пехотных полков к 1917 году приобрел определенно крестьянско-мещанскую физиономию,⁸⁸ т.е. обратился в элемент, не обособляющий, а напротив, — отождествляющий себя с остальной массой Армии, вместо того чтобы сознать себя ее мозгом, ее нервной системой, ее аристократией. Естественным результатом этого (конечно, в связи и с другими причинами) было непротивление революционным тенденциям массы и разложение Армии.

⁸⁸ Статья В.Чернавина в № 5 Военного Сборника, стр. 223.

По мысли Ардана дю Пик, офицер должен быть «своего рода аристократом». В демократическом обществе, полагает этот писатель, офицер может приобрести свойства, которые должны быть присущи ему, не иначе, как непрерывно поддерживаемым усилием воли, направленным к его дифференциации от своих подчиненных, тем что он воспитывает в себе более возвышенную и более чистую идею о своих обязанностях и своей ответственности. Эта идея вырабатывается в нем только при условии абсолютной уверенности в своем праве начальствования, когда он *проникнут гордостью командования*.

Таково мнение выдающегося офицера демократической французской армии. Достоинно внимания, что именно в этой армии, в которой даже в мирное время около трети офицеров происходит из нижних чинов, раздаются подобные голоса о необходимости «аристократизировать», если можно так выразиться, офицерский корпус. <...>

Отметим еще, что японская армия, подобно старой германской, держится, главным образом, аристократическим самурайским духом своего офицерского корпуса. В этом же свойстве заключалось, по-моему, преимущество наших гвардейских офицеров перед армейскими, как источника комплектования В.К.С..

Итак, подбор в Армии на командные должности должен начинаться по признаку наследственности. Я не мечтаю, однако, чтобы было возможно восстановить в России дворянство как «служилое» сословие, а следовательно, и как единственный или главный источник комплектования офицерского состава, каким оно было в старые времена. Но зато *я верю в возможность создания в будущем если не de jure, то de facto, — наследственного военно-служилого сословия, способного заменить старое дворянство в одной из его функций — военной службе государству на офицерских и командных должностях*.

Для этого представляется необходимым, рядом поощрительных мер и льгот материального и морального характера, побуждать офицеров будущей Армии избирать для своих сыновей военную карьеру предпочтительно перед всякой другой. Для этого понадобится, прежде всего, установить для строевых офицеров вполне достаточные оклады денежного содержания, а затем предоставить им и их семьям разные другие преимущества, направленные в общем к тому, чтобы утвердить между ними прочную традицию военной службы государству из поколения в поколение. Можно надеяться, что при этом условии, в связи с патриотическим настроением, которое естественно охватит передовую часть русского общества в первое время по восстановлению национальной России, — уцелевшая часть нашего славного старого офицерского корпуса, при надлежащем импульсе сверху, с готовностью примет на себя роль родоначальника будущего военно-

служилого сословия, — прочной опоры внешнего могущества и внутреннего порядка государства.

Из мер материального характера, которые могли бы оказать влияние в желаемом направлении, я считаю одной из наиболее важных ту, о которой я уже говорил в отделе о воспитании, именно, восстановление кадетских корпусов как закрытых учебных заведений, доступных исключительно для офицерских (всех чинов) сыновей, с предоставлением последним бесплатного содержания и воспитания от казны. Воспитанникам, успешно окончивших курс этих корпусов, должно быть предоставлено право поступления без конкурса в военные училища.

Я не считал бы целесообразным закрыть доступ к карьере офицера лицам другого происхождения; во-первых, потому, что офицерских детей может и не хватить для удовлетворения всей потребности Армии в офицерах, во-вторых, во избежание слишком большой замкнутости офицерского сословия, могущей повести к его отчуждению от других общественных группировок, и в-третьих, чтобы не пресечь естественных стремлений к военной карьере и симпатий к военному делу, которые могут возникнуть и вне офицерской среды. Для таких добивающихся офицерской карьеры молодых людей «со стороны» я полагал бы установить порядок достижения офицерского звания, преимущественно, путем службы в войсках.

Предлагаемый мною порядок, на первый взгляд, как будто не отличается существенно от тех начал комплектования Армии офицерами, которые были установлены нашим старым законодательством. Там мы также видим закрытые и, большей частью, сословного характера кадетские корпуса; видим, что вакансии в военных училищах в значительной доле заполняются выпускными кадетами; мы знаем также, что офицеры пользовались, правда, больше на бумаге, преимуществами в отношении определения своих сыновей в кадетские корпуса и что многие офицеры старой Армии для своих детей военную карьеру предпочитали всякой другой.

Все это хорошо известно, и я глубоко убежден, что офицерский корпус Императорской Армии своими несомненными боевыми качествами в значительной степени обязан был именно тому воспитанию, которое ему давали наши старые военно-учебные заведения, обеспечивавшие до известной степени однородность его состава и прививавшие ему патриотизм, преданность долгу и неустрашимость перед опасностью.

Если этот офицерский состав не представлял вполне удовлетворительного материала для комплектования К.С., то причина этого лежала не в недостатке у него перечисленных качеств, а в том, что служебные и бытовые условия не способствовали разви-

тию в нем других важных качеств, необходимых для высшего командования. Я хочу не разрушать доброе старое, а только еще больше развить то, что в нем было хорошего. Из прежних кадетских корпусов большинство было сословных: я хочу сделать их все сословными, но с таким ограничением сословности, которое, по моему мнению, больше соответствует интересам Армии. Этого начала сословности я полагал бы необходимым в практике кадетских корпусов придерживаться неукоснительно, не допуская в нем никаких изъятий, в виде, например, приема в корпус сыновей гражданских чиновников и не служащих дворян, а также сыновей административного и преподавательского персонала своего корпуса, как то допускалось правилами нашего военного учебного ведомства. Я не допускаю, чтобы офицеру было отказано в приеме его сына в кадетский корпус, если он удовлетворяет индивидуальным условиям для такого приема; желал бы также установить порядок, чтобы отец-офицер для своего даровитого сына мечтал о карьере не инженера, не коммерсанта и не адвоката, а строевого офицера, для которого открыта дорога к командным должностям. <...>

Таким образом, принцип наследственности я полагал бы применять к делу подбора только в виде наследственности классовой или сословной. *Путем создания нового военно-служилого сословия* (причем я вовсе не считаю обязательным, чтобы оно было юридически регламентировано под таким или иным названием) *мы приблизимся к решению первого вопроса подбора: «из кого выбирать?»* В дальнейшем развитии того же вопроса мы приходим к положению, что выбирать надо из строевого офицерского состава Армии. Оставшись на этом общем решении, перейдем теперь к более подробному обсуждению второго основного вопроса подбора: «как (по каким признакам) выбирать?» высказать свои взгляды относительно постановки воспитательного дела в кадетских корпусах; в тесной связи с этим воспитанием должен действовать и особый вид подбора, которому можно было присвоить наименование подбора по элементарному воспитанию. Первым актом его явится строжайшая оценка здоровья и физических способностей кандидатов на поступление в корпус. Не останавливаясь на других, разработанных в моем труде, подробностях по этому вопросу, замечу только в качестве резюме, что те из кадет, которые, несмотря на особо настойчивую работу с ними, окажутся безнадежно вялыми, пассивными, впадающими в уныние от трудов и лишений, нерешительными, лишенными чувства солидарности, трусливыми и т.п., а все подобные качества, при правильной постановке воспитательного дела, не могут не обнаружиться для руководителей, должны быть отчисляемы от корпуса, каковы бы ни были их успе-

хи в науках. Такая же судьба должна постигать кадет безнравственных, а также не подчиняющихся дисциплине и установленному внутреннему порядку, т.е. таких, в которых не удастся развить и укоренить чувства долга.

Что касается успехов в науках, то я держусь того мнения, что неудовлетворительные годовые баллы по одному из учебных предметов отнюдь не должны признаваться достаточным основанием для признания кадета «неуспевающим». Важно не более или менее равномерное усвоение всех преподаваемых в данном классе предметов, а достигнутый общий уровень умственного развития. Известный тип «первого ученика», получающего полные баллы по всем предметам, способного «вызубрить» все что прикажут, «благонравного», чуждающегося шумных развлечений своих товарищей, вообще отличающегося примерным «поведением» в том смысле, как слово это понимается заурядными педагогами, и не доставляющего «хлопот» начальству, этот тип не представляет чего-либо желательного как материал для будущего офицера. Отчисляться от корпуса за «неуспехи в науках» должны только умственно-апатичные лентяи и безнадежные тупицы.

Очерченному мною здесь лишь в немногих словах элементарному воспитательному подбору я придаю чрезвычайно важное значение, т.к. убежден, что в течение всей будущей карьеры кадета, за исключением разве службы в боевой обстановке, ни разу не представится таких благоприятных условий для оценки его воинских качеств, как в обстановке учебного заведения, учрежденного на предложенных мною началах, т.е. такого, в котором культивируется прежде всего молодечество, при солидном спросе на моральные начала и на умственное развитие. Исходя из такого соображения, я и счел нужным придать этому подбору значительную долю строгости. Конечно, реальные условия жизни могут принудить к допущению в нем некоторых компромиссов. Но следует безусловно остерегаться безграничных уступок так называемому «общественному мнению», с его *обычной псевдолиберальной правотой*, а также господствующему у нас обывательскому идеалу житейского благополучия, лишь бы, во что бы то ни стало, набрать в Армию нужное число офицеров.

«Числом побольше, качеством поуже» — этот исповедывавшийся у нас лозунг был одной из причин гибели русской Армии. По-моему, — лучше иметь мало офицеров, но зато превосходного качества, и вообще, небольшую, проникнутую патриотическим духом, подвижную, активную, полную самоуверенности и дерзновения Армию, чем огромные, равнодушные, пассивные, лишённые веры в себя и в успех... полчища. Этот довод я вперед противопоставляю всем вообще возражениям, которые

могли бы быть сделаны по поводу возможных «финансовых» препятствий к осуществлению моих проектов в целом и в отдельности...

Подбор в военных училищах должен вестись на тех же общих началах, как и в кадетских корпусах, с добавлением, в качестве фактора подбора, специальной подготовки юнкеров к исполнению обязанностей строевого офицера. *В основание применения подбора должно быть опять-таки положено тщательное изучение начальствующим персоналом характеров воспитанников.*

Легко предвидеть, что подчеркиваемое мною повсюду обязательство для начальников изучать характеры своих подчиненных, противниками предлагаемых мною мер будет выдвинуто выражение о трудности такого изучения для лица, не годившегося специально к роли психолога. Я думаю, что возражение это легко отпарировать указанием на то, что изучение характеров подчиненных не может представить для начальника затруднений при условии постоянного близкого личного общения с ними (что вообще служит залогом успешного «командования»), а также при условии, что соответствующими инструкциями свыше внимание начальника будет непрестанно обращаться на необходимость изучения характеров его подчиненных в определенном направлении (особом для каждой должности). Наконец, необходимость такого изучения и не является чем-нибудь новым. Огромное большинство, наверное, согласно с М.И. Драгомировым, которым еще несколько десятков лет тому назад было высказано: «Первая обязанность каждого начальника знать, кто из чинов ему подведомых и на что способен».

Как же исполнить эту первую обязанность, не изучая характеров подведомых чинов? Я, например, не допускаю возможности того, чтобы, при правильной постановке службы в отдельной части, командир ее, при содействии своих ближайших помощников, не смог установить, что такие-то офицеры страдают недостатком решимости, что другие, напротив, обладают предприимчивостью, что третьи ленивы и апатичны, четвертые проникнуты духом солидарности и т.д. Я не спорю, что такая оценка характеров представит меньше затруднений для воспитателя кадетского корпуса в отношении подведомых ему кадет, чем для полкового или батальонного командира относительно подчиненных им ротных и взводных командиров; но не вижу непреодолимых затруднений и в этом последнем случае, при условии, что сама служба будет поставлена так, чтобы ею непрестанно предьявлялся спрос на известные черты характера подчиненных, подлежащие изучению начальника.

На таком изучении характеров подчиненных и должна быть основана практика в Армии. Воспитывая своих подчиненных в

духе активности, инициативы, смелости, самостоятельности и т.д., начальники, пользуясь своим знанием их характеров, должны в то же время стараться устранять тех, которые этим требованиям не удовлетворяют.

Таков должен быть характер подбора офицерского состава в обыкновенных условиях мирного времени. Не выдвижение особо выдающихся, что для этой категории чинов можно считать нормальным только в обстановке военного времени, а устранение из общей массы менее годных элементов. Но кроме того должны намечаться офицеры, обещающие в будущем развитие тех черт характера, которые отличают вождя. Они пока повышения не получают, но им должна предоставляться возможность усовершенствования их образования, путем командирования в Высшую военную академию и другими способами. В то же время предполагаемые у них способности вождей должны по возможности испытываться возложением на них особенно трудных и ответственных поручений.⁸⁹

Значение органа подбора должны получить также офицерские корпорации, но, главным образом, лишь в отношении оценки нравственных качеств офицеров и в вопросе о приеме в свою среду новых членов.

Чтобы дать начальнику, при аттестовании им подчиненных, твердую опору и однообразный масштаб, необходимо снабдить его определенными инструкциями, содержащими перечни потребных для каждой должности качеств, указав применять эти инструкции по внутреннему убеждению, руководствуясь исключительно интересами службы. Эти аттестационные инструкции должны утверждаться в законодательном порядке, причем отдельные требования их вообще повышаются, переходя от низшей должности к высшей, и могут меняться в порядке своей относительной важности, на тех основаниях, которые были установлены в отделе, посвященном разбору качеств идеального вождя. Основной идеей аттестационного подбора должно быть выдвижение начальников, одаренных сильной волей, самостоятельным характером и практическим складом ума. <...>

Флуг В. Высший командный состав /Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. – 1936. – №№ 121–123, 125–127; 1937. – №№ 128–129–135–136; 1938. – 140–142.

⁸⁹ По моему проекту, право на поступление в Высшую военную академию определяется не путем конкурсных экзаменов, а на основании аттестации, данной строевым начальством, и особой проверки общего умственного развития кандидата.

СТРАТЕГИ МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

С *тратегия есть искусство, а потому в каждом действии ее проявляются индивидуальные свойства художника.* Если даже возьмем тех полководцев, которых Наполеон зачислил в свой список великих стратегов, то и тогда мы в их действиях, между многими общими им всем чертами или принципами отметим много чисто индивидуальных. А потому Наполеон, а ранее его Суворов, буквально в одних и тех же выражениях советуют «читать, и перечитывать, и сообразоваться с ними», т.е. со всеми, со всеми их индивидуальностями. Фридрих Великий в своем «тестamente», после всех своих походов, сознается, что он далек от мысли, что изучил все военное искусство, уже потому, что в каждом новом своем походе он открывал новые принципы искусства. «А сколько походов, — восклицает он, — судьба не дала мне еще совершить!»

Минувшая война на фоне стратегической индивидуальности нарисовала нам следующих *стратегов, державших в своих руках руководство военными действиями*, а именно: Жоффр, Конрад, Путник, Алексеев, Людендорф и Фош; из них Жоффр, Конрад, Людендорф и Фош высказались в своих мемуарах; Путник же и Алексеев остались безгласны, судьба не дала им самим что-либо сказать в свою защиту; они, как Наполеон, оставили лишь свою оперативную переписку. Взглянем бегло на индивидуальности стратегической теории этих шести полководцев. Они нами перечислены в порядке их вступления в руководство; теперь же, при рассмотрении их теорий, мы выделим Алексеева в конец, намереваясь о нем поговорить подробнее, ибо его душа, его военный гений нам более известны.

Жоффр, мемуары которого наиболее ценны для изучающего теорию стратегии, вырисовывается для нас как истый инженерный офицер, совершенно проникнутый наполеоновскою истиною, что «военное искусство есть искусство простое; в нем нет ничего отвлеченного, умозрительного; все в нем от здравого смысла; вся сущность в нем в умении исполнить». Генерал Бонналь аттестовал Жоффра после маневров в 1912 г. как инженерного офицера, не знающего ни стратегии, ни тактики. Мы высокого ставим Бонналя, и такую аттестацию приписываем лишь несходству их индивидуальных черт в стратегической теории. В Фоше Жоффр нашел, в сложные минуты, советника с индивидуальностью Наполеона. Жоффр делал то, что делает всякий здравомыслящий инженер: он шел на место происшествия, рассматривал матери-

ал, выслушивал все мнения, невзирая на служебное положение советника; своим здравым смыслом делал верный синтез из всего. И Фридрих Великий советует генералу выслушивать совет младшего офицера, но затем «все брать на свои рога, ибо слово «генерал» означает «общий», т.е. все обобщающий». Жоффровские «инструкции» образцовы по своему стратегическому содержанию, и он их приводит целиком в своих мемуарах. Его метод работы с инженерной индивидуальностью, как Наполеона — с артиллерийскою, но более чем у Жоффра пропитанный риском, отважностью, что и понятно, ибо Наполеон более Жоффра был честолюбив. Был ли Жоффр углублен в изучение теорий стратегии и тактики? Этот вопрос практически не важен, ибо теория стратегии вся в том, что Наполеон называет «аксиомою, которая помогает во всех случаях», и в которой очень близко в своих лекциях 1901 г. подходит Фох, советник Жоффра. Тактика же есть техника, для понимания которой требуется лишь побывать на полигоне. Это Наполеон и высказывает, объясняя, что воскресших Александра, Аннибала, Цезаря надо месяца на два отправить на артиллерийский полигон, а Густав-Адольф и Тюрен могут сразу вести сражение на нынешнем поле операций.

Перейдем к *Конраду*, по его собственному признанию, выросшему на Клаузевице и Галлина — Клаузевиц всем известен. Галлина же, скромный австрийский генерал, часто скрытый под псевдонимами, оказал влияние и на Алексеева своею технической стороною стратегической теории; в начальной директиве Алексеева в 1914 г. есть следы учения Галлина. Формальная сторона стратегической техники Галлина вполне соответствует наполеоновской «аксиоме», а равно той стратегической формуле, в какой эрцгерцог Карл, рассматривая свой победоносный поход 1796 г. на Рейне-Дунае, подобный наполеоновскому в 1796 г. в Италии, выразил свою «аксиому», подобную «аксиоме» Наполеона. Это напечатано в 1931 г., в статье генерала Воина Максимовича, в сербском журнале «Ратник», где читатель и может уяснить себе сказанное. Вот эту галлиновскую технику и выражается индивидуальная сторона стратегии Конрада. Все изумительные по своей отчетливости и точности движения, перестроения австрийской армии, что так удивляло Алексеева, особенно в Галицийском 21-дневном сражении, заслуживают внимательного изучения. В них проскальзывают такие моменты, про которые Наполеон говорит: «Они ничто, но это ничто и есть признак гения».

Теперь на очереди *Путник*, так мало знакомый военному «бонмоду», но с честью могущий занимать место среди вышеперечисленных шести полководцев. Он вступил в свою роль полководца в 1914 г., уже после боевой практики в войнах 1912 и 1913 гг.; что его предохраняло от той нервности, с которою Кон-

рад вышел преждевременно из Галицийского сражения, что и вызвало восклицание Алексева: «Отчего австрийцы отступили?» Индивидуальной стороной его стратегии является твердая вера в высокие боевые качества сербского солдата, офицеров и генералов, в сербской армии так близких солдату. Тот, кто видел сцены при проносе в дни юбилея через белградские улицы старых полковых знамен, тот убедится, что стратегический расчет Путника не был ошибочным. «Французские знамена не смеют отступить в поля сражения, пока все в равной степени не побывают в огне», и это наполеоновское требование объясняет победы на Цере, Колубаре и излишне затянутую борьбу в катастрофу 1915 г.

Своею собственною рекламою *Людендорф* уже в первый период войны как бы предназначил свое место в ряду великих полководцев; в труде 1919 г. он в своем «Танненберге» фантастичен, в труде же 1935 г., где он обещает «историческую правду о сражении», он достоин внимания. Несомненно, в Людендорфе много признаков, или «индис», как говорит Наполеон, гения войны, но они затушевываются другими «индис», показывающими, что он мало проникнут тем опытом, который дается, по совету Суворова и Наполеона, «чтением и перечитыванием дел великих полководцев». А без этого, как говорит Фридрих В., опыт всей человеческой жизни недостаточен для уразумения стратегии. Индивидуальная сторона стратегии Людендорфа обоснована на высокой дисциплине всего немецкого воинского состава. Наполеон отмечает во Фридрихе В. его индивидуальность: «Он умел отлично держать в своих руках свою армию во время сражения». Это мы хорошо испытали на себе в сражении с немцами. Индивидуальность Фохса уже выражена, как мы уже сказали, в его лекциях 1901–1903 гг., в его формуле: «De quoi s agit il?», в формуле, им позаимствованной у прусского майора генерального штаба Верди-дю-Вернуа, в 1866 г., при Находе, в суматохе боя задавшего себе вопрос: «в чем же дело?» и сразу нашедшего решение, которого он раньше искал в своей памяти в фактах военной истории. В данном случае Верди впал в заблуждение, а именно он не нашел ответа в военной истории не потому, что она не имела ответа, а потому что он, хотя и майор генерального штаба, знал военную историю только в пределах школьного курса. На вопрос о дебушировании через горное дефиле военная история ему могла дать много. Обращение Верди к здравому смыслу, ибо Наполеон говорит, что «военное искусство есть искусство простое», Фохс воспринял как исходный пункт своего стратегического мышления, и в мемуарах Фохса мы отмечаем строгую логичность его рассуждений, его докапывание до ответа «в чем же дело?» Это индивидуальная сторона его стратегии, и эту характерную ее черту он завоевал доверие Жоффра. В

мемуарах Жоффра есть рисунок, где Жоффр и Фош идут под руку, видимо, обсуждая обстановку.

Алексеев, ныне в литературе восхваляемый и проклинаемый, мог бы быть вполне утешен словами французского генерала Бюа, что «когда позже узнают, при каких невероятно трудных условиях русская армия вела борьбу, то поймут всю нелепость нагроможденных на нее обвинений». И действительно, мы видим, как Алексеев, бывший ко времени начала войны в немилости, постепенно завоевывает доверие великого князя — главнокомандующего, снимающего со своей груди орден Георгия и надевающего его на Алексеева; а затем царя, предоставлявшего ему право выбрать себе в начальники или великого князя, или самого царя. Чем же объясняются эти возвышения? Объясняются очень просто тем, что в моменты кризисов предложения Алексеева вызывали «восторг» великого князя и это передавалось царю. Алексеев твердо верил в наполеоновскую истину, что «стратегия есть искусство простое, все в здравом смысле, и вся сущность его в исполнении». На одной странице помещается вся теория «стратегической аксиомы» Наполеона, но исполнение ее «часто под силу только гению», говорит Наполеон.

Так рисуются нам индивидуальные стороны стратегии шести полководцев минувшей войны: Жоффра, Конрада, Путника, Алексеева, Людендорфа, Фоша. Но нам скажут: почему же к этим полководцам не приобщены нами другие, которые тоже держали в своих руках руководство военными действиями. На это мы ответим, что мы следуем идеалу Наполеона и полководцем именуем лишь то лицо, которое лично день и ночь прорабатывает, подобно Наполеону, весь оперативный материал, а не поставляет свои решения по докладам, делаемым ему в назначенные часы; такое лицо не имеет своего мнения и принимает не свое решение, как говорит Наполеон. Ропщет же главнокомандующий Юго-Западным фронтом Иванов, что ему Карпатская операция была представлена под видом «готовой зажаренной птицы», которую надлежало только переложить на тарелку, чтобы удобнее проглотить.

Здесь может возникнуть вопрос, есть ли в числе перечисленных нами стратегов великий полководец? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны призвать на помощь Фридриха Великого. Он обрисовывает тип великого полководца. Такой полководец «должен обладать мужеством и упорством Карла XII; верным взглядом и политикою Мальборо; планами, способностями и находчивостью принца Евгения; хитростью Люксембурга; разумностью, методом и осмотрительностью Монтекукули и искусством Тюрена пользоваться благоприятным моментом. Но я думаю, что такой прекрасный феникс никогда не родится». Таким образом, для нас

остается единственным критерием при определении, кто из вышеназванных может быть увенчан званием великого полководца, ответ Тюрена: «Тот, кто менее делал ошибок». Мы на себя не берем труд такого учета ошибок, представляя это стратегическому статистику, каких много в немецкой военной литературе. Мы боимся вопроса Фридриха Великого: «Но скажут, по какому праву ты делаешь себя судьей знаменитых воинов? А сам ты, большой критик, следовал ли учениям, которые ты так громко проповедуешь?» На это можно ответить, что ошибки другого нам видны, своих же мы не замечаем.

Борисов В. Стратегия. По делам стратегов минувшей войны /Русский Инвалид. – 1939. – № 144.

В. Борисов

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СУВОРОВА

Именно в «Русском Инвалиде» мы желаем высказать как бы завещание для офицеров генерального штаба той России, которая рано или поздно придет в «божеский» вид. Потому что в такой России само собою продолжится традиционная военная газета «Русский Инвалид» и ее парижский продолжатель будет доступен и вновь создававшемуся генеральному штабу. Тогда как печатающиеся ныне в эмиграции русские полувойенные газеты едва ли сохранятся до того времени. Вот поэтому нам и хотелось бы часть нашей статьи, под названием «О принципах стратегии», напечатанной в белградском «Осведомителе» № 4, издании русского военно-научного института, а равно в сербском «Войни Вестник», апрель 1939 г., видеть перепечатанною в «Русском Инвалиде», в расчете, что когда-нибудь найдется офицер, который посвятит себя восстановлению и объяснению теории стратегии Суворова. Эта работа возможна только при пользовании военными архивами, ныне хранящимися в Петербурге и Москве. Приведем часть статьи из «Осведомителя».

Последуем совету Жомини. Он, исследуя революционные войны, в главе 86-й, говоря восторженно о нашем великом Суворове, приводит тот *ответ-принцип*, который Суворов высказал на предложение австрийского генерала Шастелера, его начальника штаба в 1799 г., произвести перед началом действий рекогносцировку. Суворов отрывисто ответил: «Рекогносцировки! Я их и не хочу; они годятся только людям темным и для предупреждения неприятеля о нашем приходе; кто хочет, всегда найдет не-

приятеля. Колонны, штык, холодное оружие, атаковать, пробить — вот это мои рекогносцировки!» В этом ответе русского стратега ложная школа австрийского штаба видела лишь невежественную болтовню. А между тем, в этом ответе-принципе, говорит Жомини, было откровение истинного гения войны. И Жомини это объясняет так: «Прилагаю этот ответ Суворова к его положению на р. Орлио, можно его формулировать так, в иных выражениях: «Французы находятся за р. Орлио, и они разбросаны по всему фронту или сосредоточены на важном пункте. Отлично. Пусть так или этак. Произведем удар на пункт, указываемый правилами стратегии, и ограничимся сильною демонстрациею на остальном фронте. Если мы найдем неприятеля разбросанным по фронту, то наша демонстрация задержит его в этом положении и наша ударная масса его опрокинет. Если же, наоборот, неприятель окажется сосредоточенным на пункте нашей главной атаки, то наша демонстрация окажет свое действие и превратится в маневренную колонну, чтобы ударить во фланг неприятелю». Жомини добавляет, что если бы Суворов Шастелеру ответил так, то этот ответ был бы более «элегантным», но в сущности был бы тем же, что высказано в отрывистой форме. Из этого примера Жомини можно видеть, как должен изучаться принцип, тесно связанный с принадлежащей ему обстановкою. Только тогда принципы могут быть усвоены с практической пользою.

Из сказанного мы видим, как, следуя рецепту Жомини, мы сможем тот *целый ворох суворовских изречений преобразовать в теорию русского великого полководца*. Но к этой работе мы должны присоединить и другую — это обработку того архивного оперативного материала, который оставлен нам великим полководцем. *Без этого материала мы не постигнем стратегического мышления Суворова*. Теперь уже создано, что без изучения «Correspondence» Наполеона, в ее 32 томах, невозможно и говорить о стратегии Наполеона. А издание этой «Correspondence» закончено только в 1870 г., а потому работы Жомини, Леера не дают нам «тайн» стратегии величайшего из великих полководцев. *Подобное же произошло и с Суворовым*. Труды Милютин, Петрова, Дубровина, Петрушевского не вводят нас в теорию Суворова. Наиболее из них обработанный труд Милютин уже в своей основе содержит умаления гения Суворова. Милютин говорит: «Если сравнить первостепенных полководцев разных времен, то должно беспристрастно сознаться, что некоторые из них, быть может, стоят выше Суворова в искусстве стратегических соображений, в умении двигать большие армии и водить их в бою, одним словом, в том, что составляет, так сказать, механизм военных действий». Одним словом, аттестация, данная в духе понимания теории стратегии императором Николаем I, Паскевичем и Жомини: механизм движения больших масс Паскевича в Венгрии. Тут повторяются аттестации, данные великому Суворову эрцгер-

цогом Карлом и Наполеоном. Первый уверяет, что «Суворов обладал военными способностями, но без образования (военного)». Второй признает, что Суворов имел «душу большого генерала, но не имел его головы». Конечно, Наполеон, приводя в «Correspondence» десять критических замечаний на действия Суворова в 1799 году в Италии, не мог знать, за неимением в своих руках русских оперативных документов, что почти во всех десяти случаях Суворов именно так и поступал, как ему советует Наполеон. Таким образом, Суворов документально доказывает, что у него голова была, во всяком случае, равная наполеоновской. В свое время мы напечатали об этом статью в «Известиях императорской военной академии». Более истинным является суждение маршала Сульта, одновременно с Суворовым действовавшего в Швейцарии: «Это таланты вполне созревшего военного деятеля; проявление его верных и великих взглядов. Обладая верным взглядом военным (глазомер), отважный в своих проектах, непоколебимый в их исполнении, смелый и непреклонный в невыразимой степени, он обладал сверх всего этого еще несравненным талантом владеть духом своей армии безгранично». Дюма, в 1817 г., свидетельствует об этой «безграничности»: 24 окт. 1805 г., при Амштетене, через пять лет после смерти Суворова, русский солдат оставался суворовским: «Гренадеры Удино выказали величайшее мужество, а русские дикую храбрость: раненые, обессиленные, они дрались с крайним ожесточением, пока их удавалось обезоружить; пленные бросались на свой конвой». «Смерть или плен — одно», — говорит Суворов в своей инструкции. Наш полевой устав к 1914 г. успокаивал войска тем, что по международной конвенции военнопленные сохраняют свое жалование. Немцы отказались напечатать это в своем уставе, мотивируя тем, что ныне общая культура и без того изнеживает офицера и солдата.

В 1900 г. генерал А.К. Пузыревский командировал нас в Петербург, в Военно-ученый архив, чтобы найти подлинные планы сражений, данных Суворовым в 1794 г. в пределах Варшавского военного округа, а именно: Крупчины, Брест, Кобылка, Прага, а равно Мациевицы, где Ферзен в этом же году разбил польскую армию Костюшко. Мы нашли эти планы среди порядочного склада различных реляций. *Никто ими не интересовался, как не интересовался и оперативным материалом Суворова.* Никто не обратил внимания на наше объяснение, напечатанное в составленной нами «истории 64 пех. Казанского полка», что так называемое «Суздальское учреждение» Суворова следует искать не в 62 пех. Суздальском полку, а в 77 пех. Тенгинском, потому что Суздальский полк суворовский в 1819 г. переименован в Тенгинский, а старый Тенгинский в Суздальский. Но инертным канцеляриям это не нравилось, и *они продолжали в своих официальных хрониках*

считать, что подобного факта не было. Мышлаевский ездил даже специально в Москву, чтобы уничтожить документы об этом.

Так, *вся суворовская стратегия лежит под спудом.* И мы лишь дебатировем его «Науку побеждать», утешаясь тем, что будто бы Наполеон сказал, что «моральному элементу» принадлежит половина и даже три четверти успеха. Но, к сожалению, *Наполеон этого не сказал*, ибо в «мораль» он включил и ум, и мышление полководца, т.е. убавил нашу оценку «Науки побеждать», включив в сумму оценки и теорию стратегии Суворова, которая хранится под спудом.

Борисов В. О великом Суворове /Русский Инвалид. – 1939. – № 135.

О РУССКОЙ ВОЕННОЙ НАУКЕ

<...> **Д**о последнего времени на военную науку большинство не обращало должного внимания и совершенно не талось с ней. ~~Итак, настало время, когда она должна быть признана наукой, но она не могут и не должны быть включаемы в круг дисциплин, исследуемых научными методами и приемами.~~

Однако военная наука издавна уже не хотела примириться с таким своим положением и, сознавая право на свое существование и необходимость его, стремилась, правда, путями окольными и притом *в порядке частной инициативы* к тому, чтобы получить общее признание и равноправие во всех отношениях с другими науками.

Отдельные военные ученые давно уже начали представлять свои труды в Императорскую Академию Наук на соискание научных премий. И Академия Наук на общих основаниях присуждала такие премии разного наименования: Митрополита Макария, Графа Уварова, Ахматова и др. Этим самым Академия, хотя по причинам быть может чисто формальным, признавала эти труды научными, а значит, косвенно признавала и существование военной науки.

При этом нужно сказать, что военно-научные сочинения, премированные Академией Наук, относились к разным дисциплинам. Наибольшее число военно-научных сочинений, премированных Академией Наук, принадлежало к военной истории, затем — к военной администрации. Почти не было таких трудов по стратегии и по тактике и совершенно не было по военной статистике.

Факт отсутствия премированных сочинений по стратегии и тактике, казалось бы, важнейшим военным наукам, обращает на себя внимание.

И по тактике, и по стратегии у нас были вполне научные, можно сказать, классические труды, как например: Леера, Драгомирова, Гудима-Левковича и др., но они появились еще тогда, когда или в Академии Наук не существовало соответствующих премий, или когда не создалась еще практика у военных ученых представлять свои труды для соисканий премий. В последний же период, когда то и другое уже было налицо, нужно признать, что соответствующих сочинений по этим отраслям знаний не было. Это же, несомненно, потому, что *ни в области стратегии, ни в области тактики не появилось таких авторов, которые создали бы в этих отделах военных знаний строго научные и притом вполне самостоятельные труды, способствующие выясне-*

нию и утверждению основных положений тактики и стратегии, представляющие достаточно полное исследование и освещение во всех отношениях всех вопросов, входящих в сферу этих наук, и устанавливающие на них строго определенные те или иные взгляды.

Почти все труды и по стратегии, и по тактике представляли собою в большей или меньшей степени компилятивные работы типа более или менее расширенного учебника или учебного пособия для школ различных степеней. Это же в значительной степени происходило от того, что слишком односторонне и близоруко толковали слова Наполеона, что «тактика меняется каждые десять лет». Упуская из виду, что слова эти относятся только к способам, методам и приемам действий, но отнюдь не к принципам и основным началам.

Говоря о признании «общей» наукой наличия военной науки, нельзя также не вспомнить, что долговременным неперменным секретарем Академии Наук был генерал Дубровин — военный историк. Это обстоятельство, а также то, что подавляющее большинство премий за военные сочинения были выданы Академией Наук за труды военно-исторические, как бы указывает, что «общая» наука из всех военных наук признавала таковой преимущественно военную историю.

А между тем все дисциплины военной науки в отдельности и вся она в целом исследуют вопросы существенной необходимости, ставившиеся к разрешению самой жизнью, вытекающие из взаимоотношений между народами и опирающиеся на природу и сущность вещей и явлений. Другими словами, ведению военной науки принадлежат все те вопросы и явления, которыми занимаются и «общие» науки, но в ином преломлении, и которые требуют того, чтобы быть исследованными научно и вполне достойны такого изучения.

С другой стороны, те методы и пути, которыми пользуются при своих исследованиях военные науки, они те же, которыми руководятся и «общие» науки и которые поэтому являются вполне научными. К этому нужно прибавить, что *военные науки принадлежат к области социальных наук, ибо имеют дело с человеком и с организациями из людей*, а также что военные науки, как и всякие другие, *подразделяются на две части, на два основных отдела: на чистый (отвлеченный, спекулятивный) и на прикладной.* Первый включает объяснение и познание свойств вещей и явлений, а второй — приложение определенных знаний в жизни. Работа в области первого отдела приводит к выводу принципов, основных начал, надлежащим умозаключениям и философским обобщениям; работа же в прикладном отделе приводит к выработке практических приемов и навыков.

Так или иначе, но военная наука в обоих указанных своих отделах — теоретическом и прикладном — имеет громадное значение и потому требует правильной постановки и идущего по верному пути развития. А для этого прежде всего необходимо, чтобы военная наука заняла положение одинаковое с другими науками, чтобы в ней во всех ее дисциплинах было бы возможно установить *преемственность научных методов и научных традиций*, чтобы создалась бы обстановка, при которой она могла бы развиваться на прочных основах.

До сих пор у нас этого не было, ибо на военное дело большинство смотрело только как на ремесло, требующее лишь некоторых теоретических указаний и затем большого практического навыка. Вследствие этого, между прочим, как уже указывалось, все сочинения по стратегии и особенно по тактике являются лишь справочниками, в лучшем случае учебниками, изложенными догматически и предназначенными для узкопрактических целей, а не научными исследованиями. Труды по этим дисциплинам военной науки как бы упростились, так сказать, *демократизировались и по содержанию, и по изложению, и даже по свойству их авторов*. Последнее в том смысле, что каждый прошедший высшую военную школу (академию) и пишущий по военным вопросам, независимо от того, что, как и для чего, — считает себя ученым.

Такое отсутствие подлинно ученых трудов по тактике и стратегии принижает военную науку, несомненно, умаляет ее значение, заставляет относиться к ней скептически и даже иронически, высмеивать ее и в результате считать ее совершенно ненужной. Все это не может не отразиться на пользе дела во всех смыслах. И это тем более, что такое отношение к военной науке, в силу указанных причин, утверждается прежде всего и главным образом в военной среде.

Только этим можно объяснить такой факт, как предложение, исходящее из среды академической конфедерации, уничтожить в академии Генерального Штаба самостоятельные кафедры *военной истории и истории военного искусства и особенно русского, хотя несомненно эти дисциплины являются основными в военной науке и в то же время и по существу вещей, и по состоянию военной науки они были наиболее проникнуты духом научности, наиболее научно разработаны и поставлены*, чем и способствовали поддержанию научности во всех военных дисциплинах, не исключая, в частности, стратегии и тактики.

Невольно вспоминается также тот факт, когда я, получив звание профессора, занял в Академии кафедру истории русского военного искусства, то начальник Академии поздравил меня с «бубновым тузом». Факт странный, но вполне отвечающий общему тогдашнему настроению. С другой стороны, такое отношение к

военной науке заставляло на самую ее научность смотреть упрощенно, не считаясь ни с основами, ни с методами. *Научность тоже демократизировалась, а потому понижалась и вырождалась, обращаясь в крайне вредную псевдонаучность.*

Между тем, являясь в низших своих проявлениях ремеслом, военное дело есть высокое искусство, опирающееся на научные основы. При этом искусство наиболее сложное, наиболее трудное и в настоящее время практически наиболее необходимое. Кроме того, военное искусство, как и всякое другое, носит в себе все свойства «чистого» искусства, так как в его проявлениях сказываются такие комбинации ума, таланта, вдохновения, воли, решительности, настойчивости, твердости духа, которые сами по себе, независимо от практических результатов, могут доставить эстетическое наслаждение, могут заставить любоваться красотой замысла, продуманностью плана, отчетливостью и мастерством его исполнения.

Такое искусство, основываясь на науке как на теории, в свою очередь, утверждает военную науку, *заставляет в нее верить*, признавать необходимой, привлекать к ней, возвышать ее и ставить ее в положение, соответствующее ее значению и той роли, которую она призвана играть.

Многие, однако, смешивают военную науку с военной литературой и военной журналистикой. Отсюда ближайшим следствием является или отрицание наличия военных ученых и необходимости их иметь, а значит и готовить, или признание каждого преподавателя, лектора, каждого пишущего что бы то ни было по военным вопросам — военным ученым. Это же в свою очередь умаляет настоящую военную науку, низводит ее значение, приводит даже к полному ее отрицанию. Такое же отношение к военной науке понижает и военное искусство.

Умалению военной науки у нас, впрочем, способствовало также и то обстоятельство, что звание профессора являлось собственно не ученой степенью, а должностью, вследствие чего звание, полученное после определенного научного испытания и свидетельствующее о научных занятиях данного лица, терялось при оставлении соответствующей штатной должности. Исключение составляли «заслуженные профессора», получавшие это звание после десяти лет пребывания на должности профессора, т.е. как раз те лица, которые обычно оставляли научные занятия.

Конечно, истинными военными учеными могут быть и те, которые научному искусству не подвергались и должности профессора не занимали, но естественно, что прохождение научного стажа является основным требованием и необходимым требованием, ибо оно прежде всего обозначает надлежащую подготовку, отмечает склонность и способность к известного рода деятельности и

направляет на работу в сферу определенных занятий. И в военной науке могут быть свои Забелины — и дай Бог их побольше, но в обычных условиях такие ученые самородки и самоучки являются редкими исключениями.

Указанное положение приводило к тому, что профессоров (военных ученых) было весьма *незначительное число*, — они как бы затеривались, не играли надлежащей роли и не в состоянии были при обычных условиях поддерживать научные традиции и служить проводниками так *необходимой для развития науки преемственности*. Конечно, и при таких неблагоприятных условиях у нас появлялись такие ученые, как Леер, Драгомиров, Станкевич, Пузыревский, Масловский... но ведь они тоже, подобно Забелину, были исключениями, а на исключениях систему строить нельзя.

Приниженному положению военной науки со всеми последствиями, отсюда проистекающими, немало способствовало также и то отмеченное выше обстоятельство, что «общая» наука мало считалась с военной, относилась к ней свысока, а военная наука мирилась с этим как с неизбежным фактом и потому даже не пыталась равняться с «общей» наукой, считая последнюю выше себя. Военные же ученые признавали себя ниже представителей «общих» наук и даже стеснялись, совестились своего звания профессора, носимого ими как бы не по праву.

Все это, конечно, еще более принижало военную науку, приводило к заключению, что она не настоящая наука, что она какая-то особенная, второстепенная, что она, в сущности, совершенно не нужна. При таких условиях ни о правильной постановке, ни о дальнейшем развитии военной науки нельзя было думать.

Теперь, после Съезда ученых в Белграде, казалось бы, дело в этом отношении должно измениться. Резолюция Съезда по докладу проф. ген. Геруа относительно военной науки должна изменить условия, в которых они существуют сейчас, и создать благоприятные условия для их будущего. И прежде всего, опираясь на эти резолюции, нужно создать возможность работать по своей специальности тем военным ученым или даже, скажем, тем занимающимся военными науками, которые находятся в эмиграции. При этом, однако, нужно строго выделить тех, которые могут быть признаны, так сказать, «патентованными» учеными, т.е. тех, которые уже были подвергнуты определенным испытаниям, существовавшим в Военной Академии до 1917 года, как это делается и относительно «штатских» профессоров.

Но еще более важно *создать правила и возможность подготовки новых военных ученых*, не считаясь, конечно, ни с возрастом, ни с прежним служебным положением. Через эти правила необходимо пропустить всех желающих получить звание военного ученого, не исключая тех, которые уже и до сих пор занима-

лись той или иной разработкой военных вопросов. Нужно теперь же создать ученую степень для работников в области военной науки независимо от штатных мест. Чем более будет вполне подготовленных и испытанных военных ученых без определенных должностей, тем лучше, ибо только при этом условии военная наука будет твердо поставлена на ноги и получит возможность вполне независимо и самостоятельно развиваться и распространяться. А это теперь необходимо более, чем когда-либо — *мы, несомненно, накануне новых продолжительных и тяжелых войн*. Все говорит за это и прежде всего неминуемые последствия Версальского мира и особенно усиленная кампания против войны.

Пусть не для всех «общих» ученых и писателей все будет понятно в трудах их военных коллег. Не всем также понятны работы и по другим специальностям из цикла «общих» наук, однако к ним относятся с уважением и их не отвергают. Да будет так и с военными отраслями знания.

Баиов А. Две резолюции //Новое Время. – 1928. – №№ 2256, 2257.

ЗНАНИЕ И ОПЫТ

Двадцать лет военная наука кропотливо изучала опыт минувшей Большой Войны, упорно работала над совершенствованием техники, пытаясь вместе с этим предугадать вероятные формы ведения будущей войны. Сейчас период этой теоретической работы кончился, и для европейских армий наступил период практики. Военные специалисты, призванные в ряды армий, имеют ныне возможность проверить на опыте все то, чему их учили в мирное время, а также то, что они сами продумали.

Всем известно, что науки, изучающие явления социальной жизни, находятся еще в начальной стадии своего развития; еще в большей степени это верно в отношении *науки о войне*, т.к. из всех явлений социальной жизни война является наиболее сложным и многогранным. Вот почему с полной уверенностью можно утверждать, что производящийся сейчас человечеством новый опыт потребует множества исправлений в довоенной теории; от многих выводов последней придется отказаться; много новых путей откроется перед будущими исследователями. *Война, как сама жизнь, лучший учитель. Она безжалостно разбивает все нереальные умствования, в которые легко впадает теория, долго не имевшая возможности проверить свои выводы на опыте.*

Я хотел бы, чтобы те из моих учеников, перед глазами которых очутятся эти строки, знали, что ошибки теории и исправление их путем опыта есть *явление нормальное*. Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Это изречение особенно приложимо к прогрессу военного дела, ибо этот прогресс требует предварительной теоретической проработки, хотя бы и несовершенной.

Я настаиваю на этом потому, что *у людей, мало убежденных в пользе военной науки, первое столкновение с реальностью войны легко порождает разочарование в этой науке*. Гениальное перо Льва Толстого красочно изобразило в «Войне и Мире» такое разочарование в виде переживаний князя Андрея Болконского. Сопровождая изображение этих переживаний своими собственными рассуждениями, Толстой произносит суровый приговор над военной наукой. Несомненно, что на страницах «Войны и Мира» отразились собственные разочарования Толстого, пережитые им в Севастополе, когда он воочию увидел войну не такую, какую ее описывают, а такую, какая она в действительности есть.

Расхождение теории с практикой происходит, главным образом, в области психологической. Трудность изучения психики

человека, в особенности людского коллектива, помешала плодотворному углублению военной науки в эту область. Это привело к тому, что развитие теории военного искусства могло далеко продвинуться лишь в области изучения материальных факторов борьбы. Быстрый темп совершенствования современной техники в еще большей степени приковал к себе внимание военных исследователей, и поле военной психологии осталось по-прежнему не разработанным. Вот почему для правильного понимания войны и необходим личный опыт.

Только что написанные мною слова «личный опыт» представляют собой очень широкое понятие. Личный опыт командующего армией отличается от личного опыта рядового бойца. Каждое положение на иерархической лестнице армии требует своего специального знания и свой специальный опыт. Однако если для работы на нижних ступенях военной иерархии нужен лишь опыт бойца, т.е. человека, непосредственно участвующего в бою, то для командующего армией нужен не только опыт в управлении крупными войсковыми соединениями, но также и личный опыт бойца. Такое требование является следствием того, что психологические реальности явлений войны, вследствие отсутствия в числе наук военной психологии, можно постигнуть лишь увидев войну воочию; ибо *«внизу» война ощущается совсем иной, чем наблюдаемая «сверху»*, т.е. из высших штабов; а, между тем, оценки последних и служили главным материалом существовавшей до сих пор военной истории.

Личный опыт на нижних ступенях военной иерархии позволяет выработать ту реалистическую точку зрения на явления войны, без которой правильное использование даже верной военной теории невозможно. Он же послужит важнейшей предпосылкой для внесения поправок на всех ступенях военной иерархии в теоретические знания, приобретенные в мирное время.

Не нужно бояться того, что этот личный опыт вызывает вначале впечатление несостоятельности военной науки. По мере углубления и расширения личного опыта неминуемо выясняется, что обнаруженные ошибки не так уже велики и что более чем часто они не затрагивают существа дела. Однако *пережить критический период переоценки военно-научных обобщений суждено каждому, кто впервые услышит выстрелы.*

В этом отношении чудной иллюстрацией служит запись Верди дю Вернуа одного из наиболее близких и блестящих учеников старого фельдмаршала Мольтке. Когда Верди дю Вернуа, в качестве офицера генерального Штаба корпуса (корпуса ген. Штейнмица) услышал первые выстрелы завязывавшегося встречного боя под Находом (в 1866 г.), он был подавлен сложностью создающейся обстановки. Мысль, воспитанная в мирное время уп-

рощенными описаниями военной истории, легко была сбита с путей примитивного понимания войны. Растерявшийся в неясности и многогранности реальной боевой обстановки, Верди дю Вернуа тщетно искал в памяти соответствующего примера из военной истории. Чем более он искал, тем более он терял способность разобраться в обстановке. Придя в отчаяние, он воскликнул: «К черту военную историю, к черту теорию — в чем же дело?» Мысль сразу же прояснилась, и среди туманной и сложной обстановки завязывающегося встречного сражения перед ним начала вырисовываться руководящая идея того, что нужно делать.

Вот тот психологический процесс, который в том или ином виде переживает каждый военный, впервые встретившийся с реальностями боевой обстановки. В основе этих мучительных переживаний лежит, большей частью, не ложность теории, а неверный метод ее приложения. Только что рассказанный случай тем более поучителен, что Верди дю Вернуа сам, как выдающийся представитель военной науки, конечно, отлично знал основное положение военной теории, которое гласит, что военная теория никаких трафаретов для действий дать не может.

Вот совет, который я могу дать моим ученикам, волею судеб очутившимся на театре военных действий. *Будьте готовы к несовершенствам преподанной вам теории.* Не бойтесь пытаться разрушить ее выводы на основании тех реальностей, которые вы встретите в бою. Но, разрушая, стремитесь тотчас же восстановить в новой форме вывод науки; когда же теоретическая мысль заводит вас в тупик — ищите обходные пути. Вы скоро убедитесь, что *Военная Наука гораздо прочнее построена, нежели это кажется с первого взгляда.* Неизбежно вы вернетесь ко многому старому. Но откинув ошибки и обновив устарелое, вы обретете более совершенное знание.

Однако для подобной работы вам нужно исходить из какого-то хотя бы приблизительного знания. Это исходное положение вы могли получить лишь благодаря предварительной теоретической подготовке мирного времени. Невольно вспоминаются здесь слова Фридриха Великого: «Мул Евгения Савойского, сделавший с ним много походов, не стал от этого опытным военачальником».

Головин Н. Знание и опыт /Русский Инвалид. – 1939. – № 142.

СОВЕТСКАЯ И ЭМИГРАНТСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

Народы, кроме исключительно подражающих, имеют различные, каждому из них свойственные военные доктрины. Военный орган русского народа — красная армия — имеет доктрину, весьма отличную от иных армий. Советская военная мысль возникла иначе, чем во всех армиях мира, — не в дни спокойного и мирного строительства, а в разгар войны и революции. *Рожденная революцией и вскормленная победами гражданской войны, она насквозь пропитана понятиями революционной войны и этим она коренным образом отличается от учений прочих армий.*

Четыре группы людей творили советскую военную мысль: штатские теоретики, революционные боевые практики, старорежимные генштабисты и германские советодатели. Троцкий и Буденный, полковник Каменев и замаскированный немецкий оберст — вот четыре фигуры для памятника советской военной мощи. Влияние штатских на военную мысль было благотворно (да простят мне эту «ересь» мои собратья-офицеры!). Ему надо приписать то, что СССР располагает наступательным и оборонительным оружием, какого нет у других государств, — пропагандой. Это оружие выдумано не большевиками: еще княгиня Ольга при помощи маскарадного киселя подорвала дух осаждавших ее город врагов, внушивши им, что город немисливо взять. Во все века и в наше время полководцы стремились и стремятся пропагандой разложить дух неприятеля и пропагандой же поднять настроение своих войск. Но никто в мирное время не создает аппарата для этого и не создает навыков — все предоставляется скороспелому творчеству в дни войны. Только красная армия имеет отточенное пропагандное оружие для нанесения ударов по духу врага и для поддержки духа своих войск.

Все армии истребляют физические силы неприятеля, чтобы сломить его духовную мощь; красная армия будет, сверх того, ломать вражеские духовные силы, чтобы сокрушить его физическую мощь. Истреблять, чтобы разложить, — вот общепринятый способ войны; разложить, чтобы истребить, — вот прием, возведенный в правило штатскими творцами красной армии. Отрицательная сторона влияния этих штатских заключается в том, что они, неучи в военных вопросах, навязывали армии социалистические идеи невежд в военном деле (вроде Энгельса) и в течение многих годов вели советскую военную систему в направлении создания милиции. Потребовались большие

усилия военных и возникновение действительной опасности войны, чтобы освободить военную мысль от милиционной бессмыслицы.

Другая группа создателей красной армии — *командиры времени навыков гражданской войны* — внесли в военное творчество смелость и дерзновение. Революционеры и авантюристы, свободные от пут военных догматов и застоя, уверенные в непререкаемой ценности собственного боевого опыта, эти рев-военные вывели русскую военную мысль из того тупика, в который ее в годы Великой войны завело слепое подражание бездарным западноевропейским образцам. Быстрота действий и маневрирование — вот две основы советской военной мысли, резко отличающейся, например, от французской доктрины, которая словесным блеском громовых фраз о соблюдении наполеоновской маневренности прикрывает свою позиционно-силовую сущность.

Советская военная доктрина под влиянием рев-военных опережает военную мысль других армий: если она не придумывает нового, то она *перехватывает новые идеи у других и разрабатывает их рекордно быстро*. Французы и немцы показали миру значение авиации: итальянцы сделали отсюда выводы о необходимости поднять часть военных операций с земли под небеса; красные стратеги загорелись этой идеей и, подготавливая развитие своей авиации; в военное время, превратили русский народ в летающих людей: ни в одной стране нет такого количества привыкших к полетам граждан, как в СССР. Стоило возникнуть в Америке мысли о воздушных десантах, как красная военная мысль лихорадочно заработала в этом направлении. Сейчас уже отряды в тысячи человек могут спускаться на парашютах и число парашютистов в стране растет, как нигде. Великая война остро поставила вопрос о размещении обрабатывающих и по возможности добывающих предприятий в достаточном удалении от границ; во многих государствах кое-что было предпринято в этом направлении, но только в СССР на этот вопрос — один из важнейших в теории и практике ведения войн — было обращено серьезное внимание.

Не продолжая перечня доказательств способности красной военной мысли к восприятию новшеств, следует оговориться, что эта способность иногда превращается в азарт и *нуждается в торможении*. Когда сражение между японцами и китайцами в Шанхае показало, что одиночные отличные стрелки способны были на целые часы остановить движение японских рот, рев-военные набросились на новинку и вся красная армия принялась с таким рвением создавать снайперов (высококачественных стрелков-одиночек), что стрелковое обучение войсковых частей было отодвинуто на задний план. Большевицкая суетливость и пролетарская малоразвитость рев-военных, дополненные их военной малограмотностью, ведут красную мысль зигзагами, что причиняет немало ущерба и красной армии, и красной военной доктрине.

Отрицательное воздействие «маршалов от гражданской войны» усиливается их крайней самоуверенностью. Их победительское самомнение не охладил польский душ и подогрел разгром китайцев в 29 году. Поэтому военная наука, с ее разработкой вековых законов военного дела, олицетворяемая в красной армии некоторым числом *бывших царских офицеров-генштабистов*, пребывала в загоне. К ее голосу прислушивались неохотно не только в силу «буржуазного происхождения» глашатаев этой науки и самой науки, не только по причине политического недоверия к офицерам, но и вследствие различий в офицерском и краскомовском понимании войны: первые допускают, что война внешняя может быть дополнена элементами гражданской войны, вторые же убеждены, что всякая война есть гражданская война; первые понимают войну как борьбу между народами, вторые — как борьбу между классами; первые видят перед глазами вторую мировую войну, вторые — первую мировую революцию.

Жалки были усилия генштабистов получить политическое и военно-научное доверие большевиков — они начинали свои научные труды изречениями в духе марксистского материализма, пролетаризовывали язык своих писаний и старались свою консервативную военно-научную сущность прикрыть военно-революционной словесностью. Теперь этот неумелый и неумный маскарад перестал быть нужным: коммунизм как теория изжит в СССР (осталось лишь коммунистическое властвование), отпала поэтому и надобность в марксистском кривлянии военной мысли; надежда на мировую революцию ослабела, дрогнуло поэтому и классовое понимание войны. Теперь и краскомы не видят в пропаганде оружия армии. Взгляды сблизились, и различие осталось лишь в порциях пропаганды: Ворошилов пропишет большую дозу, чем прописал бы бывший полковник Верховский.

На долю этих бывших полковников выпала тяжелая задача тормозить скольжение красной военной мысли в сторону авантюризма — наследия гражданской войны — и доктринерства — детища социалистических мечтаний. Они свою задачу в значительной мере выполнили. Они, например, замечательно соединили милиционный бред с теорией постоянной армии и способствовали созданию единственной в мире военной системы, соединяющей в себе кадровые и территориально-милиционные войска. Крайняя малограмотность командного состава красной армии, административная и экономическая неурядица в стране, созданная большевиками национальная чересполосица, а главное, политическая ненадежность масс принудили теперь красное командование нарушить кадрово-территориальную систему, заслуживающую большого внимания, и начать приближать организацию

красной армии к общепринятому в Европе образцу, скомпрометированному Великой войной, но пока нигде, кроме Германии, не замененному другими, лучшими.

Германия свою военную организацию приняла после тщательного изучения советского опыта, в разработке которого немецкие офицеры приняли гораздо большее участие, чем принято думать. Не останавливаясь на второстепенных проявлениях немецкого влияния (в прошлом) на советскую военную мысль, надо указать на усвоение последней немецкого понимания задач стратегии и тактики.

Существуют два взгляда: «посмотрим, что сделает противник, и тогда будем действовать» — это один, а другой — «я так хочу, я так действую», то есть провожу свой план, не давая врагу осуществлять его программу. При первом понимании обстановка создает наше решение; при втором — наше решение создает обстановку.

Французы (хотя они в этом не признаются) являются сторонниками стратегии и тактики первого вида — их план 1914 года бесспорно это доказывает, как немецкий план того же года свидетельствует, что не только в теории, но и на практике немцы придерживаются отчетливо наступательных стратегии и тактики.

Красная армия усвоила систему «я так хочу». Это видно не только из уставов и литературы, но также из размещения красной армии, допускающего создание двух огромных маневровых кулаков на западной границе, и расположения Дальневосточной армии которая, вместо осторожного, оборонительного сосредоточения в Забайкалье приняла рискованное, но наступательно-выгодное выделение части сил в Хабаровско-Владивостокский район. Наступательная доктрина, однако, сама по себе имеет ограниченную ценность, если нет людей для превращения наступательной теории в наступательную практику. *В красной армии есть предпосылка для такого превращения — молодость ее командного состава. Красная военная мысль проповедует наступление не для того, чтобы придать энергии командному составу, а потому, что командный состав полон энергии.*

Трудно себе представить, чтобы советская военная мысль откатилась в случае войны в сторону позиционности — она остается маневропоклоняющейся. Ради маневра и подвижности красная армия увлекается моторизацией, — опять рекордомания! — не считаясь ни со свойствами мест войны, ни со средствами страны.

Механизированная армия может быть только в механизированном государстве; без огромного запаса шоферов, механиков и инженеров — механизированная армия не может дать ни полного, ни длительного действия. Механизированная армия требует наличия командного состава с высоким техническим, военным и

общим развитием — этого в красной армии нет. Наилучшим доказательством этого служит то, что в советский военной литературе неплохо разрабатываются вопросы внешней войны (сказывается влияние старых генштабистов) и совершенно бездарно исследуются вопросы гражданской войны, ибо к ним не допускаются или от них, как скользких, уклоняются бывшие офицеры, а большевистская смена малограмотна. Отсюда проистекает и низкий уровень советской военной мысли, и ее зигзаги, и ее возможная неустойчивость в случае войны.

Совершенно в иных условиях развивалась и развивается зарубежная военная мысль. Весьма малое число бывших офицеров имело возможность продолжать работу в области военных знаний, как группа офицеров в Югославянском генеральном штабе, изучающая опыт Великой войны, как одиночные офицеры (ген. Баиов, Беляев и др.), рассеявшихся от Эстонии до Южной Америки в качестве преподавателей военных наук или военных советников. *Но и оторванные от своей профессии офицеры не могли оторваться от военных интересов: одни, преодолевая все трудности бедственной жизни, работали в сфере военной теории, другие издавали журналы (печатные и рукописные), третьи читали доклады, четвертые у них у всех учились. Эта огромная жажда военного знания — его поддержания, возобновления и развития — должна быть признана доказательством не только неугасимости надежды на возвращение на Родину, но и преданности военному искусству, независимо от надежды на возможность практического служения ему.*

Зарубежная военная мысль, хотя и лишенная возможности опытной проверки теоретических построений в лаборатории, имеваемой армией, *продолжает развиваться.* Главная заслуга в этом отношении принадлежит профессору Н.Н. Головину, который своими научными трудами дал основу для развития русской военной мысли, а своими курсами в Париже и Белграде дал людей для этого развития.

«Франкофил» по своему образованию и месту своего жительства, генерал Головин исходит из положений французской военной доктрины, но как знаток теории и боевой практике русских военных обстоятельств, он так «русифицировал» эту доктрину, что о подражательности не может быть и речи: есть французское влияние, но нет французского шаблона. Будучи новатором еще в Императорской Военной Академии, генерал Головин свои взгляды, преемственно продолжающие доктрину российской армии, развил в направлении усвоения опыта Великой войны и всех послевоенных технических, тактических и организационных успехов военного искусства.

По этой теории огонь в соединении с движением является главным способом ведения боя, а не движение для нанесения удара холодным оружием, как учила драгомировская школа. Отсюда вывод: пехота должна быть снабжена в изобилии огневыми средствами, конница, любившая лишь саблю, должна полюбить винтовку, артиллерия должна быть многочисленной. Этот поворот русской военной мысли в сторону огнепоклонничества (забыто суворовское «пуля–дура, штык–молодец») идет параллельно с поворотом к военной технике, столь пренебрегавшей до Великой войны и во время ее: танки, самолеты, моторизованные войска получают всегда большую роль в задачах, решаемых на военно-зарубежных курсах.

Командование российской армии не всегда отличалось ни должной трезвостью — и отвлеченно-теоретический подход к решению вопросов в бою часто имел место, ни должную последовательность — его учет обстановки нередко бывал неглубоким. *Зарубежная военная мысль развивается в направлении практических и методических решений боевых задач.* Приближение военной науки к наукам экономическим и политическим характерно для зарубежной военной мысли, причем это диктуется сознанием, что война ведется не армиями, а всем государственным организмом (красную армию знакомят с политикой и экономикой главным образом из партийных соображений).

Отличие от красной военной мысли, зарубежная гнушается опытом гражданской войны — этому вопросу уделяется мало внимания. В нашу эпоху социальных потрясений пренебрегать силой слова как средством войны не следовало бы. Впрочем, это ошибка почти всех армий.

Некоторая «академичность» зарубежной военной мысли (вполне объяснимая условиями ее развития) не умаляет ни великой заслуги ее творцов, ни ее великого значения: *большевики не создали старым офицерам Генерального Штаба смены работников на военно-научном поприще — ее создает зарубежная военная мысль.*

Там существует армия почти без военной науки. Здесь существует военная наука без армии. Разными путями идут зарубежная и нынешняя советская военные мысли. Но возможен день, когда они сольются в российскую военную мысль, творческую силу военной мощи будущей России.

Месснер Е. Советская и зарубежная военная мысль /Знамя России. – 1937. – № 6.

А. Зайцов

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Пятидесятые годы

Слова, приписываемые маршалу Фошу о том, что каждая новая война начинается с того, чем кончилась предыдущая, — конечно, были начисто опровергнуты 2-й мировой войной.

Увы, эта традиция реминисценций поддерживается почти всеми высшими военными школами мира. Уж не говоря о доживших участниках 1-ой мировой войны, ведь участники 2-й, в подавляющем своем большинстве, твердо убеждены, что их опыт является основой стратегии и тактики будущего.

Конечно, приятно говорить (если не думать), что войны отжили свой век, так как техника разрушения достигла той степени, когда и победители и побежденные подвергнутся одинаковой участи. Участи — гибели, не только материальных ценностей, но и цивилизации вообще. Однако, наивно считать, как показывает опыт истории, что логика, или даже простой здравый смысл, руководят внешней политикой народов. *Войны — подобные оспе, раку или туберкулезу в плане физиологическом. В плане социологическом — это, увы, неизлечимая социальная болезнь.* И если медицина не только ищет, но порой и находит средства борьбы с этими болезнями, социология (эта «Золушка» науки) колеблется даже в определении войны, как закономерного, или же как ненормального явления. Все же не политическое суесловие, а чисто

научный подход к этому вопросу, как, хотя бы, например, в труде профессора П. Сорокина «Social Dynamics», *исключает всякие иллюзии в смысле возможности исчезновения войн из международного обихода.*

Из этого, конечно, не следует, что война вероятна в ближайшие годы. В ближайшем будущем она, скорее, маловероятна. Но все же война остается и всегда останется в пределах возможностей. А если война как социальная болезнь все еще неизбежна, естественно встает вопрос, во что она может вылиться и к чему она приведет. Второй вопрос — о ее последствиях — никогда не интересовал, да и не будет занимать, по свойству характера мышления политических «деятелей», т.е. тех, кто будут решать участь народов — начало новой войны. Об этом не стоит и говорить. Это — все равно, что воду лить в решето. Единственный реальный вопрос, это — во что она может вылиться и как ее придется вести.

И в этом отношении как будто повторяется та же ошибка, которая была так типична для подготовки 2-й мировой войны. Если большинство ее участников проглядели решающую для той эпохи роль броневых войск, сейчас все данные за то, что большая часть армий мира склонна проглядеть то, что обстановка снова изменилась. В военном деле, пока техника не стала в ней решающей, эволюция приемов ведения войны двигалась черепашим шагом.

С той поры, как техника стала в военном деле *ведущей осью*, — эта эволюция все более и более ускоряется. 1-я Мировая война меньше отличается от Франко-прусской (а прошло 44 года), чем вторая — от первой, 21 год спустя. Прогресс техники, конечно, не в смысле ее пользы для человечества, а в отношении ее чисто реальных достижений, подобен известному в физике «равномерно ускоренному» движению. К тому же это движение сейчас не только равномерное, а непрерывно все более и более ускоряющееся.

Мы живем в веке решающего значения авиации. Все эти, навившие оскомину, рассуждения о том, что пехота может «занять и закрепить захваченное», пора сдать в архив. Бесспорно, в этом есть большая доля правды, но не в этом — решение вопроса. Опасно, исходя из частных случаев, — строить схему общего и основного. Ведь нельзя же, например, сейчас всерьез говорить об успехах Советской Армии в 1943-1945 гг., основанных якобы на «сталинской» идее решающего значения сосредоточения артиллерии. Только военная безграмотность (наряду, правда, порой с поразительной интуицией) Гитлера, как сейчас известно из напечатанных воспоминаний немецких генералов, допустила те прорывы германского фронта, которые можно было избежать

применением «эластичной обороны». Но эти новые идеи не укладывались в мозгах «капрала 1-й мировой войны»: «Ни шагу назад» — и в результате — Берлин...

Значение и решающая роль авиации — не столько в ее возможностях в смысле управляемых летчиками самолетов, сколько в тех горизонтах, которые ей открываются в отношении самолетов-роботов. И даже достижения ядерной («нуклеарной») физики — лишь орудия в плане развития телеводимых, т.е. управляемых не летчиком, а с земли самолетов и ракетных снарядов. *В них будущее, если уже не настоящее, в смысле развития военной техники.*

Однако, по старой традиции, даже атомную энергию стараются запрячь в шоры старой тактики. Отсюда эти атомные 11-ти дюймовые пушки, которые либо начисто уничтожают и пехоту и артиллерию противника, или же просто, что называется, — голыми руками будут ими захвачены. И второе, если стать на точку зрения старой тактики, т.е. «пехоты — царицы полей сражений», для которой они создаются, — куда более вероятно. Да к чему же тогда и огород городить?.. Но такова сила традиции, т.е. инерции, что даже и новейшие достижения техники неудержимо стремятся уложить в «прокрустово ложе» старых привычных навыков... даже не идей!

Война же, в ее чисто военном аспекте, начинает обрисовываться в совершенно новом образе и облики. Насколько можно судить, в меру человеческого, столь несовершенного, увы, предвидения, будущая война будет войной ужасающих разрушений издалека. Результатом введения в дело «роботов» (телеводимых самолетов и особенно ракет) будут разрушения в масштабе хиросимских, принимая Хиросиму и Нагасаки за минимумы.

...Но есть и другой аспект современной войны — и в этом ее военно-философский парадокс. Наряду со все ускоряющимся развитием военной техники, налицо и совершенно противоположное этому явление — все возрастающая роль партизанской, или по существу дела, самой примитивной формы ведения войны.

Не от славных русских партизан 1812 г. — Дорохова, Фигнера, Сеславина и других ведет свое родословие современная партизанская война. По существу дела ее родоначальником является небезызвестный по русской гражданской войне атаман (или «батько») Махно. Его классический прием — партизанить, а затем распыляться по деревням, где его бойцы обращались в мирных поселаян. Этот прием и создал представление о «неуловимости» Махно. И много, очень много неудач белых армий приходится занести на счет именно «махновщины». Как ни странно, прославившиеся в наполеоновскую эпоху испанские «герилльеры»,

т.е. испанская разновидность партизан, не сыграли почти никакой роли во время испанской гражданской войны в конце 30-х годов нашего столетия. Их возрождение относится ко 2-й Японо-китайской войне, тоже в конце 30-х годов.

Несмотря на подавляющее, и техническое, и качественное превосходство японцев по сравнению с китайцами, овладев железнодорожными узлами и магистралями, японцы не смогли завоевать Китай. Конечно, Китай, как и Россия, в географическом смысле — «губка», которая впитывает завоевателя. Это бесспорно связано с иными, по сравнению с Европой, просторами этих стран-материков. Но и, помимо этого, самый прием рассасывания партизан в толще мирного населения составляет основу мощи этого движения.

Война 1941–1945 гг. на русской территории придала партизанщине еще больший блеск и значение. Не разделяя точки зрения официальной советской версии о «сталинском» руководстве и предвидении в смысле возникновения этого движения, нельзя все же отрицать того, что партизанское движение сыграло решающую роль в падении «морали» германской армии. Возникло оно, конечно, стихийно, но коммунистическая партия (а в то время Сталин и она были синонимами) *правильно подметила все его значение*. И не только подметила, но и сумела его использовать, оснастив его средствами связи, оружием... и политкомиссарами.

Казалось, что опыт и методы подавления Тухачевским «Антоновского движения» в начале 20-х годов дали ключ к решению этой проблемы. Однако, события не оправдали этих предположений. Немцы справиться с партизанами до самого конца их пребывания в России не смогли. Попытки подражания русскому («советскому?») партизанскому движению в Западной Европе — лишь бледные и, по большей части, бездарные отзвуки того, что дало это движение на русской земле.

После 2-й мировой войны партизанское движение несомненно сыграло немалую роль в Корее и бесспорно является ключом к решению Индокитайской войны. Даже в Кении (британской колонии в Восточной Африке) движение «Мау-Мау», донельзя примитивное по существу, требует наличия значительных британских вооруженных сил. И до сих пор еще что-то не видно, чтобы это движение было подавлено.

Этот протест слабых против современной военной техники как будто парадоксален, но он существует и отрицать его — все равно, что не признавать фактов. В чем же дело? Не в том ли, что в век баснословного, по сравнению, например, с наполеоновской эпохой, развития военной техники, сильный, т.е. технически оснащенный противник подставляет слабому свою собственную

слабую сторону. То есть, обладая почти неисчерпаемыми ресурсами современной техники, ведет войну по методам XIX и начала XX века. Все же «пехота — царица полей сражений», лишь заправленная пехотно — авиационным «ублюдком» — парашютистами. Как ни странно, — нет даже русского существительного для названия участников воздушных десантов. Кстати, и «десант»-то тоже *никакого отношения к русской речи не имеет*. Это, как наша страсть называть «тет-депоном» — предместное укрепление и имена же их Ты, Господи, веши! А сколько у нас таких военных «терминов»!

Это значение партизанщины проглядели все. Настолько оно не укладывается в привычные шоры шаблонных принципов и приемов ведения войны. Вкратце, в самом конце своих текстов, уставы и учебники тактики его минимизировали под термином «*малой войны*». То есть, как нечто второстепенное, но не нарушающее правовых приемов ведения войны. Но можно ли пройти мимо явления, которое оказало и оказывает почти что решающее влияние на ход военных действий?

С одной стороны, буйный рост военной техники, а с другой — возвращение к самым примитивным приемам ее ведения. Телевизируемые и реактивные самолеты и ракеты, атомные бомбы, и, наряду с ними — мины кустарного производства и укороченные винтовки — «обрезы», как их называли в Сибири, да и на юге России тоже.

Как же связать эти два столь противоположных приема ведения современной войны? В чем же синтез? Вопрос этот далеко не простой, и если еще трудно сейчас дать на это ответ, задуматься над ним стоит, и даже очень стоит...

Итак, с одной стороны — достижение военной техники, превосшедшее и превосходящее все наши обычные представления. С другой — кустарная партизанщина. Развитие техники, в принципе, сейчас не ограничено. Партизанская же война в своем развитии, по самому своему существу, — ограничена. *В этом-то, сдается, и лежат пути решения вопроса о ведении будущей войны*. Партизанщина обречена, если противная сторона поймет, что в век телевизируемых самолетов и ракет, атомных и термически атомных («водородных») бомб нет смысла вести войну, базируясь на принципах ее ведения, данных Мольтке, или даже — на бессмертных примерах Суворова. Всему — свое время. «Всему свое время — время всякой вещи под небом» (Экклезиаст, 3, 1).

Если, обладая всей полнотой современной техники, военный аппарат будет базироваться на приемах доавиационной и доатомной стратегии и тактики, — ясно, что ничего, кроме конфуза, из этого не получится. Но как из этого тупика выйти? Строить новое здание военного искусства руками строителей, которые

выращены, воспитаны и проникнуты принципами старой, отжившей традиции военного дела, — задача как будто безнадежная.

По счастью (или собственно по несчастью, когда дело идет о такой абсолютно аморальной вещи, как современная война), нет пределов приспособляемости человека. Мы плохо осведомлены о том, что в узком отношении думают и делают в СССР. Но, несомненно, что-то там делается. Зато мы знаем, что в США военное мышление в этом смысле, безусловно, решительно переключается со старого на новое. Западная Европа (кроме Великобритании) — эта цитадель консерватизма во всех смыслах — как всегда, за последнее время, плетется в хвосте... и этим даже как будто гордится.

И вот, несмотря на все славное наследие западноевропейской цивилизации в ее военном аспекте, приходится признать, что что-то в ней неладно, и, что нужно кое-что или почти все в ней переделать наново. Но как? Кроме англичан ни у кого из европейцев нет атомных (не говоря уже о водородных) бомб, ни телеводимых ракет. Все та же пехота, да американская, и то даже не первого, а, скорее, второго сорта техника.

Суть дела, однако, не столько в технике — Западная Европа может ее создать сама (пример тому Великобритания), а в революции в смысле военного мышления. И это, технически, конечно, гораздо проще, но психологически — много сложнее. Атавизм, который не играет абсолютно решающей роли в таких странах, как США или СССР, — живуч и силен в западной Европе. И выкорчевывать его — дело нешуточное.

Вся проблема сейчас в том, что возможность оккупации Западной Европы относится к категории, пожалуй, сейчас, если не вероятностей, но все же возможностей, а оккупация СССР и Китая по опыту Наполеона, Гитлера и японцев — невозможна. Партизанская война в России может подорвать силы захватчика, а в Западной Европе — это не больше, чем самообольщение.

Представим себе на минуту возможность 3-ей мировой войны (от чего, конечно, Боже нас упаси!) — о партизанской войне в Западной Европе серьезно говорить не приходится. Разве что в советских тылах и то... это скорее гадательно. С другой стороны, конечно, центр тяжести войны перенесется на действия воздушных сил по кратчайшей линии через Северный полюс и на воздушные же атаки по прикаспийскому нефтяному бассейну СССР.

Теоретически, вывод из строя основной нефтяной базы СССР (прикаспийский район) сводит на нет возможность ведения войны СССР, как это уже случилось с Германией в 1945 году. Однако, «радары» в своем послевоенном развитии и некоторые другие современные приемы воздушной обороны значительно упрощают неразрешимую задачу во время 2-ой мировой войны — задачу

защиты определенного ограниченного района. В то же время достигнутые, но не использованные немцами в самом конце последней войны усовершенствования в области техники подводного флота грозят совершенно изменить характер военных действий на море. От линейных кораблей приходится переходить на авианосцы.

И на море, как на суше самолет вытесняет и заменяет прежнюю опору флотов и армий (надводные корабли и сухопутную армию).

А раз это так, не пора ли перевести стратегическое и тактическое мышление со старых рельсов на новые? То есть полагая в его основу действия авиации и приспособляя к ней действия надводных военно-морских и сухопутных вооруженных сил.

Между тем до сих пор в области военно-научной мысли мы видим как раз обратное. И не в этом ли тот парадокс, что в Индокитае современную технику бьют вьетнамские партизаны. А Корея? Ведь если приспособление пехоты (и артиллерии) к новой эре военного искусства — воздушные десанты — из «пехотно-авиационного гибрида» переключится на подсобное к авиационной войне применение этих родов войск — не лежит ли в этом один из путей обновления военного дела?

Тем более сейчас, как мне кажется, нужно всячески подчеркивать, что времена опять изменились. Что нельзя сейчас поддаваться исторической традиции, в корне расходящейся с достижениями современной военной техники.

В сопоставлении человек — техника, человек (его свойства) — величина постоянная, а военная техника — величина переменная. Со времени изобретения огнестрельного оружия до появления двигателя внутреннего сгорания (танк, подводная лодка и самолет) прошли века. Ясно, что в подобном медленном темпе развития техники величина постоянная — человек казался чем-то основным, а техника лишь чем-то подсобным. Сейчас это изменилось, и соотношение как раз обратное. И из этого нужно сделать соответствующие выводы. И пусть не говорят, что раз солдат не хочет драться, никакая техника не поможет. Драться никакой солдат (кто служил в пехоте, особенно хорошо знает) вообще не хочет. Драться — приходится. И еще покойный генерал Н.Н. Головин всегда настаивал на том, что у бойца, снабженного более совершенным оружием, мораль, естественно, будет выше, чем у солдата, чувствующего свою техническую слабость.

Совершенно отменные издавна качества русского солдата, доказанные военной историей последних столетий, сдали в 1915 году и сказались еще в 1916-м, когда техническая слабость русской армии — эту «мораль» подорвала. Неслыханные в русской военной истории массовые сдачи в плен, достигшие почти

2,5 миллионов, только и можно приписать этому. А в 1941 году? Конечно, не все миллионы сдававшихся в плен можно объяснить только стремлением русских крестьян избавиться от колхозного ига. Одной, и притом немаловажной причиной была и техническая слабость советской (в то время еще Красной) армии в начале 2-й мировой войны.

В сращении путей старой традиционной стратегии и тактики с новыми достижениями военной техники и, в то же время, несомненным ростом значения партизанщины и завязывается тот узел, который так трудно сейчас развязать. Да я на это и не претендую. мне только хочется отметить тот кризис в области военно-научного мышления, который так типичен для эпохи после 2-ой мировой войны. И при этом сторонники старины и новизны не столько сталкиваются в смысле чего-то положительного, сколько стремятся доказать — первые, неизменность «основных принципов военного искусства», а вторые — их чисто относительную ценность. Но не на чисто отвлеченных принципах (школа у нас Жомини и Леера), а на реальных возможностях данной эпохи выковываются приемы ведения войны.

Мы живем не в эпоху Суворова или Наполеона. «Кибернетика» (т.е. наука об использовании наиболее совершенных счетных машин) имеет сейчас гораздо большее значение в военном деле, чем, например, искусство верховой езды или стройность сомкнутого строя.

Известный американский генерал Бадлей в своих воспоминаниях очень метко оттенил те несообразно большие потери, которые несла пехота во время 2-й мировой войны. Эти потери выразились для «чистой пехоты» (в американской дивизии на 14000 человек приходилось 3240 пехотинцев), по опыту боев в Нормандии, в 83% ее состава. Так, например, за 15 дней, осенью 1944 года, 30-я пехотная американская дивизия понесла потери, достигавшие 25% всего ее состава (но до 90%, если считать потери только ее стрелковых взводов, т.е. «чистой пехоты»). И это в 1944 году, когда германская армия уже выдохлась, и при наличии подавляющего превосходства англо-американской авиации над немецкой. Эти цифры слишком красноречивы, чтобы можно было пройти мимо них и от них отмахнуться.

Воевать пехотой во второй половине 20 века — все равно, что посылать людей не в бой, а на убой. И притом бесцельно, т.е. подставляя свою слабую сторону и не используя сильной. Все эта та же эволюция, которая сказалась уже во время 1-й мировой войны в отношении атак в конном строю. Наша гражданская война это явление несколько затушевала. Но это не доказательство... То же самое происходит сейчас при базировании организации современных армий на пехоте и артиллерии.

Вся суть в том, что армию и флот нужно сейчас строить, исходя из решающего значения авиации, лишь приспособляя к ней старые роды войск. И то эти старые роды войск нуждаются еще в каком-то омоложении.

Бензин и развитие военной техники и промышленности, а не людские ресурсы в век авиации являются решающими. Между тем все мы привыкли считать «на дивизии», а в стратегическом масштабе, базируясь на контингентах, т.е. на наличии живой силы.

Сейчас война ведется не столько людьми, сколько машинами. Возвращаясь к противоречию между развитием техники а кустарной партизанщиной, нужно ясно себе отдать отчет, что изречения вроде «полководцу — полная мочь», не смотря на огромный военный авторитет ее автора, — сейчас устарели.

Толковать их можно лишь в очень ограниченном смысле, — примат политики и экономики над стратегией — сейчас неоспорим.

Войны сейчас ведут не только армии и флоты, как это имело место еще в 19 и в начале 20-го века, а народы. *Армия и флот лишь одно из выражений национальной мощи.* Прошли те времена, когда послы даже не покидали столиц враждовавших между собой государств. Бесследно исчезло, после 2-х мировых войн, и различие между мирным населением и армией и флотом. Подводные лодки топят и военные корабли и «купцов» (т.е. торговый флот). Авиация бьет не только по войскам, но уничтожает и мирное население (Лондон, Гамбург, Дрезден, даже бенедиктинский монастырь Монте-Кассино). Полководец — больше не первая и единственная фигура в ведении войны, а лишь одна из фигур, и порой даже далеко не первая. Политические ошибки — разительный тому пример — формула Ф.Д. Рузвельта в Касабланке — о сдаче на милость победителя — «unconditional surrender», стоили союзникам потоки крови, далеко несоизмеримых с последствиями стратегических ошибок, например 1944 года. Заминка в доставке бензина заставила тогда принять одно из альтернативных решений — вместо снабжения ген. Паттона (этого еще недостаточно оцененного генерала, так остро чувствовавшего биение пульса современной войны) — бензин дали ген. Монтгомери. И в результате — Аригейм! Но, если это решение отложило сдачу Германии на несколько месяцев, — Касабланка отсрочила его на добрых 2 года. А директивы Гитлера в отношении обращения с русским населением или неприятие плана Черчилля о высадке на Балканах? Их можно привести десятки. Как ничтожны, по сравнению с ними, потери, вызванные неправильными стратегическими решениями!

Итак, политика — экономика — стратегия совместно ведут сейчас войну. Роль каждой из них в известный период войны становится решающей. И как это ни странно, *руководящая роль реже всего выпадает сейчас на долю стратегии.* Бутада Клемансо, что война слишком серьезная вещь, чтобы ее ведение поручать генералам, сейчас в какой-то мере оправдывается.

Политика, экономика и стратегия — эта триединая формула далеко не так проста. Тем более, что для нее нет исторических прецедентов. И тем не менее — это основа современного ведения войны.

Блестящий английский военный писатель — Лидль-Харт в своей книге «The Other Side of the Hill» очень верно подметил в своих беседах с пленными немецкими генералами точку зрения Гитлера. «Фюрер», вероятно интуитивно, отдавал себе отчет в том, что германские генералы мало что смыслили в экономике. Так, например, ген. квартирмейстер Ставки ген. Блуменрит довольно наивно признавался в полном своем неведении о наличии одной из двух баз добычи марганца в России — в Никополе. Но Гитлер был все-таки примитивом. В 1941 году, вместо движения на Москву, он повернул южную группу армий (ф. Рундштендта) на Украину и Крым, чтобы владеть тем «авианосцем» (Крым), который якобы грозил румынской нефти в Плоешти. Между тем Германия фактически воевала на синтетическом бензине. И пока союзники не догадались в 1944 году эту базу уничтожить, румынская нефть играла более чем скромную роль. Тут налицо и экономическая наивность военного руководства и безграмотность в области экономико-политической.

Но, наряду с этим, имеет место и обратное. Пресловутый атлантический оборонительный пояс («Atlantikwall»), возведенный организацией (чисто штатской) тогда, был, конечно, с военной точки зрения, абсурдом. Это было в общем повторением совершенно устаревшей уже в 1939 году концепции линии Мажино (военный министр — и сержант по своему рангу). Конечно, тут вина не только Мажино, сколько его военных советников. Но в этом-то и драма, что политики ничего не смыслят в стратегии, а военные — в политике. Но зато и те и другие, как правило, мало понимают в экономике. *А экономика играет все большую и большую роль.*

В то же время, для того чтобы стать полководцем, нужна все-таки довольно серьезная подготовка, особенно учитывая овладение современной, далеко не примитивной техникой. Экономика же целиком вручается политикам. Для того же, чтобы стать политическим деятелем, достаточно лишь собрать нужное число голосов, людей в своем большинстве в экономике ровно ничего не смыслящих. Выход только в объединении этих ипостасей, — политики, экономики и стратегии, — единого ведения войны. И если

политика и стратегия как-то все-таки начинают сейчас сопрягаться, экономика все еще не признается ими равноценной.

Не в этом ли лежит то неустройство в руководстве современной войны, которое так типично для второй половины XX века?

Все же, эмпирически, т.е. опытным путем, этот вопрос как-то пытаются разрешить. Эмпирические решения, столь близкие сердцу англосаксов (и нашему тоже) и столь противные картезианскому мышлению — единственно возможный сейчас путь. Но как трудно переубедить специалистов военного дела, что не им только принадлежит руководство ведения войны!

Как просто этот вопрос решали в 18 веке, да еще и в 19-м! Для ведения войны нужны три вещи: «деньги, деньги и деньги», говорил Фридрих Великий. *В XX веке войны ведут в кредит за счет будущих поколений и разорения владельцев государственных ценных бумаг, не говоря уже о собственниках кредитных билетов.*

Превосходство — в живой силе («les gros bataillons ont toujours raison»), подчеркивал Наполеон. Так ли это сейчас? *Не оснащенные техникой полчища — не гарантия победы.*

Английское золото и русский солдат при содействии испанцев сломали могущество Наполеона. Тот же русский солдат, но уже не золото Америки, а ее техника и экономическая помощь победили Гитлера. А с Японией американцы справились сами. В самом конце XIX столетия некий банкир Блюх, завербовав целый ряд военных специалистов, написал объемистый труд, доказавший невозможность войны... по финансовым соображениям. Теперь это кажется просто бредом сумасшедшего даже после 1914 года, не говоря уже о 1939-м.

Существовала и очень популярная в самых высших военных кругах России теория о том, что аграрная страна имеет все преимущества в ведении войны перед страной промышленной. 1915 год поставил над этим точку... и, конечно, навсегда. До большего непонимания существа современной войны трудно договориться. Но что удивительно, это то, что подобная архаическая точка зрения могла руководить русской военной мыслью еще накануне I-й мировой войны.

Так и сейчас, мне кажется, что многие и многие продолжают думать, что в общем ничего не изменилось и что ведение войны это лишь сочетание политики и стратегии. Одни ставят политику на первое место, другие по старинке, — стратегию. Но и те и другие по большей части забывают об экономике.

Между тем сейчас только в сочетании политики, экономики и стратегии и лежит путь руководства ведения современной войны. Да еще, пожалуй, экономику и политику теперь нужно поставить впереди стратегии. Значит, нужен какой-то коллектив, в котором

все три ветви должны быть координированы. Кто и как этим коллективом может и должен руководить — большой вопрос. И, как будто, все больше и больше это руководство переходит к экономике.

Демократии и диктатуры в наше время, как это ни странно, более или менее как-то все-таки уживаются. Но не в этом суть. Типичны для второй половины XX века не демократии и диктатуры, а все более обрисовывающаяся новая эра — технократии, одинаково поглощающая обе эти разновидности политических режимов. *И в ней экономика — является ведущей осью.*

Зайцов А. Новые веяния в военном деле / Русская Правда.
– 1954. – №№ 6, 8–12.

СУЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ МАЛОЙ ВОЙНЫ

Я постараюсь здесь изложить самую, так сказать, *сущность стратегии этой войны* и ее оперативные задачи, и возможности. Классические Канны являются редко достигаемым образцом военного искусства. В немецкой академии генерального штаба специально «натаскивали» в этом направлении, и этот метод тактического боя был излюбленным приемом германского оперативного искусства. Глубокий охват обоих флангов противника, в первую мировую войну — пехотной массой при поддержке нащупывающей кавалерии, а во вторую мировую — танковых армий с моторизованной пехотой, доминирующей нитью проходит в маневренный период обоих великих войн. Результатом сжатия охватывающих клещей была цепь тактических и оперативных «котлов» на западном и, в особенности, на восточном фронте, которая дала германскому военному командованию целый ряд блестящих побед во время «блиц-фельдцугов».

Опыт войны показал, что проведение этой операции, если противник недостаточно расстроен предыдущими боями, требует больших жертв и что даже при полной удаче не позволяет продержаться на занятой территории долгое время, т.е. не дает желанного тактического углубления предела тактического или оперативного прорыва-охвата. В стратегическом значении воздушные десанты своих войск во вражеской стране вообще не представляют никакой ценности. В стратегии глубина прорыва-охвата разыгрывается на огромных пространствах и по самой своей сущности требует долгого времени, а потому не поддержанные населением десантные части будут всегда уничтожены подошедшими резервами. Для расширения предела стратегического наступления необходимо создать в тылу противника солидно организованное восстание, революцию или партизанское движение, поддержанное сбрасываемым десантом регулярных войск своих же, обученных этому делу отрядов, а не введение в бой на глубоких тылах противника отдельных регулярных частей, чуждых местному населению неприятельских сил. *Совершенно правильное понимание этой военной истины и зародило в Советской академии Генерального штаба науку о стратегии малой войны.* Каждый строевой офицер, командир роты, батальона или полка и каждый генерал, будь то командир дивизии или корпуса, знает, что каждое тактическое наступление, даже очень удачно проведенное и резервами поддержанное, постепенно выдыхаясь и захлебываясь, в конце концов останавливается; и требуется много времени и новой подготовки

много времени и новой подготовки для его продолжения или, вернее, для организации последующего.

Ту же военную истину знает каждый генерал, командующий армией или главнокомандующий фронтом. Верховный Главнокомандующий и Ставка часто переживает тот стратегический кризис, который современная военная наука называет кризисом «стратегического предела»... Я надеюсь примерами дать читателю почувствовать и практически понять, что генеральные штабы понимают сегодня под стратегическим пределом. *Каждое наступление и каждая кампания имеет свой исторический стратегический предел.* Стратегическим пределом всей военной карьеры Наполеона была Москва, и после нее звезда его неудержимо покатила вниз. Стратегическим пределом военного успеха немцев в первой мировой была река Марна, и все, что было потом, это только попытка во времени выиграть то, что было окончательно проиграно на полях сражений. Стратегическим пределом германского наступления во второй мировой был Сталинград и Эль-Аламейн в Африке. Дальнейшее положение могло спасти только новое решающее оружие, но продукция его не успела развернуться до весны 45-го года.

С большим военным талантом разработанные Советами теория, а главное, практика стратегии малой войны, служат, главным образом, средством углубления стратегического прорыва-охвата, а при ведении этой войны в огромных масштабах — средством расширения так называемого стратегического предела всей кампании.

Действительно, как мы уже видели, воздушные десанты даже первоклассно обученных и специально для этого отобранных войск не играют в стратегии никакой роли, ибо эти части, сброшенные в чужую страну и не поддержанные местным населением не могут держаться месяцами в ожидании подхода своих армий, а потому их работа ограничивается тактическими ударами или сравнительно неглубокими оперативными прорывами.

Совсем иначе пошла мысль Красной Армии. При отступлении своих войск вглубь государственной территории, разрозненные и разбитые части собираются в лесах, болотах и горах и вообще в подходящей для этих действий местности, и там при помощи сброшенных десантов образуется костяк будущего партизанского движения. Кадр растет за счет притока добровольцев местного населения, дезертиров, отсталых, бежавших пленных и, достигнув известной силы, выделяет органы управления данной местности и приступает к мобилизации. Отряды устанавливают связь по радио с центрами, и при помощи воздушного флота начинается регулярное снабжение их оружием, деньгами, медикаментами, а если это нужно, то и питанием. Нормально партизаны питаются

за счет «благодарного населения». Налаживается связь с соседними партизанскими отрядами и постепенно, покрывая целой сетью пространство в сотни верст и получая из единого центра оперативные директивы, создается в тылу противника новый фронт, часто, как было на востоке во время второй мировой, фронт на протяжении тысячи верст и силою около 200 тысяч бойцов, т.е. создается фактор уже не **тактического**, а **стратегического** значения.

Это — на своей территории. По тем же образцам строится партизанщина в тылах действующего противника, на его собственной территории. Сбрасываются десантные части, как хребет для будущих добровольцев и мобилизованных, но разница между нормальными парашютными командами и этими заключается в том, что этот хребет составляется из специальных партизанских бригад, выученных в соответствующих советских школах и состоящий из коммунистов той же национальности, где предполагается организация данного партизанского движения. Такой хребет не является чуждым органом в тылу данной нации, а наоборот — зародышем или ядром всего недовольного и ферментирующего в теле собственного народа. Этот способ организации саботажей, диверсий, отдельных восстаний, большего или меньшего партизанского движения дает все шансы на подготовку грандиозной операции обще стратегического значения, на огромных пространствах и во времени мало ограниченном. Партизанщина данного характера служит фундаментом к вспышкам, при благоприятных условиях — общей всенародной революции. Современная партизанщина является ни чем иным, как новым видом передвижных полевых крепостей в тылу сражающегося противника. Партизан сравнительно легко разогнать, но их очень трудно разбить. Прекрасно организованные и очень подвижные, насыщенные специальным автоматическим оружием и созданные для непрерывной активной работы, но не для упорных боев за рубежи, партизаны обыкновенно внезапно появляются и так же внезапно исчезают, распыляются, чтобы вновь соединиться в другом месте, то есть непрерывно строят в тылу противника сеть непроходимых рубежей, фортов или местностей и этим стесняют его свободу передвижения и маневра. Другими словами, в современной войне к ним, к этим подвижным крепостям, перешла роль тяжелых и постоянных крепостей эпохи прошлого столетия и начала нашего.

Крепости загромождали дороги, стесняли передвижение, связывали часть войск, вылазки беспокоили тылы неприятеля. Мощество современного огня разбило железобетон. Роль постоянных крепостей сделалась крайне ограниченной и их заменили после первой мировой так называемые «укрепленные линии». Классическим примером была линия Мажино. Вторая мировая

доказала и их несостоятельность. *Теперь в современном партизанском движении мы имеем последнее слово военной техники, передвижную полевую крепость, которая также, как ее предшественница, загорживает дороги, делая их непроходимыми, стесняет гарнизоны.* Горы, лес, болота, острова, руины городов — все это теперь форты или, вернее, точки опоры партизан, а легкость их организации и маневра делает их малоуязвимыми и нейтрализует перевес огня наступающего противника. Раньше пробивались через валы, потом через бетон крепостей, много позже — через укрепленную полосу, теперь будем пробиваться, как показал опыт последней войны, через пространства, кипящие партизанами, саботажниками, через очаги сопротивления, восстания и революции.

На помощь партизанам приходит автоматическое легкое оружие и тактика современного боя. Огонь заставил царицу полей из сомкнутого строя рассыпаться в цепь. Цепь перешла в отдельные звенья, пока не появилась на полях боя артиллерия, непосредственно идущая в атаку. Современный танковый и моторизованный бой, поддержанный огнем воздушного сопровождающего флота, — это уже не артиллерийская подготовка или сопровождение огнем атакующей пехоты, нет, это уже сама артиллерия наряду с пехотой ведет непосредственный бой.

Это положение заставило переменить тактику боя, и сегодня на опустевших полях он фактически ведется позиционными перебежками, т.е. от рубежа до рубежа.

Введение в бой дальнобойной артиллерии, т.е. ракетной, а также кроме сопровождающего, тактического воздушного флота, флота далекого радиуса или стратегического, да еще вооруженного атомной или бактериологической бомбой, аппаратом космических лучей, — все это заставит изменить не только тактику боя, но и саму **оператику**. Опустеет не только поле непосредственного боя и его ближайшие тылы, но и все **оперативное предполье** с пунктами концентрации и глубокого тыла. Последние американские маневры потому и провалились, что командование и войска к этому новому способу передвижения, сосредоточивания, разворачивания и боя, были совершенно не подготовлены. Как раньше в тактике, так теперь и в оператике, передвижение и бой будут идти на, так сказать, оперативных рубежах при огромной видимой пустоте. Чувство физического плеча отходит в область предания. Вот тут-то, разбросанные очаги партизанского сопротивления, по всему фронту и тылу, задерживающие, фланкирующие, расстраивающие, и будут давить всей своей тяжестью на работу нормальной, так называемой, классической стратегии. Удары пойдут против командных постов, органов связи, транспортных колонн, железных дорог, амуниционных и других складов военно-

го или гражданского снабжения. С огнем и взрывом полетят в воздух военные фабрики, железнодорожные станции, мосты, электрические, газовые, телефонные станции. Будут всюду и везде заложены на огромных пространствах минные поля и организованы акты террора и саботажа.

На помощь партизанам пришло два фактора: легкость, а вместе с тем чрезвычайная сила огня современного автоматического оружия и пустота тактического поля боя. Кроме того, средства связи и снабжения, радио, дают возможность держать связь за сотни и тысячи верст со своим командным центром, а аэроплан, как показал опыт последней войны, и в мирное время блокада Берлина, разрешил вопрос путей сообщения, баз и питания. *Максима, что армия не может продвигаться, не имея обеспеченных путей сообщения, транспорта, баз, средств питания и так далее продолжает быть правдой, но уже в сильно ограниченных размерах.* Склады могут быть при этом способе войны заранее подготовлены на своей или на вражеской территории, связь держится через радио и аэропланы. Дальнейшее снабжение дает «благодарное население» или очаги пятых и шестых колонн, или, для обороны, по трудно достигаемым небесным путям, воздушный флот. В Демьянском котле три немецких корпуса сидели почти девять месяцев. Польское подпольное движение, в занятом немцами городе Варшаве, организовалось и снабжалось, и подготавливалось к удару из Лондона. В соответствующий момент оно его нанесло. О силе его можно судить уже по тому, что продолжалось оно 6 недель, и со стороны немцев были выдвинуты танки и штурмовики Люфтваффе.

Я взял только эти два наиболее ярких примера малой войны, ибо первая велась в почти открытом поле, а вторая — в европейской столице. Других примеров, начиная от Тито, советских партизан, французских маки и т.д. можно приводить без конца, ибо вся последняя война была полна примерами, **где классическая стратегия перемешивалась со стратегией малой войны** и была грандиозным историческим выступлением *в эпоху новых войн, в эпоху соединения войны национальной с войной классово-вой.*

Этим и, главным образом, только этим будет сильно отличаться от всех предыдущих третья мировая. Это гениально понимают Советы. Стратегия малой войны будет на каждом шагу влиять на классическую стратегию, ибо первая является стратегией классово-войны, а вторая, классическая, представляет собою стратегию войн национальных, и весь вопрос в том, какая из войн будет преобладать в будущем международном вооруженном конфликте <...>

Могущество техники играет огромную роль в современном вооруженном столкновении народов, однако, нельзя забывать самой основы, т.е. сущности войны, а именно: что солдат в бою, рабочий на фабрике, ученый в лаборатории, хирург в госпитале и пропагандист за газетой — это все люди, и что именно эти люди и приводят в движение все сложные машины нашей современной цивилизации, и от вопроса, будет ли эта могущественная машина работать без перебоя, исправно или нет, зависит жизнь миллионов людей, выигрыш или проигрыш огневой войны и судьба многих наций.

Вот почему дух или вернее психологическое состояние бойца в наш век огневой и механизированной войны продолжает играть решающую роль, и от него, от этого духа, или от психики бойца, зависит окончательное решение боя. Зависит, будет ли армия организованной вооруженной силой, или только «собранной толпой». Все это чрезвычайно важно не только для классической стратегии, но и для учета стратегии малой войны. <...>

Духовно-психологические качества армии — это тот фундамент, на котором строятся все остальные факторы военного дела, ведущие армии к блестящим победам или к тотальным поражениям, и вот почему идеологически-пропагандная обработка является чрезвычайно важной и неотъемлемой частью работы по подготовке к войне не только армии, но и всей нации. Основные законы стратегии требуют свободы воли и маневра, а потому инициатива должна быть захвачена и удержана на протяжении всей кампании. Война, как мы уже говорили, — это борьба двух волей, где каждая сторона желает господствовать над противником, но господство дается только решающим ударом и смелым наступлением. Оно достигается армиями, воспитанными в наступательном духе. Оборона является исключительно вспомогательным действием и служит только для выигрыша времени. Наступление и только наступление сможет решить участь боя, сражения и всей войны. Для наступления, кроме материальных возможностей, необходимо, прежде всего, чтобы дух господствовал в рядах войск, и наша воля — над волей противника. Необходимо ясно знать и в области принципа, и в области стратегии: какова моя главная задача, а уже только потом думать над тем, как сможет противник покорить мою волю и помешать мне в моих государственно-стратегических или оперативно-тактических планах. Смертельной ошибкой является привычка, распространенная во многих армиях: сначала решать задачу за противника, т.е. залезать в стратегически оперативные дебри, часто на основании неверных разведывательных сведений, чтобы составить себе предвзятое мнение о планах, силе и возможностях неприятеля, и на основании этой предвзятости ковать свое собственное реше-

ние. Это прямая дорога к поражению. К победе идут иными путями. Сначала надо ясно и определенно выразить свою волю, искать господства над противником, а потом уже думать, чем может он помешать мне. Дух, воля, план, разведка и расчет, т.е. подготовка своего сокрушающего удара, а потом резервы, меры противодействия или, вернее, обеспечения свободы своей воли и своего маневра. Армии должны натаскиваться и воспитываться только в исключительно активном духе, а если иногда и приходится переходить к обороне, то никогда к пассивной, а всегда к активной, с глубокой верой, что это только временно для выигрыва известнейших возможностей, концентрации или ожидания результатов активных ударов на иных участках огневого фронта...

Координация огня и маневра, т.е. механики и человека, — вот тот путь военного равновесия, по которому сегодня должна идти мысль военной науки. Сегодня после всех предварительных фаз боя огонь и пехота идут впереди, наносят последний удар, занимают, закрепляют и удерживают: в тактике — позиционные рубежи, в оператике — поля сражений, а в стратегии — государственные территории. Самый могущественный огонь, хотя бы даже атомного воздушного флота, будет требовать маневра и продвижения. Изменились виды огня, формы борьбы, тактика боя, отчасти оператика и некоторые принципы стратегии, но самая сущность войны осталась непоколебимой — это неизменный принцип суворовской науки побеждать, а именно: вперед, пуля дура, а штык молодец! Нужно глубоко задуматься над этими словами, ибо в них кроется глубочайшая военная истина. Это не презрение к огню или к технике, а только поиски в краткой формулировке дать почувствовать сущность боя, понять, что после каждой подготовки, будь то стрельба из луков, самострелов, кремневых ружей, пулеметов, легкой или тяжелой артиллерии, тактического или стратегического воздушного флота, ракет, насыщенных бактериями или газами, — все равно нужно идти всегда вперед и штыком, вернее, маневром и движением, довершить начатое. Суворовская истина осталась вечной и неизменной. Современный огонь, дав сильное средство в руки наступающего, одновременно так же усилил и оборону, потребовал выработки самостоятельности и инициативы у младших и средних начальников, но вместе с тем, как никогда, во всей своей силе и ответственности выдвинул вопрос создания жестокой идеологической дисциплины и строжайшей всеобъединяющей *единой военно-политической доктрины, без которой сегодня воевать нельзя, ибо без нее нельзя координировать все разнородные части современной машины сегодняшнего вооруженного столкновения*, тем более, если оно должно разразиться в мировом масштабе. Время ста-

рых школ, привычек, традиций и шаблона прошло безвозвратно.
<...>

Б. Хольмстон-Смысловский. Избранные статьи и речи.
–Буэнос-Айрес, 1953. – С. 61–75.

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

О стилях войны

В книге Бытия сказано: «...И увидел Бог все, что Он сделал и вот, хорошо весьма. И был день и была ночь. День первый». И устроил Бог жизнь на земле, положив — в неизъяснимой для нас премудрости — в основу строения жизни борьбу за существование. Но, давши тварям в закон жизни умерщвление, Бог воспретил неоправдываемое истребление. Только две твари нарушают это воспрещение: четвероногая ласка и человек. Ласка убивает больше, чем может съесть, и неистовствует в бесцельном убийстве. Человек временами убивает больше, чем то оправдывает борьба за существование. Убивает из ненависти, которая не от Бога и противна Богу, которая от Сатаны и приятна Сатане.

Война — одна из форм борьбы за существование. Пока ее не устранят другие формы, она дозволена Законом Жизни. Но не всякий способ воевания дозволён. Не дозволена война в стиле ласки.

Каждой фазе развития человеческой морали соответствует особый стиль войны. В эпоху рыцарства и чести сражения подобны турнирам, на которых регламентирована мера кровопролития. В эпоху религиозного фанатизма — иступленное братоубийство, Варфоломеева ночь и король, из окна своего дворца подстреливающий собственных подданных, бегущих улицами в поисках спасения от королевских убийц. В эпоху деспотического свободолюбия после Французской революции разыгрывались сражения — Аустерлиц, Бородино, — кровопролитностью своею превосшедшие страшные сечи орд глубокой древности.

Век гуманитарного либерализма — XIX в. — происходит укращение войны: Царь Александр I провозглашает человеколюбие, Царь Николай II созывает международный съезд в Гааге, создается Красный Крест. Но с XX веком пришла эпоха воинствующего пацифизма: пацифисты войнами пытаются искоренить милитаризм и во имя человечности придают своим войнам сузубо бесчеловечный стиль.

Стиль современной войны — истребление. Стиль ласки. Как Инквизиция *ad maiorem Dei gloriam* избивала людей, так Пацифизм *ad maiorem Hominis gloriam* истребляет человека массово и мучительно. Из-под спуда тысячелетий пацифизм извлек военный принцип «на войне все дозволено» и этим упразднил — если не формально, то фактически — и воинскую честь, и благородней-

шие воинские традиции, и Красный Крест, и завет Иоанна Крестителя воинам: «Никого не обижайте».

В 1754 г. в битве у Фонтерай лорд Гай, командир английской гвардии, крикнул командиру французских гренадеров графу д'Отрошу: «Пусть ваши люди стреляют!» — «После вас!» — ответил француз, и залп английских мушкетов повалил первую линию гренадеров Франции. Так воевали встарь. А теперь пацифист Черчилль блокадой обрекает все население Германии на голод. Он же подвергает ее террористическим бомбежкам, а пацифист Эйнштейн дает в руки пацифиста Рузвельта бомбу, «пацифически» истребившую население Хиросимы и Нагасаки.

Дилетанты-стратеги, невежественные в военном деле, но изощренные в партийно-политической борьбе и поэтому обладающие резиновой совестью, ухватились за Людендорфов термин «тотальная война», и войны пошли путем тотальной свирепости. Однако словами «тотальная война» первоначально определяли войну всеми силами. Это значит: не только солдат и матрос в бою должны добывать победу, но и машинист на паровозе, и рабочий у станка, и рудокоп, и чиновник, и учитель — словом, все должны, каждый в своей области, способствовать достижению победы и все должно быть жертвуето для победы — богатство богатых, скудность неимущих, знание ученых, дарование писателей, самаритянство женщин.

Но понятие «война всеми силами» подменили другим: «война всеми средствами». Масоны переняли у иезуитов безнравственный принцип «цель оправдывает средства», и вершители судеб современного человечества, стремясь к целям якобы высоким, повелевают применять на войне средства низкие, от которых «земля дрожит, звезда падает» — эти слова говорил Атилла, гордясь учиненными кровопролитиями.

Но после Атиллы на протяжении тысячелетия войны были войнами — воины рубили, кололи, стреляли, выполняя свой суровый долг, и Суворов убежденно мог говорить чудо-богатырям: «Бог нас водит. — Он нам генерал». Русские двести лет воевали против турок, но ни в тех, ни в других не создавалось ненависти. Теперь же не долгом, а ненавистью исполнены воины, сражаясь, и сатанинскую ненавистью вдохновляются стратеги на низкие, не воинские предприятия, по привычке именуемые войной.

Ненавистью полон мир и в дни мира, и в дни войны. Ненависть расовая — цветных народов против белых, ненависть неравенства — ненависть голодных к сытым, сытых к пресыщенным, ненависть доктрин — доктрин красных, розовых, полинявших и белых и, наконец, ненависть ради ненависти, ненависть Зла ко всему, что Добро или что выглядит Добром, — вот двигательная сила политики мира, и политики сосуществования, и политики кон-

фликтов. Когда Рузвельт в Тегеране провозгласил тост за казнь 50 тысяч «лишних» германских офицеров, виновных в том, что они — офицеры противной стороны, то он, тогдашний диктатор полумира, сравнялся в динамике ненависти с диктатором другого полумира, Сталиным, делателем больших и малых «ежовщин».

Всененависть порождает парадоксальные противоречия между материалистическим сознанием людей и народов и идеологическими чувствованиями тех и других, и в наш век материализма народы берутся за оружие ради торжества тех или иных идей, а все виды материализма — диаматный, экзистенциалистический, капиталистический и т.д. — стали своего рода идеализмами, добиваясь всемогущества не только в мире материи, но и в духовном мире.

В наш век интернационалов, ведущих к космополитизму, национализм превращается в неуправляемый шовинизм, и, наряду с собирательными процессами паневропеизма, панамериканизма, панарабизма, бурным кипением выявляются процессы распада в виде политической и вооруженной борьбы народов и народиков за свои национальные домогательства.

В наш век безбожия стали возможны и религиозные войны, потому что безбожие сделалось как бы религией. И в то время как одни, чуя в себе Глагол Божий, готовы бороться и умирать за свое «верую», другие с яростью готовы умирать за свое «не верую». Социалист Жорес сказал: «Война есть варварская форма прогресса». Две всемирные войны способствовали прогрессу тех, кто не воевал, — народы Азии и Африки стали освобождаться от колониальной зависимости, но воевавшим государствам, побежденным и победителям, эти войны причинили регресс — моральный и материальный. Скифская тактика «сожженной земли», возрожденная в Соединенных Штатах во время войны Севера и Юга, когда северяне, борясь за благополучие чернокожих южан, дотла уничтожали благосостояние белолицых южан, — тактика «сожженной земли» стала научным, техническим способом применяться с 1918 г., когда немцы, отходя на линию Зигфрида, разрушали все, что поддавалось молоту, топору и динамиту. Во Вторую мировую войну англичане, уходя с континента, разрушают европейские порты на Ла-Манше, а в Бирме, отступая перед японцами, сжигают полгосударства. Немцы в 1944 г., уходя из Северной Норвегии, не оставляют там камня на камне. Величайший из скифов — Сталин — в раззор разорил утраченные в 1941–1942 годах территории, и то же самое там же проделал Гитлер, отступая в 1942–1943 г. А в 1945 г. в Европу из СССР ворвалось 5 миллионов мстительностей, 5 миллионов буйств, 5 млн. пар хищных рук, 5 млн. глоток, жаждавших «шнапса», 5 млн. похотей, искавших женщин.

Когда случится война, из Евразии двинется моторизованный Чингисхан, замыслы которого уже воспеты в большевистских стихах: «Сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы». И этому разрушению Запад противопоставит свой богатый опыт, почерпнутый в вандалском уничтожении Монте-Касино, и Дрездена, и Хиросимы. Война может разрушить сотни миллионов жизней и всю жизнь, много культур и все культуры, созданные десятками поколений...

Идеологическая иступленность нашего века и повсюду разлившаяся ненависть создали стиль современной войны — войны неизменной, предельно ожесточенной, апокалипсической.

И где-то запишется: «И увидел Бог все, что они сделали и вот худо весьма. И был день, и была ночь. День последний».

Измерения войны

Испокон веков война происходила на двухмерном пространстве — на поверхности земли, а иногда на такой же двухмерной поверхности моря. Театр войны измерялся в длину и ширину. Но в этом веке он приобрел и третью меру — высоту, а на море — высоту и глубину. Глубинные действия своей потаенностью делали в военное время мореплавание опасным не только для бойцов, но и для не бойцов, а также для мореплавателей, никакого отношения к войне и воюющим не имеющим: бедствия, причиняемые войной, распространились и на избегающих войну.

Но высотные действия — воздушные — еще в большей степени увеличили губительность войн. На поверхностном театре войны всякий удар может быть удержан контрударом или фортификацией. Но в высотном пространстве метеорная скорость удара крайне ограничивает возможность отражения его, а удержание его фортификацией невозможно: военные инженеры не считают облака подходящим материалом для фортификационных оборонительных сооружений.

Во все времена воюющий народ чувствовал себя в безопасности за спиной своего войска, если доверял ему. Теперь нет смысла доверять в этом отношении войску земному и воздушному: они бессильны предотвратить удары вражеской авиации по населению в тылу щита-фронта. Слово «фронт» потеряло свой жуткий смысл — жутко стало на всей территории воюющего государства. Слово «воин» потеряло свой мужественный смысл — мужество требуется и от женщин, в глубочайшем тылу выполняющих свои мирные женские обязанности под завывание сирен, предвестниц бомбежки. В 1945 г. было немало четырехлетних детей, которые в жизни своей еще ни одной ночи не проспали в своей кровати — они знали лишь ночлежку бункера. Во-

енные лишения, и муки, и опасности стали уделом всего населения. Поэтому последствия войны лягут тяжелой ипотекой на уцелевших к концу ее. Нервы требуют возбуждения: после 1918 г. пошла эпидемия нудизма, коктейля, женского курения, детского криминализма; после 1945 г. появились «буги-вуги», экстаз болельщиков на стадионах, подросло поколение «роуди», «халбштарке» с их «рок-энд-рол».

Покуда мода на «тотальную войну» не выжгла у стратегов остатки совести, они ограничивали бомбежки военными объектами. Но постепенно совесть сжималась, а понятие «военный объект» расширялось, и стратегические талмуды так растянули это понятие, что им стало охватываться все: тотальность войны — тотальность военных объектов. И теперь фабрика пуговиц и молочная ферма стали «военной промышленностью».

Тотальная война, тотальное разрушение, тотальное убийство, тотальное безумие. Силой природы разрушена была Помпея, и это событие осталось памятным в веках, а сейчас силою человека разрушаются сотни Помпей и эти «происшествия» так обыденны, что человечество не заметило, что помельче, а что покрупнее, — забыло лет через 10.

Войны наши 1854, 1877, 1904 и отчасти 1914 гг. были дуэлями армий — население стояло в позе секундантов. А теперь дуэль сменилась всеобщим побоищем: при помощи авиации война из поверхностной превратилась в объемную, приобрела третье измерение, превратилась в истребление.

Но еще более трагичное преобразование внесено *установлением четвертого измерения*. Во многих войнах вспомогательным средством победы было ослабление духа вражеских армии и народа. Наполеон попытался было привлечь на свою сторону российское крестьянство обещанием отмены крепостного права — крестьянство ответило на это партизанством; в английском парламенте перед Крымской войной говорилось, что надо использовать энергию всех в России недовольных властями — только десяток поляков стали агентурой английского шпионажа в Крыму. А теперь к делу подходят методически и дают ему огромные размеры: *душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей верховного стратега*. Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух — вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения.

Расщепление атома в целях массового убийства выполнено впервые в 1945 г. (Хиросима), но за 40 лет до этого немецкие ученые стали работать над расщеплением атома в научных целях. Первая большая операция *расщепления духа* относится к

1917 г. (обманная декларация Вудро Вильсона с ее 14-ю пунктами), но к проблеме расщепления национального духа в политических целях подошли в 1864 г., когда марксисты образовали в Лондоне «Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих». *Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» революционировал социальную жизнь человечества в большей мере, чем атомная физика революционировала эту жизнь переворотом в технике, промышленности, в войне.*

Идею национального государства создала в конце XVIII в. Французская революция, но уже в начале XX века вертикальные перегородки между национальными государствами стали подгнивать, и возникли горизонтальные перегородки, разделяющие человечество на пролетариев и буржуев, на марксистов, демократов и фашистов, на католиков, магометан, атеистов.

В последнюю войну, не считаясь с голосом национально-государственного эгоизма, маршировали по полям СССР в ногу с германцами фюрера испанская «Голубая дивизия» и дивизии итальянцев, голландцев, венгров, румын, дивизия «Викинг» из норвежцев, «Свободный корпус Дания» и галичане, полки хорватские и словацкие, бригада валонских рексистов бельгийца Де Греля, добровольцы из Фландрии и французский батальон. Так интернационал фашистов, шагая через государственные перегородки, шел в бой против интернационала марксистов. Интернационалы стали силой, противопоставляющей себя государствам: Всемирный Союз моряков вступил в борьбу с Панамой, Либерией и другими странами, «дешевыми флагами» которых пользуются кораблевладельцы-эксплуататоры. *Вскоре станет мощным уже существующий интернационал отказывающихся от военной службы.* Впрочем, и интернационалы не всемогущи: созданное Марксистским Интернационалом государство стало жертвой духовного расщепления, выдуманного в 1864 году марксистами: из племен СССР к строю антимарксистов примкнули дивизии эстонцев, латышей, украинцев, добровольцы из Грузии, Азербайджана, Крыма, с Кавказских гор, из Средней Азии, примкнул Казачий корпус, Особая дивизия полковника фон Регенау и Русская освободительная армия, насчитывавшая в своем составе 2 дивизии на Востоке и 500 батальонов на Западе.

Миниатюрная, но весьма характерная картина расщепления духа народа обнаружилась в Сербии: отбросив завет предков «Только согласие бережет Сербию», люди кинулись в кровопролитное несогласие: генерал Недич с нацистами, полковник Михайлович с демократами и бандит Тито с коммунистами разорвали и тело, и душу Сербии.

Расщепление духа становится таким же атрибутом и войны, и мира, как Пикассо и его последователи в искусстве. Если прежде

бывали революционные войны и военные революции, то теперь эти два бедствия сплелись в войну-революцию, т.е. в четырехмерную войну и, как правило, сейчас не может быть войны, которая не была бы четырехмерной. *Пожалуй, можно себе представить большую войну неатомного характера, но немыслимо вообразить ее отказавшейся от применения духовного расщепления.*

В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства. Оно в глазах людей перестало быть высшим из земных установлений. Как Христос опроверг верование в установление Царства Божьего на земле и дал более высокое понятие: «Царство Божье внутри нас», так Вольтер начал подкоп под древнее сознание: «Человек — для царства человеческого» и уготовил путь анархическому тезису «царство человеческое для человека». Король говорил: «Государство — это я», а ныне Иоганны, Жаны, Хуаны вопят плебейски-буйным образом: «Я — это государство». Редко гражданин подчиняет свое «я» государственному «мы». Безумно право, не сопряженное с обязанностью. Развратна поэтому «Хартия прав человека». Права, самоуправство, самоволие взорвали устои общественной, политической, государственной жизни. Бриан говорил, что 95% его энергии уходит на то, чтобы удержаться у власти и только 5% — на властвование. Абсолютизм пал под ударами парламентаризма, а сейчас парламенты вынуждены заседать под охраной полиции, защищаясь от абсолютизма улицы, черни, возглавляемой демагогами. *Демагоговластие*, пришедшее на смену депутатоваластию, весьма благоприятствует духорасщепительной деятельности внешнего врага. «Пятая колонна» не должна быть многочисленной: по словам Мирабо «десять объединенных людей могут добиться того, что тысячи не объединенных будут дрожать».

Демагоговластие благоприятствует всеобщая нервность. Человека нервируют очереди к автобусу, давка в автобусе, спешка на работе, торопливость при еде в ресторане-обжорке, безотрадность работы, ограниченность заработка; его нервируют сенсации прессы, радио, телевидения, азарт непрестанной борьбы: за преподавание Библии в школах, за прибавку к жалованию, за право желтой прессы вторгаться в личную жизнь людей. Полубовный сговор а priori отвергается: «В борьбе обретишь ты право свое». Многие не имеют родины-матери, потому что для них маечой является их страна, где большинство тиранит меньшинство или меньшинство тиранит большинство. Из числа взятых американцами военнопленных в Корее 37% не пожелало репатрироваться; в 1945 г. насильно были репатрированы миллионы рос-

сиян. Прежде в мирных договорах оговаривали право пленного на немедленную отправку на родину, а сейчас надо оговаривать его право остаться вне родины. Отвращение к власти собственного государства — чувство, побуждающее бороться (извне или изнутри) против ненавистного режима, — вот та «урановая руда» духовно-расщепительной «индустрии», которая сейчас приобрела огромное значение.

Переброска немцами Ленина под пломбой оказалась для Германии ударом бумеранга. И всякая операция в четвертом измерении может стать бумеранговой, но тем не менее никто не удержится от соблазна использовать подземные силы в стране врага, хотя бы эти силы и были Вельзевуловыми силами.

Четвертое измерение неустранимо в нашу эпоху смятения умов и отсутствия совести. И это трагично: если третье измерение можно уподобить семи египетским казням, одновременно ниспосланным, то четвертое измерение войны можно определить одним лишь словом: ад.

Хаос мира и войны

Двадцатидевятиэтажное здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке без единого балкона или выступа на фасаде тупо глядит на мир своими пятью тысячами одинаковых окон, а мир видит в этой коробке символ нивелирования всех государств света: в Организации равноправны 76 государств — крошечный Либанон и огромная Индонезия, вчера возникшая Либия и с древности культурная Италия. И даже «пять великих», привилегированных могут свою волю проявить в пассивном «не позволяю», но не в активном «желаю», и мощный Вашингтон для проведения своих планов должен посулами и поблажками вербовать голоса микроскопических суверенностей, знающих себе цену в создавшейся всемирной обстановке.

Прошло время диктаторствующих государств, хотя изобильно возникают диктатуры в странах, где парламент-дегенерат или парламент-недоносок доводят народ до отчаяния. Прошло время изолированных гегемонов — на гегемонию могут претендовать лишь коалиции, образованные на базе взаимной эксплуатации в согласовании интересов. Так, коалиция из 21 американской республики держится «колониализмом наизнанку»: зависящие эксплуатируют Вашингтон, от которого зависят, а этот последний дает себя жать, чтобы при надобности, во время войны прижать своих алчных друзей.

Гегемония Европы растаяла в двух ненужных европейских междуусобицах, превратившихся во всемирные войны. Боевые действия на морях принудили Европу вместо многоемкого сырья

для своей промышленности везти из Африки и Азии малоемкие изделия и для этого заморские земли получили свою индустрию; это было необходимо еще потому, что ставшая на военные рельсы европейская промышленность во время войны перестала давать заморской торговле экспортные изделия. Промышленная эмансипация Азии и Африки имела следствием эмансипацию политическую. А использование белыми народами цветных солдат для убийства солдат других белых народов привело к духовной эмансипации: раз я имею право убивать белого, то он уже больше не полубог. Восстание Мау-мау в Кении и африканцев в Алжире есть логическое следствие посылки сенегальцев в бой у Вердена.

Европа, считавшая себя центром мира в античные века, в средневековье, в эпоху ренессанса, реформации, просвещенного абсолютизма, французской революции, гуманизма XVIII века, теперь стала захолустьем. Напрасно Мадиарга восклицает: «Мы должны любить Европу Рабле, Эразма, Вольтера, Данте, Шекспира, Гете, Достоевского, Микеланджело, Баха, Ньютона, Лейбница». Европа должна объединиться, чтобы стать силой среди таких сил, как Америка, Россия, Китай, Индия. Но Европа не верит в себя. Это сказал Освальд Шпенглер своим трудом «Крах Запада», это твердят экзистенциалисты Камю и Сартр, а Генрих Манн в своем произведении «Век страха» дает страху доминирующее место в психике Европы.

Европа, измученная войнами, боится всякой решительности и в одном лишь решительна — в отказе от стремления к властвованию в мире. Де Голль, разрушающий во Франции депутатократию, падет, вероятно, не от козней адвокатов-партийцев, а от страха французов перед желанием генерала навязать Франции какую-то всемирную миссию: «Какие там миссии — быть бы живу!»

В Европе нет центра, Европа перестала быть центром мира. Центр тяжести человечества перемещается из Европы. За последние 50 лет население европейского континента возросло на 35%, а американского на 127%; за 50 лет этого века количество городов с населением свыше 100 тыс. человек в Европе возросло на 137%, в Азии на 219%, в Америке на 280%, а в Африке на 457%. Куда переместится центр тяжести, предсказать невозможно, но в данный момент образовалось два полюса: США и СССР.

Если сейчас предвидят войну, то подразумевают конфликт между этими двумя потентатами: настоящая война может быть в наш век только между великими потентатами, а вооруженные столкновения между потентатиками так малозначащи, как война между Боливией и Парагваем четверть века тому назад. Локальные конфликты — это лишь «инциденты», война же — это явле-

ние всемирное или почти всемирное. Мало кто может остаться нейтральным при современном переплетении интересов. В XV веке Испания и Португалия неимоверно усиливают свою мощь захватом открываемых континентов, и это не вызывает ревности ни во Франции, ни в Священной Римской Империи, а сейчас попытайся Австрия отнять у Италии альпийскую долину, населенную австрийцами, и вся Европа, весь мир вмешается в конфликт — одни ради соблюдения равновесия сил, другие ради равновесия принципов, третьи из каких-либо экономических соображений, а четвертые ради собственной амбиции — как же мне не крикнуть свое слово, когда другие кричат!

Война в наш век может быть только коалиционной — ограничено коалиционной или неограниченно коалиционной, т.е. всемирной. Даже в каждой локальной войне будут явные или тайные акционеры: на стороне Северной Кореи явно стоял Краснокитай и не столь явно — СССР, а на стороне Южной Кореи — огромная коалиция; правда, большинство только символически дало кровь своих солдат на алтарь общего дела, а иные ограничились посылкой крови в жестянках (для трансфузии), но в связывании рук стратега участвовали все.

В таких коалиционных войнах не может быть ни ясно выраженных целей войны, ни ясно очерченной стратегии. Слишком много заинтересованных фигур, и интересы подчас не только трудно-согласуемы, но и даже противоположны. Черчилль своей самочинной Дарданелльской операцией сорвал русский план высадки у Константинополя, потому что необходимое России открытие водного пути для связи с союзниками шло вразрез с традиционной политикой Англии — не давать России одолеть Турцию. И во Вторую мировую войну Черчилль боролся с Рузвельтом, желая, чтобы на Балканах появился Эйзенхауэр, а не Толбухин. И такие «внутренние фронты» будут неперменной принадлежностью коалиционных войн. *Раздвоение, раздробление целей войны — основных и промежуточных — ведет к расплывчатости стратегии, к ее неопределенности, а отсюда — медлительность хода действий и длительность войны.*

В прежние века войны велись ради покорения или освобождения, ради грабежа или отмщения за грабеж (румынский язык для наименования понятия «война» воспользовался русским словом «разбой»). Теперь началась эпоха войн за «место под солнцем». Эта фраза была придумана Германией, возникшей к шапочному разбору дележа колоний. Но сейчас фраза эта имеет более грозный смысл: население Китая увеличивается на один миллион душ в месяц; проблема перенаселенности тревожит тех, кто умеет думать не только о нынешнем дне, но и о грядущем. В Индии приступили к насильственной стерилизации женщин, родивших

трех детей. В других странах Азии перенаселенность становится такой опасностью, что прибывшие из этих стран на съезд Англиканской Церкви епископы добились резолюции, переворачивающей все пуританские понятия: Церковь одобрила «планирование деторождения». Но сейчас длительных тираний не может быть ни в одном государстве (сорок лет диктатуры коммунистической партии в СССР — это не длительный срок в масштабе всемирной истории), а быстросменяющиеся власти не соблюдают насильственного мальтузианства, если его введут.

Человечеству становится тесно. Азия и Африка вытесняют европейцев, Европа уплотнена до предела, Америка ровно через 400 лет после вторжения Кортеса вторглась войском в Европу, а затем дипломатами и финансистами — на все континенты, не вмещающая своей энергии в своих пределах. Мировая мечта избавиться от библейского «в поте лица...» воплотилась в Ленине, Сталине, Хрущеве. А они смешали пот с кровью: конфликты и войны стали постоянным явлением и планетарным бедствием.

Сотни миллионов людей находятся под угрозой коммунистической военной инвазии, а другие сотни миллионов думают, что им угрожает вторжение войск реакции; сотни миллионов страдают под коммунистической диктатурой, а другие сотни миллионов воображают, что их жизненная задача — борьба против колониализма, хотя он уже перестал существовать; в недрах десятков государств клокочет революционная лава; многие государства пребывают в полумобилизационной или мобилизационной готовности и почти половина стратегической авиации США денно и нощно парит в небесах, не смея приземлиться, чтобы не стать жертвой советского удара «нажми кнопку!»; вспышки войны классически регулярной и современно иррегулярной нервируют человечество и никто на земле не чувствует себя в безопасности от войны-революции или революции-войны.

Пройдут десятилетия, жизнь оправится от нынешнего безумия. Но сейчас может настать момент, когда «благодать» мира станет людям несносной и они возмечтают о войне, чтобы временным злом устранить длительное зло трагического курьеза: не мир и не война.

Было время, когда военные думали, что все международные болезни можно вылечить войной, а государственные люди полагали, что ею можно вылечить некоторые болезни. Но сейчас никто этого не думает, потому что опыт двух последних войн говорит, что лекарство, убивая бактерии, повреждает и организм. Вторая мировая война обошлась Европе в 32 млн. убитых; 26 млн. человек оказалось в концентрационных лагерях; депортировано, перемещено 45 млн. человек; было ранено 29 млн. воинов; 21 млн. человек потеряли под развалинами зданий все свое

имущество, а 150 млн. остались без крова; разрушено 1.000 городов, причем пострадало 23 млн. домов и 14 млн. общественных зданий и фабрик; разрушено около 9.000 км. судоходных каналов, 20.000 км. рельсовых путей и 100.000 км. дорог. Этой ценой куплено прекращение преследования евреев в Германии и утеснения Католической Церкви в ней, подрезан германский империализм. Но зато дан простор советскому империализму и коммунистической тирании над народами 11 европейских государств. Победители «торговали — веселились, подсчитали — прослезались».

Симптоматично, что Эйзенхауэр миролюбивее Трумэна; как генерал, он лучше политика понимает, каким апокалипсическим хаосом будет война. Война всегда была хаосом: полководцы старались обуздать эту стихию своими планами; а чего они не доделали, то подправляли военные историки, и в книжках война, аккуратно причисанная, выглядела не хаосом, а порядком.

Ныне же война будет безгранично хаотичной. Причина не только в обременительном разнообразии средств войны, в многочисленности целей, в сложности коалиционных взаимоотношений, в трудности согласовать операции в четырех измерениях, но и в невероятной сложности военной машины. В прежних веках мыслительные способности полководцев не вмещали тайны управления большими армиями, но Наполеон своим гением, а Мольтке улучшением организации штабов и войск сделали возможным маневрирование миллионными армейскими массами. А ныне эти массы переросли мыслительные способности одареннейшего стратега. Пришлось выдумать «коллективного стратега», но и такие коллективы не в силах руководить военной стихией. Военные летчики говорят, что иной раз падение самолетов вызвано чрезмерным количеством контрольных приборов, долженствующих предотвратить падение, — авиатор не в силах следить за всеми приборами. Стратег едва ли в силах следить за всеми «контрольными приборами» исполинской машины-войны.

Военная машина слишком сложна и громоздка. Поэтому генералы нашего времени стали амилитаристами; они не противники войны и войск, как антимилитаристы, но сторонники решения вопросов политики без применения вооруженной силы — если это возможно. Увы, это невозможно. Война будет, войны будут. Надо лишь уяснить себе, что в современной большой войне изнуряются побежденный и победитель и что война, устранив несколько причин международных осложнений, создает иные причины осложнений. Если в прежнее время решались на войну с надеждой или даже с уверенностью в победе, в достижение своих целей, то теперь возможен случай, когда люди кинутся воевать, говоря: «Хочь гирише, тай инше».

Война и полувойна

Каждой фазе развития человеческого общества соответствует особая форма вооруженной силы. В феодальную эпоху войско состояло из рыцарских дружин, столь же автономных в отношении вождя, сколь автономны были сюзерены в отношении суверена. В века абсолютизма войско становится королевским и вербуются, главным образом, путем рекрутских наборов. Когда сословия получили права (после французской революции), войско превращается во всеобщее на базе воинской повинности.

Теперь парламентское народовластие эволюционирует в сторону прямого народовластия: на Западе митинговые толпы диктуют свою волю, а на Востоке заводские резолюции создают фикцию «народно-народного» властвования. Сообразно с этим отходом от исторического разделения на правящих и управляемых происходит и отход от традиционного разделения на воинов и граждан: создается понятие «гражданин-воин»: каждый гражданин имеет право и обязанность участвовать в открытом или тайном воевании.

Теперь бессмысленно себе представить войну без «резистас», без «армии крайовой» в подполье, без партизанских бригад. Теперь надо считаться с тем, что нет больше деления на театр войны и на воюющую страну: совокупность территорий противников — это театр войны. Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны — все способы узаконены, если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет деления на войско и население — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие — при удобном случае. Теперь регулярное войско лишилось военной монополии; наряду с ним (а может быть, даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации; отсюда три следствия:

Первое: война приобрела новые формы. Алжирцы прошлись по Франции поджогами нефтехранилищ и убийствами на улицах городов, и это — современный вид кавалерийского рейда в глубокий тыл противника. На Кипре английские солдаты устраивали «Варфоломеевские дни» для терроризирования террористов ЕОКА, и это — современное контрнаступление на иррегулярном фронте.

Этого полководцы не предвидели, а увидев, не поняли. Немцы оказались беспомощными против партизан Ворошилова, бандитов Тито, террористов Сикорского и «макки» де Голля.

Второе следствие: появление иррегулярного войска привело к вульгаризации понятия «войско», а отсюда — снижение воен-

ной этики. Этика допускала военные хитрости, но не коварство. Ныне же в штабах разрабатывается тайноевоевание: стратегия, оператика и тактика низости — террора, вероломства, измены. Отряд Леонида погиб в Фермопилах вследствие предательства одного грека, полководец Скопин-Шуйский был отравлен каким-то вероломцем, террористические приемы применяли Грант и Шерман в армейской междуусобице. Но все это эпизоды. *Сейчас же подлость вводится в систему,* и арабский способ ведения войны — «грязная война» — становится основной частью каждой войны. Почувствовав свою беспомощность в Алжире, офицеры генерала Массю принялись лихорадочно обрабатывать ими приобретенный опыт боевых действий в проигранной «неправильной» войне против Вьетмина. То, что поняли парашютисты Массю, еще не постигают иные офицеры Франции, еще менее постигают это офицеры других стран и совершенно не постигают политические деятели Запада.

Третье следствие: воюющее государство стало весьма живучим. Франция под Седаном потеряла свою армию и после этого не могла организовать войска для сильного сопротивления — пришлось запросить мира. А Польша потеряла в две недели сентября 1939 г. все свои армии, но продолжала воевать до 1945 г. В прежние века было почти правилом игры, что государство сдается, коль скоро противником взята столица. Но в Югославии немцы завоевали пять столиц — Белград, Загреб, Люблянину и заштатные столицы Цетинье и Скоплье — а война продолжалась. Капитуляция, подписанная правительством, всегда означала конец войны. Маршал Петэн ратифицировал капитуляцию, но часть населения, из-за границы руководимая генералом де Голлем, продолжала сопротивление.

Государства жили в мире или воевали. Третьего положения не бывало. Его выдумал Троцкий: не мир и не война. Эта формула отказа от заключения мира сейчас приобрела иной смысл: отказ от явной войны. Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями. Можно воевать номинально и даже забыть о своем нахождении в войне: Андорра с 1916 г. «воевала» против Германии и лишь в 1958 г. вспомнила, что еще не заключила мира. Можно быть в войне, не воюя явно: Греция и Турция вели непрямую войну за обладание Кипром, поддерживая ЕОКА и милицию из кипрских турок. Можно и без войны послать солдат для завоевания: солдаты Сирии тайно проникли в Бейрут, чтобы участием в либанонской мусульмано-христианской междуусобице добиться завоевания Либанона Арабской республикой. Можно вести военные действия, сохраняя мирные отношения — так Турция воевала в Корее против Советов. Даже можно воевать, состоя во вражеской коалиции, — так

СССР воевал в Корее против Организации Объединенных Наций, будучи членом этой Организации. Можно мирное сожительство и сосуществование совмещать с тем, что в просторечии называется «холодной войной».

Ныне существуют четыре формы международных отношений: война, полувойна, агрессодипломатия и дипломатия.

Война — это открытая борьба оружием. Безразлично каким — войсковым или бандитским. Безразлично — порваны ли дипломатические отношения или нет. Так, Израиль, не имевший с 1949 г. дипломатических сношений с Египтом, вторгся в 1956 г. на Синайский полуостров, а Франция и Англия вторглись в Порт-Саид, уверяя, что не воюют с Египтом.

Полувойна — это прикрытое участие в войне или междуусобице. Краснокитай за спиной Вьетмина воевал против Франции с Вьетнамом; Вашингтон ведет полувойну против Пекина маневрированием 7-ой эскадры в Формозском проливе; Египет воюет против Франции непрямым образом — в отместку за нападение на Порт-Саид питает алжирскую междуусобицу.

Агрессодипломатией можно назвать то, чему обычно дают глупое наименование «холодная война», которую можно было бы (столь же малоосмысленно) наименовать «горячей дипломатией». Агрессодипломатия — это усиленная форма дипломатии, подобно тому как полувойна есть ослабленная форма войны. Кремль препятствует провашингтонскому курсу аргентинской политики с помощью политических забастовок, буйных демонстраций и массовых актов насилия — это пример агрессодипломатии. Разница между полувойной и агрессодипломатией очевидна: в первой применяется оружие войск, партизан, диверсионных групп, а во второй преобладают политические приемы, хотя случаются pistolетные перестрелки и взрывы бомб ради всячего эффекта.

И, наконец, четвертая форма: дипломатия. Это политическая деятельность в перчатках с применением классических приемов уговариваний и угроз, выпрашивания и вымогательства. (Примечание к термину «дипломатия»: Даллес — дипломат, а его деятельность — дипломатия, подобно тому как Жуков — стратег, а его деятельность — стратегия.)

Эти четыре формы международных отношений переплетаются причудливым образом в человечестве нервном и встревоженном, боящемся войны, ощущающем, что сомнительной стала ценность афоризма: «Война есть зло, позволяющее избежать больших зол». Что ныне большее зло — невыносимо-трагичный мир или свирепая война? «Радуйтесь войне, — говорил немцам Геббельс. — Мир страшнее её!»

Дипломатия и стратегия

Недавно французский высокий дипломат сказал американскому весьма высокому генералу: «Война слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было отдать в руки генералов». На это американец ответил: «А мир слишком серьезная вещь, чтобы его можно было доверить штатским людям». Правы оба. Когда корабль идет в рейс по указанию пароходовладельцев, то они должны считаться с мнением шкипера (стратега), намечающего такой курс, чтобы наиболее благополучнее пройти полосу бури; с другой стороны, борясь с бурей, шкипер не должен забывать, что судно надо привести именно в тот порт, какой наметили пароходовладельцы (правительство). В 1945 году строили мир, не считаясь с логикой стратегии, — каково же теперь будет стратегам Запада, если дипломаты потребуют от них оружием сохранить Берлинскую бессмыслицу? Стратегия была права, когда высадила армию Эйзенхауэра в Африке, а потом в Италии, но отнявши у Берлина Рим, она упрямо продолжала отнимать у Гитлера Апеннинский сапог, когда дипломатическая логика подсказывала новое решение: перебросить войско на Балканы, чтобы после войны Югославией владел не Тито, а король Петр.

В старину было просто: Кутузову поручали победить Турцию и заключить с нею мир по его, генеральскому, усмотрению — стратегия, а не дипломатия имела решающее слово. Клаузевиц установил противоположный принцип: цели ставит дипломатия, а когда она справится с делом, доделывает стратегия. Так был установлен примат дипломатии. Но сейчас устарело клаузевицево «Стратегия есть продолжение политики (дипломатии — *Е.М.*), но лишь иными средствами». Устарело потому, что стерлась отчетливая грань между периодами работы дипломатов и периодом, когда трудятся стратеги. Стерлась грань между миром и войной. Нет больше смены: мир — война — снова мир. Мир переплелся с войной, война с миром, стратегия с дипломатией.

Что понимать ныне под словом «мир»? Что это мир, который называется «холодной войной»? Что понимать под словом «война», если во время войны воюют не только битвами стратегов, но и конкуренцией дипломатов в лансировании «целей войны» (одни, например, козыряют Атлантической декларацией, а другие объявляют козырем «Новую Европу»). В таких условиях международных взаимоотношений не должно быть между дипломатами и стратегами спора о первородстве. *Державная цель намечается национальным идеалом и государственными интересами с непрременным учетом возможностей дипломатии, стратегии, политики (внутренней) и экономики.* Некий верховный государственный орган должен из дипломатии и стратегии плести тетиву

для метания в единой целеустремленности дипломатических и стратегических стрел. Можно наметить такую схему:

В мирное время дипломаты идут к державным целям, применяя традиционные приемы: ноты, конференции, интриги, шантаж, подкуп, а на Ближнем Востоке — черный кофе, скрывающий вкус яда, во Франции же — пистолет, убивающий союзного короля. Стратеги предоставляют дипломатам такие «дипломатические инструменты», как приграничные маневры армий, как передвижение 6-й эскадры САСШ в Средиземном море. Когда путь дипломатии окажется близким к оврагу, на дне которого — война, то важнейшим является мнение стратегов, можно ли рискнуть кинуться в овраг и — в каком месте, в какой момент? Дипломаты не смеют побуждать стратегов браться за военные предприятия в неподобающих условиях: неблагоприятное исходное стратегическое положение не может быть исправлено и самыми благоприятными операциями. Победные «котлы» 41 г. и успешные операции 42 г. не упразднили стратегической безнадежности «плана Барбаросса», выдуманного Гитлером и его партийно-дипломатическими бездарностями. Дипломаты Англии толкнули дипломатов Польши в военную авантюру 1939 г.; они же в столь же легкомысленную авантюру толкнули дипломатов Югославии в 1941 г.; а новоиспеченные дипломаты Израиля, никем не подталкиваемые, кинулись в авантюру 1949 г.

В современных условиях дипломатия легко превращается в агрессодипломатию: не прерывая (якобы мирного) сожительства с непокладистым государством, она мобилизует в нем оппозиционеров и революционеров путем пропаганды и подкупа. Радиопропаганда стала мощным средством проведения агрессодипломатических акций. Насер предпринимал радиоинвазии в Сирии, Иордании, Ираке. Иной раз дипломаты, когда недостаточно провоза в дипломатическом багаже оружия для подпольщиков, обращаются за помощью к стратегам, и те подкрепляют революционеров своими инструкторами и техниками террора и диверсии (которые принадлежат к кадру иррегулярного войска, имеющемуся при воинстве каждого предусмотрительного государства). Агрессодипломатией руководят дипломаты, но они должны — больше, чем в период дипломатии — считаться с благоразумием стратегов. Бургиба не посчитался, азартно поддерживал алжирских бунтовщиков против Франции и тем подставил стратегически беспомощный Тунис под удар французской авиации.

Когда агрессодипломатия превращается в полувойну, стратеги от роли советников при дипломатах переходят к роли руководителей действиями. Они воюют тут не войсками, а диверсантами, партизанами и — в тяжелом случае — «добровольцами» наподобие тех краснокитайцев, что фигурировали в Корее. Во время

Испанской гражданской войны на стороне Франко полувойну вела Германия («Легион Кондор») и Италия («добровольная» пехота), а на стороне Миахи — СССР, Франция и Англия, поставлявшие «интернациональные бригады», штабы и коллективы чекистов. Дипломаты во время полувойны становятся, с одной стороны, советниками стратегов, чтобы действия последних не шли вразрез с основными дипломатическими намерениями, а с другой стороны, в согласии со стратегами продолжают руководить оппозиционной общественностью в неприятельском стане.

Четвертая форма борьбы — война — это бесспорная ответственность стратегов. Стратегия решает вопрос, может ли она войной достичь державных целей, казавшихся недостижимыми на путях дипломатии и агрессодипломатии. Она же определяет момент, благоприятствующий началу войны, — но определяет не при помощи астролога и гороскопов, как делал возомнивший себя стратегом Гитлер, а на основании стратегического анализа. Такой анализ могут сделать не все генералы и полковники Генерального Штаба, а только лаборанты, образующие большой Генеральный Штаб; и уж конечно не парламентариям, министрам и диктаторам братья за такой анализ, хотя бы они и дослужились при отбытии ими воинской повинности до звания капрала или даже чина поручика запаса. Дипломаты должны подправлять в дни войны намерения стратегов, если их оперативные поступки мешают дипломатическим успехам. Но, говоря словами Пушкина, «сапожник, суди не выше сапога»: дипломаты и президенты не должны помыкать стратегами, ведущими военные действия. Маркатур стремится к стратегически необходимому берегу р. Ялу, а Трумэн вырывает у него из рук победу и свержает его, будучи во власти дипломатического предрассудка о 38-й параллели. Возмутительное нарушение суворовского принципа: «Полная мочь Командующему генералу!»

Такова идеальная схема четырех ступеней международной борьбы. На практике же она выглядит иначе. В мирное время парламенты ревниво следят, чтобы не образовалась «военная клика», которая в силу, мол, природной кровожадности генералов могла бы свергнуть страну в пропасть войны. Но из парламентариев и разного рода партийцев образуется невоенная клика, которая направляет дипломатию, мало считаясь со стратегами или совсем с ними не считаясь. Такая невоенная клика чудачит, пока не упрутся в тупик, и тогда ставит стратегам задачу: воюйте, как бы абсурдно это ни было по вашему стратегическому мнению. В 40 г. Италия в положении нейтралитета-угрозы была англо-французам в Средиземноморском бассейне страшна, но Муссолини и Чиано кинулись добывать победные лавры, и Италия ста-

ла смешна: не было поля для развертывания армии против Франции, не было силы для применения флота против Англии.

И в агрессодипломатии дипломаты и правители перегибают палку, не спросив стратегов. В Либаноне диктаторствующий правитель Египта заострил положение так, что считал нужным перейти к полувойне — послать сирийских «добровольцев» для свержения Либанонского правительства. Но в калькуляции отсутствовало стратегическое знание, и Насеру пришлось конфузно убрать свой авангард из Бейрута. Даллесом выдуманная агрессодипломатическая «доктрина Эйзенхауэра» привела Вашингтон к необходимости шагнуть, минуя полувойну, к войне; но Даллес поставил генерала Норстеда в тяжелое положение: у того не оказалось войсковых частей, обученных действию против иррегулярных сил; поэтому американский десант был рад своему бездействию, а стратеги — рады возможности убрать его без большого конфуза для САСШ.

В полувойне штатские правители не дают свободы действия стратегам. Во время борьбы Франции против Вьетнама САСШ вели полувойну на стороне Вьетнама: были посланы оружие, штабы, инструктора, «вольнонаемные» летчики. Но хирурги Пентагона были по рукам и по ногам связаны гомеопатами Белого Дома, и полувойна закончилась подрывом американского престижа в Азии.

И даже во время войны стратегия идет на поводу у министров, дипломатов, политиков. Образуется «Военный кабинет» — при Черчилле он был явным, при Рузвельте и прочих диктаторах не столь открытым и оформленным — и невоенные люди изъедают войну из рук военных: в «Военном кабинете» голос представителя стратегии звучит слабо в хоре голосов невежд, дерзающих воительствовать без знания тайн военного дела. Всех превзошел Гитлер, противопоставлявший свой маниакальный мистицизм великолепному знанию германских генералов.

Иной раз стратегам легче победить врага, чем добиться торжества их стратегической концепции над дипломатическими планами «Военного кабинета». Не желая перехода Балканского полуострова из сферы английского влияния в советскую, Черчилль настаивал на создании «второго фронта» на Балканах, и стратегия с превеликим трудом добилась отправки Эйзенхауэра через Алжир в Италию: это был стратегически более удобный марш к победе.

Стратегии приходится в «Военном кабинете» прокладывать себе путь среди множества нестратегических мнений: война ведется на театрах военном, дипломатическом, экономическом, политическом и психологическом. Оберечь свои финансы, торговлю, промышленность, усилить их подспорьем со

стороны нейтральных государств, лишить врага такого подспорья, наносить ему удары экономического характера, а также политикой, пропагандой, социальными мероприятиями укрепить воинственный дух своего народа и приобрести симпатии нейтральных народов, внести смущение и смятение в душу врага — все эти намерения ломятся в дверь «Военного кабинета» и сбивают стратегию с ее пути.

Стратегия любит путь прямой и кратчайший: конечная победа достигается сокрушением вооруженной силы врага. Но как идти стратегии прямым путем, если «Военный кабинет» идет по спирали? Эйзенхауэра соблазнили завоеванием антигитлеровской Баварии, он не пошел на Бранденбург и упустил ценнейшую географически-стратегическую добычу — Берлин. Гитлер потянулся к украинскому зерну, криворожской руде, донецкому углю, кавказской нефти и, смещая несогласных с ним стратегов, сместил стратегию с прямой линии, которую Браухич упер в грудь красного воинства.

Стратега тысячелетиями в географии интересовала преимущественно топография, а в этнографии — главным образом столицы как административные центры. Теперь появилась геополитика с объектами промышленными, военно-промышленными, политико-социальными и т. д. Сопоставление удельных весов их крайне затруднительно, поэтому составление формулы победы стало сложным делом. Наполеон, сравнив удельный вес Петербурга и Москвы, предпочел Москву и ошибся. Как же не ошибаться стратегам-не-наполеонам, когда надо выбирать среди десятков объектов? К тому же туман, именуемый психологией войны, затуманивает взоры стратега.

Психика стратегии солдатски честна. Не по ней завет Макиавелли завершать войну на стороне того, против кого она была начата, если не было времени возвратиться на сторону первоначального союзника. Гитлер, петляя от антикоммунизма к пакту «Риббентроп–Молотов», а затем к «плану Барбаросса», мог гипотетически перевертывать духовную базу стратегии, но не каждому это удается: французы под командой адмирала Дарлана некрепко отражали десант генерала Эйзенхауэра в Алжире (1944 г.), а изменник маршал Бадольо не мог повернуть итальянские войска против немцев — *войско не песочные часы, которые действуют, когда их время от времени переворачивают.* На какой психической базе будут американцы, союзники их и их вассалы вести Освободительную войну: Россия или раздробление России? Православие или восточный обряд? Югославия или разделенная Сербия и Хорватия? Германия и Польша в прежних границах или граница по Одере и Нейсе или у Калиша? В этом супергордиевом узле иное слишком высоко для ума война, а иное

слишком низко для его сердца. *Стратегии придется, ломая свое естество, стать зигзагообразной.*

Шутники говорили, что термин «тактика» происходит от слов «так или эдак». Какое же дать толкование слову «стратегия», раз она стала мастерицей компромиссов в противоречиях дипломатически-экономически-политико-социально-психологической обстановки?

Традиционный военный объект — армия врага — расплылся в воюющий народ, традиционный географический объект — столица — оказывается в ряду суррогатов столиц, т.е. центров разных отраслей народного хозяйства. Вильно–Смоленск–Москва — по такой траектории летела стратегическая стрела Наполеона; стрела Мольтке устремилась прямо от Седана на Париж. Ныне стратегическая идея может уподобиться мячу, гоняемому футболистами из конца в конец поля: конечная цель одна, но промежуточных много, и они находятся в областях военной, дипломатической, экономической, политико-социальной и психологической.

«Военный кабинет» разжаловал Верховного стратега: сделал его исполнителем коллективной воли. И сам Верховный стратег стал коллективом. Только воля его — в рамках осуществления полученных от «Военного кабинета» предписаний — остается единоличной, ум же его, в силу необходимости, стал коллективным.

Для простых вычислений отлично служат русские счеты-костяшки, для сложных — счетные машины, а теперь уже потребовался «электронный мозг». До Наполеона мозг стратега умел «вычислять» движения армии числом не более 100 тысяч солдат; Наполеон уже «считал» до 600 тысяч, а Великий Князь Николай Николаевич, Гинденбург и Фош «калькулировали» в миллионах. В 1943 г. советское войско состояло из 409 дивизий, 138 танковых бригад, 179 стрелковых бригад. При всей продуманности расчленения войскового управления, штаб верховного вождения такой грандиозной армии должен быть огромен. А если это воинство коалиционно, то и подавно: штаб воинства Атлантического пакта (хотя из его ведения изъяты часть морского и воздушного флотов) состоит из 109 офицеров, принадлежащих к 14 государствам, и 500 человек вспомогательного персонала; кроме этого международного штаба-секретариата генералу Норстэду подчинено два десятка крупных штабов.

Штабы распухли не от одной многочисленности солдат, но и от разнообразия оружия: командиру необходимы помощники по применению разных видов оружия и каждый помощник нуждается в штабном персонале. Верховный главнокомандующий и главнокомандующие на театрах войны (т.е. стратеги) не могут также обойтись без советников, авторитетных в учитывании и не воен-

ных элементов стратегии: психологии народных масс, социальных и политических проблем, экономики и дипломатии. Этими элементами стратег не распоряжается, но с их влиянием на стратегию он должен считаться. Его советники восполняют его знания и способность ко всеохватывающему руководству: они, во главе с ним, и являются мозгом вооруженных сил, коллективным стратегом, творящим военные планы.

Известны четыре главных типа стратегических планов:

немецкий — погром: подражая Ганнибаловым «Каннам», разгромить войско врага (Мольтке это удалось в 1871 г. у Седана. Браунхич в 1941 г. на Востоке не добился решения и полудюжиной «Канн»);

английский — изнурение врага нанесением ему уколов подальше от его клыков и когтей (в прошлом это удавалось Мальборо, но Монтомгери в 1944–1945 г. не удалось — пришлось всерьез драться);

французский — овладение географическим залогом (Наполеон I потерял на Москве, Наполеон III заработал на Севастополе);

англо-американский — террористический: подавление духа населения враждующей страны; Аттила, устрояя, побеждал; Рузвельту устроить немцев не удалось, но побочная «прибыль» от террористических бомбежек по населению (разрушение путей сообщения и промышленности) обессилила войско Германии.

Надо предвидеть пятый тип стратегического плана — советский: угроза регулярным воинством и широкое применение иррегулярного войска, а также революционных сил.

Кампания Польская (1939 г.), Французская (1940 г.) и Балканская (1941 г.) *были, вероятно, последними крупными осуществлениями идеи «блиц-крига»:* теперь возможны молниеносные операции, но большой молниеносной войны быть не может — государства стали очень живучи. В 1941 г. СССР лишился 40% своей европейской территории, 40% населения, 60% материальных богатств, а его воинство потеряло 4 млн. солдат, 60% танков и самолетов, но государство не было принуждено к сдаче (правда, просторство и климат благоприятствовали упорству в борьбе). *Стратегия молний уступает место стратегии медленного огня.*

Впрочем, Хрущев грозит молниеносной войной — уничтожением в 2–3 дня враждебных государств. Но его стратеги не надеются на такой успех их стратегического атомного удара, а, с другой стороны, рассчитывают, что американский атомный удар не выведет советское государство из войны. Они предвидят две фазы войны: если первая фаза будет атомной и если в этой весьма кратковременной фазе (6–10 дней) взаимно будут уничтожены все средства атомного единоробства — самолеты, аэродромы, склады атомных бомб и фабрики этих бомб, то наступит вторая

фаза, в которой без опасения атомного уничтожения могут выступить массовые армии. Их готовит Советский Союз, который (по предположениям на Западе) считает нужным к концу первого года войны развернуть свое войско до 250 стрелковых, 150 моторизованных, 100 танковых, 10 воздушных и 20 артиллерийских дивизий.

Западные же стратеги сосредоточили свое внимание на первой фазе, столь любезной невежественным вершителям судеб государства. Война «нажми кнопку!» прельщает их воображение: пусть наши стратосферные бомбовозы и трансконтинентальные ракеты атомно ударят по далеким целям, а нас защитят сверхскоростные истребители и управляемые ракеты — войска нужны лишь для обозначения линии фронта и для оккупации того, что зреет для захвата. Формула 1916 г. «артиллерия побеждает, пехота занимает» видоизменилась: «издалека так уничтожить, чтобы и атаковать не надо было». В западной печати не чувствуется осведомленности о наличии в Пентагоне планов, касающихся второй фазы. Держат ли их в несвойственном демократии абсолютном секрете? Уверены ли, что угроза атомного конкурента удержит Кремль от нанесения удара? Надеются ли они превентивным атомным ударом обеспечить свой народ? Или просто считают, что Америка не выдержит удара и поэтому во вторую фазу войны не вступит?

Тотально-вооруженный народ

«Каждый народ имеет такую армию, какую он заслуживает иметь». Если эту формулу Троцкого приложить к современным армиям, то приходится признать народы весьма малозаслуженными.

Армия в веках была проявлением аристократизма духа и находилась в руках аристократии — королевской при Людовиках, демократической при Наполеоне. Итальянская конституция 1948 г. гласит: «Италия есть демократическая республика, базирующаяся на труде». В пояснение к сему на первом месте стоит труд физический, а на втором — духовный: мозоли на руках ценнее мыслей в голове. Это — знамение времени, и оно кладет печать и на войско. В нем логика людей с мозолями — солдат, неохотно подчиняющихся логике людей с мозгами — офицеров. В молодой германской армии, по последнему слову демократической доктрины созданной, офицерство с превеликой осторожностью и в гомеопатических дозах внедряет здравые военные принципы. Опасаются солдатского протеста и парламентского негодования.

Воинства из королевских стали парламентскими. На маневрах швейцарской армии главную роль играл министр финансов, объезжавший штабы и следивший, чтобы оперативные и тактические планы согласовались бережливостью: поменьше потрав, поменьше расходования военного оборудования.

Войско перестало быть государством в государстве и лишилось возможности свой дух привить народу — народ диктует войску мораль и мудрость. Комиссия по выработке устройства и духа новой германской армии состояла (по сообщению газет) из 5 офицеров, 2 фельдфебелей, 2 ефрейторов, оружейного мастера, штрафного солдата, солдатской вдовы и 9 гражданских лиц.

Гражданские лица внушают войску удивительные идеи: во время Корейской войны американский «Штаб Психологической Войны» установил давать каждому перебежчику-северокорейцу 5 тыс. долларов (впрочем, некоторые члены штаба полагали, что душу воина можно оценить в 100 долларов). Но меркантильность не одолела дисциплину в армии коммунистической диктатуры, чтобы соблазнять долларами на измену. Как реагировали бы американские солдаты на такое предложение с красной стороны, неизвестно.

Деньгами пытаются подменить сознание воинского долга. Американские солдаты привыкли к денежным наградам: летчики на войне имели «комиссионные» от выполненной бомбежки. Генерал Паттон штрафовал своих офицеров и солдат на фронте за небрежность в одежде. Во время Суэцкого военного эпизода египтяне оценили голову каждого английского офицера в 100 фунтов стерлингов, а голову главнокомандующего генерала Эрскина — в 10 раз дороже. В германской армии сейчас пришли к заключению, что денежные штрафы на солдат имеют лучшее воспитательное действие, чем наказания, бьющие по самолюбию. Таков дух времени, и с ним приходится считаться.

В средневековье говорили: у воина три умения — вонзить меч в тело врага, укротить буйного коня и опрокинуть на спину девушку. Теперь насчет девушки не уменьшилось умение, мотор же укротить не надо — его надо знать, а к мечу проявляется отвращение: прямое убийство — не по нравам современному человеку. Даже палач стесняется выдернуть табуретку, а «культурно» нажимает рычажок, чтобы открылся люк под ногами казнимого. Рукопашный, штыковой бой заменен метанием гранат не только потому, что это — лучшая техника, но и потому, что нервы не выдерживают убийства собственноручного. Граната лучше — она убивает, а не я.

Войско создается из материала невысокого качества. В минувшую войну в САСШ от мобилизации было уволено 1 млн. 850 тыс. человек (12% призванных) по причине психической, умствен-

ной или физической ненормальности. Процент алкоголиков в американском народе огромен, они или не годятся для войска, или — меньшие пропойцы — ни на что не годятся в войске.

Психоатмосфера, окружающая войско, вредна ему. В Германии часть молодежи протестовала против введения воинской повинности: «Лучше быть 20 раз изменником, нежели 1 раз мертвым». В Англии писатель Тойнби и ученый Руссель воодушевляют публику фразами, которые можно перевести так: «Пусть нас красные оккупируют, но только не бомбардируют». Народный инстинкт самосохранения, патриотизм, сознание долга десятилетиями подтачивались пропагандой пацифизма и интернационализма, а сейчас к мечтателям присоединились просоветские практики: 17 международных организаций стоят в подчинении «Всемирного конгресса мира», организовавшего в 75 странах свыше 150 тыс. комитетов в защиту мира (под миром понимается не только абсолютный мир, но и всякая «справедливая» экспансия Советов, которые и войны ведут только «справедливые», а к числу последних причисляются и нападение на Финляндию и удар в спину Польши).

Войско не гордость нации. Оно не любимо, оно только терпимо. На могиле знаменитейшего поэта Греции Эсхила не было упомянуто, что он себя обессмертил написанием «Прометея», но сказано было: «Здесь лежит человек, сражавшийся при Саламине». Быть воином — почетнее всего. Отныне офицер принужден на улице скрывать свое звание ношением гражданского платья. Немудрено, что в Сен-Сирскую школу в 1913 г. на 1 тысячу вакансий было 3 тысячи 700 прошений, 40 лет спустя — на 250 вакансий только 400 прошений.

Снижение психического и физического качества военнo-людского материала принуждает снижать требования к воину и к войску. В иррегулярном войске гражданин-воин обладает сугубо милиционными качествами — нервностью, впечатлительностью и малой способностью к перенесению опасностей. В регулярном войске воин-гражданин с неохотой подчиняет гражданские права воинским обязанностям. *Лишь коммунистическая власть смеет тренировать солдата в неприхотливости и выносливости.* В войсках демократических государств воина обласкивают нежным обращением и ублажают комфортом. Рим пал, когда его легионы стали изнеженными.

Установлены курьезно-краткие сроки службы, чтобы молодые люди не «теряли» своего драгоценного времени на пребывание в казармах. И хотя огромны духовные требования к современному, уже не одиночному, а изолированно-самостоятельному бойцу, его душу не успевают сформировать в казарме — дают ему обучение, но не воспитание. Один немецкий рекрут отказывается вый-

ти на занятия — они ему противны; военный суд признает дело неподсудным, а гражданский суд приговаривает непослушного гражданина к двухнедельному аресту. Английский солдат бежит с поля сражения, и военный суд его оправдывает: ведь бедняга не мог совладать со своими нервами. <...>

Воспитательные приемы в нынешних армиях бывают оригинальны: командир показывает своим солдатам очаровательную молодую актрису и, чтобы придать тактическому учению интерес, приказывает обороняющейся стороне увести девушку, а наступающей стороне ставит задачей отвоевать красавицу. *В войска прокиаает Голливуд.*

Впрочем, наряду с чудачествами, войска стремятся достичь наилучшего использования людского материала: путем психоанализа пытаются поставить каждого на место, соответствующее его темпераменту, менталитету, психическим свойствам. Но психоанализ — наука опасная: она нередко дает солдату оценку «не годится для линии огня», чем узаконивается трусость. Она же побуждает судей оправдывать тяжких преступников. Для наиболее тяжких есть диагноз: «шизофрения». Если у атомного предателя было «раздвоение личности», то следовало казнить его злую половину, хотя бы при этом погибла и добрая. Но, скажут, это ведь логика «военщины».

Время сейчас своеобразное: лучший воин Франции, Петэн, закопан на тюремном кладбище, глава «резистанса», де Голль — в чести и на вершине власти. Это своеобразие времен влияет на дух воинства и на стратегию. *В воинстве снижена культура воинской добродетели.* В стратегии — оползень с высот классического искусства регулярного воинства в низину джаз-банда всенародного воевания. Тотально, от мала до велика, независимо от пола, народ участвует в тотальной войне, применяя тотально-многообразное оружие: тяжелое оружие боя, облегченное оружие партизанского воевания, потайное оружие партизанского воевания, потайное оружие террора и диверсии, дешевое «оружие-слово» и общедоступное «оружие» — вредительство и саботаж. Применение традиционного оружия, оружия боя связано с такими опасностью и самопожертвованием, к каким не склонен современный эгоцентричный человек. Поэтому *стратегия перемещает центр тяжести войны в сторону борьбы более легкими и популярными видами оружия. Это изменило лик войны.*

Оружие боя и убоя

При Петре I ружье било на 300 шагов, а пуля попадала метко на 60. Два века увеличивали дальнобойность, но, придумав отличное оружие дальнего пехотного боя — пулемет, продолжали

мучиться обучением рот дальнему огню. Теперь догадались оставить дальнее поле пулемету, а для ближнего дать пехоте карабин и автомат.

Танк, вооруженный пехотным пулеметом и артиллерийским орудием, восприняв пехотный натиск и унаследовав кавалерийское дерзновение, сотворил ударные дивизии большого маневренного размаха, упразднив в пехоте ударные дивизии — в пехоте осталось множество, но не отбор.

Танк сделался и ударной артиллерией, но старая, в своей мощи уверенная артиллерия стала опаснейшим врагом танка: она вместе с миной, базуккой и самолетом отнимает у танка гегемонию.

Артиллерия завершила минувшую войну эффектной концентриацией 22 тысяч орудий при прорыве к Берлину. Мощью она одолела фортификацию, а дальноточностью достигла поражения отдаленных целей. Она еще не исчерпала всех возможностей химии порохов и механики, как наступили для нее сумерки: любимица артиллеристов, легкая пушка, уже после Первой Всемирной войны оказалась замененной гаубицей, а теперь гаубицу заменяет ракетомет, орудие упадочное с точки зрения артиллерийского искусства.

Примитивная ракета, которую полки Скобелева вызывали паническое бегство коней коканской кавалерии, модернизированная изобретением «сталинского органа» и доведенная ныне до способности лететь к Луне или вертеться спутником Земли, стала фаворитом на суше, на море и в противосамолетной стрельбе.

Тысячу лет назад французские рыцари говорили:

Презрен тот, кто первым начал из лука стрелять:
Он был трусом и не смел наступать.

Если лук был оружием уклоняющегося от соприкосновения с врагом, то что сказать о трансконтинентальной ракете? Но, оставив без рассмотрения моральную сторону вопроса, надо сказать, что ракетометание будет декадентским способом поражения, пока оно не научится преодолевать рассеивание своих снарядов, достигающее на дальних дистанциях многих километров. Конечно, «детская болезнь» ракеты будет излечена улучшением баллистических ее свойств, телеуправлением и, может быть, высылкой «передовых наблюдателей» — летчиков с телеуправляемыми приборами для точного нацеливания ракеты. Впрочем, последний способ, как и фантастическая мысль о посадке в ракету наводчика-парашютиста, напоминают о неудаче японских «камикадзе», с малой пользой погибавших в самоубийственных атаках на «летающие крепости» в воздухе и на корабли в море. Во всяком случае, ракетам сулят блестящее будущее. Но в военном деле только духовное не уравнивается, материальное же

стремится к равновесию; надо предвидеть, что будет изобретено противоракетное оружие и тогда ракету постигнет участь всех военно-технических «вундер-киндов» — она станет в ранжир строя видов оружия.

Ракета стремится помочь пушке согнать с неба самолет. А самолет, пользуясь метеорными скоростями и стратосферными высотами, управляемый радаром, несет к цели свое мощное оружие — бомбу. Авиационная бомба гораздо мощнее равного ей по весу артиллерийского снаряда и несомненно «дальнобойнее» его. Самолет дополнил поле артиллерийского действия неограниченным пространством бомбометательного действия. Бомбосносный самолет растянул дистанции морского боя на сотни километров, что, в связи с установкой на кораблях ракетометов, грозит судовой артиллерии разжалованием во вспомогательное оружие. Но, вооружаясь по последнему слову техники, флот воскресил оружие древних галер — таран и применяет его в схватках малых единиц. Глубинная бомба и радар под конец минувшей войны парализовали подводную лодку. Полно драматизма было состязание между подводной лодкой и противолодочными средствами, и оно продолжается и ныне, обещая большие неожиданности в будущей войне.

Война не ограничилась усовершенствованием убойного оружия — она ввела в употребление оружие истребительное. Разница между ними в следующем: убойное оружие пронизывает — более или менее густо — пространство боя убивающими частицами, а истребительное оружие насыщает это пространство убивающими частицами, делая пребывание в нем невозможным для человека.

Переходными видами от убойного к истребительному оружию сперва был огнемёт, а теперь напалм с его сжигающим действием.

Уже в 1855 г. во время осады Севастополя английский химик Дендональд предлагал «выкурить» защитников Малахова Кургана сожжением дров, соломы, угля и серы. Тогда же англичанами были применены «вонючие бомбы» при обстреле Одессы. От этих предков появились в 1915 году душливые газы, первое «научное» истребительное оружие. Боевые газы, примененные в Первой Всемирной войне, превратили бой в убий. Химия позаботилась о разнообразии типов газового оружия: слезоточивые, удушающие, комбинированные (побуждают скинуть маску, а затем отравляют), мучительные (вредят коже и внутренним органам), явные и потайные (неприметно в течение известного времени приводящие к тяжелым заболеваниям). Говорят о существовании газов усыпляющих, временно парализующих, отнимающих у воина волю. Если бы боевая химия осталась на уровне 1915 года, то она бы и теперь имела широкое применение. Но, к счастью, она стала столь ужасной, что люди страшатся применять ее. Не из соображений гуманности (фанатики гуманности

погребли ее в 1918 году, по заключении перемирия продолжили голодную блокаду Германии) — страх перед газовым возмездием удерживает от газового нападения.

Другим чудовищным видом оружия убоя, истребительного оружия, является фосфорная корзинка. Тысячи людей были в бомбоубежищах Гамбурга и Кенигсберга сжарены фосфором, развивающим температуру в тысячи градусов, а выскакивающие на улицу прилипали подошвами к размякшему асфальту и сгорали живыми факелами; были Нероновы факелы, теперь история запомнит Черчиллевы факелы (кстати, сэр Уинстон претендовал на получение Нобелевской премии за мир).

Непревзойденным истребительным оружием является термоядерное. Впрочем, рекорд истребления поставлен не им в Хиросиме, а обычными бомбами в Дрездене, где в одну ночь авиацией было погребено под развалинами домов, разрушенных или сожженных, 250 тысяч женщин, детей и инвалидов. «Тот, у кого нет больше слез, заплачет при виде гибели Дрездена», — сказал престарелый Герхард Гауптманн. Пожалуй, некому будет и плакать, когда в будущей войне решатся применить термоядерное оружие, действие которого теперь несоизмеримо с Хиросимским. <...>

Оптимисты, как Фуллер, полагают, что страх перед атомной бомбой не только удержит от ее применения, но — даже от войны. Однако медицина знает случаи, когда больной кончал самоубийством из страха смерти.

Военные средства

Благородное слово «оружие» сопрягают со средствами борьбы, поистине мерзостными. Говорят: «бактериологическое оружие», «токсикологическое оружие». Достоверно известно, что ядами пользовались итальянские партизаны для отравления колдцов в районах расположения немецких войск; достоверно известно, что американцы не «подбросили» бактерий в Корею, но что эпидемии в ней были естественным следствием военного хаоса и коммунистического «порядка». Вероятно, военные ведомства держат связь с лабораториями на случай, если обстоятельства или провокация принудят к применению этих военных средств, но планами войны такое применение, конечно, не предусматривается.

Говорят также: «оружие-слово», «психологическое оружие». С точки зрения публицистики выражение «оружие-слово» великолепно, но в военной номенклатуре «слово» надо отнести к категории не оружия, а военных средств. Крик «ура!» это не оружие, но средство дать наступательный порыв носящим оружие. Психология тоже не есть оружие: она является средством наилучшего планирования применения оружия.

Хотя и материалисты, американцы поняли значение науки о нематериальном, о психозе и создали в минувшую войну при верховном командовании «Отдел психологической войны» (примечание: «психологическая война» — бессмыслица, потому что надо отличать понятие общее «война» от понятия частного — «психологические методы ведения войны»). Такие отделы штабов необходимы не только при верховном стратеге; и на менее высоких ступенях иерархии нужны если не коллективы, то советники по вопросам борьбы в четвертом измерении войны.

Психологический метод заключается в установлении национальных целей войны, в расположении их в порядке их важности и в направлении всех действий к этим целям. Все виды деятельности правительства должны быть согласованы с психостратегическими планами и действиями. Во-вторых, он заключается в выяснении психостратегических планов врага и способов противодействия им.

Психологический отдел штаба Эйзенхауэра по высадке в Европе изучал, опрашивая пленных, состояние духа Германии. В сентябре 1944 г. Гитлеру доверяло 60% пленным и в победу верило 46%, а в марте 1945 г. эти проценты снизились соответственно до 31 и 11. Поэтому в марте напрашивалось решение главные пропагандные усилия и боевые действия направить не столько на ослабление веры в Гитлера, сколько на окончательное разрушение остатка веры в победу.

О военной психологии полководцы знали за тысячи лет до возникновения науки «Военная психология»: первобытные войска применяли «психические атаки», т.е. воинственным кличем смущали врага, тем усиливая физическую мощь своего удара. «Психической обороне» служили размалеванные на стенах китайских городов драконы. Военная психология учит, что и небольшое на фоне большой войны событие может иметь грандиозные психологические последствия: потопление «Луизианы» вызвало такое возмущение, что имело результатом вступление Америки в войну против Германии. Восемь десятилетий тому назад Франко-Прусская война — битва у Гравелотта, осада Парижа — не волновали ни русских, ни балканцев, ни испанцев, не говоря уже о народах других континентов; ныне же психологический эффект взятия Роммелем Тобрука или сдачи фон Паулюса у Сталинграда распространялся до краев земли и создавал благоприятные или неблагоприятные для Германии настроения, а за настроениями следовали и поступки (например, разрешение или воспрещение в нейтральном порту погрузить уголь на пароход, снабжающий крейсирующий в океане немецкий военный корабль).

Лабиринт психологии войны еще не освещен научным познанием. Стратеги идут ощупью, но должны идти, потому что в эпоху властвования масс надо, воюя, считаться с психологией масс.

Террористическая стратегия англо-американцев имела не столько материальную цель — разрушение промышленности, сколько психологическую цель — разрушение духа населения. Поэтому на германские промышленные объекты было сброшено только 140 тысяч бомб, а на города 430 тысяч. Тут психологическое вождение ошиблось, плохо учтя свойства немца: в страданиях борьбы он укреплялся в решении бороться до конца. Такое же действие имел и ставший известным в Германии план американского еврея Моргентгау, добивавшегося превращения Германии в агрокультурную страну путем уничтожения всей ее промышленности. <...>

Психостратегам трудно предвидеть все последствия их психоманевров: миф об «унтерменшах» помог внушить немцам необходимость драться против вчерашнего друга на Востоке, но когда этот Восток двинулся в 1944 г. на Германию, то население ее угрожаемых областей в панике от нашествия «унтерменшей» хлынуло назад, препятствуя движениям войск и нарушая хозяйственную систему неугрожаемых областей.

Геббельса надо признать гением психологического вождения воющего народа. Он знал душу немца. Немец самоуверен — его самоуверенность подымали эффектно поднесенные победные репортажи; немец рассудителен — пред ним во всеуслышание (с умеренностью, конечно) анализировали ошибки в ведении войны; немец горд — его взвинчивали отвращением к капитуляции, и он укреплялся в своем упорстве. Но понимания духа других народов у Германии не было, и поэтому ее цели войны вели к поражениям в сражениях идей. «Новая Европа» не справилась с идеею «Против тирана! За демократию!», а «расчленение России» не справилось с идеею «Отечественной войны». *И в будущем проиграет психосражение тот, кто вообразит, что Россию можно расщепить: единство России — не атом.*

Не только цели войны, но и отдельные действия на войне должны быть предварительно взвешены на весах психостратегии и психооперативки. Требование пропуска германских войск через Югославию для нападения на англичан в Греции вызвало «путч» Симовича и войну, на 6 недель задержавшую начало Восточной кампании. Черчиллев приказ от 11 мая 1940 года приступить к бомбардировке незащищенных городов (начали с Фрейбурга) кажется английскому министру Дж. Спэйту «великолепным решением... столь же героическим, как решение русских принять тактику выжженной земли»; но Черчилль развязал руки немцам: исчезло свойственное им уважение к закону и международным правилам, и они жестокой бомбардировкой Коверти начали штурм Англии с воздуха.

В прежнее время полководцы не должны были так считаться с психологией в оперативке, а о стратегических сражениях не было и понятия. *Ныне на лике войны явственно изображаются психи-*

ческие процессы в воюющих массах. Как атака без артиллерийской подготовки не дает обычно победы, так и стратегические действия должны быть предваряемы психологической подготовкой. В наше время и тираны вынуждены свой произвол декорировать ложным народным энтузиазмом. Массы, властвуя или думая, что властвуют, не любят приказа; правители не любят уговаривания-керенщины; остается одно: убеждать, внушать идеи. Рузвельт дал клятву американским матерям, что их дети не будут посланы воевать за океан, а через короткое время те же матери сочли необходимой военную интервенцию в Европе: им внушили идею активного антинацизма. Идеи надо вколачивать, как вколачивают гвозди. Этим занимается пропаганда. Как бриллиант оправляют в золото, сказал Вольтер, так идею надо оправить словом. Впрочем, пропаганда вправляет подчас и не бриллианты, а камни, не имеющие ценности.

Неуверенная в себе наука «психология масс» и уверенные в себе диктаторы от Гитлера до Насера подняли на такую высоту искусство пропаганды, что из вспомогательного средства стратегии, дипломатии или внутренней политики она превратилась в огромную силу: с интервенциями военными стали возможны и пропагандные интервенции, подобные Насеровым в Аммане и Дамаске.

Война XX века не есть чисто военное предприятие: в ней политики не меньше, чем тактики, в ней пространство надо завоевывать и войском, и пропагандой: теперь народ может не признать физического завоевания и продолжать духовное сопротивление («резистанс») даже и по капитуляции воинства. Надо пропагандою влить эликсир жизни в свои массы и яд во вражеские, и надо пропагандным противоядием спасти своих от неприятельского яда. Неизвестно, кто больше способствовал разгрому Франции: прорвавшийся ли от Седана к морю Гудериан-танкист или Марти — коммунист, введший среди французов моду (в 1939–1940 гг.) на пуловеры с вытканной надписью «Pourquoi?» — «К чему воевать?»

Наряду со сражением идет и бой внутри политических программ. Последнее обстоятельство упраздняет формулу «Армия вне политики», продукт недоразумения: в старину объявили армию, инструмент государственной политики, вне политики, потому что тем же словом «политика» определяется и деятельность в государстве. *Воинство — вне партийности, но оно — в политике, в государственной политике, и оно должно кольчугой политического сознания быть защищено от политических и партийных стрел врагов внешних и внутренних.*

Пропаганда нападательная и оборонительная обречена на провал, если она похожа на пропаганду. Тон пропаганды должен быть подобран применительно ко вкусу, психике каждого народа.

Пропаганда борется для пользы стратегии, руководствуясь указаниями психологии...

Первая Всемирная война была и первой пропагандной борьбой. Начальные шаги массовой пропаганды были шатки. Тогда вообразили, что первой жертвой войны должна быть правда, и залили собственные страны, и вражеские, и нейтральные морями лжи. Казаки, пожирающие детей; сестры милосердия, приканчивающие раненых, сердцещипательно преподносили пропагандой ужасов. Некий офицер английской разведки выдумал, что немцы перетапливают трупы врагов на стеарин для свечей и на маргарин для кормления свиней; это вызвало такое возмущение, что Китай стал на сторону Антанты, а в США тысячи людей хлынули в вербовочные бюро.

Но во Вторую войну поняли, что сто правдивых сообщений не восстановят доверия, подорванного одной ложью. Пропаганде вымышленных ужасов предпочли пропаганду страха: Гитлер страшил врагов намеками, что располагает оружием чудовищной силы. Рузвельт же пугал сограждан скачком нацистов через океан, и янки поверили этому, хотя знали, что Гитлер оказался не в состоянии перескочить Ла-Манш. Народ не верит очевидности, если не хочется верить, и верит «возвышающему обману»: в Белграде в 1944 г. мечтали о приходе «братьев-руссов» и верили, что они приплывут на лодках, которые так малы, что могут пройти через Джердапские пороги на Дунае, а в то же время так велики, что вмещают по роте каждая.

Пропаганда должна избегать лжи — с нею «мир обойдешь, но назад не воротишься» — и предпочитать ей извращение понятий, внушение ложных представлений. В этом отношении радиостанция Би-би-си была на большой высоте, но ее предварял талантливый немецкий радиовещатель Ганс Фриче (за что в Нюрнберге его повесили): предвидя английское сообщение о каком-либо печальном для Германии факте, он сам сообщал немцам об этом факте, давая ему свое освещение, а потом спорил с Би-би-си, в результате чего в Германии его считали рыцарем правды, а английскую станцию лживой.

Такая борьба против пропаганды действительно запрещенная слушать вражеские радиовещания или продажи населению (как было в СССР) аппаратов, принимающих лишь одну, правительственную волну. Борьба в эфире стала ожесточенной, и на радиоглушение тратят больше энергии, нежели на радиовещание. Но техника и изобретательность пропагандистов дают пропаганде огромные возможности. *Чтобы использовать эти возможности, оборонительная и наступательная пропаганды должны быть хорошо организованы и руководимы. Верховный пропагандовец так же необходим, как верховный полководец.*

Пропаганде словом (радио, публичные речи, шепот), печатью, графикой, сценой, киноэкраном, выставками и т. д. должна спо-

собствовать пропаганда делом: своевременный, хотя бы и мало-важный, но эффективный боевой успех дает отличные результаты в состязании нервов, в психологических сражениях, руководимых пропагандовцами. <...>

Иррегулярство

В 1812 г. генерал Кутузов выслал на коммуникации Наполеона «корволаны» (летучие отряды) Фигнера, Сеславина и казацьи. По недоразумению, история назвала их партизанами, но партизанами были не они, а крестьяне, взявшиеся за оружие против врага. Их действия и испанская герилла, а затем политическая и психологическая особенность гражданских войн в России, Испании, Греции, Китае и, наконец, поучения кровавой борьбы в Индокитае, Корее и на Малайе, а в особенности многообразие форм иррегулярных действий в войне 1939–1945 гг. *должны были побудить военную науку заняться изучением феномена воевания не в поле, а в народе.* Но старообрядческая психика офицерства препятствует осознанию того, что открылось французским поручикам и полковникам в Вьетнаме, где оказались перевернутыми тактика, военная администрация, воинская психика. На Западе феномен этот не изучают в должной мере (книга генерала Хольмстона «Война и политика» блистает одинокой звездой на темном небе незнания); на Востоке феномен не может быть изучен правильно вследствие марксистской предвзятости. *А изучать есть что.*

Народ перестал быть пассивным зрителем или безмолвной жертвой единоборства войск. *Народ воюет.* Гражданин свободной страны привык к тайному, но упорному сопротивлению мучителям. Это — предпосылки для того, чтобы во время войны воспротивиться оккупационной власти в сотрудничестве с родным войском или подняться против власти страны в союзе с другой воюющей стороной.

На периферии этой народной борьбы стоит акция неповиновения (саботаж), в которой без большого личного риска может принять участие великое множество людей обоего пола и всех возрастов. *Вторая форма борьбы — вредительство.* Это уже не просто невыполнение распоряжений властей, это — связанное с известным риском причинение ущерба порчею машин, продуктов и т. д.; тут нет предела изобретательности и инициативы. Эти две периферийные формы не требуют ни организованности, ни поддержки извне: тайные группы из членов революционно-политической партии показывают пример, заразительность которого побуждает широкие круги населения подражать увлекательным образцам. Участие в этих двух видах сопротивления может принять эпидемический характер, если тому соответствуют духовные свойства народа, если война создает надлежащую психологическую атмосферу и если в массы будут брошены психоло-

гически ударные политические лозунги. Направлять сопротивление может, пользуясь своим опытом мирного времени, дипломатия, но, конечно, согласуясь с планами стратегии.

Стратегия же берет в свои руки управление такими формами борьбы, как диверсия и террор. Диверсия — это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т.п.) и военных (амбары с зерном, нефтеводы и т.д.). Террор низовой — это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сочувствующих противной стороне; террор верховой — по принципу Пугачева «рубят столбы, заборы сами повалятся». Диверсию и террор в тылу врага выполняют специалисты, доставленные в надлежащие районы на самолетах или подводных лодках (если невозможен простой переход линии фронта или границы); такую же акцию проводят и местные диверсионные и террористические группы («пятые колонны»), а кроме того и партизанские отряды выделяют, при надобности, небольшие партии. Все это укладывается в рамки иррегулярной организованности и тактического, а может быть, и оперативного руководства.

Пятой формой иррегулярного воевания является партизанство, то есть вооруженные действия отрядов, формируемых населением. Местные отряды собираются от случая к случаю и действуют каждый в своем округе; постоянные отряды прячутся в горах или лесах и обладают некоторой подвижностью, но не отрываются от родных деревень, потому что их население доставляет им снабжение, заботится о раненых и собирает разведывательные сведения; отряды из пришлового элемента (бежавшие военнопленные, переброшенные через фронт специальные команды и т.д.) могут быть и подвижными, т.е. способными к переброске по распоряжению высших партизанских штабов из одного района в другой; такие отряды бывают вынуждены силою добиваться содействия населения, их чуждающегося; подобное насилие не всегда возмущает население — иной раз оно даже радуется принудительной мобилизации в партизанские отряды; факт принуждения снимает с населения круговую ответственность, а с мобилизованного — и часть личной ответственности. *Шестой и высшей формой народной борьбы является восстание*, когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие.

Классической надо признать акцию населения Польши в 1939–1945 годах: она прошла, постепенно развиваясь, через пять стадий и завершилась шестой стадией — восстанием генерала Бор-Коморовского в Варшаве (40 тыс. бойцов). Но вполне возможны случаи неполного развития иррегулярства или ограничение его одной какой-либо формой борьбы (как, например, в Чехии, где дальше саботажа не пошло). Все зависит от свойств народа, от

политики его врага, от случайности — появление, скажем, даровитых атаманов.

В Москве уже в 1933 г. была издана Инструкция о партизанской борьбе, но лишь на третьем году войны Сталину удалось организовать иррегулярное войско, декоративно поставив во главе его Ворошилова. Верховный штаб прибрал к рукам все множество (до 300 тыс.) партизан, а затем распространил свое влияние и за границу (тогда в ставку Тито прибыли советские «спецы»).

Воевание без войск — воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого. Иррегулярство, не поддержанное войском (инструкторы, оружие, медикаменты, одежда, деньги), беспомощно. Оно становится мощным, получив и материальную поддержку войска, и моральную: успехи войск усиливают активность иррегулярных сил и увеличивают их численность (по появлению Эйзенхауэра в Алжире Италия выставила 100 тыс. партизан, а по занятии американцами Рима — 250 тыс.). Красная армия кинула в партизанский район конный корпус Белова, чтобы он, раздробившись, укрепил костяк партизанских отрядов. Удавалось координировать действия отрядов общей численностью до 10 тыс. человек, давая такой массе задание сотворить хаос в тылу немецкого сектора, на котором красные войска предпринимали наступление. Продуктивность партизанских действий увеличивалась прикомандированием к отрядам минеров, связистов, разведчиков, офицеров Генерального штаба. В одну ночь июня 1943 г. в центральной части Восточного фронта было заложено 10 тыс. мин; в Югославии на линии Загреб–Белград в одну ночь были подорваны рельсы в 80 местах; ежемесячно на Восточном театре жертвами взрывов становились 200 немецких паровозов; борьба против иррегулярного войска Виетмина обошлась Франции в 1400 убитых офицеров и 60 тыс. солдат — убитых, раненых, попавших в плен, а также в 3 тысячи миллиардов франков. Тито с помощью партизан овладел горной частью Хорватии, образовал партизанское государство и, давши своим бандам подобие войсковых дивизий и бригад, оторвал их от родных мест и пошел завоевывать Сербию. Партизаны Кубы ставили даже Соединенным Штатам ультиматумы и уводили в плен их граждан.

Иррегулярная сила стала мощным фактором войны. Кто из офицеров с нею вдумчиво соприкоснется, пред тем *открывается новый военно-политический мир*, в котором заменены: долг — фанатизмом, храбрость — лукавством, благородство — жестокостью, традиции — импровизацией, порядок — своеволием, иерархия по старшинству — выдвижением энергичнейших, государственная идея — оппортунистическими лозунгами, унаследованная этика — учетом полезности, слово разума — криком буйства. Этот странный для офицерства мир врывается в войну, в страте-

гию — именно в стратегию, потому что иррегулярные силы за время одной войны от тактики шагнули в оперативку, а теперь вступили в стратегию: почти все войско Франции — 450 тысяч — привязано к Алжиру, где партизанят сотни, террорствуют тысячи, а саботируют миллионы арабов.

На некоторых секторах некоторых театров будущей войны народное сопротивление создаст анархию, на иных — диверсия-террор вызовут смятение, на третьих партизанство или восстание парализует вражеское воинство, а на четвертых все вместе взятое превратит войну в ничем не сдерживаемую борьбу политических фанатизмов, безумствующих в убийствах и разрушениях, на фоне которых хладнокровные бои войск будут казаться атаками милосердия к противнику. <...>

Революцию на войне пожрет лишь контрреволюция. Деструктивное можно одолеть только конструктивным. *В борьбе против иррегулярства победу дают не карательные экспедиции и не овладение территорией, но овладение душой.* Суворов, сражаясь против революционеров-французов, говорил: больше благородством побеждать, нежели оружием. <...>

На пепелище права

...Сделан набросок лика войны. Он страшнее злобных образин идиолов Китая. Он страшит человечество, но все же люди будут вынуждены поклониться немилосердному истукану.

Тогда столкнутся в преодолении ужасов войны фанатическое спокойствие азиатов, энергия племен вступающей в жизнь Африки и сознательная воля белых народов, которая в час смертельной опасности приходит на смену обычному легкомыслию. Упорство, организованность и экономическая сила Западного блока победят напористость коммунизма и выносливость его русского и китайского рабов. Запад может преодолеть утомление, лишения, кровавые потери. Не одолеть ему лишь истребительности атомного оружия. Скученность западных народов и их нервность создают большую физическую и моральную уязвимость по сравнению с СССР.

Садясь за шахматный столик, стратегия Запада не должна сметь предложить шахматный гамбит: он привел бы к получению мата. Стратеги должны угрозой атомного рипоста чудовищной силы удерживать безумие и низость властителей Востока от «раз-вязаывания» атомных стратегических действий. Блок свободы и человечности должен вооружиться для безотомной победы. Такой стратегией Запад не только избежит гибели, но и предотвратит совершение человечеством самоубийства.

Но и не согрешивши атомно, человечеству придется, после Третьей Всемирной, отмаливать множество грехов. Оно еще не отмолило грехов, свершенных во время Второй Всемирной.

Пусть, по выражению Кайзера, международный договор — не более, чем клочок бумаги. Это — договор фальшивый, подобный коммерческому: его иногда расторгают. Но договоры моральные нерасторжимы. Даже «жестоковыйный» еврейский народ старался выполнять договор с Богом. А теперь, во время минувшей войны люди расторгли договор с Богом, поправши моральные обязательства. Эти обязательства были зафиксированы и формулированы параграфами резолюции Гаагской конференции «О законах и обычаях сухопутной войны». В 1912–1914 гг. знатоки международного права стали давать этому соглашению талмудское толкование: для спасения государства можно нарушить эти законы и обычаи, но для выполнения тактических или оперативных планов — нельзя. С этим «нельзя» Черчилль не посчитался и, нарушив § 25 Гаагской конференции, приказал, лишь только стал верховным стратегом Британии, приступить к террористическим бомбежкам. Среди каждых 100 жертв этого стратегического террора было: 20 стариков, 20 детей, 40 женщин и только 20 мужчин (в том числе раненые инвалиды).

Существовали международные правила обращения с военнопленными. С ними перестали считаться: пленных заставляли работать в военной промышленности и тем способствовать их врагу; их поворачивали на 180 градусов и побуждали воевать против родного войска; советские партизаны безжалостно уничтожали пленных; осенью 1944 г. французский командующий генерал приказал за каждого своего солдата, убитого из засады, казнить 5 военнопленных германцев.

4-я Гаагская Конференция (1907 г.) установила *правила участия населения в военных действиях:* партизаны должны носить отличительный знак и не смеют снимать его или прятать оружие; только законная власть может назначить им ответственных начальников; партизанские отряды обязаны соблюдать военные законы и обычаи; после капитуляции всякое сопротивление должно прекратиться. Ничто из этого не выполнялось. Партизаны были не явными воителями, а коварными убийцами; зачастую возглавляли их безответственные, никем не назначенные атаманы; руководили ими не законные правительства, а беженские комитеты (поляки в Лондоне) или представители иностранных властей (сын Черчилля и генерал Маклин при Тито); коварство и жестокость итальянских, французских, польских партизан не поддаются описанию...

Моряки тоже грешили жестокостями. В 1943 г. у Новой Гвинеи американские катера и самолеты топили японцев (пехоту и матросов), пытавшихся вплавь спастись с потопленных пароходов; японские крейсера в Индийском океане, чтобы скрыть свое присутствие в этих водах, топили пароходы вместе с командами; англичане делали то же самое в Атлантическом океане просто из

злобы против германских «прорывателей блокады» (грузовых пароходов).

Жестокость в отношении не воевавшего населения не имела границ. Пример тому показали, конечно, англичане, всегда старавшиеся «усовершенствовать» войну: впервые в 1900 г. генерал Маскуэл соорудил концентрационный лагерь и засадил в него около 120 тысяч бурских женщин и детей, заморивши в нем насмерть 30 тысяч. Гитлер соорудил множество концентрационных лагерей и в них предписал жестокость общую, жестокость специальную (медицинские опыты над людьми) и жестокость «библейскую» (расовое истребление). Режим в отношении «остарбайтеров» был бесчеловечен. А насильственное возвращение после войны миллионов этих несчастных россиян, равно как изгнание немцев Польшей и Чехословакией, относится также к категории военных преступлений (при изгнании погибло полтора миллиона немцев, а сколько погибло из возвращенных россиян, никогда не станет известным).

Заложенное Русским Царем здание Международного права сожжено во Вторую Всемирную войну. На его пепелище пытаются — без всякого воодушевления — строить какие-то шалаши: на большее не хватает у государства доброй воли. Красный Крест хочет контрабандой протаскать воспрещение истребительного оружия, осторожно включив туманную о том фразу в проект Конвенции о защите населения. *Проект этот, плохо защищая население, выдает с головой офицеров, давая всеми параграфами возможность каждому пострадавшему от войны лицу возбудить против офицеров обвинения в совершении «военных преступлений», ставя им в вину поступки, проистекающие от естества войн и от природы воинской дисциплины.* Конвенция 1949 г., не воспретив гражданам убийство воинов из-за угла, воспретила взятие заложников и репрессии: воинство выдано на произвол террористов.

Права военнопленных снова ограждаются, но признается ли право казнить военнопленных, если они в плену продолжают воевать, как это делали красно-корейцы?

В 1950 г. Организация Объединенных Наций разработала «Свод законов, гарантирующих мир и безопасность человечества». В этом шедевре фарисейства предусмотрены три группы преступлений: против законов и обычаев войны, против человечества и против мира. Что сие означает, можно судить по тому факту, что в Нюрнберге германским адмиралам ставилось в вину, что они создавали перед войной флот «для агрессии». Теперь надо рекомендовать адмиралтействам творить военные флоты для рыболовства или для народного туризма.

К международному праву приложимо пессимистическое мнение Сократа: «Разве право когда-либо остановило кого-либо от захвата того, чем он был в состоянии овладеть?» Однако в не-

давнее время в Финляндии никто не замыкал домов: в морально-здоровой среде право даже и не нуждается в силе. Международному же праву недостает и принудительной силы, и — в наш век — морально-здоровой среды. Что может поделаться право с логикой поклонников истребительного оружия, говорящих: принципы могут быть моральными или аморальными, техника же нейтральна, а поэтому применение такой техники, как водородная бомба, не противоречит морали, не является аморальностью?. <...>

«Победителей не судят». Это значит: прощаются воину ошибки в ведении военных операций, раз довел до победы. Теперь же «победителей не судят» стало означать: победителей не надо наказывать за незаконные действия, побежденных же можно казнить за законные. Победа или поражение определяют отношение к «военным преступлениям» — такова мораль века.

Впрочем, английский генерал Гаррис, издавна специализировавшийся в Индии, Месопотамии и Тринидаде на аэропрессиях, возглавивший в минувшую войну террористическую авиацию Англии и после войны заявивший, что выполненное им в 1943 г. сожжение Гамбурга и его жителей фосфором было большей победой, нежели Сталинградская, и имело большее значение, чем высадка в Нормандии, этот Гаррис оказался единственным британским высшим военачальником, не получившим пэрского достоинства. И никто из летчиков террористической авиации не внесен в хранящуюся в Вестминстерском аббатстве почетную книгу погибших при обороне Острова. В Англии после войны «совесть Господь пробудил». Немножко.

Было бы лучше, чтобы совесть пробуждалась не после войны, а во время ее. Народам, правительствам и их воинствам придется бороться против больших искушений: современная дипломатия, политика, стратегия и военная техника таят в себе соблазн идти к победе бессовестным манером.

Только две силы могут воспротивиться этому искушению: страх Божий и воинская честь.

* * *

Пацифизм был мечтой о всеобщем прекраснодушии. Он стал пораженчеством, когда ограничился проповедничеством на Западе, не проникая на агрессивный Восток. Пацифизм был фантазией. Он стал реальным предательством, когда начался поход коммунизма ко Всемирной революции.

Совесть, разум и инстинкт самосохранения требуют сопротивления коммунизму. Когда откажут другие способы — сопротивляться войной. Поклониться войне, как бы страшен ни был лик ее. Страшное не устрашает мужественного. Не в силах современный человек сделать лик войны не страшным. Но в его силах не допустить, чтобы он стал подобным смертоносному лицу Медузы-Горгоны.

Запад должен отказаться планировать войну в атомном стиле — как стратегически, так и тактически. *Назначением атомного оружия должно быть — обоюдное принуждение не применять атомного оружия.* Страх перед возмездием удерживает от преступления. Даже бесчестнейший полководец не посылает к противнику тайных убийц, потому что опасается, что такой способ борьбы обратится против него же.

Малодушие утверждать, что Запад иначе, как атомным оружием, не может победить красный блок. *Победе Запада благоприятствуют соотношения потенциалов численности, экономики, техники и, в особенности, социала и политики: на Западе меньшинство бедно и антинационально, а на Востоке большинство нище и антикоммунистично.*

Угрозой истребления изъявши из войны истребление, мы удержим ее на базе многотысячелетнего военного принципа силою духа и оружия принуждать противника к прекращению сопротивления. Война остается ужасной вследствие ее грандиозности, многосложности и тотальности. Герои Троянской войны ужаснулись бы размеров и стиля войн Ксеркса, Александр Македонский растерялся бы на месте Наполеона, а «Маленький капрал» дивился бы Гинденбургу, Фошу, Эйзенхауэру, их способности руководить операциями в грандиозно-хаотичных войнах. Руководить хаосом невозможно, но руководить в хаосе можно и через хаос придти к победе можно. Надо лишь быть мужественным. Надо лишь перед войной не утрашиться войны и надо во время войны не утратить мужества. Запад думает, что в пантеоне войны главный бог — Плутон-техника; он должен уверовать, что доблесть — это Зевс между богами. Побеждают не оружием, а доблестной уверенностью в себе. Побеждают верою. Константин победил не усовершенствованием оружия, а «Сим победиши».

Месснер Е. Лик современной войны. – Буэнос-Айрес, 1959.

КУЛЬТ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВЫСШИЕ ВОЕННО-НАУЧНЫЕ КУРСЫ ГЕНЕРАЛА ГОЛОВИНА

Учреждение курсов

Высшие военно-научные Курсы были открыты в Париже только после четырехлетней подготовки кадра руководителей, произведенной в учрежденных генералом Головиным Кружках военного самообразования.

Открытию Курсов предшествовало составление основного научного труда, который согласно указаниям Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича должен был служить базой для всего обучения. Этот научный труд под названием «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» был составлен генералом Головиным при непосредственном участии Верховного Главнокомандующего. Великому Князю представлялась на утверждение программа каждой главы, составленный же текст прочитывался два раза. При первом прочтении Великий Князь делал изменения принципиального характера, при втором же прочтении установил окончательную редакцию.

Согласно мысли Великого Князя Николая Николаевича, составленная таким образом книга должна была послужить руководящим пособием для усовершенствования в военных знаниях офицеров Русской Армии, находящихся в Зарубежье, а также для подготовки молодых людей, желающих вступить в ряды офицеров будущей Российской Армии.

Когда эта подготовительная работа была окончена, 22 марта 1927 г. были открыты Курсы. Сначала они носили скромное название «Военно-Научных Курсов». После годовой работы, когда выяснился не только приток желающих получить высшее военное образование, но так же и та упорная воля, с которой поступившие на курсы работают, Великий Князь Николай Николаевич переименовал Курсы в «Высшие». Полное наименование Курсов, данное покойным Верховным Главнокомандующим 22 марта 1928 года, было следующее: «*Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина*».

* О Курсах см. в статье «Военная мысль Русского Зарубежья.» - Сост.

Положение о Зарубежных Высших Военно-Научных курсах генерала Головина

1. Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы *имеют целью* дать Русским офицерам, находящимся за рубежом, высшее военное образование. Кроме того, задачей Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов является *поддержание трудами их учебного персонала русской военной науки на уровне современных требований, а также и распространение военных знаний в среде Русского Обще-Воинского Союза.*

2. Права, указанные в Положении об Императорской Николаевской Военной Академии — в п. п. 3, 40, 76, 77, 81, 149, 150 и 153 — присваиваются Учредителю Зарубежных Военно-Научных Курсов, профессору генерал-лейтенанту Головину; права же, указанные в том же положении для Начальника Академии, присваиваются Главному Руководителю Высших Военно-Научных Курсов.

3. Принимая во внимание те коренные изменения, которые внесла в военное дело минувшая европейская война, программы, а также методы обучения и поверочных испытаний должны быть установлены возможно ближе к тем, которые приняты в современной Французской Военной Школе.

4. Главный Руководитель должен со всею строгостью блюсти полную аполитичность Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов. Виновные в нарушении этого правила должны быть в дисциплинарном порядке отчисляемы Главным Руководителем из состава Курсов.

Научные дисциплины, изучаемые на курсах

Вот перечисление наук и их отраслей, которые изучаются на Курсах, с поименованием профессоров, читающих лекции и ведущих занятия:

Стратегия — профессор генерал Головин.

Тактика пехоты — профессор полковник Зайцов.

Тактика кавалерии — сначала генерал Доманевский, затем генерал Шатилов и генерал Черечукин.

Тактика артиллерии — генерал Виноградский и полковник Андреев.

Тактика воздушных войск — генерал Баранов.

Тактика броневых войск — профессор генерал Геруа и полковник Бочаров.

Боевая химия — полковник Иванов.

Полевое военно-инженерное дело и тактика технических войск — генерал Ставицкий.

Общая тактика — профессор полковник Зайцов.

Высшая тактика — профессор полковник Зайцов.

Обзор классических учений по тактике — генерал Алексеев и профессор полковник Зайцов.

Служба генерального штаба — профессор генерал Головин и профессор генерал Рябиков.

* В редакции статьи 1626 Сборника Уложений и Распоряжений Правительства, изданного при Прав. Сенате в 1910 году.

Служба снабжения и тыла — генерал Алексеев.
Служба автомобильных войск — генерал Секретев.
Служба радиотелеграфа — полковник Трикоза.
Военно-инженерная оборона государства — генерал Ставицкий.
Русская военная история — генерал Сычев и полковник Пятницкий.
Современное состояние военно-морского искусства — профессор адмирал Бубнов.

Общая история мировой войны 1914–1918 гг. — профессор генерал Головин, генерал Доманевский, профессор полковник Зайцов.

История новейшего военного искусства — профессор полковник Зайцов.

Военная психология — генерал Краснов.

Военная география — полковник Архангельский.

Устройство вооруженных сил главнейших европейских государств — заслуженный профессор генерал Гулевич.

Война и международное право — профессор барон Нольде.

Война и экономическая жизнь страны — профессор Бернацкий.

Мобилизация промышленности (подготавливается).

Метод обучения

В основу обучения положена идея, что знание для военного имеет ценность тогда, когда он умет его применить. Поэтому Курсы стремятся не только расширить умственный кругозор и уточнить знания слушателя, но главным образом научить его «умению» творить. Поэтому в преподавании особое внимание обращено на проведение *прикладного метода*.

Это достигается прежде всего тем широким развитием, которое дано практическим занятиям. Эти занятия представляют собой ряд последовательных подготовительных упражнений. Прежде всего, ведутся беседы и семинары. Эти беседы и семинары всегда основываются на изучении избранного руководителем частного случая. Затем производится групповое решение задачи при непосредственном участии руководителя. После этого обучающиеся получают задачу для самостоятельного решения на дому.

Разбор самостоятельно решенной на дому задачи производится двояким способом. После того, как руководитель рассмотрит представленные обучающимися задачи, производится частный разбор (индивидуальный). Во время частных разборов рассматривается каждое отдельное решение. При этом генералом Головиным настойчиво требовалось от руководителей максимум терпимости руководителей к идейной стороне решения обучающегося. Центр тяжести замечаний должен быть отнесен к логичному проведению в жизнь принятого обучающимися решения, а также на техническое ее выполнение. Во время частных (индивидуальных) разборов руководители систематически проводили диспуты между участниками решения задачи с целью защиты различных точек зрения, проведенных обучающимися в принятых ими решениях, и допускалось участие в этих диспутах и слушателей, принадлежащих к другим группам.

По окончании частных (индивидуальных) разборов назначается общий разбор. Этот последний производится в виде лекций для всего класса. Первая часть этой лекции включает в себе решение самим руководителем данной задачи. Эти решения даются в тех же подробно-

стях, как и те, которые были потребованы от обучающегося. Все письменные ответы и приказания, составленные самим руководителем, прочитываются и затем раздаются в отлитографированном виде обучающимся.

Вторая часть — общий разбор — состоит в том, что руководитель указывает на другие варианты решений, которые были встречены им при рассмотрении решений, представленных обучающимися.

Наконец, в третьей части общего разбора руководитель подробно останавливается на тех ошибках, которые чаще всего встречались в решениях обучающихся. Это указание ошибок сопровождается повторным пояснением тех вопросов теории, недостаточное уяснение которых и привело к этим ошибкам.

Завершением обучения является военная игра, в течение которой обучающиеся решают целый ряд задач как в классе, так и на дому. Насколько широкое применение дано военной игре, можно судить по тому, что этому виду упражнения посвящаются в старшем классе 25 вечеров.

<...>

Число учебных часов и занятий

Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы, по примеру Императорской Николаевской Военной Академии, состоят из трех классов — младшего, старшего и дополнительного.

В младшем классе теория боевых действий изучается в рамках дивизии. В старшем изучается использование дивизии в корпусах и армиях. Наконец, в дополнительном классе проходят дисциплины высшего порядка, в государственном масштабе, и каждый из слушателей должен представить письменную военно-научную работу («тему»).

Общая продолжительность обучения во всех трех классах достигает числа 50 месяцев с общим числом 800 классных учебных часов. Эти классные занятия распределены по два учебных часа в вечер и по два вечера в неделю. Остающиеся четыре вечера в неделю предоставляются слушателям для огромной работы, требующейся от них на дому: изучение указанных научных пособий и решение задач.

Из 800 учебных часов — 400 часов предоставлены под лекции и 400 часов под беседы, семинары, групповые решения задач, военную игру и проверочные испытания.

Защита профессорских диссертаций

Учреждение Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов не ограничивается только целью давать высшее военное образование, но *так же и целью подготовить кадры военных ученых для будущей работы в возрожденной после падения ига большевиков России.*

С этой целью еще при жизни покойного Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича генералом Головиным было разработано «Положение» об испытании для получения права на военно-научную степень экстраординарного профессора З.В.В.-Н. Курсов.

Это «Положение» было составлено на основании «Положения» Императорской Николаевской Академии и применительно к «Положению» о

производстве испытаний на ученые степени, изданному съездом русских ученых за границей.

Составленное генералом Головиным «Положение» было предварительно утверждено в Общем Собрании Русской академической Группы в Париже (в феврале 1930 г.) и окончательно утверждено 20 сентября 1930 г. 5-м съездом Русских Ученых за границей.

В январе 1929 года был представлен на соискание права на должность экстраординарного профессора Зарубежных Высших Военно-Научных Курсов труд полковника генерального штаба А.А.Зайцова по общей тактике (часть 1-ая этого труда напечатана Зарубежными Высшими Военно-Научными Курсами под заглавием «Общая Тактика», часть 2-ая напечатана теми же Курсами под заглавием «Высшая Тактика»).

Рассмотрение этого труда было возложено на Особую испытательную комиссию для производства испытания для получения права на должность экстраординарного профессора Зарубежных Высших Военно-научных курсов, в составе:

Председатель: Главный руководитель З.В.В.-Н. Курсов ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-лейтенант Головин.

Члены: заслуженный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-лейтенант Гулевич; ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-лейтенант Беляев; ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-лейтенант Филатьев; ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майор Баскаков; ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майор Герау; ординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майор Иностранцев; экстраординарный профессор Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майор Рябиков; ординарный профессор Николаевской Военно-Инженерной Академии генерал-лейтенант Шварц; экстраординарный профессор Императорской Николаевской Военно-Инженерной Академии полковник Полянский; ординарный профессор Императорской Николаевской Морской Академии адмирал Бубнов; товарищ председателя Русской Академической Группы в Париже профессор Бернацкий; бывший начальник Императорской Николаевской Военной Академии генерал-от-инфантерии Щербачев; бывший начальник Императорской Николаевской Морской Академии адмирал Русин; генерал-от-инфантерии Юденич; генерал-от-инфантерии Флуг — председатель Белградской группы Союза Офицеров Генерального Штаба; генерал-лейтенант Миллер — Председатель парижской группы Союза Офицеров Генерального Штаба.

После первоначального ознакомления с трудом полковника генерального штаба А.А.Зайцова, Особая Испытательная Комиссия, 14 июня 1929 года, большинством 13 голосов против трех, при одном воздержавшемся, постановила труд генерального штаба полковника А.А.Зайцова допустить к рассмотрению как диссертацию, избрав официальным рецензентами ординарного профессора Императорской Николаевской Военной Академии генерал-лейтенанта Головина и экстраординарного профессора Императорской Николаевской Военной Академии генерал-майора Рябикова.

Произведя затем подробное изучение труда генерального штаба полковника А.А.Зайцова и ознакомившись с отзывами как обоих официальных рецензентов, так и с отзывами шести других членов Особой испытательной Комиссии, отлитографированных и разосланных 9 декабря 1929 года всем членам Комиссии, особая Испытательная Комиссия 18-го января 1930 года постановила 14 голосами против 3 допустить диссертацию полковника Зайцова к защите. <...>

Программы репетиций

Репетиция по тактическим основаниям устройства современной армии

БИЛЕТ № 1

Военная доктрина. Что такое военная доктрина? Точка зрения Мольтке на создание военной доктрины. Опыт войны 1870–71 гг. и минувшей полностью подтвердили правильность точки зрения Мольтке. Уставы (наставления, инструкции, положения) как внешнее выражение военной доктрины. Различие в характере уставов различных категорий не должно приводить к нарушению внутреннего единства доктрины. Центр тяжести проведения в жизнь избранной доктрины лежит в прикладном обучении войск.

БИЛЕТ № 2.

Качество войск. Перед войной 1914–18 гг. мы признавали главенствующее значение духовного элемента более на словах, чем на деле. Зависимость «духа» войск от социальных и политических условий. Необходимость во время войны охранения «духа» войск от разлагающего влияния тыла. Оценка «качества» русской армии. Какие меры нужны для доведения будущей Российской армии до высшей «качественной» степени, т.е. до высшей маневренной способности: а) усиление веры в наступательную силу современного оружия; б) просвещение; в) коллективный спорт; г) качественно сильные унтер-офицерские и ефрейторские кадры. Доблесть и хорошая профессиональная подготовка офицества, в особенности высшего командного состава и Генерального Штаба. Децентрализованное или централизованное оперативное управление. Первое представляет собой идеал, к которому нужно идти. Какими путями следует идти к этому идеалу при еще недостаточно высокой подготовке начальников: а) метод Суворова; б) метод Мольтке. Зависимость наших действий от качества армий вероятных противников. Эта данная может учитываться во время войны. Но эта данная трудно учитывается для европейских армий перед войной. «Равнение» по более сильному и «современно» организованному противнику.

БИЛЕТ № 3

Значение современного боя. Наше предубеждение. Основной психологический закон боя. Психологический процесс нарастания «отказа от борьбы». Статистика потерь победителя как показатель предела моральной упругости войск. Капитал «победной крови» не так велик, как это принято думать. В условиях современного огневого боя этот капитал может быть быстро растрачен. Огневая тактика и формулировка ее основных мыслей. Поправка, внесенная опытом минувшей войны:

а) необходимость для достижения решительной победы использования результатов огня наступлением пехоты и конницы; б) идея временного «обезвреживания» (нейтрализации) огнем сменяет во многих огневых задачах идею «уничтожения». Будущая доктрина Российской армии должна полностью вступить на путь огневой тактики.

БИЛЕТ № 4

«Количество» войск. Преувеличение значения «многолюдия» России. К концу кампании 1916 г. в России не хватало людского материала. Реальное значение «количества» войск и методы его оценки в современную эпоху. Наше «многолюдие» дает возможность повысить «качество» наших войск. Методы исчисления «количественной» силы будущей Российской армии.

БИЛЕТ № 5

Характеристика нашего главного пограничного театра военных действий. Петроградский район. Смоленский район. Киевский район. Южнорусский район. Военно-географические условия борьбы на нашем западном фронте требуют от будущей Российской армии маневренной способности в самой высокой степени.

БИЛЕТ № 6

Устройство пехоты. Ведение подвижной войны в современную эпоху требует «сильной» пехоты. Возрастание значения «качества» пехоты. Даже при минимуме технического оборудования армии пехота должна быть богато снабжена материальной частью. Пулемет стал главным оружием пехоты. Гранато-метательное ружье представляет собой одно из важнейших нововведений техники. Винтовка и другие виды индивидуального оружия. «Пехотная артиллерия». Возросшее значение оборудования средствами связи. Организация и численность пехоты. Трех или четырех полковые дивизии? Организация и численность взвода. Организация и численность роты. Организация и численность батальона. Организация и численность полка. Обоз пехотного полка. Отдельные стрелковые батальоны. С вопросом численности пехоты особенно тесно связан в современную эпоху вопрос ее укомплектования.

БИЛЕТ № 7

Устройство артиллерии. Значение артиллерии в современном бою. Численное соотношение артиллерии и пехоты. Значение основных боевых элементов материальной части современной артиллерии: а) требование к дальности ее повышается; б) рамки, которыми ограничивается калибр орудий, нужных для подвижной войны; в) роль настольного и навесного огня в полевом бою; г) условия Русского театра требуют наибольшей подвижности материальной части; д) скорострельность.

Данные о современной материальной части. Обзор материальной части, бывшей у нас во время войны. Распределение артиллерии на дивизионную, корпусную, армейскую и ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения). Какие возможны сокращения в числе батарей для установления «минимума» артиллерийских средств? Артиллерия специального назначения: пехотная, противосамолетная, противотанковая и

траншейная. Разнообразие в снарядах также чрезвычайно увеличилось. Вопрос о современном и обильном пополнении снарядами получает особо острое значение. Средства разведки связи. <...>

Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина. – Париж, 1931. – С. 5–25.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ВОЕННО-НАУЧНЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ГЕНЕРАЛА Н.Н. ГОЛОВИНА

Всего, с основания Курсов весной 1931 года, поступило и проходило курс 47 слушателей (кроме того изъявило желание поступить, но не внесло платы за обучение и не было зачислено на Курсы — 7). Из числа 47 слушателей — 42 записалось на прохождение полного курса младшего класса, а 5 прошли курс лишь отдельных предметов (2 — тактики пехоты, 1 — военно-инженерного дела, 1 — боевой химии и 1 — тактики кавалерии).

До 1-го июля 1932 г. из числа 42 слушателей ушло по причине ухудшения материального положения — 9 (2 — во Франции, 2 — в Чехословакии и по одному в Югославии, САСШ, Латвии, Японии и на о-ве Кипре).

На 1-е июля 1932 г. всего на Курсах состоит 33 слушателя:

<u>Албания</u>	2	<u>Польша</u>	1
<u>Болгария</u>	2	<u>Румыния</u>	2
<u>Германия</u>	1	<u>С.А.С.Ш.</u>	4
<u>Дания</u>	1	<u>Финляндия</u>	1
<u>Канада</u>	1	<u>Франция</u>	5
<u>Латвия</u>	1	<u>Чехословакия</u>	2
<u>Люксембург</u>	2	<u>Эстония</u>	1
<u>О-в Ява</u>	1	<u>Югославия</u>	6

Вызванная общим кризисом убыль однако уже пополнилась. Так, лишь за первые шесть месяцев 1932 года записалось вновь 8 слушателей. Таким образом число слушателей в общем оставалось почти неизменным, составляя в среднем 30 человек. Отдельные случаи временного прекращения прохождения Курсов из-за невозможности производства ежемесячных взносов, по большей части, по прошествии нескольких месяцев заканчивались обратным поступлением ушедших.

Ввиду разновременности поступления на Заочные курсы, проходные курсы не одинаково. В общем к 1-му июля 1932 года из 17-ти основных слушателей (поступивших в 1931 г.) — 10 закончили прохождение курсов тактики отдельных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии и воздушных сил), решив сверх того по 4 тактических задачи (по тактике пехоты, кавалерии, артиллерии и воздушных сил). Двое, сверх того, про-

шли еще курс полевого военно-инженерного дела, а пятеро закончили и курс общей тактики и переходят сейчас к решению серии (четыре) задач по общей тактике. Остальные 16 слушателей, поступивших в конце 1931 г. и в течение 1932 г, проходят сейчас: шесть — курс тактики пехоты, двое — курс тактики кавалерии, четверо — курс тактики артиллерии, четверо — курс тактики воздушных сил.

Ежемесячные взносы слушателей, за редчайшими исключениями, поступают чрезвычайно аккуратно, и *это дает возможность существования Курсам*, основанным целиком на самоокупаемости, и в настоящее время общего кризиса.

По успешном окончании полного курса младшего класса, Главным Руководителем, генерал-лейтенантом Н.Н. Головиным, будут выданы свидетельства об окончании штаб-офицерских курсов.

Русский инвалид. – 1932. – № 45. – С. 6.

ОТКРЫТИЕ

РУССКИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ КУРСОВ В НИЦЦЕ

А. Керсновский

<...> 21 января состоялось торжественное открытие Русских военно-учебных курсов, созданных по инициативе и на средства ниццкого Очага Союза младоросов.

Зала была переполнена, опоздавшим пришлось поместиться в коридоре. Среди присутствовавших: генерал Щербачев, генерал Безобразов, ген. Морозов, ген. Юденич, ген. Апрелев и др.

По окончании молебна *руководитель курсов генерал от инфантерии Епанчин* в обращении к присутствующим подчеркнул значение того большого дела, которое ныне создано благодаря энергии и материальной помощи ниццкого Очага Союза младоросов. Создавая военно-учебные курсы, младоросы на деле доказали, что они создают нечто действительно реальное для общего фронта борьбы с большевизмом. В конце своего обращения ген. Епанчин горячо поблагодарил старшину ниццкого Очага Союза младоросов И.Б. Леванда. И.Б. Леванда ответил, что младоросы только исполнили свой долг и обещал военно-учебным курсам и в будущем поддержку ниццкого Очага.

Теплым словом приветствовал начинание генерал Юденич, оттенив заслугу инициаторов дела. Краткое приветственное слово было сказано затем генералом Щербачевым. По окончании официальной части — состоялась первая лекция ген. Шинкаренко, на которой присутствовали все лекторы и слушатели курсов.

Курсы созданы для двух категорий лиц: 1) для военных; 2) для молодых людей, желающих стать военными. Каждую неделю будут прочи-

тываться 3 лекции. Руководство курсами взял на себя генерал от инфантерии Епанчин. При нем педагогический совет из лекторов. *Помощник руководителя курсов — генерального штаба генерал-лейтенант Свечин.** Начальник канцелярии курсов полковник Фрейберг, у которого в дни и часы лекций и следует записываться на курсы.

Лекции будут читать; по: 1) Общевоенному отделу (руководство военной игрой на старшем курсе) — ген.-от-инф. Епанчин; 2) Тактика пехоты и кавалерии — ген. шт. ген.-лейт. Свечин; 3) О пехоте и коннице (младший курс) — генерал-майор Шинкаренко; 4) Тактика артиллерии — генерал-майор Новицкий; 5) Гражданская война — ген.-м. Шинкаренко; 6) Военная история — капитан Шаповаленко; 7) Авиация и аэронавтика — полковник Фрейберг; 8) Военная психология — кап. Шаповаленко; 9) Военно-морское дело — контр-адмирал Максимов; 10) Иностранные армии — полковник Санников; 11) Военная администрация — полковник Дурасов; 12) Военная медицина — профессор Кожин.

Кафедры: 1) Красной армии и 2) Инженерно-технического дела — пока еще не заняты.

Слава Богу, среди нашей молодежи находятся не одни лишь болтуны — «активисты» с их «съездами», «платформами» и «программами». В ее среде таятся мощные источники энергии — энергии, которую надо использовать и которую *надо уметь* использовать.

И в Ницце сумели это сделать. Это объясняется как энергией и инициативой тамошней группы младоросов и ее старшины Леванда, так и наличием в Ницце таких сил, как герой Гражданской войны генерал Шинкаренко и известный профессор генерал Епанчин (чей III армейский корпус так раскатал Макензена!). Они подобрали блестящий лекторский кадр и сразу же вошли в самую суть дела — первая лекция ген. Шинкаренко состоялась в самый же день открытия. Это как раз тот темп, что нам необходим теперь — накануне Второй Гражданской Войны! Шесть часов занятий в неделю — это максимум того, что можно ожидать в беженских условиях. Мы уверены, что эти часы будут хорошо заполнены.

Хочется надеяться, что организаторы курсов не повторят обычной в военной эмиграции психологической ошибки и устроят Курсы срочными и притом *краткосрочными*.

У нас есть крупный национальный недостаток — отсутствие выдержки. Мы горячо беремся за дело, но когда оно затягивается — охлаждаем к нему. Черта скверная — один из крупных недостатков, сопутствующих крупным достоинствам — на нее всегда следует делать поправку во всех наших начинаниях.

На долгосрочные курсы пороку хватит не у всех. А шестимесячные пройдут все — притом с большим рвением. <...>

Керсновский А. К освободительной войне. Блестящее начинание. /Царский Вестник. – 1931. – № 132.

* М.А.Свечин, старший брат выдающегося военного писателя и теоретика А.А.Свечина. - Сост.

КРАТКИЙ ОБЗОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ В КОРОЛЕВСТВЕ С.Х.С.

Общество Ревнителев Военных Знаний возникло по инициативе небольшого кружка лиц, проживающих в г. Белграде. В состав его вошли Генерального Штаба полковники: В.М.Пронин, И.Ф.Патронов, Р.К.Дрейлинг, И.М.Новиков, А.А.Колчинский, В.В.Бальцар, Профессор Инженерной Академии Ген. В. Н. Полянский, Профессора В.Д.Плетнев, М.А.Георгиевский, Ф.В.Тарановский и другие.

Несмотря на то, что условия жизни русского беженца, в частности офицера, даже в Королевстве С.-Х.-С. складываются таким образом, что он почти все свое время проводит в поисках хлеба насущного, в добычании его довольно тяжелым трудом, все же мысль об интеллектуальной работе в области важного дела восстановления Российской армии нашла живой отклик и, главным образом, конечно, в среде офицеров Генерального Штаба, а также и сочувственное отношение со стороны гражданских профессоров.

В конце февраля месяца текущего года состоялось первое организационное собрание Общества в количестве 23 человек, которое рассмотрело и утвердило Устав Общества РВЗ. *Основной целью Общества (§ 1 Устава) является подготовка духовного и материального возрождения Русской Армии*, которая обеспечила бы России достижение ее национальных задач.

Исходя из этого, *задачами Общества (§ 2 Устава) является:*

а) организованное единение лиц, полагающих, что без надлежащего изучения и практического применения основ военного искусства невозможно воссоздание армии правового государства;

б) изучение и разработка различных военно-технических, военно-административных и военно-организационных вопросов, связанных с воссозданием Русской Армии;

в) подготовка русских граждан к проведению в жизнь новых начал по воссозданию армии;

г) изучение и обработка военно-исторических материалов минувшей Европейской войны и ныне продолжающейся гражданской;

д) разработка вопросов военной науки и искусства на основании опыта Европейской и гражданской войны;

е) разработка вопросов духовно-нравственного воспитания Русской Армии в национальном духе;

ж) разработка военных вопросов, касающихся возрождения России.

На этом же организационном собрании состоялись выборы Правления Общества.

Председателем был избран Генерального Штаба полковник *В.М. Пронин*.

Членами:

Генерал-майор *В.Н. Полянский*.

Генерал-майор *Лахтионов*.

Профессор ВД. Плетнев.

Секретарем —

Генерального Штаба полковник *И.Ф. Патронов*.

С этого времени началась практическая работа Общества. Она выражалась в ряде собеседований членов Общества и публичных докладах. С марта по май месяц были прочтены следующие доклады:

«Причины мировой войны и ее следствия» — Генерального Штаба полковник Патронов.

«Причины неудачи борьбы вооруженных сил Юга России с большевиками» — Генерального Штаба полковник Новиков.

«Вопросы тактического применения авиации в маневренной войне» — Генерал-майор Ткачев.

Доклады производились в аудитории 1-й Русско-Сербской гимназии и в зале Сербского офицерского дома, любезно предоставленного Правлением Общества сербских офицеров в лице Председателя полковника Николаевича.

24 апреля Правлением Общества было организовано при поддержке русских общественных организаций торжественное заседание, посвященное памяти ген. Корнилова, по случаю 3-х-летней годовщины его трагической смерти, исполнившейся 13-го апреля. С мая месяца, т.е. с наступлением летнего сезона чтение докладов было приостановлено до 1 сентября; в провинции же доклады членами Общества продолжались. Так, Генерального Штаба полковником Дрейлингом был прочитан доклад в г. Панчево и Дубровник на тему: «Борьба на французском фронте в 1918 г.»

В мае же были начаты подготовительные работы по издательству периодического журнала «Военный Сборник». Редактирование его взяли на себя Генерального Штаба полковники: ВМ. Пронин и И.Ф. Патронов.

Материалы для сборника поступали довольно интенсивно; однако дальнейшую работу по издательству сильно тормозило почти полное отсутствие денег, и только к августу месяца вопрос этот был разрешен путем самообложения некоторых членов Общества и займов.

В сентябре приступлено к печатанию настоящего № 1 Сборника в г. Праге.

К июлю месяца число членов ОРВЗ увеличилось до 89 и на очередном Общем Собрании были дополнительно избраны (§ II Устава) два дополнительных члена Правления:

Генерального Штаба полковник Р.К. Дрейлинг;

Генерального Штаба полковник ИМ. Новиков.

Два запасных: Профессор ФВ. Тарановский.

Инженер АГ. Генрихсен.

Ревизионная комиссия в составе:

Ген. Штаба генерал-майора ВА. Рустанович.

Ген. Штаба генерал-майора ВН. Колюбакина.

Генерального Штаба полковника СА. Жукова.

С сентября месяца начнется ряд докладов на военно-научные и военно-исторические темы.

Правление О.Р.В.З.

Военный Сборник. – 1921. – Кн. 1 – С. 170–172.

**ИЗ ЖИЗНИ «ОБЩЕСТВА
РУССКИХ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»
И «ОБЩЕСТВА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ
В ЮГОСЛАВИИ»
(1929-1931 г.г.)**

**Из постановлений центрального правления
Общества Русских Офицеров Генерального Штаба**

Протокол заседания № 9 от 11 апреля 1930 года.

<...> П. 6. Слушали: Отчет о деятельности Районного Правления Общества офицеров Генерального Штаба в Югославии с 1 сентября 1928 г. по 1 сентября 1929 г.

а) За истекший год Районное Правление имело 21 заседание, состоялось также 9 общих собраний.

б) Военно-научная деятельность выразилась *в продолжении издания «Вестника»*, где помещались статьи по военным вопросам, в организации докладов в Белграде в Русском Офицерском Собрании *по военно-научным вопросам и лекций по различным случаям* (годовщины, рождение и кончина ген. Леера), в образовании по предложению капитана Свицерского комитета *по изучению* нынешней западной границы России и под председательством генерал-майора Морица и в организации осведомительной секции *с целью изучения* Советской России и осведомления о ней широких кругов под председательством генерал-майора Матковского.

Кроме того с целью объединения членов Общества и сближения их с местным Обществом был организован бал, имевший выдающийся материальный успех — 21 тысяча динаров...

Деятельность библиотеки Общества выразилась в получении и выписке новых книг.

Постановили: Выразить благодарность председателю и членам Районного Правления в Югославии за образцовую и полезную деятельность Правления, выразившуюся в разносторонней военно-научной работе Общества и отличных реальных результатах по объединению Общества и его материального устройства
<...>

(1)

<...> 1) В марте* в **Офицерском Собрании** состоялись **доклады**: 1) 5 марта — генерал-майора Заболотного “Что такое счастье”. Тема была чисто философская. Докладчик проследил понятие о счастье у людей разных степеней развития и умозрения;

12 и 19 марта — генерал-лейтенанта Казановича. “Операции Суворова против Макдонольда и Моро в 1799 г. (Сражение при Требии)”. Этот доклад относится к циклу «Суворовских докладов», и в нем были описания действий Суворова против новейшей армии Макдонольда, закончившиеся блестящим успехом у Требии. В этой операции ясно видна гениальная способность Суворова, его глубокое понимание основ стратегии и его умение блестяще выходить из положения при самых неблагоприятных условиях.

26 марта — контр-адмирала Кононова: «Эволюция кораблестроения со времени Великой войны в связи с резко переменявшимся взглядом на ведение морской войны». Докладчик изобразил эволюцию кораблестроения начиная с 1820 годов. Сначала сила флота заключалась в числе единиц, вооруженных крупнокалиберными орудиями, затем стали преобладать единицы с особенно большим числом орудий крупного калибра, а после Великой войны сила флота заключается в подводных крейсерах и, может быть, даже броненосцах. Быстро меняющаяся ценность флота ведет к тому, что все, что стоит ниже современных требований, признается за ноль, а в данное время, когда флот всех государств устарел, Англия, например, оказывается в одинаковых условиях с Италией.

2) В Обществе Офицеров Генерального Штаба 26 апреля состоялся в Белградском Офицерском доме бал в пользу Общества. Вход для членов Общества и их семейств бесплатный.

(2)

<...> 1) 9 декабря по случаю праздника Генерального Штаба в Белграде в Русской Церкви было отслужено совместно с георгиевскими кавалерами молебствие, на котором присутствовал и представитель его Величества Короля, а вечером в Офицерском Собрании состоялся совместно с Обществом Кавалеров ордена св. Георгия и бывших юнкеров Елисаветградского Кавалерийского Училища ужин, на котором было свыше 30 человек членов Общества Офицеров Генерального Штаба. Ужин прошел в дружеской непринужденной атмосфере, очень оживленно.

2) 3 декабря в Офицерском Собрании состоялся *торжественный доклад, посвященный памяти ген.-адъют. Н.Н. Обручева по случаю столетия со дня его рождения.* После

* 1930 г. - Сост.

краткого вступительного слова председателя генерала Флуга, профессор ген. Баскаков в очень обстоятельном докладе изобразил Н.Н.Обручева, его взгляды и идеи и его плодотворную и очень важную для России деятельность, которая известна далеко не всем, и рельефно и ясно очертил выдающийся образ этого крупного военного деятеля. Доклад собрал обширную аудиторию и был прослушан с большим интересом.

3) 10, 17 и 24 декабря в Офицерском собрании ген.-м. Черемисинов прочел: *«Краткий исторический обзор развития нашей стратегической подготовки на основаниях, принятых Особым Совещанием 1873 года»...*

Доклад этот является серьезным научным трудом и ценным вкладом в русскую зарубежную военную литературу. Докладчик тщательно изучил источники и ясно и выпукло представил от зарождения все эволюции нашей подготовки к войне с западными соседями. Несмотря на продолжительность, его доклад собрал большую аудиторию и прослушан был с большим, исключительным интересом.

4) 5 декабря в Офицерском Собрании состоялись: 1-я лекция о *русско-польской войне 1830–31 гг.*, прочитанная ген.-л. Агапеевым. Всего об этой войне по случаю столетней годовщины ее будет ген.-л. Агапеевым и полк. Гарабурдой прочтено 4 доклада, по окончании которых и будет дан отчет о них.

5) 15 декабря в Дубровнике профессор ген.-л. Беляев прочел доклад, посвященный Суворову. Для доклада был ген.-л. Беляевым нарисован большой портрет Суворова и сделано было все, чтобы почтить память великого полководца <...>

(3)

<...> 1) 21 января в Офицерском Собрании состоялась первая часть доклада полк. Пронина *«Красная Армия»*. Доклад этот еще будет продолжен в течение двух сред, после чего и будет отчет о нем.

2) 21 февраля в театре «Манеж», в 8 час. вечера, по случаю двухсотлетия со дня рождения Суворова состоится постановка музыкальной драмы *«Измаил»*. Цены умеренные. Члены Общества приглашаются содействовать распространению билетов, которые продаются у секретаря, в книжном магазине «Возрождение» (Добринска, 12) и в кассе театра «Манеж» и в офицерском собрании. <...>

(4)

**Из постановлений районного правления
Общества Офицеров Генерального Штаба**

Протокол заседания № 176 от 1 апреля 1930 года.

<...> П. 2. Слушали: Письмо ген.-от-кав. Драгомирова от 3 апреля с.г., в котором он сообщает, что начальник Исторического Отдела Главного Ген. Штаба* ген. Христич предлагает Обществу в дар библиотеку своего покойного отца с тем, чтобы *по установлению в России порядка* библиотека эта была перевезена в Россию и передана в Николаевское Кавалерийское училище или какое-либо другое учебное заведение.

Постановили: Благодарить ген. Христича за предлагаемый ценный дар и принять этот дар, обязались выполнить высказанное ген. Христичем условие о передаче библиотеки по возвращении в Россию.

Относительно приема библиотеки объявить на ближайшем Общем Собрании и просить членов Общества помочь в составлении списка книг.

(5)

**Районному правлению
Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Югославии**

Согласно постановления Центрального Общества Русских Офицеров Генерального Штаба от 17 июня 1929 года (Справка: Протокол заседания Центрального Правления 1929 г. № 8) при Центр. Правлении организуется военно-осведомительная часть.

Как ныне выяснилось, в ее задачу, помимо вопросов, указанных в означенном протоколе № 8, должно войти *специально изучение текущих военных и военно-политических вопросов.*

В виду этого на заседании Центр. правления 2 апреля с.г. (протокол № 9) решено обратиться ко всем районным правлениям общества офицеров Генерального Штаба в Зарубежье, а также к ген.-л. Люпову в Харбине и к полк. Николаеву (Н.И.) в Сев. Америке с просьбой снабжать военно-осведомительную часть через Центральное Правление *вырезками статей офицеров генерального штаба, русских и иностранных, имеющих военное и военно-политическое значение, печатаемых в русских и иностранных газетах и журналах.*

Очень прошу также присылать статьи на русском и иностранных языках, не принадлежащих офицерам Генерального Штаба,

* Армии Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. - Сост.

но представляющих вообще интерес в военном и военно-политическом отношении.

Сообщая об этом, я твердо уверен, что как районные правления, так и все г.г. офицеры Генерального Штаба не откажут в исполнении обращаемой к ним просьбы, имея в виду что одному Центральному Правлению выполнить собрание всех печатающихся статей не под силу, как по техническим условиям, так и по материальным соображениям.

Аккуратное доставление означенных разнообразных статей, освещающих военное дело и военно-политические вопросы, вместе с имеющимися в Центральном Правлении материалами даст возможность составлять периодические сводки появляющемуся в русской и иностранной печати материалу и рассылать их районным правлениям для ориентировки и ознакомления г.г. офицеров Генерального Штаба районных обществ.

Председатель: ген.-от-инф. Шкинский
(6)

<...> В ответах на анкету 1928 года выражено было, между прочим, пожелание, чтобы ежегодно делалась анкета по военным вопросам. Вполне разделяя это мнение и считая, что подобная анкета должна производиться по известному плану на наиболее жгучие вопросы, Районное Правление обратилось к Профессору ген.-л. Головину, более других ныне работающему по военным наукам, с просьбой о составлении анкеты. Ген.-л. Головин за неимением времени отказался. Тогда Районное Правление обратилось к профессору ген.-л. Беляеву и получило от него следующий ответ (в выдержках).

*«...Вполне присоединяюсь к тому, чтобы запросить всех компетентных лиц **собрать ценный материал пережитого опыта и не растерять его без пользы для будущего.***

Учиться нужно и на положительных и на отрицательных примерах, подражая первым и не повторяя вторых, но главное на каждом примере важно делать не скороспелый и потому сплошь и рядом ошибочный вывод, а очень внимательно взвесить всю обстановку и выяснить причины того или другого результата (не забывая, что с обстановкой надо считаться, но не надо ей подчиняться). Понятно, что аналитическое изучение примеров даст только тогда в конечном результате теоретическое умение, когда налицо будет и предварительное знание (от знания до умения — один шаг, от незнания до умения — громадное расстояние). Поэтому очень нежелательно, чтобы за делание выводов из примеров брался каждый. Важно получить анкетой точное изложение фактов, обстановки, распоряжений, действий и результатов, т.е. собрать материал для дальнейшей обработки компетентными лицами, но нет никакой надобности собирать критику фактов и выводы поручиков о работе генералов.

Простите, что я вдался в поучения, но очень важно правильно поставить с самого начала сбор материалов для дальнейшей обработки, сводки и выводов...

(Перечисление вопросов)...

...Я набросал все эти вопросы без какой-либо системы; при переписке, понятно, их надо поставить в более логической связи и порядке. Особенно надо подчеркнуть необходимость правдивых ответов и возможно детальных; строго отделять виденное от только слышанного. Понятно также, что при посылке анкеты тем или другим лицам надо просить их ответить на те лишь вопросы, которые затрагивают круг их деятельности и те войсковые объединения, в которых запрошенное лицо играло отведенную роль.

Во всех ответах на вопросы должны быть факты, примеры, из которых были бы видны результаты, к которым привели принятые решения, произведенные действия и другие затронутые данным вопросом факторы. Очень желательно получить и точные копии распоряжений, донесений и т.п., которые играют роль в данном ответе. При подобной постановке дела анкетный материал может дать очень ценные данные не только в историческом, но и в научном отношении.

Поэтому правда и объективность (понятно условная, т.е. возможность большая, ибо каждый очевидец, а тем более активный участник того или другого события, всегда будет смотреть на все со своей индивидуальной точки зрения) являются основными требованиями от каждого отвечающего на анкету лица.

Анкета может быть расширена и в другом направлении, а именно в сборе сведений о работе определенных войсковых соединений, штабов и даже лиц. Для возможности этого расширения желательно первым вопросом каждому запрошенному лицу поставить просьбу сообщить: где и в какое время, какие посты занимало это лицо во время войны. Эти сведения позволили бы, в случае доставления анкетой интересных, но неполных данных о чем-либо, обратиться с запросом к лицам, которые по своему положению могли быть участниками или близкими наблюдателями затронутого события и таким образом более всесторонне его осветить.

Рядом с просьбой ответить на вопросы анкеты можно просить каждого, который вел дневник или вообще записи в минувшую войну, не отказать поделиться и помимо анкеты своими заметками, если, понятно, положение такого лица и его личные качества дают основание полагать, что подобные заметки могут представить известную историческую или научную ценность. Тогда это будет большим шагом вперед в деле сбора материалов по бывшей войне, который нельзя не приветствовать.

Позвольте, заканчивая это письмо, считать все изложенное тоже лишь материалом для намеченной Вами анкеты, так каждый вопрос может быть еще более детален, а некоторые могут быть и выпущены (я сам выпустил вопрос о крепостях и креп. войне)...»

Районное Правление выражает искреннюю благодарность генералу Беляеву за обстоятельно и исчерпывающе составленные вопросы анкеты, любезное содействие своим опытом по военно-научной части и за *отзывчивое отношение к духовным нуждам членов Общества.*

Вместе с тем Районное Правление решило:

1) Теперь же приступить к анкете, объявляя в каждом номере «Вестника» по несколько вопросов. Ответы Районное Правление просит присылать по возможности в течение двух месяцев со времени объявления с тем, чтобы можно было делать сводку и объявить результаты в «Вестнике». Очень желательно, чтобы члены Общества не только в возможно большем числе откликнулись на анкету, но привлекли к ответам и авторитетных лиц, не состоящих членами Общества. При ответах на анкету желательно соблюдение всего того, что написано в объяснительном письме ген.-л. Беляева.

2) Имея в виду, что многие пишущие теперь военно-исторические труды нуждаются в подтверждении или разъяснении некоторых эпизодов со стороны участников, но не имеют возможности сделать это, не зная, кто эти участники и где они, Районное Правление просит всех членов Общества, а при содействии их и всех вообще участников войны, занимавших ответственные должности, доставить правлению сведения о своей службе за время Великой войны, (т.е. в каких армиях, корпусах, дивизиях, полковых отрядах, в какое время служили). По получению этих сведений Районное Правление будет располагать как бы справочным бюро и запрашивающим может давать справки, к кому им нужно обращаться по поводу того или другого эпизода войны.

3) Предложить желающим ответить на следующие вопросы анкеты:

— В чем выразились плюсы и минусы вашей училищной (академической) подготовки и воспитания в условиях обстановки минувшей войны? Учили ли и воспитывали вас так, как это нужно было на войне, или же теория и подготовка во многом расходились с практикой? Факты и примеры.

— Были ли вы подготовлены к исполнению той или другой занимаемой вами должности на театре войны и чего не хватало в вашей подготовке для каждой из них? Факты и примеры.

— Отрицательные и положительные стороны нашей штабной службы и службы связи. Подготовка к ним офицеров Генерального Штаба. Факты и примеры.

4) Просить всех членов Общества, а особенно представителей групп, содействия в доставке ответов на анкету и сведений о службе.

5) В ноябре и декабре с.г. исполняется 100-летья годовщина рождений генералов М.И. Драгомирова и Н.Н. Обручева, двухсот-

летняя годовщина рождения Суворова и десятилетие существования Общества Офицеров Генерального Штаба в Югославии. По случаю первых трех годовщин в Белграде, в Офицерском Собрании, устраиваются торжественные доклады: 19 ноября — в честь М.И. Драгомирова, 26 ноября — в честь Суворова и 3 декабря — в честь генерала Н.Н. Обручева. Лиц, желающих сделать по случаю указанной годовщины доклады, Районное Правление просит заявить ему.

(7)

Протокол заседания 21 ноября 1930 г. № 13.

П. 1. Слушали: — Приказ генерала Экка № 188, согласно коего за оканчивающими Высшие курсы в Белграде признается право на причисление к Генеральному Штабу. В сопоставлении с постановлением Центрального Правления в протоколе № 12, согласно которого офицерам, выполнившим некоторые условия, представляется право вступить в Общество офицеров Генерального Штаба членами — соревнователями.

Постановили: — Признавая пользу Курсы для усовершенствования офицеров, но в то же время имея в виду, что а) подготовка на этих курсах может быть самая поверхностная — азбука военного дела, б) военной службы эмигранты не несут, и следовательно, часть их не будет иметь возможности ознакомиться практически со службой Генерального Штаба, а часть и вообще не служила на офицерских должностях, в) подбор офицеров, пригодных для службы в Генеральном Штабе, при условиях эмигрантской жизни крайне труден, если не невозможен, г) нет никакой необходимости причислять к Генеральному Штабу сомнительный элемент, тем более, что и польза в будущем сомнительна, а привлекать на Курсы слушателей перспективой причисления их к Генеральному Штабу *не соответствует достоинству Генерального Штаба*, д) причисление к Генеральному Штабу, а затем, естественно, и вступление в Общество такого неиспытанного элемента, который невозможно при существующих условиях и испытать, может очень неблагоприятно отразиться на Обществе и в дальнейшем даже изменить физиономию его и в будущем вызвать нарекания и дать совершенно неправильное понятие о русском Генеральном Штабе, Центральное Правление признает причисление к Генеральному Штабу офицеров-эмигрантов, не окончивших в России хотя бы сокращенных курсов при военной академии, *совершенно недопустимым* и прием их в Общество также недопустим, в соответствии со ст. 6 Устава Общества.

(1) Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Королевстве Югославия.—1930.—№ 70.—С. 2; (2) там же.—1930.—№ 67.—С. 4; (3) Там же.—1931.—№ 76.—С. 3,5; (4) Там же.—1931.—№ 77.—С. 4; (5) там же.—1930.—№ 68.—С. 4; (6) там же.—1930.—№ 70.—С. 3; (7) там же.—1930.—№ 73.—С. 4-6; (8) там же.—1931.—№ 77.—С. 1-2.

ИЗ ХРОНИКИ ВОЕННО-НАУЧНОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Париж. Курсы. Для молодых людей, желающих получить военное образование в рамках военно-училищных курсов, занятия по четвергам, от 21 до 23 час. Лица, желающие записаться в состав постоянных слушателей этих курсов, должны подать заявления об этом помощнику главно-го руководителя курсов генералу Репьеву.

Военно-морской группой, в которую входят выпускники 1918, 1920 и все три выпуска 1922 г., организованы вечерние гардемаринские курсы, имеющие целью ознакомление с военно-морскими знаниями, по программе Морского Корпуса, находящихся в Париже гардемарин.

Прага. При Кружке по изучению мировой войны организован «Кружок групповых занятий по прикладным знаниям». Организация ставит целью ознакомление с современными уставами и техникой в рамках знаний, необходимых для офицеров низших войсковых единиц (рота, батальон).

Доклады. Париж. Во Французской Академии (Высшей Школе) весной этого года генерал-от-инфантерии Данилов и генерал Головин прочли ряд лекций о русских военных операциях. Начальник Академии генерал Дюфур произнес речь, в которой, в связи с лекциями генерала Данилова и генерала Головина, указал на колоссальное значение операций на Русском фронте для исхода Мировой войны.

В «Собрании Галлиполийцев» 24 апреля полковник Зайцов — «О действиях Л.Гв. Семеновского полка в войну 1914–1917 гг.»

В «Союзе офицеров Кавказской Армии» генерал-майор Потоцкий — «Инициатива частных начальников по опыту Великой войны».

В разных местах прочитаны: генералом Головиным — «Галицийская битва 1914 г.»

Прага. В кружке по изучению Мировой войны 26 октября и 6 ноября 1929 г. Генерального штаба полковник Добрынин — «Тактические и технические этапы Мировой войны» и «Современная русская военная мысль» (опыт библиографической сводки). Полковник Бигаев — «Психология армии». Инженер Вильган — «Удушливые газы в Мировой войне и в войне будущего». Профессор генерал Рябиков — «Авиация». Генерал Шиллинг — «2-я Финляндская стрелковая дивизия в августе и сентябре 1915 г.». Генерал Михеев — «Стратегическая работа конницы по опыту Мировой войны». Профессор генерал Иностранцев — «Фош как военный мыслитель и человек». Л.Ф. Маргеровский — «Армия и народ». Инженер-полковник и Шайтанов — «Зенитная артиллерия». Волкобрун — «О Петровских военных законах».

Сан-Франциско. В «Обществе русских ветеранов Великой войны» 30 июля, генерал Будберг — «Владивосток перед Русско-японской войной».

Белград. 12 и 15 мая 1929 г., генерал-майор Егоров — «Германская кавалерия в 1914 г. в Бельгии и Франции с начала кампании до битвы на Марне».

28 мая, генерал-лейтенант Баскаков по случаю 25-летней годовщины со дня кончины генерала Г.А. Леера — «Известность. Знание. Категория генерального штаба. Прагматизм. Военные достижения. Стратегия. Доктрина.»

24 апреля, вице-адмирал Ненюков — «Начало Русско-японской войны и первое нападение на Порт-Артур».

19 июня, полковник Дрейлинг — «Красная Армия» и 7 августа его же — «Психология пехотинца».

5 июня, генерал-майор Матковский — «Великое значение России в победах Великой войны».

2 октября, генерал-от-пехоты Флуг — «Вторжение монголов в Европу в XIII веке».

9 и 16 октября, генерал-от-кавалерии Драгомиров — «О набеге Сводной кавалерийской дивизии в начале войны».

26 ноября, полковник Степанов (Командующий Армией) — «О действиях белых на Волге и взятии Казани в 1918 г.».

11 декабря, капитан Свидерский — «Русская граница в военном отношении».

Вестник Военных Знаний. — 1930. — № 4. — С. 39–40.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРАЗДНОВАНИЕ В ПАРИЖЕ 100-ЛЕТИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

(26 ноября 1832 г. — 26 ноября 1932 г.)

Знаменательный день 100-летия учреждения *праздника русской военной науки* — Императорской Военной Академии — был отмечен в Париже торжественным молебствием, в Александро-Невском храме, с поминовением Державного Основателя Академии — Императора Николая I и всех почивших Императоров, при которых протекала деятельность Академии, бывших начальствующих лиц и питомцев, а вечером того же дня бывшими Профессорами и членами Конференции, генерал-лейтенантами Гулевичем, Головиным и Алексеевым, совместно с представителями Р.О.В.С.* — ген. Миллером и Русской Академической группы в Париже — проф. А.Н. Анциферовым, устроено было в собрании Общества Галлиполийцев торжественное заседание.

Представители Российской армии и флота, бывшие питомцы Академии и настоящие слушатели Высших Военно-Научных Курсов, представители многих общественных организаций и союзов и вообще Зарубежной России, в огромном числе заполнивших большой зал и прилегающий к нему обширный холл, явились на чествование *alma mater Русской военной науки*.

Над столом президиума возвышался большой портрет Имп. Николая I, украшенный национальными лентами, фотография Имп. Николая II

* Русский Обще-Воинский Союз. - Сост.

и литография с изображением офицеров ген. штаба в формах времен Имп. Александра II.

Заседание открыл Председатель Р.О.В. Союза ген. Миллер предложением: избрать председателем настоящего торжественного собрания виднейшего и единственного из находящихся в живых представителя бывшей Российской государственности — графа В.Н. Коковцева, что и было встречено единодушными аплодисментами всего зала.

Затем Заслуженный Профессор ген.-лейт. Гулевич в блестящей краткой речи дал сжатый, но яркий очерк истории Военной Академии. Отметив этапы в развитии военного дела, предшествовавшие учреждению Академии, *ген. Гулевич обрисовал работу в самой академии по периодам, характеризовавшимся деятельностью наиболее выдающихся ее начальников: ген.-ад. Сухозанета, ген.-лейт. Леонтьева, ген.-ад. Драгомирова, ген.-лейт. Леера* и последних 16-ти лет перед революцией. В заключение оратор посвятил несколько слов деятельности образовавшихся за границей Высших Военно-Научных Курсов, преемственно воспринявших традиции Императорской Академии.

С напряженным вниманием прослушана была последующая академическая военная лекция Проф. ген.-лейт. Головина на тему: «Пути современной военной науки», посвященная светлой памяти Засл. Проф. и Нач. Академии — ген. Леера. <...>

Речь ген. Гулевича и доклад ген. Головина, выслушанные с неослабевающим вниманием, были покрыты длительными аплодисментами.

После перерыва гр. Коковцев обратился с приветствием к представителям бывшей Имп. Воен. Ак., генералам Гулевичу, Головину и Алексею, заметив, что он выступает как последний из оставшихся в живых представителей высшей исполнительной власти бывшей Императорской России. В красиво построенной речи гр. Коковцев указал, что *значение Академии в ее поступательном развитии вышло далеко за пределы ее служения военному делу*: питомцы Академии, на пространстве времени, истекшего с ноября 1832 г., встречаются на самых разнообразных поприщах служения Родине, — как на высших ступенях государственной иерархии, так и в рядах высшего Государственного Управления. Закончил свое приветствие гр. Коковцев пожеланием, чтобы молодое поколение питомцев академии и слушателей Высших Военно-Научных Курсов всегда помнили примеры и заветы своих славных старших поколений и чтобы, подобно им, всегда были готовы отдать свои силы на служение Родине.

Ген. Миллер прочел и передал ген. Гулевичу адрес от Р.О.В.С., вложенный в художественно исполненную папку.

Проф. А.Н. Андиферов приветствовал Юбилера от имени Русской Академической Группы в Париже.

Адмирал А.И. Русин, выступая с задушевным приветствием от Николаевской Морской Академии, как бывший ее Начальник и от имени Военно-Морских организаций указал на тесную, совместную, дружную и непрерывную работу Сухопутной и Морской Академий во славу и величие дорогой нашей Родины.

Краткое и горячее приветствие от имени Высших Военно-Научных Курсов было сказано проф. ген. шт. полк. Зайцовым.

В заключение ген. Алексеевым были оглашены многочисленные приветствия (около двухсот), присланные ко дню 100-летия основания Военной Академии от Особ Императорской Фамилии, общественных и военных организаций, союзов и отдельных лиц.

Торжественное празднование в Париже 100-летия Императорской Военной Академии /Русский Инвалид (Париж).—1932.—№ 50.

ПРИВЕТ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

П. Краснов

В этом, 1932-м году исполнилось сто лет с того дня, когда в России Императором Николаем I была основана Императорская Военная Академия, впоследствии «Николаевская Академия Генерального Штаба», потом — «Императорская Николаевская Военная Академия».

Как молода Россия! Всего сто лет Военной Академии! Есть люди — их правда, очень немного, — которые уже жили, когда она только зародилась. В нашей памяти те, кто за столь недолгий срок ее прославили. Про одних мы слышали, а других многие из нас видели и знали как *крупных создателей Русского военного дела*. Мы помним Леонтьева, Милютину, Драгомирова, Леера, Скобелева, Великого Князя Николая Николаевича Младшего, Куропаткина, Гродекова, Пржевальского... В своем месте, люди, более близкие к Академии Генерального штаба, помянут всех тех, кто оставил след в Русской военной науке, кто вплел новые, свежие лавры в венок славы Русского оружия.

Мой привет — *привет человека из строя*, офицера Академии старонного. Как часто мы, строевые, были несправедливы к «штабным». «Черное духовенство», «моменты» — в этих прозвищах сказывалось, конечно, и прежде всего, зависть к более быстрой, интересной и увлекательной карьере офицеров Генерального штаба — напрасная зависть, потому что *никому в России не были закрыты двери для высшего военного образования*; сказывалось и столь свойственное людям необразованным вообще, а русским недоучкам особенно, желание пренебрежением и насмешкой скрыть досаду на свою необразованность.

Мне приходилось видеть работу офицеров Генерального штаба в обстановке исключительной, в обстановке громадного напряжения, и я не мог не преклониться перед ними. В марте 1915 года 1-я Донская казачья дивизия генерал-лейтенанта Чоглокова с 10-й кавалерийской дивизией генерал-лейтенанта графа Келлера составили III Конный корпус. Прошло несколько дней, явился штаб корпуса с начальником штаба генералом Крымовым, и два разных тела, две части, взятые из разных округов, с разных фронтов, составили одно целое — III Конный корпус, вписавший столько блестящих страниц в историю Русской конницы.

В июле того же года мне пришлось быть свидетелем, как 2-я Казачья Сводная дивизия и 16-я дивизия офицерами генштаба с генералом Черечукиным были слажены в IV Конный корпус генерала Гилленшмидта.

Еще более резкий пример творческой работы офицеров Генерального штаба я видел в мае 1918 г., когда, будучи избран Донским Атаманом, я застал полный хаос в войсковой организации. Вместо полков, дивизий и корпусов были отряды разного качества, численности и вооружения, носившие имена своих начальников. Неудовольствием работой рядовых офицеров Генерального штаба (все это была молодежь, во время войны не занимавшая мест выше начальника шт. дивизии) был создан настоящий Штаб Донского Войска и настоящая Донская армия.

И сейчас не офицеры ли Генерального штаба во всех странах Русского рассеяния *удерживают бывших офицеров в организованном состоянии*? Не они ли крепят и ширят Русский Общевоинский Союз?

Знание — великая сила. Знание, соединенное с умением, — создают ту мощь, которая позволяет с философическим спокойствием смотреть на ужасное разрушение, которое делают большевики в России и в ее армии.

После революции 1917 г. Императорская Военная Академия фактически перестала существовать. Ее сменили: в Союзе советских социалистических республик — «Школа красных маршалов», в Зарубежной России — «Высшие Зарубежные Военно-Научные Курсы генерала Головина».

Мы не знаем точно, как и чему учат в «школе красных маршалов». Сведения о ней, как и о самой красной армии, весьма противоречивы. Трудно предположить, чтобы в ней, имеющей своими слушателями краскомов с ограниченным образованием и малым военным кругозором, продолжались традиции Императорской Военной Академии, трудно потому еще, что и она перегружена политграмотой и готовит своих учеников не только для защиты Отечества, сколько для гражданской классовой войны. Возможно, что и она, как и сама РККА — есть некоторое подобие тем гигантам, какие создает советская власть, различным днепростроям, кузнецкстроям, небоскрегам — домам для рабочих т.е. грандиозный блеф, пускание пыли в глаза иностранцам, великан на глиняных ногах.

Потому-то в день памяти столетия со дня основания Русской Военной академии мои мысли обращаются не к «школе красных маршалов» РККА, но к Высшим Зарубежным Военно-Научным Курсам генерала Головина. *Именно в них вижу я непрерывность существования Российской Военной академии и Русской военной науки.* Пусть в этот день столетнего существования Императорской Военной Академии примут мой почтительный привет и поздравления казака-солдата те, кто преемственно продолжил ее существование — Высшие Зарубежные Военно-Научные Курсы генерала Головина — в лице их Начальника и Основателя — профессора генерала Николая Николаевича Головина, профессоров курсов и слушателей их, тех честных, доблестных, великих Русских офицеров, которые *в трудах и заботах своего изгнания нашли время, средства и силы продолжить учиться, чтобы в ту минуту, когда это потребует, прийти со своими знаниями на помощь Российской Армии.*

Русский Инвалид.—1932.—№ 49.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ СЕКЦИИ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕЛГРАДЕ

(1928-1938)

Доклады, лекции, сообщения

БАСКАКОВ В.И. — Эпохальное в историографии значение Великой мировой войны 1914-1918 гг. (21.XII.1928). Г.А.Леер и его научное, военное и национальное значение (10.VI.1929). Профессор генерал Н.Н.Обручев как национальный деятель, славянофил и военный мыслитель, — по случаю столетия со дня его рождения (20.I.1931). Значение введения всеобщей воинской повинности в России, — в память пятидесятилетия кончины императора Александра II (20.IV.1931). Единая военная доктрина (16.XI.1931). Академизм в учреждении и в деле Российской Академии генерального штаба (16.I.1933). Социологический момент в деле военном. Проблема военной социологии (20.XII.1933).

ГОЛОВИН Н.Н. — Социология войны (3.XI.1933).

ДРЕЙЛИНГ Р.К. — Воинский устав Петра Великого и Суворовская наука побеждать (14-IV.1930). Активный тип бойца и его разновидности (21.III.1932).

ИНОСТРАНЦЕВ М.А. — Вооруженные силы, планы сторон и стратегическое развертывание на русском фронте в Мировую войну (19.V.1930). Операции в Восточной Пруссии: действия армий генералов Ренненкампа и Самсонова (23-V.1930). Великая Галицийская битва (27.V.1930). Ивангородско-Варшавская операция, — первое наступление немцев на Варшаву (2.VI.1930). Эпизод из психологии командования: сражение у Сент-Кантена 28-29 августа 1914 г. (21.V.1934).

КАЗАНОВИЧ Б.И. — Мысли о стратегии и об организации современных миллионных армий на основании уроков последней войны (19.III.1934).

КРАИНСКИЙ Н.В. — Психика и техника в военном отношении (16.XII.1929). Психология паники на войне (29.I.1930). Метод военной психологии (23.V.1932).

НИЛУС А.А. — Огнестрельное оружие будущего, техника и современная баллистика (15.I.1934).

ДРЕЙЛИНГ Р.К. — Возложение на общество части задач по подготовке вооруженной силы страны (24.12.34).

ЕГОРОВ А.Е. — Суворовская наука побеждать и доктрина (18.02.35).

ЖИТКЕВИЧ Н.А. — Конструкция крепостных сводов в зависимости от развития артиллерии (22.02.35). Монолитность бетонных и железобетонных сооружений (16.05.35).

МИХЕЕВ Л.М. — Современная крепость (25.03.35).

СЕРГЕЕВСКИЙ Б.Н. — Вопросы связи в современной войне (15.04.35.)

ТАРАКАНОВ В.А. — Роль танка в современной войне. (27.05.35).

ШУБЕРСКИЙ А.Н. — Война будущего; подготовка к ней государства в наше время (24.06.35).

БАЛЬЦАР В.В. — Ударная авиация на поле сражения (30.III.1936). Воздушный десант и роль его в будущей войне (29.III.1934).

ЖИТКЕВИЧ Н.А. — Типы и устройства гражданских построек и убежищ для защиты от нападения из воздуха (22.II.1937).

ИНОСТРАНЦЕВ М.А. — Война и мир с военной точки зрения (14.IV.1937).

МИХЕЕВ Л.М. — Техника и тактика путей сообщения и свобода маневра (28.XII.1936). Применение решетчатых деревянных мостов в условиях полевой войны (28.I.1938). Современное состояние вопроса о мостах, быстро перекрывающих препятствия для пропуска боевых повозок в условиях полевой боя (24.III.1938). Семинарий военно-технических знаний. (20.IV.1938).

ПРОНИН В.М. — Политическое и административное устройство СССР (24.II.1936; 25.V.1936).

ПУШИН Н.А. — Убежища для защиты от ядовитых газов (16.I.1936). О диаграммах состояния некоторых бинарных систем (5.III.1936). О новых ядовитых газах (18.II.1937).

РОЗЕНБЕРГ В.В. — Экономические причины итапо-абиссинской войны (4-XI.1935). Экономика и политика жидкого топлива. Значение его в современном военном хозяйстве (25.V.1938).

СВИЩЕВ И.С. — Влияние русских геодезических работ на определение вида и размеров земли. Современное состояние вопроса об определении вида и размеров земли (16.IV.1937).

СЕРГЕЕВСКИЙ Б.Н. — Оценка германской стратегии 1915 года; психологический пример из области верховного командования (30.XII.1935).

ШУБЕРСКИЙ А.Н. — Современная война и ее характерные особенности (29.VI.1936).

СЕМИНАРИИ

БАСКАКОВ В.И. — О военной доктрине (XII.1932. V.1933 и II.1934). Участник семинария *Егоров А.Е.* сделал следующие доклады: Военная доктрина (26.XII.1932), командный состав армии и военная доктрина (29.V.1933) и военная доктрина и Генеральный штаб (12.II.1932).

ДРЕЙЛИНГ Р.К. и ПРОНИН В.М. — Вооруженные силы России (III.1936).

ЖИТКЕВИЧ Н.А. — По военно-техническим знаниям (III.VI.1937). Участник семинария Л.М.Михеев сделал доклады: Принципы современной полевой фортификации (5.IV.1937); полевые убежища от боевых газов (12.IV.1937), принципы противотанковых препятствий и их устройство (21.IV.1937), легкие, средние и тяжелые убежища от снарядов (26.IV.1937), инженерная разведка в современном бою и операции (9.V.1937). Участник семинария А.К.Шафранский сделал доклад: Фотографирование при помощи инфракрасных лучей (26.V.1937).

МИХЕЕВ Л.М. — По военно-инженерным знаниям (XII.1937 — II.1938). А.М.Вахрушев. Действия II армейского корпуса в августе 1914 г. в Восточной Пруссии (22.XII.1937). Б.С.Никитин. Пояс Мажино (24.II.1938).

Записки Русского Научного Института в Белграде.—Вып. 11.—Белград, 1935.—С. 209-225; там же. Вып. 13.—Белград, 1936.—С. 161-162; Спекторский Е.В. Десятилетие Русского Научного Института в Белграде.—Белград, 1938.—С. 29-35.

РАБОТА НА РОССИЮ

Можно быть самых различных мнений о строении и жизни возрожденной России, однако, одно несомненно: армия этой России будет искать свои корни в старой Русской Армии. Даже теперь, когда иго большевиков еще не свергнуто, когда красная армия еще не переродилась в Русскую Армию, она возвращается к культуре русских старых вождей. Суворов, Кутузов, Багратион сейчас уже открыто восхваляются. Когда же придет освобождение и вновь возродится Российское Христолюбивое Воинство, этот процесс срастания нового со старыми национальными основами расширится и пойдет быстрым темпом. И вот тогда для этого возрождения потребуются летописи подвигов, совершенных русскими полками в годы тяжелой Мировой Войны. С радостью можно убедиться, что эта летописная работа делается. Те, кто ее выполняют, большей частью скромные строевые офицеры, урывающие часы досуга от тяжелой повседневной работы по добыванию хлеба насущного. Поддержку они имеют лишь в среде своих соратников. Широкие круги эмиграции ничем не помогают этой работе; они просто ее не замечают. А, между тем, эта работа все растет и к настоящему времени многие уже составили свои летописи.

Вот список напечатанных, печатающихся и готовящихся к печати войсковых летописей:

93 пехотный Иркутский полк — готовится к печати труд полковника Прокушинского.

Л.Гв. Измайловский полк — готовится к печати труд полковника Бретцеля.

5 пехотный Калужский полк — дневник командира 2 батальона полковника Бучинского, напечатанный под заглавием «Танненбергская катастрофа».

Л.Гв. Кексгольмский полк — описание боя под с. Трыстен генерала Адамовича. Изд. 1935 г.

Мингрельский гренадерский полк — подготовлен к печати труд полковника Джуджиева.

Л.Гв. Московский полк — сборник описаний боев. Изд. 1936 г.

Л.Гв. Павловский полк — готовится к печати труд полковника Потоцкого.

Л.Гв. Преображенский полк — «С родным полком» барон Торнау, изд. 1923 г.; подготовлен к печати труд о действиях полка полковниками Зубовым, Малевским-Малевицем и капитаном Андоленко.

Л.Гв. Семеновский полк — полковником Зайцовым, выпущен I том в 1937 г. и готовится к печати II.

Л.Гв. 3 Стрелковый Е.В. полк — напечатана летопись действий полка полковником Глиндским.

106 пехотный Уфимский полк — напечатаны воспоминания командира полка «На войне» полковника Успенского.

Л.Гв. Финляндский полк — подготовили к печати генерал Моллер и полковники Сергеев, Ходнев.

Л.Гв. Царскосельский Стрелковый полк — «Из Мировой войны» генерала Верцинского, изд. 1931 года.

Л. Эриванский гренадерский полк — «Кавказские гренадеры» полковника Попова, изд. 1928 года.

Составлены исторической комиссией Гвардейского Объединения журналы военных действий: 1 и 2 Гвардейских пехотных дивизий за 1914 и 1915 гг.; 3 Гв. пехотной дивизии и Гв. стрелковой бригады за 1914 год.

Александровский гусарский полк — подготавливается к печати.

Ахтырские гусары — подготавливается к печати полковником Аглаимовым.

Гусарский Е.В. полк — готовится к печати очерк полковой исторической комиссией.

Л. Драгунский полк — напечатан сборник «Лейб-Драгуны дома и на войне» в 4-х книгах.

Забайкальская казачья дивизия — напечатан труд генерала Шильникова.

Кавалергардский полк — выпущены I и II тома (в 1932 и 1935 г.г.) и готовится к печати III том В. Звягинцевым.

1-я Кавалерийская дивизия — сдан в печать I том полковником Никольским.

8-я кавалерийская дивизия — подготовлен к печати очерк о действиях дивизии генералом Устимовичем.

Л. Казачий Е.В. полк — готовится очерк генералом Пздеевым.

Кирасирский Его В. полк — выпущен I том (в 1938 г.) и сдается в печать том II Г. Гоштовтом.

Кирасирский Ее В. полк — «Дневник кавалерийского офицера», изд. 1931 г. Г. Гоштовта.

Конно-гренадерский полк — готовится к печати описание действия полка полковником Скуратовым.

Новороссийский драгунский полк — сдается в печать очерк действий полка полковником Грибовым.

Нежинский гусарский полк — готовится к печати очерк.

Смоленский уланский полк — готовится к печати очерк.

Украинский гусарский полк — готовится к печати описание действий полка Б. Левшиным.

Уланский Его В. полк — готов к печати труд о действиях полка.

Конный корпус Хана Нахичеванского — напечатан очерк о действиях корпуса в бою под д. Каушеном Г. Гоштовта, изд. 1931 г.

6-я батарея (81 артиллерийской бригады) — вышло 2 тома воспоминаний командира батареи полковника Веверна.

История Русской авиации — подготовлен к печати труд генерала Баранова.

XV армейский корпус — готовит к печати очерк действий корпуса в Восточной Пруссии П. Богданович.

XX армейский корпус — вышла из печати 1-я книга генерала Хольм-сена «Мировая война» и готовится к печати 2-я.*

Русский Инвалид (Париж).—1939.—№ 140.

ПО ПОВОДУ НОВОГО ТРУДА

Н.Н. ГОЛОВИНА **

Е. Новицкий

Я не стану следить за автором в пересказе событий и его мыслей по поводу этих событий. Скажу только, что у нас мало таких трудов, где бы с такой ясностью и очевидностью была бы выявлена мысль историка. С этим нужно ознакомиться самому читателю. Скажу только, что бедную Русскую Армию преследует сквозь века какой-то рок. Куда ни поглядишь, везде какая-то недоделанность, расчет на авось, бедность мысли, отсутствие расчета. Таковой была Отечественная война 1812 г., Крымская кампания, Турецкая война 77-78 гг., с этим вышли мы на Японскую войну и с этим остались и в эту войну.

Почему мы, например, под Бородиным стали боком к противнику? Мало ли у нас было лиц, которые могли об этом подумать? Историки ломают себе головы, чтобы логически, умно объяснить себе причину этого явления. А ведь дело было просто в том, что у этого дела не стояло никакого ХОЗЯИНА. Да и в самом деле: кто распоряжался под Бородиным? Кто был в самом деле ответствен за то или иное расположение войск? Никто! Сам Кутузов, конечно, «носом по карте не ездил» и на нее даже не смотрел. Начальника штаба и самого штаба, в современном его понимании, в то время не было. Не Беннигсену же Барклаю было вносить поправки в ошибочное расположение! И вот русскому гению с его изумительной смекалкой и инициативой и русской доблести пришлось спасать положение. Да еще как! Обращать в победу! И это повторялось почти всякий раз, в каждую войну и на каждом поле сражения.

Если бы я был К.В. Войде, я бы написал вторую книгу в параллель его знаменитых «Побед и поражений», книгу «*О русской инициативе*». Я бы показал Миру, как Русская Армия выходила из нелепейших положений, в которые ее ставила вечная ее халатность и частые ошибки начальников путем работы командиров рот и батальонов. Немцев спасал «школьный учитель», нас же всегда спасали командиры рот и батальонов. И, наблюдая во время последних двух войн и изучая по описаниям и рассказам работу этих начальников, я преклоняюсь перед их работой.

* В более приемлемой библиографической форме часть указанных источников отражена в книге: Геринг А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. - Париж, 1968. - Сост.

** Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Галицийская битва... - Париж, 1930. - Сост.

Бывало, начальство напутает, напутает: измучит войска разными отменами и переменами и в конце концов бросит войска вслепую, без ориентировки, без заданий: разбирайся, как знаешь! И разбирались, да и как еще разбирались!

Так было и в этот раз. *Да и в самом деле, кто был хозяином перед Великой войной?* Государь этим делом лично не занимался, да и не знал и не любил его. Великий Князь Николай Николаевич был отстранен. Военный министр был нуль. Начальника Генерального Штаба (постоянного) не было. Работала только канцелярия! Но и тут не было хозяина. Не разберешь, кто тут был главным действующим лицом: Ю. Данилов, фактически работавший над планом войны, или Алексеев, давивший на него всей силой своего авторитета, как его предшественник и начальник штаба Киевского Округа, или французы, которые, вроде нас, сами ясно не знали чего хотели, а только запрашивали. И в результате — нелепое стратегическое решение. И опять русский гений, русская инициатива младших начальников и русская доблесть всех чинов спасает положение!

И подобно тому, что самый строгий судья сказал бы по поводу Кутузова, Барклая, Багратиона, Коновницына, Толя и т.д. «Да, они виноваты, но... заслуживают снисхождения, и притом очень даже большого», так же точно была бы оценена этим судьей работа Государя, Великого Князя Николая Николаевича, Сухомлинова, Ю. Данилова, Алексеева и многих других, имя коим «легionen» и отдельные имена коих тонут в хаосе беспечности и бессистемности, свойственной нам вообще и данной эпохе в особенности. Ведь так же обстояло дело и по всем остальным отраслям русской жизни!

Генерал Головин подходит к этим событиям со всей ученостью историка. Он хочет найти логическое решение задачи. Но живая жизнь, корень коей таится в глубине особенности русского естества, не признает логики, и талантливый историк стоит в изумлении перед нелепым грандиозным событием и в муках старается найти имена виновных. Увы, это ему не удается, подобно тому, как не удалось найти виновного в нелепом развертывании наших армий в 1812 г., в ошибках Крымской войны, в посылке войск «пакетами» в Турецкую войну 1877 г., во всех трех Плевнах и т.д. и т.д.

Благодарную роль возьмет на себя тот, кто напишет историю наших постоянных ошибок в войнах минувшего и тех методов самолечения этих ошибок, которые в своем собственном организме выработали те же русские армии.

Вестник Военных Знаний.—1930.—№ 5.—С. 11—13.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ВОЕННАЯ МЫСЛЬ

Н. Головин

Под названием «Военная Мысль» выходит в СССР толстый журнал, являющийся органом Народного Комиссариата Обороны. Перед нами лежит книга 7-я (1938 г.). Мы обратим внимание на три статьи, помещенные в этом номере.

Тема первой из них самая животрепещущая: «Встречное сражение будущего». Принадлежит она перу г. Иссерсона.

В этой статье имеется ряд новых мыслей, но ввиду схоластического построения общее впечатление остается сумбурным. Этот сумбур увеличивается тем, что автор путает понятие о встречном бое с понятием о встречной операции. А в результате, он приходит к ныне уже погребенной мысли о стратегических авангардах. Здесь ярко сказывается недостаточность военно-научной подготовки автора.

Более интересна статья С. Любарского: «Подготовка высших штабов». В ней автор показывает знание постановки военно-академической работы в Американской и Французской армиях и, — в этой части — его работа ценная. Однако эта интересная статья испорчена вставками из «акафиста» гениальному отцу народов — Сталину, которые необходимы для спасения всякого мало-мальски способного человека от того, чтобы быть приставленным к стенке.

Придерживаясь этого правила, С. Любарский испортил начало своей статьи тем, что примеры хорошей работы высших штабов он ищет не у Мольте и не в генеральных штабах, воевавших в мировую войну держав. Он находит их у Сталина. Таким выдающимся примером является, по его мнению, оборона Царицына в 1918 г., в которой «тов. Сталин и тов. Ворошилов показали образец твердого, гибкого, подлинно большевистского управления войной» (стр. 51). Другим примером он считает «разгром армии ген. Деникина осенью 1919 года. Принятый товарищем Сталиным гениальный план этого сражения...» (стр. 51-52).

При чтении этих строк невольно возникает мысль — для чего же автор статьи настаивает на необходимости военно-академической работы? Сталин и Ворошилов и их штабы, не имевшие никакой подготовки, показали же, по мнению автора, примеры, небывалые за тысячелетнюю военную историю. Ответ на этот вопрос, по-видимому, должен быть таков: для гения товарища Сталина человеческие законы не приложимы. Он все делает замечательно, даже чего не зная. А как мало он знает в области вождения войск, свидетельствует следующее его изречение, цитируемое тем же С. Любарским как образец мудрости: «Товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. говорил: «Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев... А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику» (стр. 55)».

Из этой цитаты мы видим, что представление гениального полководца Сталина о плане операции находится на одном уровне с представлениями дам и детей, посещающих шпионские фильмы и увлекающихся детективными романами. Согласно этому примитивному представлению, весь оперативный план изложен на одной бумажке, которую хитрый шпион похищает и затем передает ее противнику. Прочтя эту цитату и сравнивая ее с серьезным содержанием всей статьи, возникает подозрение — не смеется ли С. Любарский?

Последняя статья рассматриваемого нами № 7 большевистской «Военной Мысли» посвящена рассмотрению «Переброски стрелковой дивизии на автомобилях». Эта статья хороша. З. Рудаков широко пользовался при составлении ее французскими источниками. Использовал он их с большим пониманием дела и мы рекомендуем статью З. Рудакова для

прочтения всем желающим ознакомиться с техникой службы автомобильного транспорта.

Русский Инвалид.–1937.–№ 122.

НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ПИСАТЕЛЬ СЕМЕН БУДЕННЫЙ

Руководящий советский военный журнал (бывший «Война и Революция»), несколько задержался с выходом своих очередных номеров весной и летом этого года. Причина в том, что из состава редакционной коллегии этого органа (всего четыре человека) двое расстреляны 11 июня.

Из-за этого очередной номер вышел с запозданием (помечен № 3-4). Двойной он, впрочем, только теоретически, так как вместо обычных двухсот страниц он содержит только 225. По-видимому существо этого «удвоения» нужно искать не столько в количестве, сколько в качестве статей.

Действительно, наряду с обычными уцелевшими сотрудниками этого почтенного журнала, мы находим в нем такого корифея советской военной мысли, как нового командующего войсками в Москве маршала Буденного. Именно перу его принадлежит передовая руководящая статья этого, обновленного июньскими расстрелами, номера. Статья озаглавлена так: «Основы тактики общевойсковых соединений конницы». Статья в два печатных листа с 8 страницами схем (частично в красках).

Стиль статьи, однако, выдает тех «негров», которым было поручено временное исправление должности «мозгов» советского полководца. Вся она написана в чисто догматическом стиле, т.е. так, как пишутся уставы. Делать то-то, не делать того-то, и испещрена такими общими местами, как «сущность тактики конницы сводится к: 1) активности, 2) постоянной боевой готовности, 3) гибкому маневрированию, 4) борьбе за свободу маневра» и т.д., и т.д. Другими словами, это — толкование устава в чисто казенном канцелярском стиле. Нужно отдать справедливость, что схемы сделаны хорошо, и никаких курьезов встретить в них нельзя. Несомненно, что это добросовестная компилятивная работа инспекции конницы по разъяснению новых требований кавалерийского боя.

Нигде однако нет и следа не только проявления лица самого автора, но даже и повествование-то ведется, как в Уставе, безлично. Второпях, по-видимому, маршал забыл указать, давая заказ на статью, что нужно было бы хоть для приличия упомянуть или сослаться на его боевой опыт в гражданской войне, или хотя бы советско-польской... Ни одного намека на это нет.

Статья с начала и до конца написана в том военно-бюрократическом стиле, который делает подпись под статьей совершенно лишней. В одном только месте авторы статьи отступили от этой тенденции. Говоря о различии между разведкой мелких и разведкой крупных частей конницы, введено такое пояснение: «Всякое военное правило нужно рассматри-

вать диалектически, в конкретной исторической обстановке». Цитата эта так не вяжется со всем стилем статьи, что можно заподозрить, что именно этим штрихом, от которого за версту несет учебником политграмоты для малограмотных, Буденный захотел запечатлеть свое участие в выполнении этой военно-научной работы. В его представлении это, по-видимому, и был тот мазок кисти мастера, которым он завершил творение.

Нужно думать, что почин Буденного вызовет подражание и что в ближайших номерах советских военных журналов не замедлят выступить с статьями, заказанными ими по этому случаю, и другие новые советские полководцы, вроде матроса Дыбенко или Киевского командира Федько. Так оправдывается в советских условиях, истина, что не человек красит место, а место красит человека, и вероятно, Буденный совершенно уверен, что он, подписав эту статью, стал действительно военным писателем.

А.

Русский Инвалид.—1937.—№ 106.

«МЫ НЕ УМЕЛИ ЦЕНИТЬ СВОЕЙ АРМИИ»

Л. Бучинская

Разбирая бумаги моего покойного мужа, Юлиана ФORTУНОВИЧА БУЧИНСКОГО, я нашла эту рукопись; в ней записана непосредственным ее участником одна из самых темных и трагических страниц нашей последней войны с Германией.

Зная, насколько мой покойный муж был предан Русской Армии, я решила издать эту рукопись, с той целью, чтобы вся чистая прибыль от продажи этого издания пошла бы на усиление средств Русского Обще-Воинского Союза, в полное распоряжение генерала Архангельского. Это будет посмертный дар моего мужа кадрам будущей Русской Национальной Армии.

Мы, русские, в нашем прошлом никогда не умели ценить по-настоящему своей Армии. Равнодушны к ней и в настоящем, предоставляя ее, в лучшем случае, своим силам, в то время когда другие народы, — участники Великой войны — как победители, так равно и побежденные, свою признательность к Армии и ее героям возвели в настоящий культ (возжение лампы на могиле неизвестного солдата). Не оцениваем мы ее значения и в будущем, ибо если бы мы сознавали, что без национальной Армии немыслима национальная Россия, мы бы предоставляющуюся нам возможность принять участие в подготовке кадров для этой Армии считали бы для себя не только долгом, но и величайшим

* См. источник. - Сост.

счастьем. В противном случае, мы не достойны иметь свою Родину и самое пребывание наше за границей ничем не оправдывается и лишено смысла и значения.

Бучинский Ю.Ф. Танненбергская катастрофа. – София, 1939. – С. 5.

ПОЧИН ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

ОТ РЕДАКЦИИ

«ВОЕННОГО СБОРНИКА ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ»

Характерной чертой русской революции 1917 года было настойчивое стремление с первых дней ее возникновения расшатать, разрушить и уничтожить армию. В этом принимали участие не только враги армии, но и друзья, ослепленные до потери сознания внезапно засиявшим светом «СВОБОДЫ, РАВЕНСТВА И БРАТСТВА».

Армию терзали извне и изнутри. Вынули душу — дисциплину; террором офицерства — ее мозг и сердце. Это нужно было тем, кто хорошо понимал, что с гибелью армии погибнет и Россия. Ибо они знали, что только та страна, только тот народ силен, которые имеют надежную и сильную армию. Армия это меч и щит в руках народа и государства.

И свершилось...

Со смертью старой армии последовало и постепенное умирание России. Выход из коалиции, торжество интернационала, позорный Брест-Литовский мир, крайние новообразования, анархия, террор и голод, уносящие миллионы жертв, разве это не политическая и физическая смерть?

Но — «аще не умрет, не оживет»...

Старая Россия умерла, как и ее армия; новая рождается в тягчайших муках; она родится и будет жить. Умерла старая Россия — но не умер Великий Русский народ. Он в припадке безумия, зараженный страшным ядом большевизма, сжег и уничтожил созданное им государство, и он сам же, восстав от одра болезни, вновь создаст его еще более сильным, еще более величественным. Он же создаст и армию, достойную Великой Новой России.

Наш долг, наша святая задача теперь же приступить к подготовке создания русской армии. И мы, обновленные в горниле великих испытаний последних лет, участники мировой войны и борьбы с большевизмом, обязаны приложить все свои познания, весь свой опыт на то, чтобы в новой России создать сильную, с лучшими заветами и традициями старины, армию.

Воссоздаваемое Общество Ревнителей Военных Знаний открывает скромные страницы нарождающегося на территории братского нам народа Сербии «Военного Сборника» для всех, кто любил, кто составлял одно целое со старой героической русской армией, видевшей и Берлин, и Париж, и Вену, и Константинополь, и Пекин и, как орел, перелетавший через гордые Альпы, Балканы, Карпаты, — покрывавший своими мощными крыльями 1/6 суши земного шара.

Мы открываем страницы «Военного Сборника» всем тем, кто глубоко верит в возрождающуюся Великую Новую Россию и ее будущую армию, еще более сильную, более могучую, чем старая. Мы просим — несите свой опыт, несите свои знания во всех областях военного искусства на страницы журнала, *и он здесь, на чужбине, вне родины будет кафедрой для тех, кто умудрен опытом, кто жаждет научить и — аудиторией для тех, кому нужно, кто хочет учиться военному искусству, великому делу создания армии, а с ней — и Родины.*

Редакция учитывает те огромные затруднения и препятствия, которые она встретит на своем тернистом пути, но она глубоко убеждена, что все, в ком сердце бьется жгучей болью за прошлое армии и светлой надеждой на будущее, не откажут в своей поддержке и отзовутся на скромный призыв редакции.

Военный Сборник О.Р.В.З. (Белград) - 1921. - Кн. 1. - С. 3-4.

К ЧИТАТЕЛЯМ «РУССКОГО ИНВАЛИДА»

Н. Баратов

1 (14) февраля 1813 года, т.е. ровно 117 лет тому назад вышел в Петербурге первый номер газеты «Русский Инвалид». Приступая к осуществлению *давно лелеянной мечты — возрождения на чужбине издания «Русского Инвалида», как исторического соратника нашей Российской Армии,* считаем долгом напомнить нашим читателям, когда, как и с какой целью была создана газета «Русский Инвалид».

Участие России в Наполеоновских войнах, включительно до Отечественной войны, сильно истощило государственную казну и дало массу жертв — инвалидов, вдов и сирот, которых казна была совершенно бессильна брать на свое иждивение. Отсюда создавалось для всех этих несчастных доблестных борцов за Россию и их вдов и сирот самое отчаянное, безысходное положение.

И вот в это именно время на помощь инвалидам явилась *частная инициатива.* Один скромный человек, всего коллежский советник *Павел Павлович Пезаровиус,* придумал издавать газету под именем «Русский Инвалид» с тем, чтобы весь доход от издания, за вычетом издержек на печатание, употребить «на вспоможение инвалидам, солдатским вдовам и сиротам». Газета была задумана еженедельная.

Мысль Пезаровиуса имела блестящий успех, и уже после выхода первых четырех номеров в редакцию поступило — 2405 рублей, сумма по тому времени немалая. Литературный материал газеты был более чем скромный — весь газетный лист заполнял один Пезаровиус... Причем этот скромный чиновник прибег к маленькой хитрости — упросил другого такого же чиновника, служившего в цензуре, *давать ему раньше других газет* известия с театра военных действий. *И в редакцию полились щедрые пожертвования.* Императрица Мария Федоровна, мать императора Александра I, после каждой победы наших войск присылала Пезаровиусу от 8 до 10 тысяч рублей. Через год в кассе «Русского Инва-

лида” образовался уже целый «инвалидный капитал» в сумме 395.000 рублей, который он представил в распоряжение Императора Александра I, для основного фонда учрежденного им Александровского Комитета о раненых.

«Русский Инвалид» превратился затем из личного органа П.П. Пезаровиуса в большой литературный орган, в котором участвовали лучшие русские писатели, оставившей в истории журналистики того времени значительный след, особенно в годы реформ Императора Александра II.

Таким образом и «Русский Инвалид», и «инвалидный капитал», возникшие по частной инициативе, благодаря общественным пожертвованиям, просуществовали с великой пользой для нашей Армии и России более ста лет имели уже в своей кассе не одну сотню миллионов рублей! За счет этого капитала содержались военные богадельни, ряд учебных заведений для детей инвалидов и других благотворительных учреждений, не говоря уже о систематической и широкой выдаче пенсий и пособий воинам, потерявшим здоровье на войне.

Покойный профессор В.Д.Кузьмин-Караваев по поводу столь блестящих результатов, достигнутых созданным по частной инициативе «Русским Инвалидом», писал, что «нет и тени возможности сблизить два момента русской истории: 2-е десятилетие XIX века и 3-е XX века... Тогда Россия была жива. Сейчас Россия замерла в тисках коммунистического эксперимента. Но если говорить об общественном долге, лежащем на нас, более или менее здоровых и более или менее сытых, — во всяком случае, трудоспособных эмигрантах, то нельзя не вспомнить и не напомнить, когда, кем и с какой целью была создана газета «Русский Инвалид».

Главное Правление Зарубежного Союза это и делает настоящим выпуском возрождаемого «Русского Инвалида» на чужбине. Сознывая всю трудность этой задачи, Главное Правление однако верит, что если Россия и замерла, находясь под игом III интернационала вместе с миллионами наших братьев-инвалидов, то Зарубежная Россия жива и проявляется при этом такую великую жизнеспособность и творчество *во всех областях жизни и искусств*, что вызывает справедливое уважение и удивление всех иностранцев.

Эта вера, жившая в наших сердцах и раньше и послужившая основанием для устройства нами первого «Дня Русского инвалида», особенно окрепла в переживаемое всей нашей зарубежной Россией время, когда случившееся чудовищное несчастье — похищение генерала А.П.Кутепова как гром поразило всех и привело к объединению всей эмиграции вокруг нашего зарубежного воинства; храмы наполняются молящимися, и в Комитет по сбору средств на розыски генерала Кутепова, этого рыцаря-воина, вождя и великого патриота, текут пожертвования от всех русских людей, независимо от их состояния, положения, возраста и политических и религиозных убеждений.

Вот почему еще глубже наша вера, что вся эмиграция, и в особенности наше зарубежное воинство, живо отзовутся на наш призыв — *поддержать издание исторической традиционной газеты — верного спутника на протяжении целого столетия доблестной Российской Армии*. Ведь на страницах «Русского Инвалида» за сто семь лет его существования были запечатлены документально все доблестные, великие под-

виги, совершенные нашей армией, как ее войсковыми частями, так и остальными чинами, от генерала до солдата.

Возрождение «Русского Инвалида» в условиях нашего распыленного и трудового эмигрантского существования получает особое значение для поддержания славных исторических традиций Российской Армии и Флота и для поддержания духовного единства между нашими зарубежными русскими воинами. В стремлении к этому объединению — в воинском духе и традициях — «Русский Инвалид» и ставит себе одной из главнейших задач — дать всему трудящемуся офицерству, занятому повседневной борьбой за существование, возможность следить за развитием военно-научной мысли и состоянием военного и морского дела.

«Русский Инвалид» ставит себе и другую великую национальную задачу: неустанно твердить молодому поколению — надежде обновленной России, — о былом величии и мощи нашей Родины для воспитания в их душах и сердцах пламенной любви к Отечеству и для внедрения в их сознание — готовности все свои силы отдать на возрождение России к ее новому величию, могуществу и славе.

Мы сердечно рады, что перед нами выдвинулись и заняли передовые посты на различных направлениях нашего зарубежного фронта следующие периодические органы нашей военной печати: «Военный Сборник», «Зарубежный Морской Сборник», «Артиллерийский журнал», целых два «казачьих журнала», «Часовой», «Вестник Военных знаний» и другие.

Нам, «Русскому Инвалиду», *прибывшему на фронт теперь*, естественно *выпадает задача и роль «общего резерва»* — поддержание наших передовых постов и часовых в их чрезвычайно важной и полезной работе, которую все они начали и ведут с полным успехом. Мы будем поддерживать с ними тесную связь и действовать на основе краеугольных принципов военного дела: единства, взаимной поддержки и выручки, и *горячо верится, что все мы, органы военной печати на зарубежном нашем фронте, будем соблюдать мудрое правило — «все — за одного и один — за всех»*

Мы будем далее стремиться к установлению живой и прочной постоянной связи между нашим «фронтом» и «его тылом» — всей русской эмиграцией с ее общественными организациями и зарубежной печатью для совместного служения Национальной идее и для неуклонного продолжения непримиримой борьбы против поработителей России впредь до ее освобождения.

В военно-научном отделе будут работать выдающиеся научные силы армии и флота. Далее будут следующие отделы:

Исторический. В нем, кроме описания различных исторических фактов, эпизодов и воспоминаний, будет предоставлено широкое место всем войсковым объединениям, сухопутным и морским, для описания самых выдающихся подвигов, совершенных их частями во время Великой войны и Белого движения.

Инвалидный. В нем будет отражаться вся жизнь военных инвалидов на всем зарубежном нашем фронте.

Новости военной литературы — красной и иностранной.

Казачий. В нем будет отражаться все славное многовековое боевое прошлое нашего казачества и его современная жизнь.

Общая литература. Этот отдел, по примеру лучших русских писателей, участвовавших в «Русском Инвалиде» в эпоху Императора Александра II, будет украшаться нашими выдающимися современными зарубежными писателями, которые уже украшали своими именами ежегодно наши однодневные выпуски «Русского Инвалида», издававшихся в «День Русского Инвалида».

Последний отдел — **Справочный** будет широко служить всему зарубежному нашему воинству вообще и каждому офицеру в отдельности.

Изложив таким образом нашу заветную цель возрождения «Русского Инвалида» на чужбине и намеченную для него программу, мы горячо верим, что это наше начинание встретит всеобщее сочувствие и поддержку словом и делом, дабы дать «Русскому Инвалиду» возможность стать твердо на ноги и достигнуть поставленной цели — *послужить нашей армии за родным рубежом.*

И чтобы затем с нею вместе возвратиться в обетованную многострадальную нашу родину, чтобы там уже, на освобожденной к новой жизни русской земле, продолжать с новыми одушевленными силами дальнейшее наше пламенное служение на пользу, величие и славу возрожденных российских Армии и Флота.

В добрый час. Да поможет нам Господь!

Русский Инвалид. – 1930. – № 1.

ЖУРНАЛ ЗДОРОВОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

Н. Колесников

<...> Наш военный журнал* не является сколком с античных изданий довоенного времени, как, например, «Военный сборник», «Известия Императорской Николаевской Военной Академии», «Вестник Русской Конницы» и т.п. и т.д.

Нет, *мы журнал грядущего* дня и текущих исканий, а поэтому не можем позволить себе роскошь, говоря академически сухим языком, ограничиться узкой аудиторией специалистов той или другой отрасли военного дела. Наша аудитория — *вся эмиграция со всеми ее разветвлениями и организациями.* Вот почему мы совершенно понимаем генштаба генерал-лейтенанта Евгения Ивановича Мартынова, который в своей книге «Из печального опыта Русско-японской войны», критикуя нашу старую академическую постановку, еще в 1906 году писал (с. 103-104) так: «Здравый смысл заменяется схоластическим способом изложения науки. Военное искусство — дело живое и практическое, а потому теория его, вместо того чтобы витать в облаках метафизики, должна находиться в постоянном и непрерывном общении с жизнью, должна быть краткой и

* «Армия и Флот» (Шанхай). - Сост.

ясной. В изложении талантливого, действительно знающего специалиста самые сложные вопросы являются простыми и понятными.

Наоборот, жалкая бездарность, соединенная с отсутствием настоящих живых знаний, обыкновенно старается свои убогие мысли облекать в труднодоступные пониманию формы, наивно полагая, что в этом-то и заключается ученость». Дальше автор продолжает: «Таким характером отличается большинство академических руководств по военному искусству: самые простые вещи расписаны на многих страницах; для доказательства очевидных истин призвана на помощь философия, психология и другие науки».

Мы бы значительно удлинители нашу статью массой выдержек, но сжатые рамками размеров нашего журнала принуждены сказать, что и всего указанного уже достаточно.

Отчего мы любим Пушкина? Да потому что он гениально прост и доступен каждому. Труды генералов Головина, Геруа, адмирала Бубнова с увлечением читают не только офицеры генерального штаба, но и дамы.

Почему? Да потому что это понятно всем, увлекательно написано и нисколько не теряет в своей научной ценности. *Такова истинная наука.*

Кроме всего этого, не надо забывать, что мы остановились на 1914 годе, когда ушли в бой, закрыв учебники и, следовательно, почти на двадцать лет отстали от мировой мысли в области войны. Покрыть детально этот перерыв почти невозможно в условия эмиграции. Следовательно, вам остается схематизация, популяризация и конспект. Только таким образом вы нагоните международный экспресс военной мысли и тогда уже сможете вернуться к деталям.

Теперь перейдем к аудитории. Большинство наших читателей является или молодежью, или строевыми офицерами революционного периода, которые смотрят на наш журнал как на пособие по военному самообразованию, заменяющее и школу и лекции, на которые зачастую очень трудно ходить из-за служебных и других условий.

Мы должны подойти к своей аудитории сами. Наша работа доказала нам, что мы совершенно правы. Круг читателей расширяется непрерывно, и нашими читателями являются не только специалисты военные, но: коммерсанты, врачи, рабочие ремесленники, лица духовного звания, инженеры, моряки, артисты, иностранцы (французы, англичане, немцы и японцы) и значительный процент дам и девушек.

В чем же дело? Где секрет? Может быть выписка журнала связана с выходом нашего романа из русской жизни? Не думаем, что это имеет основное значение, а просто потому, что наши статьи доступны и понятны каждому сколько-нибудь интеллигентному человеку, а вопросы, трактуемые, жизненны и насущны.

Девушка, купец, врач и инженер могут читать очерки грядущих проблем так же все понимая, как специалист офицер генерального штаба, артиллерист и т.д. Наша военная аудитория также очень разнообразна и пестра. Наравне со старым генералом, получившим высшее военное образование, у нас есть подписчики из простых казаков, солдат и матросов, которые отлично разбираются в материале. Так как мы по необхо-

* Автор имеет в виду свой роман "Диктатор", бесплатно полагавшийся постоянным подписчикам журнала "Армия и Флот". - Сост.

димости, а не из подражания Эдисону, сами взяли на себя развозку журнала, то мы не только знакомы со всеми подписчиками в Шанхае, но знаем, что их особенно интересует, как они представляют себе события, словом, у нас есть постоянное общение со своей аудиторией, что с одной стороны, конечно, служит обеим сторонам на пользу, но, с другой точки зрения — страшно отражается на скорости доставки.

Наши достоинства следующие:

1) Выписка нами иностранных военных журналов: немецких, французских, английских, японских и т.п., посильное их использование нашими переводчиками, что дает прекрасный современный материал.

2) Печатание лучших статей наших ученых, как современных, так и корифеев военной мысли, выдержками из их трудов. Это заменяет (отчасти, конечно) чтение военных классиков.

3) Ознакомление с русской и иностранной военной историей (Оренбургское казачье войско или замечания о французской армии).

4) Помещение выдержек из советской военной литературы и отдельных статей и т.д.

5) Посильное иллюстрирование событий.

6) Отсутствие партийности и местных увлечений.

Наши недостатки:

1) Малая емкость нашего журнала, не позволяющая вести все отделы и отражать жизнь полностью.

2) Отсутствие схем, карт, иногда портретов к статьям (хотя бы в этом номере — ген. Скобелева).

3) Запаздывание с развозкой и доставкой.

Однако все это происходит исключительно из-за отсутствия оборотных средств, но это не имеет значения, так как поправимо в будущем.

Выводы:

1) Журнал окупает сам себя.

2) Тираж его увеличивается.

3) Экспедиция вышла за пределы Китая и проникла в Европу, Америку и Австралию.

Самым досадным является наша русская неаккуратность в уплате подписной платы некоторыми людьми, тормозящая скорое расширение и улучшение журнала.

Самым отрадным явлением мы считаем примирение клочущих партийных течений и счетов в нашей области, а наши подписчики и читатели состоят в различных лагерях, зачастую явно враждебных друг другу.

Полная свобода мысли, взятая нами за основание, и академическая работа не позволяют нам иметь платформ и программ партийного характера.

Конечно, журнал по своему духу является русским военным журналом, уважающим религиозную мысль читателя, и антибольшевистским по характеру... и только. <...>

По этой же причине мы широко открываем страницы нашего журнала для всех группировок и неоднократно помещали нижеследующее извещение в официальном отделе нашего журнала.

Однако старый осадок прежних газетных столкновений еще не изжит окончательно, и это ненужное, уже давно увядшее воспоминание прошлых недоразумений мешает слиться всей военной массе эмиграции в общем желании иметь хороший военно-научный журнал. Переживем,

конечно, и это и увидим на страницах нашего журнала отражение жизни всех организаций Шанхая.

Из-за этого же холодка в помещении «Казачьего союза» на лекции не ходит одна группа, в то время как другая по той же причине не бывает в «Офицерском собрании», а между тем и в одном и в другом читались прекрасные, нужные, полезные лекции талантливыми лекторами, имеющими ограниченную аудиторию.

Сколько раз были попытки русской эмиграции работать в «клетках за перегородками», иметь принципиально свой орган? На наших глазах зарождались, чахли и умирали все эти интересные в первых номерах издания. Мы уже позабыли все их названия и понятно почему.

Военный журнал требует постоянной слежки за военной мыслью, вечной тренировки ума в определенном направлении, соответствующего опыта, времени и упорного труда, рационального непрерывного чтения современных военных журналов, литературы, знакомства с основными доктринами различных учений и серьезной подготовки по военной истории, истории военного искусства, основам современной тактики и стратегии.

Этого нельзя сделать и добиться ни в неделю, ни в год, ни в «пятилетку», так как этому надо посвятить всю свою жизнь, полюбить военное дело и отдаться ему до последнего атома.

Многое в нашей эмигрантской жизни исполнено лицемерия, ханжества и ложных понятий. Мы устраиваем офисы, конторы, обставляем редакции, набираем секретарей, машинисток, переводчиков, проводим телефоны, ставим радио и потом уже ищем сотрудников, начинаем работать, окруженные экспедиторами, конторщиками, бухгалтерами, пока не ухлопаем последний копер и не вылетаем с треском в трубу. Мы преклоняемся перед карами, офисами и смокингами, пока не несем все это в клад и на аукцион.

Наш журнал имеет несколько другое начало, и пока мы применяем к нему чисто американские методы. Вся редакция, контора, экспедиция состоит из переводчиков (с японского, китайского, английского языка), нескольких наборщиков, печатников, местных сотрудников (несколько человек), редактора, который выполняет ряд функций, вплоть до личной развозки номеров журнала.

Таким образом, *максимум внимания приходится отвести журналу, а удобства и комфорт поставить на второй план и все улучшения и расширения производить лишь в последовательном порядке с большой осторожностью, чтобы не нарушить бюджета. Вот почему мы, отлично зная наши недостатки, не можем сразу превратиться в идеал военного издательства.*

Учитывая бедность Дальнего Востока военными специалистами писателями, мы, путем личной связи, вошли в общение с Европой и получаем прекрасные статьи специалистов, а также наметили к печати ряд интересных материалов прошлого, как по истории, так и по другим отделам.

Наш журнал должен быть журналом обновленной здоровой русской военной мысли. Мы не хотим топтать старого, полного славы прошлого, мы уважаем авторитеты и служение родине, мы ценим традиции и военную историю России, но мы хотим знать причины наших поражений и

разгрома, мы хотим знать свои ошибки и упущения, мы не желаем повторения этих шибок.

Все это дает широкий простор научной критике в допустимых этикой границах, самому серьезному анализу.

Мы видим — наступают часы великих событий и желаем знать: какое участие отводится в них России вообще и эмиграции в частности? Нельзя рвать с прошлым и строить будущее без связи с ним, но нельзя в век радио и авиации жить тактикой севастопольской эпохи.

На смену старому идет молодое. Таков закон природы, но мы, видя выдвижение молодых побегов в Германии, Италии, Польше, России, Турции, Японии, Китае и др. странах, видя в эмиграции новые струи, не можем быть молчаливыми зрителями новой эпохи, глядя надвигающиеся молодые легионы со скептической улыбкой из археологических развалин когда-то великого прошлого.

Нет!.. Во имя логики и рассудка мы обязаны принять участие в этом не ясном пока пути, — не как статисты прошлого, но как бойцы, исполненные опыта, — и взять в руки падающие знамена отцов, чтобы участвовать как их законные заместители и ученики. *В этом задача тех, кого застала революция на скромных постах простых работников и исполнителей.* Но чтобы иметь моральное право иметь свое участие и голос, мы должны быть впереди. Мы должны обладать знаниями и уметь разбираться в тех ошибках и тайных рифах и скалах, о которые разбиваются государственные корабли.

Пред нами одна цель — Россия. У нас один лозунг — Родина. Во имя ее надо забыть все обиды и служить только ей. Вот почему мы приглашаем к общей дружной работе, к общему сотрудничеству и единению всю военную эмиграцию России. Мы хотим, чтобы наш журнал был вашим журналом, чтобы вы в нем видели истинные принципы военной мысли, чтобы он был вашей школой, вашим другом, вашим спутником и чтобы вы сумели в нем найти все то, что помогло бы вам в вашем служении России.

Колесников Н.В. Наука, аудитория и действительность // Армия и Флот (Шанхай). – 1932. – № 10. – С. 63–67.

И. Домнин

КРАТКИЙ ОЧЕРК ВОЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*...А мы в чужие небосводы
Угнали стаю наших звезд.*

Иван Савин

I

Всех, кого исследовательский интерес вывел на просторы военной мысли эмиграции, не может не поражать «залежность» и неизведанность этого «Марсова поля» культуры Русского Зарубежья. При знакомстве в бывших спецхранах с книгами, брошюрами, журналами военного содержания то и дело приходилось разрезать страницы, сфальцованные в «походных» беженских типографиях. Конечно, отдельные «посвященные» давно листали «крамольные» издания, но с уверенностью можно сказать, что всей панорамы этого поля у нас не представляли.

Налет эйфории и экзотичности, сопровождавший процесс изучения русской эмиграции с конца 80-х годов, почти сошел. Резче обозначилась необходимость скрупулезной, «тяжеловесной» работы, в которой нет места скорохватству и легкомысленным выводам, идущим в ущерб исторической истине. Разве допустимо, например, когда стотысячным тиражом расходится такое измышление: «в отличие от эмигрантской интеллигенции, которая оставила после себя заметный след, деятели РОВС, кроме нескольких кровавых дел, серии скандалов и интриг, ничем себя не прославили»¹.

И как же относиться к мнению отдельных историков, причисляющих автора этого «перла» к серьезным исследователям военной эмиграции²?

Определенное объяснение подобной позиции состоит в том, что о военных изгнанниках вообще написано мало. В широко известных трудах по истории и культуре эмиграции П. Ковалевского, Г. Струве, Л. Любимова, Л. Шкаренкова, М. Раева, М. Назарова воинству отводится эпизодическое внимание³. Тем не менее в аннотации к книге М. Раева сообщается, что в ней «эмиграция рассматривается со всех точек зрения», что это «своего рода энциклопедия России за рубежом». Даже с оговоркой здесь — явное преувеличение. Авторам, функционально не связанным с военным делом, его исследование кажется крайне незначительным, само оно для них — где-то на задворках Зарубежья. Еще в одной «энциклопедии» — биографическом словаре «Русское Зарубежье. Золотые страницы эмиграции» среди более чем четырехсот представленных персоналий не нашлось места для сведений о П.Н. Врангеле, П.Н. Краснове и др. выдающихся военных фигурах России в изгнании⁴. Военная проблематика, как правило, не отражена и в критических обзорах о том, как «Россия познает Русское Зарубежье»⁵. Усеченное, декоративное изображение военной эмиграции, равно и нивелировка напря-

женной работы целого ряда исследователей и коллективов ведут к примитивному знанию о великой и трагической странице военной истории Отечества.

Военная культура Русского Зарубежья явила себя и раскрылась в пяти основных «ипостасях»: военной организации, военной мысли, военной печати, военной школе, культурно-исторической и мемориальной работе.

Для нас в этой комбинации важнейшим элементом представляется зафиксированная в печатных и рукописных источниках военная мысль как совершенно особая часть отечественной военной мысли; как самосознание русской военной эмиграции; показатель ее духовного качества; творческий акт и результат непрерывной интеллектуальной работы; совокупность информации, методов, выводов, оценок, уроков и идей. Это последнее откровение Императорской Армии о своих подвигах и грехах, подспорье в возрождении российской вооруженной силы, главный — метафизический — итог изгнания, подтверждающий жизнеспособность русской военной культуры.

К сожалению, серьезных полнокровных трудов, посвященных не только военной мысли, но и вообще творчеству офицеров и генералов на чужбине не создано ни в Зарубежье, ни на Родине. В то же время ошибочно полагать, что на этом пути не сделано никаких шагов. Тема военной эмиграции и ее культурного наследия осваивается все активнее. Нарботанный багаж уже достаточно весом, и необходима его «инвентаризация» с тем, чтобы определить объем и характер имеющегося и предстоящего.

Укажем две группы источников, в разной степени касающихся творчества и военной мысли эмиграции. Первая включает в себя работы самой эмиграции. В ряде трудов детально отражена военно-учебная, литературная, издательская деятельность изгнанников в лагерях Галлиполи, Лемноса и других⁶. Определенные аспекты их творчества затронуты в справочнике «Армия и Флот» и в работе В. Абданк-Коссовского «Россия в изгнании»⁷. Несколько брошюр и статей дают достаточное представление о работе Высших Военно-Научных Курсов ген. Н.Н. Головина, Института по исследованию проблем войны и мира им. профессора ген. Головина, Военно-научного института в Белграде⁸. К предмету нашего очерка относятся статьи: «Советская и зарубежная военная мысль» Е. Месснера, «Современная русская военная мысль» В. Добрынина, «Русская военно-научная мысль за рубежом» Л. Михеева⁹. Но это лишь «штрихи к портрету».

Очень важна работа А. Геринга «Материалы к библиографии военной печати за рубежом», которая хотя и имеет научной строгости (о чем предупреждал сам автор), все же является хорошим ориентиром и основой для создания более полной и систематизированной библиографии¹⁰.

Основной же массив данной группы — это многочисленные обзоры, «хроники военно-научной жизни», рецензии, отзывы, полемика в десятках журналов и газет, а также архивные материалы организаций и личных фондов эмиграции¹¹.

Вторую группу источников составляют работы, вышедшие в СССР и постсоветской России. В начале 20-х годов отклики на отдельные работы и издания «белоэмигрантов» периодически печатались в военно-научных журналах РККА: «Военная наука и революция», «Военная мысль и рево-

люция», «Красная Армия»...¹² Тогда же, «по горячим следам», переиздавались и комментировались сочинения А. Деникина, П. Краснова, А. Будберга, Н. Головина, П. Симанского и других¹³.

Позднее на «Марсово поле» наследия эмиграции, точно на минное поле, старались не забредать. С конца 50-х годов крупными военными историками Л.Г. Бескровным, Г.П. Мещеряковым, С.И. Коротковым, коллективом под руководством П.А. Жилина и др. созданы труды по истории русской и советской военной мысли. Но эмиграция в них не упоминается. Правда стараниями А.Г. Кавтарадзе в Большой Советской Энциклопедии появились статьи о генералах А.К. Баиове, Н.Н. Головине, где показаны и их зарубежные труды, а в библиографическом указателе «Справочники по истории дореволюционной России» под редакцией П.А. Зайончковского¹⁴ — несколько книг В. Звегинцова, Е. Молло, С. Андоленко.

Только с начала 90-х годов процесс познания жизни и творчества русского воинства на чужбине набирает темп. В основе усилий исследователей — понимание особой значимости наследия изгнанников как специфического и ценного, «болезненно пережитого» опыта воинов «другой России», как слова, несущего «чувство правды».

Прежде всего отметим интенсивную публикаторскую деятельность, безусловно требующую исследовательского подхода (компетентный отбор материала, составление, редактирование, комментирование). Это очень важное направление работы, ибо, не сделав редчайшие источники достоянием более или менее широкого круга читателей, тем паче специалистов, нельзя рассчитывать на должное изучение и усвоение опыта и правды русской эмиграции. Так, издательство «голос» уже несколько лет ведет серию «Белое Дело». В ней гражданская война показана глазами известных деятелей контрреволюции, таких как А. Деникин, П. Врангель, П. Краснов, А. Богаевский, Г. Покровский, Б. Штейфон и др.¹⁵ С 1994 года «Российский военный сборник» систематически публикует работы военной эмиграции по проблемам философии войны, истории русской армии, военной доктрины, военного искусства, военной организации, духовного фактора в военном деле, «военно-морской идеи» и т.д. (Их общий объем превышает 150 печатных листов). Из выпусков Сборника читатель познакомился с десятками источников ранее неизвестных или забытых авторов¹⁶. Несколько трудов военных ученых и писателей Зарубежья представили «Антология отечественной военной мысли» (в центре внимания — Н. Головин) и «Библиотека российского офицера»¹⁷.

Отдельными книгами переизданы или напечатаны впервые произведения тех же А. Деникина, П. Краснова, П. Врангеля, а также А. Керсновского, А. Туркула, Ю. Данилова, М. Дитерихса, Н. Епанчина, Б. Филимонова, П. Махрова, Е. Месснера, Д. Леховича...

Архивные материалы, касающиеся воинства Зарубежья, представляют такие издания, как историко-документальный альманах «Русское прошлое» и двухтомник (с перспективой продолжения) «Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы»¹⁸.

Немало архивных источников, статей и фрагментов работ эмигрантов находят место и на страницах периодики, прежде всего «Военно-исторического журнала», «Вопросов истории», «родины» и, конечно, тех,

что учреждены подвижниками в знак преемственности с изданиями изгнанников — «Военной Были» (Москва) и «Нового Часового» (С.-Петербург) или, например, альманаха «Белая Гвардия» (при журнале «Посев»).

Анализируя этот поток литературы, можно констатировать преобладание тематики гражданской войны, что, несомненно, отражает огромный интерес современников к трагичнейшей странице российской истории XX века, освещавшейся ранее односторонне. К сожалению, меньше работ по истории русской армии и ее последних войн, военно-специальным вопросам. А таковые крайне важны, когда речь идет о «воспитании историйей», о государственно-политической «прибыльности» наследия Русского Зарубежья.

Среди научных и научно-популярных работ по истории и культуре русской эмиграции все чаще встречаются посвященные воинству и его творчеству (правда, последнему — немного). Это — справочники, монографии, диссертации, сборники статей и материалов конференций. Обратим внимание на некоторые из них.

Так, уже обрел известность «биографический справочник высших чинов Добровольческой Армии и Вооруженных Сил юга России» Н. Рутыча, где имеются сведения о военно-научном и литературном опыте офицеров и генералов на чужбине¹⁹. Добротнo подготовлен труд а. Попова «русское Зарубежье и архивы», путеводитель по архивным фондам Москвы, материалам в т.ч. и военной эмиграции²⁰.

Среди монографий и статей назовем работы А. Ушакова, В. Авдеева, И. Образцова, И. Дырина, А. Кручинина, А. Дерябина, И. Домнина, в которых в той или иной степени рассматривается творческая деятельность ряда военных писателей и некоторых эмигрантских учреждений. Одной из последних в этом ряду стала монография «Российская военная эмиграция в 1920-е — 1930-е годы» коллектива авторов в составе А. Бегидова, В. Ершова, Е. Парфеновой, Е. Пивовара²¹.

Группой ученых (А. Огороков, С. Волков, В. Захаров, С. Дробязко и др.) целенаправленно и предметно ведется изучение Русского Освободительного Движения, материалы по истории которого публикуются в специальных объемных выпусках²².

На научных конференциях по Русскому Зарубежью все больше докладов посвящается различным аспектам жизни воинства, что закономерно отражает его значительную роль в истории и культуре эмиграции и демонстрирует понимание этого исследователями²³.

Верный признак постепенного усвоения наследия военной эмиграции — это всевозрастающее использование его источников в качестве дополнительных, а иногда и основных при изучении самых разных страниц отечественной военной истории, главным образом, конечно, первой мировой войны, революции и Гражданской войны, а также военно-общественных явлений. Ярчайшим примером эффективного применения документов и воспоминаний изгнанников является эпопея «Красное колесо» А.И. Солженицына²⁴.

Очевидно, что история русской военной эмиграции научной и творческой общественностью со всей определенностью поставлена «на повестку дня». Активно публикуются и используются как источниковая база труды, написанные в изгнании. В изучении ряда частных вопросов дос-

тигнуты определенные результаты как научными коллективами, так и отдельными исследователями. Образно говоря, современники разрезают лист за листом в книге наследия воинства Русского зарубежья.

В то же время военная мысль эмиграции всесторонне не изучена. Нет более или менее полной ее библиографии (дело редактора «Военной Были» А. Геринга не нашло пока достойного продолжения и завершения), следовательно, отсутствует точное представление о всем объеме этого идейного наследия (причем не описаны колоссальные залежи архивных источников и в России, и за границей); слабо выявлены генетические корни, почти не прослежен исторический путь военной мысли за рубежом, лишь фрагментарно показаны факторы и центры ее развития, основные направления, общее содержание, своеобразие; скупо «отрекомендован» славный отряд ее деятелей и ревнителей; познаны далеко не все ее выводы, уроки, заветы. *Многие страницы военной мысли эмиграции по-прежнему остаются «неразрезанными».*

Военные умы эмиграции

Эмиграция знаменовала собой вывоз за границу значительной доли умственного капитала русской армии и флота. Современным историкам известно, что примерно две трети специалистов русского генштаба (около тысячи) либо находились в рядах контрреволюции и, значит, ушли на чужбину (за исключением погибших в годы гражданской войны), либо оказались за границей, не участвуя в борьбе по разным причинам. А именно офицеры и генералы этой когорты по праву считались интеллектом армии²⁵.

Их представители прежде всего и составили мозг «военной зарубежной семьи». В различных странах беженского рассеяния оказались и продолжили деятельность профессора: Николаевской Военной академии (Генераль-ного штаба) А.И. Андогский, А.К. Баиов, В.И. Баскаков, В.В. Беляев, Б.В. Геруа, Н.Н. Головин, А.А. Гулевич, М.А. Иностранцев, А.К. Келчевский, П.Ф. Рябиков, Д.В. Филатьев; Михайловской артиллерийской академии А.А. Нилус, В.Н. Ипатьев, И.Н. Майдель; Николаевской инженерной академии В.Н. Полянский, В.В. Пересвет-Солтан, А.В. Шварц; Николаевской морской академии А.Д. Бубнов; известные военачальники, военно-научные деятели и писатели, генералы и полковники К.М. Адари-ди, А.Н. Алексеев, Н.Н. Баратов, В.Е. Борисов, А.П. Будберг, А.Н. Виноградский, А.В. Геруа, М.В. Грулев, В.И. Гурко, Ю.Н. Данилов, А.И. Деникин, В.В. Добрынин, В.Н. Доманевский, А.М. и В.М. Драгомировы, Р.К. Дрейлинг, П.И. Залесский, В.А. Замбржицкий, Н.В. Колесников, П.Н. Краснов, А.Н. Лукомский, А.Л. Мариюшкин, Е.Ф. Новицкий, П.Д. Ольховский, Ф.Ф. Палицын, И.Ф. Патронов, М.И. Репьев, Ф.И. Ростовцев, И.С. Свищев, П.Н. Симанский, П.П. Ставицкий, В.Е. Флуг, В.В. Чернавин, А.Н. Шуберский; адмиралы М.Н. Кедров, А.И. Русин, М.И. Смирнов и др.

За спиной у большинства из них были не только боевые, но и творческие и педагогические заслуги. Многие имели репутацию видных военно-научных деятелей, новаторов, писателей, публицистов. Им принадлежали сотни печатных трудов²⁶. Их имена были на слуху у всего мыслящего офицерства Императорской армии в связи с острыми дискуссиями о военной реформе, военной доктрине, военном образовании... В значи-

тельной мере этим именам Россия обязана своим «военным ренессансом» после Русско-японской войны.

Уже на чужбине на военно-научном, литературном, редакторском прищипах талантливо проявили себя А.А. Зайцов, Е.Э. Месснер, Л.М. Михеев, Б.А. Штейфон (все заслужили звание профессора в эмиграции), С.И. Лашков, В.В. Орехов, В.М. Пронин, Н.В. Пятницкий, К.К. Шмигельский, Н.П. Рыбаков, Б.А. Смысловский (Хольмстон-Смысловский) и многие другие генералы и офицеры, чье военное мировоззрение и творчество базировались на образовательном фундаменте русской императорской военной школы.

Все они личным примером, упорным трудом и организацией военного обучения сумели подготовить преемников, в числе которых были Н.Я. Галай, В.Е. Кравченко, К.К. Миллер, А.В. Осипов, Е.А. Шелль и др., достойно выступившие на поле военной мысли в 30-х — 60-х гг. Кроме того, в Зарубежье, не без влияния старших коллег, зажглась звезда совершенно уникального русского военного писателя А.А. Керсновского (не имевшего военного чина, не служившего в Российской армии).

Примечательно, что тон жизнедеятельности задавал генералитет. Известный в эмиграции писатель и соредатор «Часового» Е. Тарусский отмечал: «Без преувеличения можно сказать, что оказавшиеся с нами на чужбине генералы являются носителями русской военной культуры, русской военной интеллигенцией в самом лучшем смысле этого слова. Широко образованные (в большем числе с высшим военным академическим образованием), с громадным жизненным, военным, боевым и административным опытом, из этого опыта черпающие мудрое и спокойное свое отношение к жизни, даже к такой сумбурной и фантастической, какой является наша эмигрантская жизнь, — наши генералы-изгнанники за малыми и печальными исключениями являли для нас примеры... преданности Отечеству и Армии и непоколебимой веры в конечное торжество нашего правого дела»²⁷.

Можно констатировать, что храм военной мысли на чужбине строили по большому счету три поколения: «научно» созревшие и проявившие себя еще в России, на «кафедре» старой армии; там же получившие образовательный импульс, но творчески развернувшиеся уже в беженстве; их последователи — военно-духовная «креатура эмиграции».

Общее количество активных ревнителей военных знаний и служителей военного слова составляло несколько сотен. Главную же, «ударную силу» этого отряда можно определить в сотню «штыков-перьев», не менее десятка из которых сочтем поистине «золотыми». Таков интеллектуальный потенциал военной эмиграции.

Чем были движимы?

Предоставим право самим изгнанникам ответить на этот вопрос.

Будучи уверенными в том, что рано или поздно Отчизна самостоятельно или под воздействием внешних факторов «восстанет с одра ужасной социальной болезни», они полагали: «Россию мы найдем нищей, опустошенной, разваленной. Культурный слой — истреблен, государственно-мыслящая часть населения почти полностью уничтожена; дворянство и торгово-промышленный слой предпринимательства изъязты

из жизни; армия — обескровлена и обезличена»²⁸. «Русская эмиграция живет надеждою на возвращение на Родину. Смысл нашего нахождения в изгнании заключается не только в нашем отрицании большевизма, но и накоплении тех знаний, какие будут необходимы возрожденной России», — писал в обращении к русским воинским Союзам и Обществам авторитетнейший в их среде профессор А.К. Баиов²⁹. «На эмиграции лежит священный долг, — формулировал генерал В.Н. Доманевский, — хранить обширное наследство русской культуры, это богатство бережно донести до России возрожденной и привезти с собой кадр воспитателей-учителей, которые принесли бы своему народу вместе со знаниями уважение к прошлому и примером своим пробудили бы в нем живительный патриотизм — чувство долга, без которого невозможно строительство армии... Наше офицерство обладает драгоценным опытом — боевым. Война — лучшая школа. Но и этот опыт получает ценность только когда он приведен в систему... пропущен через призму научного мышления. Выкристаллизация руководящих начал из опыта прошлого — одна из основных задач офицерских союзов за границей»³⁰.

Общество Русских Офицеров Генерального Штаба в Югославии, организовав Конкурсы на лучший военный научно-технический труд (конкретнее о них — ниже), преследовало две основные цели: «1) знакомить русских офицеров всех родов войск и служб, находящихся в эмиграции, с современными взглядами на ведение войны и подготовку к ней; 2) способствовать объединению взглядов на главнейшие вопросы военного дела, такие как основы устройства и подготовки к войне будущей Российской армии»³¹.

В.В. Орехов, редактор журнала «Часовой», «органа связи русского воинства за рубежом», реагируя на участвовавшие в конце 20-х годов газетные ухмылки скептиков, подчеркивал: «Уныния среди нас нет. Мы работаем для России: все наши союзы, объединения, кассы взаимопомощи, доклады, лекции, курсы — все это мы делаем для того, чтобы остаться русскими людьми и подготовить себя к будущей работе в России». Спустя десять лет, уже в преддверии Второй мировой войны, — все те же уверенность и настрой у офицеров-выпускников Курсов ген. Головина, организовавших военно-научный журнал «Армия и Флот»: «Изучение всего касающегося Вооруженной Силы, во всех случаях применительно к русским условиям, даст нам основные данные, которые явятся базой для воссоздания Национальной Армии и Флота, отвечающих требованиям и интересам России»³².

При всем уважении к опыту прошлого — по отношению к нему никакой апологетики, напротив — постоянные предостережения: «Господа офицеры, не усыпляйте себя уверениями, что все старое было хорошо в Русской армии. А работайте изо всех сил на будущую нашу "Полтаву"» (Н.В. Пятницкий)³³.

И много позже, спустя годы после второй мировой войны, когда остались позади все надежды на служение постбольшевистской России в рядах ее «молодой армии старых заветов», обоснование продолжавшейся военно-мыслительной работы было проникнуто непотухнувшей верой в свою Правоту и обостренным чувством Истории. «Придет время и история потребует от русской эмиграции отчета в том, что она сделала в свое время для поддержания и продолжения идеи белой борьбы... Отчет этот эмиграция даст в виде своих... трудов, заметок, воспомина-

ний и других подобных материалов», — писали члены Института по исследованию проблем войны и мира в Нью-Йорке³⁴.

Невзирая на физическую изоляцию от военной жизни на родине, изгнанники абсолютно не исключали себя из общерусского военномыслительного процесса, относясь к участию в нем как к необходимому условию выработки русской военной доктрины XX века (доктрины как школы национального военного искусства). «Эта задача не разрешается в одно поколение. Требуется не менее трех», — подчеркивал Генштаба полковник Б.В. Сергеевский, веривший, что наследие эмиграции обратится частицей будущего военно-доктринального основания России³⁵. Некоторые авторы свою миссию осознали даже шире «российских рамок». «Мы — русские национальные солдаты, находясь в политической эмиграции — восклицал Б. Хольмстон-Смысловский — не имеем реализационной власти, а потому не ответственны за принятые народами решения, но на нас возлагается обязанность делать свои предложения, за которые мы, конечно, ответственны перед историей нашей Нации и перед Историей всего Человечества»³⁶.

Таким образом, главным для себя изгнанники считали: 1) сохранение традиций русской военной культуры; 2) признание и осознание ошибок и грехов старой военной системы России, извлечение уроков из опыта последних войн; 3) предварительное определение принципов и путей строительства будущей российской вооруженной силы («учения об организации и применении русской армии будущего») на основе военно-исторического, военно-политического анализа и проработки основных вопросов современной войны; 4) усиленную подготовку офицерских кадров для «будущей России». Эмиграция верила в пользу своего духовного опыта для развития русского военного искусства в грядущем.

В этих целях писались труды, создавались военная печать и военная школа, использовались другие формы служения русскому военному делу. Это придавало смысл пребыванию на чужбине и представляло своего рода «отчет военной эмиграции перед историей и потомками».

Помимо этой преимущественно рациональной мотивации безусловно имела место и едва ли не подсознательная: писательский, умственный труд для многих был необходимостью, долготлетней привычной потребностью, а также защитной реакцией высокоразвитой личности на изнуряющую будничность изгнанничества. Днем офицеры «постигали мотор чужеземного такси», как выразился однажды А. Керсновский, а поздним вечером склонялись над «наукой побеждать». «В условиях совсем неподходящих мы продолжаем думать по-военному... После утомительного рабочего дня люди просиживают за книгами и учебниками, находя в учебных и научных занятиях освежающий отдых», — писал генерал Б. Штейфон³⁷. То же подчеркивал полковник Е. Месснер: «Оторванные от своей профессии, офицеры не могли оторваться от военных интересов: одни, превозмогая все трудности бедственной жизни, работали в сфере военной теории, другие издавали журналы..., третьи читали доклады, четвертые у всех у них учились»³⁸.

Таковы морально-нравственные и психологические пружины, двигавшие механизм военной мысли в изгнании. Если кто-то найдет в этом слишком много патетики, то пусть хотя бы окинет взором тысячи книг и неизданных рукописей, десятки тысяч статей, всевозможных «памяток»,

«наставлений», «руководств», более сотни наименований военных журналов и газет. К тому же следует помнить, что людям за этот труд, как правило, не платили; мало того, последние копейки жертвовались на то, чтобы напечатать написанное, выпустить очередной номер журнала, хотя бы машинописный. А нередко — под несколько копирок размноженный от руки. Воистину военно-эмигрантский самиздат!

Пройденный путь

«Зарубежное русское воинство по своему составу, по своему воспитанию, по своему духу, по своим идеалам и традициям является преемником, плоть от плоти, кровь от крови, прежней российской армии...», — подчеркивал летописец России в изгнании В. Абданк-Коссовский³⁹. Уже поэтому ответ на вопрос об истоках творчества очевиден и следует из факта перемещения за границу когорты носителей русской военной мысли. Это они — профессура, известные военные писатели, авторитетные и энергичные специалисты Генштаба, после тяжких и трагичных лет войны и смутного времени, вдали от родной земли приступили к осмыслению военного бытия эпохи и революционного крушения родной страны. Они насаждали культ военного знания в среде изгнанников, проповедуя идею служения в освобожденной от большевизма России. Естественно, что они в значительной мере опирались на свои богатые навыки и опыт, пользовались багажом русской военной школы, пытались реализовать свои давние творческие замыслы...

Что же демонстрирует связь эмиграции с военным миром старой России? Во-первых, следование традиции лучшей части русского офицерства — инициативно мыслить и творить на благо дела, которому служишь. Все, что было сделано в изгнании творческого, вершилось исключительно по позывам души и профессионального долга (никто не обязывал и не занимал).

Во-вторых, военные ученые и писатели в своих работах постоянно опирались на заветы, поучения, выводы русских полководцев и классических авторов — Петра Великого, Суворова, Драгомирова, Леера, Обручева, Михневича и др. В эмиграции получили продолжение и развитие темы еще дореволюционных дискуссий о военной доктрине, о национальном характере военного искусства, о тех или иных методах военного обучения. И участниками их были многие из прежнего состава полемистов. Продолжилось дело создания полковых историй, в которые с любовью и болью вписывались страницы боевой жизни периода Великой и гражданской войн.

В-третьих, научная и учебная работа в изгнании велась по организационному подобию соответствующей деятельности в старой армии. Так, Зарубежные Высшие Военно-Научные курсы функционировали в соответствии с Положением о Николаевской академии Генерального Штаба (в редакции 1910 г.), Общество Ревнителю Военных Знаний исповедовало принципы, которыми руководствовались «ревнителю» в начале века. Примеры можно продолжить.

В-четвертых, русскими офицерами на чужбине были восстановлены такие дореволюционные издания, как «Военный Сборник», «Русский Инвалид», «Война и Мир», «Армия и Флот», «Артиллерийский журнал» и

др. Конечно, в силу специфики ситуации они не могли во всех деталях дублировать свои прообразы, но структурно были схожи, повторяли традиционные рубрики, а главное, по духу несомненно являлись их преемниками.

Итак, истоки военной мысли Зарубежья находились в старой России, ее богатой военной культуре, на почве, возделанной лучшими военными умами Отечества. И эта почвенность, как живая вода, питала писательские перья офицеров-изгнанников, обеспечив мощным импульс их многолетней, упорной, порой фанатичной творческой деятельности.

* * *

Русская военная мысль в чужеземье прошла несколько этапов развития. В качестве *предыстории* следует отметить «военно-литературную» работу в грозные годы гражданской войны. Она велась двумя категориями авторов.

Прежде всего это те участники белого движения, которые в силу служебных обязанностей были связаны с военными организационно-пропагандистскими органами типа «ОСВАГ» и «Осведверх»⁴⁰, их печатными изданиями, военно-учебными заведениями: Академией Генштаба, передвигавшейся вместе с белыми фронтами из Поволжья до Владивостока, военными училищами, кадетскими корпусами. В числе авторов наиболее известных работ того периода назовем А. Андогского, Н. Колесникова, А. Мариюшкина, И. Патронова, В. Пронина, А. Сурина, ставших впоследствии заметными и в эмиграции⁴¹. Многие белогвардейские офицеры, военачальники по возможности вели дневниковые записи, послужившие им в дальнейшем материалом для воспоминаний и размышлений.

Другая группа — пребывавшие за границей генералы и старшие офицеры, которые занимали посты представителей высшего руководства контрреволюционных фронтов в бывших союзнических странах, либо эмигрировавшие в частном порядке. Они работали в относительно благоприятных условиях, и их труды того периода отличались большей основательностью⁴². Эти факты есть не что иное, как предвестие феномена военной мысли в изгнании.

Ее первый этап — *становление* — хронологически охватывает период 1920–1927 гг. Это — «полевое» творчество в военно-поселенческих лагерях Галлиполи, Лемнос, Чаталджа, где спасательный круг русской военной культуры вернул к жизни «славные осколки» русской армии, казачьих войск. Это — разведение по странам эмигрантского рассеяния таких очагов военной мысли, какими стали общества Русских Офицеров Генерального Штаба, Ревнителей Военных Знаний, галлиполийцев; редакции журналов «Военный Сборник», «Война и Мир», «Русский Военный Вестник», кружки высшего военного самообразования... И как знаковое событие с точки зрения оформления интеллектуальной, военно-учебной работы воинства на чужбине (и итог периода) — открытие в марте 1927 года в Париже высших Военно-Научных Курсов ген. Головина. В большинстве начинаний ключевую организующую роль сыграл Русский Общевоинский Союз, созданный генералом Врангелем в 1923–1924 гг.

В содержательном отношении данный этап знаменуется прежде всего выходом в свет: пятитомных «Очерков Русской Смуты» А. Деникина — своего рода символа мемуарно-исследовательской военной литературы эмиграции, принципиальных трудов А. Геруа («Полчища»), Н. Головина («Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы»), Ю. Данилова («Россия в мировой войне»), обращением десятков военных писателей (на страницах вышеназванных журналов) к главнейшим темам военного искусства и военного строительства. В первой половине двадцатых годов ряд объемных трудов по истории военного искусства, стратегии первой мировой войны создал А. Баиов (к сожалению, большинство их пока не дошло до современных исследователей, но надежда получить их имеется). Понимание исторической важности свидетельств и документов гражданской войны также нашло практический выход: появились книги «Белого Архива» под редакцией Я. Лисового, начал издаваться альманах «Белое Дело», редактировавшийся А. фон Лампе, немало мемуаров военные авторы опубликовали в «Архиве Русской Революции» И. Гессена. Во всю ширь развернулся литературный талант П. Краснова, самого читаемого в 20-х годах писателя эмиграции, чья трилогия «От двуглавого Орла к красному знамени» и другие романы для читателей многих стран живописали бездну, в которую был брошен русский народ и его армия в первой четверти нашего века...

В те первые чужбинные годы военная эмиграция, на плечах которой лежала огромная моральная тяжесть после поражения в вооруженной борьбе, разогнула спину, громко заявила о своей духовной стойкости и, выдвинув интеллектуальный авангард, приступила к осмыслению военно-революционного крушения России и профессиональной, идейной подготовке к служению в рядах ее будущей армии (контуры которой сама и пыталась определить).

Второй этап (1928–1940 гг.) — *расцвет* военной мысли изгнанников под знаком надвигающейся угрозы нового мирового потрясения и подготовки к возможному участию в освобождении Родины от большевизма. Продуктивно работают «курсы Головина», открываются их филиалы в Белграде; «для разработки военных проблем, не имеющих аксиоматического разрешения», из числа преподавателей и выпускников создаются «военно-научные институты». В различных странах рассеяния организуются военно-училищные курсы, в том числе по специальностям. Продолжается работа в военно-научных обществах, корпоративных союзах и объединениях.

В целях развития и популяризации военных знаний реализуется сотрудничество с некоторыми гражданскими учебными и научными заведениями, в рамках которых учреждаются и действуют военные секции. На съезде журналистов в 1928 г. принимаются обязательства по предоставлению полос общеэмигрантских газет и журналов военным писателям для их материалов.

На рубеже 20-х и 30-х гг. разрастается древо военной периодики. В Европе на бессменный шестидесятилетний пост встает «Часовой», возрождается «русский инвалид», ненадолго, но ярко загорается звездочка «Вестника Военных Знаний» (на пять лет принявшего эстафету от почившего в 1930-м «Военного Сборника»), в Белграде, каждый в своем ключе, освещают военную и политическую жизнь «Русский Голос» и

«Царский Вестник»... На востоке, в Шанхае, держит русскую марку «Армия и Флот», в Сан-Франциско — «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны». Возникают и ведут свое благородное дело по объединению воинов, сохранению историй частей и родов войск десятки корпоративных изданий.

В содержательном отношении этот период чрезвычайно плодотворен. Н. Головиным, А. Деникиным, А. Керсновским, А. Зайцовым, В. Доманевским, Е. Масловским, Ю. Даниловым, П. Красновым, В. Флугом, Б. Штейфоном пишутся труды по истории русской армии, первой мировой и гражданской войнам, проблемам военного искусства, управления, военной науки, составившие золотой фонд наследия военной эмиграции. Сотни авторов высказываются по всему спектру военных дисциплин.

В лице А.Деникина, П.Краснова, А. Геруа, А. Виноградского, К. Шумского и др. писателей со стажем расцветает военная публицистика. В рассматриваемый период на передовые позиции выдвинулись и более молодые талантливые силы: А. Керсновский, Е. Месснер, Б. Штейфон, Н. Белогорский, В. Орехов, Н. Пятницкий, В. Пронин, Н. Колесников, Н. Галай и др. Их динамичный, оперативный военно-политический анализ международного положения, острая полемика по целой гамме вопросов, компетентные военные обзоры придали не только эмигрантской, но всей русской военной публицистике совершенно новый для нее оттенок политической раскрепощенности.

К началу 40-х годов военная эмиграция уже составила основную часть своего духовного завещания потомкам. Даже если бы позднее ею ничего больше создано не было (а продолжение оказалось впечатляющим), то имеющегося с лихвой хватило бы для исторического феномена военной мысли в изгнании.

Особый период в ее истории связан с потрясениями и утратами второй мировой войны. Вновь тяжкие испытания для эмиграции. Рушится вся сложившаяся творческая «инфраструктура»: ликвидируется большинство изданий, замирает деятельность союзов и обществ, уходят из жизни многие крупные умы, гибнут бесценные материалы, рукописи. Значительная часть изгнанников вынуждена менять места приюта и начинать все сначала.

Но и в это особо тяжелое время существовало несколько очажков военной мысли. В «Парижском Вестнике», в попытках уловить ход и смысл операций на Восточном и Западном фронтах, последние свои работы публиковал Н. Головин (до конца 1943 г.), выступали В. Абданк-Коссовский, Н. Пятницкий... В Югославии еще действовали Высшие Военно-Научные Курсы, ориентированные на Русский Охранный корпус, а в его газете «Русское Дело» (редактировал Е. Месснер) печатались краткие военные обзоры и военно-исторические статьи. Относительно стабильно выходил за океаном «Вестник Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско». Однако каких-либо крупных творческих шагов сделать не удалось. Фактически это было межэтапьем военной мысли эмиграции.

Третий, самый долголетний этап (конец 40-х — середина 70-х годов) — завершение русской зарубежной военной мысли. После войны произошла перегруппировка оставшихся сил и средств, частично восстановились прежние связи, возобновился выход некоторых изданий. Центр военно-научной мысли переместился на американский континент (это в

основном предопределилось переездом туда «югославской группы» изгнанников). В Нью-Йорке стал действовать Военно-Научный Институт по исследованию проблем войны и мира им. Н.Н. Головина, его отделение открылось в Буэнос-Айресе. Главной печатной трибуной военной и военно-общественной мысли стал «Часовой», редакция которого уже находилась не в Париже, а в Брюсселе. В начале 50-х годов во Франции основаны «Военная Быль» и «Военно-Исторический Вестник», в Аргентине — газета «Суворовец», в США — «Наши Вести», а позднее — «Кадетская Переключка»...

В зоне особого внимания военных мыслителей — два направления: характер и особенности современных войн и Российская Императорская Армия (воспоминания о ней, эпизоды ее истории и истории частей). Е. Месснер, Б. Хольмстон-Смысловский, Н. Галай — вот «генерирующая» тройка авторов; их труды 50-х — 60-х годов в русле первого из указанных направлений определяют идейную содержательность данного этапа, представляя собой апофеоз военной мысли в изгнании. Огромный и ценный исторический материал удалось сконцентрировать на страницах многочисленных мемуаров и вышеназванных журналов⁴³. Также знаменательны работы В. Замбжицкого по истории второй мировой войны на Восточном фронте, военно-специальные этюды Н. Бигаева, Н. Солодкова, А. Осипова и других постоянных корреспондентов «Часового».

В эти десятилетия, когда вопрос об участии эмиграции в военном строительстве на Родине уже не ставился, изгнанники в силу традиции, преданности своему делу продолжали творить в области военного знания, собирать и сохранять исторические свидетельства в уверенности, что накопленный ими капитал непременно окажется полезен армии новой России.

Уход из жизни в 60-х — 70-х годах последних генералов и офицеров старой армии — крупных военных умов — В. Замбжицкого, Е. Масловского, Н. Галай, Е. Месснера и др. обозначил естественное завершение классической военной мысли эмиграции. До конца 80-х дожил Хольмстон-Смысловский, но работы последних его лет нам неизвестны. Дети и внуки военных эмигрантов первой волны (в основном члены РОВС, во главе с председателем В. Гранитовым), а также отдельные представители второй волны эмиграции (например, Н. Рутыч-Рутченко) и по сей день работают над вопросами военной истории).

«Посты и гарнизоны»

Подобно тому как русские ратники-землепроходцы, закрепляясь на новых территориях, рубили остроги, «армия в изгнании» повсеместно столбила свои духовные рубежи, ставила «гарнизоны и посты» национальной военной культуры. В итоге в Русском Зарубежье сложилась и долгие годы существовала определенная «инфраструктура» поддержания и развития военной мысли: военные общества и союзы как первооснова; их производные, но относительно самостоятельные объекты — учебные заведения, научно-исследовательские коллективы и военно-периодические издания.

Не останавливаясь здесь на достаточно сложной структуре воинских организаций Зарубежья,⁴⁴ подчеркнем, что практически все они уделяли

значительное внимание культивированию военного знания. Покажем лишь отдельные характерные образцы такой деятельности.

Галлиполи. Прежде следует вспомнить феномен Галлиполи как своего рода пролог военно-духовной жизни эмиграции. Хотя за год «галлиполийского сидения» чины 1-го армейского корпуса ген. А.П. Кутепова объективно не могли сделать крупных шагов на пути развития военной мысли, соответствующие усилия галлиполийцев предрекли дальнейшие достижения. Уже там, в палатках и хижинах, пришло понимание того, что ценность большого боевого опыта (далеко не всегда позитивного) относительна без надлежащей теоретической проработки. Сама идея сохранения армии в эмиграции привела к мысли о необходимости учить эту армию военному делу по-настоящему, это и стало первой задачей корпуса⁴⁵. Его состав рассматривался как костяк, инструктивное ядро антисоветских сил для продолжения борьбы за Россию.

Несмотря на тяжесть Великой войны и ожесточенность гражданской, галлиполийцы постепенно вернули себе физическую и моральную свежесть. «Лучшее проявление этой духовной юности корпуса — в той жажде учения, которая в середине лета 1921 года достигла апогея», — утверждали летописцы Галлиполи⁴⁶.

Структурно обучение корпуса осуществлялось следующим образом: занятия в строевых частях; занятия в особых учебных частях; изучение военных специальностей на курсах и работа военных училищ⁴⁷. Учеба эта, конечно, велась «схематично» — в полевых условиях, без должной базы, при недостатке педагогических кадров и офицеров Генштаба. И все-таки старались действовать по всем канонам качественной организации учебного процесса.

Весьма примечательны и некоторые штрихи. Например, по горячим следам выхода первых трудов западных авторов с осмыслением опыта мировой войны («Развитие тактики в мировой войне» Балка, «Взгляд на боевую подготовку пехоты для атаки» Пфейфера, «Танковый корпус» Вильямса-Эйлеса, «Управление войсками в мировой войне» Лорингоффена и др.) книги эти доставались и переводились. Разбор их основных положений проводился среди командного состава в присутствии командира корпуса⁴⁸. Такие моменты побуждали к активизации мыслительной работы. Не случайно впоследствии многие галлиполийцы достойно выступили на военно-научном и публицистическом фронте. Среди них — Б. Штейфон, А. Болтунов, В. Полянский, С. Ряснянский, М. Репьев, Б. Казанович, Б. Сергеевский и др.

В лагере соответствующая атмосфера создавалась тем, что по полкам, дивизионам, училищам выпускались и распространялись машинописные и рукописные журналы и газеты, создавались библиотеки. Специалисты выступали с лекциями, устраивали художественные выставки, организовывали концерты...

Велико значение Галлиполи для развития военного творчества эмиграции. Вспыхнув очагом духовности, оно своим примером озарило все уголки русского рассеяния. А союзы галлиполийцев, существовавшие позже в десятках стран, создали свою печать, свои лектории, собрания, многие годы выступали бессменными постами русской военной культуры.

Военные союзы и общества

Обратим внимание на те из них, которые преследовали исключительно *научно-просветительские цели* и объединяли в своих рядах офицеров вне зависимости от их корпоративной принадлежности, а также гражданских ученых.

Поистине знаковым событием стало создание русскими офицерами в Белграде в начале 1921 года «Общества Военных Знаний в Королевстве Сербов, хорватов и Словенцев». Тем самым были продемонстрированы духовная стойкость, зрелость изгнанников, провозглашена преемственность с подобным обществом, существовавшим в старой Армии (реально с 1896 г., формально с 1898 г.), один из основателей которого, генерал Е.Ф. Новицкий, восклицал: «Честь и слава новым «Ревнителям», которые сумели зажечь в изгнании тот светильник, который горел таким ярким пламенем перед Великой войной. И даст им Господь силы донести этот светильник до возрождения нашей Родины».

Инициаторами начинания были Генштаба полковники В.М. Пронин и И.Ф. Патронов, избранные соответственно председателем и секретарем Общества. Главной целью явилась «подготовка духовного и материального возрождения Русской Армии, которая в дальнейшем надежно обеспечивала бы национальные интересы России».

Работа «Ревнителей», в рядах которых состояли не менее 100 человек, продолжалась около двадцати лет. Особой их заслугой можно считать издание содержательного военно-научного журнала «Военный Сборник».

От «локомотива военной мысли» стремилась не отставать и дальневосточная диаспора. В 20-е — 30-е годы «дальневосточное общество ревнителей военных знаний» действовало в Харбине. Свои задачи оно видело в военно-просветительской деятельности среди офицеров, в поддержании на должной высоте их профессиональных знаний. Выполнение этих задач достигалось путем создания специальных курсов, лекториев, организации собеседований⁴⁹.

Большой известностью в эмигрантских кругах Дальнего Востока пользовалось «Первое Русское Военно-Научное Общество в Китае», действовавшее в Шанхае под председательством Генштаба полковника Н.В. Колесникова (с 1924 г. до декабря 1929 г. — Военно-научное общество «Армия и Флот»). Заседания проводились дважды в месяц. На них читались лекции, доклады, велось их обсуждение, решались тактические задачи... Общество располагало собственной библиотекой, читальным залом, учебным кабинетом. Среди активистов были А. Дементьев, Н. Драчников, И. Зайцев, К. Сербинович и др. Генератором дела выступал человек неумейной энергии — Н.В. Колесников, не только создавший организацию, но и основавший ее печатный орган — журнал «Армия и Флот». Помимо этого он редактировал в 1925–1930 гг. крупную газету «Россия», отдельные выпуски одноименных альманахов и некоторые эпизодические издания. Все это в значительной мере имело военное содержание.

После Второй мировой войны большой вклад в развитие военно-исторического знания внесло Общество Ревнителей Русской Военной Старины (в первые годы своего существования — «Кружок...»). Оно было создано в Париже в 1946 году. В круг его основателей входили извест-

ные в эмиграции военные историки П.В. Пашков, Ю.А. Топорков, Н.Н. Туроверов, Д.И. Ознобишин, А.А. Стахович и др. Ими и их коллегами было собрано и наработано множество ценных материалов, помещенных на страницах «Военно-Исторического Вестника».

Среди *корпоративных групп*, выстроивших на своей базе достаточно мощные бастионы русской военной мысли, в первую очередь следует назвать основанное в 1921 году Общество Русских Офицеров Генерального Штаба и в частности его отделение в Югославии. Общество функционировало двадцать лет, и все это время вопросы умственной работы и творческой продуктивности находились в центре его внимания. Фрагменты хроники жизни Общества красноречиво отражают саму канву военно-творческой деятельности тех, кто и на чужбине не забывал об ответственности права называться военной элитой. Фактически на каждом собрании офицеры Генштаба в течение многих лет заинтересованно обсуждали проблемы военной теории и практики, напряженно следили за прогрессом в военном деле. Только в двадцатые годы было прочтено около двухсот докладов. В библиотеку Общества поступали все принципиальные новинки военной литературы — от «Стратегии» А. Свечина до работы «К профессиональной армии» Ш. де Голля и трудов Фуллера. Их переводы поручались (или делались самопочинно) кому-либо из членов Общества, а затем основные положения трудов широко обсуждались. Зачастую переводы делал лично председатель Районного правления Общества в Югославии ген. А.М. Драгомиров⁵⁰.

Значительной заслугой Районного правления необходимо признать организацию им трех конкурсов на лучшие военно-научные труды (1923, 1924, 1926 гг.). К участию допускались офицеры, проживавшие не только в Югославии, но и в других странах — от Франции до Болгарии. Специальным положением определялись регламент конкурса, жюри, состоявшее из наиболее авторитетных специалистов Генштаба. В их числе были генералы Ф. Шкинский (Председатель Центрального Правления Общества), А. Зегелов, В. Драгомиров, В. Вязьмитинов, А. Розеншильд-Паулин, В. Полтавцев, Б. Штейфон, полковники А. Мариюшкин, В. Пронин... Предлагались темы по общим проблемам военного дела, пехоты, артиллерии, кавалерии, авиации, инженерного дела, основам военной психологии и др.⁵¹ Оговаривались и требования к трудам, которые были должны: полно и ясно освещать вопрос по опыту Великой войны на разных театрах; содержать анализ различных взглядов, давать определенный и мотивированный вывод применительно к русской армии и ее вероятным театрам военных действий и т.п. Участники пользовались фондом библиотеки Общества (в беженских условиях своих книг у офицеров почти не было), причем путем активной пересылки и обмена книг и журналов. Предусматривался даже премиальный фонд из суммы, отпущенной для Конкурсов Главнокомандующим (Начальником РОВС) ген. П.Н. Врангелем⁵².

Среди победителей встречаем знакомые имена: В. Доманевского (дважды награждался Первой премией за труды «Основы подготовки государства к войне» и «Служба штабов», объемом около 500 стр. каждый), В. Флуга («Высший командный состав», объемом около 1000 стр., «О пехоте»), Е. Месснера (самый энергичный участник, премированный

дважды по два раза за четыре работы по артиллерии и службе штабов), А. Виноградского («Основы военной психологии»).

При изучении материалов конкурсов удивляет не только объем, но и серьезность, основательность проведенной организаторами работы. Члены жюри (трудившиеся исключительно на безвозмездной основе) прочли десятки сочинений, давая на каждое отзывы, иные из которых по своей полноте и обстоятельности не менее ценны, чем предмет разбора⁵³.

К великому сожалению, лучшие труды не удалось напечатать полностью, как предполагалось, но главные идеи и выводы встречаются в последующих публикациях их авторов.

Это ценнейшее начинание Общества сыграло важную роль в активизации и развитии военной мысли изгнанников. Эмиграция увидела подлинных «рыцарей военного знания», яркие лидирующие перья и, главное, — серьезнейшее отношение русских офицеров к военному делу и глубокую преданность ему. Не случайно с той поры читатели все чаще встречали имена В. Доманевского, Е. Месснера, В. Флуга на страницах военных и невоенных изданий.

Всячески инициировали и поддерживали мыслительную и просветительскую деятельность в офицерской среде «Общество Галлиполийцев», «Союз Офицеров Участников Войны», «Гвардейское объединение», «Зарубежный Союз Русских Инвалидов» и десятки других организаций. Следует учесть, что свою лепту в копилку военной мысли внесли и некоторые политизированные группы военных эмигрантов: «Русский Национальный Союз Участников Войны» генерала Туркула (конец 30-х годов, Европа) или, например, «Российское военно-национальное освободительное движение им. генералиссимуса А.В. Суворова» (50-е годы, Южная Америка).

Военно-учебные курсы и научные группы

«Историк многоликого явления русской эмиграции не пройдет мимо беспримерного в анналах факта возникновения и долголетнего существования русских военных школ за рубежом», — прозорливо утверждал один из ревнителей военных знаний подпоручик К. миллер⁵⁴. Эмиграции удалось организовать на чужбине учреждения высшего, среднего и начального, а также «повторительного» военного образования⁵⁵. Помимо этого были созданы своеобразные центры научно-исследовательского характера. Их функционирование так или иначе не могло не стимулировать и не обуславливать военной мысли изгнанников.

Главной ее цитаделью в конце 20-х — 40-х гг. были Военно-научные Курсы ген. Головина в Париже и Белграде. «Белогвардейцы имеют в Париже военную академию», — сообщал советским читателям некий Е. Михайлов в своей типично пропагандистской книжке «белогвардейцы — поджигатели войны». эмиграция также видела в курсах «Российскую военную академию» (выражение П.Н. Краснова). Курсы работали действительно по академической программе, на основе Положения о бывшей Императорской Николаевской Военной Академии. Хотя по форме военной академии в условиях беженства быть не могло.

В разделе «Культ военных знаний» хрестоматийной части данной книги помещен материал, который знакомит читателя с различными сторонами деятельности Курсов: от их организации до формулировок репетиционных (экзаменационных) билетов. Правда, эти фрагменты повествуют лишь о доле того, что связано с жизнью этого учреждения. Надо сказать, что серьезно этот феномен до сих пор не изучен⁵⁶. Мы также не можем здесь раскрывать этого вопроса и укажем лишь на некоторые детали и значение учреждения.

Решение о создании высшей военной школы в эмиграции назревало еще с 1921 года. Врангель предложил генералу Головину открыть в Белграде военную академию. Условий для быстрой реализации задуманного тогда не было, но Головин взял на себя подготовительную работу. Под покровительством Великого Князя Николая Николаевича он собирал в Париже профессорско-преподавательский состав, писал базовые труды, на основе которых могло вестись обучение.

Открытию Курсов предшествовало создание в различных странах Европы «Кружков высшего военного самообразования», общее руководство которыми осуществлял из Парижа генерал Головин. Руководителями на местах были бывшие профессора и опытные офицеры генерального штаба. Кружки, количество которых по разным сведениям колебалось от 25 до 50, действовали в разных городах от Лондона до Софии, их посещали около 500 человек. Причем эта работа продолжалась и после создания парижских курсов, Головин их по-прежнему курировал и беспокоился за их судьбу. «Вы отлично знаете, что я ни в чем и никогда не стесняю работы кружков и только радуюсь этой работе. В нужную минуту я оказываю посильную помощь... Однако, несмотря на эту автономность созданных мною кружков, я очень интересуюсь их участью...» — писал он в Прагу генералу В. Чернавину⁵⁷.

Подвижническое отношение главного руководителя передавалось и другим, что поддерживало интерес офицеров-изгнанников к военному знанию.

Успешная работа парижских Курсов во многом преопределила открытие в 1931 году их филиала в Белграде. Его возглавил генерал А.Н. Шуберский. Преподавателями состояли В. Полянский, И. Свищев, Б. Сергеевский, В. Тараканов, Р. Дрейлинг, Л. Михеев, С. Лашков, Е. Месснер, Н. Краинский и др. Перечень дисциплин и программ обучения был аналогичен принятому в Париже.

Необходимым первичным условием учебного процесса являлось написание и издание руководств. В качестве таковых были созданы: «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» Н. Головина, «Мировая война. Кампания 1914 г.» В. Доманевского, «Высшая тактика» А. Зайцова, «Служба Генерального штаба» В. Тараканова, «История военного искусства» Б. Сергеевского, «Военно-инженерная оборона государства» П. Ставицкого, «Военная психология» Р. Дрейлинга и десятки других трудов различных авторов. Возрастал капитал русской зарубежной военной мысли, множились и ряды ее ревнителей, к которым смело можно отнести офицеров, прошедших суровый отбор и осиливших пятигодичный цикл вечернего обучения в Париже и Белграде. Их насчитывалось 159 человек (это, примерно, четверть всех поступавших на Курсы). Лучшие прикомандировывались к кафедрам в качестве асси-

стентов, а через год-два становились преподавателями. Некоторые из них пополняли ряды сообщества военных писателей Зарубежья (Н. Галай, Е. Кравченко, Е. Шелль, В. Румянцев и др.). Несомненным достижением этой школы была также подготовка четырех профессоров (в Париже — А. Зайцова, в Белграде — Е. Месснера, Л. Михеева, Б. Штейфона).

Высшие Военно-Научные Курсы в Париже и Белграде, будучи гордостью военной эмиграции, аккумулировали ее научные силы и знания, в тяжелых условиях изгнания успешно решали две основных задачи: давали высшее военное образование офицерам и готовили новый кадр военных исследователей и ученых. Вместе со своими производными — «институтами» (о них скажем чуть ниже), заочным отделением они представляли центральный гарнизон военной мысли в изгнании.

Вторым учреждением высшего военного образования стали Высшие Военно-Технические Курсы, созданные при Объединении бывших воспитанников Николаевской Инженерной Академии и инженерных училищ в Париже. Их возглавлял ген. Е.Ю. Бем, управлял делами полковник С.А. Мацилев. Трехгодичные Курсы готовили «руководителей по военно-технической части». В состав Педагогической конференции Курсов входили военные инженеры профессор ген. В.В. Пересвет-Солтан, ген. П.П. Ставицкий, инженер-технолог ген. П.И. Секретев, полковники Ю.С. Пороховщиков, Н.И. Денисенко, А.Ф. Туковский и др. Упор в обучении делался на специальные предметы: строительное искусство, термодинамику, фортификационные сооружения, геодезию, прикладную механику и т.д. Лекции по тактике, началам стратегии, современной организации войск читались, главным образом, преподавателями Курсов Головина. В начале 30-х годов были изданы такие учебники, как «Теоретическая механика» П. Ставицкого, «Материалы и работы» В. Пересвет-Солтана, «Графостатика и сопротивление материалов» П. Фенисова и др.⁵⁸ Немало статей военно-технического характера публиковалось в прессе. Таким образом шло развитие и военно-инженерной мысли.

Воинство эмиграции в 20-е — 30-е годы наладило целую сеть всевозможных военно-образовательных и «повторительных» курсов, вовлекавших в орбиту военного знания сотни слушателей. Во второй половине 20-х годов в Белграде действовали «Систематические курсы современного военного дела» под руководством А.М. Драгомирова. Позже в Париже, Белграде, Брюсселе функционировали военно-училищные курсы для подготовки эмигрантской молодежи к офицерскому званию, а в Югославии — «Унтер-офицерские курсы при Корпусе Императорской Армии и Флота» под руководством полковника Эвенбаха. Военно-учебные курсы в Ницце готовили молодежь к возможной армейской службе и объединяли ревнителю военных знаний местной диаспоры. 1-й Отдел РОВС (прежде всего во Франции) в 30-х годах учредил Офицерскую школу усовершенствования военных знаний. В Китае действовал «Шаньдунский офицерский инструкторский отряд», в Югославии под руководством ген. В.А. Тараканова работали Повторительные Курсы Союза Участников Войны, а при обществе Артиллеристов с мая 1937 года проводились занятия на «Артиллерийских Курсах Стрельбы» (руководители ген. А. Добророльский, полковники С.И. Лашков, В.К. Чернявский).

Обучающе-повторительный характер имели «Военно-технические курсы» в Белграде при «Обществе офицеров Инженерных, технических и

Железнодорожных войск» (руководил ген. Баумгартен). В далекой Бразилии, в Сан-Паулу, русские офицеры также организовали военно-образовательные курсы, которыми руководил известный в эмиграции офицер Генштаба и военный публицист К. Ахаткин. В Бельгии военное училище имелося при «Русской Стрелковой Дружине» под руководством полковника Левашова.

В преддверии Второй мировой войны члены Военно-научного института в Белграде заочно обучали азам военного знания представителей интеллигенции Зарубежья, «претендующих на роль руководителей в послебольшевистской России»⁵⁹. В тот же период при «Союзе Русских Военных Организаций в Болгарии» работала «Заочная административно-политическая школа русской эмиграции», целью которой была подготовка офицерских кадров для режима военной диктатуры в первые годы после падения большевизма.

Перечисление подобных примеров можно продолжать. Постановка военно-учебного дела в Зарубежье требует отдельного и тщательного изучения как феноменальный факт русской военной культуры.

Столь же яркими очагами военной мысли выступали научно-исследовательские коллективы. В 1932 году в Париже Н.Н. Головин в целях изучения новых военных и военно-политических реальностей создает «Институт по исследованию проблем войны и мира». В него вошли как преподаватели Курсов, так и лучшие их выпускники (И. Боборыков, М. Осипов, А. Осипов, Е. фон Шильдкнехт, Н. Ребиков, К. Хвольсон, В. Яновский и др.). Работа велась по секциям в соответствии с актуальными исследовательскими направлениями⁶⁰.

В 1936 г. в Белграде, по примеру «парижан», учредили «Военно-научный институт», в который входило около 40 выпускников местных Высших Военно-Научных Курсов и 15 их преподавателей. Несколько лет Институт издавал небольшой журнал «Осведомитель».

Деятельность этих коллективов прервалась в годы войны, но через несколько лет по ее окончании работа возобновилась: в 1949 году в Нью-Йорке, чуть позже в Буэнос-Айресе, в 1951 году в Париже. По замыслу наследников дела ген. Головина, оказавшихся на Американском континенте Л.М. Михеева, С.Н. Ряснянского, Б.М. Иордана, Р.М. Васильева и др. (всего около 20 человек) нужно было продолжать разработку «науки о войне» и русской военной доктрины, т.к. в Советском Союзе они «засоряются плевелами «пролеткульта» и русское военное искусство идет к упадку». Столь же необходимым считалось изучение «военно-исторических тем национальной России и их широкому популяризации, что важно для будущей России»⁶¹. С 22.10.49 г. по конец 1955 г. в Нью-Йорке было проведено 48 заседаний Института. Темы докладов и лекций: «Введение в начала военных наук», «Мысли об идеологической войне против коммунизма», «Очерки по истории русской военной культуры», «Идея святой Руси в создании русской вооруженной силы», «Современная красная армия СССР», «Италийский и Швейцарский походы Суворова» и др. Часть из них публиковалась в «Сборнике трудов института...» Научные статьи членов института печатались также в общей периодике Зарубежья, но более 30 исследований так и не попали в печать⁶².

Южноамериканский отдел института представляли Е. Месснер, С. Вакар, В. Гранитов, В. Шайдицкий, С. Каширин и др. В 50-х — 60-х годах вышел ряд трудов членов Института: «Лик современной войны», «Мятеж — имя третьей всемирной» Е. Месснера, «Российские офицеры» коллектива авторов и др.

В Париже Институт был воссоздан ближайшими сподвижниками Н. Головина А. Зайцовым и А. Ягубовым. Несмотря на их кончины, первого в 1954 г., второго годом позже, парижская группа продолжала работать как минимум до середины 70-х годов, когда в ней состояло еще 10 человек с М. Осиповым во главе⁶³.

Подобного рода работа велась и другими творческими объединениями Русского Зарубежья. С 1928 г. по начало 40-х годов при Русском Научном Институте в Белграде действовала военная секция, которую возглавляли профессора В. Баскаков и И. Свищев. В рамках секции разработано свыше пятидесяти тем, по важнейшим из них велись «Семинарии». Причем участниками заседаний секции были не только военные специалисты, но и гражданская профессура.

С 1927 года надежный «гарнизон» военной мысли Зарубежья находился в Праге при Русском Народном Университете, где работал «Кружок по изучению мировой войны». В него входили известные военные ученые и писатели М.А. Иностранцев, П.Ф. Рябиков, В.В. Чернавин, В.В. Добрынин, Н.А. Бигаев, Е.Е. Шайтанов и др. Из под пера этих авторов вышло немало содержательных работ.

Уже после 2-й мировой войны в Институте по изучению СССР (Мюнхен) на ниве русской военной мысли около двадцати лет трудился Н.Я. Галай, систематически освещающая важнейшие военно-политические вопросы, особо пристально анализируя положение в Советском Союзе и его Вооруженных Силах.

Для военных ученых эмигрантов логичным представлялось создание военно-научного центра, который бы объединял и координировал разобщенные творческие усилия изгнанников. Однако, как часто у нас бывает, единства мнений по этому вопросу найти не удалось. Н. Головин, его парижская и белградская «команды», многие другие таким центром считали Высшие Военно-Научные Курсы (не имевшие, впрочем, высшего научного статуса). С этим не соглашался профессор А.К. Баиов, давний оппонент Головина (еще с дореволюционных времен). Он считал необходимым создание *Военной академической группы* в составе профессоров бывшей Николаевской Военной Академии (таковых в беженстве находилось 9 человек), с задачей «обеспечить существование и дальнейшее развитие русской военной науки, сохранить преемственность русских научных традиций и методов, популяризировать военно-научные знания и взгляды и подготовить кадры молодых военных ученых»⁶⁴. Баиов тревожился о том, что военная наука эмиграции предоставлена сама себе, ее носители работают благодаря лишь частной инициативе, научный же центр, по его мнению, призван «утвердить на основах истинной науки ныне шатающуюся военную мысль нашего зарубежного офицерства»⁶⁵. Эти предложения автор, проживавший в Эстонии, высказывал в частных письмах к коллегам, находившимся в разных странах Европы. Адекватной поддержки своей инициативы он не получил и потому публично, перед кругами военной общественности, с ней так и не выступил.

пил. В то же время его ученик Б. Штейфон, будучи военным обозревателем газеты «Новое Время», от своего имени также предлагал создание такого центра⁶⁶, но призывы остались лишь призывами.

Многие годы работала «Корпорация академиков-артиллеристов Русской Эмиграции», объединявшая преподавателей и выпускников Михайловской Артиллерийской Академии. В начале 30-х годов в ней насчитывалось около 170 человек, в том числе выдающиеся ученые А.А. Нилус, П.П. Нечволодов, И.Н. Майдель, Э.К. Гермониус, В.А. Некрасов, Н.Т. Беляев и др. Артиллеристы издавали свои журналы, ежегодно на Конференции отчитывались о научных достижениях и просветительской работе, вели заинтересованный обмен мнениями. Некоторые из них находились на службе в вооруженных силах государств, в которых нашли прибежище: преподавали, возглавляли кафедры и лаборатории⁶⁷.

Таким образом, за рубежом полвека, на самопочинной основе, существовали своеобразные русские военно-исследовательские коллективы. Они, анализируя современные проблемы военно-политической и военной действительности XX столетия, готовили актуальные материалы в образовательных и научных целях. При этом использовались совершенно иные парадигмы, нежели в советской военной науке, военное бытие эпохи получало иное освещение. Тем самым значительно обогащалась «палитра» отечественной военной мысли.

Военно-периодические издания

Яркий, самобытный мир военной печати «невольных посланцев России за границей» поражает своим объемом и разнообразием: около 150 наименований, не считая полусотни казачьих (часть которых в значительной мере имела военный характер)⁶⁸.

Действительно, журналам и газетам военной эмиграции принадлежит исключительная роль и заслуга в деле поддержания, развития и сохранения военной мысли. Эти издания — мощные и самые стойкие ее «гарнизоны»: их основатели давно ушли, но то, о чем они думали, чем были живы и что стремились запечатлеть для будущей России — осталось.

В качестве примера отношения к делу офицеров-редакторов, понимания ими своих задач, а вернее сказать своей миссии, в разделе «Почин военной печати» нашей книги приводятся статьи из «Военного Сборника», «Русского Инвалида», «Армии и Флота». Обобщенно суть их целевых установок звучит в словах Н.В. Колесникова: «Мы не хотим топтать старого, полного славы прошлого, мы уважаем авторитеты служения Родине, мы ценим традиции и военную историю России, но мы хотим знать причины наших поражений и разгрома, мы хотим знать свои ошибки и упущения, мы не желаем повторения этих ошибок...»

Главной кафедрой военной мысли Зарубежья в 20-е годы был белградский «Военный Сборник»⁶⁹. Он выражал преемственность с основным военно-научным журналом старой армии, сохраняя его название и общий стиль. По эмигрантским меркам журнал прожил немалую жизнь (с 1921 по 1930 г.), в течение которой вышли в свет 11 объемных (от 250 до 400 стр. каждая) его книг⁷⁰. Главным редактором состоял Н. Головин, хотя вернее было бы сказать — почетным. «Рабочими» же редакторами

и организаторами были Генштаба полковники В.М. Пронин и И.Ф. Патронов, морские материалы редактировал адмирал А.Д. Бубнов.

Основное внимание уделялось анализу 1-й мировой войны: планам сторон, мобилизации, отдельным операциям и боям, подготовке командного состава, оценке боевой работы русской армии, действиям родов войск и т.д. Немало места отводилось вопросам военного искусства в целом, военной доктрине, теории и практике генерального штаба. Ценны в Сборнике работы по воинскому воспитанию, военной психологии, воинской дисциплине. Чрезвычайно содержателен библиографический отдел, представлявший новинки военной литературы и русской (советской), и иностранной. «Военный Сборник» был трибуной в основном маститых авторов: Н. Головина, А. Геруа, А. Баиова, В. Драгомирова, В. Борисова, С. Добророльского, А. Будберга, Е. Новицкого и др. Но печатались там и более молодые: А. Зайцов, Б. Штейфон, Е. Месснер. «Сравнивая его со старым, дореволюционным «Военным Сборником», — писал генерал Е.Ф. Новицкий о белградском издании, — приходится поражаться богатством содержания его младшего брата, выросшего на чужбине среди кошмарных условий нашего военно-научного быта. Этому бы журналу выходить 12 раз в год, а он при полном напряжении средств, выходит в среднем по одной книжке в год... и никто не поможет этому большому и необходимому для русской эмиграции делу. Для всего находятся средства, а вот для военной науки их нет».⁷¹

Внушительный след на военно-научном поприще оставил и другой «толстый» журнал — «Война и мир. Вестник военной науки и техники», выходящий в Берлине в 1922–1925 г. (19 номеров) в период, когда русская диаспора в Германии была наиболее многочисленной. Издание последовательно редактировали М.И. Тимонов, А.К. Келчевский, В.В. Колоссовский. Оно было единственным, допущенным к распространению в СССР (якобы в силу аполитичности)⁷². Постоянный костяк авторов — С. Добророльский, В. Борисов, А. Носков, П. Залесский и др. Журнал имел отделы: стратегии и тактики, военно-технический (военно-инженерный), военной статистики, военно-морской, библиографический (крайне насыщенный и богатый).

За три года существования «Война и Мир» собрал на своих страницах немало глубоких оценок и идей, часть из которых значимы и сегодня.

В конце 20-х годов в культурной жизни военной эмиграции сложилась противоречивая ситуация. Творческая активность минимально стабилизировавших свой быт офицеров возрастала, а острый недостаток военных изданий не позволял изгнанникам публично делиться своими профессиональными взглядами, идеями, воспоминаниями, приобщаться к развивавшемуся военному знанию. О таком положении дел с трибуны Зарубежного съезда русских писателей и журналистов (1928 г., Белград) поведал Б. Штейфон. Он предложил во всех больших русских газетах открыть военные отделы и таким образом помочь военной мысли эмиграции.⁷³ Тогда многие гражданские издания откликнулись на инициативу и стали больше печатной площади предоставлять военным авторам.

Само воинство на этом участке также осуществило определенный прорыв. На рубеже 20-х — 30-х годов возникло сразу несколько характерных военных изданий. Эстафету проповедника военной мысли от умолкавшего «тяжеловеса» — «Военного сборника» принял более мо-

бильный «Вестник Военных Знаний», выходивший в Сараево примерно раз в квартал с 1929 по 1935 г. (всего 22 номера). Редактором был Генштаба полковник К.К. Шмигельский, его неформальным наставником — ген. Е.Ф. Новицкий.

Из-за небольшого объема номеров (не более 50 стр.) статьи в журнале печатались короткие, иногда даже тезисные, зато весьма содержательные. Это придавало «Вестнику» особый стиль. К заслугам издания можно отнести, например, дискуссию по военной доктрине, устроенную на его страницах в 1933–1934 гг., публикации по теории гражданской войны, каковых практически не встречалось в упомянутых журналах. Роль «Вестника Военных Знаний» отражена в краткой оценке А. Керсновского: «Не будь полковника К.К. Шмигельского с его необычайной энергией, не будь этих маленьких синеньких тетрадок... — у русской военной мысли был бы вырван язык»⁷⁴. Впрочем, это образное высказывание, хотя и верно подчеркивает значимость названного журнала, несколько некорректно по отношению к другим изданиям.

Очень много на военно-научном фронте сделано «Русским Инвалидом», восстановленным, прежде всего, благодаря подвижничеству генерала Н.Н. Баратова (первого редактора). Ежемесячно выходившая в Париже с 1930 г. по 1940 г. газета была главной трибуной военных взглядов «парижской группы», что уже предопределяло весомость издания. Ген. Головин являлся заместителем главного редактора, полковник Зайцов — секретарем издания. Их работы, а также А. Гулевича, П. Краснова, П. Ставицкого, Н. Алексеева и др. на страницах «Инвалида» занимали центральное место. Помимо военно-теоретических статей газета давала массу исторических зарисовок. Всегда были интересны критика и библиография. Продолжались славные традиции знаменитой, старейшей русской военной газеты.

На Дальнем Востоке военную мысль представлял прежде всего объемный военно-научный журнал «Армия и Флот», выходивший в Шанхае с 1926 по 1936 гг. (наиболее стабильно с 1930 г.) под редакцией Н.В. Колесникова. Журнал в первую очередь ценен тем, что отражает специфический военно-политический колорит восточного полушария той эпохи. Блестящие аналитические обзоры, переводы работ иностранных авторов, перепечатки лучших статей европейских эмигрантских, иногда и советских изданий, оригинальная, импульсивная публицистика незаурядного редактора — вот основной капитал журнала. К сожалению, его почти не знали в русском рассеянии на других континентах.

Почти шесть десятилетий (1929–1988 гг.) «на страже идеи Русской армии», на службе военному знанию и русской военной истории находился самый известный и распространенный военно-общественный журнал Зарубежья «Часовой» со своим бессменным редактором В.В. Ореховым (в 30-е годы соредакторами были С.К. Терещенко и Е.В. Рышков). В его без малого семистах номерах содержатся тысячи статей, заметок, рецензий... по широкому спектру военной проблематики. Среди авторов — весь цвет военной мысли эмиграции. «Отойдя, в силу наших несчастных обстоятельств, далеко от военного дела, ...мы приближаемся к нему, листая «Часовой», — писал П.Н. Краснов⁷⁵. Подчеркивая нравственный аспект, А.А. Керсновский восклицал: «...«Часовой» спас от моральной гибели тысячу лучших русских офицеров, вновь воспламенив

им сердца, вернув им смысл к существованию (а кое-кого из отчаявшихся и от физической смерти). Заслуга перед Русской Армией не меньшая, чем выигранное генеральное сражение масштаба Луцкого прорыва»⁷⁶.

Особый «гарнизон» русской военной мысли представлял собой «Царский Вестник» (1925–1940 гг., до 1928 г. — «Русский Военный Вестник») под редакцией Н.П. Рклицкого. Издание, начавшее путь как печатный орган Совета Объединенных Офицерских Обществ (Югославия), постепенно политизировалось и, пройдя соблазн Евразийства⁷⁷, стало на позиции «Православия и Самодержавия». Однако по содержанию оно наполовину оставалось военным. Главной особенностью еженедельника было доминирование на его страницах уникального русского военного ума — А.А. Керсновского. В «Царском Вестнике» он нашел свою высокую кафедру, выступив с нее около полутысячи раз по военным и военно-политическим вопросам. Этим (а также публикацией трудов Керсновского «История Русской Армии», «Философия войны», «Мировая война») издание сыграло свою роль в истории русской военной мысли.

Немалую лепту в приумножение военно-мыслительного потенциала эмиграции внесли такие журналы корпоративного характера, как «Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Королевстве Югославия», «вестник Объединения Офицеров Генерального Штаба в Сан-Франциско», группа галлиполийских журналов.

Самым долголетним «постом» военной мысли Зарубежья является выходящий с 1926 года и (эпизодически) по сей день «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско». В его анналах — работы А. Будберга, В. Флуга, А. Драгомирова и других замечательных авторов. Более семидесяти лет издание следует своему кредо: «Любя несчастную (сейчас) Родину и ее прошлое, мы стараемся беречь это прошлое для будущего и с божьей помощью будем продолжать наше скромное служение Родине изданием Вестника...»⁷⁸.

Ценнейшим собранием военно-исторических материалов стали послевоенные парижские журналы «Военная Быль» и «Военно-Исторический Вестник», издававшиеся истинными ревнителями русской военной истории А.А. Герингом, М.Т. Голубовым и их сподвижниками. Их усилиями печатно зафиксированы сотни событий и деталей боевой и мирной жизни старой армии, сообщенных ее последними «могиканами».

Все, что связано с историей и традициями родных частей (как Российской Императорской Армии, так и Белого Движения), с трепетом и бережливостью накапливали издания полковых объединений. Эти, в большинстве машинописные журналы, размножаемые на ротаторе, имели неширокий круг хождения, но сотни офицеров были именно их корреспондентами и читателями.

Материалами военно-политического характера изобиловали газета «Сигнал» и журнал «Военный Журналист» — печатные органы движения ген. А.В. Туркула «Русский Национальный Союз Участников Войны» (конец 30-х годов). То же можно сказать о газете «Суворовец», выходявшей в 50-е годы в Аргентине и служившей трибуной незаурядному уму ген. Б.А. Хольмстон-Смысловского.

Напомним также, что развитию военного знания и пропаганде военных идей способствовали и общеэмигрантские издания различной поли-

тической окраски. О многих из них мы вправе говорить как о «постах» военной мысли с «часовыми» — военными обозревателями и постоянными авторами. Таковыми, например, были: в «Возрождении» (Париж) — Ю. Данилов, в «Новом Времени» (Белград) — Б. Штейфон, в «Последних Новостях» (Париж) — К. Шумский, в «Сегодня» (Рига) — Е. Месснер, в «За Свободу» (Варшава) — П. Симанский и т.д.

Таким образом, периодическая печать выступала действенным катализатором и основной формой опредмеченного существования военной мысли Зарубежья, обеспечивая ее идейное и тематическое разнообразие, максимальную публичность.

II

Количественно наследие военной мысли эмиграции представляет собой массив из более тысячи книг и брошюр, десятков тысяч статей в журналах и газетах, а также рукописей (и книг и статей), хранящихся в архивах России, США, Чехии, Франции и других государств, в частных, семейных коллекциях по всему миру. Нужно помнить и об источниках, утраченных в годы Второй мировой войны и в другие периоды скитаний «воинов с котомкой» (по образному выражению М. Цветаевой).

Те, кто в своем лице представлял зарубежный поток русской военной мысли XX века, в своих работах отразили широчайший спектр вопросов военного бытия, как традиционных, так и обусловленных спецификой исторического момента и социального положения изгнанников. Естественно, обозреть это поле нелегко. Используя в качестве методологического ориентира известные труды по истории отечественной военной мысли Л. Бескровного, Г. Мещерякова, И. Короткова и др., но более исходя из характера, количества и значимости источников, основное содержание наследия целесообразно представлять через следующие темы: *«Белая Идея»*, *«Власть войны»*, *«Вооруженная сила»*, *«Душа (Дух) Армии»*, *«Военная доктрина»*, *«Военное искусство»*, *«Офицерский вопрос»*, *«Анализ военно-политической обстановки»*, *«Военно-морская проблема»*, *«Военно-специальная подготовка»*, *«Военное знание»*.

В нашем очерке с большей или меньшей подробностью мы рассмотрим лишь тематические блоки «Белая идея», «Власть войны», «Вооруженная сила», остальные обозначим схематично. Содержание иных либо частично уже нашло отражение в ряде выпусков «Российского военного сборника», («Русская военная доктрина», «Русское Зарубежье», «Военно-морская идея России», «Душа Армии»), либо будет освещено в ближайших его книгах. Полный общий анализ наследия военной эмиграции — задача отдельного труда и пока — вопрос перспективы.

Белая Идея

Белая Идея как социально-политическая установка доминировала в сознании абсолютного большинства военных изгнанников, имела для них огромное значение как мотив их борьбы за Родину в прошлом, настоящем и будущем. Потому важно изначально рассмотреть понимание эмигрантами Белой Идеи.

Как теория она заняла не много места в творчестве военных писателей, считавших всю свою контрреволюционную боевую практику, а также работу в изгнании реальным выражением этой идеи. А. Туркул говорил:

«Белая Идея» есть самое дело; действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая Идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и ее жизни в борьбе, в неутихаемом порыве воле, в непрекращаемом действии».

Как ни много перьев было сломано при освещении гражданской войны, уразумении и объяснении причин поражения Белого Движения, в сонме разномасштабных сочинений не находится ни одной непосредственно посвященной обоснованию, «развертыванию» Белой Идеи. Ни в знаменитых «Очерках русской Смуты» Деникина, ни в «Записках» Врангеля, ни в многочисленных воспоминаниях и размышлениях других белых вождей нет хотя бы отдельного раздела. Как самостоятельная проблема она отсутствует и в известных научных трудах А. Зайцова, Н. Головина и других авторов. Тем не менее о ней, безусловно, говорили. Эти «сопутствующие» размышления можно свести к нескольким пунктам.

Во-первых, определялась государственно-политическая сущность борьбы; как правило она выражалась понятием «патриотизм» или, по уточнению Головина «военный патриотизм». Подчеркивалась роль офицерства, которому свойственна «психология войны». На контрреволюционное, «государственно-охранительное» идейное начало Белого Движения указывал А. Деникин⁷⁹. «Любовь к Родине и обязанность защищать честь отечества» в качестве главного мотива вооруженной борьбы белых утверждал С. Денисов, но принципиально протестуя против отождествления Белого Дела с контрреволюцией, ибо оно несло лозунг февральской революции — «за учредительное собрание» после освобождения России от большевизма⁸⁰.

Многие полагали, что сам белый цвет передает существо дела — «чистоту и благородство» и отнюдь не реакционность, которой сопутствует цвет черный⁸¹.

Во-вторых, признавалась философско-идеологическая необоснованность Белого Дела. Некоторые яркие, авторитетные писатели предостерегали от иллюзий единых «заветов белых вождей» (как некой доктрины), на которые любили ссылаться отдельные агитаторы. «...Если под этим термином понимать нечто вроде общего политического заветования..., то окажется, что все заветы очень противоречат друг другу. Ибо сами покойные вожди держались весьма различных политических взглядов. Так что в этом смысле «заветов», при посредстве которых можно было бы сделать... непререкаемую истину, — в этом смысле заветов попросту не существует», — утверждал Н. Белогорский (генерал Н.В. Шинкаренко). Он полагал, что главный общий завет — «жить, не поддаваясь пассивности, и умереть как они умирали — в борьбе»⁸².

Один из идеологов русского Национального Союза Участников Войны (РНСУВ) Г.П. Апанасенко подчеркивал: «Наше движение... называлось Белым Движением. Но мы не раскрыли тех идей, которые, быть может, смутно осознавали». Не без оснований этот автор разделял Белое Движение по степени идейной кристаллизации на два периода: первый — от начала борьбы до новороссийской эвакуации 1920 года, второй — крымский, врангелевский. Сутью первого, по его мнению, была «контрреволюция», голое отрицание большевистского режима. Врангелевский период — другой — «попытка построить Россию на новых началах, началах, сохранявших историческую преемственность»⁸³.

Еще категоричнее в этом отношении соратник Апанасенко, укрывшийся за подписью «поручик В.Т.», писавший, что в горячке белой борьбы, отталкивая революцию, добровольцы выполняли лишь негативное задание Белой Идеи. «Строго говоря — утверждал он — Белой Идеи во время гражданской войны не существовало. Была лишь Белая Мечта, которая чувствовалась инстинктивно»⁸⁴. уточним, «мечта» как примитивная фаза идеи. Тот же автор, говоря, что выработка белой идеологии началась лишь после гражданской войны, различал в проблеме две ее стороны: собственно идею, как некий главный посыл с его абстрактно-философским содержанием и доктрину как логически выстроенную и системную конструкцию по приложению идеи к жизни.

В эмиграции признавалось (общепризнанно и теперь), что полнее других Белую Идею философски обосновал и «выявил ее моральный облик» профессор И.А. Ильин. Закономерно, что как выдающийся философ, психолог, правовед он успешнее, нежели военные авторы, справился с этой задачей.

Ильин прозрел проблему обще-, а не конкретно-исторически, проповедуя, что «Белая Идея есть русская национальная идея, которую строилась и держалась в истории России, христианская идея жертвенного служения, идея личной и национальной чести, идея всежизненного, беззаветного стояния за священные истоки русского духа и русской государственности...»⁸⁵. Эта идея не в прошлом, а в будущем — утверждал Ильин. Философско-этическое обоснование Белой Идеи он дал в целом ряде работ⁸⁶, но в широком смысле едва ли не все его социально-политические сочинения пропитаны «Белой Идеей». А объемную серию статей под общим заглавием «Наши Задачи», создававшуюся мыслителем специально для РОВС, можно рассматривать как вполне доктринальную⁸⁷.

Доктрину Белой Идеи пытались создать многочисленные военно-общественные и политические организации и группы. Это и упоминавшийся РНСУВ (А. Туркул), и «Союз Младороссов» (А. Казем-Бек), и «Российское Национальное и Социальное Движение» (Н. Скалон), и организации монархического толка — «Корпус Офицеров Императорской Армии и Флота» (М. Скородумов), «Российское народно-монархическое Движение» (движение «штабс-капитанов» И. Солоневича), и «Российский фашистский Союз» в Харбине (К. Радзиевский), другие организации русского фашизма⁸⁸, а также группы, образовавшиеся вокруг газет «Царский Вестник» (Белград, Н. Рклицкий), «Россия» (Нью-Йорк, Н. Рыбаков), «Россия» (Шанхай, Н. Колесников), и многие другие⁸⁹.

Исходную точку их политического поиска можно выразить откровением генерала Туркула: «Попав в Зарубежье, в изгнание, мы начали передумывать все, что произошло с нашей Родиной. Мы отдаем себе отчет в тягчайших ошибках нашего старого правящего слоя, бесталанно правившего страной и армией, и потому убеждены в невозможности возвращения старой гражданской и военной бюрократии к делу управления в грядущей России»⁹⁰.

Надо сказать, что творчество воинства эмиграции в области государственно-политической теории заслуживает отдельного серьезного ис-

следования, как находящееся на стыке государственного и военного знания⁹¹.

Таким образом, с определенностью можно сказать, что единой формулировки и доктрины «Белой Идеи» в Зарубежье не существовало. Неоспоримыми для всех были лишь «противобольшевизм», «антикоммунизм» и «национализм» как реакция на разрушение и поругание национальных основ и святынь. Даже «антисоветизм» (в формальном смысле понятия), свойственный подавляющему большинству изгнанников, в этот ряд надо ставить с оглядкой, ибо, например, младороссы начертали лозунг «Царь и Советы». «Белая Идея есть самое дело, самая борьба» — вот изначальное обыденное восприятие и осознание этой идеи. Ясно — борьба против чего, но вот на вопрос: «Борьба за что? За какую Россию?» — ответы были различны. В совокупности они служат значительным материалом для выявления всех граней белой доктрины. Если же смотреть с позиции «Белая Идея есть самое дело», то выражением этой идеи мы вправе, прежде всего, считать творчество изгнанников по осмыслению пережитого опыта, выработке идейных и организационных основ создания будущей русской армии и возрождения национальной России во всей ее крепости и державности.

Власть войны

Неизбежность войн

Изгнанники не могли обойти вниманием проблем военно-философского характера и, прежде всего, связанных с пониманием главного своего предмета — войны. Весьма характерны в этом отношении работы «Роль войны в истории развития культуры» В. Заболотного, «Философия войны» А. Керсновского, «Помни войну!» А. Мариюшкина, «Беседы о войне и мире» Ю. Данилова, «Лик современной войны» Е. Месснера, «Война и политика» Б. Хольмстон-Смысловского, «Проблемы войны и мира» Н. Галая и др. Суждения и заключения авторов при этом не абстрактны, а вызваны осмыслением эпохи и собственного опыта, нацелены на обоснование практических вопросов. «Ныне, чтобы выиграть войну, надо понимать ее природу, надо изучать ее законы. Это понимание и это знание столь же обязательно ротному командиру, как и главнокомандующему», — утверждал Б. Штейфон⁹².

Отправной момент — уверенность в неизживаемости, неизбежности, войны как способа разрешения противоречий, споров между народами и классами. Это — точка зрения, присущая фактически всем военным писателям Зарубежья. Среди главных причин того, что «войны никогда не исчезнут», П. Симанский, например, называл принадлежность войны к явлениям «неволевого» порядка, т.е. лежащим вне пределов человеческой воли. В. Заболотный полагал, что «надеяться уничтожить войну — значит игнорировать закон мирового процесса, в силу которого каждая индивидуальность, а следовательно и социальная, стремясь к наиболее полному развитию своих психофизических сил, тем самым невольно приходит к столкновению с другой, ей подобной, вызывает неизбежную борьбу, что в области существования политических организмов и проявляется в форме войны». И сколько бы ни подписывалось «пактов Келлога», сколько бы человек ни ставил преград вооруженным столкновениям,

— полностью изжить их не удастся. «Договоры — это только «клочки бумаги», а сила и корысть являются важнейшими двигателями в международных отношениях современного мира», — без обиняков говорил А. Деникин⁹³. «Никакие Лиги Мира... не заставят народы отказаться от права на войну, когда дело дойдет до их жизненных и высших национальных интересов», — прозорливо утверждал А. Баиов. Горе нации, «забывшей о делах воинских».

Из этих положений следует другой принципиальный вывод: война должна быть нравственно оправдана (Баиов); более того, сам акт войны, при всех ее ужасах, во многом способствует выработке нравственности, ибо именно на войне кристаллизуются понятия и качества героизма, долга, жертвенности, взаимовыручки; война уравнивает в правах и стирает социальные грани; война — и моральный критерий: перед лицом постоянной опасности и угрозы смерти «человек предстает перед человеком как на страшном суде» (Заболотный). С другой стороны, война для данного поколения несет ужас личного горя и несчастья, экономическое расстройство и огрубение нравов. Но, по меткому наблюдению А. Баиова, она заставляет народы напряженнее работать, что служит прогрессу, а кроме того последующие поколения часто пользуются завоеваниями предшественников. «Войну саму по себе всегда надо считать бедствием, но последствия войны иногда бывают благотворны», — формулировал А. Керсновский.

Большинство авторов сходились в утверждении: война, бесспорно, — болезнь человечества, его патология и жесточайший акт, но средством против нее может быть только война.

Именно такого рода философия должна быть заложена и в сознание армии — организации, содержащейся государствами для войны, — и в сознание нации, частью которой армия является и во имя которой существует.

В этой связи военная мысль эмиграции дала настоящий бой пацифизму, не признающему аксиом неизживаемости, закономерности и «законности» войн. Подчеркивалось, что опасность пацифистского мировоззрения таится в активном распространении его сторонниками своих взглядов в обществе, внушении гражданам мыслей об «аморальности» не только войны, но и военной службы, что ведет к отказу от обязанности защищать свою Родину. «В мечтах о пацифизме — констатировал А. Мариюшкин — преступно забывались жизненные интересы своей страны...» Он напоминал, как с начала XX века под влиянием такого рода «философии», сочившейся со страниц произведений Л. Толстого, Л. Андреева, А. Куприна, М. Горького, не говоря уже о революционных изданиях, «общественность» устроила целый поход против собственной армии и ее остова — офицерства.

Лично претерпев губительные последствия «антимилитаристского» угара своего народа, в числе других причин приведших к крушению армии, а за ней и России, русские офицеры в изгнании всячески пытались предостеречь потомков от повторения старых ошибок.

Указывалось также, что распространение таких идей — в интересах явного или скрытого противника, а часто и иницируется последним. Обращалось внимание и на «лжепацифизм», присущий, например, тогдашней Америке.

Военные писатели эмиграции отчетливо улавливали пульс современной им эпохи, давая ей краткую характеристику: «власть войны». В работе с таким названием Ю. Данилов писал: «Законы войны всегда деспотичны. Теперь же, когда для достижения успеха требуется предельное напряжение всех живых и материальных сил нации, они особо остро будут ощущаемы, ибо проникают во все сферы как общественной, так и частной жизни и накладывают на них свою тяжелую, давящую руку»⁹⁴.

Характер войны

В мысли, приведенной выше, содержится не только указание на угрозу войны, но, главным образом, на характер современной войны — вопрос чрезвычайно важный, всегда находившийся в поле зрения изгнанников. «Мировая история вступила в период, угрожающий лучшим сторонам европейской культуры гибелью от безумного масштаба будущих войн, их длительности и адских способов взаимного истребления уже не только армий, но и самих народов», — предрекал генерал С. Шишко в работе «Современные и грядущие способы ведения войны и последствия будущих войн для мировой цивилизации». Он основывал такой прогноз на выводах о сопряженности современной войны с физическим уничтожением уже миллионов людей, с тем, что войны теперь требуют этатизации всей хозяйственной жизни, ведущей к материальному и психическому истощению наций⁹⁵.

«Война — это взятие на учет и рациональное использование всего: и сырья, и продуктов, и товаров, и людей со всеми их физическими силами и духовными способностями... ибо во время войны не будет ни свободного творчества, ни свободной мысли — все будет взято на службу государству. Изобретатель, организатор, проповедник, поэт — все будут «трудообязанными» и будут изобретать средства войны, организовывать военную форму социальной жизни и хозяйства, проповедовать воинственность и воспевать величие подвига. Это государственное рабство не будет тягостно тем, в ком сильно сознание национального долга, но для многих оно будет невыносимо», — так образно описывал власть войны Е. Месснер⁹⁶.

Профессор А. Гулевич, выступая на страницах «Русского Инвалида», говорил о том, что характер войны предопределяется сложными и многообразными способами и средствами ее ведения, чрезвычайной ее разрушительностью. Он называл следующие элементы «предстоящей большой войны»: а) боевые действия на суше, воде и воздухе с применением новейших технических достижений; б) разрушения по всей территории страны, достигнутой средствами противника, применяющего все виды оружия, вплоть до бактериологического; в) экономическая война, главным образом путем блокад и иными средствами; г) политическая пропаганда, идеологические диверсии, направленные на моральное разложение противника и обострение существующих социально-политических противоречий⁹⁷.

После Второй мировой войны военные мыслители Зарубежья проявили особую проницательность. Четко зафиксировав, что техника стала ведущей осью военного дела, сделав выводы о всеукоряющемся техническом прогрессе, решающей роли авиации и о том, что война отныне

будет «войной ужасающих разрушений издалека», ведущие авторы сосредоточили внимание на другом ее аспекте — «военно-философском парадоксе» (по выражению А. Зайцова) — всевозрастающей роли партизанской формы борьбы, или «малой войны». Правда, А. Зайцов говорил о ней как о примитивной форме, но вот Б. Хольмстон-Смысловский, Е. Месснер и другие уже так не считали, уделив ей пристальное внимание, вплотную занявшись развитием ее теории.

Этапом на этом пути следует считать книгу Б. Хольмстона «Война и политика. Партизанское движение» (1957). Война, по его убеждению, из трехмерной субстанции (на суше, в водной и воздушной стихиях) перешла в четырехмерную, ибо теперь она ведется и за душу солдата, душу воюющих наций. «Доминирующая идея динамизирует воюющие нации, — говорит автор, — идеи рожают психику, а психика создает бойца и новые формы боя». Он полагал, что в двадцатом веке такой идеей стала идея коммунизма и ее производные — революции и всевозможные освободительные движения, что именно революционная обстановка породила малую войну. Хольмстон указывал, что истоки ее теории находятся в марксистско-ленинском учении о революционных войнах, а Советский Генеральный штаб — автор современной ее доктрины и опытейший ее организатор. (Думается, на тот момент утверждение справедливое.) Для малой войны характерно, что ведется она в тылу неприятеля и посредством нее решаются задачи разрушения коммуникационных линий, уничтожения сети связи и различных объектов управления и обеспечения, ведения глубокой разведки, организации политического террора и экономического саботажа и т.д.

Описав тактику, «оператику», стратегию, психологию партизанской войны, Хольмстон-Смысловский призвал военных специалистов не гнушаться глубоким и детальным ее изучением, ибо «классическая военная наука должна найти принципиальные способы политических противодействий или радикальных методов огневой борьбы против... Малой Войны»⁹⁸.

Оригинальную трактовку характера современной войны предложил Е. Месснер, уделив серьезное внимание иррегулярству. Он показал шесть его типов: народное неповиновение и саботаж, вредительство, диверсия, террор, партизанство, восстание; сделал вывод о том, что революцию на войне одолеет лишь контрреволюция, в борьбе против иррегулярства победу дают не карательные экспедиции, но овладение душой народа. Углубляя изучение иррегулярного «воевания», Месснер заметил, что побуждениями к нему были месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т.д. «Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста, беспринципного буйства — говорил писатель — нельзя было не назвать *мятежом*»⁹⁹. В непрерывности и расширении этого процесса после 1945 г. Месснер увидел новую форму войны, которой дал наименование «мятежевойна». В своем труде «Мятеж — имя Третьей Всемирной» (1960) предсказал, что следующий мировой катаклизм примет именно такие очертания; в начале 70-х годов он провозглашает факт уже развернувшегося предсказанного действия, сокрушаясь, что «свободный мир» не осознает происходящего. «Многое происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму —

Мятежевойна — пояснит многое. Тогда мы перестанем называть криминальными происшествиями стратегические действия в рамках мятежевойны... Надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами Мятежевойны...», — писал профессор Месснер¹⁰⁰.

Правда, Месснер и другие авторы в Зарубежье несколько наивно полагали, что инициатива в этой уже развернувшейся всеохватывающей войне принадлежит исключительно «Красномоскве», что ею, во имя разжигания революционной, классовой борьбы, инициируется большая часть террористических акций, всевозможных волнений, движений студентов и т.д., вплоть до поддержки и субсидирования в странах Запада анархо-нигилизма, наркомании, разврата, всего того, что повышает интенсивность Мятежа. Но если иметь в виду сущностное выявление «лика современной войны», то, думается, «учение» не только вполне адекватно отражало реалии времени, но и представляло собой *предвидение*.

Советская военная мысль, поначалу имевшая серьезнейшие разработки и обобщения опыта в области малых войн, постепенно укрывшись за грифами секретности, и саму теорию проблемы сделала недоступной сознанию армии. А ей, чем ближе к концу XX века, тем чаще приходилось сталкиваться именно с такой войной. И совершенно справедливо пишут современные ученые А. Усиков и В. Яременко: «Наложение табу на изучение «малых» войн, мотивов их возникновения, особенностей стратегии и тактики иррегулярных формирований постепенно привело к плачевным результатам: в военно-теоретическом плане Россия оказалась далеко позади требований времени. Неумение «манипулировать» угрозами (кроме глобальных империалистических), апелляция к стратегии Великой Отечественной войны (как будто не было Кореи, Вьетнама, Египта, Афганистана), фактическое отсутствие учебных программ в академиях и училищах по войнам новейшего времени стали одной из причин российских военных поражений и политических неудач»¹⁰¹.

Правота исследователей очевидна. Как очевидно и то, что зарубежная русская военная мысль верно и своевременно услышала голос «малой войны». И так ли далеки от истины были военные писатели эмиграции, когда предсказывали образование континентальных государственных групп — Пан-Америки, Пан-Европы, Пан-Азии... и межконтинентальные войны XXI века, что придут на смену коалиционным? При этом Россия, с тяготеющими к ней государствами — «часть Света», сама «континентальная группа», одна из 5–6 мировых сил, — должна быть мощной, в готовности к отражению натиска и с запада и с востока¹⁰².

Таковы некоторые аспекты понимания войны как неизбежного явления социальной жизни, отношения к войнам и определения их характера, присущие военным писателям эмиграции. Это их военно-философское основание, опираясь на которое они пытались наметить верные пути строительства будущей армии России.

Социология войны

После лихолетий 1914–1920 гг. военные ученые и исследователи утвердились в мысли о том, что «борьба наций явила в Великой Мировой войне по объему такой исторический феномен, коему по содержанию не было и примера» (Баскаков). В этой связи остро вставал вопрос о спосо-

бе изучения войны. Было ясно, что она прямо или косвенно затрагивает не только армию и военную промышленность, но все области жизни страны, все отрасли ее хозяйства, все социальные слои и каждую личность в отдельности. Профессор В. Баскаков, например, в статье «Эпохальное в историографии значение описания великой мировой войны» подчеркивал, что если прежде военное описание в основном ограничивалось характеристикой противников, показом причин, театра войны, планов операций и отражением военных действий, то отныне требуется охарактеризовать целые нации в исторической динамике, дабы увидеть их жизненные интересы и стремления; наряду с этим война исследуется по всем ее составляющим элементам, причем «исторические описания и аналитические исследования конструируются в направлении позитивного изучения явлений»¹⁰³. Иначе говоря, приходило понимание того, что войну необходимо изучать не только с сугубо военно-научной точки зрения, но и социологически, политически, экономически и т. д. В соответствии с этим пониманием и написаны многие труды эмигрантских авторов, что отметил Е. Месснер: «Приближение военной науки к наукам экономическим и политическим характерно для зарубежной военной мысли, причем это диктуется сознанием, что война ведется не армиями, а всем государственным организмом».

Наиболее продуманную и законченную форму размышления о методе изучения войны обрели в работе профессора Н. Головина «Наука о войне. О социологическом изучении войны». Она вышла в свет в 1938 году, однако идеи, высказанные в ней, ученый вынашивал задолго до того под влиянием своих учителей Г.А. Леера и, особенно, Н.П. Михневича, последний из которых и говорил в начале века о «социологии войны». Головин также активно опирался в своей работе на положения западных мыслителей — К. Клаузевица, Дж. Милля, В. Парето, пользовался консультациями крупного русского социолога П. Сорокина. С 1927 года материалы по данной проблеме Головин публиковал в эмигрантской печати. Постараемся изложить суть его взглядов.

Поскольку война есть явление социальной жизни, то наука о войне «должна представлять собою социологическое исследование, объектом которого будет изучение процессов и явлений войны с точки зрения существования, сосуществования, сходства или последовательности их», поскольку же явления войны подчиняются известным закономерностям, — наука будет стремиться к открытию законов. До сих пор, считал Головин, в основном изучались «способы» ведения войны (теория военного искусства), но не сама война как явление общественной жизни во всей огромной совокупности ее элементов. Добиться глубокого изучения невозможно без трех вспомогательных (по отношению к «науке о войне») дисциплин: «радикально перестроенной военной истории», «психологии войны», «статистики войны».

Военно-историческая наука должна освободиться от «патриотических сказок», с одной стороны, и пацифистских писаний — с другой. «Чтобы военная наука не ушла в облака, а осталась на почве реальностей», необходимо ликвидировать явный крен в исторических исследованиях, строящихся на преимущественном изучении внешней стороны войны — анализа одного лишь военного искусства (источник — боевые документы, мемуары военачальников), и внимательнее отнестись к изучению

внутренней ее стороны — событий в боевых низах (свидетельства, воспоминания, наблюдения солдат и офицеров, непосредственно «наносащих и получающих удары»).

Помимо фиксирования «молекулярных проявлений жизни», составляющих внутреннюю сторону войны, требуется и расширение поля зрения военной истории (по классическому примеру Г. Дельбрюка, изучавшего военное искусство на фоне политической жизни народов).

Поскольку в явлениях войны громадную роль играет психика войск, то «социология войны» предполагает большую работу в области как индивидуальной, так и коллективной военной психологии. «Человек, участвующий в бою, находится в патологическом состоянии, и поведение бойца не есть поведение нормального человека, поэтому понять истинную сущность войны без применения психологического анализа невозможно», — пояснял Головин. Но еще важнее — социальная психология, изучающая те состояния, переживания, которым подвержены войска. Правда, качество их духа не есть величина постоянная, оно во многом зависит от материальных факторов, однако последние не входят в предмет психологии. Потому и необходима наука, синтезирующая данные, выводы материального и духовного порядка.

Количественное измерение многих качественных изменений, происходящих внутри социального организма, — прерогатива военной статистики (которая в дореволюционной России была на высоте). Важнейшее значение имеют сведения о потерях по категориям, о численности войск, технике, распределении сил между фронтом и тылом и т.д. Но условием продуктивности и ценности статистических данных является установление определенного «однообразия номенклатуры», что позволит уже говорить о «статистике войны».

При этом Головин понимал относительность возможностей социологии применительно к познанию войны, ибо наука об обществе в силу чрезвычайной сложности объекта не может в своих выводах и прогнозах соперничать с точными науками. Тем не менее он верил в существовавшую прикладную силу предлагаемой системы знания. Также было очевидно, что ввиду громадного объема материала для развития социологии войны требуются специальные учреждения и большие научные коллективы, но до Второй мировой войны таковых нигде не имелось.

Надо сказать, что ряд трудов ученого написаны именно с изложенных выше позиций, и прежде всего — по Великой войне, которой в Зарубежье уделялось колоссальное внимание.

Проблема Первой мировой войны

Военные писатели эмиграции — это, в основном, участники Первой мировой. Уже потому проблема им чрезвычайно близка и первостепенно для них значима. Практически каждый из авторов, имея за спиной богатый личный боевой опыт, выступил в роли летописца, либо — исследователя. Среди них были и младшие, и старшие, и высшие офицеры, занимавшие на фронтах должности от командиров ротного звена до командующих фронтами, а по Генштабу — в дивизиях, корпусах, армиях, фронтах и в Ставке. Можно с уверенностью сказать, что последняя война Российской империи в наследии эмиграции получила отражение по всему своему «иерархическому» срезу. Тысячи источников (среди кото-

рых десятки капитальных трудов), повествующие о ходе и событиях войны, дающие ответы на вопросы о причинах и следствиях этой мировой драмы, роли в ней России, ее военном искусстве и многие другие есть не что иное, как русский взгляд на Великую войну. И в этом — его своеобразие, ибо Первая мировая война (особенно на русском фронте) в интерпретации иностранцев или советской (марксистско-ленинской) истории — во многом другая война, другие оценки, выводы и уроки. Значение наследия изгнанников велико еще и потому, что в советской историографии внимание к Первой мировой войне, по признанию, например, П.В. Волобуева «как в силу объективных, так и субъективных причин было... недостаточным»¹⁰⁴.

Надо сказать, исторически этой теме у нас крайне «не повезло». По окончании Великой войны умственный русский военный потенциал в значительной мере был расколот и перемолот гражданской войной. Изучение и апология последней сильно отвлекло, а рамки марксизма усекли советскую военную мысль (доходило до того, что в первом издании книги А. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.» не упоминалось имя М.В. Алексеева). Эмиграция же работала в ненормальных, тяжелых условиях и, несмотря на колоссальный объем созданного, объективно не могла реализовать всех своих возможностей. К тому же сделанное ею долгие десятилетия оставалось для нас за семью печатями и полностью не собрано по сей день. Стоит ли удивляться, что история Великой войны в сознании наших современников отражена поверхностно¹⁰⁵. А ведь именно ее ход и исход решающе предопределили дальнейшую судьбу России в XX веке. Один из тех, кто глубочайше осознал эту истину — А.И. Солженицын, полвека посвятивший созданию беспрецедентного десяти томного «повествования в отмеренных сроках» — «Красное колесо», — грандиозной панорамы 1914–1917 гг. При этом писатель в немалой мере опирался на источники эмиграции, особенно в период работы над второй половиной труда, когда и сам оказался в изгнании¹⁰⁶. Вероятно, неслучайно, в главах 38 и 39 «Октября шестнадцатого» представлена сцена встречи Свечина и Воротынцева в ресторане «Кюба». Их диалог, сочиненный автором на основе детального изучения различных источников, вполне можно представить и как некое сфокусированное выражение всей многосложности суждений эмигрантов о смысле и результатах войны¹⁰⁷.

Постараемся сколь возможно кратко показать: что же конкретно сделала военная мысль на чужбине в области познания и изучения Великой войны?

Главным образом в 20-е — 30-е годы создан целый ряд серьезных трудов. Среди них в первую очередь следует назвать принадлежащие перу Н. Головина: четырехтомное исследование «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте», обстоятельно освещающее наш план войны, Восточно-Прусскую операцию и Галицийскую битву; двухтомник «Военные усилия России в мировой войне», содержащий оригинальный анализ «военного напряжения» страны, ее реальных и мнимых возможностей. Широкою известность в Зарубежье по праву получили работы Ю. Данилова «Россия в мировой войне. 1914–1915 гг.», «Великий Князь Николай Николаевич» и «Русские отряды на французском и македонском фронтах». Специалисты высоко оценили стратегические очерки Е. Ма-

словского «Мировая война на Кавказском фронте. 1914–1917.», В. Доманевского «Мировая война. Кампания 1914 г.». Большой резонанс имели труды И. Хольмсена «Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 года», А. Керсновского «История Русской Армии» (пять заключительных глав которой посвящены Мировой войне) и др. Третий этап военной мысли эмиграции также отмечен несколькими яркими книгами, такими, например, как «В царской Ставке» А. Бубнова и «Луцкий прорыв» Е. Месснера.

Масса менее масштабных, но не менее ценных работ опубликовано на страницах военной периодики. Так, содержание одиннадцати книг Белградского Военного Сборника более чем наполовину состоит из материалов по Первой мировой войне. Среди них дневник Ф. Палицына «В штабе Северо-западного фронта», «X-я армия в сентябре 1914 года» В. Флуга, «Краткий стратегический очерк вооруженной борьбы на франко-германском фронте» Р. Дрейлинга, «Краткий очерк военных действий русских армий в Галиции и Привислинском крае в августе 1914 г.» В. Драгомирова, «Стратегические планы сторон к началу мировой войны» С. Добророльского, «Львов — Рава Русская — Перемышль» Д. Щербачева, «Действия VI корпуса и главные причины неудачи 2-й армии» И. Патронова и другие.

Такого рода публикации немало места занимали и на страницах «Русского Инвалида», а спаренный его номер 136–137 от 1939 г., вышедший на 24-х полосах, был полностью посвящен Великой войне в связи с 25-летием ее начала и представил очерки и статьи более двадцати известных авторов. Наряду с краткими очерками участия России в войне в целом (А. Гулевич, А. Зайцов), отдельно освещались действия русской пехоты (Б. Геруа), кавалерии (П. Краснов, П. Шатилов), артиллерии (В. Хитров), авиации (В. Баранов), других родов войск, Генерального Штаба (Н. Стогов), а также работа тыла и другие аспекты.

Много писалось о войне и в других изданиях. Уникальный материал фактологического и персонифицированного характера собран на страницах журналов полковых и других корпоративных объединений, касающийся действий конкретных частей, подразделений, служб в годы войны, который предназначался «для будущих историков», как часто с верой в перспективу «национальной России» и ее армии говорили изгнанники. Такого материала в Советском Союзе почти не было.

Огромное количество частных моментов войны было рассмотрено в рамках работы различных кружков и обществ. В основе этого анализа находились детали боев, операций, главным образом тщательно восстановленные по памяти офицеров, а зачастую и на основе сохранившихся у них или собранных ими боевых документов. Внимательно прорабатывалась и вся доступная военная литература¹⁰⁸.

В идейно-содержательном плане по данной проблеме обозначились следующие позиции.

Ясно и однозначно подчеркивалась жертвенная роль России на протяжении всей войны и указывалось на недопустимость забвения этой жертвенности. Н. Головин, А. Гулевич, Ю. Данилов, Б. Геруа, А. Керсновский и другие авторы убедительно демонстрировали на страницах своих работ факт русского стратегического альтруизма. А. Баиов в очерке «Вклад России в победу союзников» писал, что Россия, работая с союз-

никами и на них, заставила весь свой народ перенести неизмеримое количество тягостей, испытать массу горя, «в буквальном смысле слова пожертвовать собою для спасения союзников»¹⁰⁹. Назывались основные жертвы. Во-первых, вступили в войну, пытаясь восстановить права и независимость Сербии. Во-вторых, не успев должным образом произвести мобилизацию, надлежало сладить войска и снабдить их всем необходимым, спасая Францию, предприняли неподготовленное наступление в Восточной Пруссии. В результате оттянули на себя значительные силы немцев с Западного фронта, что дало возможность французам одержать победу на Марне. Сами же поплатились гибелью армии Самсонова. Следующими жертвами были и отправка на Салоникский и Французский фронты четырех русских бригад, и невыгодное наступление, по определению Люддендорфа, «в болоте и крови» близ оз. Нароч весной 1916 (облегчали французам положение под Верденом), и досрочность Брусиловского прорыва (спасение итальянцев), и непосильное удлинение русского и без того громадного фронта для прикрытия вступившей в войну (севшей на изможденную шею России) Румынии... Постоянство таких ситуаций с горечью и блеском характеризовал А. Керсновский: «Русская «каре́та скорой помощи» опять понеслась на спасение очередного союзника»¹¹⁰.

Нелицеприятным обоснованным оценкам со стороны военных писателей Зарубежья подверглась *русская стратегия в Великой войне и накануне ее*. Она, по их мнению, определялась в основе своей двумя факторами: политической линией России в предвоенные годы и на протяжении войны (сутью которой оказалась вышеочерченная жертвенность), а также довоенной подготовкой высшего командного состава.

Стратегия вступила в дело задолго до первых выстрелов, красноречиво отразившись в *плане войны*. Его тщательному анализу посвятили работы С. Добророльский, В. Доманевский, Н. Головин, М. Иностранцев, В. Драгомиров, А. Керсновский и др. Абсолютным большинством военных аналитиков эмиграции русский план по сути был признан несостоятельным. С. Добророльский, указывая на разрозненность стратегической работы участников франко-русского союза и неустойчивость, неясность русской военной доктрины, констатировал: «В России десятками лет проводимая «оборона западных пределов Империи» неожиданно, за 4–5 лет до войны, сменяется намерением наступать на всем 600–верстном фронте»¹¹¹.

Внешние причины неудачного планирования, отклонения от прежнего традиционно оборонительного замысла Милютин-Обручева (что привело к колебаниям плана и идеи первоначальной группировки), выдвигались в отказе русской политики и дипломатии «от национализма и здорового государственного эгоизма», подлаживании под союзников¹¹². Внутренние (по отношению к армии) причины заключались в частой смене после 1905 года начальников Генштаба, бездарности, неподготовленности таких из них, как Жилинский и Янушкевич, роковых ошибках их сотрудников. Н. Головин, например, аргументированно сокрушил всю конструкцию плана, показав его «половинчатость», приводящую к дроблению сил (между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами), вместо более решительного их сосредоточения на одном направлении. Наибольшие претензии предъявлялись «преступному по своему легкомыс-

лию и стратегическому невежеству» решению Жилинского (принятому с ведома Сухомлинова) начать наступательные действия против Германии на 15-й день мобилизации, тогда как требовался срок минимум в три недели. Это решение Н. Головин назвал «главной причиной печального исхода всей войны для России»¹¹³. Жесткой критике подвергались состав и задачи созданных группировок армий. Керсновский, проанализировав неудачи в Восточной Пруссии, выносит свой приговор: «Первыми виновниками крушений были ... составители плана войны, не сумевшие распорядиться силами Северо-Западного фронта и давшие этим силам схоластические задачи — географические объекты (обход Мазурских озер, блокада Кенигсберга). Жилинский и Данилов двигали армии... вне всяких реальных участников будущей войны. Идею нужно взлелеять и привить на хорошо подготовленной почве. Этого не было достигнуто до войны, и лихорадочное понукание наступления с началом войны, не выдержав даже сосредоточения, только преждевременно расстроило организм страны»¹¹⁵.

Практически единственным, кто активно возражал против негативных оценок плана, был лишь один автор — Ю. Данилов, являвшийся основным разработчиком этого стратегического документа. Он сакраментально замечал, что после событий судить легко, и держался мнения о теоретической правильности плана, в составлении которого приходилось исходить из раздвоения главной стратегической задачи — вести борьбу на два фронта, против Германии и Австро-Венгрии.

Данилов, бывший генерал-квартирмейстер штаба Ставки, в своих многочисленных работах небезосновательно проводил мысль о неподготовленности России в 1914 году к войне вообще и к наступательной в частности, о «трудных условиях работы Русской стратегии», о ее невыгодной, подсобной роли в коалиционной войне. Такая роль, при всей невыразительности, требовала от армии постоянной готовности к энергичным, часто — наступательным действиям и маневрированию, к чему войска, в силу своей организации и недостатка ресурсов, подходили мало. С подобными утверждениями солидаризировалось большинство других авторов.

Анализ стратегии не ограничивался выявлением исторически неоправданного, жертвенного способа ведения войны. Н. Головин в четырех книгах труда «Из истории кампании 1914 года на Русском фронте» продемонстрировал блестящий разбор Восточно-Прусской операции и Галицийской битвы, буквально «по косточкам» разложил технику стратегической и оперативной работы русского командования. (Странно выглядят утверждения некоторых современных историков о том, что события в Восточной Пруссии относятся к тем, что «еще не стали объектом углубленного исследования или попросту «забыты»¹¹⁶. В эмиграции десятки книг и статей посвящены «вторжению в Восточную Пруссию», среди

которых работы и Головина, и Зальфа, и Богдановича, и Патронова, и др. Головин строил исследование, анализируя «существование и причинную связь явлений», стремясь «писать только правду и всю правду» и «найти поучение для будущих деятелей в трудной области военного творчества». Автор, раскладывая события по часам и минутам (недаром трем переломным дням Галицийской битвы отводит отдельный том), применяет тот самый метод «социологи-ческого изучения войны». Он раскрывает «психологический процесс кристаллизации идей высшего командования в трудном деле руководства современными сражениями», показывает важнейшую, иногда определяющую роль отношений руководителей, трений между ними. Благодаря такому углу зрения во многом становятся понятными те или иные решения, механизм их принятия. Наряду с этим использует множество документов, свидетельств, в том числе «боевых низов». Во всем этом особенность трудов Головина.

В одном из них он очень рельефно показал неэффективную работу, невежество штаба 2-й армии и ее командующего (Самсонова), выразившиеся в неадекватной реакции на складывавшуюся обстановку, потере связи и прекращении управления войсками. Кроме того, по мнению Головина, и в Ставке в тот момент преобладали фантазии, оторванные от действительности, в которой пребывали войска. При освещении Галицийской битвы, хотя и окончившейся для русской армии более или менее удачно («победа без стратегических последствий»), автор предупреждает, что «само строго объективное изложение фактов вскрывает несостоятельность работы штабов наших 3-й и 4-й армий».

Работы профессора Головина имеют преимущественно критический характер. В этой связи уместно привести его большую цитату, отражающую нравственное кредо ученого и один из принципиальных выводов: «Я считаю, что наша старая Русская Армия имела столь большие достоинства, что в глазах серьезных людей она может только выиграть от правды. В отношении воинской доблести и действий войсковых частей вплоть до дивизий Русская Армия 1914 года может быть поставлена выше всех воевавших тогда Армий. Тут сказалась та оплаченная кровью школа, которую прошла значительную часть нашего среднего командного состава в войну с Японией 1904–1905 гг. Мы хромали в 1914 году в области высшего командования и в технике Службы Генерального Штаба. Правда в этой сложнейшей области человеческой деятельности достигнуть совершенства чрезвычайно трудно. Всегда возможны ошибки... Исправление этих ошибок покупается на войне ценою крови. В такой армии, как старой Русской Армии, командный состав был избалован доблестью войск. Очень часто ошибки его могли оставаться незаметными под покровом излишне пролитой крови. Эта доблесть войск располагала к умственной лени. Подобно очень богатому человеку наш командный состав привык слишком нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь. А между тем, чем доблестней армия, тем более она имеет морального права требовать от своего командного состава высшего умения»¹¹⁷.

Признание *высшего командного состава* Российской армии в целом плохо подготовленным к ведению войны, а уровня его стратегической мысли крайне низким — общее место в трудах эмигрантов. Десятками хлестких цитат ведущих авторов можно проиллюстрировать этот вывод,

но смысл их, пожалуй, перекроют всего несколько простых, но глубоких слов профессора А. Баюва: «Войну мы вели кустарно, по-любительски».

Вместе с тем, безусловно, отмечалось, что немало русских военачальников оказалось на высоте положения, проявив истинные образцы полководчества. Первым среди них по праву назывался генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, которому был посвящен целый ряд работ. Юденич — фактически единственный командующий фронтом, добившийся нескольких крупных побед, выполнивший все стратегические задачи. Показ этой мощной фигуры, как и таких крупных деятелей Российской армии периода Первой мировой войны, как Великий Князь Николай Николаевич, М.В. Алексеев, которых на Родине пытались исключить из исторического и национального сознания, — бесспорная заслуга военной мысли эмиграции.

Личность Юденича естественно оказалась в центре внимания стратегического очерка Е. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте», увидевшего свет в 1933 году. В русской военной литературе это было первое капитальное исследование действий Русской армии на Кавказском театре военных действий. (В Советском Союзе лишь в конце 30-х и 40-х годах появились труды Н. Корсуна по этой проблеме.) Автор пояснял, что Кавказский фронт — особое поле для исследователя, ибо если на западе «проходил экзамен массовой работе (количеству), нервам, методике», то Кавказ — пространство для проявления инициативы и применения маневра. Главный интерес для Масловского, бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, представляло полководческое творчество («душа всех операций»), которое и вело армию Юденича неизменно к победе. «Одним из достижений зарубежной военной историографии» справедливо назвал книгу Б. Штейфон, с гордостью заметив, что курсы и кружки военного самообразования получили наконец возможность «изучать военное дело не по упадочным образцам европейских фронтов, а по делам наиболее полно выявляющим сущность русского военного творчества»¹¹⁸.

Максимально обобщенный, «социологический» взгляд на проблему предложил Н. Головин, неизменно применявший метод «социологического изучения войны», о котором говорилось выше. В труде с абсолютно точным названием «Военные усилия России в мировой войне», он попытался показать процессы, происходящие в государстве, испытывающем огромное военное напряжение. Словосочетание «военное напряжение», вошедшее в оборот задолго до Головина, наполняется у него конкретным, выверенным содержанием. Внимание ученого сосредоточено на изучении потребности фронта в живой силе и материальной части, сам же ход военных действий рассматривается в общих чертах, в основном с точки зрения возникновения и динамики этих потребностей, демонстрации влияния боевых событий на социальную психику войск и тыла.

Дабы оставаться в атмосфере реальностей, среди которых проходили жертвоприношения России, автор, рассеивая мираж колоссальной возможности Империи, анализирует русские законы о воинской повинности, условия, затруднявшие использование многолюдия страны и надлежащее устройство ее вооруженной силы. Затем, на основе многочисленных статистических данных, устанавливаются объективные размеры военных усилий (численность призванных на службу, потери в личном

составе, распределение людей между фронтом и тылом, потребности армии в вооружении и всевозможном имуществе, продовольствии, транспорте). «Психическо-социальное напряжение», вызванное этими усилиями, раскрывается посредством освещения хода войны и настроения армии, обстоятельств ее разложения в 1917 году. «Психологическая насыщенность» — одна из главных особенностей труда. На всем его протяжении Головин не упускает из внимания моральный дух войск, в качестве характеристики которого использует термин «моральная упругость». Показателями последней ученый считал целый ряд статистических данных: потери (количество убитых, раненых, попавших в плен, сбежавших из плена и различные их соотношения); численность больных и симулянтов, дезертиров; содержание писем (по отчетам военной цензуры), отражающее настроения солдатских масс...

Исследование Головина существенно обогащало взгляд военной эмиграции на Великую войну и выводило военную мысль на более широкое поле деятельности. Оно также избавляло от плена различных оценочных миражей («неисчерпаемого многолюдия», «неугасаемого патриотизма» и др.), позволяло отчетливее увидеть и осознать явления, обозначаемые терминами «военное напряжение», «перенапряжение», приведшие к надрыву государственного организма и крушению Российской империи.

Практически все писавшие о Великой войне стремились указать на *причины неудач России*, ее фактическое поражение, хотя и «без решительной победы ее врагов над Российской Армией на театре войны» (Головин). Главными из этих причин чаще всего назывались следующие: неподготовленность страны к большой войне вообще, к столь затяжной и кровавой в частности, слабость военно-экономической базы; жертвенная и подчиненная роль России в коалиционной игре союзников, несогласованная работа дипломатии и стратегии; слабость русской стратегии, стратегическое невежество, «безволие и дряблость» высшего командного состава; резкое снижение качества бойцов и младших офицеров после 1915 г. (почти все лучшие и опытные кадры выбиты в первые два года, «армия стала не та»); военное перенапряжение нации и как следствие разложение вооруженной силы весной — летом 1917 г. И еще в одном факторе видели военные писатели источник всех бед — это «моральное оскудение, которое, захватив собою всю Россию XIX и начала XX века, не могло не захватить и Армии» (Керсновский)¹¹⁹.

Мы обозначили только часть сделанного изгнанниками в области летописания и изучения Первой мировой войны. Ее «энциклопедической истории» изгнанники, безусловно, создать не могли, такой задачи и не ставили. Они спешили предать бумаге, запечатлеть тысячи эпизодов боевой жизни частей и соединений русской армии (чего кроме них было сделать некому), стремились проанализировать все ключевые операции русской армии, критично оценить военное искусство всех уровней, осмыслить сам феномен этой войны и разглядеть в нем контуры будущей. И это им удалось.

Гражданская война

Другой близкой эмигрантам войной была гражданская. Она, пожалуй, — самый «больной» предмет мысли военных изгнанников, ибо пораже-

ние в ней поломало их жизни, выбросило на чужбину, отлучило от родной земли.

Эмиграция дала колоссальный по объему и уникальный по характеру материал: тысячи источников — от многотомных трудов до небольших статей, массив архивных документов.

Всю литературу по данной проблеме можно условно разделить на две количественно неравных части — «историческую» и «теоретическую». К первой относятся все мемуары, где авторы стремятся запечатлеть ход событий, отразить свои переживания и личный опыт, а также исследования, отражающие и объясняющие картину событий на основе анализа и выявления причинно-следственных связей. Меньшая часть — это работы, в которых рассматриваются вопросы природы гражданской войны, особенности ее военного искусства, военной организации, закономерностей борьбы и т.п. Они особо значимы с точки зрения военной мысли, но в отличие от первых до сих пор практически не востребованы, не исследованы.

Укажем на некоторые особенности источников первой части и отдельные их ключевые проблемы. Тем более что об основных работах эмиграции в этой области есть возможность почерпнуть сведения в современных обзорных исследованиях¹²⁰.

Из мемуаров закономерно выделяются те, что принадлежат авторству вождей, видных деятелей Белого Движения. Это «Очерки Русской Смуты» А. Деникина, «Записки» П. Врангеля, воспоминания П. Краснова, А. Лукомского, А. Родзянко, А. Богаевского, С. Денисова, К. Сахарова, Е. Миллера и др. Их труды прежде всего значимы тем, что освещают и объясняют события гражданской войны с высоты положения авторов, находившихся в самом центре борьбы, в ее фокусе¹²¹. Конечно, написанное ими субъективно, но вместе с тем наполнено оригинальными оценками, богато фактурой, подробностями сугубо военного характера, высвечивает высочайшую авторскую культуру, являясь фундаментальным материалом для создания картины гражданской войны, максимально приближенной к истине. Одни только деникинские «Очерки Русской Смуты» представляют собой целое явление в литературе о гражданской войне, по фактологической насыщенности и охвату, думается, никем не превзойденное. (Не случайно, взявшись за переиздание труда, издательство «Наука» за девять лет так и не осилило его выпуск полностью. Только журнал «Вопросы истории» настойчиво, с 1990 по 1995 год, печатал главы «Очерков...»). Написать за шесть лет (1920–1925) пятитомный труд автору бесспорно помог его опыт активного публициста, которого до революции читающая русская армия знала под псевдонимом Иван Ничин¹²².

Из оставшихся в живых первых лиц Белого Движения только генерал Н.Н. Юденич не оставил своих воспоминаний. Зато он тщательно хранил богатейший личный архив, оказавшийся после его смерти в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета (США). Коллекция Юденича дает богатый материал исследователям. Использование его, например, позволило историку А.В. Смолину подготовить солидную монографию «Белое Движение на Северо-Западе России: 1918–1920 гг.» (СПб., 1998), где в центре внимания, разумеется, — фигура Н.Н. Юденича.

особо значимы работы военной профессуры, ярких военных писателей, специалистов Генштаба. Отличительная черта их трудов — научный подход. Наиболее внушительные здесь — «1918 год. Очерки по истории гражданской войны» А. Зайцова и «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» Н. Головина.

Книгу Зайцова Головин назвал «первой попыткой объективного исследования нашей гражданской войны», ибо до нее выходили либо мемуары, либо «истории», напечатанные большевиками и, значит, по мнению Головина, «преднамеренно искажающие события». Зайцов понимал, что ввиду недостатка архивного материала невозможно дать исчерпывающего описания гражданской войны и писал: «Не важнее ли подвести итоги ее опыта в тот период, когда этот опыт еще не устарел и... имеет еще практическое значение?»¹²³. Он, пытаясь понять природу такого рода войны в русских условиях, ее своеобразии и уроки для военного искусства, рассмотрел гражданскую войну в тесной связи с Первой мировой войной, ибо эта связь, по его убеждению, оказала решающее значение на ход и исход противоборства. Заметим, что Зайцов подготовил и продолжение труда — «1919 год», издать который не удалось¹²⁴.

Труд Н. Головина «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» — самое крупное исследование в области гражданской войны (5 частей в 12 книгах). Оно проводилось по заказу Института «Исследования Русской революции» при стенфордском университете США и реально представляет собой научное обоснование не абстрактной контрреволюции, а конкретной борьбы, участниками которой было большинство военных изгнанников и сам Головин.

Автор изучает исключительно контрреволюцию, не Белое Движение и не гражданскую войну в целом или ее периодах (как, например, Зайцов). Новизна и особенность в том, что контрреволюция рассматривается как явление закономерное, одна из сторон диалектически развивающегося процесса революции. Головин пристально прослеживает и убедительно, на основе множества свидетельств и документов, показывает зарождение контрреволюционного движения, его нарастание по мере «углубления революции» — гибельной политики Временного правительства, особенно по отношению к воюющей армии и институту государственности весной-летом 1917 года. Ученый указывает на чрезвычайно сложное строение «организма» контрреволюции, так как в ней присутствуют и реставрационные вождедения, и охранительный национализм, и демократические силы, сметенные революционными радикалами... Различие и несогласованность элементов контрреволюционного целого представляет колоссальную проблему для его лидеров и обуславливает поражение контрреволюции.

Доводя исследование до конца 1918 года, автор подчеркивает, что именно на этом рубеже завершается единое выражение контрреволюции, а далее она обретает три формы: война белых и красных; «Зеленое движение» и крестьянские восстания¹²⁵. Соответствующими должны быть направления дальнейшего изучения.

Труды Зайцова и Головина различны и по предмету исследования, и по методу. Но, дополняя друг друга, они дают существенную картину гражданской войны в России, являясь самыми яркими образцами научного творчества военной эмиграции в этой области. (Сожаление вызы-

вает то, что до сих пор эти труды у нас не переизданы и по существу не исследованы. А они того стоят более многих других.)

Обогащают и детализируют широкую панораму гражданской войны такие работы эмигрантов, как «Корниловский ударный полк» (составитель М. Критский), «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну» В. Звегинцова и другие «полковые истории». Эта тематика свойственна исключительно изгнанникам, ибо в Советском Союзе отражения событий в таком ракурсе не могло быть по определению.

В 20-е годы многие в эмиграции с осязательным предубеждением относились к опыту и военному искусству гражданской войны. Не случайно практически нет материалов по данной проблеме в «Военном Сборнике», «Воине и Мире» и других изданиях. От темы уходили сознательно. В работе «современная война и красная вооруженная сила» Н. Головин пояснял: «Опыт гражданской войны может заслонить собою опыт большой войны... Я принимаю на себя смелость утверждать, что опыт нашей гражданской войны может иметь отрицательное влияние»¹²⁶. Опасения понятны, правда, такие взгляды разделяли не все. «Это уже надоевший конек профессора — презрение к опыту гражданской войны», — писал С. Добrorольский¹²⁷.

Пожалуй, первым в эмиграции к анализу «стихии гражданской войны» приступил А. Геруа (глава в труде «Полчища», 1923), которого Б. Штейфон небезосновательно именовал «философом гражданской войны». Прежде всего он сделал вывод о том, что гражданская война порождается большой «внешней» войной, которая и «питает нужду, питает «народную» войну». Опираясь на взгляды Г. Лебона, автор «Полчищ» полагал, что источник энергии казался бы уже истощенный народных масс кроется в их психологии. Момент социального перенапряжения — благая почва для деятельности лениных и Ко, умело бросающих простые лозунги—цели и эксплуатирующих моральные ценности войны. Непременное условие разжигания братоубийства — разложение армии. Но поскольку армия финала «большой» войны — это по сути «полчище», и близко не обладающее качеством и политическим иммунитетом регулярного войска, то она есть готовый материал для «народной» войны.

Важны заключения Геруа об особенностях организации и тактики в таких условиях: о «районности» фронта и его элементах, о «партизанских бандах» как остове гражданской войны, о возможности и желательности их использования (взаимодействия с ними) и «обрегуляривания», способах их боевого применения (чего белые не сумели, а красные смогли). А ведь «славная история императорской русской армии знает многочисленные случаи слияния банд с работой регулярной армией» — указывал Геруа, приводя примеры из опыта Кавказских и туркестанских кампаний¹²⁸.

В конце 20-х годов в связи с обострением международной обстановки и признаками неизбежности грядущего мирового потрясения проблема гражданской войны актуализировалась. Своеобразным сигналом к ее обсуждению послужила книга Б. Штейфона «Кризис добровольчества» (1928), получившая немало высоких оценок. Через год Б. Штейфон выступил в газете «Новое Время» с серией статей «Важность опыта гражданской войны», где, в частности, писал: «гражданская война один из труднейших видов войны... Ей необходимы и военно-философские обос-

нования». Там же, в «Новом Времени» тему поддержал и развил А. Геруа, затем она вышла на страницы «Царского Вестника» и «Вестника Военных Знаний». В одном из номеров последнего Е. Месснер отмечал: «Мало ли есть стран на земном шаре — и наша Родина в особенности — над которыми носится призрак гражданской войны? Это должно привести нас к заключению, что изучение гражданской войны необходимо, и что офицерство, знающее только приемы «нормальной» войны, не может быть признано стоящим на высоте современных требований. Поэтому мы должны преодолеть это отвращение к «неправильной» войне-междоусобице и заняться исследованием теории этой войны»¹²⁹.

Работы по этой проблеме на страницах указанных изданий активно публикуют А. Керсновский, Е. Месснер, Б. Казанович, Б. Карпов, В. Мазур-Ляховский и другие. По инициативе А. Геруа, А. Керсновского и Е. Месснера организуется «Общество изучения гражданской войны» в Белграде (попытки создания «Семинария гражданской войны» имели место и в Париже). При этом придерживались предложенной Е. Месснером широкой программы изучения гражданской войны, суть которой заключалась в выяснении особенностей государственного и военного строительства, военного искусства в условиях этого противоборства.

Устанавливалось, что война гражданская подчиняется тем же законам, что и война народов, и отличается лишь их «сравнительной важностью». Например, в гражданской войне «операции на социальном театре» столь же важны, как и военные операции, а «закон духовного превосходства» чаще важнее «закона превосходства численного». Особенностью гражданской войны является то, что ведется она главным образом в вертикальной плоскости (между классами и социальными слоями) в равной степени мечом и словом, в отличие от большой войны, ведущейся в горизонтальной плоскости — между государствами — главным образом мечом (Месснер).

Нормальная война вдохновляется и направляется авторитетом и всеми силами функционирующего государства, в гражданской же войне государственные функции отсутствуют или резко снижены. Если в нормальной войне такие понятия, как своя и неприятельская территория, свой и вражеский народ, свой тыл и тыл противника — вполне определенные, то в гражданской войне они отнюдь не имеют четкости. Подчеркивалась разница типов фронта: обычного оперативного — в нормальной войне и дополнительного, социального — в гражданской (Штейфон).

Интересны мысли о *стратегии гражданской войны*. Е. Месснер определял ее как «совокупность трех искусств» — ведение военной борьбы, экономической и социальной¹³⁰. Б. Штейфон заострял внимание на стратегических принципах гражданской войны. Первый из них — «районность действий», то есть целесообразный выбор первоначального плацдарма борьбы. Второй принцип — «уширения борьбы» — овладение новыми плацдармами. Третий — «законности авантюры», сущностью которого является оправданный риск, допускающийся и необходимый при одном условии — «когда психологическая обстановка соответствует этому»¹³¹.

Необычайно актуальной и полезной сегодня, например, выглядит работа Месснера «Уличный бой», где речь идет о трудностях и особенностях действий войск в городе против вооруженного, агрессивного насе-

ления. Знакомясь с ней невольно проводишь параллели с реалиями многочисленных очагов «мятежной» периода распада СССР и последующих, вплоть до чеченской войны 1995–1996 гг.

Таким образом, есть все основания полагать, что военная мысль Русского Зарубежья, главным образом в лице «балканской группы», хотя и не сформулировала цельного учения о гражданской войне, но сделала для этого немало, что несомненно следует отнести к ее заслугам.

Для изгнанников принципиально важно (хотя и крайне болезненно) было определение *причин поражения Белого Движения* в России. вернее, как подчеркивали некоторые авторы, — «вооруженного выступления белых» (А. фон Лампе) или «контрреволюции» (Н. Головин), ибо, напомним, Белое Движение — Белое Дело, по убеждению его участников, как «духовное делание», как антибольшевизм и антикоммунизм повержено не было.

Вопреки сложившемуся в советское время мнению (разделяемому многими и сегодня) о крайней субъективности оценок эмиграции, она достаточно полно и глубоко проанализировала этот вопрос (хотя многие изгнанники прекрасно понимали и откровенно признавали, что абсолютно беспристрастными здесь они быть не могут¹³². В работах А. денкина, П. Врангеля, А. Будберга, Н. Головина, П. Краснова, П. Залесского, Б. Штейфона, А. Геруа, А. Лампе, Д. Филатьева, А. Зайцова, Е. Месснера, Н. Петрова и многих других военных авторов выявлен целый комплекс причин, не позволивших белым выйти победителями в гражданской войне.

В социально-политической сфере главной из них, по мнению Н. Головина, была разобщенность контрреволюционных выступлений различных социальных групп, действовавших практически вне связи друг с другом. Это объяснялось тем, что их «контрреволюционное созревание» не совпадало во времени: интеллигенция, например уже включалась в борьбу с большевизмом, а крестьянство еще оставалось инертным. Лидеры же Белого Движения не понимали этого, как не сумели сплотить вокруг себя и все антибольшевистские политические и военные силы и дать им позитивно-содержательные политические лозунги.

Во внешнеполитической деятельности ошибка белых заключалась в их «преждевременной великодержавности» (Д. Филатьев)¹³³. Это выразилось: в неумном стремлении следовать стереотипам императорской России — нежелании признать самостоятельность Финляндии, Прибалтийских стран, Польши, гетманской Украины; в неумении использовать их в борьбе с большевиками; в непонимании эгоистической сущности иностранной интервенции.

Основная причина поражения белых военно-государственного характера состояла в «кризисе добровольчества» — неспособности после закономерного добровольческого этапа и партизанщины перейти к принципу регулярства в военном строительстве (Б. Штейфон, А. Баиов). Имелось и противоречие между сосредоточением всей, в том числе политической, власти в руках военных при отсутствии у них соответствующих навыков и государственно-политического опыта; сказалось неумение работать с населением, склонить его на свою сторону, а также организовать тыл, который саморазлагался.

В военно-стратегическом и военно-профессиональном отношении к поражению вели: отсутствие единого командного центра; изолированность фронтов друг от друга; отказ Деникина летом 1918 года идти через Царицын на соединение с Восточными силами белых («проблема Царицына») ¹³⁴; стремление Колчака через Пермь двигаться на слияние с Северным фронтом («расходящиеся операционные линии»); инерционная приверженность классическим способам «воевания» и медленное освоение стратегии и тактики гражданской войны.

Военно-психологические причины: недопонимание роли «социального фронта», особенностей «психологии гражданской войны»; неумение белых вождей «изучать психологию народного недовольства, организовать его и пользоваться им»; слабость агитационно-пропагандистского аппарата.

Военные авторы не просто фиксировали события гражданской войны, хотя и это — ценнейший исторический материал, но осмысливали сам ее феномен, пытались объяснить ход событий, определить причины поражения Белого Движения. Благодаря их работам имеется возможность смотреть на «вторую русскую смуту» глазами военной контрреволюции, а также узнать о последней изнутри, что несомненно является условием объективности исторических исследований.

Повторимся, это была нетрадиционная, новая тема для русской военной мысли. Тем не менее «зарубежные» ее представители наработали колоссальное количество первичного материала (дневники, мемуары, очерки) и вышли на уровень теоретических трудов и принципиальных обобщений. Их детальное изучение опыта гражданской войны и ее особенностей, прикладной характер выводов и рекомендаций не утратили актуальности и сегодня, в затянувшийся период тлеющей угрозы «третьей русской смуты».

Вторая мировая война

Уже не вызвала, да и не могла вызвать столь широкого отклика военной мысли эмиграции, как первая мировая или гражданская: уже к 1939 году ряды военных писателей значительно поредели, а сороковые годы унесли жизни Н. Головина, А. Геруа, Б. Геруа, А. Будберга, Б. Штейфона, А. Керсновского и многих других крупных умов. Условия и обстоятельства жизни оставшихся отнюдь не способствовали научным изысканиям. У большинства не было уже и опыта личного участия в боевых действиях, либо имелся сугубо специфический (например, в составе Русского Охранного Корпуса). Тем не менее и эта война получила определенное отражение в творчестве изгнанников.

Под их пристальным вниманием находились операции и образцы военного искусства периода 1939–1941 гг. Активнее других реагировали на стремительно развивавшиеся события еще здравствовавшие тогда Н. Головин (серия статей в «Русском Инвалиде» под общим названием «Сверх-маневренная война. Очерки кампании в Польше в сентябре 1939 года»), А. Керсновский («1870–1914–1940», «Хартия пораженных», «Армия Третьего Рейха» и другие публикации в «Часовом»), Б. Штейфон («Шесть недель» в «Военном Журналисте», «Возрождение военных идеалов» в «Часовом» и др. статьи), А. Ионов (выступал на страницах нью-йоркской «России»). Головин и в 1942–1943 гг. предлагал анализ

отдельных операций в «Парижском Вестнике» («Харьковское сражение», «О неудавшемся и несостоявшемся десантах»...). В то же время с краткими военными обзорами на страницах органа Русского Охранного Корпуса «Русское дело» в Югославии выступал Е. Месснер... После войны немало публикаций о действиях Корпуса появлялось в журнале его чина «Наши Вести», в «Часовом» и других изданиях.

Наиболее же значительным вкладом эмиграции в освещение этой темы следует считать небольшой, но емкий, содержательный труд генерал-майора В. Замбржицкого «Германо-советская война 1941–1945 гг.». В конце сороковых и начале пятидесятих годов он в виде отдельных очерков по истории 2-й мировой войны печатался в «Часовом», затем Отделом Общества Галлиполийцев в США был издан на ротаторе и лишь в 1968 г., спустя восемь лет после смерти автора, вышел книгой во Всеславянском издательстве (Нью-Йорк). Особенность работы, как и в случаях с описанием эмигрантами 1-й мировой, состоит в том, что это русский взгляд на войну, а не советский и не западный.

Военная мысль Русского Зарубежья держала в зоне пристального внимания и все другие более или менее заметные войны и военные конфликты 1920-х — 1960-х годов, вплоть до агрессии США против Вьетнама. Основной формой освещения большинства из них были военные обзоры, аналитические статьи в периодике, а также доклады в различных офицерских, военно-научных обществах. Главное внимание при этом обращалось на изменение характера и средств борьбы, эволюцию военного искусства.

Вооруженная сила

В наследии военной эмиграции эта тематика отражена чрезвычайно богато; перед нами — залежи разножанровых печатных и рукописных источников, посвященных старой Императорской армии и будущей Российской вооруженной силе, Красной Армии и армиям крупнейших военных держав...

На чужбине, после прохождения «всех кругов ада» революции и гражданской войны военные писатели с особой остротой подчеркивали *национально-государственный смысл* и социальную роль армии. В их глазах Армия — «идея высокой национальной ценности» (Штейфон)¹³⁵, которая заключается в том, что Армия — это часовой, «с винтовкой у ноги стоящий на страже своей исторической государственности» (Хольмстон-Смысловский). П. Краснов подчеркивал, что Армия есть «как бы лицо государства, то открытое, по чему соседи судят о его силе, мощи и значении»¹³⁶.

А. Мариюшкин сравнивал необходимость армии для государства с необходимостью здоровья для человека и далее писал: «Отнимите у государства армию и оно повергнется в беспросветные сумерки и будни, погрузится сначала в сонную инертность, затем и в неизбежное вырождение...»¹³⁷. Он с убежденностью утверждал, что если народ и государство хотят жить — они обязаны иметь мощную армию, которая «должна составлять предмет их забот и вожделений», как бы дорого это ни стоило.

Подобные многочисленные суждения общего характера практически возводились в абсолюты, когда речь велась о Родине: без вооруженной силы Россия и единого дня не сможет быть Россией (Керсновский).

Эмигранты со всей определенностью указывали на то, что армии свойственны как внешняя, так и внутренняя *функции*. Она во всякое время должна быть в готовности не допустить новых экспериментов над измученным телом своей Родины (Хольмстон-Смысловский), обязана оборонять Родину от порабощения извне и от унижения и разорения изнутри (П. Краснов).

Тот факт, что армия Российской империи пала жертвой политических бурь и страстей, да и сама чужбинная жизнь «славных осколков» русского воинства заставляли изгнанников задуматься над *соотношением армии и политики* (оригинальна их самоидентификация: политический продукт величайшей политической катастрофы)¹³⁸. Это одно из «фирменных блюд» военной мысли эмиграции, так как подобные писания военных не поощрялись ни в царской России, ни в Советской. В Зарубежной же выступали в печати без опаски.

Проблема освещалась в работах А. Геруа, А. Керсновского, Е. Месснера, Г. Апанасенко, А. Шаврова, Е. Шелля, Н. Маркова и др. Большинство держались мнения: вооруженная сила не может быть вне политики. «Утверждение, что «Армия вне политики» — нелепо. Армия — это как раз вооруженная политика», — убеждал Керсновский¹³⁹. Довольно оригинально высказывался А. Шавров: «Всякий военнослужащий есть не только солдат, но и одновременно член государственной политической партии, стоящей у власти и возглавляемой Главой государства, и к тому же наиболее преданный, верный и активный член, ибо по долгу службы он обязан с оружием в руках, не щадя своей жизни защищать Главу государства и существующий порядок»¹⁴⁰.

Н. Галай подчеркивал, что стойкость армии обеспечивается верной «политической настройкой» ее души — целенаправленным привитием ей четкой политической доктрины, вытекающей из национальной истории. Он полагал, что лозунг «армия вне политики» должен быть заменен другим — «в армии единая политика», ставящим ее на службу национальному политическому идеалу¹⁴¹.

Дабы последний в сознании воинства не был затерт либо подменен, настойчиво утверждалась необходимость для армии политической просвещенности, а для офицерского корпуса — прочного политического образования (И. Патронов)¹⁴². Подчеркивалось, что слишком дорогую цену заплатила Россия и сами офицеры в 1917 году за свою политическую доверчивость и безграмотность. «Несчастливы «аполитичные офицеры» — еще вчерашние герои, защитники Отечества — сегодняшние «враги народа», убивались десятками тысяч без всякого с их стороны сопротивления, так как, усвоив постоянно внушаемую им идею: Армия — вне политики, они не сумели организовать не только для защиты своего Государя и гибнущего Отечества, но даже и для защиты собственных жизней», — с горечью замечал А. Шавров¹⁴³. И как резюме подобных суждений звучит вывод Е. Шелля: «Пора покончить с чуждым русской армии принципом: армия вне политики. Армия политична, ибо она —

народ, ибо она — лучшая часть своего народа, и ей не может быть безразлично, кто и куда ведет ее страну»¹⁴⁴.

В этой связи, а также в качестве «компенсации» за неучастие в политической жизни народа (партийно-политическая активность вносит в армейскую среду распри), за армией признавалось право, в случае нарушения основных законов государственности, «ломки национального единства народа», брать на себя роль арбитра для пресечения смуты. Армия не может безучастно взирать на развал государства, напротив — обязана «подпи-рать» его в моменты тяжелых кризисов. Власть, которая найдет опору в войске, обоснуется по сути не «на штыках», а будет покориться «на моральном основании, на верности офицеров государственной идее» (Месснер)¹⁴⁵.

Огромный, уникальнейший, неоценимый вклад внесли изгнанники в сохранение и приумножение знания о *Российской Императорской Армии*, особенно ее последнего периода. Они, ее воспитанники и ее костяк, выступили летописцами, ревнителями и критиками разрушенной цитадели русской государственности.

Самый многочисленный массив источников по этой теме — только печатных насчитывается более тысячи¹⁴⁶ — составляют работы мемуарного и мемуарно-исследовательского характера...

В числе наиболее известных и содержательных из них — «Старая Армия» и «Путь русского офицера» А. Деникина, «Воспоминания о моей жизни» Б. Геруа, «Воспоминания» А. Лукомского, «Записки старого генерала о былом» М. Свечина, «На рубеже Китая», «Накануне войны», «Павлоны» и другие сочинения П. Краснова, «С Царем и без Царя» В. Воейкова, «Записки генерала-еврея» М. Грулева, «Моя служба в старой Гвардии» Ю. Макарова... Уже в наше время, в Москве, вышли в свет воспоминания, написанные в эмиграции, но ранее не публиковавшиеся: «На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии» Ю. Данилова («Воениздат», 1992) и «На службе трех Императоров» Н. Епанчина (издание журнала «Наше наследие», 1996). В архивах и частных собраниях до сих пор находятся неизданными сотни подобных работ. Множество статей, зарисовок такого плана — в военной периодике, в частности, в «Часовом», «Военной Были», «Военно-историческом Вестнике» и др.

Трудно переоценить значение этих произведений. В совокупности они — «энциклопедия» Старой Армии. Их авторы стремились запечатлеть не только свой жизненный и служебный путь, но и черты эпохи, армейский уклад, детали воинского быта, традиции и нравы. Чрезвычайно интересны и важны портреты и характеристики личностей, описание системы взаимоотношений в офицерской среде, многое другое. Конечно, каждый источник несет печать субъективности, что и свойственно этому жанру, но все они написаны с глубоким знанием предмета. Показаны кадетские корпуса, военные училища, Академия Генштаба, служба в полках, в штабах и других органах военного управления, армия в конце XIX — начале XX веков, в первой революции, в Русско-японской войне, в период «военного ренессанса» (подготовки к Великой войне) и на фронтах последней своей войны, в момент своего разложения... Старая Армия не идеализировалась, откровенно высвечивались ее недостатки и грехи. Это делалось для того, чтобы честно донести до грядущих поколений ее

неприукрашенный облик, поведать об ошибках, которые следует исправить в будущем.

В первом номере журнала «Часовой» (1929) его редакция выступила с почином «Истории Российских полков», напомнив читателям о том, что к началу Великой войны в российской армии не было, пожалуй, ни одной части, которая не имела бы своей «истории», «материалов для истории», «исторической памятки»... Полковым объединениям и союзам, всем читателям было предложено присылать краткие очерки истории своих частей, имеющие наибольшее моральное и воспитательное значение. Начинание нашло горячую поддержку. В течение нескольких лет на страницах журнала были опубликованы десятки «полковых историй», причем в их содержании имелись эпизоды уже из Великой и Гражданской войн. Параллельно с этим широко развернулась деятельность по созданию книг и брошюр, призванных отразить участие и пути частей как раз в «последней войне петровской армии», а также в контрреволюционной борьбе. Большую роль в этом сыграли зародившиеся тогда журналы зарубежных «полковых семей». Вся работа полковых организаций и групп, и само их органичное и естественное возникновение в *особых* условиях эмиграции, подтверждали осознававшуюся ими истину: «полк — единица духовная, в полках создается дух Армии» (формулировка А. Керсновского).

Между однополчанами, разбросанным по всему свету, велась оживленная переписка, по крупицам собирались необходимые сведения. Жертвовали последние гроши на то, чтобы отпечатать книги, и они выходили: «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1914–1920 годы» В.Н. Звегинцова (Звегинцов старший), «Кирасиры Его Величества в Великую войну» В.Гоштовта, «Семеновцы в 1914 году» А. Зайцова,¹⁴⁷ «История Лейб-Гвардии Конного полка», «Лейб-Гвардии 2-я Артиллерийская Бригада» А. фон Аккермана, «Журналы боевых действий» гвардейских пехотных дивизий и гвардейской Стрелковой бригады, десятки и десятки других изданий, посвященных также училищам и кадетским корпусам.

П. Краснов, проживавший в Германии, как-то сравнил работу полковых историков немецкой армии, создавших солидные подробнейшие труды, и русских эмигрантов: «Составить в германских условиях историю своего полка был *слабкий и приятный долг*; для русского полкового историка это был — *подвиг*»¹⁴⁸. Он, выступая в печати с отзывами на эти книги, верно говорил о том, что молодое поколение не знает какой была и как воевала Российская армия, особенно в последнюю свою войну. И потому вещи, написанные как бы «для себя», для полковых семей, по своему значению «выходят из интимных рамок» и делаются достоянием всей эмиграции. Добавим, что сегодня, на исходе XX века, историческая и духовная значимость этих работ возросла многократно.

Военно-мемуарная литература, полковые летописи, освещающая различные стороны и проблемы российской вооруженной силы, боевую хронику и славные дела воинских частей, содержа множество глубоких оценок и суждений, подвигали к созданию работ обобщающего, синтетического характера. В творческой атмосфере военной эмиграции витал вопрос о необходимости труда, который бы объемно, философски отразил исторический путь Русской Армии, ее роль в создании, укреплении, ветшании

и гибели Российской империи. Именитые военные ученые, понимая всю сложность и ответственность такой задачи, в условиях изгнания за ее решение не брались...

Ее выполнил самый молодой из сообщества военных писателей эмиграции первой волны — А. Керсновский, создав «Историю Русской Армии», труд по характеру и значению исключительный, и о нем скажем подробнее. В предисловии автор прямо указал свою цель: «Книга эта... предназначается для офицеров возрожденной Русской Армии — как слушателей *Императорской* Николаевской военной академии, так и строевых. Одним она сможет помочь при изучении стратегии, военной истории и истории военного искусства, другие узнают из нее то, чему их не учили в «нормальных школах» и на командных курсах».

Писатель хотел показать первостепенную роль вооруженной силы в многовековом процессе государственного строительства России, «самобытность русского военного искусства, неизреченную его красоту, вытекающую из духовных его основ, и мощь русского гения».

Авторский замысел включал следующие труды: «история Русской Армии», «История старых полков императорской пехоты», «История молодых полков», «История регулярной русской конницы», «История казачьих войск и частей», «История артиллерии, инженерных войск и авиации», «Биографии военачальников», «Очерки военного быта XVIII–XIX веков», «Страницы славы русской Армии». Всего предполагалось создать 12 томов. (Тома XI–XII Керсновский изначально готовил к печати отдельной книгой «Русские подвиги», запечатлев в ней около 800 героических дел, «прославивших русское имя». Но опубликовал лишь несколько фрагментов рукописи в разных изданиях.)

Впервые такая объемная историческая серия создавалась одним автором, да еще в эмиграции. В ней предполагалось осветить весь исторический путь Российской Армии от ее зарождения до гибели.

Не типичен для того времени и подход к теме. Военная история и военное искусство изображались на рельефном фоне политической жизни России. Причем без оглядки на цензуру и «авторитетные мнения».

Первые три тома были готовы уже в 1932 году. К 1936 г. практически завершены тома IV–VI и XI–XII, остальные дорабатывались. Однако на полное их издание не хватало средств. Собирая их, Н.П. Рклицкий с товарищами сделали все, что могли. Они проводили предварительную подписку, создавали «специальный фонд». Керсновский вынужденно сокращал текст, даже слова в нем, перестраивал замысел. В конечном итоге «История Русской Армии», печатавшаяся с 1933 по 1938 год в Белграде, вышла только в четырех томах (частях).

Резонанс в военных и общественных кругах вызывало появление каждого тома. В целом книга стала событием в военно-литературной жизни эмиграции. Об этом говорят десятки отзывов. Приведем те, которые содержат квинтэссенцию оценок.

Генерал Б.А. Штейфон: «Керсновский... руководствуясь только исторической правдой... с равным беспристрастием разбирает светлые и теньевые стороны истории армии. При этом автор со свойственной ему независимостью суждений смело опровергает многие устоявшиеся ранее характеристики... И надо признать, что опровергает вполне основательно».

Книга Керсновского — это книга большого воспитательного значения. Книга, культивирующая русскую национальную гордость.

Отсутствие подобных изданий в прошлом лишило миллионы русских детей и юношей счастья гордиться русской славой, а гордясь ею, пламенно возлюбить свою великую Родину».

Генерал, профессор Б.В. Геруа: «Его книга не учебник и не академическое исследование. Для первого ей не хватает сухости и олимпийской безгрешности. Для второго — первоисточников, и главное — места. Но это письменный памятник истории войн императорской России. Это своего рода «Слово о полку Игореве»».

Думается, это определение за счет своей образности является самой точной и емкой оценкой труда, уже вошедшего в золотой фонд наследия русской военной мысли.

Надо сказать, известна еще одна «История Русской Армии», вышедшая в эмиграции. Она принадлежит перу С. Андоленко, издана на французском языке и рассчитана прежде всего на французскую публику (General Andolenko. Histoire de l' armee russe. Printed in France: Flammarion, 1967).

Автор указал на то, что после победы России во Второй мировой войне все внимание приковано к ее современным вооруженным силам и оборонной промышленности. Между тем из поля зрения выпадают вопросы ее великого военного прошлого, полные героизма, драматизма. Сама по себе история Русской Армии «являет совершенную военную школу»: XVIII век — эра побед, прогресса, богатства идей; XIX век — эпоха декаданса и духовной нищеты. Оба периода крайне поучительны: из первого следует почерпнуть принципы дееспособности и победоносности армии, во втором — разглядеть ошибки, которых нужно избегать. Очевидно, что основные выводы сделаны не без влияния трудов А. Керсновского, Б. Штейфона, Е. Масловского и других эмигрантов, хотя автор использовал и советские источники¹⁴⁹.

Отдельно отметим труды эмигрантов в области *русской военной геральдики, медалистики, формоведения, «расписания войск»*.

Великолепную серию работ, появившихся с 1959 по 1973 г., создал В.В. Звегинцов. В нее вошли такие издания, как «Формы Русской Армии 1914 г.», «Русская армия 1914 года» (состав армии мирного времени с указанием мест дислокации дивизий, полков, их старшинство, полковые праздники и т.п., а также формирования периода Великой войны), «Знамена и штандарты Русской Армии XVI в. — 1914 г. и морские флаги» (наиболее полный, сводный труд по данному вопросу), «Русская Армия. Ч. 1–4» (охватывает период с 1700 по 1825 гг.: обмундирование, краткие сведения об организации, список полков, участвовавших в сражениях...) и др.

Большой популярностью у специалистов, и не только у них, пользовались и пользуются работы Е. Молло «Русские офицерские знаки», «Русские орденские знаки XVIII века», С. Андоленко «Нагрудные знаки Русской Армии». Все они вышли в шестидесятые годы в Париже в серии «Военно-историческая библиотека «Военной Были»» (на рубеже 60-х — 70-х годов — Военно-Историческое Издательство «Танаис»).

Таким образом, мы должны констатировать, что Старая Армия в военной мысли эмиграции нашла триединое отражение: в качестве истори-

ческой концепции (А. Керсновский), в качестве собрания «полковых историй» и в качестве описания и осмысления личного опыта представителей последнего поколения ее офицерского корпуса.

Вся колоссальная работа вела с непоколебимой верой в возрождение *будущей национальной армии России*. Лучшие представители эмиграции, крупные военные умы с первых дней изгнания жили не просто с мыслью о будущем, но с высокой ответственностью за него. «Эмиграция должна держаться начеку, в постоянной готовности приступить к строительству, а для этого нужна большая подготовительная работа», — писал В. Доманевский, добавляя, что власть, которая сменит коммунистов, «должна будет сразу учесть пути, по которым следует вести возрождение Российской вооруженной силы»¹⁵⁰. «Для будущей национальной России вопросы ее военного строительства явятся вопросами ее бытия», — заключал Б. Штейфон.

Для военной эмиграции эта проблема — центральная, ибо другие имели смысл постольку, поскольку полученные при их изучении знания могли быть полезны для будущей Российской вооруженной силы и военной системы страны. И мы сегодня исследуем и представляем военную мысль в изгнании потому, что видим в этом огромную пользу для современной армии.

Одни из самых содержательных и принципиальных в этой области работ напечатаны нами в 9-м выпуске «Российского военного сборника» («Какая армия нужна России: Взгляд из истории»). Тема продолжена в настоящей книге в материале под названием «Общие основания будущей Российской вооруженной силы. По опыту и взглядам русской эмиграции»). Учитывая это, вкратце остановимся лишь на отдельных аспектах проблемы.

В 20-х — начале 30-х годов военные умы в значительной мере были заняты определением типа и параметров вооруженных сил, в наибольшей степени отвечающих современному моменту и требованиям ближайшей перспективы. Появились «Полчища» А. Геруа, «Милиции в условиях современной войны» С. Добrorольского, «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» Н. Головина, «Начальные основы строительства будущей Русской Армии» А. Баиова и другие работы. Авторы по-разному смотрели на соотношение «качества» и «количества». «Идеал — многомиллионная армия из патриотически настроенных профессионалов длительных сроков службы — недостижим. Приходится делать уступки в обе стороны», — писал А. Виноградский¹⁵¹. Обозначились две основные точки зрения¹⁵². Добrorольский, Головин и его сторонники (Зайцов, Доманевский, Гулевич, Пятницкий и др. так называемые «парижане») высказывались в пользу подготовки массовой армии, полагая, что следующая большая война будет длительной, изнурительной, потребует поставить под ружье миллионы, создать систему «вооруженного народа». А. Геруа и его единомышленники в этом вопросе (Штейфон, Месснер, Баиов, Керсновский... — «балканская школа»), напротив, выступили приверженцами «малой армии», в основу которой полагали заложить принципы отбора, качества, профессионализма, «национальности».

Важно заметить, что первые исходили из того, к чему, по их мнению, нужно готовиться, вторые — к чему следует стремиться. Одни были уве-

рены, что для отражения агрессии и достижения победы в современной международной войне вынужденно необходима милиционная «масса». Другие предостерегали: вооруженный народ («полчища») в условиях военного перенапряжения и классовых противоречий «облегчает завязку и развитие гражданской войны», что сводит на нет жертвы в войне международной и ведет к двойному поражению страны. И те, и другие исходили из пережитого недавнего опыта. Взгляды «парижан» оказались актуальнее тогда, мысли «балканцев» вызывают больший интерес сегодня. Ведь последние пытались разработать соответствующие рекомендации, исходя из следующей оценки ситуации: «Экономическое положение возрожденной России не позволит ей содержать прежнюю многомиллионную армию. Таким образом назреет необходимость с «малыми» силами надежно разрешить все вопросы государственной обороны» (Штейфон)¹⁵³.

Эта часть наследия эмиграции содержит определенное «учение о будущей Русской Армии» (выражение Месснера). Оно, конечно, не представляет собой строгой универсальной системы, изложенной в каком-либо сводном труде. Но это — совокупность полезных и поучительных принципиальных положений, выводов, мыслей военно-философского и специального характера, до сих пор не утративших своей актуальности. Дабы несколько конкретизировать сказанное, тезисно очертим какими представлялись изгнанникам основы и принципы строительства армии, ее ключевые свойства.

Главными основами выдвигались следующие.

Верное понимание природы, сущности, предназначения вооруженной силы в условиях России: Армия — государствообразующая сила; Армия — не мнимо, а действительно боевая, охранительная сила; Армия — и объект, и субъект военного искусства; Армия — не просто часть нации, а — «концентрированная нация». Армия — организм, не меняющий легко своей специфической природы в зависимости от «пожеланий» правителей, она несет в себе историческую традицию и позитивную инерцию, с которыми всегда следует считаться, дабы не уродовать ее «естественный стиль» и «национальность» (А. Геруа, Месснер, Керсновский, Штейфон, Мариюшкин).

Глубокое изучение и учет опыта последних войн, разработка на этой основе научной программы воссоздания или преобразования армии (Головин, Доманевский).

Поскольку процесс строительства (возрождения) вооруженных сил требует времени, то стране необходим длительный период мира, который, возможно, придется покупать ценой некоторого «национального унижения» (Головин).

Создание соответствующего благоприятного общественного мнения (общенародной идеи) в поддержку проводимых мероприятий по укреплению обороноспособности государства (социально-психологическое обеспечение) (Геруа).

Сосредоточение максимума усилий на создании крепкого офицерского корпуса: «всякая армия стоит того, чего стоят ее кадры» (А. Геруа, Месснер, Керсновский, Флуг, Болтунов и др.).

Главными принципами строительства и функционирования армии определялись: отбор (комплектование), качество (подготовка) и боеспособ-

ность), профессионализм (уровень и стиль выполнения задач), «преобладание духа над материей» (без одухотворенности нет победы; человек — главный элемент военного дела), служение (путеводная идея военно-профессионала).

Первостепенными свойствами боеспособной армии назывались: воспитанность и обученность войск для боя; военная образованность, скрупулезное знание своего дела; наличие новейшей военной техники и вооружения; качественно подготовленный, обладающий комплексом духовных свойств командный состав; такая организация вооруженных сил, которая давала бы возможность наиболее полного их применения против неприятеля на войне; способность к продолжительной сопротивляемости; высокий военный дух армии как синтез всего ее устройства и верный показатель ее боеспособности.

Помышляя о «будущей Русской Армии», военные писатели эмиграции с первых дней изгнания с неослабевающим вниманием следили за «Красной вооруженной силой» — опорой Советской власти, политическую сущность которой они выражали через определение: «Армия III Интернационала». Ей посвящены сотни работ — от небольших статей, до объемных исследований, — составляющих *оригинальный взгляд на Красную Армию*, существенный фрагмент знания о ней. Оригинальность прежде всего заключается в том, что «армия революции» рассматривалась и со стороны, и, вместе с тем, как бы «изнутри» (из «одной шинели») вышли и эмигранты, и строившие Красную Армию военспецы, и те и другие психологически были русскими, и тем и другим Россия — Родина, которую они защищали). В СССР о своей армии, естественно, не могли писать того и так, что и как писали о ней в Зарубежье.

В начале 20-х годов среди эмигрантов преобладала «кинжальная» критика состояния военного дела в Советской России. Под ее огонь попадали и организация, и боеспособность, и качество кадров («невежество комсостава»)... «Здесь выявляет свою силу общий закон: являясь продуктом социального разложения, большевики не способны ни к какой созидательной работе», — писал Головин в статье «Современная война и «Красная» вооруженная сила»¹⁵⁴. Не столь категорично, но также негативно оценивал возможности Красной Армии Ф. Ростовцев¹⁵⁵. Правда, на необъективность таких оценок указывал, например, А. Носков, отмечавший меры, принимаемые «Советами» по повышению качества армии¹⁵⁶.

Позже имевшую место предвзятость постепенно вытеснили более объективные и практически адекватные оценки (несмотря на не убывавший антибольшевизм военных эмигрантов). Это было связано как с относительным улучшением постановки информации и научной работы, так и с предположением возвращения в Россию при тех или иных обстоятельствах (выдвижение утопии о Красной армии, «повернувшей штыки против коммунистической власти», постепенном «национальном перерождении» режима и т.п.)

В начале 30-х Керсновский признает весьма логичной и продуманной организацию Красной Армии этого периода, с ее резким делением на «кадровые войска», «территориальную армию» и «части особого назначения»¹⁵⁷. Н. Колесников вообще упрекает эмиграцию в недооценке «Красного Сфинкса», уверяя своих читателей в достаточной боеспособ-

ности советских войск и их высоком политическом настрое¹⁵⁸. А. Зайцов, крупнейший специалист эмиграции по армии Советской России, констатировал, что она ушла далеко вперед не только от эпохи гражданской войны, но и от того периода роста, с которым у многих все еще связано представление о ней. Он утверждал: «И организационно и технически она не уступает своим соседям, а во многих областях (например, в авиации) несомненно превосходит... Ее Уставы не хуже уставов других армий, ее материальная часть сильно подправилась...»¹⁵⁹. Этот автор определил основной диалектический, а вернее драматический момент развития Красной Армии, заключающийся, как он полагал, в постоянной борьбе двух начал: с одной стороны — стремление превратить армию в самостоятельный организм, построенный на основах нормальной организации регулярства, с другой стороны — желание сделать из нее орудие, полностью подчиненное коммунистической партии¹⁶⁰. К 1937 году, по его мнению, первая тенденция возобладали настолько, что даже весь партийно-политический аппарат Красной Армии, обособившись от самой партии, образовал собой как бы особый подраздел военных коммунистов. Удельный вес армии поднялся настолько, что стал угрожать сталинской диктатуре. «В этом-то и лежит, — писал Зайцов, — основная причина того «превентивного» разгрома этих сил, которая выразилась в расстрелах 1937 года и последовавших за ним «чистках»... С этой поры, то есть со второй половины 1937 года, началась новая эпоха строительства или, вернее, разрушения красной армии»¹⁶¹.

Военно-политическая обстановка в СССР, агитация и пропаганда в армии тоже были предметом пристального внимания, отражались во многих статьях, а также отдельных изданиях, например таких, как «Красная Армия и Коммунистическая партия (политическое устройство армии)» Н. Пятницкого, автора трех значительных работ по Красной Армии, или труд А. Геруа «Красная Армия. Социальная война», вышедший в Париже на французском языке (*l'Armée Rouge et la guerre sociale*), 1931). В них подчеркивалось, что армия в СССР — это инструмент Компартии и III Интернационала, что там военное дело «опутано политическими путями», стесняющими его естественное развитие, господствуют доктринальные установки на «революцию извне» — расчет на политическое разложение противника. Отмечалось, что подрывная политическая работа в капиталистических странах ведется советскими спецслужбами давно и целенаправленно, в том числе путем инициирования, финансирования в них коммунистического и рабочего движения.

Вместе с тем часть авторов указывали на продуманную в Красной Армии систему политического воспитания, каркас которой следовало бы использовать в «будущей Русской Армии», заменив, естественно, содержание. Армии необходимо национально-государственное воспитание и политическое обеспечение; для качественного проведения такой работы нужны специалисты, но не контролирующие работу командиров, подобно комиссарам, а помогающие им (Шелль, Колесников).

Эмигранты всегда стремились отслеживать и оценивать военную мысль РККА, ее течения, новинки, господствующие взгляды на военное строительство, обучение, боевую подготовку. Это отражено, например, в статье Н. Пятницкого «Эволюция красной военной доктрины». Первым военным умом Советской России бесспорно признавался А. Свечин.

«Свечин — «анфан террибль» русского Генерального штаба, лейб-оппозиция Царской армии, несомненно значительно созрел и отрешился от многих увлечений...» — писал в отзыве на «Эволюцию военного искусства» В. Шотвин¹⁶². Изгнанники откликнулись на все крупные и принципиальные труды и работы Свечина, вплоть до последней его статьи «Основы современной японской стратегии и тактики», появившейся в «Военной мысли» (1937, № 1). Обсуждали и активно использовали «Стратегию». По его выступлениям в советской печати и реакции на них судили о происходящем «на военно-научном фронте». Не укрылась от их взоров и кампания против мыслителя, развернутая Тухачевским в конце 20-х — начале 30-х годов, которую Зайцов метко окрестил «Антисвечин». Всем было ясно, что личность незаурядного военного писателя «скована в выявлении своей бурной натуры...»¹⁶³. Им явно было жаль Свечина (одна из статей, авторства С. Яковлева, так и называлась «В защиту ген. Свечина»)¹⁶⁴, но эмигранты помнили: он сам избрал свою участь.

Изгнанники видели, как другие офицеры старого Генштаба — Мартынов, Незнамов, Лигнау, Балтийский, Троицкий и др. — из ярких в прошлом военных писателей и педагогов, при большевиках, стушевываясь, превращались лишь в «полезности», сходя «со сцены». Новое поколение офицеров было иным¹⁶⁵.

По общему заключению эмиграции, самым слабым местом Красной Армии был ее командный состав, или, как говорил Месснер, «полуинтеллигентное офицерство». В этой связи в 1938 г. он писал: «Это не значит, что недоучившиеся — плохие солдаты; это не значит, что красные командиры не храбры, не обладают волей, не знают свое ремесло. Это не значит, что Красная армия не может воевать. Это значит, что она не может воевать «малой кровью»... Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев — может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые»¹⁶⁶. Теперь ясно, что применительно к Великой Отечественной войне этот прогноз оказался пророческим.

Немалый интерес представляют работы эмигрантов «позднего периода» о советской военной системе 50-х — 60-х годов. Прежде всего отметим социально- и военно-политические аналитические материалы Н. Галая: «Ракетное оружие и советская военная доктрина», «Армия и перемены в послесталинском руководстве СССР», «Влияние военной революции на советскую внешнюю политику», «Связи и взаимовлияния между социальной структурой общества и его военной системой на примере СССР» и др.

Вышесказанным не ограничивается то, что писалось изгнанниками о вооруженных силах Советского Союза. Во множестве работ рассматривались комплектование армии, ее боевая подготовка (с извечной у нас «сельскохозяйственной» составляющей), техническое обеспечение, быт и другие вопросы. Конечно, их взгляд зачастую страдал неполнотой, при скудости сведений во многом основывался на догадках, интуиции. Тем не менее общая картина, как можно судить сегодня, если и искажала предмет, то незначительно и во всяком случае — менее, нежели официальные советские источники. А правдивой полнокровной истории Советской Армии (РККА) у нас нет до сих пор.

Душа Армии

«Дух преобладает над материей» — такова, по убеждению изгнанников, сущность русской военной школы. Потому *проблемы духовного фактора в ратном деле были у эмиграции на особом счету*. Военское воспитание, военная психология, дисциплина, нравственные качества и добродетели, религиозность, идеология и т.п. — все это предметы пристального внимания. Важнейшая особенность этого блока наследия состоит в повышенном прикладном значении его содержания. Учитывая этот момент, мы подготовили и издали отдельную объемную книгу (Российский военный сборник. Вып. 13. Душа Армии: русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы). Приведем несколько ее ключевых положений.

Центральным, базовым понятием при рассмотрении авторами эмиграции указанной проблематики было словосочетание «Душа Армии». Воспринимая вооруженную силу как единый организм и основываясь на множестве мнений военных писателей, можно сказать, что *Душа Армии* есть совокупность всего духовного, происходящего во внутреннем мире армейского организма; нематериальное, животворящее, познающее начало, обеспечивающее преемственную связь поколений воинов, веками вырабатывающее и закрепляющее в войске морально-нравственные качества (добродетели), позволяющие армии осознанно выполнять долг по защите Отечества, одерживать победы и возрождаться в случае поражений или упадка.

Морально-нравственные добродетели — центральный элемент данной субстанции — соборно составляют воинский дух, или дух армии. Синонимами «души армии» можно считать и такие распространенные словосочетания, как «моральный дух», «нравственный элемент».

Таким образом, понятие «души армии» достаточно широко. Оно охватывает: дисциплину как основной организующий признак военного организма, делающий возможным само его существование и управление им; «военную психологию» как внутренний мир; духовную жизнь армии — психологию воинских коллективов и психику индивида (бойца), также изучение всего психически происходящего в военной среде; качества офицерского корпуса — главного «генетического носителя» и хранителя души армии; материально зримые символы чести, доблести, мужества войск — знамена, штандарты и многое иное...

В гранях души армии ярко отражаются самобытность отечественной военной культуры, национальные черты русского военного искусства, особенности жизненного уклада и характера народа, его духовно-православное естество. «Мы русские — с нами Бог!», «Жизнь положить за други своя», «Кто к знамя присягал единойды, у оного и до смерти стоять должен», «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву», «Офицер не молодец не может быть терпим», «Победа малой кровью одержанная» и другие евангельские, петровские, суворовские, скобелевские заповеди и заветы — суть исторические основы идеологии российского воинства, нравственные законы души Русской армии.

Военные писатели эмиграции не раз признавали, что в старой армии в работе с людьми имелась масса упущений. Примечательно звучит высказывание А. Болтунова о дореволюционном времени: «Мельком, вскользь упоминалось и в военных училищах, и в академии, упоминается и сейчас в нашей специальной литературе, что «дух армии», «моральный элемент ее»... играет на полях сражений всегда первенствующую роль, но в чем заключается этот «дух», каковы должны быть моральные качества бойца и как их вырабатывать — редко кто обмолвился словечком»¹⁶⁷. Сетования на беспредметность, примитивность, недостаточность знания о моральном элементе встречаем у А. Деникина, П. Залесского, А. Попова, Н. Колесникова, у того же П. Краснова и других. С одной стороны, это выглядит странно, так как в конце XIX — начале XX века в этой области делалось очень многое, о чем свидетельствует колоссальный объем соответствующей литературы. С другой стороны — вполне достоверно, поскольку практически все авторы эмиграции были военачальниками, обладали большим боевым и служебным опытом и знали, о чем говорили. Противоречия нет: несмотря на продуктивность военной мысли, результаты и выводы ее работы не доходили до войск, слабо внедрялись в военный быт, оставаясь во многом вне жизни армии. Это подчеркивал, к примеру, А. Деникин, утверждавший, что голос военной печати был «недостаточно влиятельным в вопросах устройства армии»¹⁶⁸. Потому «детализация» духовно-нравственной стороны военного дела для эмиграции, думавшей о будущей русской армии, имела довольно важное значение. И когда, например, вышла работа П. Ольховского «Воинское воспитание», А. Болтунов среди достоинств с удовлетворением отметил раскрытие автором «элементов духа армии». За этими словами — стремление уяснить, конкретизировать, продемонстрировать проявления того метафизического целого, что именуется душой армии. Каждый из писателей по-своему решал эту задачу.

Нам, обобщая их взгляды, также необходим определенный «ключ». Правда, всякое структурирование знания о сложном внутреннем мире армии весьма условно. (Не случайно П. Краснов оговаривал, что наука о душе не может по самому свойству исследуемого предмета, хрупкого и не поддающегося непосредственному наблюдению, быть точною). Но, исходя из содержания источников, их смысловых приоритетов, душу армии целесообразно раскрыть через наиболее зримые, конкретные ее проявления, те, о которых чаще всего велась речь в изгнании. Они выражены в категориях, определяющих моральный облик и боевое качество вооруженной силы, в ее морально-психологических основах, таких как: а) государственно-политическое и военное сознание воинов; б) национальный характер военного дела; в) воинский дух; г) воинское воспитание; д) военная психология; е) воинская дисциплина; ж) традиции; з) искусство командования, моральная сила вождей; и) идеалы борьбы и «стратегия духа».

Изгнанники проявили устойчивый интерес к духовному фактору в военном деле, создали множество работ, посвященных «нравственному элементу», включили психолого-педагогическое знание в программу обучения на высших военно-научных и военно-училищных курсах. В течение десятилетий советского периода нашей истории они бережно сохраняли для будущих поколений защитников Родины сам дух русской

армии и память о ней. Скачкообразному развитию военно-психологических и педагогических знаний в Советском Союзе 20–30-х годов, коммунистической партийности, атеизму, интернационализму воспитания Красной Армии военные эмигранты противопоставили последовательную проработку духовных аспектов военного дела, проповедь внепартийного, религиозного, национально-исторического формирования души будущей российской вооруженной силы.

Другие темы

На рубеже 20-х — 30-х годов, в основном среди представителей «Балканской группы», развернулась дискуссия о *военной доктрине*, как бы в продолжение знаменитых предвоенных споров по данному вопросу 1909–1912 гг. Большинство изгнанников доктрина воспринималась как «жизненная военная школа», некий писанный и одновременно неписанный регулятив, имеющий источником военную культуру нации, ее военную традицию (идейно-философская часть доктрины) и выводы из научного изучения современных войн. Резюме: доктрина необходима и должна вырабатываться самостоятельно, а не заимствоваться на стороне, иметь национальный характер.

Значительное внимание в эмиграции уделялось *военному искусству*. Восторженно рассматривались его принципы, закономерности, «аксиомы». В этой связи следует упомянуть об интересной работе А. Зальфа, который на основе анализа военной истории и опыта операций Великой войны сформулировал «основной закон вооруженной борьбы»: «В боевом состязании побеждает та сторона, которая раньше произвела такое количество полезной боевой работы, которое необходимо, чтобы сломить моральное и материальное сопротивление противника и заставить его подчиниться нашей воле»¹⁶⁹.

Сквозь призму принципов военного искусства интенсивно изучался и обобщался опыт Великой войны. Отмечались: небывалый прогресс в деле усовершенствования вооружений и новых средств борьбы; актуализация важнейшего принципа — сосредоточения усилий в определенном месте и определенное время, который «не только оправдал себя, но и потребовал к себе еще большего уважения» (А. Келчевский)¹⁷⁰; возросшие возможности применения принципа внезапности; увеличение силы огня и вместе с тем — сопротивляемости войск; повышение роли резервов и многое другое. Также подчеркивалось, что «эта война свернула мировое военное искусство на путь рационализма и лишила его главной сущности — вдохновения» (Штейфон, Месснер).

Военные писатели эмиграции отчетливо понимали, что опыт последней войны — лишь отправная точка для новых исканий, но отнюдь не рецепт будущей победы. По мнению, например, А. Зайцова «двадцатые годы подытожили все данные Мировой войной, тридцатые выводят на новые пути»: всеобщая механизация, моторизация, самостоятельная роль авиации — лишь внешнее выражение этого процесса, а более глубоко — неизбежно надвигающийся сдвиг в самом военном мышлении ибо: иные скорости, иной размах операций, иные возможности маневра требуют новых приемов управления и связи¹⁷¹. Таким образом, предвос-

хищалось не только то, что явила Вторая мировая война, но и развитие военного искусства после нее.

Целый ряд трудов был создан в области истории военного искусства и теории его составных частей. Как правило, это были учебники и учебные пособия. Среди них такие, как «История военного искусства» Б. Сергеевского (Белград, 1933), «История военного искусства от народов древности до начала XX столетия» А. Баиова (Ревель, 1921), «Высшая тактика» А. Зайцова, «Развитие основных идей современной тактики» Н. Головина и др. К сожалению, эмиграция не дала оригинальных трудов синтетического характера по стратегии, соизмеримых, скажем, с известным произведением А. Свечина. Точнее сказать, такого не было напечатано. Тот же В. Борисов, например, долгие годы работал над теорией стратегии, предполагая обобщить свои изыскания в этой области. Рукопись до сих пор не обнаружена, известен лишь ряд статей по этому вопросу. Правда, книга с названием «Стратегия», авторства А. Шаврова, судя по имеющемуся отзыву на нее Борисова, все же выходила (в библиотеках и архивах Москвы ее нет), но последним отрекомендована как несерьезная¹⁷², других же упоминаний об издании не встречалось. Имеются рукописные источники по стратегии М. Инностранцева, Н. Головина, некоторых других, но все они, как и многие другие аспекты наследия изгнанников в области военного искусства, требуют еще тщательного изучения.

Достаточно много внимания уделено в эмиграции *офицерскому вопросу*. Ценнейший материал представляют работы «Высший командный состав» В. Флуга, «Современные офицеры» Е. Месснера, «Российские офицеры» — коллективная работа членов Южноамериканского отдела Института по исследованию проблем войны и мира имени генерала профессора Н. Головина, «Трагедия русского офицерства» А. Мариюшкина, «Путь русского офицера» и «Старая Армия» А. Деникина, «Сущность командования» В. Доманевского и др. Проблемами отбора, подготовки, применения офицеров, искусства командования, офицерской этики насыщены сотни книг и статей. Часть из них полностью посвящена выдающимся русским полководцам, военачальникам, военным деятелям: Петру I, Румянцеву, Суворову, Кутузову, Скобелеву, Котляревскому, Милютину, Драгомирову, Лееру, Великому Князю Николаю Николаевичу, Юденичу, Алексееву, Врангелю и др. Главным содержанием работ этого направления являлось: с одной стороны — «равнение на первых», с другой — серьезный анализ недостатков в русской системе офицерских кадров.

Особый участок «Марсова поля» занимает *анализ военно-политической обстановки*. Его результатам посвящены материалы не только в военных, но и в общих газетах, журналах Зарубежья, где освещаются внутренняя и внешняя политика военных держав, состояние их экономического и военного потенциала, вооруженных сил, потенциальный противник и т.п. Активно на этом поприще выступали А. Керсновский, Е. Месснер, А. Деникин, В. Чернавин, К. Шумский, Н. Колесников, Н. Галай и др. По данной проблематике печатались и книги. Известность получили такие из них, как «Тихоокеанская проблема в XX столетии» Н. Головина и А. Бубнова, «Пути к разрешению тихоокеанской проблемы»

А. Андогского, «К чему идет Великобритания?» Н. Головина, «События на Дальнем Востоке и их мировое значение» А. Шаврова.

Эмиграция сказала свое слово и о *военно-морской проблеме*. Глубокие мысли государственного характера оставили в своем наследии такие авторы, как А. Русин, М. Смирнов, А. Бубнов, Я. Подгорный, Е. Шильдкнехт, С. Терещенко и др. Их устремления были направлены на воссоздание русской морской вооруженной силы, определение верных оснований национальной морской политики России. Они размышляли о будущем корпусе морских офицеров, о продолжении славных русских морских традиций, об особом нравственном укладе, необходимом военному морскому сословию как условии для достижения побед.

Традиционная флотская аккуратность сказалась и в творческой деятельности. С 1930 г. редактор «Морского Журнала» М. Стахевич вел регистрацию всех книг, выходящих из-под пера членов эмигрантской морской семьи, сводя их в «Русскую Зарубежную Морскую Библиотеку», присваивая каждой из них соответствующий номер. Таковых насчитывалось восемь десятков, а были и неучтенные. Также на чужбине в разные годы издавалось более 10 морских журналов, собравших значительный капитал военно-морской мысли.

Целая литература посвящена *казачеству* — уникальному русскому военно-государственному сословию. Выходило более шестидесяти периодических казачьих изданий («Атаманский вестник», «Вестник казачьего союза», «Казачи за границей», «Казачья лава», «Кубанский исторический и литературный сборник», «Терский казак», «Оренбургский казак», «Иркутский казак» и др.). Многие имели преимущественно военную и военно-историческую направленность.

Масса работ освещает историю казачества, его особую роль в государственной и военной жизни России. Среди наиболее содержательных назовем такие, как «Казачи, их прошлое, настоящее и возможное будущее» П. Краснова, «Казачество и его государственное значение» В. Синеокова, «Современная казачья идеология» И. Зайцева, сборник статей «Казачество»... Исторический анализ всегда выводил авторов на мысли о грядущем, квинтэссенция которых звучит в строчках П. Краснова: «Если казаки... предложат Государству снова стать верной конной охраной его национальных границ, образцом честной службы и оплотом гражданского порядка внутри России, они могут рассчитывать на то, что государство согласится вернуть им их земли и их особый образ служения...»¹⁷³.

Военная мысль изгнанников не прошла мимо *военно-специальных проблем*. Значительная часть учебных пособий, брошюр, материалов отражала вопросы в областях авиации, артиллерии, военно-инженерного дела, службы связи, боевой химии и т.д. Тщательно отслеживалась эволюция, а вернее, революция, имевшая место в создании, освоении и применении новейших средств борьбы, характерных для различных родов войск. Воинство эмиграции хотело вернуться в Россию с багажом современных, а не устаревших знаний. Немалое внимание уделялось самому *военному знанию* — его роли в развитии военного дела, соотношению с военным искусством, его качеству, методологии и т.п. О практическом же отношении к военной науке красноречивее всего говорит сам исторический факт беспрецедентного творческого наследия, созданного русскими генералами и офицерами на чужбине.

Творческий дух

Воинство в эмиграции часто называли «Армией». Однако военные писатели призывали уважать понятия, следуя лееровскому принципу «правильно назвать — правильно понять». В Зарубежье не было материальной составляющей вооруженной силы и многих других атрибутов для такого наименования. Но сознавалась высокая миссия — храня заветы и традиции старой Армии, интеллектуально работать «на будущую Полтаву». Потому Е. Месснер как-то сказал: «Мы — дух Армии, а не ее тело...»¹⁷⁴. Добавим: *дух творческий*. Ибо все главные духовные ценности, созданные русскими офицерами на чужбине, несли на себе печать творчества. И сами изгнанники считали это качество «высшей формой человеческой деятельности», непременным условием победоносности армии (Б. Геруа)¹⁷⁵. П. Краснов принципиально в уста одного из своих литературных героев, генерала Саблина, вкладывает формулу: «Счастье — в творчестве, в чем бы творчество это ни выражалось!..»¹⁷⁶.

Ряд *факторов* обусловил творческий характер военной мысли Зарубежья.

Неординарность, яркий талант, вдохновение самих военных ученых, писателей, публицистов были существенной предпосылкой новизны и значимости ими сделанного. Причем старшее поколение прилагало все усилия для развития задатков и одаренности младших коллег. Их привлекали на Высшие Военно-Научные Курсы, всевозможные лектории, приглашали для участия в конкурсах на лучшие военно-научные труды, предоставляли им страницы военных изданий.

Военная мысль эмиграции существовала и развивалась в особых условиях — вдали от Родины, на территории чужих государств, в иной социокультурной среде. Это обстоятельство потребовало от русских ревнителей военных знаний, впервые оказавшихся в такой ситуации, нестандартных решений, значительной изобретательности, порой и ухищрений (иностранцам не разрешалось создавать военных объединений и учреждений) при организации своей научной и просветительской деятельности. Приходилось заниматься ею в часы, свободные от основной работы, что указывает на преданность изгнанников военному делу, их высокое волевое напряжение.

Многое определяли сила навыка и привычка постоянной мыслительной работы, присущие передовому русскому офицерству, традиция творческого почина, всегда кипевшего в недрах Российской Императорской Армии. Этим была вызвана к жизни и Добровольческая армия, названная А. Зайцовым «военно-исторической загадкой», когда горстка едва вооруженных людей, без надежды на помощь, без тыла, без снарядов, подняв знамя Единой Великой России, пошла против красной волны навстречу неизвестному будущему¹⁷⁷. И научные труды военно-государственного значения эмигранты создавали самопочинно, без какой-либо официальной поддержки, что говорит об их глубоко вкорененном общественном, гражданском и профессиональном сознании.

Позитивной стороной такого положения стала беспрецедентная свобода военной мысли (точнее, свобода выражения мысли), ее бесцензурность, раскрепощенность, полный теоретический и идеологический плю-

рализм, что служило мощным катализатором творческой активности авторов. Это придавало их работам максимум критичности и откровенности, способствовало возникновению в Зарубежье по крайней мере двух военно-научных лагерей: «парижского» (Головин, Зайцов, Доманевский, Гулевич, Пятницкий и др.) и «белградского» (Новицкий, Баиов, Штейфон, А. Геруа, Месснер, Керсновский и др.). По справедливому замечанию Е. Месснера, произошло своего рода деление на «Западников» и «Славянофилов», когда «в беззлобном столкновении мнений создается истина»¹⁷⁸. Сущность различия между двумя школами заключалась всего лишь в разнице приоритетов в понимании ключевых вопросов военного дела. «Западники» отдавали первенство рациональному элементу, «массе» (количеству), «огню»; «дух» ставили в жесткую зависимость от «материи». «Славянофилы» во главу угла клали иррациональность, воображение, интуицию, «отбор» «качество», «удар»; безусловное преобладание духа над материей. Зачастую различия были едва заметны, но иногда возникала открытая публичная полемика, например, на рубеже 30-х и 40-х годов, между Н. Головиным и Б. Штейфоном, и тогда явно обнаруживались взаимные претензии. Конечно, далеко не все военные писатели эмиграции примыкали к одной из этих групп. В расщеплении многие держались относительно автономно.

Значительные творческие усилия требовались от изгнанников при осмыслении революционного крушения России и ее армии, анализе русской военной истории и, особенно, разработке основ строительства и параметров будущей Российской вооруженной силы. Отсутствовала возможность опытной проверки теоретических конструкций, идей, убеждений и потому большую роль играли моделирование и воображение (футурологичность).

В чем же конкретно выражалось *творчество* военной эмиграции?

Русскому офицерству, по трагическому сценарию судьбы оказавшемуся на чужбине, в необычной, тягостной обстановке беженства и гонений, удалось возвести «гарнизоны» и выставить «посты» отечественного военного знания. «В условиях, казалось бы совсем не подходящих, мы все же продолжаем думать по-военному. Всюду у нас существуют разнообразные курсы, кружки или группы военного просвещения. Нищие в массе, мы создали в изгнании такую военную прессу, какой не имеют и многие государства», — справедливо подчеркивал Б. Штейфон¹⁷⁹. Все начинания порождались энергией творчества и держались исключительно нравственной силой воинства.

Военная мысль эмиграции бралась за те задачи, решение которых не имело шаблонных путей и вариантов. Ею был по-настоящему осмыслен путь старой армии, богатейший военный опыт — от Русско-японской войны до локальных конфликтов 50-х — 60-х годов; она анализировала военно-политическую картину мира, изучала характер и тенденции развития военных систем, прогнозировала их эволюцию, утверждала духовную сущность русского военного дела.

В изгнании написан целый ряд оригинальных по содержанию работ. В их числе «Полчища» А. Геруа, «Военные усилия России в мировой войне», «Российская контрреволюция в 1917 — 1918 гг.», «Социология войны» Н. Головина, «История Русской Армии» А. Керсновского, «Очерки Русской Смуты» А. Деникина, «Лик современной войны» Е. Месснера,

«Душа Армии» П. Краснова, «Высший командный состав» В. Флуга и многие другие. Для различных образовательных курсов были созданы учебники и учебные пособия по всем основным военным дисциплинам: начиная со «Службы Генерального Штаба» (В. Тараканов), заканчивая «Военной психологией» (Р. Дрейлинг). Они и доньше не утратили прикладного значения.

Благодаря обостренному чувству нового, свойственному интеллектуальной деятельности изгнанников, их военная мысль своевременно улавливала и отражала изменения в военном деле, распознавала нарождавшиеся формы вооруженной борьбы. Например, А. Геруа в начале 20-х годов предсказал, что в XX веке человечество, в конце концов, окажется от многомиллионных вооруженных масс и вновь вернется к профессиональным армиям. А. Зайцов, Б. Хольмстон-Смысловский, Е. Месснер еще в 50-х годах в партизанской, малой войне увидели один из основных типов «воевания» второй половины XX века. Военные умы Зарубежья ввели в оборот и развернули такие понятия, как «полчища», «социология войны», «душа армии», «военная энергия», «оператика», «мятежевойна», «стратегия духа» и др.

Творческий заряд несут все *основные идеи*, которые завещались будущей России.

Уже в Русской Армии Врангеля ощутили необходимость позитивного содержания Белой Идеи. Ясное же понимание ее исторической глубины и перспективы пришло лишь на чужбине. Стало очевидным, что это идея «не реставрации, а ренессанса», верного государственного служения, укрепления военной мощи в интересах общего, правого дела. Для воинства идея государственного служения стала альфой и омегой всей деятельности, проявилась в готовности отдать свои знания, способности, саму жизнь за Россию.

Необходимость этого не гипотетична, а жизненна, ибо войны не прекращаются, несмотря ни на какие договоры и протоколы, о чем предупреждали изгнанники, выступившие горячими противниками пацифизма. Если какое-то время удается избегать крупномасштабных столкновений, то метастазы войны то тут, то там выступают в форме различных конфликтов, локальных стычек, террористических актов. «Помни войну!» — таков наказ адмирала Макарова, таков завет и офицеров-изгнанников.

Красной нитью через труды эмиграции проходит идея постоянной высокой военной готовности государства, вытекавшая из нелицеприятного вывода о постоянной неготовности России к войнам, начиная с 1812 года и заканчивая 1941-м. Корень такого положения виделся в непоследовательной военной политике, отсутствии четких доктринальных установок, кадровой чехарде на государственных и военных верхах в самые ответственные исторические моменты (чего стоят факты смены шести начальников Генштаба за девять межвоенных лет с 1905 по 1914 гг., а тем паче беспрецедентной боины командного состава в 1937–1938 гг.). Готовность к войне — это прежде всего знание войны, ее объективное научное изучение, без «патриотических сказок» и «пацифистских ужасов». У нас же до сих пор нет правдивой истории Великой Отечественной, всестороннего, достоверного и доступного анализа десятилетней «афганской» кампании, исследования уроков «чеченской» войны.

«Русскую кровь — только за русские интересы», «Государственный эгоизм» — вот аксиомы и генеральная линия в руководстве войной, залог успеха и державного достоинства. Недопустим никакой «стратегический альтруизм» (еще одна извечная российская слабость). Благодарство стратегов оплачивается реками крови собственной армии, к тому же часто и неблагодарностью спасенных.

О мощи страны судят по силе ее армии. Эмиграция призывала чтить само понятие Армии, знать ее национально-государственный смысл. Вооруженная сила не только гарант целостности и независимости государства. Организация, степень боеспособности, обученности и воспитанности войск судьбоносно сказываются на развитии и состоянии страны: могут содействовать стабильности, возрождению и процветанию, а могут быть дестабилизирующим фактором, непомерным грузом тянуть на дно.

Сегодня крайне актуален взгляд изгнанников на создание в России малой, профессиональной армии, построенной на принципах отбора и качества. Служить в ней должны люди исключительно достойные, здоровые, закаленные, не «горе-воины». Только это позволит относительно малыми силами решать важные государственные задачи. И характер современной войны, и весь наш военный опыт последнего десятилетия повелевают идти по этому пути, дабы армия была не головной болью государства, а его надлежащим действенным инструментом.

Создание Армии, как и ее применение, — прерогатива военного искусства, которое следует понимать не только как ведение боевых действий, но и более широко — как организацию всех вопросов, связанных с военным делом. Ратная мудрость — важнейшее из искусств, поскольку в критические моменты истории от нее напрямую зависит жизнь народа.

Главный завет эмиграции в этой области — преобладание духа над материей. Идеи всегда были, есть и будут первопричиной побед и поражений, так как «только они одушевляют материю» (Штейфон), утверждают национальный характер военного искусства, позволяя творчески решать любые боевые задачи. Особое значение в этом контексте приобретает идея расширения спектра средств современной войны (Зайцов, Месснер, Хольмстон-Смысловский), включающая в элементы военного искусства политику, дипломатию, экономику, финансы, социальную психологию, слово... а не только традиционные стратегию, «оператику», тактику.

Искусство командования определяет боевую упругость армии, ее способность побеждать, а значит — и незыблемость государства. Не случайно именно офицеры в 1917 году стали первой жертвой «великой бескровной» революции. Они же, никто иной, организовали белый фронт контрреволюции. Не потеряли лица и в изгнании: явили духовную стойкость, сумев создать уникальный пласт русской военной культуры, который стал сегодня предметом нашего изучения и нашей гордости. Значит, планка школы Русской Императорской Армии была достаточно высока.

Сам факт пребывания в беженстве рождал критический взгляд на свое сословие. «Были офицеры, доблестные и жертвенные, но корпуса офицеров в России не было, был лишь офицерский состав», — с горечью констатировал А. Туркул. Путем строгого отбора, воспитания, творческой подготовки намечалось придти к настоящему Офицерскому Кор-

пусу России, корпорации военных профессионалов, образцово-этической группе, спаянной единым духом служения, государственно мыслящей, политически образованной. Этот идеал, выстраданный в изгнании, адресован и необходим нынешнему поколению офицеров.

В уникальном идейном творчестве проявилась духовная сила русско-го воинства на чужбине. В результате десятилетий напряженной работы ума и воли грядущим поколениям оставлено обширное поучительное наследие. На данный момент оно показано только в общем виде, ибо слишком много нетронутого, неизученного хранят архивы, чужеземные библиотеки и фонды, а что-то из очень важного навсегда утрачено в перипетиях эмигрантского бытия.

Главный урок воинства эмиграции и его военной мысли — армия не смогла отстоять своего Отечества в вооруженной борьбе и оказалась вне его территории. Но на чужбине удалось сберечь самое существенное — «душу армии». Ее хранители явили урок нравственного стоицизма, позволившего донести их заветы, идеи и мысли до новой Российской армии. Крайне важно не пройти мимо этого наследия «Иванами, не помнящими родства», как уже случилось однажды в нашей недавней истории, усвоить заветы и опыт русских офицеров-изгнанников, последних представителей Российской Императорской Армии.

¹ Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции). – М., 1990. – С. 371. Вообще поразительны пассажи автора о «пьянстве и драках в военной среде», о ненужности для военных «свобод и вольности эмиграции» и т.п. Эхом снобизма они перекликаются с измышлениями Л. Троцкого о русских военачальниках: «Деникин был не без характера, но в остальном совершенно ординарным генералом, прочитавшим пять или шесть книг. А дальше уж шли Юденичи, Драгомировы, Лукомские, с французскими и без него, просто пьющие и сильно пьющие, но совершенные ничтожества». (Троцкий Л.Д. История Русской Революции. – Нью-Йорк, 1976. – С. 284.)

² Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. – М., 1998. – С. 49.

³ Ковалевский П. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971; Струве Г. Русская литература в изгнании. – Нью-Йорк, 1956; Любимов Л. На чужбине. – М., 1963; Шкаренко Л. Агония белой эмиграции. – М., 1987; Раев М. Россия за рубежом. – М., 1994 Назаров М., 1994.

⁴ Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М.: «РОССПЭН», 1997.

⁵ Квакин А. Россия познает Русское Зарубежье /Новый журнал. – 1998. – Кн. 211; Кудрякова Е. Российское зарубежье (Обзор отечественных публикаций) /Реферативный журнал. История. – М.: ИНИОН, 1996.

⁶ Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию 1–го Армейского корпуса Русской Армии в Галлиполи. – Берлин, 1923. Для нас важно, что здесь подробно отражены военно-учебная и общеобразовательная деятельность в Галлиполи, издательство и литературное творчество. См. также Даватц В., Львов н. Русская Армия на чужбине. – Белград, 1923; Русская армия в изгнании. 1920–1923. – Новый Сад, б.г. и др.

⁷ Армия и Флот. (см. Список печатных источников). Военный справочник Абданк-Коссовский В. Россия в изгнании (см. Список печатных источников).

⁸ Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина. – Париж, 1931; Шуберский А. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. – Ментона, 1955; Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н.Головина: 1927–1977. (Юбилейная памятка). – München, Михеев Л. Краткий очерк деятельности Института по исследованию проблем войны и мира в гор. Нью-Йорке (22 октября 1949 г. – 3 февраля 1956) /Россия (Н.-Й.) 1956. 9 февраля; Бобарыкин И. Парижские военно-научные курсы генерала Головина /Военно-Исторический Вестник. – 1970.

⁹ Месснер Е. Советская и зарубежная военная мысль (См. хрестоматийную часть книги. С.??); Добрынин В. Современная русская военная мысль. (работа публиковалась в чешском военном журнале Воинске Розгледы за 1930, в номерах 1–3, 6, 12. Найти пока не удалось); Михеев Л. Русская военно-научная мысль за рубежом /Россия (Н.-Й.) 1950. 2 ноября.

¹⁰ См. Список печатных источников.

¹¹ Во всех основных военных изданиях эмиграции велись библиографические обзоры, хроники военно-научной жизни и т.п. отделы. Особенно содержательными они были в «Военном Сборнике», «Войне и Мире», «Русском Инвалиде», «Вестнике Военных Знаний», «Часовом»... Среди наиболее активных критиков и обозревателей назовем С. Добrorольского, А. Виноградского, Н. Алексеева, К. Шмигельского, Е.Месснера, А. Зайцова и др. Кроме того вокруг тех или иных книг, статей, идей военных авторов нередко разворачивалась полемика, а это всегда богатая почва для исследовательского анализа.

¹² В основе этих отзывов, к сожалению, находились идейно-классовые мотивы. Например рецензия на первый номер берлинского «Войны и Мира» начиналась так «Наши военные эмигранты с ликвидацией большинства русских военных организаций за границей естественно обратили свои досуги на военное писательство». Далее – сентенции о малоценности материалов. (Военная наука и революция. – 1922 – Кн. 2. – С. 199.) Когда же это издание, вставшее на сменовеховские позиции, было разрешено к распространению в СССР, то оценки сменились: «Содержательность и ценность журнала «Война и Мир» стали явлением обычным.» (Военная мысль и революция. – 1926. – Кн. 6. – С. 256.)

¹³ Головин Н., Бубнов А. Стратегия американо-японской войны. – М., 1925;

¹⁴ Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. – М., 1957; Мещеряков Г.П. Русская военная мысль в XIX в. – М., 1973; Русская военная мысль. Конец XIX — начало XX в. – М., 1982; Большая Советская Энциклопедия. Т. 7. – М., 1977. – С. 22.

¹⁵ Белое дело: Дон и Добровольческая. – М., 1992; Белое дело; Ледяной поход. – М., 1993; Белое дело: Кавказская армия. – М., 1995 и др. См. информацию «Российский военный сборник» в конце книги: аннотации 3,5,6,9,11,12,13 выпусков.

¹⁶ См. информацию «Российский военный сборник» в конце книги: аннотации 3,5,6,9,11,12,13 выпусков.

Головин Н. Суворов и его «Наука побеждать». Наука о войне. О социологическом изучении войны. (Антология отечественной военной мысли) – М.: ВАГШ, 1995; Российские офицеры. («Библиотека российского офицера») – М.: Издательский центр «АНКИЛ-ВОИН», 1995 и др.

¹⁷ Головин Н. Суворов и его «Наука побеждать». Наука о войне. О социологическом изучении войны. (Антология отечественной военной мысли) – М.: ВАГШ, 1995; Российские офицеры. («Библиотека российского офицера») – М.: Издательский центр «АНКИЛ-ВОИН», 1995 и др.

¹⁸ Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1–7. – СПб, 1992–1997; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов. Документы и материалы. – М.: Издательство «Гея», 1998.

¹⁹ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. (Материалы к истории Белого движения). – М. «Regnum» – «Российский архив», 1997.

²⁰ Попов А. Русское Зарубежье и архивы. Документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. – М.: ИАИ РГГУ, 1998.

²¹ Ушаков А. История гражданской войны в литературе Русского Зарубежья. Опыт изучения. – М.: Издательский центр «Россия молодая», 1993; Авдеев В. Генерал Ю.Н. Данилов и его книга /Данилов Ю.Н. На пути к крушению. – М.: Воениздат, 1992. С. 242–256; Образцов И. Недостоящее звено российской военной науки /Головин Н. Суворов и его наука побеждать. Наука о войне. О социологическом изучении войны. – С. 7–36; Кручинин А. Полковник Я.М. Лисовой и его коллекция /Коллекция Я.М. Лисового. Опыт реконструкции. – М.: ГПБИ, 1997. С. 5–28; Дерябин А. Русский офицер и военный историк Б.Б. Филимонов /Филимонов Б. Белая Армия Адмирала Колчака. – М.: «Рейтар», 1997; Бегидов А., Ершов В., Парфенова Е., Пивовар Е. Российская военная эмиграция в 1920-е — 1930-е годы. – Нальчик, 1998. Последняя монография оставляет крайне противоречивые впечатления. При большом объеме источников, интересных данных целостная картина явления отсутствует. Много ошибок и несуразностей, что еще раз свидетельствует о преждевременности попыток создать достоверный всеобъемлющий образ военной эмиграции первой волны. Без предварительного исследования ее отдельных граней.

²² Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941–1945 гг.): Сборник статей, документов, воспоминаний. Вып. – М.: Грааль, 1997; То же. Вып. 2. – М.: Издательство им. Святого Игнатия Ставропольского, 1998.

²³ На международной конференции «Культурное наследие российской эмиграции» в 1993 г. из двухсот докладов по существу лишь два были посвящены сугубо военному наследию (См.: Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. В двух книгах. – М.: «Наследие», 1994.) На научной конференции «Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения» в 1997 г. уже до четверти выступивших освещали военную проблематику. (См.: Российское зарубежье: Итоги и перспективы изучения. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 17 ноября 1997 г. – М.: РГГУ, 1997.)

²⁴ А. Туроверов в этой связи писал: «Мы как-то утешали себя тем, что наши не всегда блестящие, но правдивые воспоминания будут нужны будущему историку («беспристрастному...») или писателю («большому»). Но не было подтверждения нашим надеждам. Шли года, и стала угасать вера в необходимость в воскрешения дней прошлых... Теперь (после прочтения в послесловии к «Августу четырнадцатого» обращения А.И. Солженицына к эмиграции — И.Д.) радость наших военных воспоминаний превращается в «необходимую радость». (Военная Быль. – 1972. – № 114. – С. 47.

С сильной опорой на архивные источники эмиграции написан внушительный труд А.В. Смолина «Белое движение на Северо-Западе России» (СПб, 1999). Интенсивно использовались эмигрантские источники в таких, например, работах: Рыбников В., Слободин В. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. – М.: ГАВС, 1993., Басик И. Военно-политическая деятельность М.В. Фрунзе, 1921–1925 гг. Автореферат канд. ист. наук. – М.: ГАВС 1993; Машкин Н. Высшая военная школа Российской империи XIX — начало XX века. – М.: изд. центр «Академия», 1997.

²⁵ См.: Андогский А.И. Как создавалась Красная Армия Советской Республики (уроки недавнего прошлого). – Владивосток, 1921. – С. 29–30; Зайцов А.А. Где был наш Генеральный штаб в годы гражданской войны /Русский Инвалид. 1932. № 36; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республике Советов. – С. 194–197.

²⁶ Дабы не быть голословными приведем лишь малую часть трудов наиболее активных авторов. Адариди К.М. Переправы через По в 1796 г. и через Дунай в 1809 и 1877 гг. – СПб., 1895; он же Действия пехоты в освещении Русско-японской войны. – СПб., 1907. Он же. Стрелковое дело. – Пг.; 1916. Баиов А.К. История военного искусства как наука. – СПб., 1912; Он же. История русской армии: Курс военных училищ. – СПб., 1912; Он же Курс истории военного искусства. Вып. I–IV. – СПб., он же Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. – СПб., 1913. Баскаков В.И. Война, военное дело, военная наука, военное искусство. – СПб., 1890; он же. Австро-французская война 1809 г. – СПб., 1897. Борисов В.Е. Древнерусские повести (Сборник статей по древней русской военной истории). Вып. I. – СПб., 1908; он же. Логистика (Искусство Генерального Штаба). Введение в военно-критический разбор Русско-японской войны 1904–1905 гг. – СПб., 1912 он же. Смелая наступательная тактика (Русская военная доктрина). – СПб., 1912; Виноградский А.Н. Англо-бурская война в Южной Африке. Вып. 1–3. – СПб., 1901–1903; он же Русско-японская война 1904–1905 г. Вып. 1–3. – СПб., 1908–1912; Геруа А.В. Суворов – солдат. – СПб., 1900; он же. К познанию армии. – СПб., 1907; Геруа Б.В. маневр как средство достижения боя. – СПб., 1912; он же. Пехота. Лекции по тактике. – СПб., 1913; Головин Н.Н. Исследование боя; Исследование деятельности и свойства человека как бойца. – СПб., 1907; он же. Высшая военная школа. – СПб., 1912; он же. Служба генерального штаба; Оперативная служба. – СПб., 1912; он же. Сборник статей. – СПб., 1914; Гулевич А.А. Война и народное хозяйство. – СПб., 1898; он же. Сравнение экономического строя России и главнейших европейских государств с военной точки зрения. – СПб., 1898; Деникин А.И. В течение многих лет (с начала века до 1914 года) печатался в журнале «Разведчик», где вел рубрику «Армейские заметки», сотрудничал и в других изданиях; Доманевский В.Н. Заметки о мире и войне. – СПб., 1912; Залесский П.И. Что нужно нашей коннице? – СПб., 1908; он же. Главнейшие виды деятельности кавалерии. – СПб., 1909; Краснов П.Н. Казаки в начале XIX века. Исторический очерк. – СПб., 1908 он же. Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом. – СПб., 1911; Колесников Н.В. 1812. Военно-исторический очерк... – Казань, 1912; он же. Техника и искусство современной войны. – Казань, 1915; Нилус А.А. История материальной части артиллерии. – СПб., 1904; он же. Полевое орудие будущего. – СПб., 1892 Патронов И.Ф. Стрелковые иллюзии /Русский Инвалид. – 1912. – № 193; Симанский П.Н. Война 1977–1878 гг. Падение Плевны. – СПб., 1903; он же. Суворов: Краткий очерк жизни и деятельности. – М., 1899; он же. Японо-китайская война, 1894–1895. – СПб., 1896 и др.

Обратим внимание и на то, что некоторые из покинувших Россию не расставались с пером даже в годы Гражданской войны. Среди них можно назвать А.И. Андогского, Н.В. Колесникова. А.Л. Мариюшкина, И.Ф. Патронова, В.М. Пронина и др.

²⁷ Тарусский Е. Наши Генералы /Часовой. – 1935. – № 162. – С. 19.

²⁸ Пятницкий Н.В. Династия и Россия /Сигнал. – 1939. – № 46.

²⁹ ГАРФ. – Ф.5960. – Оп.1. Д.75. – Л.9.

³⁰ См. Список печатных источников: 243. №№ 830, 841.

³¹ ГАРФ. – Ф.5945 – Оп.1. – Д.52. – Л.2.

³² Орехов В. Наш долг /Галлиполиец. – 1927. – № 1; Кравченко Е. Наш долг и грядущая Россия /Армия и Флот. – 1938. – № 1.

³³ Сигнал. – 1937. – № 6. В этой связи весьма характерны работы П.Краснова, В. Флуга в основной хрестоматийной части, а также Е. Новицкого в Приложениях.

³⁴ См. Список печатных источников: 629. – С. 44.

³⁵ Там же. С. 38.

³⁶ Хольмстон-Смысловский Б. Война и политика. С. 235–236.

³⁷ Штейфон Б.А. Возрождение военного искусства /Военный журналист (Белград). – 1941. – № 31. – С. 5.

³⁸ Месснер Е.Э. Советская и зарубежная военная мысль /Знамя России (Прага). – 1937. – № 6 (82). – С. 11.

³⁹ См. Список печатных источников: 4. – № 101.

⁴⁰ Подробнее о деятельности этих органов см.: Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. – Нижний Новгород, 1995. – С. 252–254.

⁴¹ См., например: Андогский А.И. Встречный бой. Стратегическо-тактическое исследование способов и приемов ведения встречного боя в современную эпоху... – Пг., 1918; он же. Как создавалась Красная Армия Советской России (уроки недавнего прошлого). Историко-критический очерк. – Владивосток. 1921. Колесников Н.В. Франция или Германия? Т. I. – Владивосток 1921. Патронов И.Ф. Причины и следствия великой войны. 1914–1919 гг. (Современные лекции для русской интеллигенции). – Новочеркасск 1919. Сурин А.А. Партизанская война. Лекции. – Владивосток, 1922. Н.В. Колесников редактировал газету «Русская Армия» (Чита), публиковался в журналах «Пути России» (Ростов-на-Дону), «Воин» (Владивосток). В.М. Пронин в Крыму редактировал журнал «Военный Голос», А. фон Лампе руководил газетами «Россия» и «Великая Россия», А. Мариюшкин там же был одним из руководителей военной печати и публиковался в журнале «Военный Вестник» (Севастополь)... В это тревожное время случилось и просто знаменательные факты, как, например, разработка и введение (фактически впервые отечественных военных вузов) курса военной психологии в Новочеркасском военном училище. Инициатором выступил генерал П.Н. Краснов, а вторым — генерал Е.М. Герасимов.

⁴² Так бывший Начальник Генерального Штаба Российской армии генерал Ф.Ф. Палицын, явившийся вице-председателем Военно-исторического и статистического комитета при Русском Политическом Совещании в Париже в 1918–1920 гг. подготовил ряд объемных аналитических докладов (до 560 стр.): «Закавказье. Военное значение для него нагорной Армении», «Белоруссия и губернии Северо-западного края в освещении изданной в 1919 году польской энциклопедии», «Польские притязания к востоку от конгрессовой Польши» и др. (ГАРФ. Ф. Р-5834. – Оп. 1. – Д.д. 5–8, 15). Писали свои труды генералы В. Гурко, А. Геруа (Румыния), аналитической работой занимались Б. Геруа (Англия), Н. Головин (Франция, Англия), А. Гулевич (Финляндия) и др.

⁴³ На этот период приходится более 60% (≈ 800 работ) опубликованных военными авторами источников военного характера. (Данные группы исследователей Государственной Публичной Исторической библиотеки под руководством М.А. Овсянниковой, составляющих библиографию мемуаров Русского Зарубежья).

⁴⁴ Самый крупный ее элемент — Русский Обще-Воинский Союз объединял большинство военных эмигрантских групп сразу по нескольким основаниям: Территориальному — отделы РОВС, объединявшие всех своих членов на территории определенного региона (шесть отделов было в Европе, два — в США, по одному в Китае??, на Дальнем Востоке, в Австралии); по принадлежности к определенным формированиям, частям, соединениям белых армий (1-му армейскому корпусу, Кубанской дивизии и др.); по принадлежности в прошлом к тем или иным частям, соединениям, корпусациям (гл. Образом в старой армии, а также каких-либо «походов», «кампаний» «???» и т.п.).

⁴⁵ Русские в Галлиполи. – С. 127.

⁴⁶ Там же. – С. 227–234.

⁴⁷ Там же. – С. 133.

⁴⁸ Там же. – С. 132.

⁴⁹ Устав Дальневосточного общества ревнителей военных знаний. – Б.м., б.г. (Фонд Научной Библиотеки Федеральных Архивов. Инв. № 033668).

⁵⁰ Если, например, сербский журнал «Ратник» публиковал доклад Фуллера, прочитанный в Королевской артиллерийской академии в Великобритании, то А.М. Драгомиров переводил и сам доклад, и его анализ сербскими специалистами. (Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Югославии. -1938. – №№ 161, 162.)

⁵¹ Приведем некоторые из тем: «Основы подготовки государства к войне», «Подготовка и организация тыла современных армий по опыту Великой войны», «Управление массовыми армиями. Верховное командование, управление фронтами, армиями, корпусами, дивизиями», «Высший командный состав. Подбор. Подготовка. Выработка характера. Боевой опыт», «Роль маневра в современной войне», «Значение ночных действий в будущих войнах» «Эволюция пехоты во время великой войны» и т.д. (ГАРФ. – Ф.5945. – Оп.1. – Д.52. – Л.3. об.).

⁵² Там же. – Л. 2. Об.

⁵³ Например, отзыв ген. от инфантерии Ф.Я. Шкинского на труд В.Н. Доманевского «Служба штабов» или отзыв ген.-л-та В.М. Драгомирова на сочинения подполковника Е. Месснера «Тайна войны в ногах и колесах» и генерала В. Буняковского «Роль маневра в современной войне» (ГАРФ. – Ф. – 5945. – Оп.1.-Д.54. – Л. 271–300.)

⁵⁴ Шуберский А.Н. К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов генерала Головина в Белграде. – С. 51.

⁵⁵ Напомним, что после исхода из России еще действовали 6 военных училищ эмиграции (последний их выпуск состоялся 15 сентября 1923 года, после чего занятия в них прекратились из-за отсутствия средств). До середины 20-х годов существовало 4 кадетских (в том числе морской) корпуса. Позднее 3 из них закрылись, но один Первый Русский Великого Князя Константина Константиновича Кадетский Корпус готовил кадет до начала 40-х годов.

⁵⁶ Ряд публикаций по данному вопросу (см. пункты 8, 21 наших примечаний), безусловно ценны, но все же оставляют много неясного, содержат неточные сведения, во многом дублируют друг друга.

⁵⁷ ГАРФ. – Ф. 5956. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 52.

⁵⁸ Часовой. – 1932. – № 73. – С. 18–19; № 87. – С. 21.

⁵⁹ Часовой. – 1939. – № 236–237.

⁶⁰ Военная Быль. – 1962. – № 54. – С. 38.

⁶¹ Россия (Нью-Йорк). – 1956. – 9 февраля.

⁶² Там же.

⁶³ Образцов И. Недостающее звено российской военной науки/Российские офицеры. – М., 1995. – С.4.

⁶⁴ ГАРФ. – Ф. 5960. – Оп.1. – Д. 75. – Л. 9.

⁶⁵ Там же. – Л. 10.

⁶⁶ Новое Время. – 1928. – № 2254.

⁶⁷ Часовой. – 1932. – № 72. – С. 30.

⁶⁸ См. Перечень военных периодических изданий. Морские в нем указаны отдельно, казаки не указаны (их см.: Геринг А.А. Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом). Среди них были не только печатные, но и машинописные и рукописные, те, что выходили долгие десятилетия и — лишь несколько

раз. Как и любой элемент военной культуры эмиграции, печать серьезно пока не изучена.

⁶⁹ Полное название: «Военный Сборник Общества Ревнителей Военных Знаний и Кружков Высшего Военного Самообразования»

⁷⁰ Официально журнал не закрывался. Его 12-я книга готовилась к печати в 30-х годах, но так и не появилась. В 1941 г. ее верстка погибла при бомбардировках Белграда.

⁷¹ Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 8. – С. 34–35.

⁷² Журнал, вероятно, через немцев, а, возможно, напрямую финансировался советской стороной. Не даром же в библиографических обзорах печати Красной Армии он после 1922 года рассматривался в числе своих (См. «Военная мысль и революция», «Красная Армия» и др.). Разумеется содержательная ценность его от этого не меньше.

⁷³ Часовой. – 1937. – № 200. – С. 7.

⁷⁴ Царский Вестник. – 1934. – № 387.

⁷⁵ Часовой. – 1933. – № 100. – С. 4.

⁷⁶ Царский Вестник. – 1939. – № 640.

⁷⁷ Возмущение этим увлечением (воинским организациям запрещалось проявление каких-либо политических пристрастий) выражал П.Н. Врангель. Однако «Вестник» все же вышел из подчинения РОВСу, и впоследствии не раз допускал критику в его адрес. (См.: Письмо П.Н. Врангеля И.Г. Барбовичу /Русское прошлое. – Кн. 5. – С. 131. В комментарии, к сожалению, неверно дается название еженедельника — «Военный Вестник».)

⁷⁸ Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. – 1954. – № 200. – С. 4.

⁷⁹ Деникин А. Кто спас Советскую Власть от гибели. – Париж, 1937. – С. 3.

⁸⁰ Белая Россия. Альбом № 1. – Нью-Йорк, 1937. – С. 4–60.

⁸¹ Лампе А. Пути верных. – С. 28. К слову, профессор М. Иностранцев напротив заявлял, что белый цвет не выражал устремлений главных антибольшевистских фронтов, ибо в истории он — символ реставрации, а такой задачи белые не преследовали. (Иностранцев М. История, истина и тенденция. – Прага, 1931. – С. 55.

⁸² Белогорский Н. Доколе же... – Берлин, 1931. – С. 62–63.

⁸³ Сигнал. – 1938. – № 33.

⁸⁴ Сигнал. – 1939. – № 56.

⁸⁵ Ильин И.А. Над могилой Вождя / Врангель. Сборник статей. – Берлин, 1938. – С. 188.

⁸⁶ Ильин И.А. Государственный смысл белой армии. /Русская Мысль. – 1923–1924. Кн. 9–12. – С. 230–245; Он же. Белая идея /Белое Дело. – 1926. – Т. 1. – С. 7–15; Он же. О нашем политической лике /Вестник Галлиполийцев. Юбилейный выпуск. – 1924. – С. 10–14; Он же. Родина и мы. – Белград, 1926.

⁸⁷ Ильин И.А. Наши Задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х томах. – М., 1992.

⁸⁸ В 20-х – 30-х годах «Русский фашизм» в эмиграции имел довольно широкое распространение как жесткое противобольшевистское национальное течение. Он безусловно не нес того преступного содержания, которое явил миру гитлеровский фашизм в конце 30-х – 40-х годах.

⁸⁹ Подробнее о наиболее «громких» из них, их политической теории и практике см.: Назаров М.В. Миссия Русской Эмиграции. – М., 1994; Волкогорова О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. – М., 1998; Солоневич И. Белая Империя. – М., 1997. и др.

⁹⁰ Сигнал. – 1939. – № 58.

- ⁹¹ Среди военных деятелей и писателей активно занимавшихся разработкой государственно-политических вопросов следует назвать В.И.Гурко, А.В.Геруа, А.И.Деникина, А.А.Керсновского, Н.Я.Галаля, В.П.Чекмарева, и др.
- ⁹² Военный журналист. – 1940. – № 19. – С. 12.
- ⁹³ Русский Инвалид. – 1931. – № 28.
- ⁹⁴ Армия и Флот. – 1933. – № 9. – С. 57.
- ⁹⁵ Царский Вестник. 1934. № 428.
- ⁹⁶ Месснер Е. Горе — и побежденным и победителям *Сегодня*. 1931. № 71.
- ⁹⁷ Русский Инвалид. 1931. № 28.
- ⁹⁸ Хольмстон-Смысловский. Война и политика. – С. 240.
- ⁹⁹ Месснер Е. Всемирная мятежевойна. – С. 6
- ¹⁰⁰ Там же. – С.10
- ¹⁰¹ Независимое военное обозрение. – 1998. – № 42. – С. 4. См. также материал этих авторов: Послевоенные годы, полные войн *Независимое военное обозрение*. – 1999. – № 17.
- ¹⁰² Месснер Е. Война между континентами.
- ¹⁰³ Баскаков В.И. Эпохальное в историографии значение описания великой мировой войны. – С. 159
- ¹⁰⁴ Первая мировая война: Пролог XX века. – М.:Наука, 1998. – С. 12.
- ¹⁰⁵ См., например: С. Васильцов «Где воевал Барклай де Толли в 1914 году?» *Родина*. – 1993. № 8–9. – С. 6–7.
- ¹⁰⁶ А. Солженицын писал: «В 1975–1979 по материалам эмигрантских печатных изданий, зарубежных русских хранений и мемуаров участников событий, присланных автору, найдено немало дополнений и исправлений к «Октябрю» и в конце 1979, в 1980 многие главы еще переработаны». (Солженицын А. *Красное колесо*. Узел II. Октябрь шестнадцатого (14 октября — 4 ноября). – Париж: YMKA-PRESS, 1984. – С. 589.)
- ¹⁰⁷ Там же. – С. 15–33.
- ¹⁰⁸ Вот, например, перечень отдельных лекций лишь одного семестра в «Кружке по изучению Мировой войны» в Праге под руководством профессора генерала М.А. Иностранцева: М. Иностранцев — «Бой за посад Белява 14–15 ноября 1914 г. (боевое крещение второочередных пехотных дивизий)», «Мировая война на Сербском фронте; В. Добрынин — «Гибель XX русского корпуса в Августовских лесах в феврале 1915 года», «Конный бой 10 русской кав. дивизии и 4 австрийской кав. дивизии у д. Ярославце 8/21августа 1914 г.»; Капнин «Прорыв у Горлицы (по личным наблюдениям)»; П. Рябиков «Брусиловское наступление 1916 г.», «50 пех. див. и 199 пех. див. в Брусиловском наступлении»; Н. Шиллинг «Бой у Зборова»; Щепихин «Штаб 3-й русской армии в первый (галицийский) период войны»; Шайтанов «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении»... (Вестник Военных Знаний. – 1929. – № 2. – С. 39–40.) См. также раздел «Культе военных знаний» в хрестоматийной части книги.
- ¹⁰⁹ Баиов А. Вклад России в победу союзников. – С. 7
- ¹¹⁰ Керсновский А.А. История русской армии. – М.: Воениздат, 1999. – С. 601.
- ¹¹¹ Военный Сборник. – 1922. – Кн. 2. – С. 82.
- ¹¹² Доманевский В. Мировая война... Планы сторон и начало операций. – С. 81.
- ¹¹³ Головин. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны... – С. 63.
- ¹¹⁴ Керсновский А. История Русской Армии. – С. 509.
- ¹¹⁵ Военный Сборник. – 1922. – Кн. 2. – С. 82.
- ¹¹⁶ Первая мировая война: Пролог XX века. – С. 570–571.

-
- ¹¹⁷ Головин Н. Из истории кампании 1914 года. Дни перелома Галицийской битвы. – С. 8.
- ¹¹⁸ Часовой. – 1933. – № 114–115. – С. 13.
- ¹¹⁹ Царский Вестник. – 1930. – № 99.
- ¹²⁰ См.: Ушаков А. История гражданской войны в литературе Русского Зарубежья. Опыт изучения. – М., 1993; Бордюгов Г., Ушаков А., Чураков В. Белое дело: Идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. – М., 1998.
- ¹²¹ Ценность мемуаров А.Деникина именно с этой точки зрения подчеркивают специалисты-исследователи гражданской войны. См. в частности: Поляков Ю. Предисловие / Деникин А. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917. Репринтное издание. – М., 1991. – С. 7–8.
- ¹²² Подробнее о генерале А.И.Деникине и его творчестве см.: Лехович Д. Белые против Красных. Судьба генерала Антона Деникина. – М., 1992; Козлов А.И. Антон Иванович Деникин Вопросы истории. – 1995. – № 10.
- ¹²³ Зайцов А. 1918 год. – С. 5.
- ¹²⁴ Лампе А. Пути верных. – С. 174.
- ¹²⁵ Совершенно неверно указывает А.Ушаков, что для Головина контрреволюция — «только период марта 1917– конца 1918 года». (Бордюгов Г., Ушаков А., Чураков В. Указ. соч. – С. 109.
- ¹²⁶ Военный Сборник. – 1922. – Кн. 3. – С. 50.
- ¹²⁷ Война и Мир. – 1924. – № 17. – С. 254.
- ¹²⁸ Геруа А. Полчища. – С. 331.
- ¹²⁹ Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 7. – С. 23.
- ¹³⁰ Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 8. – С. 16.
- ¹³¹ Вестник Военных Знаний. – 1931. – № 4. – С. 17–19.
- ¹³² Лампе А. Пути верных. – С. 71.
- ¹³³ Дословно — «задавались раньше срока великодержавностью». (Филатьев Д. Катастрофа белого движения в Сибири. – С. 137.)
- ¹³⁴ Негативные оценки этого решения в белой печати появились еще в 1920 году в Крыму: см., например статью А. Мариюшкина «Ошибки поражений» в № 1 Военного Вестника. В эмиграции это решение главным стратегическим грехом Деникина считали «парижане» — Зайцов, Головин, Пятницкий и др. А. Деникин подобные обвинения отвергал, настаивал на правильности своего движения на Кубань, а не на Волгу, в «гиблый мешок» Царицына, упрекая тех, кто «в псевдонаучных трудах старательно причисывает историческое прошлое немецким гребешком» («Мировые события и русский вопрос», С. 83.).
Думается, однозначного ответа относительно предмета спора дать невозможно. В идеале Добровольческой армии следовало, конечно, стремиться к объединению антибольшевистских фронтов. Но и стратегических оснований для отклонения этого плана у Деникина было достаточно.
- ¹³⁵ Штейфон. Часовой. - 1933.- дек.
- ¹³⁶ Российский военный сборник. вып. 9. - С. 227.
- ¹³⁷ Философия войны. - С. 108.
- ¹³⁸ Глаголев. «Два пути»//Императорский штандарт. - 1931. - № 4. - С. 27
- ¹³⁹ Керсновский А. Философия войны. - С. 76.
- ¹⁴⁰ Шавров А. Открытое письмо генералу от кавалерии В.И. Гурко/Шавров А. Право частной собственности в возрожденной России. — Белград, 1930. - С. 22.

¹⁴¹ Несколько подробнее об этом см.: Российский военный сборник. Вып.13. Душа армии. — С. 499–503.

¹⁴² Патронов И. Армия и политика//Царский вестник.-1940.-№ 719.

¹⁴³ Шавров А. Открытое письмо генералу от кавалерии В.И. Гурко. - С. 23.

¹⁴⁴ Российский военный сборник. Вып. 13. Душа Армии. – С. 422.

¹⁴⁵ Современные офицеры. - С. 31.

¹⁴⁶ Сведения группы библиографов ГПИБ под руководством М.А. Овсянниковой.

¹⁴⁷ Вот как о работе А. Зайцова отозвался П. Краснов:

«Книга написана сжато, с полною объективностью. Только — факты — строго проверенные, подтвержденные с разных сторон, взвешенные на весах истории. Автор писал скупно, будто боялся расплыться в бытовых подробностях. Его первый том — пять месяцев войны. Люблин, Кржешов, Ивангород, Лагов и Краков — бои, сплошные бои, в которых полк потерял свыше трети офицерского состава, то есть из каждых трех офицеров полка один был убит или ранен. Это почти готовая официальная история полка.

В ней будущий читатель, пытливым бытоискатель, не найдет подробностей боевого и походного быта полка — что пели в эти страдные дни семеновские песельники, какие марши и пьесы играли их музыканты, как были одеты, как переживали и стаду и радость и счастье побед? В книгу не вошли и вдохновенные стихотворения семеновского офицера-поэта кн. Ф.Н. Касаткина-Ростовского, которыми увлекалась в те кровавые дни вся Россия и где в блестящих стихах описана вся жизнь полка на войне, и бивуаки, и бои и переживания воина-поэта... Автор скуп на слова и описания и тем не менее, он дает такую сильную, яркую картину великана славы Л.-Гв. Семеновского полка, что сердце замирает, когда читаешь строгие, как слова приказа, или реляции, описания полковника Зайцова.

...«Когда была объявлена мобилизация, вновь вернулась в ряды полка большое число офицеров, ранее его покинувших, а прибывшие на укомплектование нижние чины были прежде в нем служившие, среди которых находилось много унтер-офицеров. Для них полк был свой, родной, они читли его славное прошлое, более чем двухвековые традиции его были для них так же священны, как для его кадрового состава. Короче говоря — полк. В полном смысле слова, состоял из семеновцев, носителей заветов своего Основателя, Великого Царя Петра, и своего однополчанина генералиссимуса Суворова»... (стр. 111).

...«Несмотря на непрерывный с боями месячный поход, полк наш, свою очередь, и по сравнению с 83-й дивизией (полком сменной) даже щеголеватостью, резко отличался от запущенных и заросших бородами воинов второй очереди. Помнится на нас произвело сильное впечатление, что начальник 83-й дивизии был в калошах! Вероятно, он, вспоминая сейчас привислянскую грязь в сентябре, был совершенно прав, но это было так необычно для нашего глаза, что как то эти калоши и платочки. Которыми были повязаны фуражки солдат 83 дивизии, создали у нас совершенно определенное впечатление о резком различии между настоящей и кадровой армией и нашими второочередными воителями»... (стр. 42).

С беспристрастием летописца, спокойно и ровно ведет читателя полковник Зайцов по страдному кровавому пути полка.

Сверху требуют жертвы. Наверху не понимают, что жертва и велика и, главное, не нужна, что *такого* полка снова не создать...

Книга и издана, так сказать, *для себя* — для чинов Лейб Гвардии Семеновского полка, но по величине и красоте подвигов, полком в этот грозный 1914 год совершенных, — книга уже выходит из рамок полковой семьи — она становится достояние всякого русского, любящего Россию и ее славную доблестную *Императорскую* армию». (Часовой. –1936. – № 179. – С.15,16,17).

¹⁴⁸ Краснов П.Н. Боевые истоии русских полков//Часовой. - 1936. -№ 179.- С. 15.

-
- ¹⁴⁹ Реферативный перевод введения в книгу С. Климова.
¹⁵⁰ Возрождение. - 1927. - № 830.
¹⁵¹ Виноградский А. Качество и количество//Возрождение. - 1927. - № 818.
¹⁵² Третья — сугубо скептическая. «Тема, на мой взгляд, очень щекотливая... Не известно, какой будет сама Россия», — доверительно высказывался В. Добрынин в письме В. Чернавину по прочтении труда Н. Головина (ГАРФ. - Ф. 5956. - Оп. 1. - Д. 149. - Л. 3.).
¹⁵³ Российский военный сборник. Вып.9. Какая армия нужна России. - С. 187.
¹⁵⁴ Военный Сборник. - 1922. - Кн. 3. - С. 48.
¹⁵⁵ Ростовцев Ф. Красная армия на распутьи//Русская Мысль. - 1922. - Кн. 8–10.
¹⁵⁶ Носков А.А. Красная Армия//Смена вех. - 1921. - № 1.
¹⁵⁷ Царский Вестник. - 1931. - № 194.
¹⁵⁸ Армия и Флот. 1932. № 7.
¹⁵⁹ Часовой. - 1931. - № 54. - С. 12.
¹⁶⁰ Зайцов А. Боевая ценность красной армии.
¹⁶¹ Возрождение. - 1939. - № 4198.
¹⁶² Часовой. 1929. № 9–10. - С. 8.
¹⁶³ Там же.
¹⁶⁴ Время. - 1931. - № 494.
¹⁶⁵ Красная армия. Лето 1929 года. — Б.м., б.г. (аналитический обзор, печатавшийся по распоряжению генерала А. Кутепова. — И. Д.) - С. 67.
¹⁶⁶ Знамя России. - 1938. - № 2–3. - С. 9.
¹⁶⁷ Болтунов А. О воинском воспитании. - С. 85.
¹⁶⁸ Деникин А. Старая армия - Париж, 1929. - С. 27.
¹⁶⁹ Зальф А. Основной закон и принципы вооруженной борьбы... — С. 107.
¹⁷⁰ Келчевский. А. Краткие итоги мировой войны и вероятные перспективы... — С. 30.
¹⁷¹ Русский Инвалид. 1936. № 98.
¹⁷² Русский Инвалид. 1939. № 138.
¹⁷³ Русский Колокол. 1928. № 4. С. 17.
¹⁷⁴ Сигнал. 1938. № 25.
¹⁷⁵ Геруа. Б. Творчество, доктрина, доктринерство. — С. 5.
¹⁷⁶ Краснов П. От Двуглавого Орла к красному знамени. — С. 271.
¹⁷⁷ Зайцов А. 1918 год. — С. 78.
¹⁷⁸ Вестник Военных Знаний. - 1930. - № 5. - С. 18
¹⁷⁹ Военный Журналист. - 1941. - № 31. - С. 5.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ ВОЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

1. **АВИАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.** Югославия. Общество офицеров Русского Воздушного Флота. 1923.
2. **АЛЕКСАНДРОВЕЦ.** Варна; Париж. Ежемесячный листок зарубежного Объединения юнкеров Александровского военного училища. Издатель А.А.Курбатов. 1928-1932, 1950.
3. **АЛЕКСЕЕВЕЦ.** Болгария, Тырново. 1922-1923.
4. **АРМИЯ И ФЛОТ.** Париж. Вестник сухопутных, морских и воздушных сил. Редактор Е.В.Кравченко. 1938-1939.
5. **АРМИЯ И ФЛОТ.** Шанхай. Ежемесячный военно-научный журнал под редакцией Н.В.Колесникова. 1925-1936.
6. **Артиллерийский Вестник.** Белград. Орган всех русских артиллеристов за рубежом. 1932-1940.
7. **Артиллерийский Журнал.** Париж. Орган Правления общества русских офицеров-артиллеристов во Франции. Редактор-издатель А.А.Андреев. 1927-1930.
8. **АРХИВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.** Берлин. 1923.
9. **БЕЛОЕ ДЕЛО.** Берлин. Летопись белой борьбы: материалы, собранные П.Н.Врангелем, герцогом Г.Н.Лихтенбергским, под редакцией А.А. фон-Лампе. 1926-1933.
10. **БЕЛЫЙ АРХИВ.** Париж. Сборник материалов по истории и литературе революции белого движения. Редактор Я.М.Лисовой. 1926-1928.
11. **БОЕЦ РОА.** Газета русских воинских частей. Ред. Н.Орличенко. 1943.
12. **БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ СУМСКИХ ГУСАР.** 1939.
13. **БЮЛЛЕТЕНЬ ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ В ПРАГЕ.** 1928.
14. **БЮЛЛЕТЕНЬ МУЗЕЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА.** Изд. К.Р. Поздеев., ред Ж.М.Гринев. 1967.
15. **БЮЛЛЕТЕНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ Л.Г.В. МОСКОВСКОГО ПОЛКА.** Париж. 1931-1962.
16. **БЮЛЛЕТЕНЬ СОЮЗА РУССКИХ ИНВАЛИДОВ В ЧЕХОСЛОВАКИИ.** Прага. Редколлегия: П.К.Чудаков, В.М.Монгловский. 1930.
17. **ВЕСТНИК ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ В БОЛГАРИИ.** София. 1927-1931.
18. **ВЕСТНИК ГВАРДЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.** Париж. Редактор В.В.Бутчик. 1957, 1969-1971.
19. **ВЕСТНИК КАВАЛЕРГАРДСКОЙ СЕМЬИ.** Париж. Ежегодное издание. Редакторы К.Н.Розен, Н.Звегинцов. 1938-1968.
20. **ВЕСТНИК КОННОГВАРДЕЙСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.** Париж. Ежегодное издание. Ред. А.П.Тучков. 1953-1969.
21. **ВЕСТНИК КИРАСИР ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА.** 1928-1931. Ред. Б.Н.Третьяков.

22. **ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА ВЗАИМОПОМОЩИ ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ В ЛИОНЕ.** 1927.
23. **ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ.** София. 1932-1937.
24. **ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА РУССКИХ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В САН-ФРАНЦИСКО.** Двухмесячный военно-исторический и литературный журнал. Ред Сергиевский Б.Н., Швед, Тихонравов... 1926-1966.
25. **ВЕСТНИК ОБЪЕДИНЕНИЯ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.** Сан-Франциско. Ред. В.И.Коневерга. 1931-1932.
26. **ВЕСТНИК ОБЪЕДИНЕНИЯ РОССИЙСКИЙ ПАЖЕСКОГО, МОРСКОГО И КАДЕТСКОГО КОРПУСОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИИ.** Белград. Ред. В.П.Агапеев, В.В.Добровольский, С.И.Кашкин, Н.В.Мамонтов. 1930.
27. **ВЕСТНИК ПЕРВОПОХОДНИКА.** Лос-Анжелес. Журнал Калифорнийского Отдела Союза участников I-го Кубанского похода генерала Корнилова. 1961-1968.
28. **ВЕСТНИК ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ.** Белград. 1923-1926.
29. **ВЕСТНИК РАЙОННОГО ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА РУССКИХ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА В КОРОЛЕВСТВЕ ЮГОСЛАВИИ.** Белград. Ред. В.И.Полтавцев. 1924-1940.
30. **ВЕСТНИК СОВЕТА РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖНОГО ВОИНСТВА.** Нью-Йорк. Ред. С.Н.Ряснянский. 1958.
31. **ВЕСТНИК СОЮЗА ВОИНОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.** Мюнхен. 1950.
32. **ВЕСТНИК СОЮЗА ОФИЦЕРОВ-УЧАСТНИКОВ ВОЙНЫ.** Париж. 1928-1933.
33. **ВЕСТНИК ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ.** Сараево. Орган военно-научной мысли. Редактор К.К.Шмигельский. 1929-1935.
34. **ВЕСТНИК.** Париж. Ежемесячная военно-национальная газета Обще-Кадетского Объединения. редактор А.А.Геринг. 1950-1968.
35. **ВЛАСОВЕЦ.** Орган организационного комитета по объединению власовцев. Ред. А.Туркул. Мюнхен. 1950.
36. **ВОЕННАЯ БЫЛЬ.** Париж. Военно-исторический, литературный иллюстрированный журнал общекадетского объединения во Франции. Ред.-издат. А.А.Геринг. 1952-1974.
37. **ВОЕННАЯ МЫСЛЬ.** Харбин. Газета. Либеральный орган. Редактор-издатель В.В.Мясников. 1920.
38. **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.** Париж. Издание общества любителей русской военной старины. Ред. М.Т.Голубов. 1953-1974.
39. **ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК.** София. 1927-1940 (№1-44). (Шатов).
40. **ВОЕННЫЙ АЛЬМАНАХ.** Константинополь. Ред. Н.Я Слещев-Крымский. - 1921. (Шатов)
41. **ВОЕННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.** Париж, 1951.
42. **ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК.** Нью-Йорк. Орган отдела Совета Российского Зарубежного воинства в Северной Америке. 1955-1956.
43. **ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК.** Прага. Орган русских Союзов участников великой войны в Чехословакии. 1933.

44. **ВОЕННЫЙ ЖУРНАЛИСТ.** Белград. Двухнедельный орган национальной военно-общественной мысли. Ред. Е.А. Шелль, К. Попандопуло. 1939-1941.
45. **ВОЕННЫЙ СБОРНИК ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ЗНАНИЙ.** Белград. Военно-научный журнал. Ред. В.М.Пронин, Н.Ф.Патронов. 1921-1930.
46. **ВОЕННЫЙ СБОРНИК.** Париж. Ред. А.А.Обручев. 1963-1974.
47. **ВОЙНА И МИР.** Берлин. Вестник военной науки и техники. Ред М.И.Тимонов, А.К.Келчевский, В.В.Колосовский. 1922-1925.
48. **ВСЕГДА ЗА РОССИЮ.** Любляна. Орган национальной военно-общественной мысли. Издание Русского Национального Союза Участников Войны в Любляне. 1941.
49. **ВСЕЗАРУБЕЖНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ВИЛЕНЦЕВ.** Орган объединения выпускников Виленского военного училища. Ред. В.И.Шайдицкий. 1960-е годы.
50. **ГАЛЛИПОЛИ.** Белград. Газета. Издание Общества Галлиполийцев 1923.
51. **ГАЛЛИПОЛИЕЦ.** Париж. Газета, посвященная русскому воинству на чужбине. Издание Союза Галлиполийцев во Франции. Под редакцией В.В.Орехова, В.В.Полянского и Евгения Тарусского. 1927.
52. **ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ.** София. 1932.
53. **ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ВЕСТНИК.** София. (Он же "Вестник Галлиполийцев"). Ежемесячный военно-общественный журнал. Ред. М.Зинкевич. 1932-1942.
54. **ГОЛОС ВОИНА.** Прага. Добровольческая газета [одной] войсковой группы. Ред. К.А.Быкович. 1944.
55. **ГОЛОС ОТЕЧЕСТВА.** Париж. Газета. Орган российского эмигрантского оборонческого движения. 1938-1939. (1936 - "Оборонческое движение")
56. **ГОЛОС РОССИИ.** Шанхай. Орган Дальневосточного отдела РОВС. 1930-1932.
57. **ГРЯДУЩАЯ РОССИЯ.** Мукден-Харбин. Двухнедельный, иллюстрированный, общественно-политический и литературно-военный журнал. Орган Законопослушной монархической мысли.
58. **ДОБРОВОЛЕЦ.** Мюнхен. Орган внутренней связи кадров РОА. 1953.
59. **ДОБРОВОЛЕЦ.** Париж. Газета. Издание Союза Добровольцев. 1936-1938.
60. **ДОСУГ КАДЕТА ПСКОВИЧА.** Париж. Ред. Г.А.Бороздин. 1957.
61. **ДОСУГ МОСКОВСКОГО КАДЕТА.** 1952-1959.
62. **ДОСУГ ОДЕССКОГО КАДЕТА.** Париж. Издание Союза Российских кадетских корпусов. Ред. — С.М.Ножин, В.С.Новицков. 1955.
63. **ДРУГ ИНВАЛИДА.** Шанхай. Издание Союза русских военных инвалидов. Ред. Л.В.Сейфуллин. 1931-1943.
64. **ЕГЕРСКИЙ ВЕСТНИК.** Издание Объединения лейб-егерей. Ред. Буковский. 1939.
65. **ЖИЗНЬ ИЗЮМСКИХ ГУСАР.** Издание полкового Объединения. Ред. Розенд-Паулин. 1960-е г.г.
66. **ЗА ЧЕСТЬ И СЛАВУ РОДИНЫ.** Мюнхен. Бюллетень II-го отдела РОВС. Ред. Н.Кудашев. 1949.

67. **ЗАМУРЕЦ**. Харбин. Издание общества замурских офицеров. 1938.
68. **ИЗВЕЩЕНИЕ**. Общество Ревнителее Русской Военной Старины. Париж. 1950-е-1960-е гг.
69. **ИЗМАЙЛОВСКАЯ СТАРИНА**. Александрия, Египет. Ред.-издатель А.Я. фон-Бретцель. 1936-1937.
70. **ИМПЕРАТОРСКИЙ ШТАНДАРТ**. Белград, 1930-1931.
71. **ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЛИСТЫ**. (Виллах,). Издание Главного Правления Союза участников I-го Кубанского похода. Ред. Николаев. 1948-1962.
72. **ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ СОЮЗА РУССКИХ ИНВАЛИДОВ В БОЛГАРИИ**. София. 1931-1932.
73. **ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ**. Издание Российской секции германского солдатского и военного союза в Баварии. Мюнхен. 1954-1967.
74. **ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК**. Белград. Издание Совета Объединенных офицерских обществ в королевстве С.Х.С. 1922-1924.
75. **ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЛИСТОК КРУЖКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ВОЕННОЙ СТАРИНЫ**. 1946-1968.
76. **ИНФОРМАЦИЯ I-ГО ОТДЕЛА РУССКОГО ОБЩЕ-ВОИНСКОГО СОЮЗА**. Париж. 1960-е гг.
77. **ИНФОРМАЦИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ОБЩЕСТВА ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ**. Прага.
78. **ИНФОРМАЦИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ВОИНСКИХ СОЮЗОВ**. Прага. 1940.
79. **КАДЕТ СИБИРЯК-АЛЕКСАНДРОВЕЦ**. Белград.
80. **КАДЕТ**. Париж. Издание Союза Российских кадетских корпусов. 1955-1959, 1963-1964.
81. **КАДЕТСКАЯ ЗАРЯ**. Издание Объединения 3-го Московского кадетского корпуса. 1952-1953.
82. **КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА**. Нью-Йорк. периодический журнал Объединения кадетских российских зарубежных корпусов. Ред. Н.Л.Козякин. 1972-1992.
83. **КАДЕТСКИЙ ГОЛОС ИЗ ПРОВИНЦИИ**. Риуперу, Франция. Ред.-издатель С.Г.Двигубский. 1942-1967.
84. **КАДЕТСКОЕ ПИСЬМО**. Аргентина. Орган общекадетского Объединения в Аргентине. Ред. А.Г.Денисенко. 1950-е г.г.
85. **КАДЕТЫ**. Париж. Ред. Б.Ф.Приходкин. 1948-1950.
86. Кексгольмская быль. Военно-исторический журнал п/ред. Е.Л.Янковского
87. **КОРНИЛОВЕЦ**. Горно-Панчириево. Ежемесячный журнал. 1921-1922.
88. **КОРНИЛОВЦЫ**. Париж. Информационный бюллетень. 1952.
89. **КОРПУСНИК**. Нью-Йорк. Ежемесячный бюллетень Союза чинов Русского Корпуса. 1962-1968.
90. **КСТАТИ**. Шанхай. Литературный, военный, иллюстрированный журнал Союза русских военных инвалидов. Ред. Л.В.Сейфуллин. 1929-1944.
91. **ЛЕТОПИСЬ ЭРИВАНЦЕВ ЗА РУБЕЖОМ**. Париж. Издание Правления Союза Эриванцев. Ред. П.Брюнелли. 1931-1932.
92. **НА РУБЕЖЕ**. Ред. В.М.Маркевич, К.Н.Николаев. 1948.

93. **НАШИ ВЕСТИ.** Нью-Йорк. Ежемесячный орган Русского охранного корпуса. Ред. Д.П.Вертепов. 1945-1969.
94. **ОБОРОНА РОССИИ.** Прага. Еженедельник русской национальной оборонческой мысли. Ред. Н.Твердый. 1936.
95. **ОБЩЕСТВО ГАЛЛИПОЛИЙЦЕВ.** Париж. Издание главного правления Общества Галлиполийцев. Ред. В.Полянскй. 1951.
96. **ОСВЕДОМИТЕЛЬ ЛЕЙБ-ЕГЕРЕЙ.** Париж. Ред. В.А.Каменский. 1930-е-1950-е г.г.
97. **ОСВЕДОМИТЕЛЬ.** Белград. Периодический журнал Военно-научного института в Белграде. Ред. Н.Н.Головин. 1936-1938.
98. **ПАВЛОВЕЦ.** Париж. Периодический журнал Объединения л.-гв. павловского полка. Ред. С.Я.Левицкий. 1928-1929.
99. **ПАРТИЗАН.** Белград. Газета. Независимый национально-политический и информационный орган под редакцией А.В. Ланина. 1934-1939.
100. **ПЕРВОПОХОДНИК.** Белград. Газета Главного Правления участников первого Кубанского похода. Ред. А.Комаровский, В.Пронин. 1928-1938.
101. **ПЕРЕКЛИЧКА НИКОЛАЕВЦЕВ-Артиллеристов.** Франция. Ред. Н.А. Апостолов. 1960-е г.г.
102. **ПЕРЕКЛИЧКА.** Брюссель. Орган текущей связи. 1935-1937.
103. **ПЕРЕКЛИЧКА.** США. Ежемесячное издание Общества галлиполийцев в США. 1955-1968.
104. **ПОЛКОВОЕ Оповещение л.-гв. I-го стрелкового его величества полка.** Издание полкового объединения.
105. **ПОТЕШНЫЙ.** София. Журнал русского охранного корпуса. 1942-1943.
106. **ПОХОД.** Сан-Франциско. Журнал участников Великого сибирского похода. 1960.
107. **ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ХРОНИКА.** Сводка Союза Преображенцев. Ред. В.В.Свечин. 1936-1959.
108. **ПРИЗЫВ.** Мюнхен. Военно-научный и учебный журнал. Бюллетень Военного совета Союза воинов освободительного движения народов России. 1948.
109. **РЕВЕЛЬСКИЙ РУССКИЙ ИНВАЛИД.** Ревель. Однодневная военно-политическая газета. Ред. А.К.Баиов. 1930.
110. **РУССКАЯ АРМИЯ.** Тяньцзин. Однодневная газета. 1929. (Возможно имелись следующие выпуски)
111. **РУССКИЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК.** Париж. Издание Общества любителей русской военной старины. Ред. А.К.Савицкий, Ю.А.Топорков. 1948-1952.
112. **РУССКИЙ ВОЕННЫЙ ВЕСТНИК.** Белград. Независимый орган русской военной мысли. Ред. Н.П.Рклицкий. 1925-1928.
113. **РУССКИЙ ВОИН.** Харбин. Орган Военной и государственной мысли. 1921. (Шатов)
114. **РУССКИЙ ГОЛОС.** Белград. Национальная, общественная и военная газета. Ред. Пронин В.М., М.В.Милич. 1930-1940.
115. **РУССКИЙ ИНВАЛИД.** Париж. Ежемесячная военно-научная и литературная газета Главного Правления Зарубежного Союза Русских

- военных инвалидов. Ред. Н.Н.Баратов, С.Д.Позднышев. 1927-1930, 1930-1940, 1960-1968.
116. **РУССКОЕ ДЕЛО.** Белград. Еженедельная русская газета. Редактор Е.Э.Месснер. 1943-1944. (1942-1943 - "Ведомости Русского Охранного Корпуса в Сербии").
 117. **СЕМЕНОВСКИЕ БЮЛЛЕТЕНИ.** Издание Правления Общества офицеров Л.-Гв. Семеновского полка. 1923-1968.
 118. **СИГНАЛ.** Париж. Газета. Орган Русского национального Союза участников войны. Редактор Н.В.Пятницкий. 1937-1939.
 119. **СИГНАЛ.** Прага. Журнал Русского воинского Союза в Праге. 1935.
 120. **СУВОРОВЕЦ.** Буэнос-Айрес. Орган Российского Военно-национального Освободительного Движения им. А.В.Суворова. 1948-1953.
 121. **СУВОРОВЦЫ.** Нью-Йорк. Журнал Объединения кадет Суворовского кадетского корпуса. Ред. А.Н.Потапов, Н.В.Главацкий. 1950-е г.г.
 122. **ФИНЛЯНДЕЦ.** Осведомительный листок Объединения Л.-Гв. Финляндского полка. 1931-1956.
 123. **ЦАРСКИЙ ВЕСТНИК.** Белград. Ред. Н.П.Рклицкий. 1928-1940.
 124. **ЧАСОВОЙ.** Париж-Брюссель. Иллюстрированный военный журнал-памятка. Орган связи русского воинства за рубежом. Впоследствии — орган связи Российского национального движения. Ред. В.В.Орехов. 1929-1988.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ*

1. **Абданк-Коссовский В.** Иностраннный легион
/Возрождение. – 1931. – № 2355.
2. **Абданк-Коссовский В.** Парижский мир 1856 г.
/Возрождение. – 1931. – № 2093.
3. **Абданк-Коссовский В.** Родина великих завоевателей
/Возрождение. – 1931. – № 2377.
4. **Абданк-Коссовский В.** Россия в изгнании. Русское воинство
/Парижский Вестник. – 1944. – №№ 101, 103, 104.
5. **Абданк-Коссовский В.** "Чудо на Висле"
/Возрождение. – 1931. – № 2391.
6. **Авалов П.** В борьбе с большевизмом. – Глюкштадт, Гамбург, 1925.
7. **Адариди К.М.** 27-я пехотная дивизия в бою под Сталлупененом и в сражении под Гумбиненом /Военно-Исторический Вестник. – 1964. – № 23.
8. **Адариди К.М.** Партизаны и будущая война /Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 6.
9. **Акулинин И.** Казачество в Великой войне (1914-17 г.г.)
/Часовой. – 1939. – № 240-241.
10. **Александровский Г.Б.** Военная подготовка СССР на море
/Часовой. – 1955. – №№ 351, 352.

* Необходимые пояснения см. на стр.

11. **Александровский Г.Б.** Подготовка командного состава в Советском флоте //Часовой. – 1933. – № 108-109, 110-111.
12. **Александровский Г.Б.** Цусимский бой. – Нью-Йорк, 1956.
13. **Алексеев Н.** Тухачевский //Возрождение. – 1932. – № 2715.
14. **Андогский А.И.** Пути к разрешению тихоокеанской проблемы. – Харбин, 1926.
15. **Андоленко С.** Российские Генералиссимусы и Фельдмаршалы //Военная Быль. – 1968. – № 93.
16. **Андрианов П.** Михаил Дмитриевич Скобелев //Армия и Флот. – 1932. – № 10.
17. **Апанасенко Г.П.** 1914-й год //Сигнал. – 1939. – № 60.
18. **Апанасенко Г.П.** Армия и политика //Сигнал. – 1937. – № 1.
19. **Апрелев Ю.** Бой Кирасир Ея Величества у фольварка Кураполы //Время (Шанхай). – 1930. – № 129.
20. Армия — оплот русской государственности //Бодрость. – 1935.- № 60.
21. Армия в государстве //Военный журналист. – 1940. - №№ 20-22.
22. Армия и Флот. Военный справочник. – Париж, 1930.
23. Армия мировой революции //Часовой. – 1934. – № 128.
24. **Арсеньев.** Сведения о Красной армии. Общеобразовательная учеба в Красной армии //Осведомитель. – 1936. – № 1.
25. **Арсеньев А.** Идея служения в будущей Русской армии //Военный журналист. – 1940. – № 27.
26. **Ахаткин К.З.** Машинизация армии //Часовой. 1936. – № 173.
27. **Ахаткин К.З.** Начало войны с Турцией //Часовой. – 1930. – № 23.
28. **Ахаткин К.З.** О составителях и исполнителях //Часовой. – 1935. – № 143.
29. **Баюев А.К.** “Малая армия” и способ ее комплектования //Вестник Военных Знаний. 1930. – № 8.
30. **Баюев А.К.** Воспитание армии и идеи гр. Л.Н.Толстого //Новое время. – 1929. – №№ 2552, 2553.
31. **Баюев А.К.** Генерал Л.Г. Корнилов и его дивизия Императорской армии //Часовой. – 1930. – № 35.
32. **Баюев А.К.** Генеральный Штаб во время гражданской войны //Часовой. – 1932. – № 84.
33. **Баюев А.К.** Истоки великой мировой драмы и ее режиссеры. – Таллин-Ревель, 1927.
34. **Баюев А.К.** Наполеон и русская современность //Последние известия. – 1921. – № 114.
35. **Баюев А.К.** Начальник Штаба //Военный Сборник. – 1935. – Кн. 6.
36. **Баюев А.К.** Начальные основы строительства будущей Русской армии //Русский Колокол. – 1929. – № 8; 1930. - № 9.
37. **Баюев А.К.** Необходимая воинская добродетель //Вестник Военных Знаний. – 1929. – № 3.
38. **Баюев А.К.** Неправильный путь //Вестник Военных Знаний. – 1932. – № 3 (16).
39. **Баюев А.К.** Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине //Военный Сборник. – 1924. – Кн. 5.

40. **Баюев А.К.** Нужны ли крепости как элемент государственной обороны //Часовой. – 1930. – № 40, № 41.
41. **Баюев А.К.** Русская военная доктрина //Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 4 (20).
42. **Баюев А.К.** Суворов и будущая война. – Б.м., б.г.
43. **Баранов В.Г.** Русская авиация в великую войну //Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
44. **Баратов Н.Н.** К 15-летней годовщине нашего похода в Персию //Русский Инвалид. – 1930. – № 11.
45. **Бармин А.Г.** Академия Генерального Штаба //Новый журнал. – 1942. – Кн. 3.
46. **Баскаков В.И.** Эпохальное в историографии значение описания великой мировой войны //Вестник Районного Правления Общества русских офицеров генштаба... в Югославии. – 1930. – № 65.
47. **Белый офицер.** Под микроскопом. Очерки о Красной армии //Возрождение. – 1935. – №№ 3515, 3519, 3522, 3526, 3531.
48. **Беляевский В.А.** Кто виноват: воспоминания о белом движении. 1918-1920 гг. – Буэнос-Айрес, 1960.
49. **Беляев В.** Логистика //Военный Сборник. – 1922. – Кн. 3.
50. **Бернацкий М.** Экономическая жертва России союзному делу //Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
51. **Бигаев Н.** Политическое и стратегическое значение Кавказа //Часовой. – 1949. – № 292; 1950. – №№ 294,295.
52. **Бигаев Н.** Психология бойца в марксистском освещении //Военный Вестник. – 1933. – №№ 2,3.
53. **Битенбиндер А.** “Наука побеждать” //Наши Вести. – 1968. – №№ 261-268.
54. **Богаевский Б.** Донское Казачество и татарские набеги на Московское Государство в 16-м и 17-м веках //Часовой. 1956. – № 370.
55. **Богданович П.Н.** Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. – Буэнос-Айрес, 1964.
56. **Болдырев В.Н.** Удушливые газы и защита от них (1915-1918). – Белград, 1925.
57. **Болтунов А.** О воинском воспитании //Военный Сборник. – 1928. – Кн. 9.
58. **Бордовский.** Первая воздушная эскадренная битва //Часовой. – 1936. - №№ 169-170.
59. **Борисов В.** О принципах стратегии //Осведомитель. – 1937. – № 4.
60. **Борисов В.** “Аксиома” Наполеона как основание для будущей военной доктрины //Война и Мир. – 1923. – № 6.
61. **Борисов В.** В защиту памяти о генерале Палицине //Русский Инвалид. – 1939. – № 127.
62. **Борисов В.** Версальский договор и стратегическая обстановка после него //Война и Мир. – 1923. – № 9.
63. **Борисов В.** Генерал М.В. Алексеев. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего в войну 1914-1915 годов //Военный Сборник. – 1922. – Кн. II.

64. **Борисов В.** Два основных изменения в теории военного искусства по опыту войны 1914-1918 г.г. //Военный Сборник. – 1922. – Кн. II.
65. **Борисов В.** Крепости во всех войнах //Русский Голос. – 1940. – № 501.
66. **Борисов В.** О будущих крепостях //Война и Мир. – 1923. – № 7.
67. **Борисов В.** По стратегии //Русский Голос. – 1941. – №№ 510-522.
68. **Борисов В.** Процесс Верховного стратегического руководства (по опыту русского фронта 1914-1917 г.г.) //Война и Мир. – 1924. – № 15.
69. **Борисов В.** Совет по изучению стратегии //Русский Голос. – 1940. – № 505.
70. **Борисов В.** Стратегия железных дорог //Война и Мир. – 1923.
71. **Борисов В.** Тезис и антитезис //Война и Мир. – 1923. – № 7.
72. **Борисов В.** Что такое стратегия //Русский Инвалид. – 139. – № 138.
73. **Брофельд А.** Кадетские корпуса в Российской Империи //Военная Быль. – 1964. – № 67.
74. **Брюнелли П.** Душа армии. Философские и психологические основы побед великой русской Суворовской Армии в войну 1939-1945 г.г. с Германией. – Женева, 1946.
75. **Бубнов А.Д.** В Царской ставке. – Нью-Йорк, 1955.
76. **Бубнов А.Д.** Основы Русской морской политики //Морской Журнал. – 1936. – № 101-102.
77. **Бубнов А.Д.** Очерки морской политики //Морской Журнал. – 1935. – №№ 89-91.
78. **Бубнов А.Д.** Русская морская проблема //Зарубежный Морской Сборник. – 1929. – Кн. 3.
79. **Бубнов А.Д.** Упущенная возможность //Русский Инвалид. – 1932. – № 32.
80. **Будберг А.** Дневник. 1917-1919 гг. Архив Русской Революции. Т.ХII-XV. – Берлин, 1923-1924.
81. **Будберг А.П.** Из воспоминаний о войне 1914-1917 г. //Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско. – 1939. – 1940. – №№ 154-167.
82. **Будберг А.П.** Россия в царствование Императора Николая II. 1894-1917 //Вестник Общества Русских Ветеранов Войны в Сан-Франциско. – 1939. – №№ 145-146.
83. **Буняковский В.** К 15-летию борьбы за крепость Осовец //Время (Шанхай). – 1930. № 181.
84. Доктрина Советской Армии //Часовой. 1957. – № 374.
85. **Вагин.** Размышления о диктатуре //Вестник Объединения Офицеров Генерального Штаба (г. Сан-Франциско). – 1931. – № 2.
86. **Варнек В.** Голос Армии //Русский Инвалид. – 1935. – № 80.
87. **Варнек В.** Что поняло русское офицерство //Часовой. – 1935. – № 146-147.
88. Великий Князь Сергей Михайлович — Генерал-инспектор Русской Артиллерии. – Белград, 1934.
89. **Виноградский А.Н.** Авиация //Возрождение. 1927. – № 885.
90. **Виноградский А.Н.** Качество и количество //Возрождение. – 1927. – № 818.

91. **Виноградский А.Н.** Новые пути науки о войне //Возрождение. – 1927. – № 937.
92. Военная доктрина, русский план войны и наши поражения. Роль полк. Мясоедова //Новое русское слово. – 1937. 4 декабря.
93. Военная техника и людские ресурсы //Русская Правда. – 1954. – № 15.
94. **Воронович Н.** Русско-японская война: Воспоминания. – Нью-Йорк, 1952.
95. Выводы из финско-советской войны //Часовой. – 1940. – № 251.
96. **Вязьмитинов В.** Война и психология //Военный Сборник. – 1922. – Кн. 3.
97. Оборона Западной Европы //Часовой. – 1947. – № 276.
98. **Галай Н.Я.** Ракетное оружие и советская военная доктрина //Часовой. – 1958. – № 385.
99. **Галай Н.Я.** Социальное значение новой реорганизации советских вооруженных сил //Часовой. – 1960. – № 411.
100. **Галай Н.Я.** Английский поворот //Сигнал. – 1939. – № 53.
101. **Галай Н.Я.** Англия и Италия //Сигнал. – 1938. – № 24.
102. **Галай Н.Я.** Армия и перемены в послесталинском руководстве СССР //Вестник Института изучения истории и культуры СССР. – 1959. – № 1 (29).
103. **Галай Н.Я.** Армия и политика //Сигнал. – 1937. – № 18.
104. **Галай Н.Я.** Влияние военной революции на советскую внешнюю политику //Часовой. – 1960. – № 405.
105. **Галай Н.Я.** Гражданская война в Испании //Сигнал. – 1937. – № 15.
106. **Галай Н.Я.** Значение нового сокращения вооруженных сил СССР //Часовой. – № 408.
107. **Галай Н.Я.** К двадцатой годовщине Белого движения //Сигнал. – 1937. – № 15.
108. **Галай Н.Я.** Международное положение в 1938 г. //Сигнал. – 1939. – № 46.
109. **Галай Н.Я.** Проблемы Войны и Мира //Часовой. – 1967. – № 487.
110. **Галай Н.Я.** Роль армии в последних событиях //Часовой. – 1958. (??). – № 380.
111. **Галай Н.Я.** Связи и взаимосвязи между социальной структурой общества и его военной системой на примере СССР //Часовой. – 1967. – № 490-495.
112. **Галай Н.Я.** Советская Азия в свете новых геополитических реальностей //Сообщения Института по изучению СССР. – 1965. – № 3 (189).
113. **Галай Н.Я.** Советская внешняя политика //Сообщения Института по изучению СССР. – 1967. – № 12 (198).
114. **Галай Н.Я.** Советские спутники и проблема технического прогресса в тоталитарном и свободном обществе //Часовой. – 1958. – № 384.
115. **Галай Н.Я.** Что показало полувековое существование коммунистической власти в СССР //Сообщения Института по изучению СССР. – 1968. – № 14 (200).
116. **Галай Н.Я.** На верхах политического аппарата Советских Вооруженных Сил //Часовой. – 1962. – № 436.

117. Генерал Кутепов. Сборник статей. – Париж, 1934.
118. Генерал от инфантерии Н.Н.Юденич. К 50-летию юбилею. – Париж, 1931.
119. Генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров. (По случаю столетия со дня рождения) // Царский Вестник. – 1930. – № 117.
120. **Геринг А.** Материалы к библиографии русской военной печати за рубежом. – Париж, 1968.
121. **Гермониус Г.** Война и промышленность. – Пильзен, 1928.
122. **Геруа А.** Воспоминания командира полка // Переключка. – 1937.- № 3, 5, 6, 7.
123. **Геруа А.** Земская рать // Вестник Военных Знаний. – 1931. – № 1 (9).
124. **Геруа А.** Кадры Красной Армии // Русский Военный Вестник. – 1927. – № 82.
125. **Геруа А.** Катакомбы или журавли // Русское Дело (Белград). – 1936. – № 3.
126. **Геруа А.** Малая армия // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 4.
127. **Геруа А.** Монизм // Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 4 (20).
128. **Геруа А.** О вооруженных массах // Военный Сборник. – 1930. – Кн. 11.
129. **Геруа А.** Петр Великий и Суворов // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 8.
130. **Геруа А.** Поворот на малые армии // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 6.
131. **Геруа А.** Политика Рейхсвера // Вестник Военных Знаний. – 1929. – № 1.
132. **Геруа А.** Полчища. – София, 1923.
133. **Геруа А.** Поразил — победил (Юденич) // Вестник Военных Знаний. – 1931. – № 5 (13).
134. **Геруа А.** Стихия Гражданской войны // Новое время. – 1929. – №№ 2573, 2581, 2588, 2590.
135. **Геруа Б.** Боязнь пространства // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 5.
136. **Геруа Б.** Великий Князь Николай Николаевич солдат и полководец // Царский Вестник. – 1929. – №№ 24, 25.
137. **Геруа Б.** Пехота в Великую войну // Русский Инвалид. – 1939. – 136-137.
138. **Геруа Б.** Русский Генеральный Штаб // Царский Вестник. – 1931. – № 199; № 200.
139. **Геруа Б.** Стратегия альтруизма // Часовой. – 1939. – № 240-241.
140. **Геруа Б.** Творчество, доктрина, доктринерство // Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 4 (20).
141. **Геруа Б.** Воспоминания о моей жизни. Т. 1-2. – Париж, 1969-1970.
142. Главнейшие реформы в Красной Армии в 1923 году // Вестник Русского Национального Комитета. – 1924. – № 8.
143. Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель. Сборник статей п/р А.А. Фон-Лампе. – Берлин, 1938.
144. **Глаголев М.К.** “Единая Русская Армия” // Императорский Штандарт. 1931. – № 5. – С. 46-53.

145. **Головин Н.Н.** Американские впечатления //Русский Инвалид. – 1930. – № 10, 11.
146. **Головин Н.Н.** Большевицкая военная мысль //Русский Инвалид. – 1938. – № 122.
147. **Головин Н.Н.** Борьба за реформу нашего высшего военного образования //Русский Инвалид. – 1937. – №№ 106-110, 112-114; 1938. – №№ 116-123.
148. **Головин Н.Н.** Военные усилия России в Мировой войне. Т. I-II. – Париж, 1939.
149. **Головин Н.Н.** Ген. М.В. Алексеев. К 25-летию со дня смерти //Парижский Вестник. – 1942. – № 18.
150. **Головин Н.Н.** Генерал от Инфантерии Князь Петр Иванович Багра-тион //Морской Журнал. – 1936. – № 103.
151. **Головин Н.Н.** Знание и опыт //Русский Инвалид. – 1939. – № 142.
152. **Головин Н.Н.** Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. – Прага, 1925.
153. **Головин Н.Н.** Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Галицийская битва (первый период — до 1 сентября нов. сти-ля). – Париж, 1930.
154. **Головин Н.Н.** Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. План войны. – Париж, 1936.
155. **Головин Н.Н.** Из истории кампании 1914 года. Дни Галицийской битвы. – Париж, 1940.
156. **Головин Н.Н.** Итало-абиссинская война //Современные записки. – 1935. – Кн. 59.
157. **Головин Н.Н.** К чему идет Великобритания? Стратегическое исследование. – Рига, 1935.
158. **Головин Н.Н.** Какая воздушная сила нужна будущей России //Армия и Флот. – 1938. – № 6.
159. **Головин Н.Н.** Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной Силы. – Белград, 1925.
160. **Головин Н.Н.** Наука о войне //Часовой. – 1933. – №№ 100, 101, 102, 103, 104.
161. **Головин Н.Н.** Наука о войне. О социологическом изучении вой-ны. – Париж, 1938.
162. **Головин Н.Н.** О неудавшемся и несостоявшемся десантах //Парижский Вестник. – 1942. – №№ 12-16.
163. **Головин Н.Н.** Ответ одному из моих учеников //Русский Инва-лид. – 1939. – № 129.
164. **Головин Н.Н.** Письма о военном самообразовании //Военный Сбор-ник. – 1925. – Кн. 6.
165. **Головин Н.Н.** Письма о военном самообразовании //Русский Инва-лид. – 1939. – № 125.
166. **Головин Н.Н.** Пути современной военной науки //Возрождение. – 1932. – № 2750.
167. **Головин Н.Н.** Развитие основных идей современной тактики //Военный Сборник. – 1924. – Кн. 5.

168. **Головин Н.Н.** Расстрел Тухачевского //Русский Инвалид. – 1937. – № 105.
169. **Головин Н.Н.** Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Части I-V (в 12 книгах). – Париж, Таллин, 1937.
170. **Головин Н.Н.** Современная война и “Красная Вооруженная Сила” //Военный Сборник. – 1922. – Кн. 3.
171. **Головин Н.Н.** Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке. – Белград, 1934.
172. **Головин Н.Н.** Современная стратегическо-политическая обстановка в Китае //Армия и Флот. – 1933. – № 9.
173. **Головин Н.Н.** Социологическая сущность большевизма //Русский Инвалид. – 1931. – № 16.
174. **Головин Н.Н.** Суворов и большевизм несовместимы //Парижский Вестник. – 1942. – № 29; – 1943. – №№ 30,31,32,34,35.
175. **Головин Н.Н.** Суворов и его “Наука побеждать”. – Париж, 1931.
176. **Головин Н.Н.** Танки в минувшую войну и в будущую. – Прага, 1925.
177. **Головин Н.Н. Бубнов А.Д.** Тихоокеанская проблема в XX столетии. – Прага, 1924.
178. **Головин Н.Н.** Харьковское сражение //Парижский Вестник. – 1942. – № 6.
179. **Гордеев А.** О русских национальных традициях и традициях Виленского военного училища //Часовой. – 1956. – № 367.
180. **Гоштовт Г.** Кирасиры Его Величества в Великую войну. Т. 1 – Париж, 1934.
181. **Граф Г.** На “Новике” (Балтийский Флот в войну и революцию). – Мюнхен, 1922.
182. **Грулев М.** Записки генерала-еврея. – Париж, 1930.
183. **Гулевич А.** 1914-1917 //Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
184. **Гулевич А.А.** Начало регулярной армии //Часовой. – 1933. – № 105.
185. **Гулевич А.А.** Основы устройства современных армий //Русский Инвалид. – 1931. – №№ 28-30, 33.
186. **Гурко В.И.** Влияние Мировой Войны и вероятного будущего на вопросы военно-инженерной обороны //Часовой. – 1930. – № 44.
187. **Гурко В.И.** Правда о монархе //Царский Вестник. – 1933. № 380.
188. **Даватц В.Х., Львов Н.Н.** Русская армия на чужбине. – Белград, 1923.
189. **Данилов Ю.** Россия в мировой войне 1914-1915 гг. – Берлин, 1924.
190. **Данилов Ю.** Несколько мыслей о Красной Армии //Вестник Русского Национального Комитета. – 1923. – № 4.
191. **Данилов Ю.** Болгария в мировую войну //Возрождение. – 1931. – № 2321.
192. **Данилов Ю.** Великий Князь Николай Николаевич. – Париж, 1930.
193. **Данилов Ю.** Верден — Видзы — оз. Нарочь //Время (Шанхай). – 1930. – № 242.
194. **Данилов Ю.** Власть войны //Армия и Флот. – 1933. – № 9.
195. **Данилов Ю.** Война будущего //Возрождение. – 1931. №№ 2376, 2377, 2379.

196. **Данилов Ю.** Воспоминания ген. Першинга
/Возрождение. – 1931. – № 2302.
197. **Данилов Ю.** Ген. Н.Н. Юденич. Ко дню юбилея
/Возрождение. – 1931. – № 2271.
198. **Данилов Ю.** Два маршала Франции. Из моих воспоминаний
/Возрождение. – 1931. – № 2353.
199. **Данилов Ю.** Задачи русской стратегии в течение мировой войны
/Возрождение. – 1931. – № 2110.
200. **Данилов Ю.** Зарождение Солоникского фронта
/Возрождение. – 1931. – № 2290.
201. **Данилов Ю.** Марна и Галлцени /Возрождение. – 1931. – № 2290.
202. **Данилов Ю.** Маршал Жоффри /Время (Шанхай). – 1931. – № 455.
203. **Данилов Ю.** Ответственность за войну
/Возрождение. – 1931. – № 2198.
204. Данилов Ю. Полки 18 июня /Последние Новости. – 1927. – 1 июля.
205. **Данилов Ю.** Русские отряды на французском и македонском фронтах. (1916-1918). – Париж, 1933.
206. **Данилов Ю.** Русский легион /Возрождение. – 1931. – № 2136.
207. **Данилов Ю.** Трудные условия работы Русской стратегии
/Часовой. – 1930. – № 24.
208. **Данилов Ю.** Черноморская проблема в мировую войну
/Возрождение. – 1931. – №№ 2234, 2235.
209. **Данилов Ю.** Эпилог Лодзинской операции /Время (Шанхай). – 1930. – № 141.
210. **Деникин А.И.** Брест-Литовск. – Париж, 1933.
211. **Деникин А.И.** В советском раю /Возрождение. – 1950. – Тетр. 8.
212. **Деникин А.И.** Державы и Россия /Доброволец. – 1938. февраль.
213. **Деникин А.И.** Исправление истории /Доброволец. – 1937. февраль.
214. **Деникин А.И.** Мировые события и русский вопрос. – Париж, 1939.
215. **Деникин А.И.** Офицеры. Очерки. – Париж, 1928.
216. **Деникин А.И.** Очерки Русской Смуты. Т. I-V. – Париж-Берлин, 1921-1926.
217. **Деникин А.И.** Патриотизм в преломлении русской действительности
/Доброволец. – 1936.
218. **Деникин А.И.** Письмо оттуда. Ответ туда /Борьба за Россию. – 1928. – № 70.
219. **Деникин А.И.** Призрак войны /Борьба за Россию. – 1927. – № 15.
220. **Деникин А.И.** Путь русского офицера. Мемуары. – Нью-Йорк, 1953.
221. **Деникин А.И.** Русский вопрос на Дальнем Востоке. – Париж, 1932.
222. **Деникин А.И.** Русское рассеяние в будущей мировой войне
/Доброволец. – 1937. февраль.
223. **Деникин А.И.** Старая армия. Т. 1-2 – Париж, 1929, 1931.
224. **Деникин А.И.** Трубы иерихонские /Борьба за Россию. – 1927. – № 34.
225. **Дивеев.** Церковный вопрос и военные /Царский Вестник. – 1930. – № 118.
226. **Дисский А.** Утопическая идея и ее реальное осуществление
/Корниловец. – 1922. – № 2.

227. **Добrorольский**. Артиллерийское дело. Стрельба артиллерии. Лекции. – Белград, 1926-1927.
228. **Добrorольский С.** Будущая мобилизация // Война и Мир. – 1923. – № 10.
229. **Добrorольский С.** Корпус или дивизия? // Война и Мир. – 1923. – № 9.
230. **Добrorольский С.** Милиции в условиях современной войны // Война и Мир. – 1924. – № 13, 14, 15.
231. **Добrorольский С.** Об управлении массами на войне // Война и Мир. – 1923. – № 6.
232. **Добrorольский С.** Обеспечение мобилизации в будущую войну // Война и Мир. – 1925. – № 18.
233. **Добrorольский С.** Оборона в стратегии и тактике // Война и Мир. – 1923. – № 8.
234. **Добrorольский С.** План мобилизации // Война и Мир. – 1925. – № 19.
235. **Добrorольский С.** Проблема разоружения // Война и Мир. – 1924. – № 17.
236. **Добrorольский С.** Стратегические планы сторон к началу мировой войны // Военный Сборник. – 1922. – Кн. II.
237. **Добрынин В.** Вооруженная борьба Дона с большевиками. (Февраль 1917-март 1920). – Вена, 1924.
238. **Добрынин В.** Борьба с большевизмом на Юге России. 1918-1919 г.г. Участие в борьбе Донского казачества. Февраль 1917 — март 1920. – Прага, 1921.
239. **Доманевский В.Н.** Мировая война. Кампания 1914 г. Вып. I. Планы сторон и начало операций. – Париж, 1929.
240. **Доманевский В.Н.** Мировая война. Кампания 1914 г. Достижения сторон за первый месяц войны — август. – Париж, 1929.
241. **Доманевский В.Н.** Генеральный штаб в вождении войск // Часовой. – 1931. – № 70.
242. **Доманевский В.Н.** Краткий стратегический обзор мировой войны // Часовой. – 1933. – № 3 97, 98.
243. **Доманевский В.Н.** Российская вооруженная сила // Возрождение. – 1927. – №№ 814, 830, 835, 841, 905, 912
244. **Доманевский В.Н.** СССР и капиталистические державы // Часовой. – 1933. – № 100.
245. **Доманевский В.Н.** Стратегия и государственный эгоизм // Часовой. – 1930. – № 25.
246. **Доманевский В.Н.** Сущность командования // Часовой. – 1931. – № 67. – С. 3-6.
247. **Доронин А.** “Армия вне политики” // Сигнал. – 1937. – № 8.
248. **Драгомиров А.М.** “Наука побеждать” Суворова // Военный Сборник. – 1930. – Кн. 11.
249. **Драгомиров В.М.** Краткий очерк военных действий русских армий в Галиции и Привислинском крае в августе 1914 г. // Военный Сборник. – 1922. – Кн. II.

250. **Драгомиров В.М.** Подготовка Русской Армии к Великой Войне. Подготовка командного состава //Военный Сборник. – 1923. – Кн. 4; 1924. – Кн. 5; 1925. – Кн. 6.
251. **Дрейер В.Н.** На закате империи. – Мадрид, 1965.
252. **Дрейлинг Р.К.** Военная психология. – Белград, 1935.
253. **Дрейлинг Р.К.** Воинский устав Петра Великого и Суворов. – Белград, 1931.
254. **Дрейлинг Р.К.** Краткий стратегический очерк вооруженной борьбы на франко-германском фронте в 1918 г. //Военный сборник. – 1923. – Кн 3; 1924. – Кн. 4.
255. **Дрейлинг Р.К.** Русская военная культура //Русская культура. Сборник статей. – 1925.
256. **Егоров А.Е.** Командный состав и военная доктрина //Вестник Военных Знаний. – 1934. – №№ 1 (21), № 2 (22).
257. **Егоров А.Е.** О военной доктрине //Вестник Военных Знаний. – 1933. – №№ 2 (18), № 3 (19).
258. **Егоров А.Е.** Опыт изучения встречного боя //Военный Сборник. – 1926. – Кн. 8.
259. **Егоров А.Е.** Российских армий Победоносца. (К 200-летию со дня рождения Генералиссимуса А.В. Суворова) //Царский Вестник. – 1930. – № 118.
260. **Епанчин Н.А.** “Белый Генерал” //Часовой. – 1932. № 83.
261. **Жиховский Г.** Кризис дисциплины во Французской армии //Часовой. – 1938. – №№ 204, 207, 211.
262. Новые течения в стратегии в Красной армии //Евразийская хроника. – 1926. – Вып. V.
263. **Зайцев И.М.** Почему казачество безмолвствовало в 1917 году //Армия и Флот. – 1932. – № 8.
264. **Зайцев И.М.** Современная казачья идеология //Армия и Флот. – 1932. – № 7.
265. **Зайцов А.** Боевая ценность Красной армии //Возрождение. – 1939. – №№ 4198, 4199.
266. **Зайцов А.** В Красной Армии. Реформа военных академий //Вестник Галлиполийцев. – 1937. – № 43.
267. **Зайцов А.** Военная литература в СССР //Русский Инвалид. – 1931. – № 29.
268. **Зайцов А.** Военные заметки. Клаузевиц о войне //Русский Инвалид. – 1931. – № 23.
269. **Зайцов А.** Военный потенциал //Русский Инвалид. – 1934. – № 63.
270. **Зайцов А.** Где был наш Генеральный штаб во время гражданской войны //Русский Инвалид. – 1932. – №№ 36, 37.
271. **Зайцов А.** Красная армия и 7-й съезд советов //Возрождение. – 1935. – № 3562.
272. **Зайцов А.** Мысли о гражданской войне //Русский Инвалид. – 1930. – №№ 10, 11.
273. **Зайцов А.** Новые веяния в военном деле //Русская Правда. – 1954. – №№ 6, 8, 11, 12.

274. **Зайцов А.** Новые пути в военном деле //Русский Инвалид. – 1936. – № 97, 98; № 102.
275. **Зайцов А.** Опыт испанской войны //Возрождение. – 1938. – № 4145.
276. **Зайцов А.** Основы японской стратегии и тактики //Русский Инвалид. – 1937. – № 104.
277. **Зайцов А.** Причины побед и поражений //Часовой. – 1940. – №№ 253, 254
278. **Зайцов А.** Разгром в Красной Армии или разгром Красной Армии? //Русский Инвалид. – 1937. – № 105.
279. **Зайцов А.** Стратегический очерк участия России в Мировой войне //Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
280. **Зайцов А.** Труд ген. Головина “Российская контрреволюция в 1917-1918 г.г.” и учение Клаузевица //Русский Инвалид. – 1935. – № 134.
281. **Зайцов А.А.** Атомная бомба //Возрождение. – 1949. – Тетр. I.
282. **Зайцов А.А.** Высшая тактика. (Лекции). – Б.м. Б.г.
283. **Зайцов А.А.** Германский генеральный штаб //Военный Сборник. – 1929. – Кн. 10; 1930. – Кн. 11.
284. **Зайцов А.А.** Служба Генерального Штаба. – Нью-Йорк, 1961.
285. **Залесский П.** Конница (организация, схема будущих действий, воспитание и обучение) //Война и Мир. – 1923. – №№ 7, 8.
286. **Залесский П.И.** Возмездие. (Причины русской катастрофы). – Берлин, 1925.
287. **Зальф А.** Научная тактика. Основной закон и принципы вооруженной борьбы. Танненбергская катастрофа и ее виновники. – Таллинн, 1932.
288. **Замбржицкий В.** Германо-советская война 1941-1945 гг. – Нью-Йорк: 1968.
289. **Замбржицкий В.А.** Контрудар Мак-Артура в Корее //Часовой. 1950. – № 303.
290. Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина. – Париж, 1931.
291. **Звегинцов В.Н.** Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. 1914-1920 год. Части 1-3. – Париж, 1936, 1938, 1966 г.г.
292. **Зинкевич М.** Военная доктрина //Галлиполийский вестник. – 1940. – № 80.
293. **Зызыкин М.В.** Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 г. – Буэнос-Айрес, 1958.
294. **Иванов Н.** Живая сила и техника //Часовой. – 1933. – № 94-95.
295. **Иностранцев М.А.** Вооруженные силы, планы сторон и стратегическое развертывание на русском фронте в мировую войну //Записки Русского Научного института в Белграде. Вып. 5. – Белград, 1931.
296. *К вопросу о Русской Армии.* – Париж, 1921.
297. **Кадесников Н.З.** Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917-1922 г.г. – Нью-Йорк, 1965.
298. **Казанович Б.И.** Пехотное дело. Лекции. – Белград, 1926.
299. **Казачество.** Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. – Париж, 1928.

300. **Карпов Б.** Мысли о восстании на флоте //Часовой. – 1932. – №№ 77, 78.
301. **Кедров М.А.** Морская обстановка на Дальнем Востоке //Возрождение. – 1931. – № 2347.
302. **Келчевский А.** Все ново, что хорошо забыто //Война и Мир. – 1923. – № 5.
303. **Келчевский А.** Две доктрины //Война и Мир. – 1922. – № 3.
304. **Келчевский А.** Думенко и Буденный. – Константинополь, 1920.
305. **Келчевский А.** Краткие итоги мировой войны и вероятные перспективы ближайшего будущего //Война и Мир. – 1923. – № 7.
306. **Келчевский А.** Общие замечания о приказах //Война и Мир. – 1923. – № 7.
307. **Келчевский А.** Опасное открытие //Война и Мир. – 1922. – № 4.
308. **Керсновский А.** 1870-1914-1940 //Часовой. – 1940. – № 253.
309. **Керсновский А.** Военизация страны //Царский Вестник. – 1928. – №№ 1, 2.
310. **Керсновский А.** Военно-политические итоги 1927 года //Русский Военный Вестник. – 1928. – № 126.
311. **Керсновский А.** Доктрина Рейхсвера //Царский Вестник. – 1931. – № 136.
312. **Керсновский А.** История Русской Армии. Ч. I-IV. – Белград, 1933-1938.
313. **Керсновский А.** Ко второй гражданской войне //Царский Вестник. – 1930. – № 116.
314. **Керсновский А.** Мировая война. (Краткий очерк). – Белград, 1939.
315. **Керсновский А.** Наш будущий офицерский корпус //Царский Вестник. – 1930. – № 100.
316. **Керсновский А.** Наша будущая малая армия //Царский Вестник. – 1931. – № 194.
317. **Керсновский А.** О нашем близком служении //Часовой. – 1939. – № 240-241.
318. **Керсновский А.** Разоружение Франции //Царский Вестник. – 1931. – № 222.
319. **Керсновский А.** Сущность французской военной реформы //Русский Военный Вестник. – 1927. – № 88.
320. **Керсновский А.** Тенденции армий мира //Царский Вестник. – 1928. – № 10.
321. **Керсновский А.** Философия войны. – Белград, 1939.
322. **Керсновский А.** Хартия поражений //Часовой. – 1941. – № 261.
323. **Керсновский А.** Царьград или Стамбул //Царский Вестник. – 1929. – № 58.
324. **Керсновский А.** Чем нам быть //Часовой. – 1939. – № 238-239.
325. **Киевлянин.** Севастопольская школа авиации. XX лет тому назад //Время (Шанхай). – 1930. № 264.
326. **Кислицин В.А.** Пантеон воинской доблести и чести. – Харбин, 1941.
327. **Колесников Н.В.** Евразия //Армия и Флот. – 1932. – № 9. – С. 49-52.
328. **Колесников Н.В.** Лучи восходящего солнца //Армия и Флот. – 1932. – № 8-1169.

329. **Колесников Н.В.** Стратегия духа. (Стратегические этюды наших дней) // Армия и Флот. – 1936. – № 1.
330. **Колесников Н.В.** Суворов. Военно-исторический очерк... – Шанхай, 1932.
331. **Колесников Н.В.** Сфинкс // Армия и Флот. – 1932. – № 7.
332. **Колесников Н.В.** Третий этап // Армия и Флот. – 1934. – № 3.
333. **Колесников Н.В.** Философия войны. Религия. Вып. 2. – Шанхай, 1933.
334. **Колесников Н.В.** Франция или Германия? – Владивосток, 1921.
335. **Колесников Н.В.** Часы времени // Армия и Флот. – 1933. – № 8.
336. **Колесников Н.В.** Япония // Армия и Флот. – 1935. – № 5.
337. **Колосовский В.** Авиация и ведение войны в будущем // Война и Мир. – 1923. – № 11.
338. Комплектование Красной Армии. – Берлин, 1926.
339. **Кондзеровский П.К.** В ставке Верховного 1914-1917: Воспоминания дежурного генерала при Верховном Главнокомандующем. – Париж, 1967.
340. Корниловский ударный полк. – Париж, 1936.
341. Корниловцы: Юбилейная памятка. 1917-1967. – Париж, 1967.
342. **Кравченко В.** Дроздовцы от Ясс до Галлиполи Сборник в 2-х томах. – Мюнхен, 1973.
343. **Краинский Н.В.** За Веру, Царя и Отечество. – Белград, 1930.
344. **Краинский Н.В.** Психика и техника // Вестник Союза Офицеров Участников Войны. – 1932. – № 11.
345. **Краинский Н.В.** Военный экстаз и прострация как факторы боевых операций // Военный журналист. – 1940. – № 19.
346. Красная армия (лето 1929). – Б.м., б.г.
347. Красная армия и земельный коммунизм весной этого года // Вестник районного правления Общества русских офицеров генштаба в Югославии. – 1930. – № 70.
348. **Краснов П.Н.** “Соберитесь... разьясните... все ученье..!” // Русский Инвалид. – 1930. – № 4.
349. **Краснов П.Н.** Армия // Русский Колокол. – 1928. – № 3.
350. **Краснов П.Н.** Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. – Варшава, 1924.
351. **Краснов П.Н.** Две книги о великой войне // Новое время. – 1929. – 21, 22 ноября.
352. **Краснов П.Н.** Душа Армии. Очерки по военной психологии – Берлин, 1927.
353. **Краснов П.Н.** Идеальная бригада // Часовой. – 1930. – № 28. – С. 5-6.
354. **Краснов П.Н.** Казаки, их прошлое, настоящее и возможное будущее // Русский Колокол. – 1928. – № 4.
355. **Краснов П.Н.** Качество или количество? (Мысли о будущей войне) // Новое время. – 1928. – №№ 2278, 2279.
356. **Краснов П.Н.** Красная армия как она есть // Возрождение. – 1935. – №№ 3574, 3576, 3579, 3582, 3584, 3586, 3589, 3591.

357. **Краснов П.Н.** На внутреннем фронте /Архив Русской Революции. Т. I. – Берлин, 1921.
358. **Краснов П.Н.** Опасные методы ведения войны //Часовой. – 1936. – № 163.
359. **Краснов П.Н.** Сибирские казаки //Часовой. – 1934. – № 121.
360. **Краснов П.Н.** Традиции //Русский Инвалид. – 1930.
361. Красные маршалы //Вестник Общества Галлиполийцев. – 1936. – № 31.
362. **Крашенинников.** Бой под Цусимой 14 и 15 мая по ст. стилю 1905 г. //Время. – 1930. – № 247.
363. **Кремнев Н.** Малая война //Часовой. – 1956. – № 365.
364. **Критский М.** Истоки добровольчества и его сущность //Возрождение. – 1968. -Тетр. 193-197, 200-203...
365. **Критский М.** Красная Армия на Южном Фронте. 1918-1920. По документам и секретным приказам, захваченным в боях 1-м Корпусом Добровольческой Армии /Архив Русской Революции. Т. XVIII. – Берлин, 1926.
366. **Куракин А.М.** Вооруженные Силы Советского Союза //Часовой. – 1933. – № 110,11, 116-119, 123-126,141,142.
367. **Куц В.** Дух или материя? //Война и Мир. – 1924. – № 11.
368. **Лампе (фон) А.А.** Пути верных. Сборник статей. – Париж, 1960.
369. **Луговой Б.Н.** Артиллерийская газовая атака. – Белград, 1926.
370. **Лукин А.** Тайна расстрела кап. Щастного. К 20-летию кровавой расправы Троцкого с отважным моряком //Сегодня. – 1938. – № 174, 175, 189.
371. **Лукин А.** Флот. – Париж, 1934.
372. **Лукомский А.** Опыт войны как материал для подготовки войск //Военный Сборник. – 1923. – Кн. 4.
373. **Лукомский А.С.** Воспоминания. В 2-х т. – Берлин, 1922.
374. **Лукомский А.С.** Генерал-адъютант Михаил Иванович Драгомиров //Часовой. – 1930. – № 45.
375. **Лукомский А.С.** О мобилизации и несколько слов о подготовке к снабжению армии во время войны //Часовой. – 1934. – №№ 135-136;137-138;141-142.
376. **Мазур-Ляховский В.** К организации армии второй гражданской войны //Царский Вестник. – 1930.
377. **Майдель И.Н.** Необходимо спасти русские традиции //Артиллерийские чаи-беседы. Сборник статей. – Белград, 1930.
378. **Макаров Ю.** Моя служба в старой гвардии. 1905-1917 гг.. – Буэнос-Айрес, 1951.
379. **Мариушкин Ал.** Вероятная величина будущих армий //Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба... в Югославии. – 1931. – № 77.
380. **Мариушкин Ал.** О единстве действий //Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в Югославии. – 1930. – №№ 71,72.
381. **Мариушкин Ал.** Помни войну! Вопросы современной и будущей войны. – Новый сад, , 1927.

382. **Мариюшкин Ал.** Суворов // Императорский Штандарт. 1931. – № 5.
383. **Мариюшкин Ал.** Техника и дух народа // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 4.
384. **Мариюшкин Ал.** Трагедия русского офицерства. (Очерк). – Новый сад, 1923.
385. **Марков Н.Е.** Армия и “аполитичность” // Царский Вестник. – 1931. – № 202.
386. **Марков А.** Участие Руси в Крестовых Походах // Часовой. – 1954. – № 343.
387. **Марков Л.** Генерал В.О. Каппель // Часовой. – 1956. – № 367.
388. **Марковская артиллерийская бригада** // Часовой. – 1930. – № 30.
389. **Масловский Е.** Значение духовной сущности боя // Часовой. – 1932. – № 76.
390. **Махин Ф.** Военная мощь России // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник. Вып. II. - Париж, 1935.
391. **Махин Ф.** Стратегическая обстановка на Дальнем Востоке // Проблемы. Угроза войны. Защита страны. Сборник Вып. I. – Париж, 1934.
392. **Махров П.С.** Историческая памятка о Виленском военном училище. – Париж, 1959.
393. **Меркушов В.** Жестокий урок // Часовой. – 1930. – № 36.
394. **Месснер Е.** “Боевые слоны XX века” // Сегодня. 1938. – № 207.
395. **Месснер Е.** “Догоним и перегоним” средневековье // Сигнал. – 1938. – № 40.
396. **Месснер Е.** Армия и политика // Знамя России. – 1937. - № 3.
397. **Месснер Е.** Борьба двух идеологий на фронте от Китая до Гибралтара // Сегодня. – 1937. – № 298.
398. **Месснер Е.** Быт Красной Армии // Шанхайская Заря. – 1930. – № 1424.
399. **Месснер Е.** Вести из Красной Армии // Вестник Военных Знаний. – 1932. – № 3 (16).
400. **Месснер Е.** Военная авиация, которая не побеждает // Сегодня. – 1937. – № 15.
401. **Месснер Е.** Война между континентами // Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 6.
402. **Месснер Е.** Война прежде и теперь // Сегодня. – 1937. – № 330.
403. **Месснер Е.** Всемирная мятежевойна. – Буэнос-Айрес: издание Южно-Американского, 1971.
404. **Месснер Е.** Вспыхнет ли война между СССР и Японией // Армия и Флот. – 1934. – № 4.
405. **Месснер Е.** Вьетнамская загадка // Наши Вести. – 1968. – № 269.
406. **Месснер Е.** Горе — и побежденным и победителям // Сегодня. – 1931. – № 71.
407. **Месснер Е.** Декадентство в военном искусстве // Военный Сборник. – 1928. – Кн. 9.
408. **Месснер Е.** Итоги долгой кровавой борьбы в Испании // Сегодня. – 1938. – № 24.

409. **Месснер Е.** Качество или количество? //Военный Сборник. – 1930. – Кн. 11.
410. **Месснер Е.** Кровавый год //Русский Инвалид. – 1938. – № 111.
411. **Месснер Е.** Луцкий прорыв: К 50-летию Великой победы. – Нью-Йорк, 1968.
412. **Месснер Е.** Мысли о Генеральном Штабе //Военный Сборник. – 1925. – Кн. 7. 56.
413. **Месснер Е.** Не множеством побеждают //Вестник Военных Знаний. – 1929. – № 2.
414. **Месснер Е.** О стратегии гражданской войны //Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 8; 1931. № 2 (10).
415. **Месснер Е.** Офицерство и политика //Сигнал. – 1938. – № 25.
416. **Месснер Е.** Почему Бельгия меняет стратегию //Сегодня. – 1937. – № 92.
417. **Месснер Е.** Проклятие военной техники //Наши Вести. – 1969. – № 275.
418. **Месснер Е.** Современные офицеры. – Буэнос-Айрес, 1961.
419. **Месснер Е.** Ужасы грядущей войны //Время. – 1931. – № 497.
420. **Месснер Е.** Уличный бой //Вестник Военных Знаний. – 1931. – № 4 (12).
421. **Месснер Е.** Японская армия //Сегодня. – 1932. – № 35.
422. **Миллер Е.К.** “О Русской Армии” Доклад. //Вестник Русского Национального Комитета. – 1924. – № 10.
423. **Милоданович В.М.** Новый тип войны //Часовой. – 1967. – № 492.
424. **Митропольский.** Тактика Артиллерии. – Белград, 1939.
425. **Михеев Л.М.** Основания подготовки государства в инженерном отношении к войне. – Белград, 1937.
426. **Михеев Л.** Крепости в войнах нашего времени //Русский Голос. – 1940. – № 500.
427. **Молло Е.** Как заготавливались орденские знаки в России //Военная Быль. – 1960. – № 45.
428. **Молло Е.** Кокарда //Военная Быль. – 1962. – № 57. – С. 38-39.
429. **Молло Е.** Русские офицерские знаки. – Париж, 1965. – 24 с.
430. **Молло Е.** Учреждение орденов в Российском государстве //Военная Быль. – 1960. – № 44. – С. 14-15.
431. **Морозов В.** Военная доктрина Красной Армии //Вестник Общества Галлиполийцев. – 1935. – №№ 22, 23.
432. **Муратов П.** Завтрашняя война //Возрождение. – 1932. – № 2715.
433. **Муратов П.** Ответственность за войну //Возрождение. – 1932. – № 2600.
434. **Мустафин В.** Генерал от кавалерии А.В. Самсонов //Русский Инвалид. – 1931. – № 25.
435. **Назанский В.Н.** Крушение Великой России и Дома Романовых. – Париж, 1930.
436. **Никольский.** Проба на кровь. Часовой. – 1937. – № 186.
437. **Никольский Б.** Войны России //Русский Колокол. – 1928. – № 3.
438. **Никольский Б.** Конница в армии III рейха //Часовой. – 1935. – № 152-153.

439. **Новиков В.** Наш долг //Сигнал. – 1937. – № 15.
440. **Новиков В.** Армия //Сигнал. – 1937. – № 11.
441. **Новицкий Е.** Строевой пех. устав красной армии как ответ на вопрос о ее назначении //Часовой. – 1930. – № 23.
442. **Новицкий Е.** К 30-летию Общества Ревнителей Военных Знаний //Военный Сборник. – 1929. – Кн. 10.
443. **Новицкий Е.** Неизреченная красота подвига //Военный Сборник. – 1930. – Кн. 11.
444. **Новицкий Е.** О военной науке //Новое время. – 1928. – № 2226.
445. **Новицкий Е.** Пощечина //Русский Инвалид. – 1931. – № 13.
446. **Ножин С.** Офицеры-эмигранты и будущая Россия //Сигнал. – 1939. – № 55.
447. **Носков А.А.** Интервенция //Смена вех. – 1921. – № 3.
448. **Носков А.А.** Командный состав Красной Армии //Смена вех. – 1921. – № 2.
449. **Носков А.А.** Красная Армия //Смена вех. – 1921. – № 1.
450. **Носков А.А.** Французская “большая” тактика //Война и Мир. – 1922, 1923. – №№ 4-9.
451. **Обручев А.** Граф Д.А. Милютин, П.С. Ванновский и Н.Н. Обручев на службе у четырех императоров //Военно-исторический Вестник. – 1959. – № 13.
452. **Олсуфьев Д.** Фельдмаршал гр. Милютин. 1816-1912 г.г. (К 20-летию его кончины) //Возрождение. – 1932. – № 2499.
453. **Ольховик К.** Боеспособность японской армии //Меч. – 1935. – № 13.
454. **Ольховик К.** Что дали последние маневры //Меч. – 1935. – № 43.
455. **Ольховский П.** Воинское воспитание //Военный Сборник. – 1925. – Кн. 7. 1926. – Кн. 8; 1928. – Кн. 9.
456. **Ольховский П.** Значение упорства в бою //Часовой. – 1932. – № 71.
457. **Ольховский П.** Николай Николаевич Обручев //Русский Инвалид. – 1930. – № 11.
458. **Орехов В.** Реформа в Красной Армии //Часовой. – 1935. – № 156-157.
459. **Орлов Г.** Генерал Клаузевиц и ген. Жомини //Часовой. – 1954. – №№ 341, 342, 343, 344, 346, 347.
460. **Осипов А.** Первая дивизия Р.О.А. (Краткий исторический очерк) //Часовой. – 1947. – № 278; 1948 – № 282.
461. **Осипов А.** Армия и Религия //Часовой. – 1964. – № 465.
462. **Осипов А.** Артиллерия во вторую мировую войну //Часовой. – 1952. № 315.
463. **Осипов А.** Первая дивизия Р.О.А (Краткий исторический очерк) //Часовой. – 1947. – № 278; 1948. – № 282.
464. **Осипов А.** Русское освободительное движение во вторую мировую войну //Часовой. – 1948. – №№ 275, 276.
465. Основы Русского Военного Искусства //Часовой. – 1963. №№ 439-440.
466. **Павлов Б.** Кадеты в белом движении //Кадетская переключка. – 1976. – № 16.

467. **Парфенов П.С.** Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. – Харбин, 1921.
468. **Патронов И.** Старая и новая дисциплина //Военный Сборник. – 1922. – Кн. 2.
469. **Пашков П.** Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов //Военная Быль. – 1961. – №№ 49, 50.
470. **Передельский А.** Мысли военного врача об устройстве санитарной части в будущей Российской армии //Военный Сборник. – 1926. – Кн. 8.
471. **Персиянов Д.** Ошибки белой борьбы //Сигнал. – 1938. – № 40.
472. **Петров П.П.** Красная Армия //Голос России. – 1931. – №№ 1, 2, 3.
473. **Петров П.П.** От Волги до Тихого океана в рядах белых. – Рига, 1930.
474. Писатель. Армия. – Белград, 1924.
475. **Подушкин К.** О Скобелеве //Наши Вести. – 1968. – № 264.
476. **Подушкин К.** Военная наука указывает путь //Сигнал. – 1938. – № 25.
477. **Позднышев С.** Брусиловское наступление //Часовой. 1947. – № 278.
478. **Полянский В.** Основной порок Красной Армии //Часовой. – 1930. – № 27.
479. **Попов А.** Понятие о воинской дисциплине //Военный Сборник. – 1924. – Кн. 5.
480. **Попов К.** Воспоминания кавказского гренадера 1914-1920 гг. – Белград, 1925.
481. **Попов Н.А.** Русская национальная идея и роль русского офицера //Часовой. – 1934. – № 27.
482. Проблема разоружения //Часовой. – 1957. – № 376.
483. **Пронин В.М.** Генерал Лавр Георгиевич Корнилов //Военный Сборник. – 1921. – Кн. 1.
484. **Пронин В.М.** Из эпохи великого развала Российской Армии (1917 г.). Митинг ген. Брусилова //Военный Сборник. – 1921. – Кн. I.
485. **Пронин В.М.** Красная Армия. Изучение политической обстановки //Русский Голос. – 1931. – № 8.
486. **Пронин В.М.** Последние дни Царской Ставки. – Белград, 1929.
487. **Пучковский В.** Армия и политика //Отечество. – 1926. – № 7.
488. **Пятницкий Н.** Устройство войск Красной Армии и ее доктрина. – Париж, 1933.
489. **Пятницкий Н.В.** XX лет. Мысли к двадцатой годовщине белого движения //Сигнал. – 1937. – № 20.
490. **Пятницкий Н.В.** Балтийский плацдарм //Сигнал. – 1938. – № 59.
491. **Пятницкий Н.В.** Военная организация государственной обороны СССР. Лекции. – Париж, 1932.
492. **Пятницкий Н.В.** Воздушная стратегия //Сигнал. – 1937. – № 9.
493. **Пятницкий Н.В.** Каледенский выстрел //Парижский Вестник. – 1944. – № 86.
494. **Пятницкий Н.В.** Календарь первого месяца войны 1914 г. //Сигнал. – 1939. – № 60.
495. **Пятницкий Н.В.** Корниловский ударный полк //Сигнал. – 1937. – № 15.

496. **Пятницкий Н.В.** Красная армия СССР. Выпуск I. Красная армия и коммунистическая партия. (Политическое устройство армии). – Париж, 1931.
497. **Пятницкий Н.В.** Красные командиры //Часовой. – 1931. – № 56.
498. **Пятницкий Н.В.** Маршал Тухачевский //Сигнал. – 1937. – № 11.
499. **Пятницкий Н.В.** Проблема Царицына. Стратегический очерк //Сигнал. – 1939. – № 57.
500. **Пятницкий Н.В.** Что нужно изучать офицеру //Сигнал. – 1939. – № 50.
501. **Рихтер В.** Русская военная мадалистика //Военная Быль. – 1954. – №№ 9-11; 1955. – №№ 12-14.
502. **Рклицкий Н.** Наш генеральный штаб //Царский Вестник. – 1931. – № 51.
503. **Рклицкий Н.** Русская Армия //Русский Военный Вестник. – 1928. – № 143.
504. **Розеншильд фон-Паулин А.** Будущей русской пехоте //Военный Сборник. – 1925. – Кн. 7.
505. **Розеншильд фон-Паулин А.** Спорт как связь армии с народом //Военный Сборник. – 1923. – Кн. 4.
506. Руководство для унтер-офицеров. – Париж, 1931.
507. **Русин А.** Восстановление Русского Флота им. Николаем II //Русский Инвалид. – 1934. – №№ 65, 66.
508. **Русин А.** Императорский Российский Флот в Великую войну //Часовой. – 1935. – № 148-149.
509. Русская армия в изгнании. 1920-1923 г. – Новый сад, б.г.
510. Русские в Галлиполи. Сборник статей, посвященный пребыванию I Армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. – Берлин, 1923.
511. **С-в А.** Война ракетами //Часовой. – 1957. - № 383.
512. **Сагацкий И.** Генерал Барон Жомини //Военная быль. – 1966. – № 78.
513. **Санградский Б.Н.** Вооруженные силы и политика //Сигнал. – 1939. – № 49.
514. **Свечин М.А.** Записки старого генерала о былом. – Ницца, 1964.
515. **Свечин М.А.** Из воспоминаний старого кирасира Ее Величества //Часовой. – 1954. – № 342.
516. **Свидерский В.** На распутии //Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 1 (17).
517. **Свидерский В.** Не следует увлекаться. (О “малых” армиях) //Царский Вестник. – 1931.
518. Сводка сведений об армиях пограничных с Россией государств. – Белград, 1924.
519. **Семенов Г.** О себе. Воспоминания, мысли, выводы. – Харбин, 1938.
520. **Сербин Ю.** Военная доктрина //Часовой. – 1953. – №№ 335, 336.
521. **Сербин Ю.** Паника //Часовой. – 1959. – № 399.
522. **Сербинович К.И.** Тактика Красной армии //Армия и Флот. – 1932. – № 7, 8.
523. **Сергеевский. Б.** История военного искусства. – Белград, 1933.
524. **Сигарев В.** Воинская дисциплина //Русский Инвалид. – 1935. – №№ 81,82,83,84; 1936. – №№ 88,92,93,94.

525. **Симанский П.** Конец ген. Н.В. Рузского // За свободу. – 1927. – Литературное приложение к №№ 202, 208.
526. **Симанский П.** Летние маневры // За свободу. 1927. – № 214.
527. **Симанский П.** О красной армии // За свободу. – 1927. № 210.
528. **Симанский П.** Осуществимо ли разоружение? // Сегодня. – 1932. – № 24.
529. **Симанский П.** Паника в войсках // Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 1 (17), 2 (18); 1934. – №№ 1 (21), 2 (22); 1935. – № 1 (23).
530. **Симанский П.Н.** М.В. Алексеев (К десятилетию его кончины) // За свободу. 1928. – №№ 231, 232.
531. **Симанский П.Н.** Мемуары А.А. Брусилова // За Свободу. – 1927. – №№ 183, 184.
532. **Синеоков В.** Казачество // Русский Инвалид. – 1931. – №№ 18, 21, 25.
533. **Синеоков В.** Казачество и его государственное значение. – Париж, 1928.
534. **Смирнов.** Русский Легион (2 января 1818 г. – 2 января 1938 г.) // Часовой. – 1938. – № 205.
535. **Смирнов М.И.** Краткий очерк влияния морской силы на историю Государства Российского // Морской Журнал. – 1936. – № 100.
536. **Смирнов М.И.** Российский флот во время великой войны // Часовой. – 1939. – № 240-241.
537. **Соболев А.** “Краскомы и борьба с коммунизмом” // Часовой. – 1934. – №№ 118-119.
538. **Соболев А.** Военная доктрина Красной Армии // Часовой. – 1932. – №№ 73, 74.
539. **Соболев А.** Войны, которые будут вести “Советы” // Часовой. – 1932. – № 71. С. 2-6.
540. **Соболев А.** Красный флот настоящего дня // Часовой. – 1931. – №№ 48, 50, 52, 54, 55, 57.
541. **Соболев А.** Через пятнадцать лет. Мысли и понятия в Красной Армии // Часовой. – 1933. – № 103-104.
542. **Солодков Н.** Значение военно-морского флота как сдерживающего начала в атомной игре противников // Часовой. – 1958. – № 384.
543. **Солодков Н.** Идеи крейсерской войны на фоне русского судостроения // Часовой. – 1958. – № 380.
544. **Солодков Н.** О неизменности основных принципов военно-морской идеологии // Часовой. – 1961. – № 424.
545. **Солодков Н.** Психологическая война // Часовой. – 1956. – № 367.
546. **Спиридонов А. Кандауров Д., Сербин Ю.** Партизанская война на Балканах. 1941-1945 // Часовой. – 1950. – №№ 298, 299, 302, 306.
547. **Стогов Н.Н.** Генеральный штаб // Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
548. **Стогов Н.Н.** Парагвай и русские офицеры // Часовой. – 1936. – № № 174, 176.
549. **Субботин В.Ф.** Об аполитичности военных // Отечество. – 1926. – № 15.
550. Сумерки “фулеризма” // Сигнал. – 1939. – № 47.

551. **Тараканов**. Служба Генерального Штаба. Лекции, – Белград, 1933.
552. **Тараканов**. Тактика бронетанковых войск. – Белград, 1933.
553. **Тарусский Е.** Боевая пропаганда //Часовой. – 1933. – № 100. – С. 11.
554. **Терещенко С.** Возникновение и развитие Германской подводной войны //Русский Инвалид. – 1930. – № 11.
555. **Терещенко С.** Гений Русского Флота. Адмирал Сенявин и его значение в Русском флоте //Часовой. – 1936. – №№ 167-168,173,176,178,182,184.
556. **Терещенко С.** Задачи Краснознаменного Балтийского флота в войне за III Интернационал //Часовой. – 1933. – № 105.
557. **Терещенко С.** История Германского флота //Время. – 1930. – № 250.
558. **Терещенко С.** Россия и Тихий океан //Часовой. – 1932. – № 76.
559. **Тимирев**. Памяти А.В.Колчака //Время. – 1930. – № 155.
560. **Титов М.С.** Душа армии //Сигнал. – 1938. – № 37.
561. **Титов М.С.** Русский Генеральный штаб и корпус военных инженеров перед Мировой войной 1914-1918 г.г. //Военный журналист. – 1940. №?
562. **Тряпкин Б.В.** “Дроздовцы” //Сигнал. – 1939. – № 52.
563. **Тряпкин Б.В.** Г.г. Офицеры //Сигнал. – 1939. – № 50.
564. **Туркул А.В.** Армия и политика //Сигнал. – 1937. – № 5.
565. **Туркул А.В.** Задачи зарубежного офицерства //Сигнал. – 1939. – № 58.
566. **Филатьев Д.В.** Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. – Париж, 1985.
567. **Филимонов Б.Б.** Белоповстанцы. Кн. 1,2. – Шанхай, 1932-1933.
568. **Филимонов Б.Б.** На путях к Уралу. – Шанхай. 1934.
569. **Филиппов Н.** Из далекого прошлого Русского Инвалида //Русский Инвалид. – 1939. – № 131-132.
570. **Флуг В.** Душа Армии //Русский Военный Вестник. – 1928. – № 129.
571. **Флуг В.** Еще по поводу подбора командного состава //Царский Вестник. – 1928. – №№ 7,8.
572. **Флуг В.** О высшем командном составе //Русский Военный Вестник. – 1927. – № 110, 112-114.
573. **Флуг В.** О подборе командного состава армии //Русский Военный Вестник. – 1928. – № 154-155.
574. **Флуг В.** Путь к победе //Царский Вестник. – 1928. – № 4. – С. 2-3.
575. **Хвольсон К.В.** Основные идеи организации западноевропейских армий //Армия и Флот. – 1939. – № 8-9.
576. **Хитров Д.** Артиллерия в Великую войну //Русский Инвалид. – 1939. – № 136-137.
577. **Хитров Д.** О командном составе //Царский Вестник. – 1928. – №№ 14,17.
578. **Хитров Д.** Теория и жизнь //Царский Вестник. – 1930. – №№ 93, 94, 95.
579. **Хольмстон-Смысловский Б.** Избранные статьи и речи. – Буэнос-Айрес, 1953.
580. **Хольмстон Б.** Война и политика. – Нью-Йорк, 1957.
581. **Цешковский.** Русский офицер //Сигнал. – 1938. – № 22.

582. **Черемисинов В.** К 100-летию со дня рождения генерал-адъютанта Н.Н.Обручева //Царский Вестник. – 1930. – № 116.
583. **Черепов В.** Русский Корпус //Часовой. – 1954. – №№ 338, 339.
584. **Черепов В.** Русский Корпус в Югославии. Военно-училищные курсы //Часовой. 1955. – № 361.
585. **Чернавин В.** 25-летие кануна Великой войны. Как в 1913 году началась подготовка к великой войне //Сегодня. – 1938. – № 139.
586. **Чернавин В.** К вопросу об офицерском составе старой русской армии к концу ее существования //Военный Сборник. – 1924. – Кн. 5. – С. 213-230.
587. **Чернавин В.** Как ген. Людендорф спас в Восточной Пруссии новую русскую армию //Сегодня. 1938. – № 11.
588. **Чернавин В.** Раскрытие германского плана войны Русским Генеральным Штабом //Меч. – 1938. – №№ 5,6.
589. **Чернавин В.** Русская военная мысль на распутье. Французская, немецкая и национальная доктрины //Новое русское слово. – 1937. – 19, 20 ноября.
590. **Чернавин В.** Южная Африка в системе обороны Британской империи //Меч. – 1938. – № 20.
591. Чугуевцы. Исторически-бытовой сборник объединения Чугуевского военного училища. Кн. 2. – Новый Сад, 1939.
592. **Шавельский Г.** Воспоминания последнего Протопресвитера Русской Армии и Флота. В 2-х томах. – Нью-Йорк, 1954.
593. **Шавров А.В.** Бронепоезда. Значение, организация и тактика бронепоездов. – Белград, 1927.
594. **Шавров А.В.** Полковая артиллерия. Значение, организация и тактика полковой артиллерии. – Белград, 1924.
595. **Шавров А.В.** События на Дальнем Востоке и их мировое значение. – Белград, 1932.
596. **Шатилов П.** История конницы – история ее начальников //Русский Инвалид. – 1939. – №№ 136-137.
597. **Шатилов П.** Расселение армии по Балканским станам //Военно-Исторический Вестник. – 1971. – №№ 38, 39, 40, 41.
598. **Шварц А.В.** Ивангород в 1914-1915 гг. – Париж, 1969.
599. **Шелль Ев.** Политическое воспитание армии //Военный журнал. – 1940. – № 8.
600. Шес. 6-я Л.-Гв. Донская казачья Его Величества Батарея Л.-Г. Конной Артиллерии (к столетнему юбилею) //Часовой. – 1930. – № 28.
601. **Шильдкнехт Е.** Что офицер армии должен знать о флоте //Русский Инвалид. – 1930. – №№ 5,6,8.
602. **Шишко С.** Современные и грядущие способы войны и последствия будущих войн для мировой цивилизации //Царский Вестник. – 1934. – №№ 424,425,426,427,428.
603. **Шкинский.** Императорская Николаевская Военная Академии. //Военная Быль. – 1972. – № 114.
604. **Штейфон Б.А.** Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Баиов и его творчество. – Таллинн, 1937.

605. **Штейфон Б.А.** Военные заметки. Профессор и воин //Новое время. – 1928. – № 2254.
606. **Штейфон Б.А.** Военные заметки. Ценность опыта гражданской войны //Новое время. – 1929. – №№ 2464, 2451.
607. **Штейфон Б.А.** Воин-Христов //Военный журналист. – 1940. – №№ 16,17.
608. **Штейфон Б.А.** Вооруженный народ //Вестник Военных Знаний. – 1930. – № 7.
609. **Штейфон Б.А.** Галлиполи – Р.О.В.С. //Часовой. – 1937. – № 202-203.
610. **Штейфон Б.А.** Кризис Добровольчества. – Белград, 1928.
611. **Штейфон Б.А.** Крушение крепостной доктрины. (По опыту войн XX столетия) //Военный журналист. – 1940. – № 23.
612. **Штейфон Б.А.** Национальная военная доктрина //Вестник Военных Знаний. – 1933. – № 4 (20).
613. **Штейфон Б.А.** О военной доктрине //Военный журналист. – 1940. – №№ 18, 19.
614. **Штейфон Б.А.** О малых армиях //Царский Вестник. – 1931. – №№ 160, 163.
615. **Штейфон Б.А.** Оперативное искусство гражданской войны //Вестник Военных Знаний. – 1931. – № 4 (12).
616. **Штейфон Б.А.** Очередные задания //Новое время. – 1928. – № 2234.
617. **Штейфон Б.А.** Скобелев //Вестник Военных Знаний. – 1932. – № 3 (16).
618. **Штейфон Б.А.** Старший германский командный состав //Военный журналист. – 1940. – № 22.
619. **Штейфон Б.А.** Шесть недель. Военно-философский очерк //Военный журналист. – 1940. – № 20.
620. **Штейфон Б.А.** Эволюция регуляторства. (Исторические параллели) //Военный журналист. – 1940. – №№ 25,26.
621. **Штейфон Б.А.** Взятие Чугуева добровольцами в 1919 г “Чугуевцы” – Новый Сад, 1939.
622. **Штейфон Б.А.** Власть заблуждений //Новое время. – 1928. – № 2036.
623. **Штейфон Б.А.** Военный рационализм //Вестник Военных Знаний. – 1929. – № 1.
624. **Штейфон Б.А.** Возрождение военных идеалов //Часовой. – 1941. – № 255.
625. **Штейфон Б.А.** Отживающая идея //Русский Колокол. – 1930. – № 9.
626. **Штейфон Б.А.** Психология гражданской войны //Царский Вестник. – 1930. – № 123.
627. **Шуберский.** Современные основы народной мощи //Осведомитель. – 1938. – № 5.
628. **Шуберский А.Н.** К 25-летию со дня основания высших военнаучных курсов профессора генерала Головина в Белграде. – Ментона, 1955.
629. **Шумский К.** Будущая война //Новая Заря. – 1934. - 22 марта.

630. **Шумский К.** Военные заводы Советской России // Возрождение. – 1927. – № 847.
631. **Шумский К.** Главнокомандующие фиктивные и истинные // Сегодня. – 1937. – № 46.
632. **Шумский К.** Гражданская война в Испании — пробный камень новейших военно-технических средств // Сегодня. – 1937. – № 145.
633. **Шумский К.** Новые секретные средства войны // Сегодня. – 1938. – № 12.
634. **Шумский К.** Опыт испанской войны меняет академические военные планы. // Сегодня. – 1937. – № 138.
635. **Шумский К.** Проблема разоружения // Возрождение. – 1927. – № 923.
636. **Шумский К.** Русская революция и французская армия // Возрождение. – 1927. – № 907.
637. **Щеглов.** К деятельности Корниловского ударного полка. 1917-1927. // Возрождение. – 1927. – № 824.
638. Эволюция танковых доктрин // Часовой. – 1937. – № 201.
639. **Эльснер.** Советско-финская война // Информация Юго-восточного Отдела Объединения Русских Воинских Союзов. – 1940. – № 3.
640. **Юзефович А.М.** Оборона Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904-1905 г.г. // Военная Быль. – 1965. – № 71.
641. **Ярославцев М.** В рядах Северо-западной армии // Время. – 1930. – №№ 166, 167.
642. **Яхонтов В.А.** Русское офицерство в связи с развитием русской общественности. – Нью-Йорк, 1919.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ БУДУЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

По опыту и взглядам русской эмиграции

Будущее российского государственного устройства должно быть живым и верным выводом из русской истории. (И. Ильин)

Будущая Российская армия несомненно должна использовать все хорошее и светлое из нашего Великого Прошлого... Только при соблюдении этого условия она достигнет уровня действительно мощной вооруженной силы. Душа армии выковывается на протяжении веков. (Н. Головин)

Будущая Россия будет создана армией и флотом, одухотворенными одной мыслью: «Родина — это все».

(П. Врангель)

Спасем армию — спасем будущее! (А. Будберг)

В их сердцах жила Россия. Всю свою жизнь (до гибели в бою или до смерти на чужбине) они стремились освободить Родину — духовно и физически — от большевизма. Обстоятельства были против них. Они были одни и жили надеждой на Армию. Но и один в поле воин. Воины — рыцари белой идеи работали на будущую национальную историческую Россию. Россию, надежно защищенную от всяких «измов», а также внешних и внутренних хищников, всегда готовых напасть на нее в минуты слабости. Будущим поколениям они и постарались передать знамя своей духовной победы, уникальную военную мысль, горение духа, преемственность, заветы, белое дело...

Главный урок, который был извлечен из неравной вооруженной борьбы, из истории, из скитаний на чужбине: Россия и впредь будет держаться своей армией; будущую российскую вооруженную силу, возможно, придется строить заново и обязательно на верных (исторических) основаниях, с расчетом на грядущие войны, без упований на вечный мир, «вооруженный народ», традиционное русское «авось» и «небось».

Наученные горьким опытом разложения Императорской Российской армии в 1917 году они смогли определить процесс будущего военного строительства как самостоятельную творческую работу, в которой главное внимание уделялось бы историческому (органическому) развитию военной системы, укреплению и воспитанию духовного характера народа и армии, созданию совершенной военной организации. Только настоящая (качественная) армия спасет Россию, обеспечит ее будущее. Ни Императорская армия, ни Белые армии, ни Красная армия, ни Советские Вооруженные Силы не обладали совершенным качеством и, соответственно, не смогли решить эту задачу. Впредь положение должно измениться.

Стремление к совершенному качеству

Самой страшной военной опасностью, постоянно ставящей Россию на грань гибели, является плохая армия. Как только российская армия слабеет, разлагается, сразу же появляются внешние или внутренние агрессоры-поработители-экспериментаторы. Поэтому, чтобы выжить, нашему Отечеству требуется «прибыльная» вооруженная сила, «победительное войско», «настоящая армия», армия безусловно хорошая и даже — несмотря ни на что — высшего типа. Эту истину усвоили уже и первые киевские князья, создавшие уникальную дружинно-ополченческую силу, и цари московского государства, при милиционной системе опиравшиеся на правильное военное дело, регулярное войско, полки «иноземного строя». Она стала ведущим мотивом петровской военной реформы, приведшей к появлению в России национальной профессиональной армии, расцвету русского полководчества. Забытая в XIX веке, эта истина вновь открылась после горького опыта русско-японской и мировой войн, в победах и поражениях белого движения...

Спасение в качестве — в «совершенном качестве» (И. Ильин). При всех внутренних проблемах армия — всегда отбор лучших (дружина), самый качественный институт общества, причем такой, чтобы «одна мысль о существовании Армии не допускала в душах и желания беспорядков»¹. На международной арене российская армия должна иметь авторитет лучшей в мире — для обеспечения мирной собственной жизни, для выживания, не для отстаивания каких-то глобальных завоевательных, а тем более чуждых интересов. В самообороне Россия как и прежде может по-настоящему полагаться только на своих кровных военных союзников: армию, флот, казачество. при правильной постановке вопроса все это — не только насущные, но и вполне достижимые цели.

А. Керсновский

Со времен Тридцатилетней войны первой армией в мире была созданная Густавом Адольфом шведская армия. Она сокрушала цесарские рати и польские ополчения. Но наступил день — день Полтавы, — когда ее знамена склонились перед другой армией — юной армией Петра, одетой по-иноземному, но мыслившей по-русски и дрававшейся по-русски. Европа стала считать своей «лучшей армией» автомат Фридриха II. Победы этой армии-машины над армиями Франции и Австрии создали ей репутацию непобедимой. И вот это непобедимое дотоле войско встретилось на полях Бранденбурга с другим войском. Встретилось — и перестало существовать... Та, сокрушившая пруссаков Фридриха сила была Русской Армией дочери Петра — армией Румянцева и Салтыкова, думавшей по-русски и по-русски дравшейся.

Сменилось еще одно поколение — и мир потрясли победы армии Французской республики. В ста сражениях разгромили Европу синие ее полубригады, но на полях Италии сами были сокрушены чудобогатырями Суворова — самым русским войском, которое когда-либо имела Россия.

Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание «первой в мире», как всякий раз на своем победном пути она встречала неунывающие русские полки и становилась «второй

в мире». Вот основной вывод нашей военной истории. Так было и так будет.²

Армия высшего качества для России — не роскошь, а жизненная необходимость. Без нее — гибель, рабство, колонизация, второсортность, позор и унижение. Сложная и трагическая история обусловила существование России как военной державы. Постоянная потребность защиты Отечества от внешних и внутренних врагов выработала особое отношение к Армии, предъявила высокие требования к национальной военной организации. От состояния армии, даже простого факта ее сохранения в повиновении, боеготовности нередко зависело решение вопроса о жизни и смерти российского государства (смутные времена XVII и XX веков). Отсюда — стремление воспринимать Армию с большой буквы, а не как простое орудие государства, его обычный институт или средство вооруженной борьбы. Видеть в ней прежде всего жизненную основу существования России на все времена: «победительное российское войско» (А. Суворов), «центральную цитадель нации» (М. Меншиков), «рыцарский орден» (П. Краснов), «христолюбивое воинство» (И. Ильин), «могущественное орудие государственного самосохранения» (А. Деникин), «великое священное братство» (Н. Епанчин) и т.д. Она — последняя надежда на спасение. И не только в смысле вооруженной защиты России, но и как монастырь, в котором выковывается и закаляется русский национальный характер, без чего не выдержать грядущих испытаний.

И. Ильин

Русская армия искони была школой русской патриотической верности, русской чести и стойкости. Самое воинское звание и дело заставляют человека выпрямить хребет своей души, собрать свою распущенную особу, овладеть собою и сосредоточить свою выносливость и мужественность. Все это элементарные предпосылки характера. Армия невозможна без *дисциплины и усердия*. Армия требует воинского качества. Она гасит в душах лень и похоть раздора. Она приковывает волю к воинской чести, чувство единства и солидарности — к своей воинской *части*, сердце к *родине*. Это есть школа характера и государственно-патриотического служения.

В будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя своей армии, как это было перед революцией. <...> «Мы» — русский народ; и в нем — наше особое, почетно-ответственное, знаменосно-собранное «мы», *наша армия*: наша честь, наша надежда, наша сила, основа нашего национального существования. Кость от нашей кости и кровь от нашей крови. Она состоит из нас; мы все в нее вливаемся; ее интерес — наш интерес; ее победа — наша победа; ее разложение — наша гибель. Она — предстательница нашего национального рыцарства; крепостная стена нашей национальной свободы. Принадлежность к ней — не «воинская повинность», а почетное право. <...>

Русский народ будет искать после революции радостного, искреннего единения со своей армией; и он будет прав в этом, созидая ее с любовью и честью, и участь у нее служению, жертвенности и характеру³.

Армия высшего качества — это войско, которое, опираясь на народ, способно надежно защищать Россию от всяких врагов, одерживать над ними победы, самопочинно служить отечеству даже в условиях развала государственности. Это — русская профессиональная армия XVIII века. Это — белые добровольческие армии. Это — народные армии в отечественных войнах России. Такие — самые надежные, с точки зрения интересов России. Поэтому для русской армии дух, воспитание, традиции, верность, искусство — первичны, материя, обучение, наука — вторичны. Если в военном организме отсутствует «душа армии» — нет высшего качества, нет героизма, служения, нет победы. Воинская повинность должна переживаться «как честь, как право, как доблестное служение»⁴. Воспитание в духовности, личная духовность — основной источник военного искусства, создания качественной армии: «Она (личная духовность. – А.С.) нашла себе особое выражение в русской армии, где военная организация и личная доблесть шли рука об руку; где Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности, где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам»⁵.

И. Ильин

Когда будущие историки России захотят понять и осветить сущность белого движения, *белой борьбы и белой идеи*, — они должны будут усвоить себе то основное духовное побуждение, которое владело и двигало белыми сердцами. Это побуждение было — *любовь к национальной России*, живое могучее чувство ответственности за все то, что в ней совершается и *чувство собственного достоинства*, чувство чести, увлеченное людей в борьбу на жизнь и на смерть. Это были три главных источника, которым и в будущем суждено строить новую Россию, питая ее новое правосознание и созидая ее духовную культуру⁶.

Представители белой эмиграции полагали, что в эпоху необычайного развития военной техники, роста численности вооруженных сил, армии особенно важно быть живым средоточием волевой дисциплины, не только обучать, но отбирать и воспитывать солдат. **П. Краснов**, например, считал: армия как вооруженная толпа, невоспитанная заранее, в пору войны может дрогнуть перед врагом и чем лучше она будет владеть своим оружием, тем опаснее она станет для самого государства. К этому добавятся возможность внутренних беспорядков и стремление противника разложить моральный дух населения и армии, создать «пораженческую психологию». Воспитанная армия не допустит этого. Она будет иметь здоровый вид. Чем она воспитаннее, тем сдержаннее станет язык ее соседей, скромнее их притязания. Такая армия не побежит от неприятеля и не пойдет на военный мятеж. И вообще: «как же высоко должно быть *воспитание* Армии, из каких *рыцарственных* элементов она должна состоять — для того, чтобы *иметь право* переступить через кровь; для того чтобы *быть готовой отдать все*, — покой и уют, семейное счастье, силы и самую жизнь — во имя Родины, во имя спасения и блага»⁷.

В связи с этим, моральному отделу в будущей национальной военной доктрине, полагал **П. Залесский**, «должно быть представлено главное место, ибо воспитание войск и народа важнее для войны, чем обучение и материальная подготовка: можно знать все и быть хорошо снаряженным и — не хотеть жертвовать собою, и даже не хотеть подвергать себя лишениям и тягостям, всегда сопряженным с добросовестным исполнением обязанностей на войне. А потому, обучая и живя, надо пользоваться каждой минутой для воспитания войск в духе добросовестности, смелости и преданности интересам общего дела»⁸.

Особое внимание воспитанию армии уделяется потому, что от нее зависит судьба России. Армия обеспечивает ей защиту от внешних и внутренних врагов, охраняет национальные границы, сохраняет территориальную целостность, оберегает честь и достоинство, предохраняет от позора и унижений. Необходимо помнить о главном:

Н. Колесников

Люди ассигнуют миллионы фунтов стерлингов, долларов, франков; строят пушки, стреляющие на 25 километров, подводные крейсера, армию воздушного флота, танки, представляющие собою крепости. Но они забывают ассигновать на самое главное — на воспитание души тех, кто стоит у этих пушек, кто водит подводные лодки, кто скрыт за броневыми плитами танков и кто без этого воспитания повернет против них и танки, и пушки, и всю силу оружия⁹.

Армия высшего качества не возникает сама по себе. Требуются героические сверхличностные и личностные усилия, борьба на измор до победы, волевая дисциплина, служение (работа духа), но главное — способность учиться на поражениях, неудачах, унижениях. Оказавшись в изгнании, русские офицеры сумели мужественно посмотреть правде в глаза, не поддались мифотворчеству, остались на почве горького, но реального исторического факта: и моральная победа белых, и физическая победа красных, все революционное военное строительство, противоборство 1917–1921 годов означали лишь общее поражение России, разрушение ее государственности и души. В неравной борьбе с большевистскими «полчищами», выросшими на милютинской «демократической» системе вооруженного народа и керенской «революционной» и «самой свободной армии в мире», в бесконечном изгнании отчетливо проявилась горькая мысль: XX век — это только закономерная расплата за легкомысленное, несерьезное отношение к войнам, военному делу, военному искусству, армии.

П. Залесский

Армия непрерывно поглощает колоссальные средства, и все же постоянная хроническая «неготовность» тяготеет над нею. Еще в XVIII веке она кое-как преуспевает, выдвигая и таких военных людей, как Суворов, Румянцев, Багратион, Кутузов (дней Суворова, а не 1812 г.). Но XIX-й век в общем является *почти* сплошным поражением русского оружия!¹⁰

Вечным символом анти-армии останутся полчища 1917 года, избитые офицерами солдатами и матросами, комиссары и комитеты, «Декларация прав солдата», стремление опереться в борьбе на иностранные части: польские, чешские, английские, французские, сербские, греческие, эстонские, финляндские, японские и даже германские, — как более надежные, дисциплинированные и организованные, чем русские, в тот период. В критических ситуациях русским генералам, а потом и белым вождям, не хватало не снаряжения и оружия, не численности войск, а военной иностранной помощи! Как гордился генерал Врангель тем, что организованно и с честью вывел на чужбину Русскую армию, а затем на протяжении нескольких лет сохранял ее костяк в дисциплинированном, боеспособном виде! Но для России такие войска нужны были в 1917, а не в 1922 году.

*Пройдут года, и будет поздно!
На сроках есть своя печать¹¹.*

Разрабатывая основы будущей вооруженной силы, разве можно забыть, что желание поддержать Николая II — законного Государя — в момент его трагически-вынужденного отречения из всей 8-миллионной императорской (!) армии открыто высказали только два человека: командиры кавалерийских корпусов граф Келлер и хан Нахичеванский, что зимний дворец, а вместе с ним и законное временное правительство, защищали в октябре 1917 года «женщины-ударницы» и юнкера, что Московский кремль обороняли те же юнкера-мальчишки, что последним верным войском самого Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского (на очень короткое время) оказался отряд казаков во главе с «царским генералом» П. Красновым, всего в 700 сабель, принимавший ранее участие в выступлении Корнилова.

И совсем горькая истина, заставляющая серьезно задуматься. Мечтая на протяжении многих веков о «проливах и Константинополе», стремясь овладеть ими, русская армия в конечном итоге оказалась на турецкой земле, но в изгнании, причем ей было отказано даже в роли «сторожевого пса» (в несении охранной службы в районе проливов).

В. Сидоров

Очень нелишне поразмышлять над этой поразительной старороссийской, самодержавно-романовской, цензово-императорской закостенелой цельностью. Всего лишь осколок старой России доплыл до Босфора, но в этом осколке — вся она, как была. Ничему не научилась за три года кровавой междоусобицы — закармливает, запаивает своих погубителей и голодит голодом своих защитников. И где, где дни свои заканчивает! Это даже не ирония судьбы — это злая насмешка. Босфор, проливы, Константинополь — вековечная греза, цель, амбиция всех российских империалистов, от славянофилов и кадетов до «царст-вующих особ» и черносотенцев. Вы желали Царьград? Натя Царьград!

911–1920. От Олега, прибавившего свой червлёный щит на здешние ворота, — до Врангеля, не взятого в сторожа к тем же воротам¹².

Р. Гуль

Бедный старичок! Он сидит в Константинополе чистильщиком сапог. И не верит, что когда-нибудь его впустят в Россию. <...> Трудно чистить чужие сапоги. Генералу Тынову у проливов трудно чистить в особенности, ибо проливы хотел генерал присоединить к Российской империи¹³.

И служили солдаты и офицеры некогда славной Императорской армии на чужбине Сербии и Болгарии, Парагваю и Уругваю, китайцам и японцам, Франко и Гитлеру, геройски сражались за чужие интересы в Иностранном легионе (умирая не за «святую Русь», а за «прекрасную Францию»), строили дороги и мосты, развлекали вчерашних союзников и противников русскими песнями и джигитовкой... и параллельно с этим осмысливали случившееся, чтобы сквозь него прозреть, наконец, самое существенное: армия России должна быть высшего качества, строиться на твердых исторических основаниях, опираться на творчество и самопознание. С легкомысленным отношением к войнам и военному делу, с авантюрными военными реформами и случайными импровизациями должно быть покончено раз и навсегда. Армия — основа национального существования России, не место для сомнительных экспериментов. Как главная охранительная сила российской государственности она требует особенно бережного отношения к себе, продуманной и твердой военной политики.

Консерватизм, творчество, самопознание

Устойчивая и постоянно развивающаяся армия (без эксцессов разложения и отставания) создается не столько «демократическими реформами», сколько культивированием и совершенствованием исторически сложившейся модели, которая наиболее отчетливо отражается в понятии «Русская армия». Именно так стала называться в конечном итоге и Добровольческая армия М. Алексеева — Л. Корнилова — А. Деникина — П. Врангеля, именно на этом главном основании пытался воссоздать Сибирскую (Восточную) армию адмирал Колчак, отмечая, что она должна быть прежде всего «русской», регулярной, с соответствующими знаками и погонями. Как раз этого качества не хватало системе «вооруженного народа» Д. милютина, «самой свободной армии в мире» А. Керенского, более чем десятку национальных, белых, зеленых и красных армий, «демократически» возникших в начале гражданской войны. По отношению к России многие из них по сути дела были «иностранными», преследовали мировые или самостийные цели. И при этом фактически отсутствовала Единая Национальная Армия Великой и Неделимой России.

Все это расстройство, разновекторное анархическое военное строительство, которое трудно назвать созидательным творчеством, стало возможным только из-за потери (или сознательного отрицания) исторических начал и института офицерства, из-за незнания и неизученности собственного опыта, из-за привычки жить за чужой духовный счет. Нельзя создавать что-то новое, если нет полных деловых знаний о России и армии — основы гражданственности, верных волевых действий¹⁴. Русская военная мысль оказалась рассеянной во времени и пространстве. Она почти не занималась познанием России, постоянно запаздывала с исследованием современных войн, систематически не работала над

созданием правдивой и полной истории русской армии¹⁵, обросла мифами и всяческим «вздором» (особенно за советский период), так и не смогла выбраться из плена западных военных теорий, стать подлинной основой военного строительства. Один из важных выводов эмиграции: отсутствует самопознание — нет и правильного военного развития. Без самопознания, синтеза истории и теории, неблагодарной аналитической работы в области «своего, родного» (А. Геруа), не определить исторических основ, не избежать ошибок, не создать систему государственных знаний. В этом случае лучше не творить, — ничего хорошего не получится. «все дело в самопознании, в изучении собственного опыта», — этот лейтмотив стал боевым лозунгом героической и обширной военномыслительной работы белых офицеров на чужбине.

П. Залесский

<...> Военное дело не изучалось серьезно. Никто не углублялся в него; никто не разбирался в прошлом так, чтобы отделить вымыслы от правды и сделать эту правду поучительной для будущего. О, это прошлое! Если бы мы знали его? Если бы знали его не по Иловайскому и другим «казенным» книжкам, а по-настоящему — осязая причины и следствия — мы не получили бы нынешнего позора и страданий! <...> Если бы мы изучали добросовестно тяжкие победы Петра Великого (под Полтавой Петр с 63-мя тысячами едва не был разбит 13-ю тысячами шведов!), блестящие успехи Суворова (конечно, без ненужных преувеличений); посредственные действия русских армий в 1812–1814 годах и совершенно неудачные действия ее в 1854–1856, в 1877–1878 и в 1904–1905 годах, то мы прониклись бы энергией и организационным упорством Петра; подвижностью, глазомером и решительностью Суворова; глубоким и твердым сознанием вреда, приносимого всем от интриг, карьеризма, профессионального невежества, отсутствия народного воспитания и преданности общему делу, т.е. всего того, что создало нам Аустерлицы, Фридланды, Плевны, Мукдену. <...>

Русская армия не знала, в сущности, что такое она сама, и для чего она существует. Формула — «для защиты Царя и Отечества от врагов внешних и внутренних» — слишком неопределенна и растяжима, а состав армии и ее порядки совершенно не соответствовали ее задачам даже в узком смысле вышесказанной формулы; такая армия не способна была защищать ни Царя, ни Отечество от каких бы то ни было врагов, что доказала блестяще и под Аустерлицем, и под Фридландом, и под Плевной, и в Крыму, и в Маньчжурии, и, наконец, в мировую войну 1914–1916 гг. и в дни «бескровной» революции! Короче говоря: в России не было не только правильной, но и вообще никакой военной доктрины¹⁶.

И. Солоневич

Если бы наша историческая наука занималась бы исследованием фактов, а не агитацией в пользу галлюцинаций, то мы, вероятно, знали бы об истоках нашего государственного бытия что-то более вразумительное, чем отдельные эпизоды борьбы за киевский великокняжеский стол. Но мы этого ничего не знаем. Или почти не знаем. Все те светочи науки, которые нам освещали наше прошлое, всем своим нутром принадлежали ко всяким в мире коронам — кроме, конечно, русской. Это в какой-то степени повторяет историю убогой нашей «военной миссии». Учились

наши генералы у итальянцев эпохи Возрождения и у поляков эпохи возрождения, у шведов Карла XII и у немцев Фридриха Великого, у Наполеона и у Клаузевица — то есть у опыта всех тех армий, которые были разбиты нашей собственной. Но у нашей собственной — как же было учиться? В отношении государственного строительства остается все-таки много сторон, которые могут показаться спорными. Но в военном смысле никаких споров просто не может быть: русская армия была самой победоносной армией всей мировой истории, включая в эту историю и Древний Рим. Так, может быть, русскую военную мысль следовало бы строить на основании ее опыта, а не опыта Колелони, Собеских, Карлов, Фридрихов и прочих. Не на опыте тех, кто кое-как и кое-когда выигрывал кое-какие «первые сражения», а на опыте нашей армии, которая первые сражения иногда и проигрывала, но пока что не проиграла ни одного последнего¹⁷.

Чтобы создать новую эффективную армию следует изучить отечественный опыт, родную историю, свои вооруженные силы, а также иностранную военную жизнь, усвоить достижения мирового военного искусства. Необходимо опираться при этом на те традиционные элементы, которые отражены в понятии «армия»: новейшее вооружение, обучение, воспитание, единоначалие, дисциплина, стратегия, тактика и др. Нельзя также игнорировать исторические законы существования армии, национальные особенности военного искусства, военную мысль, позитивные традиции, выработанные предшествующими вооруженными силами. Армия — общественное явление, соборное единство консерватизма и творчества, обеспечивающее устойчивое длительное развитие — совершенствование. Она подчиняется общему закону, который гласит:

Л. Франк

В соборном единстве так же, как в памяти и жизни отдельного человека, — прошлое не исчезает, а продолжает жить и действовать в настоящем, и лишь эта непрерывность, обоснованная в сверхвременности, обеспечивает устойчивость и жизненность общественного целого. <...> В глубине соборной исторической жизни человечества, как и в глубине индивидуального духа, неустанно и неустраимо совместно соучаствуют и традиции, сохраняющие силы прошлого в настоящем и передающие их будущему, и творческая энергия духовной активности, устремленная к будущему и рождающая новое¹⁸.

Лидеры революционной демократии (и большевики) стремились реформировать воюющую Императорскую армию на «демократических началах», выбывая из нее дисциплину, единоначалие, воинский дух, лишая ее Веры, Царя и Отечества, подрывая авторитет офицерства. Генералы и офицеры в это время пытались «спасти армию», «восстановить армию», чтобы довести войну до победы. В конечном итоге всех этих устремлений армия просто развалилась, открыв фронт немцам и предоставив свободу действий большевикам. Последние, придя к власти, обеспечили себе победу созданием настоящей армии: регулярной, дисциплинированной, опирающейся на «военных специалистов» — бывших офицеров русской армии, но все же оторванной от предшест-

вующих корней («реакционной», «царской», «офи-церской» армии). Белые, по крайней мере, три раза упустили в 1917 году возможность (не смогли) организовать для борьбы в рамках существующей (исторической) военной системы и вынуждены были создать свои армии путем импровизации: с нуля, на основе добровольчества, без особого отбора, при сохранении своеобразной — революционной — дисциплины. Возвращение к историческим основам армии последовало запоздало и не в полной мере. **А. Деникин** — один из вождей белого движения и идеолог добровольчества — в последующем все же признал:

Ибо «как человек не может выбрать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может разрушить путем насильственной революции учреждения, перестающие ему нравиться — это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала, это, чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время — все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным властителем» (*Густаф Лебон*).

Возродится очевидно и русская, национальная армия не только на демократических, но и на исторических началах. <...>

Решив вести войну, надо было сохранить армию, допустив известный консерватизм в ее жизни. Такой консерватизм служит залогом устойчивости армии и той власти, которая на нее опирается. Если нельзя избежать участия армии в исторических потрясениях, то нельзя и обращать ее в арену политической борьбы, создавая вместо служебного начала — *преторианцев или опричников*, безразлично — царских, революционной демократии или партийных.

Но армию развалили.

На тех принципах, которые положила революционная демократия в основу существования армии, последняя ни строится, ни жить не может. Не случайность, что все позднейшие попытки вооруженной борьбы против большевизма начинались с организации армии на нормальных началах военного управления, к которым постепенно старалось переходить и советское командование. <...>

Отмахнуться от огромного вопроса — о воссоздании на твердых началах национальной армии — не значит решить его.

Что же? Со дня падения большевизма сразу наступит мир и благоволение в стране, развращенной рабством, горшим татарского, насыщенной рознью, местью, ненавистью и... огромным количеством оружия? Или со дня падения русского большевизма отпадут своекорыстные вождения многих иностранных правительств, а не усилятся еще больше, когда исчезнет угроза советской моральной заразы? Наконец, если бы даже вся старая Европа путем нравственного перерождения перековала мечи на орала, разве не возможно пришествие нового Чингисхана из недр той Азии, которая имеет вековые и неоплаченные счета за Европой?

Армия возродится. Несомненно.

Но, потрясенная в своих исторических основах и традициях, она, подобно былинным русским богатырям, немало времени будет стоять на распутье, тревожно вглядываясь в туманные дали¹⁹...

С твердыми началами отождествлялась Русская Императорская армия, преемницей которой все более осознавало себя белое воинство.

В конце гражданской войны, при П. Врангеле, «русская армия, как стали теперь именоваться Вооруженные Силы на Юге России, строилась на строго регулярной основе, целиком и полностью в духе и традициях Императорской армии»²⁰. Но еще ранее от «революционно-демократического» угара освободилось Всевеликое войско Донское. Донское правительство уже в 1918 году считало, что Дону, а тем более России «нужна настоящая армия, а не партизаны, добровольцы или дружинники, армия *старого режима*, повинующаяся законам и строго дисциплинированная»²¹. Став войсковым атаманом, П. Краснов создал такое войско — так называемую молодую постоянную армию общей численностью до 30 тысяч человек. Она была обучена, хорошо вооружена, действовала по уставам старой армии, дополненными опытом первой мировой войны, находилась в готовности к походу на Москву.

П. Краснов

Части эти были нормального российского штата, имели казенных лошадей и все казенное обмундирование и снаряжение от войска, штатный обоз, были воспитаны, муштрованы и обучены по старым русским уставам и составляли гордость Войска Донского. <...> Былая, славная армия, армия 1914 года возродилась в лице этих храбрых юношей, отлично кормленных, развитых гимнастикой, прекрасно выправленных, бодро маршировавших по площади в новой щегольски пригнанной одежде²².

Лучшие черты и традиции Императорской армии, твердые основания, соответствие законам военного искусства брались за образец, что вполне закономерно. Именно эта армия преемственно возникла из московских войск. С ней были связаны многие славные победы, национальное военное искусство, развитие русской военной мысли, имена Петра I, Екатерины II, Суворова, Румянцева, Ушакова, Кутузова, Ермолова, Скобелева, многих других государственных деятелей, полководцев и выдающихся офицеров. Неудивительно, что **П. Краснов** и в последующем, в эмиграции, считал:

И в России будет порядок и восстановится Россия тогда, когда по всем глухим междужим углам, по маленьким гарнизонам станут полки, батальоны и роты Императорской Армии. <...>

Когда над всеми партиями, над всем шумливым народом встанет власть надпартийная, ко всем справедливая, а под нею и на защите ее будет стоять та армия, которая блюла присягу, которая знала прежде всего, что солдат есть слуга Государя и Родины и защитник их от врагов внешних и внутренних. И знал солдат, что враг внешний тот, кто извне нападал на Россию с оружием в руках, а враг внутренний — всякий, кто нарушал законы Империи. Всякий — без различия партий.

Мы хотим воскресения России. Мы хотим жить дома, хотим знать, что и у нас есть Святая Великая Родина — Россия.

Мы должны всеми силами стремиться создать армию снова, собрать и вдохнуть те же бодрые силы, какие были в ней раньше.
Мы должны вернуть России Императорскую Армию. <...>²³.

Если императорская армия могла стать основой для возрождения вооруженных сил будущей национальной России, то советская армия, оторванная от национальной почвы, истории, истоков в качестве таковой не рассматривалась, так как представляла собой, по мнению белой эмиграции, лишь временное явление, «отбор коммунистических янычар». До 1943 года в ней, по названию, не было офицерского корпуса (только командиры), а последняя их когорта — «военные специалисты» — почти все были уничтожены в 1937–1938 годах. Она в большей степени оказалась не на высоте, чем вооруженная сила императорской России.

И. Ильин

Советская армия не была на высоте потому, что психологические опасения коммунистов *соответствовали действительности*: военное дело имеет *свои законы, свои формы и традиции*, которые не уживаются с коммунистическими воззрениями и приемами. Дух армии — не революционный, а консервативный, не международный, а *национально-патриотический*, не трусливого доноса, а *храброй прямоты*; не партийного карьеризма, а *качественного отбора*; не закулисной «директивы», а *стратегической целесообразности*, не бесчестной интриги, а *честного ранга*. Угашение этого военного духа в армии неминуемо снижает ее боеспособность. Отсюда — неизбежное внутреннее расхождение между партией и ее полицией, с одной стороны, и здоровым духом армии — с другой. Отсюда вечные трения, «чистки», пытки, массовые казни и *неизбежное истребление лучших офицеров и солдат*. Отсюда то *отсутствие боевой воли* в советской армии, которое весь мир наблюдал в финской войне (1939–1940) и в первые месяцы германской войны (1941)²⁴.

Самопочинное деловое служение

В условиях России сильная, надежная армия создается не принудительной службой, а добровольным служением, преданностью военному делу, предметной любовью к своему Отечеству. Сила российской армии традиционно заключалась в ее «русскости» (национальном характере), органичности, способности побеждать, сохранять аполитичность (заниматься только своим военным делом), действовать против внешних и внутренних врагов, опираться на частную инициативу полководцев, офицеров и солдат. Без их самопочинного служения — добровольного, подвижнического, героического, жертвенного, рыцарского, доблестного, по совести и призванию — военное дело чаще всего находилось в застое, армия разлагалась, страна оказывалась беззащитной перед лицом угроз.

Традиция самопочинного служения, создавшая военное искусство, русскую военную мысль, естественно-историческую военную систему и многое другое, складывалась веками, выкристаллизовывалась в смутные времена, в отечественных и гражданских войнах, в периоды военных реформ. Она проявлялась в победах и в военном творчестве народа, в народных ополчениях и казачестве, в деятельности Ермака и Посошкова, Петра I и Екатерины II, Румянцева и Потемкина, суворова и Кутузова,

Сперанского и Зедделера, Ермолова и Милютина, Скобелева и Черняева, а также абсолютного большинства офицеров русского Генерального штаба, стремившихся в XIX–XX веках поднять военное дело на должную высоту.

Белое движение — один из ярких примеров самопочинного делового служения России. Горстка русских патриотов (военных и гражданских) по собственной воле (добровольно) начала великое дело. Попыталась не допустить поражения России в мировой войне, спасти армию от разложения, освободить страну от большевизма. Фактически из ничего (самопочинно) была воссоздана белая армия.

И. Ильин

Не впервые в своей истории Русь выдвигает делом и словом эту идею: идею самопочинного служения Родине, как сосуду духа Божия, служения вдохновенного, непосягающего; служения общему делу во имя Божие. Эта идея искони и всегда жила на Руси; но не ценилась в должную меру, не разумелась достаточно национальной властью, не воспитывалась в народе в качестве живой основы государственности. <...>

И вот в наши дни белая армия с ее центральным ядром добровольчества, — то превращающегося в организационный принцип (при Корнилове, при эвакуации, в Галлиполи), то сохранявшегося в духе и настроении, — белая армия движется в этой древней и здоровой русской традиции. <...>

Дело Русской Добровольческой Армии, возникшей в 1917–1918 годах и связанной с именами Корнилова, Алексева, Каледина, Дроздовского, Колчака и их сотрудников и преемников, — есть дело русской национальной чести, русского патриотического горения, русского народного характера, русской православной религиозности ²⁵.

Белое движение как самопочинное деловое служение правому делу — преодолению Смутного времени, освобождению России от большевизма, воссозданию сильной национальной армии — при всей его видимой неудаче «спасло честь Русской нации»²⁶. Оно стало реакцией на беззащитность России перед лицом внешних и внутренних угроз, повторением (продолжением) подвига М. Скопина-Шуйского, Д. Пожарского и К. Минина, организовавших в 1609–1613 годах вооруженный отпор польским интервентам и собственным «ворам» и восстановившим историческую российскую государственность. изначально его цель декларировалась именно в этом духе:

Создание «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию. Добровольческое движение должно быть всеобщим. Снова как в старину, 300 лет тому назад, вся Россия должна подняться всенародным ополчением на защиту своих оскверненных святынь и своих попранных прав»²⁷.

Дело спасения России от внешних и внутренних врагов — к чести Белой армии — осуществлялось под лозунгом опоры на собственные силы («Россия спасется самостоянием»). Принципиально, но не в отдельных частных случаях, исключалось сотрудничество с немцами, вторгшимися

в пределы России, способствовавшими приходу к власти большевиков, ведущими (до конца 1918 года) войну против Антанты. Иностранная военная помощь рассматривалась как абсолютно необходимая, но принималась только от союзников по войне или борьбе против большевиков: Англии, Франции, США, Сербии, Румынии, Польши, Финляндии, Эстонии. В любом случае она должна была носить вспомогательный характер (вооружение и оснащение армии, обеспечение тыла, ограниченное участие в боевых действиях), — не противоречить жизненно важным интересам России, не нарушать единства и целостности русского государства. Русские войска никогда не должны находиться под иностранным управлением, а тем более участвовать в агрессии против своей Родины, даже в благородных целях борьбы с большевистской властью. В 1919 году данный принцип выражался командованием добровольческой армии следующим образом:

освобождение России от советской власти должно было вестись русскими, а не иностранными руками.

Войска союзников крайне желательно было получить лишь для обеспечения порядка в районе, который должен был служить плацдармом для формирования русской армии и базой при ее дальнейших операциях.

Предполагалось, что лишь при расширении одесской зоны союзным войскам, может быть, придется принять участие в боевых действиях²⁸.

В разные периоды гражданской войны белые добровольцы смогли инициативно создать более десятка уникальных русских армейских образований, стремясь объединить их под командованием адмирала Колчака.

- *Добровольческая армия*, возникшая на основе алексеевской военной организации. Первоначально насчитывала 3700 бойцов, среди которых было 2350 офицеров, в том числе два бывших Главнокомандующих Вооруженными силами России: М.В. Алексеев и Л.Г. Корнилов. В ходе войны численность этой армии, ставшей впоследствии ядром Вооруженных Сил на Юге России, достигла 40 тысяч человек. Гордость армии — «цветные» (именные) полки (дивизии): корниловские, алексеевские, дроздовские, марковские...

- *Добровольческий отряд («Бригада русских добровольцев»)* полковника М.Г. Дроздовского, созданный в феврале 1918 года. совершил легендарный победоносный поход на Дон из Румынии, усилил Добровольческую армию 3000 испытанными бойцами в самый тяжелый период ее существования.

- *Всевеликое войско донское (Донская армия)*, выставившее на общий фронт в октябре 1919 года до 48 тысяч подготовленных бойцов.

- *Кубанская и Кавказская армии*, прославившиеся своей конницей и партизанскими отрядами.

- *Вооруженные Силы на Юге России*, созданные А.И. Деникиным, почти составляли единую русскую армию, рискнувшую идти на Москву и обладавшую значительной численностью: от 64 до 200 тысяч человек в разные периоды существования.

- *Русская армия* генерала П.Н. Врангеля (около 40 тысяч отбора), организованная по-военному, с честью завершившая последний период гражданской войны на Юге России, сохранившая свои основные кадры на чужбине.

- *Особая Южная* (Южная Российская) Армия в составе Саратовского, Воронежского, Астраханского корпусов, сформированная П.Н. Красновым и находящаяся под командованием генерала Н.И. Иванова. В 1919 году расформирована и волилась в Вооруженные Силы на Юге России.

- *Северо-западная армия*, которой последовательно командовали генералы А.П. Родзянко, Н.Н. Юденич, П.В. Глазенап (численность достигала 50 тысяч человек). Совершила два похода на Петроград, но без помощи финнов так и не смогла овладеть им. Начиная формироваться как *Русская Добровольческая северная армия (псковский корпус)*.

- *Русская Западная добровольческая армия (Западная армия)* полковника П.М. Бермондта-Авалова. Имела уникальный личный состав из русских военнопленных и германских добровольцев.

- *Русская Народная Добровольческая армия* генерала С.Н. Булак-Балаховича.

- *Восточная (Сибирская) армия* адмирала А.В. Колчака, достигавшая численности до 400 тысяч; 25 июля 1919 года был издан приказ адмирала № 153 о создании Единой Русской Армии в 1 миллион 290 тысяч человек.

- *Отдельная оренбургская армия* под командованием генерала А.И. Дутова, *отдельная Семиреченская армия*, *Уральская армия*, *Народная армия Самарского комитета членов Учредительного собрания*, *отдельная Восточно-Сибирская армия*, — влившиеся в основном в войска Колчака.

- *Дальневосточная армия Г.М. Семенова*, ставшая именоваться в 1921 году Белоповстанческой, а к августу 1922 года превратившаяся в *Приамурскую Земскую Рать* во главе с воеводой генералом М.К. Дитерихсом.

- Другие самопочинные армии: регулярные, повстанческие и партизанские.

Когда потребовалось, нашлись вожди и выдающиеся офицеры, способные действовать самостоятельно, принимать на себя ответственность за защиту Родины, мужественно противостоять большевизму. Если в 1917 году, когда была еще государственная армия, им, в массе, не хватало еще «турецкой смелости» (за исключением Корнилова и Крымова), а в последующем — политического опыта, то военным делом они заниматься научились на достаточно высоком уровне. Но, главное, что для общего Дела, для самопочинного служения нашлись более достойные вожди, чем в Свободной России А.Ф. Керенского. Не наполеоны, конечно, но рыцари долга, воодушевленные любовью к России. Настоящие офицеры, способные организовать защиту отечества в исключительно сложных, даже чрезвычайных условиях. В своих делах они продемонстрировали высшие мерилы: совесть, служение, качество.

И. Ильин

Вождь закаляется в деловом служении, волевом, мужественном, национально верном. Он одержим духом Целого, а не частным, не личным, не партийным. Он сам стоит и сам идет, потому что он политически дальнорочек и знает, что надо делать. Поэтому он не приглашает себе идеологов «выдумывать программу». Оставшись *совсем один*, он начинает большое дело, не создавая себе партию, а действуя лично во имя сверхличного. Его дело есть его зов; на зов его дела вокруг него смыкаются лучшие люди... Вождь служит, а не делает карьеру; борется, а не фигурирует; бьет врага, а не пустословит, ведет, а не нанимается к ино-

странцам. И всегда предпочитает личный неуспех — успеху от темных и предательских путей. Таков был *Корнилов*. Таков был *Врангель*²⁹.

Во всем многообразии русских армий, разбросанных по театрам гражданской войны, вооруженные силы будущей национальной России только обозначались. Общее их качество было невысоким. Но кадр был рыцарским. Успехи достигались не за счет численности, а доблестью, искусством, необычайным подъемом духа, жертвенностью. В ходе неравной борьбы отбирались лучшие и оставаясь нравственным примером для будущих поколений. Беззаветна храбрость легендарных генералов Дроздовского, Слащева, Маркова, Туркула, а также многих рядовых офицеров, малоизвестных капитанов Ивановых.

А. Туркул

Армейский капитан Иванов — герой нашего времени. В то время, как другие школы выпускали людей рыхлых, без какой-то внутренней оси, наша военная школа всегда давала людей точных, подобранных, знающих, что можно, а чего нельзя, а главное, с верным, никогда не мутившимся чувством России. Это чувство было осознанием постоянной ей службы. Для русских военных служилых людей Россия была не только нагромождением земель и народов, одной шестой суши и прочее, но была для них Отечеством духа. <...>

Не только в нашем Дроздовском полку, но, может быть, во всей Добровольческой армии 4-я рота капитана Иванова была настоящей солдатской. Он пополнял ее исключительно из пленных красноармейцев. Я иногда присылал к капитану Иванову пополнение из кадет, гимназистов и реалистов — наших удалых баклажек — и студентов, но капитан Иванов каждый раз отказывался вежливо, но наотрез:

— Это какой же солдат-с? — говорил он не без раздражения. — Это-с не солдат, а, извините, гусская интеллигенция...

По-солдатски, если хотите по лубочному, чувствовал он красоту боя: в огне храбрый командир должен красоваться впереди своих солдатшек верхом, вот и все. Ведь солдатская любовь к командиру по-детски жестока: уж таким храбрецом должен быть орел-командир, что и пуля его не берет, и от сабли он заговорен. Вероятно, потому и гарцевал капитан Иванов в огне пред цепями. <...>

Теперь я понимаю, что простота капитана Иванова была той суворовской простотой, которая преображала нашу армию в совершенно особенное и чудесное духовное существо, отмеченное чертами необычайной семейственности, в ту нашу великую армейскую семью, где немало было таких капитанов Ивановых, для которых солдаты — живая дышащая Россия, и где было много таких солдат, для которых их капитаны Ивановы были самыми справедливыми и честными, самыми храбрыми и красивыми людьми на белом свете³⁰.

Ярким примером самопочинного делового служения стала деятельность русской военной эмиграции в изгнании. Сменив меч на перо, офицеры белой армии сумели сохранить дух русской армии, создали уникальные военные знания, освоили военную организацию, своеобразный рыцарский орден — Русский обще-воинский союз (РОВС), который «ис-

кал не власти, а *служения*; отстаивал не партийное дело, а *национально-государственное*; *объединял*, а не разделял; жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух *национальной, патриотической* армии, а не частного сообщества граждан... Ныне он не есть армия... Но он есть *кадр русской армии, орденски-спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволием*»³¹.

Готовиться к войне, а не к параду

При создании будущей российской вооруженной силы завет адмирала Макарова: «Помни войну!» — имеет ключевое значение. В связи с уроками русской истории он приобретает особый смысл.

- Нельзя забывать, что армия является главным орудием войны, существует для ведения войны, должна находиться в постоянной готовности к войне, стремиться к завершению ее победой. Простое нежелание воевать, переговоры и разговоры о вечном мире, о разоружении, о замене постоянной армии милицией, другие пацифистские и социалистические лозунги не менее опасны для России, чем неудачные войны и революции. Белые эмигранты полагали, что и в будущем российскому государству длительное время придется существовать в неблагоприятных условиях «вооруженного мира», вести большие и малые войны, в том числе и гражданские, использовать право на войну (и не только в смысле самообороны) в защите жизненно важных интересов русской нации.

Н. Бердяев

История еще не окончилась. Динамизм истории не ослабевает, а усиливается. Мир не приближается к земному благоденствию, к земному раю, к идиллии вечного мира. Все принуждает нас думать, что мир идет к страшной борьбе, ко все новым столкновениям исторических сил, к новым испытаниям мужества духа, рыцарского закала духа. Поверхность земного шара еще не устроена, еще много исторических задач остались неразрешенными³².

И. Солоневич

Вопросы войны и мира в нашем, русском, случае есть вопросы жизни или смерти. Ибо если европейские войны имели в виду борьбу за какие-то там «наследства», за политическую гегемонию Габсбургов, Бурбонов, Капетов, Гогенцоллернов или Виттельсбахов — то, повторяю еще раз, — войны, которые вели мы, были в основном войнами на жизнь или смерть, причем в XX веке в еще более острой форме, чем в тринадцатом. <...> Все одиннадцать веков нашей истории мы находились или в состоянии войны или у преддверия состояния войны. Нет никаких оснований думать, что в будущем это будет иначе. И что в будущем мы сможем положить головы свои на стенографические отчеты будущей Лиги Наций и заснуть, — тогда уже последним сном. Нам необходима сильная и твердая власть³³.

- Следует признать, что провоевав две трети своей жизни, Россия устала от войн, разучилась использовать их для «мира и лояльного прогресса», для интересов собственного развития. Военная политика в значительной степени утратила логику и смысл, все чаще стала сопровождаться неудачами, поражениями, провоцировать государственные катастрофы, истощать людские, финансовые и материальные ресурсы. «Войны на истощение», «чужие войны», «бессмыслен-

ные войны» поставили Россию на грань существования, сделали реальной угрозой ее расчленения, превращения «в вечный очаг гражданских войн, международных войн, брожений, взаимных международных интриг, смут и новых революций (“азиатско-европейские Балканы” — страшный “ящик Пандоры”»)³⁴. В этих условиях и победы, и поражения нередко имели катастрофические последствия. Нуждались в мире и мудрой военной политике, но на протяжении и XIX и XX веков втягивались безответственно в самые опасные для России войны. В результате — любая война могла стать национальным бедствием, подорвать устои.

И. Ильин

К началу XIX века русский народ нуждался прежде всего и больше всего — в мире. Он провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально две трети своей жизни — за свою национальную независимость и за свое место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи. Эти войны столетиями растрчивали его лучшие силы: гибли самые верные, самые храбрые, самые сильные духом, волей и телом. Эти войны задержали его культурный и хозяйственный рост. Им надо было положить конец. А между тем с семилетней войны (1756–1762) Россия была вовлечена в западноевропейские течения и войны, она стала членом «европейского концерта» на положении великой державы и не могла уже отказаться от этого пути. Следование по нему принесло нам целый ряд величайших государственно-вредных осложнений: разделы Польши, суворовский поход и затяжные войны с Наполеоном, окончившиеся, как известно, опустошением ряда губерний, сожжением Москвы и ликвидационной войной за пределами России. В общем, много славы, очень много ненужного бремени и огромные потери³⁵.

И. Солоневич

Наши войны, по крайней мере большие войны, всегда имели характер химически чистой обороны, так же как и германские — завоевания и английские — рынка. Не потому ли на трех языках термин война так близок терминам: добычи в немецком (der Krieg — kriegen); торговли в английском (the war and the ware); и бедствия — в русском (вой и война). Все великие завоевания кончались на нашей территории — нашей кровью. Завоеватели выигрывали мало, — не так много выигрывали и мы. Однако, все-таки больше. <...>

Последним незадачливым Эдипом (пытавшимся разгадать загадку русского сфинкса. — А.С.) был Гитлер. Будут и другие. Все Эдипы, до сих пор проглоченные Россией, никакого *счастья русскому народу не принесли*. Победные парады в Берлине и Париже, в Вене и в Варшаве никак не компенсируют тех страданий, которые принесли русскому народу Гитлеры, Наполеоны, Пилсудские, Карлы и прочие. Победные знамена над парижскими и берлинскими триумфальными арками не восстановили ни одной сожженной избы. Проглоченные Эдипы оказались тяжкой и неудобоваримой, и очень тощей пищей. Лучше бы обошлось России без Эдипов, Эдипам — без России и обоим вместе без дальнейшей игры в загадки. Тем более, если вы откинете в сторону и Гегеля, и Достоевского, и Розенберга, и Ленина, то окажется, что за русским сфинксом не скрывается вовсе никакой загадки. Русская история является самой трагической историей мира³⁶.

• Уже к середине XX века Россия окончательно истощилась в войнах, стала хрупкой, потребовала не только делового служения, обороны от внешних и внутренних врагов, но и защиты от вредоносных для нее войн: империалистических, ведущихся за чужие интересы, неподготовленных, бессмысленных. Отказ, очищение российской политики от них, диктовался элементарным инстинктом самосохранения. Ответственная, мудрая и верная политика предполагает «ограничение войн», их «предотвращение», сведение до абсолютно необходимого минимума. России, как никакому другому государству, армия необходима для сохранения мира, для проведения политики безопасности. Что, в частности, предполагает отказ в мирное время от военных союзов (обязательств), от мессианства, от традиционного национализма, империализма, мировых революций. Необходимо помнить: Россия — не нация, а особый мир — третий культурный материк между Европой и Азией (Г. Федотов). Ее призвание: заботясь о собственном возрождении, «неуклонно и искусно поддерживать в Европе и Азии равновесие сил и длительное замирение» (осуществлять «верную, дальновидную и мудрую политику замирения»).

И. Ильин

Исторически Россия заинтересована ныне больше всего в *национальной консолидации и в заживлении революционных ран*, а совсем не в завоеваниях, не в расширении своей территории на Запад и не в самообременении чуждыми нам малыми народами. Империалистическая политика может нам только вредить: она... истощит Россию бессмысленными войнами за обладание решительно ненужными нам территориями и народами. Перед лицом этих соображений национальный империализм не имеет в России никакого патриотического оправдания: он не нужен, он опасен и, может быть, даже гибелен. <...>

Все эти соображения сохраняют свой вес и *для нашей армии*. Русская армия неотделима от своего народа: она есть воплощение его воли, его силы, его разума. Нам естественно гордиться ее доблестью, но не ее покорностью интернациональным коммунистам и не ее политическим равнодушием, и не ее национальным безразличием. И все это решительно не означает, что она призвана нападать на всех соседей, разбивать их армии и поработать народ за народом. Русская армия отнюдь не должна заболеть «чингисханством»; она не должна видеть в себе какой-то всемирный «паровой коток» или «бич» человечества. Это была бы суцая духовная болезнь...³⁷

Последние русские цари инстинктивно осознавали опасность войн и революций. Александр III — «царь-миротворец» — почти полностью отказался от войн в своей политике. Николай II первоначально продолжал курс отца, развернул борьбу за мир и разоружение, выступил инициатором двух Гаагских конференций мира. Но при этом вполне осознанно втянул страну в две ненужные роковые войны: японскую и мировую. Последняя из них привела к разрушительной революции и истребительной гражданской войне, разложению армии. Неготовность страны и армии в обоих случаях была очевидной, но... уповали на Бога, полагались на судьбу³⁸. Для советских вождей уроков истории вообще не существовало. И вновь Россия, вместо умиротворения, протащена была, через все мыслимые и немыслимые войны, чуждые ее интересам, чтобы в конечном итоге окончательно развалить ее как империю и поставить под вопрос существование уникальной цивилизации. И даже войны стали странными, не русскими

(японская, финская, ангольская, афганская, чеченская и др.), выливаясь в какое-то бессмысленное самоистощение, в вооруженную борьбу без целей и результатов.

• Для России возможны впредь только «творческие войны», приносящие победу, позитивный мир, надежную защиту, ведущиеся армией, эффективно действующей в условиях мира и войны, приспособленной к их изменчивому лику, ко всем возможным и самым неожиданным вариантам развития и угрозам. Только победоносная армия обеспечит расцвет России, предотвратит разрушительные и опасные войны.

Чтобы вести войны на высшем уровне и с гарантией победы, а не приносить несчастья, российская армия должна стать как можно более военной, боевой, ежедневно и в мирных условиях готовиться к войне, а не к параду, постоянно думать о войне, а не о традиционной муштре, экзерцирмейстерстве — этой «танцевальной науке», которая стала страшной язвой русской армии еще со времен Петра III, извратила ее до такой степени, что уже «никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск»³⁹. Всегда их главной целью, раз они существуют, остается подготовка к войне, военная готовность. Это убеждение — краеугольный камень мировоззрения белых офицеров. Оно прекрасно выражено **П.Н. Красновым** в романе «От Двуглавого Орла к красному знамени». Профессор-ботаник, создавший под Батуми (накануне войны с Японией), уникальный сад с флорой, собранной со всего мира, стремится разяснить корнету Саблину, что принцип «счастье в творчестве» является основополагающим и на военной службе:

Есть войны творческие и есть войны разрушительные. Освободительная война 1877–1878 года была ужасна. Я помню ее. Я помню рассказы о доблести наших солдат на Шипке, страшный Балканский поход, тиф в долинах Марицы и на берегах Черного моря, но эта война дала свободу сербам, болгарам и черногорцам, эта война дала нам этот золотой край — и смотрите, как расцвел он под русским владычеством! Тут, при турках, была только кукуруза, а мы возобновили роскошь садов, которая была здесь во времена владычества Византии и Рима... Нет, вы ошибаетесь! И в войне есть творчество, и в войне есть счастье. *Это счастье победы.* Создайте победоносную Российскую Армию, — вдохновляясь и возвышая голос говорил профессор, — воспитайте русского солдата так, чтобы враг не смел бы напасть на Россию, охраните, охраните это мое творчество, защитите этот сад от ленивых турок, от хищных грузин, от всех, кто протянет к нему свои грязные лапы, создайте армию. Такую армию, где не авось, небось, да как-нибудь правят полками, а настоящую, достойную, великую, необходимую для России, и вы будете счастливы! И каждый день мира будет вам наградой за вашу творческую работу!

Профессор встал. Он был в сильном возбуждении.

— теперь, — сказал он, — так много говорят о мире. О! Как это страшно! Это несет войну. Пусть лучше говорили бы о войне, делали маневры, готовились к войне, я был бы спокойнее. Ведь этот райский уголок в случае распри окажется всем нужен и погибнет мой сад. Защитите его, Александр Николаевич. Я боюсь за него!⁴⁰ ...

Следование принципам военного искусства

Будущая российская вооруженная сила должна создаваться в соответствии с историческими законами, достижениями военной науки и принципами военного искусства. Пренебрежение твердыми военными началами, легкомысленное отношение к военному делу привели к краху Временное правительство, оставившее в конечном итоге Россию без армии и победы. Примечательно в этой связи замечание того же генерала П.Н. Краснова: «Военное искусство — одно из самых трудных искусств, потому что оно помимо знаний требует особого воспитания ума и воли. Если во всяком искусстве дилетантизм нежелателен, то в военном искусстве он недопустим. Керенский — полководец!.. Петр, Румянцев, Суворов, Кутузов, Ермолов, Скобелев... и Керенский. Он разрушил армию, надругался над военною наукою, и за то я презирал и ненавидел его»⁴¹.

Представители Белого движения стремились построить свои армии на правильных военных основаниях, в соответствии с достижениями военной науки и военного искусства, но решить эту задачу не смогли. По большому счету их доблесть, храбрость, бодрость, мужество оказались тщетны, так как не «истекали от искусства», не определялись суворовскими «знать вести войну». Примечательно в этой связи оценка работы ставки адмирала Колчака генералом **А. Будбергом** (дается в сводном виде по дневниковым записям):

Большинство ставочных стратегов командовали только ротами; умеют «командовать», но управлять не умеют и являются настоящими стратегическими младенцами. На общее горе они очень решительны, считают себя гениями, очень обидчивы. Забыто все, чему учила военная наука и академия по части разработки плана операций; плывут по течению совершающихся событий, неспособны ими управлять. Все делается без плана, без расчетов, под влиянием минутных импульсов, навеваемых злой критикой, раздражением, личными неудачами и привычкой цукать. Плана действий у ставки нет. Такая стратегия всегда вела к неучебу и катастрофе...

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам. Чудо-дети очень честолюбивы и эгоистичны и мало способны к тому, чтобы прислушиваться к голосу старых специалистов. <...>

Вместо прочной боевой армии — распухшее чудовище. Весь ужас в том, что гонит нас не красная армия, не искусство ее вождей, а результаты профессиональной безграмотности начштаверха, его мальчишеского задора и самомнения; нас гонит неумение организовывать настоящую армию, поставить на ответственные места опытных и знающих исполнителей; нас убивает превалирование честолюбия над подвигом, задора над опытом, авоськи над расчетом, усмотрения над законом, безвластия и общий нравственный развал. <...>

Полки, ходящие церемониальным маршем — только мусор для боя. Разве одними карами можно выправить наш опасный крен? Для злых и подлых кары необходимы, но много больше нужно творчество, а для творчества нужны иные люди в помощь этому бедному и беспомощному идеалисту, а кроме того нужна общая встряска, общий подъем. Надо заставить всех «беспокоиться»; под этим термином понимаю чувство постоянной и святой тревоги за прочность и за успех порученного дела или работы, которое и заставляет отдавать ему все

силы и все время, не думая о числе часов и напряженности работы. Надо уходить за Байкал. Спасем армию — спасем будущее⁴² ...

В последующем, в изгнании, вывод для будущего был сформулирован жестко и однозначно.

А. Баюв

Отрицательное, в том или ином виде, отношение к принципам, приводит при военных действиях прежде всего к *крайнему напряжению усилий* действующих войск, требует необычайного героизма с их стороны и вызывает *массу кровавых жертв*, и если иногда дает частные успехи, то в конечном результате завершается *полной неудачей*.

Примеры такого отношения к принципам военного искусства особенно часто и притом до самого последнего времени, как показывает беспристрастная история, можно подметить в *русской армии*.

Вот почему наши войны при встрече с более или менее серьезным и «строгим» противником всегда были излишне кровопролитны; вот почему боевые действия у нас сплошь и рядом велись без системы, без руководящей идеи, на авось, кустарно, не считаясь с потерями, руководствуясь убеждением, что мы «шапками закидаем»; вот почему наши успехи обычно были случайными, а наши неудачи — естественными и потому частыми; вот почему нашим военачальникам приходилось учиться уже на войне и войною, платя за свои уроки реками безрезультатно пролитой крови.

Готовясь ныне к войне, мы должны прежде всего проникнуться мыслью о несомненном существовании принципов военного искусства, о громадном значении их, о необходимости их изучить и научиться применять их при всякой обстановке. Мы должны раз и навсегда оставить мысль, что можно, особенно при современных условиях, вести войну и отдельные боевые действия без следования принципам военного искусства. Мы должны твердо усвоить себе, что только при уважении к принципам военного искусства можно воевать и добиваться победы, по слову Петра Великого, «с легким трудом и малою кровью».

Нам тем легче исполнить все это, что наша отечественная история дает богатый материал для изучения военного искусства с этой точки зрения.

Изучайте походы и сражения Святослава Киевского, Дмитрия Донского, Великого Князя Московского Иоанна III, Царя Иоанна IV, Петра Великого, Миниха, Салтыкова, Румянцева, Суворова, Кутузова, Дибича, Скобелева, Гурко — и вы узнаете, в чем состоят принципы военного искусства, каково их значение, как их применять при различной обстановке и что дает в результате искусное следование им.

Изучайте наши первые войны с Наполеоном, войны царствования Императора Николая I, Японскую войну 1904–1905 гг. и великую Мировую войну и вы узнаете, к чему ведет сознательное или бессознательное пренебрежение принципами военного искусства, сколько лишней крови было пролито при этих условиях за достижение частных успехов, почему в этих войнах постигла нас конечная неудача, однако, также оплаченная многочисленными напрасными жертвами⁴³.

Отечественная история, опыт белого движения, заветы его вождей и выдающихся участников настоятельно требуют, чтобы будущая российская армия

создавалась национальным военным искусством и прежде всего на суворовских началах. Суворов — лучший выразитель русского полководчества. Вслед за Петром I, привившим армии военное искусство, он учил войска науке побеждать, добивался претворения в жизнь наиболее подходящих для этого правил военного искусства, которых в его творческом наследии представлено великое множество, но «надпись, которую Суворов приказал выгравировать на сабле, подаренной им любимому генералу Милорадовичу: «Глазомер, быстрота, натиск, победа», — остается по-прежнему самой точной и краткой формулировкой военного искусства»⁴⁴. На этой основе в эмиграции была разработана целая система принципов и правил военного искусства, наиболее подходящая (приемлемая) для армии будущей России. У различных мыслителей она представлена в следующих обобщениях.

А. Керсновский

Превосходство искусства над наукой, духовных начал над рационалистическими, личности над массой, духа над материей, воспитания над учением.

Сомножители полководчества: Политика, Стратегия, Оператика, Тактика.

Тактика — порождение духа — властвует над Техникой — порождением материи. Инициатива уместна и желательна в Тактике, с трудом допустима в Оператике и совершенно нетерпима в Стратегии. Всякая импровизация — враг организации.

Высшая гуманность. Избегание при ведении войны ее бесчеловечных форм. Умеренность требований в отношении побежденного противника.

Полная свобода действий государства в коалиционной войне. Не связывать себя предварительными «военными конвенциями». Русская кровь только за русские интересы.

Умение своевременно показывать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения. Нападают только на слабых.

При организации вооруженной силы: привлечение в ее ряды лучшей части народа, принцип качества и принцип отбора, сочетание идеи количества — народной армии (земского войска) и идеи качества — малой армии профессионалов (княжеской дружины).

Для того, чтоб наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять соответственно. И русская национальная военная доктрина дает тому законы. Это прежде всего «*смотрение на дело в целом*» — синтез... Затем — «*глазомер, быстрота, натиск*». Венец же всему — победа — притом «*победа малой кровью одержанная*»...

Затем нашу доктрину характеризует требование сознательного отношения к делу: «*каждый воин понимает свой маневр*». Проявление частной инициативы на низах — петровское требование: «*не держаться устава яко слепой — стеньги*» и суворовское: «*местный лучше судит... я право — ты видишь, надо влево — меня не слушать*». Способствование этой инициативе на верхах — румянцевское: «не входить в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, и не связывать рук».

И в этом отношении — как и во всех других — единственный способ, единственное спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахтпарадным эспонтом, на путь, указанный нам Петром, Румянцевым и Суворовым⁴⁵.

А. Баиов

Итак: 1) знание и уважение в смысле следования, применения принципов, 2) преимущественное значение качества перед количеством, 3) важность духовной стороны по сравнению с материальной, 4) первенствующее значение человека, а не машин, 5) превосходная всесторонняя подготовка начальников и 6) необходимость следования национальным путем — таковы те первичные основные положения, при наличии которых только и может естественно, самобытно и совершенно развиваться военное искусство.

А раз это так, то эти же положения, как первично-основные, должны быть приняты, как безусловно обязательные при строительстве будущей русской армии, дабы она была во всеоружии для той борьбы, которую ей придется, несомненно, вести за существование, честь, достоинство и лучшее будущее Великой Национальной России⁴⁶.

Н. Головин

Должно быть приступлено без промедления к созиданию вооруженной силы, отвечающей требованиям ведения современной «большой войны». <...>

Если Суворов в эпоху, когда главный наш враг были турки, стоявшие на пути исторического движения России к берегам Черного моря, все-таки свою науку побеждать строит на основе «регулярщины», то будущей России, нормальному развитию которой будут мешать соседи на Западе, тем более нужно строить доктрину против организованной и технически оборудованной в современном смысле слова армии. <...>

Мы считаем, что доктрина будущей Российской армии не может строиться на признании прирожденного качественного превосходства наших войск. В основу должна быть положена идея борьбы с качественно равноценным противником. Это только выполнение одного из основных правил войны: «не относиться с пренебрежением к врагу»⁴⁷.

Е. Месснер

Военное дело пошло по пути упадка, когда военные увлеклись численностью, когда реальные факторы победы стали казаться важнее иррациональных, когда поэтому бой-стрельбу, бой-уничтожение стали предпочитать бою по психике врага. <...>

В целях усиления духовной мощи армии необходимо комплектовать ее по принципу отбора, а не заполнять ее кадры толпами сознательных и бессознательных антимилитаристов, толпами людей, не имеющих представления о патриотизме, о долге, о красоте подвига, о славолюбии. Осуществление принципа отбора поведет к уменьшению армии в количественном отношении, что будет компенсироваться повышением ее качества. <...>

Надо признать преобладание на войне духа над материей, постичь, что военное искусство доминирует над военной наукой, развить в армии вкус к артистической стороне военного дела и построить армию *на принципе гармонического сочетания качества и количества*. Такая армия, менее громоздкая, нежели современная армия, и обладающая высоким духом, будет способна к ведению маневренной войны, единственного вида войны, допускаемого принципами военного искусства.

России надо быть готовой к большой войне с большими государствами, стоящих за спиной наших маленьких соседей. А раз это так, и раз мы не в состоянии состязаться с ними в готовности к технической войне, то будь мы даже

поклонниками этого вида войны, мы вынуждены избегать ее и выработать такие приемы борьбы, чтобы уравновесить шансы на успех в схватке с промышленно богатым врагом. Противопоставив *изоцренное качество* утрированному количеству, мы создадим такую армию, которая будет в состоянии бороться с современными полчищами⁴⁸.

Среди принципов русского военного искусства главнейшим по-прежнему должен оставаться **принцип регулярства**, позволяющий создать армию государственного масштаба, способную выполнять исторические задачи России наиболее эффективным и малозатратным способом, одерживать победы в максимально совершенных и приемлемых для нашего Отечества (ослабевавшего за последний век) войнах. Следование этому принципу просматривается во всей тысячелетней истории русского государства (дружины, стрельцы, полки иноземного строя, петровская регулярная армия). Именно эта тысячелетняя традиция создала российское победоносное воинство. Регулярное войско — особое войско. Оно не имеет ничего общего с теми полчищами и скрытомилитионными вооруженными силами, которые появились в России после введения милитинской военной системы. Оно исключает импровизацию, партизанщину и даже добровольчество, если они наносят вред военному делу, не способствуют развитию военного искусства, достижению победы. В строительстве будущей вооруженной силы регулярство — принцип основополагающий, системный; добровольчество — даже в его героической форме — только принцип комплектования и поддержания духа: важный, но безусловно, не главный. И без добровольчества петровская армия XVIII века была лучшей в мире. Понятны в связи с этим размышления командира Белозерского полка Добровольческой армии полковника (позже генерал-майора) **Б.А. Штейфона**:

Ходом событий добровольчество как система должно было бы уступить место регулярству, ибо великодержавные задачи можно было решить лишь приемами государственного строительства, а не импровизацией, грубо нарушавшей многовековой российский опыт. Несмотря на яркое горение добровольческой души, добровольчество являлось все же историческим эпизодом, а трагедия нашего командования и заключалась в том, что исторический эпизод оно восприняло как эпоху. <...>

Белые войска, конечно, во всех отношениях превосходили по духу и искусству Красную армию. Однако надо признать, что в период гражданской войны мы грубо нарушали элементарные основы военного дела. Связь, разведка, охранение незаметно страдали. Необычайно быстро войска забыли и требования полевого устава, и богатый опыт Великой войны. Перестав быть императорской армией, мы как бы заново стали учиться. Простейшие тактические истины воспринимались как откровение. Серьезно нарушались основные принципы стратегии. Недостаток сил, недочеты армейской организации, забвение тактических основ восполнялись мужеством, лихостью, кровью...

Поэтому я считал, что в тот период, когда Добровольческая армия вышла на «большую московскую дорогу» и стала осуществлять задачи общегосударственного масштаба, ей и надлежало вернуться к принципам регулярной армии... Не подлежит сомнению, что если Добровольческая армия заняла бы Москву, то все остальное так или иначе, но устроилось. И если этого не случилось, то основной причиной краха белой борьбы на юге России надо считать несовершенство нашей военной системы...

Добровольчество, как система единственно жизненная в сложной обстановке 1918 года, должно было летом 1919 года уступить свое место регулярству, ибо последнее все свои корни имело в той национальной России, какую мы стремились возродить. Добровольчество как военная и гражданская система— это не более как импровизация, и жесткий опыт 1919 года показал все несовершенство подобной импровизации. <...>

Поведенная в 1919 году борьба в общегосударственном масштабе должна была и вестись приемами, выработанными государственной мудростью и государственным опытом. В 1919 году мы внезапно забыли истину, что настоящее *будет жизненным лишь тогда, когда оно является логической и исторической связью между прошлым и будущим*. Несмотря на величайшее горение духа, добровольчество как государственная система не имела органических связей с прошлым и не могло рассчитывать на успех в будущем. Трагедия Добровольческой армии и заключалась в том, что своевременно, то есть по выходе из Донецкого бассейна, она не превратилась в армию регулярную. Мы забыли о регулярстве, завещанном нам Петром Великим. Забыли и жестоко за это поплатились. Героическому духу была дана не соответствующая масштабу борьбы форма. И не подлежит сомнению, что если бы добровольчество как дух было введено в формы регулярства как системы, исход борьбы на юге России был бы иным. <...>

Россия уже пережила небывалые потрясения, а ко времени своего возрождения переживет их еще больше. И когда наша родина приступит к своему устройству, она будет так бедна, что уже не сможет позволить себе роскоши ошибаться. Поэтому мы всегда должны помнить ошибки прошлого, дабы избежать их повторения в будущем⁴⁹.

Чтобы эффективно заниматься военным делом, воплощать в жизнь принципы военного искусства, **армия должна быть вне политики**. Созидая свою собственную боевую мощь, готовясь к войне, защищая Родину, армия тем самым сохраняет свое качество, приносит безусловную пользу Отечеству. Участвуя в борьбе за власть, отдавая военное дело на откуп политикам, разбредаясь по партийным квартирам или приобретая партийно-политический облик (как в 1917 году), армия становится опасной для своего собственного государства. в российских условиях сила армии — в ее обособленности от политики, которая нередко является несостоятельной, разрушающей, «плохой», в последовательном претворении в жизнь принципа «армия вне политики, вне партий и политической борьбы». он предполагает прежде всего то, что армия несет прямую ответственность за обороноспособность страны, за развитие военного дела, за недопущение разложения своего собственного организма.

Политизация армии сверху и снизу не принесла России ничего хорошего. Белье вожди показали себя несостоятельными политиками, но зато — доблестными и преданными солдатами, готовыми воевать до победы в тех войнах, в которых они участвовали, даже простыми солдатами. Вынужденные вступить в вооруженную борьбу с «захватническим» большевистским правительством (анти-законным по их мнению) они и на своих постах в большей степени оставались вождями армии, а не правителями государства («несли крест власти»). Во время допросов адмирал **А.В. Колчак** постоянно проводит эту мысль:

Главную причину я видел в постановке военного дела у нас на флоте, в отсутствии специальных органов, которые занимались бы подготовкой флота к

войне, отсутствии образования. Флот не занимался своим делом, — вот главная причина ... я считаю, что политический строй играл в этом случае второстепенную роль. Если бы это дело было поставлено как следует, то при каком угодно политическом строе вооруженную силу создать можно, и она могла бы действовать. <...>

Я считал, что вина не сверху, а вина была наша — мы ничего не делали.

До начала 1906 года стал работать по созданию Генерального штаба... В политической деятельности участия не принимал... Считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям... Революцию... я приветствовал, как возможность рассчитывать на то, что она внесет энтузиазм, как средство довести войну до счастливого конца... Офицерство... в массе своей вело борьбу с большевизмом, не преследуя никаких политических целей...

Я смотрю на настоящую войну (борьбу с большевиками на уральском фронте. — А.С.), как на продолжение той войны, которая шла в Европе... Стране нужна во чтобы то ни стало победа, и должны быть приложены все усилия, чтобы достичь ее. Никаких решительно определенных политических целей у меня нет; ни с какими партиями я не пойду, не буду стремиться к восстановлению чего-либо старого, я буду стараться создать армию регулярного типа, так как считаю, что только такая армия может одерживать победы. В этом заключается вся моя задача⁵⁰.

Пренебрежительное отношение к армии в мирное время, ее оплевывание в дни неудач, партийно-политическое разложение, уничтожение и принижение ведут только к саморазрушению России. Нельзя забывать, что государство вообще, а тем более Россия, может держаться только народным богатством, сильной властью, хорошими законами, «прибыльной» вооруженной силой. Для России исторической, национальной Армия стократ важнее, чем партии и политика. И в этом — ее нравственное оправдание и сила.

А. Куприн

Армия старше на триста лет всех партий и дороже их в своем истинном, здоровом, незатемненном значении; она крепче их своей ясной целью и простой связью; она сильнее их духом и телом. Одинаково глупо и грешно обращаются с нею как те, которые раньше пользовались ее силой и дисциплиной для карательных экспедиций, так и те, которые потом разложили ее политической агитацией⁵¹.

Возвращение к исторической доминанте

После неудач, поражений, кровавых войн и революций XIX и XX веков, почти столетнего существования заимствованной, изуродованной (искусственной) военной системы пришло понимание: следует возвращаться на свой исторический (органический) путь развития, к своей доминанте, которой нация придерживалась многие века.

И. Солоневич

Были «вливания», были катастрофы, были трагические провалы, но в общем страна тянулась к *своей* схеме — доминанте, линии, инстинкту, как хотите — и

из каждого провала снова выкарабкивалась к своей прежней, старой, веками испытанной схеме.

Я вовсе не хочу утверждать, что эта схема является наилучшей из мыслимых. Очень большое количество всяких схем уже отошло в вечность ... Однако совершенно очевидным является то обстоятельство, что как только Россия отходила от своей схемы — не получалось ровным счетом ничего, кроме провалов и катастроф. Нация как-то повторяет пути индивидуального развития: эллины строили искусство, римляне строили империю. <...>

Если бы организационная сторона русской государственности равнялась бы современной западноевропейской, то России просто-напросто не существовало бы: она не смогла бы выдержать. Россия падала в те эпохи, когда русские организационные принципы подвергались перестройке на западноевропейский лад: удельные наследники Ярослава Мудрого привели к разгрому Киевскую Русь, отсутствие центральной власти привело к татарскому игу, петровская европеизация привела к крепостному праву, ленинское «догнать и перегнать» — к советскому. <...>

Валы, засеки, сторожки, остроги, станицы и прочее, и прочее, являются одним из *самых важных* явлений во всей русской истории. Они были вызваны известными историческими условиями, для постройки их нашлись известные психологические данные, и все это, вместе взятое, обусловило рождение той исторической формы правления, какой нигде больше в мире не было и нет и которая называется «самодержавием», то есть совершенно *своеобразное* сочетание начал авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления. <...>

Эта система продержалась одиннадцать веков. В сущности, те же одиннадцать веков продержалась и система обороны: дальневосточная армия Блюхера только повторила основные принципы позднего казачества и ранних «валов» и «засек». Дальневосточная армия считалась лучшей из советских армий. Во вторую мировую войну нечто вроде этого попытались организовать немцы с их «вербауэрами», вооруженным крестьянством, которое должно было «на востоке» сыграть роль германского казачества. Ничего не вышло.

Киевская Русь интересна не как театр военных и политических действий между Ростиславовичами и Мстиславовичами, — хотя были и эти действия. Она интересна как эмбрион русской государственности. В этом эмбрионе оказались заложенными все те принципы, на которых эта государственность стояла и будет стоять: уживчивость, организованность, упорство, боеспособность и умение подчинить личные интересы интересам целого ⁵².

Будущая российская вооруженная сила должна строиться на испытанной старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — малой армией профессионалов (княжеской дружины) ⁵³. Последний раз она блестяще оправдала себя в Отечественной войне 1812 года.

А. Керсновский

С русской стороны мы видим в Отечественной войне сочетание двух элементов: сравнительно небольшой постоянной армии — армии профессионалов и «вооруженного народа» (партизаны и ополчения), опирающегося на эту армию. Иными словами, в 1812 году русские «стихийно» осуществили то, до чего немецкий ум (в лице генерала фон Зеекта) додумался лишь сто лет спустя. И в

этом отношении — как вообще во всех решительно областях военного дела — мы, русские, идем далеко впереди... Если бы мы смогли осознать всю мощь нашего военного гения?

Профессиональная армия и вооруженный народ блестяще поделили между собой работу, как бы дополняя друг друга. Однако главное значение имела, конечно, армия. <...> Армия Наполеона являет собою другой вид «вооруженного народа», разнообразную массу людей, в общем, служащих непродолжительное время. Это прототип «массовых армий» Великой войны. В боевом отношении противники равноценны, но в военном — воинском — отношении на стороне Русской Армии профессионалов громадное преимущество⁵⁴.

Главный военный урок белого движения, военной эмиграции: система «вооруженного народа» не должна безраздельно господствовать в будущей России. Ее следует заменить мощной отборной профессиональной «малой армией», опирающейся на потенциальную военную силу — иррегулярное, но подготовленное «народное войско» (на случай большой войны) и другие элементы русской самобытной системы обороны. Только в качественной армии, относительно небольшой численности, можно будет гармонически сочетать дух и материю, отборное регулярство и иррегулярство, возродить военное искусство и наиболее приемлемую для нас «творческую войну». Этой точки зрения придерживались многие представители белой эмиграции, но прежде всего: А. Геруа, Е. Месснер, Б. Штейфон А. Керсновский, В. Флуг.

России требуется прежде всего отборное войско, сильное духом, профессионализмом, искусством, деловым служением, предметной любовью к родине. Без него не выжить, не спастись. Ведь в смутное время, при безвластии и в условиях государственной разрухи, даже маленький кулак — сила, с которой считаются⁵⁵. Недаром в 1917 году пытались возродить боеспособность, создавая ударные батальоны и мечтая об отборной вооруженной силе, хотя бы в 15–20 корпусов (дивизий) избранного состава (Л. Корнилов, П. Врангель, А. Будберг, В. Станкевич). Как малые отборные войска возникали и белые армии гражданской войны. В эмиграции же окончательно сложилось мнение: Вооруженные Силы России следует реформировать в сторону профессиональности, работая над организационным разделением армии с народом, заменяя «массу» на «качество», создавая отборное войско, чуждое политике, своеобразный «моральный резерв» — практическую школу, пропитанную духом и традициями, рассадник кадров (А. Геруа)⁵⁶. В ходе этой эволюции не обойтись и без революционного акта: отказаться от принудительной службы на основе принципа всеобщей воинской обязанности (в мирное время), перейти к профессиональной армии — высшему типу русской вооруженной силы.

Е. Месснер

Мы должны отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких и тем более хрупких, чем они громаднее. Мы должны обратиться к системе постоянной профессиональной армии, так как при этой системе военное искусство пойдет по правильному пути, освободившись от нынешних уродливых наслоений.

Мы, отвергнув Вооруженный народ, должны принять противоположную систему — профессиональную армию... Избавившись от увлечения массой, мы проведем равнодействующую между количеством и качеством так, чтобы гар-

монически сочетать эти два элемента. И мы увидим, что сочетание возможно лишь в профессиональной армии, где качество может быть доведено почти до идеала и где вопрос о количестве разрешается тем легче, чем больше возрастает качество.

Профессиональная армия — это хорошо закаленный клинок, современная скрытомилитионная армия — это чугунный топор. Первая из них — прочна и надежна; скрытомилитионная — полна микробов разложения. <...>

Профессиональная армия, как никакая другая, может осуществить гармонию в военном искусстве, ибо она равно способна к маневру, огню и удару.

Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силою духа, энергией, удалью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени, и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей — готовностью к самопожертвованию. Возможность накопления этих духовных богатств делает профессиональную армию идеалом армии⁵⁷.

Переход к профессиональной армии, опирающейся на потенциальную военную мощь и другие самобытные элементы русской системы обороны: суворовскую науку побеждать, «скифскую стратегию», подвижную оборону, ополчение, казачество и другие, — это и есть «живой и верный вывод из русской истории».

Нельзя и в будущем строить российскую вооруженную силу по различного рода «теориям» или «как Бог на душу положит». Негативные плоды подобного «творчества» уже налицо и предостерегают наилучшим образом. Русская история предоставляет обширный и прекраснейший материал для полезного военного строительства, для гармонического, органического и почти безошибочного военного развития. Прислушаемся к следующим аксиомам белого опыта.

Г. Апанасенко

Россия имеет тысячелетнюю историю. История это не только хронология. История — это и есть единственная теория без кавычек, которую мы принимаем. История есть раскрытие национальной идеи, — строя идей. История есть, так сказать, уже воплотившаяся идеология. Если эту линию развития осознать и продолжить — получится руководящая нить, которая и поможет разобраться даже в сложившейся обстановке⁵⁸.

И. Ильин

Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное существо: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего»⁵⁹.

* * *

Белое движение можно рассматривать сегодня и как протест (приступ) против опасной военной системы, господствующей в России с середины XIX века, «прибыльной» только для ее разрушителей. По сути оно — предтеча постепенной назревающей военной реформации (духовного возрождения, долгосрочной созидательной военной реформы, приводящей к качественной армии), первая ее организованная творческая сила. На рубеже третьего тысячелетия здоровым, здравомыслящим и деловым русским людям пора, наконец, собраться с духом и

приступить к возрождению российской вооруженной силы на испытанных основаниях, с учетом новейших достижений отечественного и мирового военного искусства. Направление, а частично и стратегия решения этой проблемы отчетливо указаны русской эмиграцией.

Белые офицеры не дожили до высвобождения России из пут коммунизма. Но героической борьбой, рыцарским служением, своим делом они выполнили важную миссию: обозначили и донесли до нас контуры будущей российской вооруженной силы, те истины и принципы, на которых она должна строиться, чтобы надежно защищать Россию от любых врагов, при любых обстоятельствах: укрепляться, а не разлагаться при испытаниях.

Наша задача: собрать, изучить и творчески применить в современной жизни бесценное наследие русской военной эмиграции. За «белогвардейцами», «реакционерами», «контрреволюционерами», «изменниками» пора давно узреть «отбор русской нации», не воинов просто, но «духовных рыцарей-подвижников», лучших представителей русского офицерства (и не только его), сохранивших и преумноживших творческую военную культуру России.

В любом случае будем помнить, что душа армии живет и выковывается веками. Она, как и духовная помощь предков, — главный наш союзник в преобразовании военной системы России. Станем черпать силы в этом неиссякаемом источнике правды и истины, поддерживать его в незамутненном состоянии. Сохраняя дух и душу русской армии (продолжая дело русской эмиграции), накапливая духовный капитал, используя его для решения современных проблем, подготовим будущее переустройство российской вооруженной силы.

В предстоящую историческую эпоху, как и 300 лет назад, России не выжить без настоящей армии: защищающей от всех внутренних и внешних угроз, национальной, исторической, долговечной, творческой, демократической, надежной, качественной, боеспособной, относительно малой, но профессиональной. Таковы основной завет и главная мысль белой (гражданской и военной) эмиграции.

Создавая армию «на долгое будущее», принципиально изменим к ней свое отношение, не будем больше допускать такой «дикости» — ее сознательного разложения, как в 1917 году, когда в России «не стало армии» во время войны⁶⁰, или доведения ее до сегодняшнего состояния, когда «армия разгромлена без войны».

А. Солженицын

Те, кто еще мыслят держать, содержать, такое государство, как Россия, — потеряли разум, если думают содержать его не кормя, не строя, не подняв в достоинстве Армию. Известно: «Народ, который не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую».

И чем обширнее страна, и чем многочисленнее народ — тем больше нуждается он в крепкой армии и в самоотверженных генералах, не утонувших в благостях быта⁶¹.

Затвердим навечно: крепкая армия создается не подражательными реформами, но преемственными творческими усилиями многих поколений, верных России, преданных военному делу, образованных, воспитанных. Она покоится на общей и военной культуре. В том числе и на культуре (достижениях) рус-

ской военной эмиграции. Для тех, кто еще не уяснил эту истину на основе нашего опыта, напомним еще раз слова классика:

Никакая изобретательность технологического предпринимательства не заменит нам длительного дара уже накопленной культуры. <...> Наша российская наука в сочетании с нашей традиционно богатой культурой представляет собой не только страну Россию, но одно из виднейших русл мировой умственно духовной деятельности.

<...> Россия и сегодня являет собой одну из крупных мировых цивилизаций. И несет в себе свои собственные спасительные задатки. Потенциальные возможности России значительно превосходят ее нынешние материальные и геополитические обстоятельства.

Удалось бы только срастить в живую ткань здоровые творческие силы⁶².

Примечания

1. Краснов П.Н. Армия // Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России: взгляд из истории. – М.: Военный университет, Ассоциация «Армия и общество», 1995. – С. 226.
2. Керсновский А.А. История Русской Армии. – М.: Воениздат, 1999. – С. 765.
3. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. Публичная речь, произнесенная в 1934 году в Риге, Берлине, Белграде и Праге. – Новосибирск: Издательство «Русский архив» при «Народном Доме России», 1991. – С. 11–12.
4. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х томах. Т. 1 – М.: МП «Рарог», 1992. – С. 294.
5. Там же. – С. 246.
6. Там же. Т. 2. – С. 260–261.

Духовность, воинский дух, «душа армии» — главнейшие основания развития русской армии в прошлом и будущем. Даже если она разложилась, но дух сохранился, есть надежда на спасение, восстановление. Уцелевшая в духе русская армия возродилась после катастрофы 1917 года в белом движении, белых армиях, в кадре (ядре) военной эмиграции. Примечательно, что эту истину в конечном итоге признал даже автор «Поединка» **А. Куприн**:

«Она развалилась не вся. Лучшее ее ядро уцелело, и в нем чудом сохранилась ее живая душа... После Брестского мира казалось, что уже навеки убит, сожжен и, как прах, развеян старый военный дух русской армии. Но вот на юге России Алексеев и Корнилов лепят из малой горсточки верных людей крошечный отряд. Он быстро втягивает в себя новые и новые добровольческие силы... Скажут: ни Деникин, ни Врангель не добились окончательного успеха. К сожалению да... Но Врангель и не брал на себя подряда делать чудеса (хотя, конечно, истинное чудо — возрождение армии и семимесячная борьба за Крым). Также мало собирался он въезжать на белом коне куда-нибудь. Надо не забывать его скромных слов: “Если мне не суждено спасти Россию, то найдется Иванов, Петров или Сидоров, которые отстоят ее у большевиков и сделают свободной и счастливой”». – (Куприн А.И. Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи.

Литературные портреты. Некрологи. Заметки /Сост., вступ., примеч. О.С. Фигурной. – М.: Согласие, 1999. – С. 297–298.

7. Краснов П.Н. Армия // Российский военный сборник. Вып. 9. – С. 225. См. также. – С. 226–227.
 8. Залесский П.И. Особенности военной службы в России до мировой войны // Российский военный сборник. Вып.6. Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. – М.: Гуманитарная академия Вооруженных сил, 1994. – С. 148.
 9. Колесников Н.В. О стратегии духа и прежних ошибках // Российский военный сборник. Выпуск 13. Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – М.: Военный университет, независимый военно-научный центр «Отечество и воин», издательство «Русский путь», 1997. – С. 409.
 10. Залесский П.И. Грехи старой России и ее армии // Философия войны. – М.: Издательский центр «АНКИЛ-ВОИН», «Российский военный сборник», 1995. – С. 161.
 11. Брюсов В.Я. Стихотворения, поэмы. – М.: госиздат художественной литературы, 1958. – С. 261. – (Из стихотворения «Освобожденная Россия»).
 12. Трагедия казачества: Сб./Редактор-составитель Л. Барыкина. – М.: Мол. гвардия, АО «Деловой партнер», 1994. – С. 395.
 13. Белое движение: начало и конец: Р. Гуль. Ледяной поход (с Корниловым); Ген. А. Деникин. Поход на Москву (Очерки русской смуты); Р. Гуль. Жизнь на фукса. – М.: Московский рабочий, 1990. – С. 393.
- Участь генерала В. Сухомлинова, некогда всесильного военного министра (1909–1915), оказалась не менее печальной, чем генерала Тынова. За неподготовленность русской армии к мировой войне приговорен к пожизненному заключению, амнистирован большевиками. В эмиграции занимался тем, что делал мягкие куклы из кусков материи, а дамы продавали их по 10 марок за штуку. См.: Там же. – С. 464–465.
14. В России, полагал **Н.В. Гоголь**, прежде чем действовать и творить следует хорошо изучить старое, собственную почву, «получить полное познание земли своей и своего народа в корне и в ветвях», воспитаться таким образом «для службы отчизне» как гражданин земли своей и «гражданин всего человечества». И только на этой основе «выступать ратником за общее дело», «истинно честно служить России»:
«И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно нам следует брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит. Мне казалось всегда, что прежде, чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, но в корне узнать старое; иначе применение самого благодетельнейшего в науке открытия не будет успешно». – (Гоголь Н.В. Авторская исповедь – М.: Псковское отделение Всероссийского фонда культуры, 1990. – С. 7, а также: С. 12, 18, 21, 28, 30).
 15. Редкое, почти единственное исключение — «История Русской Армии» А.Керсновского. Дореволюционная пятнадцатитомная «История русской армии и флота» заслуживает также внимания.
 16. Залесский П.И. Особенности военной службы в России до мировой войны // Российский военный сборник. Вып.6 – С. 146–147.

17. Солоневич И.Л. Народная монархия. Репринтное воспроизведение издания 1973 г. – М.: Феникс, 1991. – С. 249.
18. Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 402–403.
19. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917 г. Репринтное воспроизведение. – М.: Наука, 1991. – С. 296, 490–492.
20. Волков С. Смысл и значение белой борьбы // Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. Сборник воспоминаний. Составитель А. Дерябин. – М.: Рейтар, 1995. – С. 3.
21. белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Дон и добровольческая армия. П.Н. Краснов. Всевеликое войско Донское. А.И. Деникин. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Вооруженные силы Юга России. – М.: Голос, 1992. – С. 7–8.
22. Там же – С. 64–65.
23. Краснов П.Н. Памяти Императорской Русской армии // Русская летопись. – 1923. – Кн.5 – С. 63–64.
24. Ильин И.А. Наши задачи.Т.1. – С. 267.
25. Ильин И.А. Государственный смысл белой армии // Российский военный сборник. Вып. 6. – С. 77, 78, 72.
26. Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. /Под ред. Л.Е. болотина. Истоки антимонархического заговора. – СПб, 1998. – С. 11.
27. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова: Август 1917г. – апрель 1918 г. Репринтное воспроизведение издания. (Париж, 1922). – М.: Наука, 1991. – С. 198.
28. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М.: Отечество, 1991. – С. 87.

Сложная ситуация сложилась в ходе второй мировой войны. На стороне Германии против СССР сражалась «армия добровольцев» из советских граждан общей численностью в один миллион человек! Организационно она была представлена многочисленными вспомогательными подразделениями вермахта, восточными батальонами (легионами), казачьим корпусом генерала Хельмута фон Паннвица, Русским охранным корпусом, Первой русской национальной армией Б.А. Хольмстона-Смысловского, Русской освободительной армией генерала А. Власова, другими частями и подразделениями. В их рядах насчитывалось и почти 20 тысяч белых эмигрантов, которые пытались бороться за освобождение России от коммунистического режима в зримом противоречии с антирусской захватнической политикой Гитлера. Непримируемую антикоммунистическую позицию А. Лампе, Б. Штейфона, Н. Головина, Е. Месснера, Б. Хольмстона-Смысловского, А. Туркула, П. Краснова, А. Мамонтова, А. Шкуро и многих бывших белых офицеров можно понять, частично даже признать, но она не соответствовала изначальным принципам Белого движения и прежде всего принципу защиты России от внешних и внутренних врагов, а также традиции самопочинного служения. Несмотря на разные хитроумные замыслы, эксплуатацию белой идеологии, надежд на «третью силу», все эти войска, действовали не самостоятельно, присягали

Адольфу Гитлеру, подчинялись германскому командованию и использовались им в антироссийских целях.

И. Ильин

«Но многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунизма и освобождения России. Они рассуждали так: «враг моего врага — мой единомышленник и союзник». На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий. Есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения прямого интереса моей родины и экономии ее сил. В таких случаях показуется нейтралитет. Массовая сдача в плен русских солдат в 1941 году и была такой инстинктивно найденной попыткой занять нейтральную позицию; и если бы они сдавались в плен народу с живым и лояльным правосознанием, не стремящемуся завоевать и истребить русскую народность (напр. финнам, шведам, англичанам, французам или североамериканцам), то эта попытка, наверное, имела бы иные последствия». — (Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. — С. 30).

Основная же часть белой эмиграции заняла в этих условиях или принципиально оборонческую позицию (прямая поддержка СССР и Красной Армии в борьбе с фашистской Германией), или придерживалась основополагающих установок А. Деникина: «Участие наше на стороне захватчиков российской территории недопустимо!»; «Не наниматься и не продаваться»; «Защита России и свержение большевиков». «Я лично, — писал он осенью 1944 года, — приветствую народный подъем в деле защиты России, радуюсь победам ее над немцами, желаю окончательного их разгрома, но не перестану осуждать — дондеже есмь — большевистскую систему удушения русского народа». В новых уже послевоенных условиях Деникин предлагает различать Россию с ее национальными интересами и советский империализм. 11 июня 1946 года он обращается к Трумэну:

А. Деникин

«Если западные демократии, спровоцированные большевизмом, вынуждены были бы дать ему отпор, недопустимо, чтобы противобольшевистская коалиция повторила капитальнейшую ошибку Гитлера, повлекшую разгром Германии. Война должна вестись не против России, а исключительно для свержения большевизма. Нельзя смешивать СССР с Россией, советскую власть — с русским народом, палача — с жертвой. Если война начнется против России, для ее раздела и балканизации (Украина, Кавказ) или для отторжения русских земель, то русский народ воспримет такую войну как войну отечественную.

Если война будет вестись не против России и ее суверенности, если будет признана неприкосновенность исторических рубежей России и прав ее, обеспечивающих жизненные интересы империи, то вполне возможно падение большевизма при помощи народного восстания или внутреннего переворота». — (См.: Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. — М.: Воскресенье, 1992. — С. 318–357, 359).

29. Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1 — С. 37–38.

30. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Венус Г.Д. Война и люди – М.: ТЕРРА, «Книж-ная лавка — РТР», 1996. – С. 69, 73, 74, 77.
31. Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1 – С. 162.
32. Русское зарубежье. – С. 199–200.
33. Солоневич И.Л. народная монархия. – С. 38, 40.
- «Слабая власть, — полагал **И. Ильин**, — вообще не способна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряжений. <...> Нам не дано предвидеть будущего, но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, что государственное достояние России закреплено в международном отношении и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз обратно, и сильная власть будет необходима России, как может быть еще никогда». – (Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. – С. 315–316).
34. Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. – С. 17.
35. Там же. – С. 102–103.
36. Солоневич И.Л. Народная монархия. – С. 151, 184.
37. Ильин И.А. Наши задачи. – С. 105–106.
38. Воспоминания бывших военного министра и Председателя Государственной думы наглядно свидетельствуют о легкомысленном отношении к войне.

В. Сухомлинов

«Лишь в 1914 году по моей инициативе как военного министра утвержденная программа усиления нашей армии, ее пополнения и вооружения могла в действительности создать наши вооруженные силы в полной готовности для активного участия в европейской войне, но не ранее 1916 года. <...>

Будь сохранен мир, русская армия в 1916 году была бы с более прочным залогом для проведения в жизнь всероссийских и мировых политических задач, нежели войною 1914 года. Для России и для дома Романовых война не была нужна, а для русской армии, с чисто технической точки зрения, она была слишком преждевременна». – (Литература русского зарубежья. Антология в шести томах. Т 1. Кн. II. – М.: «Книга», 1990. – С. 71–72).

М. Родзянко (в 1913 г.)

«Я сказал также и о внешней политике, о недовольстве всех тем, что русская дипломатия своей нерешительностью заставляет играть Россию унижительную роль. Я советовал действовать решительно. С одной стороны, двинуть войска на Эрзерум, с другой, идти на Константинополь. Я несколько раз повторил:

Ваше Высочество, время еще не упущено. Надо воспользоваться всеобщим подъемом, проливы должны быть наши. Война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти». – (Архив русской революции в 22 т. Т. 17–18. – М.: ТЕРРА, 1993. – С. 66).

39. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. – М.: – Издание журнала «Наше наследие», ГФ «Полиграфресурсы», 1996. – С. 58.
40. Краснов П.Н. От двуглавого орла к красному знамени. Роман в трех книгах. Кн. 1. Части I–III. – Екатеринбург: УТД Посылторг, 1994. – С. 266–267.
41. Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Октябрьская революция: Мемуары. – М.: Орбита, 1991. – С. 52.
42. Будберг А. Дневник Белогвардейца (колчаковская эпопея). – Л.: Прибой, 1929. – С. 6, 29, 64, 114, 115, 191, 281.

43. Баиов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский Колокол. – 1929. – № 8. – С. 9–10.
- Перед последней мировой войной, отмечает А. Баиов в другой своей статье, у нас отсутствовала единая военная доктрина. Во время войны это приводило к тому, что основные принципы военного искусства постоянно игнорировались или нарушались, боевое счастье было крайне неустойчиво, вдохновение не помогало вообще: «в значительной степени мы вели войну кустарно, так сказать, по любительски, а не как профессионалы, знающие и любящие свою профессию, и вследствие этого, в общем успехи наши были случайны, а неудачи, неудачи естественны, логично вытекая из общего уровня малой военной просвещенности командного состава всех степеней, мало развитой у нас военной культуры». – (Баиов А.К. Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине // Военный сборник. – 1924. – № 5. – С. 56).
44. Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Репринтное издание // Антология отечественной военной мысли. Выпуск 1. – М., 1995. – С. 115.
45. Керсновский А.А. Философия войны. – Белград: Царский вестник, 1939. – С. 1–91.
46. Баиов А.К. Начальные основы строительства будущей русской армии // Русский Колокол. – 1929. – № 9. – С. 29.
47. Головин Н.Н. Мысли об устройстве Будущей Российской вооруженной силы. Общие основания. – Белград: Издание 4-е Русского военно-научного института, 1939. – С. 42–43.
48. Российский военный сборник. Выпуск 9. – С. 157, 160, 162–163, 164–165.
49. Белое дело. Избранные произведения в 16-ти книгах. Добровольцы и партизаны. М.Г. Дроздовский. Дневник. А.Г. Шкуро. Записки белого партизана. Б.А. Штейфон. Кризис добровольчества. – М.: Голос, 1996. – С. 247–248, 267, 294, 330, 349–350.
50. Колчак Александр Васильевич — последние дни жизни. /Составитель Г.В. Егоров. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. – С. 95, 96, 104.
- В начале февральской революции было самоуверенно заявлено: «Армии всех стран мира держатся вдали от политической жизни, тогда как русская становится первой армией, живущей всей полнотой политических прав». Нарушение исторического закона — «Армия вне политики» — обошлось России очень дорого. Русская армия оказалась единственной, разложившейся в ходе мировой войны, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наученный этим горьким опытом Колчак стремился создать армию нормальную, внепартийную: «Она должна быть русской, основанной на жесткой дисциплине, без печальной памяти комитетов и комиссаров керенского типа, при полном единоначалии офицеров и под строжайшим контролем». – (Богданов К.А. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. – СПб.: Судостроение, 1993. – С. 157).
51. Куприн А.И. Голос оттуда. – С. 297.
52. Солоневич И.Л. Народная монархия. – С. 227, 228, 231, 234.
53. Идея А.Керсновского. См.: Философия войны. – М.: Издательский центр «АНКИН-ВОИН», 1995. – С. 28.
54. Керсновский А.А. История русской армии. – С. 193–194.
55. Выступая за сохранение армии Врангеля на чужбине, А. Куприн в 1921 году писал: «В дни сумбура, бестолковщины, кровавого бурления, не имеющего

ни цели, ни смысла, уличные озорники в той же мере наглы и беспощадны, как и трусливы, и подвержены панике. Взвод настоящих непоколебимых солдат в десять раз сильнее тысячного пьяного, орущего, расхлябанного сброда. Три тысячи испытанных воинов, для которых смерть и повиновение одинаково привычны, смогут поддерживать совершенный порядок в Москве или Петербурге. Триста — достаточно для большого губернского города. И они же, только они смогут и сумеют инструкторским путем поставить милицию на твердую, точную и быструю военную ногу.

Таких солдат у Врангеля насчитывалось до тридцати — сорока тысяч. Это настоящая твердыня, здоровое, жизнестойкое, могучее ядро, из которого без труда родилась бы новая армия — опора и защита народного труда, оплот ничем и никем не стеснимого Учредительного Собрания». — (Куприн А.И. Голос оттуда. — С. 319).

Пробываясь в европейскую Россию после окончания русско-японской войны через бушующее «солдатское море», Деникину пришлось сформировать небольшую вооруженную часть из офицеров и солдат. При виде этой организованной команды напасть на их эшелон никто не решался. Фантастическое путешествие закончилось благополучно. — См.: Лехович Д.В. Белые против красных. — С. 20.

56. О позиции А. Геруа и в целом о концепции малой армии см.: Российский военный сборник. Выпуск 9. — С. 110–217.

57. Там же. — С. 157–177.

58. Апанасенко Г. Вехи политической программы // Сигнал. — 1939. — № 58.

59. Ильин И.А. О России. — Москва: «ГРИТЭ» Никиты Михалкова, «Российский архив», 1996. — С. 18, 22.

60. См.: Солженицын А.И. Красное колесо: Историческая эпопея: В 10 т. — М.: Воениздат, 1993–1997; Власов Ю.П. Огненный крест: В 3 т. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.

61. Солженицын А.И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998. — С. 102.

62. Солженицын А.И. Наука в пиратском государстве. Слово при получении Большой Ломоносовской медали Российской Академии Наук // Независимая газета. — 1999. — 3 июня.

* * *

Авторы, цитируемые в статье и не упоминающиеся в материале И. Домнина «Творческие силы военной эмиграции»:

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский философ.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924), русский поэт.

Волков Сергей Владимирович, современный историк, автор книги «Русский офицерский корпус» (М.: Воениздат, 1993).

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель.

Гуль Роман Борисович (1896–1985), офицер Добровольческой армии, впоследствии известный писатель.

Ильин Иван Александрович (1882–1954), русский философ, публицист, один из идеологов Белого движения.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920), адмирал, один из вождей Белого движения, «верховный правитель Российского государства».

Куприн Александр Иванович (1870–1938), русский писатель, автор повести «Поединок», романа «Юнкера», многих других произведений.

Солженицын Александр Исаевич (род. 1918), русский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953), мыслитель, публицист русской эмиграции.

Франк Семен Людвигович (1877–1950), русский философ.

Подготовил А. Савинкин